

ЛЮДИ И ВЕЩИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редакция журнала Stratum plus выражает особую благодарность за помощь в подборе и подготовке материалов номера С. В. Белецкому, М. М. Казанскому, Е. Р. Михайловой, А. А. Песковой, С. С. Рябцевой, О. В. Шарову

Ad memoriam Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Варяго-русский вопрос: продолжение дискуссии

Место гибели князя Святослава: гипотезы и мистификации

Русь и византийские контакты Скандинавии

Контакты между западными балтами и славянами в VI—VII вв.

О дате поясного набора из Кузебаевского клада

Новые данные о происхождении Ладожского поселения

О правовом статусе древнерусских геральдических подвесок

Хронология погребальных памятников Карельского перешейка

Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

E-ISSN: 1857-3533

Category B

Stratum plus. Nr. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

People and Things in Ancient Rus'

Ad memoriam Yu. M. Lesman
Scandinavian Element in the Old Russian Culture
Varangian-Russian Issue: Discussion Continued
Knyaz Sviatoslav's Place of Death: Hypotheses and Mystifications
Rus' and Byzantine Contacts of Scandinavia
Contacts between Western Balts and Slavs in 6th — 7th Centuries
Dating the Belt Set from Kuzebaevo Hoard
New Data on the Origin of Ladoga Settlement
On the Legal Status of the Old Russian Heraldic Pendants
Chronology of Funerary Sites on the Karelian Isthmus
Russian Costume in the West-European Engraving of 16th c.

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Oameni și obiecte în Vechea Rusie

Ad memoriam Yu. M. Lesman
Componentul scandinav al culturii ruse vechi
Problema varego-rusă: continuarea discuției
Locul morții kneazului Sveatoslav: ipoteze și mistificări
Rusia și contactele bizantine ale Scandinaviei
Contacte dintre balticii de vest și slavi în sec. VI—VII
Despre datarea garniturii de centură din tezaurul de la Kuzebaevo
Noi date despre originea așezării de la Ladoga
Despre statutul legal al pandantivelor heraldice vechi rusești
Cronologia complexelor funerare de pe istmul Carelia
Costumul rusesc în gravurile vest-europene din sec. XVI

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2014

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**
Administration and promoting — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

- G. Atanasov** — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russian Federation).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russian Federation).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russian Federation).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev, MD-2024, Republic of Moldova
High Anthropological School University, “Stratum plus” Journal.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**

Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare și promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Școala Antropologică Superioară” și a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în științe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).

M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

Yu. Berezkin — profesor, doctor în științe istorice (Muzeul de antropologie și etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Științe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).

V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova).

I. Bruyako — doctor în științe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).

V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).

S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).

E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).

S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).

M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța).

V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Științe din Ucraina, Simferopol).

A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

S. Monachov — doctor în științe istorice (Institutul de arheologie și patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîșevskii”, Saratov, Rusia).

V. Myts — candidat în științe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).

E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

L. Nikolova — doctor, profesor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).

K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).

N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

V. Zuev — candidat în științe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chișinău, MD-2024, Moldova

Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.

Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**
Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**
Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**
Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М.Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).
М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
С.В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Ю.Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).
В.И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).
И.В. Бруйко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).
Л.Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Е.Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).
В.А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
А.О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).
В.Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).
М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).
В.П. Кирилло — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь).
А.А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
С.И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
И.В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
К.К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия).
В.Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).
Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).
Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).
Н.Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
Н.П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).
О.В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
П.В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
О.А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издаётся университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте www.e-anthropology.com. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on www.e-anthropology.com.

Все права защищены.

- © Университет «Высшая антропологическая школа», Р.Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»
- © Обложка: Д.А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжик, Г.В. Засыпкина
Редактор карт: Л.А. Мосионжик
Корректор: Г.В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com
Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases
Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

Светлой памяти
Юрия Михайловича Лесмана
(17.01.1954—23.02.2013)

In Remembrance of Yurii M. Lesman
În memoria lui Yurii M. Lesman

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Юрий Михайлович Лесман (1954—2013)	17
Н. И. Платонова (Санкт-Петербург, Россия). Слово о друге	19
Е. Р. Михайлова (Санкт-Петербург, Россия). На острове Новая Голландия	24
Ю. М. Лесман. Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия.	26
Список печатных работ Ю. М. Лесмана	38
Ю. М. Лесман. Скандинавский компонент древнерусской культуры	43

ПЕРЕД РУСЬЮ

М. Рудницкий (Лодзь, Польша). Контакты между западными балтами и славянами в VI—VII вв.: археологические данные	91
М. М. Казанский (Париж, Франция). Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте	119
А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов (Санкт-Петербург, Россия). Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье.	129

МИР ВЕЩЕЙ

С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Геральдическая подвеска №101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок	139
З. В. Прусакова (Санкт-Петербург, Россия). Энколпион с композицией «Распятие. Пророк Илия» из Довмонтова города Пскова	147
С. С. Рябцева (Кишинёв, Молдова), О. К. Савельев (Одесса, Украина). Некоторые предметы из цветных металлов и ювелирный инструментарий из раскопок Белгород-Днестровской крепости	157
А. Э. Жабрева (Санкт-Петербург, Россия). Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.: правда и вымысел.	177

СКАНДИНАВСКИЕ ЭТЮДЫ

Ф. А. Андрощук (Стокгольм, Швеция). Русь и византийские контакты Скандинавии в XI—XIV вв.	199
Е. А. Мельникова (Москва, Россия). «Я помню тебя...»: бытовое руническое письмо в Скандинавии.	213
Т. Н. Джаксон (Москва, Россия). Северо-запад Восточной Европы в скандинавских рунических надписях: уточненные данные	225

РУСЬ И СОСЕДИ

- А. В. Комар** (*Киев, Украина*). Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации. 235
- Я. В. Пилипчук** (*Киев, Украина*). Сколько было кыпчаков? (К вопросу о достоверности сведений источников о количестве населения западноевразийских степей). 257

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Е. Р. Михайлова** (*Санкт-Петербург, Россия*). Раннесредневековые поселения и курганы в комплексе памятников Рапти-Наволоки на Черемнецком озере. 273
- В. Ю. Соболев** (*Санкт-Петербург, Россия*). Известные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато. 287
- И. В. Стасюк** (*Санкт-Петербург, Россия*). О родниках, мечях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли . . . 297

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

- И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова** (*Москва, Россия*). Поясной набор из состава Кузбаевского клада: результаты химико-технологического и радиоизотопного (^{210}Pb) исследования 307
- С. В. Бельский** (*Санкт-Петербург, Россия*). Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI—XV вв. 317

ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

- Л. С. Клейн** (*Санкт-Петербург, Россия*). Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора. 335
- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. 345
- С. В. Томсинский** (*Санкт-Петербург, Россия*). Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. 357

- Список сокращений. 371
- Submissions 373

CONTENTS

AD MEMORIAM

S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Yurii Mikhailovich Lesman (1954—2013)	17
N. I. Platonova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). About my Friend	19
E. R. Mikhaylova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). On the New Holland Island	24
Yu. M. Lesman . Overview of Preservation of Cultural Layer and Archaeological Artefacts on the New Holland Island	26
List of Yu. M. Lesman's Published Papers	38
Yu. M. Lesman . Scandinavian Component in the Early Russian Culture	43

BEFORE RUS'

M. Rudnicki (<i>Łódź, Poland</i>). Contacts Between the Western Balts and the Slavs in the 6th—7th Centuries: Archaeological Data	91
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Bits of Great Migration Period from Dolozhsky Pogost	119
A. N. Kirpichnikov, A. V. Kurbatov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). New Evidence on the Origin of the Ladoga Settlement and Appearance of the Slavs on the Volkhov River	129

WORLD OF THINGS

S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Heraldic Pendant no. 101 and Some Comments About the Legal Status of Pendants' Holders	139
Z. V. Prusakova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Enkolpion with Composition "Crucifixion. The Prophet Eliya" from Dovmont's City in Pskov	147
S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>), O. K. Savelyev (<i>Odessa, Ukraine</i>). Some Items of Non-Ferrous Metals and Jewelry Tools from the Excavations of Belgorod-Dnestrovskiy Fortress	157
A. E. Zhabreva (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Russian Costume of the 16th Century in the European Engravings of that Time: Reality and Fiction	177

SCANDINAVIAN ETUDES

F. Androshchuk (<i>Stockholm, Sweden</i>). Rus' and Byzantine Contacts of Scandinavia in 11th—14th Centuries	199
E. A. Melnikova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). "I remember you...": Everyday Runic Writing in Scandinavia	213
T. N. Jackson (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Northwest of Eastern Europe in Scandinavian Runic Inscriptions: Re-evaluated Data	225

RUS' AND ITS NEIGHBORS

- O. V. Komar** (*Kiev, Ukraine*). **Svyatoslav's Place of Death: Searches, Legends, Hypotheses, Mystifications** 235
- Ya. V. Pylypchuk** (*Kiev, Ukraine*). **How Many Kipchaks? (On the question of the reliability of the data provided by written sources on population of West-Eurasian steppes)** 257

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- E. R. Mikhaylova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Early Medieval Settlements and Burial Mounds in the Rapti-Navolok Complex on Cheremenets Lake** 273
- V. Yu. Sobolev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Unknown Excavations of S.A. Teplouhov on Izhora Plateau** 287
- VI. V. Stasjuk** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **On Springs, Swords and Pogosts. Note to the Historical Geography of the West Novgorod Land** . . 297

ISSUES OF CHRONOLOGY

- I. A. Saprykina, L. A. Pelgunova** (*Moscow, Russian Federation*). **Belt Set from Kuzebaevo Hoard: Results of Chemical-Technological and Radioisotopic (^{210}Pb) Study** 307
- S. V. Belskiy** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Chronology of 11th — 15th Centuries Funerary Complexes of Karelian Isthmus and Northern Ladoga Lake Region** 317

VARANGIAN-RUSSIAN ISSUE: DISCUSSION CONTINUED

- L. S. Klejn** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **One More Tale on Lekhite Varangians. Discussion Continued** 335
- A. A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). **Dispute on the Ancient Novgorod Dialect in the Context of Varangian-Rus' Discussion** 345
- S. V. Tomsinsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Neo-Normanism in Leningrad: Origins and Results** 357

- Abbreviations** 371
- Submissions** 373

C U P R I N S

AD MEMORIAM

S. V. Beletsky (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Iurii Mihailovici Lesman (1954—2013) . . .	17
N. I. Platonova (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Cuvînt despre prieten	19
E. R. Mikhaylova (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Pe Insula Noua Olanda	24
Yu. M. Lesman. Concluzii despre conservarea stratului cultural și obiectelor arheologice de pe insula Noua Olanda	26
Lista operelor publicate de Iu. M. Lesman	38
Yu. M. Lesman. Componentul scandinav al culturii ruse vechi	43

ÎNAINTE DE VECHEA RUSIE

M. Rudnicki (<i>Łódź, Polonia</i>). Contacte dintre balții de vest și slavi în sec. VI—VII: datele arheologiei.	91
M. M. Kazanski (<i>Paris, Franța</i>). Zăbale din epoca migrațiilor dintr-un mormânt al necropolei Dolojski Pogost.	119
A. N. Kirpichnikov, A. V. Kurbatov (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Noi date despre originea așezării de la Ladoga și apariția slavilor pe r. Volhov.	129

LUMEA OBIECTELOR

S. V. Beletsky (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Pandantivul heraldic nr. 101 și unele comentarii despre statutul legal al deținătorilor de pandantive	139
Z. V. Prusakova (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Un encolpion cu compoziția „Răstignire. Profetul Ilie” din orașul Dovmont al Pskovului	147
S. S. Ryabtseva (<i>Chișinău, Moldova</i>), O. K. Savelyev (<i>Odesa, Ucraina</i>). Unele piese din metale neferoase și unelte pentru confecționarea bijuteriilor provenite din săpăturile din cetatea Belgorod de pe Nistru	157
A. E. Zhabreva (<i>Sankt Petersburg, Rusia</i>). Costumul rusesc în gravurile vest-europene din sec. XVI: adevăr și ficțiune	177

STUDII SCANDINAVE

F. Androshchuk (<i>Stockholm, Suedia</i>). Contactele Scandinaviei cu Rusia Kieveană și Bizanțul în secolele XI—XIV	199
E. A. Melnikova (<i>Moscova, Rusia</i>). „Îmi amintesc de tine...”: scrierea runică cotidiană în Scandinavia.	213
T. N. Jackson (<i>Moscova, Rusia</i>). Nord-estul Europei de Est în inscripțiile runice scandinave: unele precizări	225

RUSIA ȘI VECINII

- O. V. Komar** (*Kiev, Ucraina*). **Locul morții kneazului Sveatoslav: cercetări, legende, ipoteze, mistificări** 235
- Ya. V. Pylypchuk** (*Kiev, Ucraina*). **Cât de mulți cîpceaci erau? (Despre vericitatea informațiilor cu privire la numărul populației stepelor vest-eurasiatice, parvenite din izvoare scrise)** 257

CERCETĂRI ȘI PUBLICAȚII

- E. R. Mikhaylova** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Așezări și tumuli medievale timpurii din cadrul complexului arheologic Rapti-Navolok lângă lacul Ceremenets** 273
- V. Yu. Sobolev** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Cercetări inedite ale lui S. A. Teplouhov pe platoul Ijora** 287
- I. V. Stasjuk** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Despre izvoare, săbii și pogosturi. Notă despre geografia istorică a vestului regiunii Novgorod** 297

PROBLEME DE CRONOLOGIE

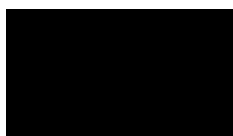
- I. A. Saprykina, L. A. Pelgunova** (*Moscova, Rusia*). **Rezultatele analizelor chimico-tehnologice și radioizotopice (^{210}Pb) ale elementelor garniturii de centură de tip heraldic din componența tezaurului de la Kuzebaevo din sec. VI—VII** . . . 307
- S. V. Belskiy** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Cronologia complexelor funerare de pe istmul Carelia și regiunea lacustră Ladoga de nord din sec. XI—XV** 317

PROBLEMA VAREGO-RUSĂ: CONTINUAREA DISCUȚIEI

- L. S. Klejn** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Încă o poveste despre varegii lehiți. Continuarea discuției** 335
- A. A. Romanchuk** (*Chișinău, Moldova*). **Disputa despre originea dialectului vechi Novgorod în contextul discuției varego-ruse** 345
- S. V. Tomsinsky** (*Sankt Petersburg, Rusia*). **Neonormanizmul din Leningrad: izvoare și rezultate** 357

- Lista abrevierilor** 371
- Submissions** 373

Ad memoriam

Юрий Михайлович Лесман (1954—2013)

В ночь на 23 февраля 2013 г. ушел из этой жизни Юрий Михайлович Лесман. Вечером он вернулся из Эрмитажа домой, поужинал, прилег. И — не проснулся. Остановилось сердце. Ему только-только исполнилось 59 лет.

Юрий Михайлович (друзья и коллеги обычно называли его коротко «Лесман») родился 17 января 1954 года в Ленинграде. Интерес к археологии проявился рано: в 60-е годы Юра занимался в школьном кружке при кафедре археологии ЛГУ, читал научную литературу в библиотеке ЛОИА (ныне — ИИМК РАН), прогуливал уроки в школе ради участия в археологических конференциях, ездил в экспедиции, посещал Славяно-варяжский семинар кафедры. Уже в те годы проявилась ярко выраженная способность к научному творчеству. В конце 60-х, еще школьником Юра составил картотеку древнерусских курганов Верхневолжья, и по материалам этой картотеки он не только написал одну из своих первых статей, но в дальнейшем пользовался этой картотекой на протяжении десятилетий, постоянно пополняя ее сведениями о вновь раскопанных погребениях.

Очевидно, что после окончания школы прямой путь был на кафедру археологии. Но приснопамятный *пятый пункт* закрывал дорогу на «идеологический» исторический факультет ЛГУ. Лесман подал документы в Ленинградский государственный политехнический институт. Однако все годы учебы в Политехе он полулегально посещал занятия на кафедре археологии, так что к моменту получения диплома им был неофициально прослушан также полный курс истфака. Именно в студенческие годы у Лесмана сформировался интерес к материальной культуре средневековой Руси и проблемам хронологии древнерусских вещей (прежде всего — украшений) — тем самым темам, которые в дальнейшем станут основными в научном творчестве Лесмана.

После окончания Политехнического института (1977) Лесман несколько лет работал по распределению в вычислительном центре Центрального котлотурбинного института. При этом он продолжал активно заниматься археологией — проводил разведки и раскопки в Ленинградской и Калининской (ныне —

Тверской) областях, участвовал в конференциях, публиковал первые статьи.

Новый этап наступил в 1981 г., когда Лесман пришел в Эрмитаж. Вначале это был Отдел музейной информатики, а с 1997 г. — отдел архитектурной археологии. И уже первые эрмитажные годы стали в научном отношении очень плодотворными. Конечно, работа над созданием музейной базы данных Эрмитажа отвлекала от собственно археологии. Но — не так сильно, как котлы и турбины. Теперь удавалось совмещать служебные обязанности с систематическим изучением археологических коллекций, благо многие из этих коллекций хранились в помещениях Эрмитажа, и до них не надо было добираться через весь город. Наконец, появилась возможность вплотную заняться любимой темой — древнерусской хронологией. Именно в начале 80-х вышли первые статьи Лесмана, посвященные проблемам хронологии.

В середине 80-х годов Лесман был принят в соискатели на кафедру археологии Ленинградского университета. Но истфакское руководство, фактически, не допустило его к кандидатским экзаменам, открытым текстом указав на *неподходящую фамилию*. В сложившейся ситуации Юру поддержали коллеги из Новгородской экспедиции. В 1986 г. он стал соискателем на кафедре археологии Московского университета (научный руководитель В.Л. Янин) и в 1988 г. блестяще защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)». К этому времени многие археологи-русисты уже приняли «хронологию Лесмана», а статья «Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации)» (1984) надолго стала одной из самых цитируемых работ в отечественной археологической медиэвистике.

В девяностые и нулевые годы научная деятельность Лесмана достигает своего пика. Появилась возможность ездить в научные командировки — в Москву, Новгород, Псков, на Украину и в Белоруссию, в Швецию, Германию и Англию. Он — постоянный участник представительных конференций, семина-

ров и коллоквиумов. Из печати одна за другой выходят статьи, посвященные как традиционным для отечественной науки темам (славянский этногенез; хозяйство, расселение и погребальный обряд славян и их соседей; информативные возможности культурного слоя; североевропейские традиции в материальной культуре Древней Руси), так и проблемам экзотическим (средневековая эротика). Но центральной темой остается хронология древностей средневековой Руси, прежде всего — украшений. Лесман продолжает совершенствовать методику датирования предметов и комплексов, применяет полученные результаты для проверки хронологии новооткрытых и хрестоматийных памятников. На протяжении четверти века он является ведущим специалистом в изучении древнерусской хронологии: многочисленные ссылки на «устные консультации Ю. М. Лесмана» в работах коллег говорят сами за себя. Все ждут от Лесмана докторской защиты и издания монографии, посвященной хронологии ювелирных изделий средневекового Новгорода. Однако и защита, и завершение книги все время откладываются. Лесман не признает формулу «лучшее враг хорошего»: он продолжает постоянно совершенствовать рукопись и никак не может поставить точку. Кроме того, много времени отнимают проблемы, напрямую с докторской не связанные — раскопки памятников нового времени в Петербурге, градозащитная и общественно-политическая деятельность, преподавание на кафедре музееведения философского факультета СПбГУ и на кафедре урбанистики и городской среды СПбГАСУ.

Интерес к археологическому изучению памятников нового времени появился у Лесмана еще в студенческие годы. Но в систематическом изучении памятников XVIII—XIX вв. сам он принял участие только в нулевые годы, когда во дворах Эрмитажа и на Дворцовой площади Санкт-Петербурга проводились работы по прокладке новых коммуникаций. Результатом этих работ стало не только открытие следов застройки берега Невы в XVIII в., но и новые данные по истории строительства Зимнего дворца и Нового Эрмитажа.

В те же годы началась и активная градозащитная деятельность Лесмана. Он был среди тех, кто требовал пересмотреть проект магазина «Стокманн» на углу Невского и Знаменской (ныне ул. Восстания), защищал остров Новая Голландия, в раскопках которого принимал участие, боролся против строительства на Охте газпромовской башни и за сохранение остатков крепостей XIII—XVII вв.

на Охтинском мысу. При этом роль Лесмана не сводилась к участию в митингах протеста и подписанию коллективных писем в защиту памятников. Вместе с коллегами он принимал участие в составлении экспертных заключений для судебных процессов, проводил тщательное текстологическое изучение т.н. «экспертиз», составлявшихся нанятыми Газпромом «экспертами», и блистательно демонстрировал их полную несостоятельность.

Еще больше времени в 90-е и нулевые годы занимала активная общественно-политическая деятельность. В 89-м он принимал активное участие в агиткампании Г. С. Лебедева, баллотировавшегося в Ленсовет. В дни путча в августе 91-го Лесман вместе с женой, И. А. Левинской, дежурили у стен Мариинского дворца в Петербурге, в котором размещалось Петербургское законодательное собрание. А начиная с рубежа 80—90-х годов, когда среди прочих политических партий и движений резко активизировались разного толка национал-экстремисты, Лесман начал методично фиксировать процесс зарождения в Питере фашизма — он бывал на митингах националистов, практически ежедневно просматривал националистические газеты и брошюры на лотках вдоль заклеенного агитматериалами деревянного забора у Гостиного двора (в Питерской микротопонимике 90-х — «стена плача»), регулярно обходил центр Санкт-Петербурга и отклеивал со стен и водосточных труб самодельные листовки. В результате за десятилетие целенаправленных поисков был собран уникальный архив, насчитывавший несколько тысяч единиц хранения (в начале нулевых передан в Музей политической истории России). Другим результатом стали статьи в антифашистском журнале «Барьер» (который в 90-е годы Лесман издавал вместе с друзьями), а также неоднократное проведение экспертиз в рамках уголовных дел в отношении национал-экстремистских группировок (к экспертной деятельности Лесман и Левинская активно подключились после убийства неонацистами в 2004 г. этнографа, антифашиста и правозащитника Н. М. Гиренко). А на последних президентских выборах в 2012 г. Лесман и Левинская были наблюдателями на одном из участков в Московском районе Санкт-Петербурга, где зафиксировали фальсификации при подсчете голосов и по этим фактам написали заявления в Следственный комитет и прокуратуру.

Лесман был человеком яркого критичного ума, редкой доброты и большого мужества. После него остались не только полто-

ры сотни опубликованных работ, два десятка статей, в разной степени подготовленных к печати, и практически завершенная монография. Осталась любимая и любящая жена,

остались друзья и ученики. Осталась память об удивительно добром человеке, талантливом ученом, нестигаемом борце с подлостью и несправедливостью.

С. В. Белецкий

Слово о друге

В первый раз я увидела Юру Лесмана в университете осенью 1974 года. Шло очередное заседание Славяно-варяжского семинара. Помню, Юра докладывал о своей разведке по Ижорскому плато. Меня удивило, что третьекурсник, студент Политехнического института уже имеет собственный Открытый лист. Я была моложе его лишь на год-полтора и училась на кафедре археологии. Но проводить в одиночку самостоятельные работы в поле — это казалось мне чем-то из области фантазий.

Той осенью мне едва исполнилось восемнадцать. Многие коллеги-однокурсники были заметно старше и меня, и Юры. Зато Юрин «послужной список» выглядел куда внушительнее, чем у любого из них. Круг его интересов определился очень рано. В школьный кружок при кафедре археологии ЛГУ он пришел восьмиклассником, на рубеже 1970-х. И фактически на школьной скамье сумел включить-ся в «большую науку».

Конечно, тут сказалось влияние неповторимого момента. В те годы славяно-варяжский семинар, созданный Л. С. Клейном, переживал расцвет. Старшее поколение его участников с невероятной быстротой взрослело — в полной уверенности, что именно ему суждено сказать новое слово и в славяно-русской, и в норманнской проблематике. Юра, попавший в орбиту семинара зеленым юнцом, старшеклассником, вырос и сформировался в атмосфере свежей, бьющей через край научной мысли. Она непрерывно подогревалась притоком новых материалов и идей, неформальным общением и отчетливым сознанием принадлежности к особой «ленинградской школе». Юра стал самым младшим, но полноценным членом этого сообщества.

Наши «шефы» на кафедре были для него просто «Глеб», «Василий», «Игорь». Помню, вначале это меня удивляло. Но иначе и быть не могло. Он стал связующим звеном между двумя субгенерациями археологов — нами и нашими молодыми учителями.

В свои юные годы Юра выглядел очень взрослым. Это отчетливо ощущалось в срав-

нении со сверстниками, а позднее и со старшими. Увы, очень многим (хотя, конечно, не всем) представителям поколения «шестидесятников» в археологии оказался присущ неистребимый инфантилизм. Проявилось это несколько позднее — в неумении «держат удар» и неустойчивости перед соблазном зеленого змия. Зато Юрина способность держать удар оказалась фантастической.

Возможно, его ранняя зрелость была результатом нелегкого, совсем не безоблачного детства. Впоследствии я узнала: его мама погибла от несчастного случая, когда Юра только-только пошел в школу. Вырастила его бабушка, которую он нежно любил. Конечно, отец помогал им. Но у отца была другая семья. Так что «единственным мужчиной в доме» Юре пришлось стать с очень раннего возраста.

Отличительными чертами его характера были удивительная собранность, подчеркнутая объективность и спокойная доброжелательность. И самое главное: Юрий Михайлович не только способен был *видеть* окружающий мир «таким, как он есть», он умел *любить* его таким, как есть. Это редкостное качество стало первым залогом нашей юношеской дружбы.

У молодых гуманитариев тогда имелась хорошо освоенная «экологическая ниша» — уход в науку, в ее наименее политизированные области. Одной из таких областей была археология. Материальных благ этот путь не сулил, скорее наоборот. Поэтому в нашей среде научный поиск и результат изначально воспринимались как цель, а не как средство разбогатеть. Или — или. Наука или торговля. Наука или чиновничья карьера. Наука или деньги... Таков был главный «культурный выбор», стоявший перед каждым из нас. Юра Лесман сделал его очень рано и без колебаний — в пользу науки.

Но попасть в ленинградскую археологическую корпорацию можно было только через университет, через кафедру археологии. Поступить туда, пробив заслоны советского «блата», было вообще нелегко, а для Юры Лесмана задача еще осложнялась из-за «пя-

того пункта». Помню, как Юра с удивительным спокойствием и юмором повествовал мне о своей неудачной попытке войти в археологию с парадного подъезда. Благодаря занятиям в семинаре, участию в экспедициях и живому общению со специалистами, он, конечно, имел прекрасную подготовку. Он должен был поступить в ЛГУ — но не поступил. После чего не стал прошибать стену лбом и подал документы в Политехнический институт. В отличие от истфака, этот вуз не считался «идеологическим», и его приняли.

У нас с ним периодически возникали разговоры на эту тему — в связи как с университетом, так и с его будущим трудоустройством по специальности. Предвидя новые препоны, я возмущалась, а Юра — этот неповторимый Юра — неизменно рассудительно, философски меня утешал. «Ты не понимаешь! — слышу я, как сейчас, его особенные интонации. — Ведь начальник в таких случаях ручается за человека, рассчитывает на него. А человек вдруг возьмет — и уедет. Начальника на ковер...»

Сам он никуда уезжать не собирался. Я ощущала полное единомыслие с ним, когда речь заходила о России, об ее проблемах и болевых точках. Эти проблемы были общими для нас. Даже не приходило в голову просто сбросить их с себя, поменяв гражданство. Впрочем, Юра не осуждал уезжавших. Он вообще не имел привычки кого-то осуждать.

Как его хватало на то, чтобы вполне прилично успевать в Политехническом и одновременно посещать вечерние занятия по специальности на кафедре археологии, я удивляюсь до сих пор. В этой связи, пожалуй, стоит помянуть добром наши тогдашние порядки. Ведь никому из преподавателей даже в голову не могло прийти не допустить Юру Лесмана (формально — совершенно постороннего человека) к своим занятиям на факультете. Никаких бумаг с просьбами о допуске он не писал, да ни одно официальное лицо и не поставило бы на них своей визы! Но научно-преподавательская корпорация тех лет, где только могла, прекрасно обходилась без официальных разрешений. Все просто знали, что на кафедре есть студенты-дневники, есть студенты-вечерники и... есть Юра Лесман. Так он умудрился, наперекор всему, за несколько лет прослушать и освоить полный вузовский курс археологических специальных дисциплин.

Как сейчас помню: его невысокая коренастая фигурка проскальзывает в двери кафедры во время какого-то спецсеминара (разу-

меется, с опозданием!). В руках — неизменный огромный портфель. Вот он на цыпочках осторожно пробирается к ближайшему свободному месту... Вообще лесмановские опоздания вошли в легенды, в былинные стилизации: «а муж лукав Юрий Лесман, *опять опозда, нача речи хитростные сказывати...*» и т. д.

Слишком напряженным было его расписание, слишком многое он должен был успевать и совмещать в своей жизни, поэтому опаздывал феерически — то на час, а то и на несколько суток. Помню случай, когда на ВАСКе в Москве (в 1977 или 1978 г.) я два дня повторяла коллегам, что будет интересный доклад Юры Лесмана, что он появится с минуты на минуту. Под конец, отчаявшись, уже сама постаралась пересказать, в меру сил, содержание Юриного доклада. И тогда... тогда дверь отворилась, и перед нами материализовался Лесман с большим портфелем в руках.

И в студенческие годы, и позднее мы много общались с Юрой на самых разных «площадках». С 1976 г. регулярные встречи начались в рукописном архиве ЛОИА. В те времена студенты-археологи рано определялись с областью интересов, с конкретным материалом, который нужно было самостоятельно проработать. Начиная с третьего курса, я зачастила в архив, занявшись составлением картотеки памятников верхнего Полужья. Юра, помнится, проводил аналогичную работу по памятникам Тверской губернии и по смежному с моей «вотчиной» району течения р. Оредеж.

Времени у него было катастрофически мало. Поэтому его появления в читальном зале почти всегда бывали очень поздними — обычно за час, а то и за полчаса до закрытия архива, когда его работники уже поглядывали на часы. Разумеется, никаких копировальных аппаратов в нашем распоряжении не было. Все требовалось переписывать от руки и рисунки переводить на кальку тоже вручную.

Каким образом, работая вот так, урывками, Юра умудрился составить свои огромные, исчерпывающие картотеки памятников, напоминавшие чем-то спицынские «корочки», остается лишь поражаться. Однако в конце 1970-х эти картотеки у него уже были.

Разумеется, при каждом удобном и неудобном случае мы с ним бессовестно злоупотребляли долготерпением «дам» — заведующей рукописным архивом ЛОИА К. М. Пескаревой и лаборантки Н. Ф. Красняковой. При появлении в дверях Лесмана у них вырывались невольные вздохи. Их рабочий день кончался в 18.00.

— Заканчивайте, пожалуйста!

— Да-да, сейчас...

В результате дамы уходили домой в половине седьмого, а то и позже. Но все же они уважали Лесмана и, наверное, даже любили его по-своему. Перед его «мягким напором» и вежливым нахальством они неизменно пасовали. Ему нередко удавалось вырвать себе лишних 30—40 минут для работы. Об этих подвигах он повествовал мне с гордостью: «Понимаешь, я добежал до архива только без четверти шесть, а вот это дописывал, уже стоя на одной ноге. Клавдия Михайловна в дверях стояла...». «На одной ноге» — это его выражение врезалось мне в память. Он повторял его часто — много поводов находилось.

Нам было неизменно интересно вдвоем. Роднила серьезность нашего жизненного выбора. Говорить с ним «за археологию» мне никогда не надоедало. Конечно, Юра в ту пору знал больше, чем я, а мне страстно хотелось самой знать и понимать все. Я, как губка, впитывала любую информацию, имевшую отношение к славяно-русской проблематике.

Наговорившись и разойдясь по домам, мы возобновляли прерванное общение — уже по телефону. Моя мама возмущалась: «Ну как можно сидеть на телефоне по два часа?!» Оказывалось — можно!

Помимо всего прочего, Юра представлял собой настоящий клад рассказов о деяниях Славяно-варяжского семинара 1960-х и начала 1970-х годов — времени, овеянном славой открытия Гнездовского поселения, «варяжской дискуссии» на истфаке и т.д. и т.п. Кое-что он успел увидеть своими глазами, о многом слышал из первых рук, обо всех и вся у него было свое собственное мнение. На путях познания истории отечественной археологии Юра Лесман стал в те годы моим Вергилием. Ни мне и никому другому в голову не пришло бы назвать его сплетником. Он был хранителем. Хранителем традиции и передатчиком легенды, творившейся прямо у нас на глазах. Я внимала его рассказам, развесив уши. Его объективность не вызывала сомнений.

В те годы мы с ним всегда были в курсе дел славяно-финского сектора ЛОИА: посещали заседания, слушали доклады. Но попасть в институт на работу даже не мечтали — это казалось несбыточным счастьем.

Разумеется, в 1970—1980-х гг. мы с Юрой не раз встречались и в экспедициях. В полевой археологии Лесман был сторонником самого пристального внимания к микростратиграфии. Кое-где он даже перебарщивал, требуя графически фиксировать тончайшие

различия в цвете прослоек, слагавших курганную насыпь или культурный слой поселения. Наверное, не все цветовые оттенки, подмеченные им в разрезах, действительно имели значение. Чтобы отличить чисто природные факторы от результатов деятельности человека, требовалось более основательное знакомство с геологией, химией, основами почвоведения. Юра и сам прекрасно это понимал. Его порою завышенные требования к детальности чертежей проистекали именно от боязни упустить что-то важное, не до конца понятное гуманитариям.

Так или иначе, в 1975—1976 гг. его присутствие на раскопках курганного могильника у дер. Даймище Гатчинского района, начатых Г.С. Лебедевыми и В.А. Кольчатовым, стало для меня серьезным испытанием на прочность. Юра бывал там наездами, но достаточно часто. Он рассматривал бровки курганов под разными углами, издали и вблизи, буквально обнюхивал их, чуть ли не пробовал на вкус. Он пытался уяснить, как именно происходило сооружение кургана, каковы были его последовательные этапы, имелись ли деревянные конструкции и т.п. Думаю, подобный подход он воспринял от В.А. Назаренко, к которому ездил в экспедицию еще школьником. Тот был полевиком от Бога. По целому ряду отзывов, он «видел землю» лучше, чем кто бы то ни было из их талантливой поколения.

Помню, в Даймище Глеб Сергеевич относился к Юриным изысканиям с интересом, но сам «видел землю» куда хуже своего ученика. Да и вообще он тогда понемногу отходил от полевой деятельности. С 1976 г. единственным руководителем работ в Даймище стал Володя Кольчатов, незадолго до того поступивший в аспирантуру ЛОИА. Лесмановские требования его попросту раздражали. Он вздыхал с облегчением, когда Юра уезжал. Впрочем, они оставались добрыми приятелями.

Устав пробиваться к сознанию автора раскопок, Юра обращал свою активность на меня. Разрезы в Даймище чертила я, и от меня отчасти зависело, как именно они будут выглядеть. В результате все бровки курганов разрисовывались детальнейшими кроками: Юра выделял мельчайшие прослойки и требовал, чтобы я тоже их увидела. Это не всегда бывало легко, но я очень старалась. Интуитивно я чувствовала: Юра прав в главном. Расхождения в деталях были не так уж важны. И я, действительно, училась чертить «по-лесмановски»: вглядывалась в разрез до одурения, до головной боли, пока все прослойки окончательно не начи-

нали дрожать и сливаться в одну. Это была хорошая школа. Потом у меня появились в этом деле и другие учителя, но за изначальную установку на анализ микростратиграфии я на всю жизнь благодарна Юре.

В дальнейшем, когда уже после университета мне пришлось два года сотрудничать в экспедициях с Г.Н. Прониным, ситуация почти повторилась. Жора Пронин, как и Володя Кольчатов, на дух не принимал лесмановской дотошности в деле фиксации разрезов. Этот подход он окрестил «лесманизмом». Однако бороться с ним на практике даже не пытался. Его Ильменская экспедиция ИА АН СССР работала тогда двумя отрядами, и у меня с Жорой была договоренность: в своем отряде я копаю так, как считаю нужным. Юра тогда частенько приезжал к нам в Удрай на выходные. Остаться подольше он не имел возможности, ибо, окончив Политехнический, отрабатывал по распределению в каком-то НИИ. Его рабочий график был жестким. С Жорой они иногда сталкивались и, конечно, дискутировали, но не ссорились. С Юрой невозможно было поссориться, если сам он этого не хотел.

Жорино словечко «лесманизм» мне понравилось. Копая в 1980 г. могильник культуры длинных курганов у дер. Угол (на северо-востоке Новгородчины), мы нарочно к приезду Г.Н. Пронина повесили большой плакат: «Вперед, к победе лесманизма!!!» Потом вся экспедиция хохотала над тем, как Жора этот плакат сорвал... Но Галя Массалитина (впоследствии — сотрудник ИА РАН, специалист по мощинской культуре), которая в 1980 г. работала чертежницей в моем отряде, все Юрины наставления восприняла с лету и потом перенесла этот опыт уже на пронинский раскоп.

Сам Юра в те времена много занимался разведками, нередко — в одиночку. И любил рассказывать, как его не раз принимали за шпиона. Очкастый, с фотоаппаратом, с полевой сумкой, вдобавок вынюхивает все — ну, вылитый агент из шпионских книжонок дешевой серии. Лесмана «арестовывали», возили в сельсовет, устанавливали личность. Потом, правда, отпускали без особых проблем.

Работая с Юрой в Торопце в 1978 г., я стала свидетелем его контактов со строителями газопровода «Дружба» и... с местной прокуратурой. Во всех этих случаях, на моей памяти, Юре не изменяло его несокрушимое спокойствие.

Работы по строительству газопровода производились в те времена совсем без учета на-

личия археологических объектов на трассе. Во всяком случае, в Калининской области было именно так. Конечно, закон об охране памятников, худо-бедно, существовал. Но закон еще надо было уметь применить. Требовались люди — по-настоящему равнодушные и готовые тратить на это свое время и нервы.

В Торопце мы жили в местной школе-интернате. На раскоп ходили пешком, довольно далеко. Как-то раз, увидев на улице рабочих в форме строителей газопровода, Лесман обратился к ним с вопросом, где найти их начальника. Участок трассы там строили поляки. Получив ответ, наша потрепанная команда потянулась дальше, нагруженная рейками, лопатами, планшетами, фотоаппаратами и прочими раскопными принадлежностями. Уже пройдя метров 200, мы вдруг услышали за собой крики. Зрелище оказалось занятное: за нами вслед бежали, махая руками, двое представительных, хорошо одетых мужчин. Добежав и слегка отдышавшись, первый из них обратился к нам по-русски с легким акцентом:

— Вы начальника «Дружбы» хотели видеть?.. Я начальник!

Мы ошолбенели. По нашим представлениям, инженер, руководивший строительством участка международного газопровода, занимал должность, примерно адекватную директору завода. Но ни разу не доводилось видеть, чтобы советский директор вот так погнался по улице за группой интеллигентных обормотцев, чтобы узнать, на кой ляд он им понадобился?

Юра объяснил поляку, что он археолог и хочет выяснить, не попали ли в зону строительства какие-то памятники археологии. Это вызвало у того весьма живую реакцию:

— Вот-вот! Я видел курганы! Я сообщил!.. Но меня почему-то никто не стал слушать!..

В общем, взаимопонимание возникло мгновенно. В дальнейшем поляки, действительно, прислали за Юрой машину и провезли его по всему участку трассы. Обнаруженные памятники ему удалось зафиксировать и передать материалы в местную инспекцию по охране. Что случилось с этими памятниками дальше, я не знаю. Сам Юра копать их не мог: все полевые работы производились им только в отпуске. А отпуск уже заканчивался.

Работая в Торопце, я пришла к убеждению: Юра начальником быть не может. Он способен руководить только коллективом единомышленников, а командовать умеет исключительно самим собой. Быть может, потом, спустя много лет, что-то изменилось? Не знаю,

может, и так. В 2000-х Юрий Михайлович руководил раскопками в городе, в частности, во дворе Эрмитажа. Наблюдать это вблизи мне уже не пришлось. Но то было совсем другое время и другая обстановка. На этих раскопках люди получали деньги, а по вечерам уходили домой. Отношения руководителя и группы строились совершенно иначе. А по 1978 г. мне запомнилось: даже вполне приличные ребята у Лесмана в экспедиции распускались до безобразия. Под конец дошло до того, что каждый делал, что Бог на душу положит, и на работу являлся, когда хотел. Юра не мог или не желал одернуть разгильдяев. Он оставался все таким же спокойным, доброжелательным и, словно всерьез, верил разным отговоркам. Ему проще было сделать все само-му, чем заставлять работать других.

Совсем другая атмосфера царила в его разведках, где собирались действительно единомышленники. Тут никого не надо было заставлять. Мы с Юрой не раз ездили в разведки вместе — благо оба занимались Северо-Западом, и наши памятники были совсем близко. Особенно запомнилась мне разведка по берегам р. Оредеж в 1979 или 1980 г. Мы поехали втроем — Юра, я и Костя Чугунов — ныне известный археолог, сотрудник Эрмитажа, а тогда первокурсник кафедры археологии.

Помню, в той разведке мы собрали великолепную подъемку на селище у дер. Заполье (на Оредеже), а Костя на обратном пути тащил в рюкзаке целехонький каменный крест — небольшой, но весьма увесистый.

Способность Лесмана заводить разговор «за археологию» в любом месте и в любое время, вкупе с его вечной занятостью и «затруднением» (которое он сам охотно признавал за собой!), быть может, оставляли у кого-то впечатление односторонности, узости интересов. Но это было не так. Юрина широкая образованность в самых разных областях мне хорошо известна. Помню: в дни нашей юности мы радостно делились друг с другом большими и маленькими открытиями — в литературе, поэзии, отечественной истории, мемуаристике и т.д. Еще в школьные годы у него был накоплен по этой части немалый багаж.

В первой половине 1980-х мы с Юрой встречались особенно часто. В ту пору я много самостоятельно работала в поле, а в 1984 г., наконец, появилась возможность поступить в аспирантуру. Шаг за шагом дела с трудоустройством «образовывались».

То же самое происходило у Юры. Впоследствии я не раз замечала: многое из того, что сначала казалось нам препятстви-

ем, ненужным затруднением на пути, потом оборачивалось на пользу и ему, и мне. К примеру, полученное им техническое образование и работа в НИИ сделали его программистом еще в те времена, когда в среде гуманитариев компьютерная грамотность казалась совершеннейшей *terra incognita*. Персональных компьютеров в ту пору еще не было, работать приходилось на больших ЭВМ. Однако уже появились проекты, связанные с использованием компьютерных технологий в музеях, в целях учета и хранения коллекций. Именно с этой целью в 1981 г. в Эрмитаже был создан отдел музейной информатики под руководством Я.А. Шера. Яков Абрамович сразу же пригласил туда Юру, сочетавшего в одном лице специалиста по ЭВМ и профессионального археолога. К тому времени как раз закончились три года его обязательной отработки по распределению, и Лесман был свободен сменить место службы.

Конечно, отдел музейной информатики все не являлся для него пределом мечтаний, он мечтал о работе с археологическими коллекциями. Так или иначе, Эрмитаж стал его судьбой — с ним оказалось связано более 30 лет жизни.

Разработки по музейной информатике, хотя и занимали Юру, в целом оставались на периферии его интересов. В первой половине 1980-х годов у Лесмана уже полным ходом шла работа, ставшая для него стержневой, а именно — разработка археологической хронологии Новгородской земли, с опорой на ярусную стратиграфию Новгорода. Поднять этот необъятный материал, по совести, способен был он один. То, что сделал, в конечном счете, Юрий Михайлович, привязав курганные древности к дендрохронологической шкале средневекового города, стало, без преувеличения, переворотом в археологических исследованиях Северо-Запада.

В дальнейшем раздавались и критические голоса: нельзя-де определять диапазон бытования типов с точностью до года — по дендродатам новгородских ярусов. Но это замечание походило на булавочный укол. Любой грамотный специалист изначально понимает, что диапазоны с точностью до года в данном случае приняты условно. А вот установленная Юрой статистика встречаемости различных форм предметов, деталей их конструкции, мотивов декора и т.п. — в каждом ярусе древнего Новгорода, вкупе с проверкой полученных данных на материалах закрытых погребальных комплексов — все это стало неоценимым вкладом в науку.

Свою кандидатскую диссертацию по хронологии Новгородской земли и Новгорода XI—XIV вв. Юрий Михайлович защитил в 1988 г. За годы, отмеренные ему с тех пор, он ушел в этой работе далеко вперед. Параллельно вел теоретические изыскания по проблемам этно- и культурогенеза, формирования древнерусской народности, сериационной хронологии как таковой, и т.д. Оставаясь кандидатом наук, он давным-давно работал на уровне доктора и профессора.

В последнее время мы встречались с Юрой не часто. «Лихие девяностые» принесли каждому свой, во многом различный духовный опыт и немалый груз обязанностей. Каждый шел по жизни своим путем, появились «точки несогласия», но все-таки редкие встречи и разговоры по-прежнему дарили радость.

Особенно памятен мне последний Юрин приезд ко мне в экспедицию на Передольский погост в 2006 г. К тому времени он уже редко выезжал в поле, но было заметно: он искренне рад вновь оказаться там. Мы вдумчиво, как в прежние времена, обсуждали стратиграфию раскопа, вели неспешные разговоры у костра. К сожалению, тот его приезд оказал-

ся очень коротким. Уже на следующий день последовал внезапный звонок: какие-то срочные дела позвали его в Петербург.

К тому времени я уже знала, что Юра серьезно болен. У него открылся диабет, он заметно исхудал, постоянно сидел на диете, глотал лекарства... Странно: в моей памяти Лесман навеки запечатлелся молодым, совершенно здоровым, бодро шагающим по проселку с огромным рюкзаком на спине. У него никогда не было ни «лишнего веса», ни «вредных привычек». Быть может, причина всех бед — непрерывные перегрузки, нервы, практически полное отсутствие отдыха?

Помню, когда-то мы щеголяли тем, что понятие «отпуск» для нас не существует. Лето проходило в экспедициях, зима в работе. Жили на пределе. А уж труды, взваленные на себя Юрой, оказывались непомерными всегда. В последние годы мало что тут изменилось, при всех его недомоганиях. Скорее — наоборот. Но... это был его собственный выбор. И Юра был счастлив, сделав его. А я склоняю голову пред памятью друга, которого всегда буду считать одним из лучших людей на нашей грешной Земле.

Н.И. Платонова

На острове Новая Голландия

В самом начале осени 2006 г. мне позвонил Юрий Михайлович: «Я сейчас работаю в Новой Голландии. Ты можешь поучаствовать?» Я, конечно, могла.

У рукотворного петербургского острова Новая Голландия — особый романтический ореол. На протяжении почти всей его истории попасть туда было непросто. Остров принадлежал военным, и на двух ведущих туда мостиках стояли караульные будки, а ворота были заперты наглухо. Только через знаменитую арку Валлен-Деламота на Мойке можно было попробовать взглянуть на жизнь таинственного острова, за темно-красные кирпичные стены флотских складов. И тут — такое предложение!

Территория острова тогда только что перешла в ведение города: в 1990-х годах с него выехал кораблестроительный институт, а в 2005 г. отдала свои здания и Ленинградская военно-морская база. После этого был проведен инвестиционно-архитектурный конкурс, на котором победил проект английского архитектора Н. Фостера. Для окончательной дора-

ботки проекта и потребовалось обследование Новой Голландии.

План застройки самого острова очень прост. В центре расположен внутренний водоем — Ковш, соединенный узкими каналами с Мойкой и Крюковым каналом. Ковш и каналы были прорыты в 1765—1767 гг. для разгрузки бревен и досок. Вдоль южной стороны острова по берегу Мойки высятся здания лесных складов из темно-красного кирпича, построенные в 1765—1788 гг. для хранения корабельного леса по методу, предложенному С.И. Чевакинским. На восточном берегу острова, вдоль Крюкова канала, такие же здания складов были выстроены военным инженером М.А. Пасыпкиным в соответствии со старым проектом позже, в 1847—1850 гг.

На западной оконечности острова, на стрелке Мойки и Адмиралтейского канала, располагался окруженный каменной оградой тюремный замок. В 1828—1829 гг. здесь по проекту архитектора А.Е. Штауберта была построена трехэтажная кольцеобразная Арестантская башня (Морская тюрьма), а во-

круг нее со временем появились дом коменданта, кузница, тюремные мастерские, кладовые, покойницкая и прочие строения.

Северную часть острова между Ковшом и Адмиралтейским каналом занимали здания ЦНИИ кораблестроения им. А. Н. Крылова, построенные в основном в XX веке и теперь снесенные.

Дотошный и аккуратный Ю. М. Лесман наложил на план острова сведения со всех ранних карт Петербурга и наметил почти полтора десятка разведочных траншей, которые должны были затронуть все сооружения на острове — существующие и утраченные.

Это была удивительная работа в необычайно романтической обстановке. На острове стояла золотая осень, в опустевших зданиях царила тишина, и каждый день приносил новые маленькие открытия. В складских зданиях и закоулках еще можно было подобрать забытые флотские вещицы, а по вечерам после работы сотрудники устремлялись искать приключений то на чердаки лесных складов, то по кладовым с брошенным ленфильмовским реквизитом, а то и на крышу Валлен-Деламотовой арки.

Под камералку, столовую и раздевалку нам достались несколько комнат (пожалуй, камер) на втором этаже Морской тюрьмы. Здесь и в траншеях по всему острову и сосредоточилась наша «голландская» жизнь.

Юрий Михайлович, как это ему свойственно, с самого начала был твердо намерен изучить и зафиксировать всё. Или даже так: изучить и зафиксировать ВСЁ. Поэтому параллельно с раскопками велась фотосъемка зданий и интерьеров, зарисовывались кирпичные клейма, зачерчивались и описывались инженерные шурфы, вырытые рабочими «Геореконструкции».

Я регулярно возмущалась: «Ну Юрий Михалыч, ну зачем мы тратим время на этот развал досок двадцатого века? Давайте уже их вынесем «на ура» и дойдем до действительно важных слоев!» Но Лесман был неумолим.

Эта неумолимость принесла свои плоды. Все строительные и хозяйственные работы XX века отразились в верхних слоях наших траншей куда точнее, чем в доступных документах. Выяснилось, что и склоны остро-

ва, и его очертания, и акватория Ковша — всё за двадцатый век изменилось. Пришлось реконструировать рельеф острова поэтапно — как важную часть проекта музеефикации.

Не обошлось и без неизбежных помоек, этих «кладов археолога». Где-то в 1920-х годах на острове провели генеральную уборку: собрали весь накопившийся хлам, скинули в большие ямы и зарыли. В этих ямах вперемежку лежали бутылки с клеймами двадцатых годов, чугунные ядра эпохи наполеоновских войн и прочий разношерстный мусор.

Тогда же или чуть позже флотское начальство, видимо, велело избавиться и от устаревшего оружия. Витя Глыбин, руководивший инженерными шурфами на острове, принес нам в камералку ржавые согнутые винтовки, брикеты боевых пружин, шомпола, магазины. Все это было найдено его рабочими, вскрывшими бетонный пол в одном из складских корпусов. Находки были пересчитаны, занесены в общую опись и упакованы вместе с остальными.

Однако на этом история с винтовками не закончилась. Уже после завершения работ, зимой, в Эрмитаж пришел сотрудник ФСБ и вежливо попросил предъявить найденное огнестрельное оружие. Посмотрел, посчитал, что-то пометил и собрался уйти. Не тут-то было! «А скажите, молодой человек! — строго сказал Юрий Михайлович. — Ваша служба вообще намерена как-то бороться с «черными археологами»? Вы вообще делаете что-нибудь?» Несчастный офицер долго еще ходил в Эрмитаж к Лесману отчитываться о проделанной работе и конспектировать указания.

Раскопки на острове продолжались до октября, а потом, уже по первым заморозкам, Юрий Михайлович еще работал на острове, ходил знакомиться с результатами бурения, осматривал шурфы внутри зданий...

Результатом работ стало подробнейшее Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия, написанное Ю. М. Лесманом. Мне хотелось бы опубликовать его здесь как образец скрупулезной работы и пример честного и ответственного отношения к делу, которое всегда отличало Юрия Михайловича.

Е. Р. Михайлова

Ю.М. Лесман

Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия

Проведенные в 2006 г. археологические раскопки (13 траншей) в совокупности с данными геологического бурения и инженерно-геологических шурфов (ЗАО НПО Георекострукция-Фундаментпроект), а также специального бурения (32 скважины, пробуренные совместно с ЗАО НПО Георекострукция-Фундаментпроект в рамках решения задач археологического исследования), позволили получить ответы на основные поставленные перед началом археологических исследований вопросы.

Основные этапы формирования культурного слоя на территории острова определяются основными этапами его застройки и планировки (включая вертикальную):

- 1 этап — 1710-е — 1720-е гг. (до 1732 г.);
- 2 этап — 1732—1765 гг.;
- 3 этап — 1765—1784 гг.;
- 4 этап — 1784 г. — конец XIX — начало XX в.;
- 5 этап — 1920-е — 1940-е/1950-е гг.;
- 6 этап — 1950-е/1960-е гг. — 1970-е гг. (1971 г.).

После этого существенных изменений ни планировка, ни культурный слой вплоть до осени 2006 г. (когда были выполнены работы по сносу части находившихся на острове построек) не претерпели.

В результате раскопок получены ответы на основные поставленные в начале археологических исследований вопросы.

1.

Определены мощность, датировка, характер и структура культурного слоя на территории острова. Очевидно, что исследования не могли охватить всю площадь, но они дают о ней общее представление.

1) Мощность культурного слоя колеблется от 1,5 м до 5 и более метров (последнее — по данным бурения). Участок с минимальной мощностью слоя локализован — часть двора к западу от корпуса 17, и связан с древним всхолмлением, на котором росла объявленная Петром I заповедной роща. На большей части территории острова мощность культурного слоя составляет около 3 м (иногда достигая 3,5 м). Существенно больше она на месте засыпанной части пруда, выкопанного в 1710-х гг. (более 4, около 5 м), на части берега р. Мойки (возможно, засыпанное в первой трети XVIII в. мелководье вдоль берега), а также вдоль сооруженной в 1960-е — 1970-е гг. подпор-

ной стенки берега Ковша, когда прибрежная часть водоема была засыпана.

2) Культурный слой на территории острова начал отлагаться с 1710-х гг., однако уверенно выделяются столь ранние (1 этап) отложения лишь вдоль берега Адмиралтейского канала и на берегу р. Мойки близ их слияния (ширина полосы вдоль берега колеблется от 20 до 30—40 м) и, предположительно, в придонной части засыпанного пруда. Слои этого времени (мощностью до 0,7 м) влагонасыщенные, сохраняют органические остатки (дерево, кожу и пр.) и образовались в результате наличия в северо-западной и западной частях острова жилой застройки 1710-х — 1720-х гг., представлявшей собой, по-видимому, серию усадеб.

Слои 2 этапа представлены почти на всей территории острова, однако мощность и характер их различны. Наиболее мощные отложения фиксируются по берегу р. Мойки (вне линии складских корпусов) и вдоль берега Адмиралтейского канала — до 1 м, на всем мысовом участке в западной части острова (исторически связанном с комплексом тюрьмы) — около 0,5 м, на остальной территории их мощность ниже и по большей части составляет 0,2—0,3 м. Слои этого времени исторически связаны с функционированием построенных в 1730-е гг. складов для леса и шлюпочных сараев. В западной части острова и по берегам Мойки и Крюкова канала (вне линии складских корпусов) они хорошо сохраняют органические остатки, но насыщенность культурного слоя находками ниже, чем в предыдущий период. По берегу Адмиралтейского канала (восточнее мысовой части, в пределах примерно в 30—40 м вдоль берега канала) эти слои плохо сохраняют органику, однако мощность их велика (1—1,3 м).

Слои 3 этапа (времени строительства складских корпусов) в целом на острове наиболее мощные и образованы преимущественно подсыпками. Их мощность достигает 1,5 м. Почти по всей территории острова подсыпки состоят из почти лишенного находок песка. Близ берега р. Мойки в западной части острова значительная часть подсыпки выполнена из культурного слоя, насыщенного строительным мусором и многочисленными вещевыми находками. По берегу Адмиралтейского канала (восточнее мысовой части) мощность подсыпки этого времени незначительна (около 0,2 м), и она также содержит строительный мусор. В верхней части слоя 3 этапа залегает сохранившееся в разной степени на раз-

№5. 2014

ных участках булыжное мощение (лучше оно сохранилось у берегов водоемов).

Слои 4 этапа на большей части острова имеют мощность 0,6—0,8 м и представлены слоями, образовавшимися в ходе последовательной хозяйственной деятельности. Они содержат остатки ряда деревянных построек (в зоне построек мощность слоя выше). На прибрежных участках Мойки и Крюкова канала на этом этапе производятся подсыпки грунта мощностью до 0,9 м. С концом 4 или началом 5 этапа связан комплекс находок приведенного в негодность (стволы изогнуты) стрелкового оружия начала XX в., выявленный инженерным шурфом ООО «Геореконструкция» под бетонным полом самого северо-западного помещения складского корпуса 17.

Слои 5 этапа четко выделяются лишь у берега Ковша, который был в это время подсыпан, причем вместе с грунтом в земле оказались многочисленные вещевые находки всей первой пол. XX в. (в том числе и изготовленные до 1917 г.).

Слои 6 этапа представлены преимущественно мощными подсыпками (в некоторых местах выше 2 м) по берегам Ковша и Мойки, возможно, Крюкова канала, а также в заполнении ям. Это результаты работ, приведших к существенному изменению линии берегов Ковша и Мойки: как в плане, так и профилей. Слои представлены завалами строительного мусора с песком.

С 5—6 этапами связано мощение значительной части территории асфальтом (часто непосредственно поверх булыжника рубежа XIX—XX вв.).

2.

Реконструированы основные изменения береговых линий водоемов (р. Мойки, Адмиралтейского и Крюкова каналов, Ковша) на территории острова.

К началу 1 этапа территория современного острова Новая Голландия представляла собой часть обширного Адмиралтейского острова при впадении в р. Мойку глухой безымянной протоки (в целом совпадавшей с трассой современного Адмиралтейского канала).

К концу 1 этапа (в первой пол. 1720-х гг.) прорыт северный участок Крюкова канала и образовался современный остров Новая Голландия.

На 2 этапе береговые линии существенно не изменились, хотя весьма вероятно, что они несколько сместились, что привело к постепенному незначительному (не более нескольких метров) расширению территории острова за счет Мойки и, возможно, Крюкова канала.

На 3 этапе выкопан Ковш и каналы, соединяющие его с Мойкой и Крюковым каналом. Можно предполагать, что со стороны р. Мойки и Крюкова канала территория острова расширилась на 1—2 м за счет подсыпки грунта. Береговая линия Адмиралтейского (Ново-Адмиралтейского) канала, скорее всего, не изменилась.

На 4 этапе существенных изменений береговых линий не происходило, за исключением ре-

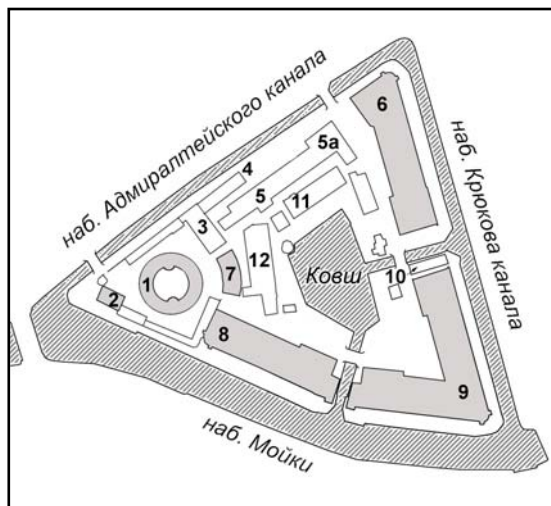

Рис. 1. План-схема Новой Голландии.

Fig. 1. Schematic plan of New Holland.

конструируемой на основании сопоставления планов (1863 и 1891 гг.) подсыпки северного берега Ковша, которая, скорее всего, производилась в связи со строительством здесь шлюпочных сараев Гвардейского экипажа (не позже 1872 г.), что привело к смещению линии северного берега Ковша примерно на 9 м. Возможно, незначительно (в пределах 0,5—1 м) на север передвинута береговая линия Адмиралтейского канала.

На 5 этапе незначительно (примерно на 2 м) сместилась к северо-западу береговая линия юго-восточного берега Ковша, однако это происходило не по всей линии берега равномерно, а нарастало от 0 до примерно 2—3 м в северо-западном направлении (это изменение заметно уже на плане Ленинграда 1929 г.). Могло несколько измениться за счет подсыпки направление северного берега Ковша: оно стало параллельно строившемуся в 1934—1935 гг. административному зданию ЦНИИ им. А. Н. Крылова, что должно было сопровождаться незначительной подсыпкой северной стенки Ковша (с изменением береговой линии, скорее всего, не более 1—2 м с нарастанием в западном направлении).

На 6 этапе существенно изменились береговые линии по Мойке, по берегам Ковша и менее значительно (за счет гранитных банкетов) по Адмиралтейскому каналу и северной части берега Крюкова канала. По берегу Мойки остров был расширен примерно на 3 м. Северный берег Ковша был подсыпан (с нарастанием подсыпки к востоку), и зеркало воды в этом направлении уменьшилось: на 6 м (в месте закладки траншеи), примерно на 8—9 м у северо-восточного угла и незначительно у юго-западного. Юго-западный берег Ковша в результате подсыпок сместился на северо-восток на 3 м. По-видимому, так же неравномерно был подсыпан западный берег Ковша (от 0 на севере до приблизительно 10 м на юге). Сопоставление планов указывает на сокращение Ковша с восточной стороны примерно на 8 м. Юго-восточный

угол Ковша был полностью засыпан. Ранее скругленные углы водоема стали острыми, форма в плане из трапецевидной стала неправильным пятиугольником. Фактически, неизменной осталась лишь линия берега по Крюкову каналу к югу от внутреннего, ведущего к Ковшу канала, а также, скорее всего, линии берегов внутренних каналов (не считая увеличения их протяженности, в первую очередь за счет сокращения размеров Ковша).

В целом можно констатировать, что береговая линия осталась на сегодняшний день почти неизменной с конца XVIII в. лишь по берегу Крюкова канала к югу от внутреннего канала (возможно, она даже незначительно придвинулась к стенам складов за счет размыва берега), по берегу Крюкова канала севернее внутреннего канала и по берегу Адмиралтейского канала она незначительно (по-видимому, около 1 м) сместилась, расширив площадь острова. Все остальные берега существенно (от 2—3 до 15 м) расширены за счет водоемов.

3.

Реконструированы основные изменения вертикальной планировки (рельефа) территории острова.

К началу 1 этапа территория современного острова Новая Голландия — треугольник припадении в р. Мойку глухой протоки. Большая часть представляла низкий равнинный участок, незначительно возвышающийся над обычным уровнем воды в Неве (отметки около +50 от балтийского ординара). Следов заболоченности не зафиксировано, но, возможно, прибрежные участки по р. Мойке, за исключением мыса при слиянии с протокой, были подтоплены (их отметки около 0 относительно). Уровень поверхности повышался в северо-западном направлении к берегу безымянной глухой протоки и в северной — северо-западной части территории. Прибрежная полоса там представляла собой неровный участок с отметками от +80 до +130, иногда с низинами около +30. Самый высокий участок находился, однако, южнее: в северо-западной части современного южного острова, к западу от северной части корпуса 16. Отметки поверхности всхолмления составляли не менее +185. Не исключено, что несколько далее к северо-западу они могли быть еще выше, но это место скрыто в 1710-е гг. при устройстве пруда.

На 1 этапе был выкопан пруд (о его уточненной локализации см. ниже) и, возможно, несколько понижен участок вокруг него, до отметок около +30 (по крайней мере, с восточной стороны). Накопившийся к концу этапа культурный слой заполнил западины в зоне вдоль берега глухой протоки и повысил уровень поверхности там до +100 — +150. На остальной части острова (к концу периода это уже остров) рельеф, по-видимому, существенно не изменился.

На 2 этапе происходило постепенное повышение уровня острова за счет накопления культурного слоя, на некоторых участках осуществлялись незначительные подсыпки (толщиной 20—30 см). В результате уровень дневной по-

верхности в северо-западной части острова (вдоль берега Адмиралтейского канала) повысился до +200 — +250, в мысовой западной части острова — до +130 — +180, вдоль берега Крюкова канала он соответствовал отметкам около +90, вдоль берега Мойки — около +110 — +140. Описанное выше всхолмление фактически перестало быть таковым на фоне общего повышения поверхности острова.

На 3 этапе рельеф острова коренным образом изменился. В течение короткого времени почти вся территория (конечно, за исключением вырытого пруда — Ковша) была подсыпана. Почти не подсыпался лишь уже наиболее высокий к этому времени участок вдоль берега Ново-Адмиралтейского (ныне Адмиралтейского) канала. Уровень поверхности по большей части замощенных внутренних дворовых пространств (внутри внутреннего периметра складских корпусов) и прибрежной зоны Адмиралтейского канала — от +250 до +300. Берега Мойки и Крюкова канала полого понижались к воде: на Крюковом канале, где склон замощен, от +275 до +20; на Мойке — от +220 до +55, что полностью соответствует виду берега Мойки на аксонометрическом плане Сент-Илера (1764—1773 гг.), где показаны спускающиеся к реке прямо от ворот складов пологие пандусы. Существовавший около полувека пруд частично засыпан, частично вошел (с углублением дна) в новый пруд — Ковш. Берега Ковша пологие, по крайней мере, южный его берег замощен булыжником, уровень поверхности плавно понижается от дворовых +250 до +65 у воды (угол наклона 10—15°).

На 4 этапе происходит постепенное накопление культурного слоя почти по всей территории острова. В результате уровень мощения рубежа XIX—XX вв. оказывается на 0,4—0,5 м, а чаще на 0,6—0,8 м, выше предыдущего при сохранении, в целом, общего характера рельефа внутренней части острова и берега Адмиралтейского канала. Рельеф берегов Ковша вообще, по-видимому, почти не изменялся. Иная картина по берегам Мойки и Крюкова канала. Здесь поверх ранее пологих склонов произведены мощные подсыпки, обеспечившие прокладку по периметру складских корпусов мощеных проездов. Высотные отметки этих проездов близки уровню внутренних дворовых пространств, в частности, у корпуса 17 (по берегу Мойки) +320 и +270 — +295, у корпуса 16 (по берегу Крюкова канала) соответственно +300 — +320 и +287. Крутизна склонов увеличивается с 15° до 30° — склон берега к Мойке, и до 35° — склон берега к Крюкову каналу.

На 5 этапе уровень и рельеф поверхности большей части острова не изменился. Наибольшие изменения претерпели берега Ковша. Исследованиями методом раскопок подвергнуты южный и северный берега, и в обоих случаях фиксируются значительные подсыпки (мощностью до 1—1,5 м на южном берегу и мощностью до 3 и более метров на северном), которые существенно расширили ровное дворовое пространство. Ширина площадки, примыкающей изнутри

№5. 2014

острова к складскому корпусу 17, была расширена после 1923/24 гг. с 15 до 25 м. Северный берег Ковша, скорее всего, подсыпался в связи со строительством в 1933—1935 гг. административного здания ЦНИИ им. А.Н. Крылова, при этом так, что к югу от здания была образована ровная площадка шириной около 13 м вместо существовавшего ранее пологого спуска к Ковшу (удобного для использования стоявших здесь ранее шлюпочных сараев). По-видимому, именно с этим этапом связаны деревянно-стальные конструкции берегоукрепления по западному и южному берегу Ковша. Берег Мойки был слегка (до 0,8 м) подсыпан, близкая к горизонтали площадка вдоль фасада складов расширена с 4,5—5 до 8,5—9 м, склон берега приобрел большую крутизну и в 9,8 м от фасада стен был укреплен деревянно-стальной почти вертикальной конструкцией.

На 5 или 6 этапе были подсыпаны остальные берега Ковша, однако для точной датировки этого процесса данных пока нет.

На 6 этапе мощные подсыпки (до 2,5 м) резко изменили облик берега р. Мойки. Площадка для проезда транспорта вдоль складов была несколько (на 0,4 м до отметок +290 — +310) поднята и существенно расширена (само полотно дороги до поребрика с 5 до 6,2 м, горизонтальная же площадка с 5 до 12 м), по ее краю со стороны склона берега посажены деревья. Крутизна склона осталась почти неизменной (уменьшилась с 30° до 25°). В 1964—1971 гг. берега Адмиралтейского канала, р. Мойки западнее внутреннего канала и Крюкова канала севернее внутреннего канала, а также южный и юго-восточный берега Ковша были укреплены гранитными банкетами (при этом юго-восточный угол Ковша засыпан). Вдоль северного, северной части восточного и вдоль западного берега Ковша возведены вертикальные подпорные стенки, и берега вплоть до этих стенок подсыпаны. Все это привело к существенному расширению горизонтальных участков внутреннего пространства, в то же время радикально изменив облик берегов Ковша.

4.

В ходе археологических исследований удалось выявить и, таким образом, точнее локализовать, а также предварительно исследовать ряд известных по письменным и картографическим источникам построек XVIII—XIX вв., а также пруд, существовавший с 1710-х до 1765—1767 гг. Перечислим эти объекты в хронологической последовательности.

Роща, объявленная Петром I заповедной, локализуется на возвышенном участке к западу от построек складского корпуса 16 между его фасадом и Ковшом (траншея 11), возможно, она продолжалась и северо-западнее, но этот участок был уничтожен при рытье Ковша. Скорее всего, тогда же были уничтожены и «малые хоромы» Петра I на северном берегу пруда.

Пруд занимал часть современного дворового пространства между восточными частями склад-

ского корпуса 17 (траншеи 6, 7), южными частями корпуса 16 (скважина близ траншеи 11) и Ковшом, а также южную часть позднейшего Ковша и северную часть канала, соединяющего Ковш с р. Мойкой.

Шлюпочные сараи, построенные в 1732—1738 гг. из дерева в западной мысовой части острова. Удалось выявить следы всех трех сараев, размещавшихся веерообразно на западном мысу острова: один к юго-западу от здания тюрьмы (траншея 1), один к северо-западу от здания тюрьмы (траншея 3), центральный — во дворе тюрьмы (траншея 4).

Деревянные склады для корабельного леса, построенные в 1732—1738 гг. Остатки кирпичного фундамента стены внешнего фасада одного из них удалось выявить в переотложенном состоянии на берегу р. Мойки (траншея 8). Весьма вероятно, что фундамент стены внутреннего фасада корпуса, размещавшегося вдоль Ново-Адмиралтейского канала у его слияния с Крюковым каналом выявлен инженерным шурфом ЗАО НПО Геореоконструкция-Фундаментпроект внутри складского корпуса 12а у его западной стены.

Экипажная контора, построенная из дерева в 1806 г. параллельно берегу Адмиралтейского канала. Остатки каменных и деревянных фундаментных столбов восточной торцевой стены выявлены у берега Адмиралтейского канала (траншея 14).

Кузница — построенное в 1829—1830 гг. к северо-востоку от тюрьмы деревянное здание (траншея 3).

Шлюпочный сарай, построенный в 1847 г. из дерева на южном берегу Ковша. Удалось выявить остатки сарая близ южного берега Ковша к северо-востоку от складского корпуса 17 (траншея 6).

Следует отметить, что исследование мыса при слиянии р. Мойки с внутренним ведущим к Ковшу каналом не подтвердило наличие здесь каменной лестницы, по-видимому, изображенной на раскрашенной литографии Максимова 1820-х гг.

«Малые хоромы» Петра I, как уже указывалось, скорее всего, уничтожены при рытье Ковша в 1765—1767 гг., хотя полностью исключить наличие каких-то остатков этой постройки на участке близ слияния Ковша (но не ближе 8 м от его современной береговой линии) и внутреннего канала, ведущего к Крюкову, нельзя.

5.

С точки зрения характера, сохранности и значимости культурного слоя на территории о. Новая Голландия можно выделить пять основных зон.

А. Территория вдоль берега Адмиралтейского канала (шириной около 30—35 м, местами меньше — до 15—20 м) на восток от слияния его с р. Мойкой на протяжении примерно 270 м, и мысовая часть при слиянии Адмиралтейского канала и р. Мойки на протяжении примерно 100 м вдоль берега Мойки. Общая площадь около 1,2 га. Мощност культурного слоя колеблется преимущественно от 3 до 3,5 м. Культурный слой начал отлагаться в 1710-е гг. и формировался непре-

равно вплоть до XX в. Нижние напластования — остатки жилого квартала или, скорее, ряда усадеб 1710-х — 1720-х гг. — сохраняют остатки дерева и других органических материалов (мощность до 0,5—0,6 м), слои 1730-х — начала 1760-х гг. также сохраняют на части территории остатки древесины. Они, как и вышележащие, обильно насыщены вещевыми находками (как бытовыми, так и строительными остатками (расписными печными изразцами, черепицей и пр.)). Прослойки сравнительно чистого песка имеют мощность не более 0,2—0,4 м. Слои XVIII в. (до 1765 г.) в общей сложности имеют мощность около 2 м.

Б. Участок засыпанной части пруда 1710-х гг. в южной части острова площадью около 1500 кв. м. Засыпка осуществлена в 1765—1767 гг. при рытье Ковша. Мощность культурного слоя (в зафиксированных точках) — 4,2—5,5 м. Наиболее важными для изучения являются берега пруда и придонные отложения (насыщенные остатками древесины нижние примерно 0,5 м), а также, судя по исследованным участкам, отложения первой четверти XX в. (см ниже зону В).

В. Территория зоны охватывает почти всю свободную от складских корпусов поверхность острова, за исключением зоны А, то есть около 5,5 га.

В культурном слое (на большей части территории около 3—3,5 м, местами до 4—4,4 м, на одном из участков 1,4—1,5 м) выделяются шесть основных горизонтов:

— культурный слой первых двух третей XVIII в. (до строительства кирпичных складских корпусов) мощностью от 0,1 до 1 м (на отдельных участках, возможно, и более), в той или иной степени насыщенный вещевыми находками и, как правило, хорошо сохраняющий органические остатки (древесина, кожа и пр.);

— подсыпки, состоящие преимущественно из песка, почти лишенные вещевых находок, относящиеся ко времени строительства кирпичных складских корпусов (1765—1784 гг.), мощность от 1 до 1,5 м;

— булыжное мощение, осуществленное в XVIII в. после строительства кирпичных складских корпусов;

— культурный слой, образовавшийся в конце XVIII—XIX вв., содержит немногочисленные находки указанного времени, мощность невелика (в большинстве мест от 0,2 до 0,5 м), за исключением участка шлюпочных сараев середины XIX в. (вдоль южного берега Ковша);

— булыжное мощение конца XIX — начала XX в. (вдоль берегов Мойки и Крюкова канала функционировало до конца XX в.);

— образовавшиеся в результате выбрасывания мусора и подсыпок слои XX в., на некоторых участках (у южного берега Ковша) давшие серию интересных вещевых находок первой четверти XX в., мощность подсыпок наиболее велика вдоль берегов водоемов (местами более 1 м), на ровных участках обычно не превышает 10 см.

Г. Ковш. Общая площадь около 6500 кв. м, около

700 кв. м засыпаны в XX в. С точки зрения археологических исследований значимы придонные отложения на всей первоначальной площади Ковша и внутренних каналов (предположительно мощность культурного слоя может быть оценена около 1 м).

Д. Культурный слой под полами сохраняемых зданий (кирпичных складских корпусов, тюрьмы, кузницы). Насколько можно судить по шурфам, выполненным ООО «Георекострукция», мощность культурного слоя под полами складских корпусов составляет преимущественно 2,5—3 м, из которых верхние 1—2 м составляют полы и слои строительного мусора. С точки зрения археологических исследований наиболее значимы нижние 0,5—1 м культурных отложений. Особо следует выделить слои под полами корпусов 12а и западной части корпуса 17. В первом случае выявлены остатки предшествующей постройки (скорее всего, фундамента складского корпуса 1732—1738 гг.), во втором под бетонной заливкой пола — скопление стрелкового оружия начала XX в. Не исключено, что под полами корпуса 12а могут сохраниться также остатки фундамента построенного здесь в 1806 г. здания Гауптвахты.

Объем археологических исследований существенно зависит от объема и характера предстоящих земляных работ.

С учетом возможных проектных решений по реконструкции острова территория условно может быть разделена на четыре зоны.

1. Северная часть острова (вдоль берега Адмиралтейского канала) и внутреннее пространство дворов, ооконтуренное зданиями складов.
2. Берега р. Мойки и Крюкова канала вне линии фасадов складских корпусов.
3. Участки под полами складских корпусов.
4. Ковш и внутренние каналы.

На основе этих двух критериев зонирования выделяется 6 основных зон, для которых можно рекомендовать различные режимы археологических исследований (если связанные со строительством земляные работы по выемке грунта в соответствующих зонах или их частях будут производиться).

1А — полное исследование культурного слоя методом раскопок.

1Б — выемка грунта под надзором археологов с исследованием методом раскопок береговых укреплений пруда (мощность требующих тщательного археологического изучения слоев может быть предварительно оценена в 2—3 м) и придонные отложения (мощностью около 0,5 м).

1В — предварительные исследования методом археологических траншей и раскопок (требуется проверки локализация «хором» Петра I, которые, скорее всего, уничтожены при рытье Ковша, в раскопках нуждаются остатки шлюпочных сараев сер. XIX в. и др. сооружения), охватывающих

№5. 2014

около 10% площади, затем снятие верхней части культурного слоя на всей оставшейся площади под надзором археологов с фиксацией остатков мощения XVIII в. и раскопки нижних слоев по всей площади (требуют раскопок нижние слои мощностью 0,2—1,1 м).

2В — предварительные исследования участков выемки грунта, с собственно археологическими раскопками слоев мощения XVIII в. и нижних часто сохраняющих древесину отложений первых двух третей XVIII в. (мощностью около 1 м).

3Д — снятие полов и выемка верхней части грунта под наблюдением археологов с археологическими раскопками нижних 0,5—1 м культурного слоя (в тех немногих помещениях, где имеются подвалы, культурный слой может оказаться целиком уничтоженным). В некоторых помещениях корпуса 12а и 17 — археологические раскопки всей толщи залегающего под полами культурного слоя (мощностью до 2,5 м).

4Г — археологические исследования методом раскопок придонных отложений Ковша (если вода из Ковша в процессе реконструкции будет спущена и грунт будет выниматься), мощность которых может быть предварительно (при отсутствии данных бурения) оценена как примерно равная 1 м.

Фактически вне зон находится площадь, занимавшая котлованом Опытного бассейна, где культурный слой полностью уничтожен.

Культурный слой нарушен в верхней своей части (а на отдельных локальных участках и до материка) на месте снесенных зданий (тюремная мастерская, мастерская Опытного бассейна, мясосольная лаборатория, кладовые и покойническая радиостанция, здания и сооружения ЦНИИ им. А.Н. Крылова). Разборка подземных частей этих построек целесообразна с помощью техники под надзором археологов. Работы с сохранившимся культурным слоем рекомендуется вести на основе предложений по соответствующим зонам.

* * *

В целом проведенные археологические исследования установили, что на всей территории острова (за исключением относительно незначительной площади, на которой размещался Опытный бассейн) сохранился являющийся объектом культурного наследия федерального значения культурный слой, начавший отлагаться здесь в 1710-х — 1730-х гг. Этот факт делает необходимым принять безотлагательные меры к обеспечению охраны культурного слоя, что особенно актуально в связи с перспективами реконструкции территории острова.

Уже после завершения археологических исследований 15—16 декабря 2006 г. в северо-западной части острова (между зданием тюрьмы и берегом Адмиралтейского канала, то есть на участке, находящемся в зона 1А) без какого-либо археологического надзора, была выкопана для прокладки временного водопровода траншея длиной около 90 м, шириной около 1—1,5 м и глубиной 1,8—1,9 м, нарушившая здесь культурные слои второй половины XVIII и XIX вв. (илл. 1—3).

По результатам проведенных археологических исследований, а также с учетом имеющихся картографических и письменных источников можно рекомендовать КГИОП поставить вопрос об исключении из числа находящихся под государственной охраной объектов культурного наследия федерального значения гранитной облицовки всех берегов острова, особенно Ковша, а также очертаний и профилировки берегов Ковша и р. Мойки, а также профилировки берега Крюкова канала. Все они являются результатом выполненных во второй половине XX в. работ, существенно искаживших вид берегов. Однако, следует отметить, что при реконструкции недопустимо дальнейшее сокращение площади зеркала Ковша, который и так был урезан в последние полвека.

Фото 1. Ю.М. Лесман. День археолога в Новой Голландии. 2007 г. (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 1. Yu. M. Lesman. Archaeologist' day in New Holland, 2007 (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 2. На раскопках Новой Голландии в Санкт-Петербурге. 2006 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 2. At the excavation of New Holland in Saint-Petersburg, 2006 (photo by S. V. Beletsky).

Фото 3. Ю.М. Лесман фотографирует раскоп из окна Лесного склада (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 3. Yu. M. Lesman photographs the excavation from the timber yards window (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 4. Ю.М. Лесман фотографирует раскоп на Мойке (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 4. Yu. M. Lesman photographs the excavation on the Moika (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 5. Ю.М. Лесман, А. Иванова и А. Кошельков у Лесного склада на Мойке (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 5. Yu.M. Lesman, A. Ivanova, A. Koshelkov at Timber yards on the Moika (photo by E.R. Mikhaylova).

Фото. 6. М. Павлова, А. Иванова, Ю.М. Лесман во дворе Арестантской башни (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 6. M. Pavlova, A. Ivanova, Yu.M. Lesman in the Courtyard of the Prisoner Tower (photo by E.R. Mikhaylova).

Фото 7. Раскопки на берегу Адмиралтейского канала (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 7. Excavations on the shore of Admiralteysky Canal (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 8. На раскопках Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. 2012 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 8. At the excavation of the Winter Palace in Saint-Petersburg, 2012 (photo by S. V. Beletsky).

Фото 9. Чаепитие в Арестантской башне. Ю.М. Лесман, В. Абезгауз, А. Иванова (фото Е.Р. Михайловой).

Photo 9. Tea drinking in the Prisoner Tower. Yu.M. Lesman, V. Abezgauz, A. Ivanova (photo by E. R. Mikhaylova).

Фото 10. На заседании конференции памяти Г.Ф. Корзухиной в ИИМК РАН, 10.04.2006 (фото К.А. Михайлова).

Photo 10. At the Conference in G.F. Korzukhina's Memory, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. April 10, 2006 (photo by K.A. Mikhaylov).

Фото 11. Выступление на заседании в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. 2007 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 11. Presentation at a session in Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2007 (photo by S.V. Beletsky).

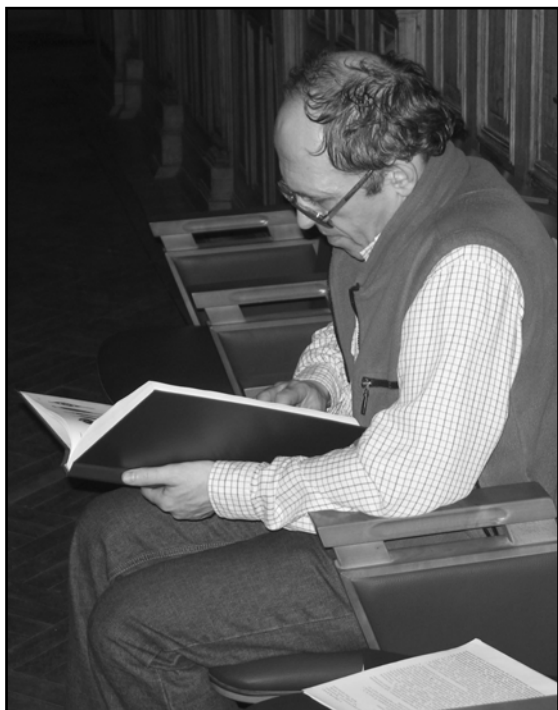

Фото 12. На заседании в ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. 2007 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 12. At a session in Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2007 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 13. Выступление перед студентами СПбГУКИ. 2011 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 13. Presentation before students of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, 2011 (Photo by S.V. Beletsky).

Фото 14. С О.В. Шаровым и А.Н. Кирпичниковым в ИИМК РАН, Санкт-Петербург. 2005 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 14. With O.V. Sharov and A.N. Kirpichnikov in Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2005 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 15. С О.М. Иоаннисяном в Полоцке. 2012 г. (фото С.В. Тарасова).

Photo 15. With O.M. Ioannisyann in Polotsk, 2012 (photo by S.V. Tarasov).

Фото 16. С другом детства актером Алексеем Заливаловым (†2012) в «Подвале бродячей собаки» в Санкт-Петербурге. 2010 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 16. With a childhood friend, actor Alexei Zalivalov (†2012) in Art-Café «Подвал бродячей собаки» ("Stray Dog Cellar"), Saint-Petersburg, 2010 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 17. С женой И.А. Левинской в Татьянин день у С.В. Белецкого в Санкт-Петербурге. 2008 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 17. With his wife I.A. Levinskaya on Tatiana's Day at S.V. Beletsky's place in Saint-Petersburg, 2008 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 19. Дома. 2005 г. (фото С.В. Белецкого).

Photo 19. At Home, 2005 (photo by S.V. Beletsky).

Фото 18. На выставке новых поступлений в библиотеке ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. 2012 г. (фото С.Н. Травкина).

Photo 18. At the exhibition of new deliveries in the IHMC library, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, 2012 (photo by S.N. Travkin).

Список печатных работ Ю.М. Лесмана

1975

1. Экспедиция Калининского областного краеведческого музея. *АО* 1974, 66—67. (В соавт. с И.Г. Портнягиным).

1976

2. Работы Калининского отряда. *АО* 1975, 55—56. (В соавт. с Е. А. Бодуновым, В. А. Булкиным, В. М. Воробьевым, Ю. Н. Урбаном).
3. Разведки в бассейне оз. Пирос. *АО* 1975, 73. (В соавт. с Г. М. Зубкиным).

1977

4. Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок). *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР*. Ленинград, 106—112.
5. Работы в Торопце и его окрестностях. *АО* 1976, 58—59.

1978

6. Разведочные работы в Верхнем Полужье. *АО* 1977, 21—22.
7. Работы в Торопце и его окрестностях. *АО* 1977, 70—71. (В соавт. с С. А. Букашкиным, В. Г. Маргосъ).

1979

8. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии. *СА* (1), 303—313. (В соавт. с С. В. Белецким).
9. К применению методики распознавания образов для анализа керамического комплекса. *Новое в применении физико-математических методов в археологии*. Москва, 107—114.
10. Работы Оредежского отряда. *АО* 1978, 23—24. (В соавт. с А. В. Виноградовым).
11. Работы в Торопце. *АО* 1978, 71.

1980

12. Работы в Полужье. *АО* 1979, 18—19.
13. Разведочные работы Валдайского отряда. *АО* 1979, 61—62.

1981

14. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. *КСИА* 164, 52—58.
15. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада. *КСИА* 166, 98—103.
16. Разведочные работы Оредежского отряда. *АО* 1980, 18—19.
17. Работы Торопецкого отряда. *АО* 1980, 63—64.

1982

18. Археологическая карта Верхнего Полужья. *Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья*. Ленинград, 45—49. (В соавт. с Г. С. Лебедевым, Н. И. Платоновой).
19. Информационные оценки сложности формы керамических сосудов. *Естественные науки и археология в изучении древних производств*. Москва, 149—155. (В соавт. с Э. В. Корочкиным).
20. О стилистических особенностях орнаментики древнерусской круговой керамики: (по материалам Пскова). *Естественные науки и археология в изучении древних производств*. Москва, 135—148. (В соавт. с С. В. Белецким).
21. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград, 65—74.
22. Рец.: Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. *СА* (3), 243—248. (В соавт. с С. В. Белецким).

1983

23. Сопровождение «Физико-математические науки в изучении истории производительных сил». *СА* (2), 296—301. (В соавт. с А. К. Станюкович, Г. А. Силантьевым).

1984

24. Информационные оценки сложности погребального обряда. *Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней*. ТД. Москва, 43—44.
25. Комплексные ландшафтно-градостроительные обследования памятников археологии. *Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней*. ТД. Москва, 103—105. (В соавт. с Б. Е. Милославской).
26. Лингвистические аспекты создания музейных банков данных. *Музей и этнографические проблемы современности*. Секция 2. ТД. Ленинград, 35—37. (В соавт. с В. А. Грачом, Л. А. Лавлинской, Л. С. Марсадиловым, Е. Л. Немировской, Н. А. Фонаевой, М. А. Чеповецким, Я. А. Шером).
27. Принципы классификации движимых памятников истории и культуры. *Музей и этнографические проблемы современности*. Секция 2. ТД. Ленинград, 33—35. (В соавт. с М. А. Чеповецким, Я. А. Шером).
28. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: (принципы синхронизации). *Археологическое изучение Новгородской земли*. Ленинград, 118—153.
29. Хронологическая периодизация древнерусских

№5. 2014

погребальных памятников Северо-Восточного Причудья. *АИППЗ*, 39—40.

30. Рец.: Гуревич Ф. Д. Древний Новгородок: посад-окольный город. Ленинград, 1981. СА (4), 269—274. (В соавт. с С. В. Белецким).

1985

31. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье. *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград, 33—37.
32. Сельское расселение на Северо-Западе Восточной Европы: (Возможности комплексного изучения). *Человек и окружающая среда в древности и средневековье*. Москва, 84—97 (В соавт. с С. В. Белецким, А. К. Станковичем, В. П. Фроловым, К. В. Шишкиным).
33. Погребальный ритуал и погребальные сооружения: (к осмыслению археологического материала Восточной Европы второй половины I — первой половины II тыс. н. э.). *Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд*. ТД. Москва, 54—56.

1987

34. Автоматизированная хронологическая систематизация монет (На материалах новгородских монет XV в.). *Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении*. ТД. Ленинград, 39. (В соавт. с В. Ч. Черным).
35. Датировка комплексов однократного формирования: (вероятностный подход). *Комплексные методы в исторических исследованиях*. ТД. Москва, 203—205.
36. Торопецкий могильник культуры длинных курганов. *АИППЗ*, 66—67.

1988

37. Динамика изменения численности населения Северо-Запада Новгородской земли в XI—XV вв. (к реконструкции и интерпретации). *ННЗИА*, 54—57.
38. *Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV (синхронизация вещевых комплексов)*: АҚД/МГУ. Ист. фак. Москва, 26 с.
39. Торопец и Луки: (сравнение исторических судеб). *АИППЗ*, 71—75.

1989

40. К датировочным возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. *ННЗИА* 2, 82—87.
41. К динамике изживания североευропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI—XIV вв. (железные ножи). *ТД Сканд* 11. Ч. 1. Москва, 157—159.
42. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов. *Славяне: Этногенез и этническая история*. Ленинград, 12—18.
43. О составе типового пакета прикладных программ для научных исследований памятников истории и культуры. *Комплексные методы исследования археологических источников. Материалы к 5-му совещанию*. Москва, 17.
44. Периодизация археологических исследований Северо-Запада Новгородской земли. *Нарва*,

Ивангород, Принаровье. История и археология. ТД. Нарва, 20—23.

1990

45. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов. *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград, 12—18.
46. К топографии Торопца (конец I — начало II тыс. н. э.). *Вестник МГУ. История* 4, 73—82.
47. Многобусинные височные кольца. *ННЗИА* 3, 99—101.
48. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). *МАНЗ 1988*. Новгород, 29—98, ил.

1991

49. Этюд об украшениях. В: Клейн Л. С. *Археологическая типология*. Ленинград, 305—314.
50. L. S. Klejn and the development of theoretical archaeology. *Fennoscandia archaeologica* VIII, 65—66.

1992

51. На патриотическом фронте Санкт-Петербурга: после путча. *Барьер* 1, Санкт-Петербург, 6—8.
52. After the Coup: St. Petersburg's Patriotic Front Challenge. №1, 6—8. (пер. на англ. пред. статьи).
53. Национально-патриотическое движение в Ленинграде. Национальная правая прежде и теперь. *Историко-социологические очерки*. Ч. II. Санкт-Петербург, 97—151. (В соавт. с О. Н. Ансберг, И. А. Левинской, В. Г. Узуновой).
54. Необычная находка в культурном слое Новгорода. *Северная Евразия от древности до средневековья*. ТД. Санкт-Петербург, 230—232.
55. Характер культурного слоя русских городов как источник для реконструкции системы хозяйства. *ННЗИА* 5, 189—191.

1993

56. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности. *ПАВ* 3, 98—105.
57. На «Патриотическом» фронте: Петербург в апреле — ноябре 1992 г. *Барьер* 1, 10—11.
58. «Патриотическая» символика. *Барьер* 1, 17—18.
59. На «Патриотическом фронте». Петербург в декабре 1992 — марте 1993 г. *Барьер* 2, 10—11.
60. Основные этапы развития методики полевой фиксации в отечественной археологии. *Проблемы истории отечественной археологии*. ТД. Санкт-Петербург, 9—11.

1994

61. Выступление в дискуссии в рамках Круглого стола «Александр Невский и его время. К 750-летию со дня «Ледового побоища». *Древний Псков: Исследования средневекового города*. Санкт-Петербург, 140—142.
62. История материальной культуры и археология. *Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса*. Санкт-Петербург, 17—19.
63. К хронологии городища Савкина Горка. *Памятники средневековой культуры: открытия и версии*. Санкт-Петербург, 146—154.
64. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей. *Нов-*

- городские археологические чтения. Новгород, 178—193, ил.
65. Материалы к изучению системы расселения Северо-Западной Руси: микрорегиональный уровень. *Древний Псков: Исследования средневекового города*. Санкт-Петербург, 67—73: ил.
 66. На патристическом фронте: Петербург весной 1993 — осенью 1994 г. *Барьер* 4, 9—11.
 67. Сериационная хронология: иллюзии и реальность. *Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти доктора исторических наук Б. А. Колчина*. ТД. Ч. 1. Санкт-Петербург, 34—35 (рус., англ.)
 68. Фигуративные изображения XI—XIV вв. как источник для изучения хронологии украшений Балтийско-Североморского региона. *Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации*. ТД. Москва, 91—92.
 69. Рец.: В. В. Бочаров. Власть. Традиции. Управление (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). Москва: Наука, 1992. *St. Petersburg Journal of African Studies* 3, 106—108 (англ.)
- ### 1995
71. Древнерусские браслеты с выпукло-вогнутыми валиками. *СГЭ* 56, 38—42, ил.
 72. Древнерусский Тесов. *Древности Северо-Западной России*. Санкт-Петербург, 78—82.
 73. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда. *Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга (1839—1903): 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и Культура»*. Сборник материалов (8). Санкт-Петербург, 194—209.
 74. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI—XIV вв. *Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции*. Ч. 2. *Христианство и древнерусская культура*. Санкт-Петербург; Псков, 13—19.
 75. Несколько замечаний о находках крестов-подвесок в Скандинавии. *Ладога и Северная Русь*. Санкт-Петербург, 45—47.
 76. Новгородские привески — источник для реконструкции динамики христианизации. *Восточная Европа в древности и средневековье: язычество, христианство, церковь*. ТД. Москва, 33—36.
 77. Принципы построения информационно-логических моделей музейного банка данных. *Музей в современной культуре*. ТД. Санкт-Петербург, 75—78.
 78. Традиции регионалистики в российской археологии и XVI (Псковский) археологический съезд. *Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции*. Ч. 3. *Памятники церковной археологии России*. Санкт-Петербург; Псков, 105—109. (В соавт. с С. В. Белецким, Г. С. Лебедевым).
- ### 1996
79. Вероятностная датировка комплексов однократного формирования. *Stratum + ПАВ*. Санкт-Петербург; Кишинев, 15—20.
 80. Вихревая розетка и свастика в декоре древнерусских ювелирных изделий. *Ювелирное искусство и материальная культура*. ТД 2-го colloquiuma. Санкт-Петербург, 32—35.
 81. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы. *Ювелирное искусство и материальная культура*. ТД 2-го colloquiuma. Санкт-Петербург, 35—37.
 82. Внутренние противоречия методики раскопок средневековых курганных могильников лесной зоны Восточной Европы. *Курган: историко-культурные исследования и реконструкция*. ТД. Санкт-Петербург, 4—6.
 83. Выступление в дискуссии в рамках Круглого стола «Методика этногенетических исследований». *Труды VI Международного конгресса славянской археологии* 3. Москва, 395—396.
 84. К динамике развития североевропейских традиций в древнерусской культуре: монетовидные подвески, орнаментированные волотами. *Ладога и Северная Европа*. Санкт-Петербург, 67—70.
 85. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений. *ТД Сканд* 13. Москва; Петрозаводск, 180—183. (В соавт. с О. М. Олейниковым).
 86. Композиция декора ювелирных изделий Новгорода X—XV вв. *ННЗИА*, 10, 110—125.
 87. Намисто Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 204 (В соавт. с З. А. Львовой, С. С. Рябцевой).
 88. «Столичная» и «провинциальная» археология: перемены 70—90-х гг. *АП* 1, 107—110 (В соавт. с С. В. Белецким).
 89. Украшения древних новгородок и средневековая эротика. *Чело* 1, 3—4: ил.
 90. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки). *АП* 1, 52—65.
- ### 1997
91. Парадокс древнерусской Ладоги. *Ладога и религиозное сознание*. Санкт-Петербург, 27—34.
 92. Структура описания произведений станкового изобразительного искусства. *Музей в современной культуре*. Санкт-Петербург, 139—187.
- ### 1998
93. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси. Скифы. Хазары. Славяне. *Древняя Русь: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова*. ТД. Санкт-Петербург, 158—162.
 94. К иконографии древнерусских металлических крестов-подвесок: общие пропорции креста. *Церковная археология* 4. Санкт-Петербург, 171—175.
 95. Культурный слой поселений и характер вещевого комплекса. *Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической конференции*. Санкт-Петербург, 26—33.
 96. Между эпохой викингов и средневековьем: погребальные памятники Швеции переходного периода: (предварительные наблюдения). *Ладога и эпоха викингов*. Санкт-Петербург, 75—78.
 97. Монгольское завоевание в зеркале ювелирных украшений Новгородской земли. *Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время*. Москва, 78—81.
 98. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919—

№5. 2014

- 1997). РА (1), 247—249. (В соавт. с А. А. Александровым, С. В. Белецким, А. Н. Кирпичниковым, Г. С. Лебедевым, О. В. Овсянниковым, С. А. Плетневой, К. М. Плоткиным).
99. Устойчивость формы новгородских привесок (материалы к изучению эволюции древнерусских украшений). АП 2, 31—36.
100. Формирование северо-западной границы Новгородской земли: (культурный аспект). *Восточная Европа в древности и средневековье*. X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто. Материалы конференции. Москва, 63—65.
101. Эволюция ювелирных изделий Древнего Новгорода: в поисках объяснения. *Теория и методология археологии*. Санкт-Петербург, 106—115.

1999

102. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса: Хроника. СГЭ 58, 160—161.
103. Математическое моделирование в изучении культуры. *Учебные программы по специальности 020100 — «Философия»*. Санкт-Петербург, 334—335.
104. Миф о русской свастике. *Барьер* 1, 104—110.

2000

105. *Математическое моделирование в изучении культуры: Программа курса лекций*. Санкт-Петербург.
106. Археологические работы во дворах Государственного Эрмитажа. *Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 1999 год*. ТД. Санкт-Петербург, 57—59. (В соавт. с О. М. Иоаннисяном, С. Л. Кузьминым, В. Ю. Соболевым, Я. В. Френкелем).
107. Лунницы из гнездовского клада 1868 г.: к культурной характеристике последнего владельца. *Ювелирное искусство и материальная культура*: ТД 70-го коллоквиума. Санкт-Петербург, 51—54.
108. О датировке среднего слоя городища Савкина Горка. *Далекое прошлое Пушкиногорья* 5, 14—22.
109. Опыт систематизации политической эмблематики современной России. *Геральдика в прошлом, настоящем и будущем*. Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 36—39.

2001

110. Математические методы в археологии: Программа курса лекций. *Программы методических курсов по археологии*. Санкт-Петербург.
111. Наблюдения над земляными работами во дворах Государственного Эрмитажа. *Отчетная археологическая сессия за 2000 год*. ТД. Санкт-Петербург, 53—55 (В соавт. с О. М. Иоаннисяном, Я. В. Френкелем, П. Л. Зыковым, Е. Н. Торшиным, А. В. Жервэ).
112. Скандинавы на востоке: откуда, куда, зачем (по материалам рунических камней). *Норна у источника Судьбы*. Москва, 225—231.

2002

113. Археология и хронология. *Программы специальных курсов по археологии*. Санкт-Петербург, 3—9.

114. Скандинавский фактор архаичности древнерусской культуры. *Материалы к седьмым чтениям памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 211—223.
115. Формализованная сериационная хронология: тщета надежд. *Сучасні проблеми археології*. Київ, 122—124.

2003

116. Археологический надзор в Большом дворе Зимнего дворца (2002—2003 гг.). *Отчетная археологическая сессия за 2002 год*. ТД. Санкт-Петербург, 86—88. (В соавт. с О. М. Иоаннисяном, П. Л. Зыковым, А. В. Жервэ).
117. Археологический надзор за работами в зоне Дворцовой площади. *Отчетная археологическая сессия за 2002 год*. ТД. Санкт-Петербург, 88—92. (В соавт. с О. М. Иоаннисяном, П. Л. Зыковым, Н. В. Новоселовым, А. В. Жервэ).
118. «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути. *Староладожский сборник* 6, 54—72.
119. Предыстория Нового Эрмитажа: застройка участка по данным археологического надзора 1999—2001 годов. *Новый Эрмитаж: 150 лет со дня создания*. Материалы юбилейной научной конференции. Санкт-Петербург, 23—28. (В соавт. с А. В. Жервэ, О. М. Иоаннисяном, С. Ю. Мишиным).
120. К истории строительства Нового Эрмитажа. Некоторые особенности строительства: по результатам архитектурно-археологических наблюдений. *Новый Эрмитаж: 150 лет со дня создания*. Материалы юбилейной научной конференции. Санкт-Петербург, 29—31. (В соавт. с А. В. Ефимовым, О. М. Иоаннисяном).
121. [Памяти Г. С. Лебедева]. Гражданин Касталии. Ученый, Романтик, Викинг. *Санкт-Петербургский университет* 28—29. Санкт-Петербург, 50—52.
122. Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов. *Ювелирное искусство и материальная культура*. ТД участников 12-го коллоквиума. Санкт-Петербург, 70—75.

2004

123. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас. ТД Сканд 15. Ч. I. Москва, 233—236.
124. Кластерные, хронологически значимые и датирующие типы. *Археолог: детектив и мыслитель*. Санкт-Петербург, 138—156.
125. Цветовая гамма новгородских стеклянных изделий и массовая психология. *Археология и естественнонаучные методы*. Москва, 45.

2005

126. Аннотации в каталоге выставки «Золотая Орда: История и культура». Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург, 200. (В соавт. с М. Г. Крамаровским).
127. Доклад на Круглом столе «Археология позднего периода истории». РА (1), 85—89.
128. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова). *Stratum plus* (5) (2003—2004), 515—577. (В соавт. с С. В. Белецким).

2006

129. Восточноевропейские реплики скандинавских подвесок с зооморфными изображениями. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Санкт-Петербург, 86—89.
130. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках). *Археология Верхнего Поволжья*. Москва, 244—252, ил.
131. О нижнем слое Труворова городища: (керамика и хронология). *Изборск и его округа*. Материалы II Международной научно-практической конференции. Изборск, 71—100.

2007

132. Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок). В: Малыгин П. Д. *Археологические памятники Тверской области и история их изучения*. Учебное пособие. Тверь, 87—92.
133. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада. В: Малыгин П. Д. *Археологические памятники Тверской области и история их изучения*. Учебное пособие. Тверь, 93—100.
134. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте. *Древняя Русь и народы Балтики*. Санкт-Петербург, 142—194. (В соавт. с Н. И. Платоновой, Т. А. Жегловой).

2008

135. Вырицкий курганный могильник. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* (2). Санкт-Петербург, 33—73.
136. Национально-патриотическое движение в Ленинграде. Диссиденты, неформалы, демократы. *Против ненависти. Сборник материалов антифашистского движения Ленинграда — Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург, 89—125. (В соавт. с А. Я. Винниковым, И. Б. Губановым, И. Г. Тарусиной, О. Н. Ансберг, И. А. Левинской, В. Г. Узуновой).
137. На патриотическом фронте Санкт-Петербурга: после путча. *Против ненависти. Сборник материалов антифашистского движения Ленинграда — Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург, 126—130.
138. На «Патриотическом» фронте. Петербург в апреле — ноябре 1992 г. *Против ненависти. Сборник материалов антифашистского движения Ленинграда — Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург, 131—132.
139. На «Патриотическом фронте». Петербург в декабре 1992 — марте 1993 г. *Против ненависти. Сборник материалов антифашистского движения Ленинграда — Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург, 133—134.
140. На «Патриотическом» фронте. Петербург весной 1993 — осенью 1994 г. *Против ненависти*.

Сборник материалов антифашистского движения Ленинграда — Санкт-Петербурга 3. Санкт-Петербург, 135—138.

141. Переяславский курганный могильник «За тюрьмой» в раскопках В. М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией. *Наукові записки з української історії* (20). Переяслав-Хмельницький, 124—147.
142. Проблема Изборска X века: методика датировки и методология эволюционизма. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради* 1. Коростень, 32—38. (В соавт. с С. В. Белецким).

2009

143. В семинаре с юных лет. В: Клейн Л. С. *Спор о ваярах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург, 279—283

2010

144. Литейная форма из Вышгорода. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Санкт-Петербург, 478—485.

2011

145. Подвески со знаками Рюриковичей из могильника Хилово и проблема генезиса подвесок-реплик. *XVI ВНК*. ТД. Санкт-Петербург, 105—107.
146. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI—XII веках. *РАЕ* 1, 396—420.
147. Сериационная хронология: иллюзии и реальность. *ЗИИМК* 6, 186—198.
148. Стеклянные гладилки: сырье в стеклоделии и инструменты обработки тканей. *Стекло Восточной Европы в древности, средневековье и Новое время: изучение и реставрация*. ТД. Москва, 37—38.

2012

149. Новые материалы о стеклоделии в средневековой Ладоге. *Ладога и Ладозская земля в эпоху средневековья* (3). Санкт-Петербург, 62—77. (В соавт. с Н. В. Григорьевой).

2013

150. Номо pudus в Полоцком княжестве. (Запись выступления). *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. Ч. 1. Полацк, 221—233.

2014

151. Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия. *Stratum plus* (5), 26—31.
152. Скандинавский компонент древнерусской культуры. *Stratum plus* (5), 41—85.

Составитель Всевиов Л. М.

Ю.М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Keywords: Early Russian Culture, Scandinavians, smithcraft, jewelry, female jewelry, male subculture, weapons, funerary rite.

Cuvinte cheie: cultura rusă veche, scandinavi, fierărie, articole de giuvaergerie, port feminin, subcultură bărbătească, armament, rit funerar.

Ключевые слова: древнерусская культура, скандинавы, кузнечное дело, ювелирные украшения, женский убор, мужская субкультура, оружие, погребальный обряд.

Yu. M. Lesman

Scandinavian Component in the Early Russian Culture

This article is a post-mortem publication of Yu.M. Lesman's paper, in the version it had acquired by 2010. It is an analytical overview of originally Scandinavian elements in the Early Russian culture. The author identifies specificity and dynamics of penetration of Scandinavian components into the Early Russian culture, focusing, particularly, on Scandinavian elements in development of smithcraft ("pack" technology, bundles, etc.) and jewelry, Scandinavian prototypes in the Early Russian female jewelry set and Scandinavian features of the funerary rite.

Yu. M. Lesman

Componentul scandinav al culturii ruse vechi

Prezentul articol reprezintă publicația postumă a lucrării lui Yu.M. Lesman în stadiul la care ea se afla în 2010. Studiul reprezintă o trecere analitică în revistă a elementelor de origine scandinavă în cultura rusă veche. Autorul caracterizează specificul și dinamica pătrunderii acestor elemente. Sunt analizate componentele scandinave din tradiția meșteșugărească de prelucrare a fierului (tehnologie „de lot”, noduri, etc.) și confecționare a podoabelor, prototipurile scandinave în giuvaergeria portului feminin, trăsăturile de origine scandinavă ale ritului funerar.

Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Данная статья является посмертной публикацией работы Ю.М. Лесмана в том виде, какой она приняла к 2010 г. Статья посвящена аналитическому обзору скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры. Автор прослеживает специфику и динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру. Рассматриваются скандинавские компоненты в формировании ремесленной традиции в кузнечном деле (пакетная технология, узлы и др.) и ювелирном ремесле, скандинавские прототипы в древнерусском женском ювелирном уборе, скандинавские по происхождению черты погребального обряда.

От редакции

Статью «Скандинавский компонент древнерусской культуры» Ю. М. Лесман готовил к печати на основе доклада, прочитанного на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света». Конференция проходила с 14 по 18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. Материалы конференции в 2009 г. были изданы, однако статьи Ю. М. в этом издании нет — автор продолжал дорабатывать текст и, как это с ним часто бывало, в срок статью в издательство не сдал.

В компьютере Ю.М. сохранились, по крайней мере, шесть вариантов текста статьи, при этом от варианта к варианту название статьи уточнялось, а объем разрастался. Если в начале марта 2008 г. статья называлась «Скандинавский компонент древнерусской культуры: предварительный эскиз», а объем текста едва достигал 3 п.л., то уже через месяц рукопись увеличилась до 4 п.л., еще через три с половиной месяца она превысила 5,5 п.л., а название приобрело свой окончательный облик. К весне 2009 г. объем достиг 6 п.л. В дальнейшем работа над рукописью свелась к стилистической правке.

Публикация подготовлена на основе последнего из сохранившихся вариантов статьи, датированного июлем 2010 г. Вмешательством в авторский текст явились исправление явных опечаток, мелкая стилистическая правка и унификация ссы-

лок. Публикацию статьи предваряют тезисы доклада 2007 г., сохранившиеся в компьютере Ю. М. Дискуссия по докладу была опубликована в материалах конференции (Сложение... 2009: 569—571, 587—588).

С. В. Белецкий

Тезисы доклада

1. Материальная культура древней Руси как древнерусская археологическая культура. Территориально-хронологические рамки.

2. Этап формирования древнерусской культуры — середина X—XI вв.; центры кристаллизации.

3. Скандинавский компонент в формировании ремесленной традиции. Кузнечное дело (пакетная технология, узлы и др.). Ювелирное ремесло (сложные чеканы-штемпли, завязанноконечные изделия и др.). Способы крепления изделий (железные гвозди, заклепки, обмотки рукоятей и др.).

4. Скандинавский компонент в сложении древнерусского женского убора и, в частности, его локальных «племенных» особенностей. Усвоение и переработка скандинавских прототипов украшений (браслеты, височные кольца, подвески, фибулы и др.).

5. Скандинавский компонент в сложении древнерусской погребальной обрядности. Камерные погребения и их традиция. Жальничные и каменные могильники, их скандинавские прототипы и аналоги. Роль камня в погребальных конструкциях. Погребения в сидячем положении.

6. Русско-скандинавский культурный пласт в археологических проявлениях (типологические особенности вещей и особенности иконографии изображений).

7. Регионально-хронологические различия в восприятии скандинавских компонентов местной культурой. Модель механизмов взаимодействия (усвоения и отторжения скандинавских компонентов).

8. Судьба скандинавского компонента в древнерусской культуре.

* * *

Древнерусская культура формируется на протяжении середины X—XI вв., объединяя огромные пространства лесной и лесостепной (а в какой-то мере и степной) зоны Восточной Европы, занятые ранее мозаикой различных, в той или иной степени различающихся археологических культур, памятники которых иногда соседствуют друг с другом, иногда располагаются чересполосно. Основные из этих культур (памятники которых датируются теми или иными интервалами в промежутке между VI и XI вв.): Луки Райковецкой, роменско-боршевская (с определенными различиями между роменской и боршевской группами, Верхним Поочьем и Подмосковьем), салтово-маяцкая, смоленских длинных курганов, северных (псковско-боровичских) длинных курганов.

нов, сопок, курганов юго-восточного Приладожья, мерянская (при всей условности использования этнического наименования), хотя этот список можно расширять, как за счет пограничных территорий, так и за счет более дробной культурной дифференциации. Говоря об этих культурах и об их соотношении с древнерусской, следует учитывать хронологические различия, так как некоторые из них возникли существенно раньше древнерусской, и большинство их памятников предшествуют наиболее ранним древнерусским, а некоторые — лишь ненамного опередили древнерусскую (наиболее поздние — культуры сопок и приладожских курганов), и значительная часть относящихся к этим культурам памятников синхронна ранним древнерусским.

Начиная со второй половины X в. явственно фиксируется процесс распространения новой культурной общности, причем распространение происходит неравномерно и первоначально охватывает не столько обширные территории, сколько отдельные узловые точки: в первую очередь возникающие города, но также и ряд поселений (и связанных с ними могильников) в сельской местности. Как правило, они играли роль своего рода центров кристаллизации новой культурной общности: здесь формировались новые культурные стереотипы, или сюда они раньше проникали и в дальнейшем отсюда транслировались далее. Следует учитывать, что древнерусская культура в X в. представляла собой только зарождающееся явление и еще не выработала устойчивых форм. Как сравнительно однородное (при всех межрегиональных и иерархических различиях: между городами разного статуса и сельскими районами, между субкультурами разных социальных групп) и относительно стабильное явление (обладающее своей динамикой развития) древнерусская культура становится осязаемой реальностью лишь в XI в., а ряд инокультурных групп поглощается ею лишь в первой половине следующего столетия. В целом территориальные границы новой культурной общности соответствуют территориальным границам Древнерусского государственного образования.

При всех успехах археологического изучения древнерусской культуры, основное внимание исследователей было традиционно сосредоточено преимущественно на ее характеристике. Культуры, возникшие раньше и существовавшие на той же территории или на соседних территориях, изучались, в первую очередь, либо сами по себе, либо в рамках ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней тех или иных особенностей древнерусской культуры (здесь, не останавливаясь на огромной библиографии, следует назвать в пер-

вую очередь работы В. В. Седова и, применительно к культурам, входящим в культурный круг, традиционно интерпретируемый как оставленный носителями финно-угорских языков, Е. А. Рябиной).

Как представляется, нерешенность, а нередко и непоставленность многих проблем сложения древнерусской культуры связана с двумя основными причинами (не считая очевидной и вечной нехватки фактических материалов и их недостаточной обработанности). Одна из них носит методологический характер и непосредственно связана с многолетним господством ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней (которых нередко оказывается много, а часть на поверку оказывается фиктивными), а не на реконструкцию, изучение и, по возможности, объяснение протекавших культурных процессов.

Вторая носит, скорее, источниковедческо-методический характер — недостаточное внимание к разработке хронологии. С одной стороны, в рамках статично-внутрикультурных или ретроспективных межкультурных исследований надежная и детальная хронология не так и важна. С другой стороны, отсутствие достаточно надежной и детальной хронологии (при всей недостаточности любых результатов), особенно хронологии абсолютной, оперирующей датами, сопоставимыми с реальной динамикой культурных и, шире, реальной динамикой исторических процессов и событий, делало невозможными сколь-нибудь надежные реконструкции процесса становления древнерусской культуры. В последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Во-первых, во многих случаях удалось уточнить датировки вещей, комплексов, памятников (Лесман 1996а и др.) и, следовательно, появилась возможность более адекватной характеристики культурного процесса. Во-вторых, появляются исследования, анализирующие сам процесс если не становления, то, по крайней мере, распространения древнерусской культуры (в первую очередь следует назвать монографию А. В. Григорьева, см.: Григорьев 2000). В то же время постепенно все более очевидной становится недостаточность (если не ошибочность) прямых ретроспективно-генетических реконструкций, связывающих древнерусскую культуру с ее непосредственными предшественниками, хотя столь же недостаточно (и ошибочно) полное отрицание связей. Сейчас очевидно, что процесс не был ни плавным, ни линейным. Реконструкция процесса формирования древнерусской культуры — непростая задача, к разрешению которой современная археология только приступает. Настоящая статья — лишь попытка представить предварительный набросок одного из фрагментов этой пока еще в полной мере даже не намеченной картины. Ее задача — выявить основные тенденции вхождения в древнерусскую культуру одного из компонентов ее генезиса — скандинавской культуры эпохи викингов; попытаться реконструировать динамику процессов, локальные особенности, механизмы, определявшие отбор древнерусским обществом тех компо-

нентов культуры, которые усваивались, и тех, которые отвергались. В силу отсутствия пока общей картины генезиса древнерусской культуры, предлагаемые решения носят во многом предварительный характер и будут неизбежно корректироваться в дальнейшем. Недостаточно проработаны пока и многие частные (но далеко не второстепенные) вопросы. Огромные объем материала и территория заставляют в рамках статьи ограничиться лишь самой обобщенной характеристикой сюжетов, сколь бы важны и показательны для общей картины они ни были. Несомненно, ряд скандинавских компонентов древнерусской культуры остался вне поля зрения автора, который надеется, что его работа стимулирует коллег на их выявление и анализ. С другой стороны, автор тешит себя надеждой, что анализ участия скандинавского компонента в генезисе древнерусской культуры стимулирует исследование места и роли других культурных составляющих этого процесса, а также разработку общей модели культурогенеза древнерусской культуры.

При выявлении инокультурных компонентов, вошедших в древнерусскую культуру на этапе ее формирования, речь должна идти в первую очередь не об импортных изделиях, или памятниках (комплексах), оставленных на территории Древней Руси носителями иных культурных традиций, даже не о предметах, несомненно изготовленных на месте, но вне древнерусских культурных норм (насколько мы можем их реконструировать). Наиболее значимы те явления, которые вошли в древнерусскую культуру, а также принципы их отбора культурой: что воспринималось, а что нет; как модифицировались воспринятые явления в процессе аккультурации, насколько широко и быстро они распространились; какова была динамика их распространения в рамках разных субкультур, и насколько устойчиво эти инновации закрепились в культуре. Полный анализ в этом ракурсе всех аспектов древнерусской культуры выходит за границы моих возможностей, поэтому я ограничусь теми явлениями, которые удалось в той или иной степени исследовать, прекрасно понимая, что их круг может (и должен) быть расширен. Речь пойдет о: 1) производственных традициях в кузнечном и ювелирном деле, способах крепежа деревянных изделий и конструкций; 2) сложении типологического состава металлической части женского убора; 3) сложение ряда компонентов мужской субкультуры — в первую очередь комплекса вооружения и миниатюрного оружия; 4) древнерусской погребальной обрядности. За рамками настоящей статьи остается домостроительство, кораблестроение, агротехника, техника обработки кости (в частности, изготовления гребней), дерева (в том числе с использованием токарного станка), проявляющиеся в наборе находок нормы бытового поведения и поддержания личной гигиены (в том числе использование гребней для расчесывания волос), использование тех или иных мотивов и композиций декора, а также другие аспекты древнерусской культуры.

1. Производственные традиции: кузнечное дело, ювелирное ремесло, крепеж

1.1. Сварной трехслойный пакет в технологии изготовления железных ножей

Ножи, изготовленные в соответствии с этой технологической схемой (стальная пластина по оси лезвия и железные по краям, что обеспечивало самозатачивание ножа в процессе эксплуатации) и отличающиеся от прочих также морфологически, были выделены среди древнерусских кузнечных изделий Б. А. Колчиным в 1950-е гг. (Колчин 1953; 1959), который отметил их типичность для Новгорода X—XI и отчасти XII вв. В 1980 г. Р. К. Минасян выделил среди восточноевропейских ножей группу (которая получила номер IV), отличающуюся определенной формой и конструкцией: лезвие с толстым обушком, незначительными уступами при переходе к черенку и, что важно для понимания конструкции ножа в целом, длинным загнутым на конце черенком, на конце которого могла быть железная шайба (Минасян 1980). Подобная конструкция предполагала, что черенок проходил сквозь деревянную или костяную рукоять насквозь и жестко закреплял ее загибом на конце и/или шайбой. Технологически ножи IV группы относятся к классу изделий из трехслойного сварного пакета. Р. С. Минасян отметил их связь со скандинавской культурной традицией. Сейчас происхождение на Руси как пакетной технологии, так и формы/конструкции ножей IV группы ни у кого уже не вызывает сомнения (см.: Терехова и др. 1997). Следует отметить лишь несколько существенных аспектов. В Скандинавии подобные ножи появляются лишь с началом эпохи викингов, то есть синхронно со Старой Ладогой (что не выделяет их из контекста скандинавской культуры, учитывая появление скандинавов в Ладоге еще в эпоху Венделя). Далеко не все ножи, изготовленные в пакетной технологии, имели столь длинный черенок, чтобы его можно было загибать на конце рукояти. У подавляющего большинства ножей эпохи викингов, как в Скандинавии, так и на Руси черенок был несколько более коротким (хотя и длиннее, чем у большинства ножей иных разновидности) и лишь втыкался в рукоять¹. На территории

Новгородской земли в конце X — начале XII вв. ножи, изготовленные в пакетной технологии, стали фактически единственным использовавшимся здесь типом. Число находок подобных ножей исчисляется тысячами, что, несомненно, говорит о местном производстве большинства из них. В течении XII в. как технология, так и форма таких ножей выходят из употребления² (известны ножи-подражания, изготовленные в более простой технологии, но воспроизводящие форму пакетных), вытесняясь ножами со стальным наваренным лезвием, по форме относящимися к I группе по классификации Р. С. Минасяна. В более южных районах Руси пакетные ножи в X—XII вв. сосуществуют с технологически более примитивными изделиями, лезвие которых лишь цементировалось, а форма характерна для I группы ножей по Р. С. Минасяну (см.: Лесман 1989), в более восточных — с цементированными или цельножелезными ножами с прямой спинкой (Леонтьев 1976: 33—45; 1996: 103—110). К сожалению, при рассмотрении технологии ножей X—XIII вв. центральных и, особенно, южных районов Древней Руси, они характеризуются исследователями суммарно, без должной хронологической дифференциации. В результате делаются выводы о решительном преобладании на подавляющем большинстве памятников (кроме Гнездова и Шестовиц) на протяжении всего этого периода ножей с цельножелезным, цементированным или (в XII—XIII вв.) наварным стальным лезвием (морфологически I группа по Р. С. Минасяну). Между тем, в подавляющем большинстве подвергнутых серийным металлографическим исследованиям коллекциях большинство находок относится к предмонгольскому времени (конец XII в. — 1240 г.), когда пакетная технология и в Новгороде ушла в прошлое. Анализ материалов памятников, на которых доля находок конца X—XI вв. более высока, дал радикально иную картину (Вознесенська, Паньков 2004). Показательно, что все типологически определяемые ножи из датирующегося XII в. самого исследованного курганного некрополя

рошо известны в Скандинавии эпохи викингов и перехода к средневековью (см., напр.: Arbman 1940: Taf. 177: 1a; 178: 2, 3; 179: 1, 3, 4, 6—12; Thunmark-Nylén 1995: 141: 8; 154b: 1; 214b: 9; 220b: 9; 236: 10; 245b: 17; 1998: 181: 6, 7; Lyngstrøm 1995: 81—82). Необходимость дополнительного укрепления рукояти была обусловлена типичным для подобных ножей широким основанием черенка (лишь незначительно уже ширины лезвия) и значительной его толщиной. Такие обмотки известны не только в Скандинавии, но, в немалом количестве, и на Руси, причем в комплексах как X в., так и более поздних (вплоть до XII в. — см., напр.: Рябинин 2001: 256, табл. XL: 5, 6), но они не столь многочисленны, чтобы уверенно говорить о местном изготовлении. Нельзя исключить того, что эти ножи вместе с рукоятями привозились из Скандинавии.

² На Карельском перешейке, где в XIII в., несмотря на политическую ассоциированность с Новгородом, сохраняется специфичная культура корелы, изготовленные в технологии трехслойного пакета и сохранявшие обычную для этой технологии морфологию ножи продолжают бытовать и в XIII в. (Хомутова 1982: 188—194, 197—201; Лесман 1989).

¹ Для части ножей рассматриваемого типа характерен специфический способ дополнительного крепежа: проволоочная обмотка деревянной (реже костяной) рукояти, укреплявшая ее и обеспечивавшая более надежное соединение с черенком. Проволока может быть бронзовой или, реже, серебряной, она располагалась на конце рукояти, примыкавшем к клинку. В большинстве случаев, когда обмотка сохранилась хорошо, фиксируется устойчивая система намотки, при которой выпущенные концы свивались и пропускались под обмоткой по линии верха черенка, а самые кончики втыкались в рукоять; реже встречаются модификации этой намотки, имеющие декоративные промежутки или охватывающие всю длину рукояти; иногда обмотка могла выполняться из витой проволоки. Такие ножи хо-

в Переяславле Русском («За тюрмой»), относятся к морфологической группе, которой свойственна пакетная технология (Лесман 2008а). Следует отметить, что ножи рассматриваемой группы характерны на территории Восточной Европы не только для собственно древнерусской культуры, но и еще для двух культурных общностей отчасти ей предшествующих и отчасти синхронных: для культуры сопок (по всей ее территории) и для культуры курганов юго-восточного Приладожья. Эти археологические культуры на северо-западе Восточной Европы не только территориально ближе всего к Скандинавии, но и испытали на себе наиболее мощное скандинавское влияние. В материалах других предшествующих древнерусской восточноевропейских культур подобные ножи встречаются спорадически на заключительном этапе их существования (например, в поздних погребениях длинных курганов, как смоленских, в первую очередь в западной части региона, так и северных, то есть в комплексах, которые могут относиться к X или к первой половине XI в.)³. Таким образом, можно говорить о широком распространении в X—XII вв. принесенной из Скандинавии технологии изготовления самозатачивающихся ножей (технологии трехслойного пакета), причем на территории Новгородской земли эта технология в конце X — начале XII в. господствует, в других же регионах является по меньшей мере широко распространенной.

1.2. Железные гвозди

Железные гвозди — изделия столь обычны для человека нового времени, особенно для горожанина, что редко привлекают внимание археологов (более внимательно относятся к заклепкам, но это связано с их традиционной атрибуцией в качестве ладейных). Поэтому анализ распространения этих предметов весьма затруднен и пока можно наметить лишь самые предварительные общие контуры ситуации (анализ затрудняет тот факт, что нет способов хронологически атрибутировать вырванные из контекста железные кованые гвозди, которые фактически не менялись вплоть до кустарных изделий XX в.). Прежде всего следует отметить отсутствие (полное или, как минимум, почти полное) находок гвоздей на памятниках VI—VIII вв. лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в границах будущего Древнерусского государства и древнерусской культуры (единичные находки связаны с привозными предметами)⁴. У юж-

ных границ древнерусской территории в VIII — начале X в. находки железных гвоздей известны на памятниках салтово-маяцкой культуры, оставленной населением Хазарского каганата (Ляпушкин 1958: 131; Раппопорт 1959: 26—27; Сорокин 1959: 151), но жившие несколько севернее носители роменско-боршевской культуры гвоздями, судя по материалам, которые я смог проверить, не пользовались. Севернее памятников салтово-маяцкой культуры гвозди, датирующиеся второй половины VIII — IX вв., известны лишь в культурном слое Старой Ладogi: ранние находки сравнительно небольшие — длиной около 2—3 см (см. напр. Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 5), но несколько позже фиксируются и более крупные, несомненно, строительно-крепежные. Возможно, гвоздильня (или волочило?) входила в набор инструментов из производственного комплекса 760-х гг. на Староладожском городище (Рябинин 1985: 57, 59, рис. 21: 3; Старая Ладога 2003: 70, 71, №106). В X в. железные гвозди, помимо Ладogi, известны среди находок на Новгородском Рюриковом городище, на городище Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 60), в Гнездово, Шестовицах, в погребениях псковского курганного некрополя (не позже середины XI в.). В культурном слое Новгорода, в частности — Неревского раскопа, гвозди, в том числе строительно-крепежные, представлены, начиная с древнейших ярусов, то есть с середины X в. (Колчин 1959: 110, 112—113). В древнерусских слоях как городских, так и сельских поселений гвозди известны (в числе относительно ранних назову находки гвоздей на древнерусском Екимовском городище и Алчедарском селище в Молдавии⁵, см.: Федоров 1953: 118), но их массовость из-за отсутствия внимания к ним исследователей оценить по большей части пока трудно. Фиксируется использование железных гвоздей в погребениях — ими нередко сколачивали гробовища. Следует, однако, учитывать, что в культуре русской деревни эпохи позднего средневековья и начала нового времени гвозди в строительстве обычно не использовались: согласно старой характеристике, которая отражает специфику традиционной строительной техники, русский мужик избу одним топором без единого гвоздя поставит. Ситуация в Скандинавии совершенно иная: железные гвозди — обычная находка в комплексах эпохи викингов, не говоря о средневековые. Показательно, что наиболее ранние восточноевропейские находки фиксируются на тех памятниках, где наличие скандинавского культурного компонента в это время не вызывает сомнения. Затем — с XI в. (в Новгороде уже со второй половины X в.) — они входят в круг предметов достаточно

³ Специального рассмотрения заслуживает распространение пакетной технологии в Прикамье (см.: Терехова и др. 1997), где прослеживаются и другие сходства с культурой Скандинавии эпохи викингов и вендельского периода (наиболее заметное — гривны пермского (глазовского) типа, основная концентрация находок которых связана с северо-востоком Восточной Европы, при том, что свойственные большинству из них граненые головки характерны для скандинавской культуры).

⁴ Могут, в качестве характерного примера, назвать ум-

бон счита из кургана в Доложском, на котором сохранились остатки небольших гвоздей (Спицын 1896: табл. 16).

⁵ Относительно этого пограничного древнерусского региона трудно уверенно сказать, каков был источник распространения традиции использования железных гвоздей: северный или южный — юго-западный.

обычных для древнерусской культуры (по крайней мере, в ее городском варианте). Как и в случае с ножами, гвозди представлены в памятниках культур приладожских курганов и сопок, однако если в первой из них в сравнительно поздних погребениях по обряду ингумации, то во второй — в классических кремациях, захороненных в сопочных насыпях, причем не только в Поволжье (где их наличие, учитывая соседство с Ладогой, вполне ожидаемо), но и в других регионах (см., напр., Платонова 2002: 188, 190, 191). Известны находки гвоздей и в смоленских длинных курганах, относящихся к финалу этой культуры (напр., в кургане 7 могильника у д. Рудня Полоцкого р-на вместе с железными заклепками найден и гвоздь, см.: Ляўданскі 1930: 185, 188, табл. V: 3).

Скандинавское происхождение традиции изготовления и использования в Древней Руси железных заклепок (ладейных, а также, возможно, и иного назначения), древнейшие восточноевропейские находки которых происходят из слоев VIII в. Старой Ладogi (Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 1—4), ни у кого из исследователей сомнений не вызывает.

**1.3. Чеканы (штампы) для
декорирования ювелирных
изделий с рабочей частью
в форме треугольника
с вписанным в него одним, тремя
или шестью кружками**

Поверхность многих древнерусских ювелирных изделий XI—XIII вв. декорирована с помощью чеканов (если декор наносился на металлическую заготовку, что более вероятно) или штампов (если декор наносился на восковую модель). Ответ на вопрос, чеканы это или штампы, требует специальных широких технико-технологических исследований, но в любом случае уже сейчас поддается анализу форма рабочих частей самих штампов/чеканов. Композиции декора были разнообразны, обычно представляя собой организованный на основе повторяемости и симметрии орнамент, но набор разновидностей форм самих штампов ограничен: отрезки прямой, пунктирные линии из нескольких более коротких отрезков, кружки, окружности (одинарные, реже двойные концентрические), простые треугольники, а также более сложные и визуально эффектные — треугольники с вписанными в них кружками (одним, тремя или шестью), которые нередко именуют «волчьим зубом» (по широко распространенной композиции, когда два ряда таких треугольников расположены параллельно, углы треугольников каждого ряда направлены навстречу друг другу, причем, как правило, острие одного ряда направлено на промежуток в другом). Как показал анализ надежно датированных новгородских находок (Лесман 1989а), подтверждаемый анализом находок из погребальных комплексов, на собственно древнерусских изделиях подобный прием декорирования распространяется

лишь во второй половине XI в. (в Новгороде — начиная со слоев 26 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1055—1076 гг.)⁶. Единичные ювелирные изделия более раннего времени в Восточной Европе известны (начиная с IX в.), но все они представлены исключительно типами, характерными для Скандинавии (в первую очередь фибулами, а также щитообразными, кресаловидными подвесками, вырезанными из серебряной пластинки подвесками-крестиками, браслетами и др.). При этом в самой Скандинавии изделия, декорированные подобным образом, хорошо известны на протяжении всей эпохи викингов (Arbman 1940: Taf. 46: 1, 2; 49: 2, 5; 55: 1a, 2a, 4a; 65: 3; 72: 5; 97: 13; 99: 8; 108: 7; 109: 3; 111: 4, 6—9, 11; 125: 3; 127: 2; 215: 3; 216: 13). Следует отметить, что скандинавские штампы в целом были существенно более разнообразны, чем древнерусские (Stenberger 1958: 287—296). Наряду с теми же, что известны и на Руси, в Скандинавии, широко представлены разнообразные геометрические фигуры с вписанными в них кружками: треугольники (с числом вписанных кружков от одного до по крайней мере девяти), ромбы (в небольшом количестве известные и на северо-западе Руси, но пока трудно сказать, имеем ли мы дело с собственно древнерусскими изделиями или прибалтийско-финскими), дуги, шестиугольники, трапеции и другие более сложные геометрические фигуры. Некоторые достаточно сложные разновидности штампов фиксируются еще в вендельское время, например, дуги, используемые впоследствии для изготовления ладьевидных браслетов, орнаментированных вертикальной змейкой (Ørsnes 1969: 87—93, Turpentaft. 8). На Руси получают распространение лишь наиболее простые из форм штампов, предполагающие относительно простую форму и конструкцию самих чеканов, причем происходит это на полтора-два столетия позже появления здесь скандинавских ювелирных изделий, декорированных подобными (и более сложными) чеканами.

**1.4. Волочение проволоки
из цветных (сплавы меди)
и благородных (серебро, золото
и их сплавы) металлов**

Известные сейчас древнерусские проволоочные изделия XI—XIII вв. исчисляются тысячами, многочисленны находки самой проволоки — отходы производства и заготовки. В подавляющем большинстве случаев это волоченная проволока, изготовленная путем протягивания (волочения) заготовки через железную пластину с небольшими отверстиями (волочило). Другие технологические варианты изготовления проволоки (литье, ков-

⁶ Изделия, декорированные подобными штампами, выходят в Новгороде из употребления во второй половине XIII в. — наиболее поздние находки происходят из слоев 13 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1268—1281 гг.

ка, сворачивание тонкой раскованной пластинки) на древнерусских памятниках встречаются реже. Иной была ситуация в предшествующий период. В третьей четверти I тыс. изделия из волооченной проволоки в лесной и лесостепной зоне не известны. Первые находки связаны со Старой Ладогой, причем здесь в составе комплекса разнообразных ювелирных инструментов, датирующегося 760-ми гг., мы имеем не только проволоку, но и волочила (Рябинин 1985: 54, 55, 57, 59—62, рис. 21: 4; 23: 13, 15, 16)⁷. Несколько более позднее (но в пределах IX в.) волочило найдено в горизонте E₁ (Давидан 1980: 62, 63, табл. 2: 12). Вплоть до первой половины X в. находки изделий из волооченной проволоки демонстрируют корреляцию с хорошо атрибутируемыми скандинавскими находками (Старая Ладога, городище Крутик, Рюриково городище, Новоселки, Гнездово, Тимерево, Сарское городище, Шестовицы, Киев и др.). Однако, достаточно рано появляются ювелирные изделия не характерных для Скандинавии типов, изготовленные из волооченной проволоки. Так, в Старой Ладого найдены изготовленные из волооченной проволоки колечки с загнутым в спираль кольцом (близкие достаточно типичным для XI—XIII вв. спиралекопечным серьгам/височным кольцам), причем происходят они из слоев, датирующихся временем начиная с IX в. С середины X в. число находок изделий из волооченной проволоки резко возрастает, а с рубежа X—XI вв. они становятся массовыми. Следует отметить, что изделия из волооченной проволоки серийно представлены в культурах Северо-Запада: в сопках и приладожских курганах, а в других восточноевропейских культурах малочисленны и известны лишь на завершающей их стадии. С другой стороны, на крайнем юго-западе Древнерусского государства волочило X — первой половины XI в.⁸ обнаружено на Екимавцком городище

в Молдавии (Федоров 1953: 119, 120, 122, рис. 51: 7), куда традиция волочения могла прийти как с севера — северо-востока, так и, что не менее, а может быть, и более вероятно, с юга — юго-запада, однако этот вопрос требует специального исследования. К вопросу о технологии изготовления проволоки в Древней Руси обращался Б. А. Рыбаков, который считал, что «изделия из кованой проволоки доходят до XI в., но едва ли переходят в следующее столетие, когда появляется новая техника изготовления проволоки — волочение, и в курганах XII—XIV вв. все возрастает количество проволоочных украшений» (Рыбаков 1948: 161). В этом заключении много ошибочного, но есть и верные наблюдения. В самом деле, количество проволоочных изделий среди древнерусской ювелирной продукции с XII в. возрастает, технологияковки (и литья) в производстве проволоки теснится волочением, но внедрение технологической инновации происходит не на рубеже XI и XII вв. в рамках прогрессивного развития древнерусской культуры, а существенно раньше — на этапе ее формирования. Уже в комплексах XI в. (причем его первой половины) значительная часть проволоочных колец (традиционно именуемых височными) изготовлена из волооченной проволоки. Динамика распространения изделий из волооченной проволоки и технологии волочения по обширной территории Восточной Европы еще требует изучения, однако широкое использование таких изделий в XI в., несомненно, уже охватило Северо-Запад, Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье. В Новгороде Н. В. Рындина фиксирует наличие волооченной проволоки начиная с 27 яруса Неревского раскопа, отложения которого датируются 972—989 гг., причем еще и в XIV в. кованая и волооченная проволока сосуществуют (Рындина 1963: 209—212). В Скандинавии изделия из волооченной проволоки широко распространены на протяжении всей эпохи викингов (с конца VIII в. или с рубежа VIII—IX в.), а для предшествующего вендельского времени не характерны.

⁷ Один из входящих в комплекс и упомянутых выше инструментов мог быть как гвоздильней, так и волочилем.

⁸ Вопрос о датировке Екимавцкого городища остается дискуссионным. Г. Б. Федоров датировал его IX — первой половиной XI в. (Федоров 1953: 110, 112, 114). Рассматривая датировку городища Алчедар, Т. В. Равдина считает необходимым сузить дату его существования: вместо предлагавшейся Г. Б. Федоровым даты (конец IX—XII вв.) дает чрезвычайно узкую: «несколько десятилетий до середины 70-х гг. X в.», считая, что и городище Екимавцы тоже существовало только в этот короткий период (Равдина 1988: 66—67). Не рассматривая детально вопрос о хронологии этих памятников (что и невозможно без привлечения по большей части не опубликованных находок), отмечу лишь, что одним из важнейших аргументов Т. В. Равдиной является нумизматический — находки серии саманидских монет с датами чеканки в рамках первой половины X в. (от 291 до 336 г. х.), однако, во-первых, из 21 монеты (19 на Екимавцком городище, 2 на Алчедарском) 12 — подражания и, главное, во-вторых, 16 из них использовались в качестве подвесок (Нудельман 1967: 89—90; 1985: 85—88), то есть отражают не только (и не столько) в той или иной степени динамичное денежное обращение, сколько долговременную традицию ношения изготовленных из монет круглых подвесок.

1.5. Завязывание узлом концов металлических изделий

Такой прием соединения концов металлических изделий с целью получения замкнутой конструкции фиксируется еще с эпохи бронзы (Herzfeld 1941: 147—148, fig. 264). Однако бытование этого приема не демонстрирует непрерывной традиции. Для древнерусских памятников XI—XII вв. наиболее характерны узлы, полученные следующим образом: проволоочные или дрововые концы складывались во встречном направлении, а затем самые кончики спирально закручивались в несколько оборотов или хотя бы загибались. Другой вариант узла, при котором концы сцеплялись петлями, образованными загибом проволоки или дрота, причем каждая из петель скреплялась путем обматывания кончика вокруг основы в основании петли, несколько более редок и представлен почти исключительно декоративно услож-

ненной его разновидностью, дававшей эффектный спиральный щиток. Для получения такого щитка концы проволоки сначала загибаются в простые петли, которые цепляются друг за друга; затем концы проволок соединяются и формируется плоская спираль; на последнем этапе окончания обматываются вокруг основы по обе стороны спирального щитка. Обычно такой щиток разворачивался в плоскости, перпендикулярной плоскости самого кольца, но, начиная с XI в., известны и немногочисленные кольца, щиток которых развернут в плоскости самого кольца. Находки последней четверти I тыс. не столь распространены, а открывают их колечко с подвешенным на него пинцетом из нижнего горизонта слоя ЕЗ Староладожского городища⁹ (Davidan 1992; Старая Ладога 2003: 82, 83, №172). Более ранние изделия подобной конструкции происходят из степной, лесостепной и самого юга лесной зоны Восточной Европы, но относятся ко времени не позже начала — первой половины V в. (наиболее поздние в комплексах черняховской культуры). Лишь на некоторых памятниках Крыма и черноморского побережья Кавказа они доживают до VII в. — могильники Скалистинский в горном Крыму (Веймарн, Айбабин 1993: 100—102, рис. 72: 29) и Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев 1982: 85, 88, 89, 91, 92, 94, 95, рис. 6: 63; 8: 4, 9, 11—12; 10: 1—2). В памятниках византийского культурного круга завязанноконечные изделия после V в. неизвестны¹⁰. Следует отметить, что непрерывно с римского времени вплоть, по крайней мере, до VIII в. традиция завязывать концы металлических изделий бытует лишь у ряда групп германцев в Западной Европе (франков, баваров, алеманов, фризов и саксов, а у готов и вандалов вплоть до краха их политической и культурной самостоятельности) и в Британии. В Скандинавии завязанноконечные изделия представлены в римское время, но затем почти не известны в эпоху переселения народов и в вендельский период, то есть вплоть до середины — третьей четверти VIII в. Наиболее ранний комплекс — урновое трупосожжение в кургане 35 культурно смешанного могильника Амрум на датско-фризском пограничье

(Olshausen 1920: 243—248, Abb. 164—168; см. также: Arbman 1937: 135—138, Abb. 26), где в одном комплексе встречены типы, характерные как для вендельского времени, так и для начала эпохи викингов (бронзовая булавка, диск которой декорирован зооморфными изображениями, на завязанном простом двойным узлом колечке¹¹, см.: Olshausen 1920: 244—246, Abb. 165; Arbman 1937: 136—138, Abb. 26), что позволяет датировать его временем между серединой и концом VIII в. (в зависимости от того, как датировать конец вендельского периода и начало эпохи викингов). К IX—X вв. в Скандинавии относятся уже тысячи завязанноконечных изделий. В IX в. это, как правило, небольшие колечки¹² (из железа, сплавов меди, серебра, золота), затем к ним добавляются браслеты, перстни, разнообразные подвески и пр. В Восточной Европе за единственной староладожской находкой VIII в. следуют в IX в. по крайней мере семь или восемь, в том числе три или четыре из горизонта Е1 Старой Ладоги (латунное кольцо с коническим игольником на цепочках из S-видных звеньев, см.: Давидан 1976: 115, рис. 8—9; Davidan 1992: Abb. 10: 27; Старая Ладога 2003: 78, 79, №144¹³; бронзовое кольцо с аналогичной цепочкой, см.: Davidan 1992: Abb. 10: 30; Старая Ладога 2003: 78, 79, №145¹⁴; бронзовая кресаловидная подвеска, см.: Davidan 1992: Abb. 8: 4; Старая Ладога 2003: 78, 79, №150¹⁵; возможно, к этому же времени¹⁶ относится бронзовое кольцо с булавкой, см.: Старая Ладога 2003: 70, 72, №113), одна из кургана 4 Староладожского могильника Плакун (колечко с цепочкой¹⁷, см.: Корзухина 1971: 60, рис. 17: 17; Назаренко 1985: 166, 168, рис. 6: 15). Бронзовое завязанное кольцо найдено в яме комплекса 17 Рюрикова городища под Новгородом, причем в заполнении той же постройки находился небольшой монетный кладик с младшей монетой, чеканенной в 820 г. (Носов 1990: 93, 100). На два узла завязаны концы колечек, на которые подвешен пинцет из кургана 5 в Новоселках (Шмидт 1963). Рубчатое серебряное кольцо с цепочкой из с. Мишнево Калужской губ. найдено в составе

⁹ Хр.: ОАБЕС ГЭ, инв. №ЛДГ-541. Найдено в обводной канавке постройки первого строительного горизонта Староладожского городища. Пользуюсь случаем выразить благодарность С. Л. Кузьмину за детальную стратиграфическую атрибуцию находки.

¹⁰ Существовавшая долгое время недостаточная хронологическая дифференцированность памятников как в Средиземноморье, так и на юге Восточной Европы, а также серийность завязанноконечных изделий в первой половине I тыс., привели в свое время А. Тальгрена (Tallgren 1925: 146), а затем Т. Арне (Arne 1911: 39—40) (с некоторым расширением истоков и на арабский восток) и М. Стенбергера (Stenberger 1958: 99—100) к выводу о заимствовании варягами традиции завязывать концы металлических изделий на юге Восточной Европы. Этот же вывод о происхождении указанной конструкции от сохранившейся в византийском ювелирном искусстве античной традиции, а затем, о распространении ее около X в. с берегов Черного моря через Русь до Скандинавии, повторяет и В. П. Левашова (Левашова 1967а: 213).

¹¹ На еще одном завязанном простом двойным узлом железном колечке была подвеска-молот с длинной рукоятью.

¹² В том числе и набранные из таких колечек (предварительно сжатых и согнутых) цепочки.

¹³ Хр.: ОАБЕС ГЭ. Оп. 70, инв. №ЛДГ/453.

¹⁴ Хр.: ОАБЕС ГЭ. Оп. 84, инв. №ЛДГ/118.

¹⁵ Хр.: ОАБЕС ГЭ. Оп. 8/941. Эта же подвеска (под полевым номером СЛ-241) в публикации 1980 г. отнесена к горизонту Д (Давидан 1980: 65), что предполагает несколько более позднюю датировку.

¹⁶ Найдено в раскопе Староладожской археологической экспедиции (рук. А. Н. Кирпичников), заложенном в 1997 г. на краю Земляного городища у берега р. Ладожки. Местоположение раскопа делает стратиграфию его напластований менее надежной, чем для раскопов в центральной части городища.

¹⁷ Хр.: ОАБЕС ГЭ. Оп. хр. 65.

№5. 2014

денежно-вещевого клада с младшей монетой, чеканенной в 867 или 869 г., причем рубчатая проволока справедливо определена Г. Ф. Корзухиной как «западная работа» (Корзухина 1954: 60).

В X в. номенклатура найденных в Восточной Европе (как и в Скандинавии) изделий с завязанными на два узла концами резко расширяется. Браслеты, перстни, гривны, кресаловидные подвески, наиболее массовы небольшие колечки, концы которых завязаны на два узла, они представлены большой серией находок как из культурного слоя поселений, так и из погребений и кладов. На колечки часто подвешивались различные предметы, а иногда на них напущена стеклянная бусина. По крайней мере часть колечек с бусами использовались, как следует из расположения инвентаря в погребениях, в составе ожерелий (в соответствии со скандинавской, а в предшествующий период общегерманской традицией). Кольца с завязанными на два узла концами найдены, помимо уже упоминавшихся Ладоги и Рюрикова городища, в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Новгороде, Псковском некрополе, на городище Крутик под Белоозером (где они могут относиться и к IX в.), на Сарском городище, в Михайловском и Тимеревском могильниках и Тимеревском поселении под Ярославлем, во Владимирских курганах (Городище, Весь, Васильково), Витебске, в Гнездове (на поселении, в том числе в составе кладов, и в курганах), на городище Супруты, в Черниговских и Шестовицких курганах, в Киеве (в погребениях и кладах), в нескольких южнорусских кладах (Корзухина 1954: №16, 17, 20) и др. Ко второй половине — концу X в. относятся первые находки проволочных браслетообразных серег/височных колец, концы которых завязывались простым двойным узлом. Такие кольца в XI — начале XII вв. становятся массовым украшением на обширных пространствах центральных регионов Восточной Европы (о них см. ниже, а также: Лесман 1996). С X в. параллельно с простым двойным узлом получает распространение (хотя и не столь массовое) спиральный узел (им завязывались концы перстней, браслетов, реже кольцевидных фибул и небольших колечек для подвешивания других изделий). Различные завязанноконечные изделия встречаются на памятниках фактически всех регионов древнерусской культуры, но их массовость и типологический состав различны. На Северо-Западе и Севере это разнообразный набор изделий, среди которых количественно наиболее заметную роль (как и в Скандинавии) играют проволочные или дровяные колечки небольшого диаметра, изготовленные из всего набора пригодных к завязыванию и известных на Руси металлов (сплавы меди, железо, серебро, золото). В бассейне верхних течений Днепра, Двины, Волги это преимущественно проволочные браслетообразные завязанные на простой двойной (реже одинарный) узел кольца (височные или серьги). На территории Белоруссии несколько выше, чем в других регионах, доля витых завязанноконечных брасле-

тов. В Южной Руси относящиеся к XI—XII вв. находки завязанноконечных изделий менее многочисленны, хотя и не редки. Например, в датированном XII в. наиболее исследованном курганном могильнике Переяславля Русского «За тюрмой» найдены пять завязанноконечных колец: три кольца с бусиной (скорее всего, от ожерелья), один перстень и одно кольцо неизвестного назначения, возможно, перстень (Лесман 2008a). В Новгороде завязанноконечные изделия представлены достаточно большой серией, что позволяет уверенно говорить о хронологии их бытования: до времени функционирования 18 яруса Неревского раскопа (условно — до 1177 г.)¹⁸. Тем же временем датируются аналогичные кольца из сельских могильников, поселений, а также из кладов. Следует отметить логическую связь между распространением технологии волочения и приема завязывать концы металлических изделий: именно волоченная проволока легче всего поддается деформации на изгиб и, соответственно, именно ее легче всего завязывать. Завязывать можно и достаточно тонкие кованые части изделий, а труднее всего завязывать литые заготовки. С этим, в комплексе с культурными традициями и модой, связано широкое распространение приема завязывания концов металлических изделий вслед за внедрением технологии волочения.

2. Типологический состав женского убора

2.1. Завязанноконечные «кривичские височные»¹⁹ кольца

После известной статьи А. А. Спицына (Спицын 1899) за височными кольцами в славяно-русской археологии закрепилась репутация «этноопределяющих», при этом многочисленные браслетообразные кольца с завязанными на два узла концами получили этническую атрибуцию «кривичских». Этот тип колец обычно датируют XI —

¹⁸ В раскопах, стратиграфия и хронология которых уже разработаны, найдено 23 различных кольца (височные кольца/браслеты, перстни, небольшие колечки) с завязанными концами: ниже 28-1943; 27-31-22 (?), 205, 240; 27/26-28-939; 26-26-1789; 25-28-939; 25-25-1829; 24-29-789; 24-28-3; 24-27-355, 868; 23-24-906; 23-22-1106; 22-24-375; 21/20-28-763; 18-24-1858; 18-23-1196; Ильинский раск. 26-115; Буяный раск. 16-17-17; а также изолированные, по видимому, случайные находки 15/14-21-820; 9-15-2057). Наиболее ранняя находка (ниже 28-1943) происходит из доярусного слоя, датирующегося серединой X в., наиболее поздние из надежных находок (18-24-1858; 18-23-1196) датируются (с известной долей условности) 1161—1177 гг.

¹⁹ Атрибуция колец в качестве «височных» (то есть украшений, крепившихся к волосам или головному убору, а не серег — подвесок, крепившихся непосредственно к отверстиям в ушах) во многих (если не в большинстве) случаях не верна, однако с точки зрения рассматриваемых в статье проблем это не важно. Поэтому термины «височные кольца» и «серьги» будут далее использоваться параллельно без уточнения.

началом XII вв. (Шмидт 1957: 205—206). Однако из поля зрения исследователей выпал вопрос об их происхождении, в лучшем случае дело ограничивается констатацией наличия нескольких экземпляров в погребениях по обряду кремации (Седов 1970: 114) или не опирающимся на археологические материалы предположением о распространении на провололочные кольца существовавшей якобы традиции завязывать «еще чем-то» концы серповидных (проволочно-пластинчатых) височных колец (Седов 1994: 98; 1995: 238)²⁰.

В X в. получают распространение завязанные на два узла кольца диаметром 5—10 см. Первоначально это браслеты (из дрота или витые, утончающиеся к завязке), однако для второй половины столетия известны и кольца (из Новгорода, из погребений по обряду кремации Тимеревского и Михайловского могильников), относительно которых невозможно с определенностью сказать: браслеты это или височные кольца. Это кольца из тонкого дрота или проволоки, реже витые, но тоже достаточно тонкие и сохраняющие примерно одинаковое сечение по всей окружности. Иногда в камерных погребениях по обряду ингумации такие кольца находят на руках (камерное погребение кургана Ц-198 раск. 1976 г. из Гнездова²¹; погребения в курганах 459 Тимеревского мог. раск. 1977 г. и 17 Михайловского мог. раск. 1961 г.²²), но в то же время появляются и первые кольца, использовавшиеся в качестве височных (т. е. в прическе, головном уборе или в качестве серег). Наиболее ранние находки, относящиеся ко второй половине — концу X в.: серебряное кольцо диаметром 7 см из камерного погребения в кургане 100 Тимеревского могильника²³, датирующегося концом X в., судя по находке в нем трехбусинного височного кольца и семи дирхемов, младший из которых чеканен в 976 г. (Фехнер, Недошивина 1987: 76, рис. 5; Пушкина 1997: 124, 129, 130, рис. 2: 5;)²⁴, а также,

скорее всего, два серебряных кольца с нанизанными на них стеклянными бусинами (по 2 шт.) диаметром 7,5 и 8 см из Гнездовского клада 1868 г.²⁵ (Гущин 1936: 56, табл. III: 17, 20; Корзухина 1954: 87, №23: 8). Интерпретировать их (хотя и предположительно), вслед за Г. Ф. Корзухиной, в качестве именно височных колец/серег позволяють нетипичные для браслетов бусы и значительный диаметр — слишком большой для колечек с бусами из состава ожерелья (как полагал А. С. Гущин, см.: Гущин 1936: 56).

XI — начало XII вв. — время массового распространения завязанных на два узла браслетообразных височных колец (серег), которые на значительной части древнерусской территории занимают ведущее место среди других завязанных на двойной узел изделий. Браслетообразные кольца найдены почти на двух сотнях памятников (Седов 1982: стр. 160—161)²⁶, счет же самих колец идет на тысячи. Находки их в погребениях по обряду кремации (с учетом условности атрибуции в качестве именно височных колец, а не браслетов) немногочисленны, и большинство из них, скорее всего, относится к рубежу X—XI — первой половине XI вв., хотя для некоторых не исключена и более поздняя датировка. Это три комплекса из Верхнего Поднепровья²⁷, четыре ком-

плексы М. В. Фехнер и С. А. Яниной (Фехнер, Янина 1978: 189) комплекс на основе дат чеканки монет был датирован временем чуть более ранним (70—80-е гг. X в.), чем это представляется верным мне. Насколько можно судить по известным мне материалам, трехбусинные кольца с полыми тисненными бусами и одним спирально закрученным кольцом ранее конца (последнего десятилетия) X в. на территории Древней Руси не известны.

²⁵ Хранится в ОАБЕС ГЭ, колл. 994/9, 10.

²⁶ Некоторые из вошедших в список В. В. Седова памятники (всего в списке 181 пункт) дали находки не височных колец, а колец иного назначения (например, два колечка из бронзовой проволоки с завязанными на двойной узел концами раскопанного 1956 г. кургана 1 в могильнике Городиловка I под Новогрудком, см.: Гуревич 1962: 186, рис. 90: 7, 8). Список может быть расширен (в частности, за счет материалов раскопок последних десятилетий), но это не меняет общей картины. Опубликованная В. В. Седовым через 13 лет карта (Седов 1995: 295, рис. 69) содержит лишь 166 пунктов (без названий памятников), критерии исключения (при том, что некоторые памятники на карту добавлены), к сожалению, автором не указаны.

²⁷ Курган 17 у д. Березовка под Дорогобужем (Спицын 1892: 39), курган 2 в «нагорной» и единственный раскопанный курган в «луговой» группах у д. Копенево на р. Вязьме (Клетнова 1912: л. 105—108). В кургане №2 «нагорной» группы «вместе с сильно пережеванными остатками костей были сметены в кучу довольно многочисленные предметы женских украшений, и даже удалось собрать остатки шерсти» (то есть находки не побывали в огне), в том числе найдены «два тонких серебряных височных кольца с характерной узловой вязкой», а также, среди прочих украшений, бубенчики «с насечками на четырех подогнутых лопастях» (датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизируемым с периодом не позднее функционирования 19 яруса Неревского раскопа, т. е. до 1161 г.) и лунницы «с остатками эмалевых украшений» (изделия с эмалью датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизируемым

²⁰ «Браслетообразные височные кольца с завязанными концами... восходят... несомненно к аналогичным, но не завязанным кольцам, ... постепенно вытеснили проволочно-пластинчатые, восприняв обычай завязывания на концах (проволочно-пластинчатые кольца завершались крючкообразными завитками, которые, вероятно еще чем-то завязывались)» (Седов 1995: 238).

²¹ Благодарю Т. А. Пушкину за предоставленные неопубликованные сведения.

²² Благодарю за сведения Н. Г. Недошивину.

²³ Раскопки 1974 г. Материалы хранятся в ГИМ (оп. 2129/108, инв. №103390). Благодарю за сведения Н. Г. Недошивину.

²⁴ Атрибуция этого кольца как височного не однозначна. Т. А. Пушкина (Пушкина 1997: 129), опираясь на публикации и Отчет о раскопках, определяет его как височное кольцо (как и Н. Г. Недошивина в адресованном мне письме), однако в совместной статье М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина опубликовали это кольцо как браслет. Имеются расхождения и в составе находок, в частности, в перечне Т. А. Пушкиной отсутствует опубликованное авторами раскопок трехбусинное кольцо (Фехнер, Недошивина 1987: 76, 80, 82, рис. 5). Следует отметить, что в ста-

№5. 2014

плекса из Верхнего Подвinya²⁸ и два из бассейна Верхней Волги²⁹. Рубежом X—XI вв. датируются височные кольца из камерного погребения кургана 26 могильника Избище в верховьях Вилии (Штыхаў 1992: 9, 81, 84)³⁰. Следует отметить, что концы сохранившихся колец из кремаций (с оговоркой на возможную деформацию), как и колец из Избища, завязаны не на аккуратный двойной узел, а небрежно обвиты друг относительно друга, то есть, скорее всего, представляют собой неумелые подражания, проволока у концов колец (в зоне узла) может утончаться, но остается круглой. По-видимому, характерная для классических завязанноконечных браслетообразных колец традиция предварительно расклепывать обматываемые концы проволок распространяется в сельских могильниках не сразу. Уже к началу XI в. браслетообразные завязанноконечные кольца на юге достигают Белой Вежи³¹.

Для большинства древнерусских браслетообразных завязанноконечных колец XI—XII вв. характерны раскованные концы проволок, которые обвивают основу. В Скандинавии такой прием предварительной обработки заготовки изве-

стен уже с третьей четверти X в., причем наиболее ранние находки — это колечки из кладов, найденных на территории средневековой Дании (включая Борнхольм): Filborna (младшая монета чеканена в 953/954 гг., №7)³², Skjeppingegaard (младшая монета чеканена в 962—973 гг., №2)³³, Smedby gård (младшая монета чеканена в 964/965 гг., №24)³⁴, из Kongens Udmark (младшая чеканена в 967/968 гг., №3)³⁵. В Швеции (включая Оланд и Готланд) он получает распространение несколько позже — в последней четверти — конце X в., около рубежа X—XI вв. появляется и на Руси.

Браслетообразные завязанные на простой двойной узел височные кольца бытовали сравнительно недолго — менее 150 лет. Предложенная Е. А. Шмидтом верхняя дата — начало XII вв. (Шмидт 1957: 205—206) — в целом подтверждается дендродатированными новгородскими материалами, но может быть несколько расширена до всей первой трети XII в., исходя из того, как представлены в Новгороде находки проволоочных колец достаточно большого диаметра (начиная с 48 мм)³⁶. Хотя находки из культурного слоя не удается надежно дифференцировать на височные кольца и браслеты, этой дате не противоречит и совстречаемость колец в одних комплексах с другими датированными типами вещей. Тем более массовой представляется мода на них в средней полосе древней Руси (на территории Смоленской, Полоцкой и Ростово-Суздальской

с периодом после начала отложения 21 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1096 г.), что позволяет условно синхронизировать комплекс с 21—19 ярусами и датировать его 1096—1161 гг. С учетом датировки в Новгороде самих браслетообразных колец (не позднее функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т. е. до 1134 г. — см. ниже) дата сужается до 1096—1134 гг. При этом нельзя исключить, что Е. Н. Клетнова не смогла расчленить найденные в одной насыпи остатки кремации и более поздний комплекс (Клетнова 1912: 107—108). Что касается кургана в «луговой» группе, нет уверенности в том, что в кургане найдено именно браслетообразное кольцо, т. к. сама находка не сохранилась, а в отчете Е. Н. Клетновой оно описано как «небольшой кусок бронзовой проволоки в 3 см» (Клетнова 1912: 106). И. В. Белоцерковская называет еще один курган с кремацией, содержащий «бронзовое височное браслетообразное кольцо с правильной завязкой» (Белоцерковская 1975: 60), однако А. Н. Лявданский, на которого она ссылается, писал, что найдено «маленькое бронзовое височное кольцо» (Лявданский 1932: 24); при этом следует учитывать, что атрибуция найденного в погребении по обряду трупосожжения кольца в качестве височного является лишь предположением.

²⁸ Курган 23 могильника Вышедки на водоразделе Ловати и Западной Двины (Штыхаў 1992: 140—141), курган 39 могильника у д. Черневицы II в бассейне Дисны (Енуков 1990: 54), курган 3 у д. Селище в том же районе (Дучыц 1994: 123—125), а также, возможно, учитывая фрагментарность кольца, курган 19 могильника Глинище под Полоцком (Штыхаў 1992: 50, рис. 33: 18). К сожалению, и сами находки, и отчетные материалы (за исключением обзорной публикации — Голубович, Голубович 1945: 126—137) остались мне недоступными.

²⁹ Курган 19 Березовецкого могильника на оз. Селигер (Успенская 1993: 89, 126) и погребение 2 в кургане 12 могильника Телешово I на р. Согоже, левом притоке Шексны (Кудряшов 2003: 155—156, рис. 5а: 4).

³⁰ В том же комплексе найдена скандинавская подвеска (Лесман 2003: 72—73; Дернович 2006: 39, 62, рис. 26).

³¹ «Слой второй беловежской застройки», конец X — начало XI в. (Артамонова, Плетнева 1998: 575, рис. 18: 1084).

³² Filborna, Helsinborg, Skone, монетно-вещевой клад (Hård 1976: 49—52, Taf. 35: 4, 23; №66): 2 колечка на браслете и фрагмент браслета (?), широко (до 5 мм) расклепанные концы которого завязаны, точнее, обмотаны вокруг утончающегося к ним круглого дрота. Младшая монета (из 131, в том числе 96 фрагмент) — дирхем 953/954 гг.

³³ Skjeppingegaard, Rø S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 117—121, №55, Fig. 26): три колечка на концах соединенных кольцом цепочек. Младшая монета (из 36) — денарий Оттона I, тип 962—973 гг. (Р. Сквоманд в качестве младшей монеты указывает дирхем 954 г., датируя клад около 970—80 гг., но Й. Стекер, описывая входящий в состав клада крест типа I.2.2, приводит уточненное определение монеты Оттона I, см.: Staecker 1999: 436, №42).

³⁴ Smedby gård, Tingstads sn., Östergötland, монетно-вещевой клад (Duczko 1985: 652, 654, 655, fig. 12): проволоочное колечко. Младшая (из 55 целых и 497 фрагментов) монета — дирхем 964/965 гг.

³⁵ Kongens Udmark, Vester Marie S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 127—130, №61, Fig. 28): одно из пяти колечек на конце цепочки. Младшая монета (из 124) — дирхем 967/968 гг.; Р. Сквоманд датировал клад около 980 г.

³⁶ Таких колец (как однопроволочных, так и свитых из 2—3 тонких (до 1 мм в диаметре), не утолщающихся в средней части, что свойственно браслетам, завязанных с разной степенью аккуратности, в Новгороде найдено восемь (27-31-22, 205; 26-26-1789; 25-25-1882; 24-29-784; 23-25-1829; 23-22-1106; 21/20-28-763). Вместе с двумя витыми кольцами, петлевидные концы которых связаны друг с другом (ниже 28-33-166; 24-27-868), они образуют группу проволоочных завязанноконечных колец, не очень многочисленную (10 экз.), но все же позволяющую получить хотя бы предположительную дату: до 1134 г. (не позже времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа).

земель), где височные кольца являются в XI — начале XII в. не только основной разновидностью изделий с завязанными на двойной узел концами, но и основной разновидностью височных колец как категории. Е. А. Шмидт обратил внимание на хронологические изменения, которые претерпевает характер узла. Дату «полузавязанных» колец («завязка состоит из одного короткого утонченного кольца, правильно и плотно закрученного в несколько витков, второй конец утонченный, длинный и образует только один неправильный виток» или вообще остается свободным) он определяет концом XII — первой половиной XIII в. (Шмидт 1957: 206). В целом, зафиксированное Е. А. Шмидтом на основе материалов Харлаповского курганного могильника более позднее бытование полузавязанных браслетообразных колец не вызывает возражений — их, несомненно, носили, по крайней мере, до рубежа XII—XIII вв.³⁷ Однако вопрос о нижней дате подобных колец (конец XII в.) представляется не столь простым. Во-первых, при такой датировке между исчезновением завязанных на двойной узел височных колец (по Шмидту, начало XII в.) и появлением полузавязанных (конец XII в.) образуется странный hiatus. Но еще существенней, что височные кольца этого варианта известны (хотя и не в Харлапово, но в границах основного ареала распространения), начиная с рубежа X—XI вв. (например, часть колец из кургана 26 могильника Избище, см.: Штыхаў 1992: 9, мал. 2). В XI в. кольца с такой завязкой известны и севернее основной зоны их распространения (например, в могильнике Нефедьево³⁸ на Вологодчине). Впрочем, находки завязанноконечных колец (как с двойным, так и с одинарным узлом, то есть полузавязанных, пользуясь терминологией Е. А. Шмидта) на Вологодчине столь многочисленны, что этот регион есть все основания включать в основную зону массового распространения браслетообразных завязанноконечных височных колец (хотя здесь их и не больше, чем простых незамкнутых). В эту же зону есть все основания включить и Мещерскую низменность к востоку от Москвы (Рябинин 1995: 86—102).

Рассмотренный материал позволяет в общих чертах реконструировать процесс появления и распространения в Восточной Европе браслетообразных проволочных завязанноконечных

колец (височных или серег) — так называемых «височных колец кривичского типа». Скорее всего, на начальном этапе (во второй половине или, скорее, в последней четверти X в.) имело место использование в головном уборе, в соответствии с местной восточноевропейской традицией, проволочных (дротовых) завязанноконечных браслетов, распространенных в скандинавской и русско-скандинавской среде. Височные украшения должны были быть достаточно легкими, что диктовало использование относительно тонких колец, вследствие чего их стали делать из достаточно тонкой проволоки, тем более, что около рубежа X—XI вв. происходит широкое внедрение технологии волочения. Наиболее ранние находки (до рубежа X—XI вв.) связаны с крупными городскими/протогородскими центрами (Гнездово, Тимерево, Новгород). Лишь условно реконструируемая зона распространения несколько более поздних находок, в той или иной степени предположительно (кроме кургана 26 в Избищах) датирующихся временем около рубежа X—XI — первой половины XI вв. (из погребений по обряду кремации), в самом деле соответствуют летописной локализации кривичей: «сѣдѣть на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра» (ПВЛ 1950: 13). Однако распространение «кривичских височных колец», как отмечал еще в 1937 г. П. Н. Третьяков, относится к тому времени (XI, XII вв.), когда кривичи как субъекты описываемых в летописи событий уже сходят с исторической сцены (Третьяков 1937: 43—43)³⁹. При этом территория, на которой уже с первой половины XI в. (то есть примерно через полстолетия после их появления) известны серийные находки проволочных завязанноконечных височных колец, включает не только верх Волги, Западной Двины и Днепра, но и Волго-Окское междуречье (где они еще в X в. известны в Тимереве), в частности, Владимирские курганы, Белозерье. Типичны такие кольца также для грунтовых и курганных могильников Мещерской низменности (в междуречье рек Ока и Клязьма к востоку от Коломны и к северу и северо-западу от Касимова, преимущественно, в бывшем Касимовском уезде Рязанской губ.), связываемых с мещерой (Рябинин 1995: 86—102). География и хронология распространения проволочных завязанноконечных височных колец соответствует в первую очередь не какому бы то ни было летописному «племени», а территории и времени становления двух соседних древнерусских земель — Смоленской и Ростово-Суздальской (на территории Полоцкой земли такие кольца тоже известны, но находки их менее массовые).

³⁷ Из поздних комплексов с подобными кольцами в Харлаповском могильнике можно назвать, например, курган 28, где в состав инвентаря входит витой из шести проволок (2×3) петлеконечный браслет, дата которого на основе новгородских находок (и подтвержденная комплексами сельских могильников) определяется временем, начиная с рубежа XII—XIII вв. и условно синхронизуется с временем после строительства 16 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1197 г. (Лесман 1990: 20).

³⁸ В частности, в погребениях 20, 31 и 41 в комплексах с односторонними наборными гребнями (Макаров 1997: 176—180, 320, 324, 326, 341—342, 346—347, 350—351, табл. 129, 130, 134, 135, 138, 139).

³⁹ Хотя последнее летописное упоминание кривичей относится к 1127 г.

2.2. Подвески шейные

2.2.1 Монетовидные подвески, орнаментированные волютами

В среде скандинавов IX—X вв. весьма популярна группа круглых плоских подвесок с орнаментом на лицевой стороне, образованным тремя или четырьмя волютами. Подвески обычно серебряные (редко золотые), декор филигранный⁴⁰ с волютами, раскрывающимися вовне, в местах соприкосновения волюты обычно соединены филигранными же перехватами или, реже, зернами крупной зерни (Arbman 1940: Taf. 97: 21, 22; 98: 1—6; 119: f; Stenberger 1958: 154—158; Duczko 1985: 32—47; Eilbracht 1999: 179—187, 193—194, Taf. 2—4, 8, №1—69, 107—119 и др.), встречаются также литые, обычно бронзовые, подвески (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 98: 10, 17, 18, 21). Орнамент восходит к каролингским прототипам (Arbman 1937: 192—208), а на наиболее ранних подвесках-брактеатах представляет собой розетку, образованную четырьмя овами (а не волютами); такая композиция, в которую входят и маленькие стилизованные фигуры, ассоциируется с косым крестом. Эти золотые брактеаты рассматриваются как материализация первого (кон. VIII в.) христианского импульса в Скандинавию (Stenberger 1947: 16—18). С другой стороны, сканый декор, в том числе и сканый декор с волютами, связан с каролингским (а возможно, и с англо-саксонским) ювелирным делом, где волюты не играют самостоятельной роли, а являются частью сложного мотива, состоящего из самой волюты и заключенного в нее крина (бутона), у которого боковые лепестки образованы спиралями волюты (Graham-Campbell 1980: 40, 41, 223, №140—142; Armbruster 2002: 208—209, Abb. 8 и др.).

На классических подвесках эпохи викингов представлены волюты, которых может быть как четыре (Eilbracht 1999: 182—186, Taf. 3, 4, №31—63), что в какой-то мере соответствует форме креста, так и три⁴¹ (Eilbracht 1999: 179—182, 193—194, Taf. 2, 3, 8, №1—30, 107—119), что, скорее, могло ассоциироваться с молотом Тора, хотя и то и другое в раннюю и среднюю эпоху викингов (до последней четверти — конца X в.) — лишь достаточно вольные современные трактовки. Менее многочисленны подвески с пятью или пятью с половиной (иногда в круговую композицию входит одна неполная волюта) волютами (Eilbracht 1999: 186—187, Taf. 4, №64—69). Некоторые подвески

декорированы двумя рядами волют: в центральной зоне три, иногда две волюты; ближе к краям круга пять, иногда четыре волюты (Eilbracht 1999: Taf. 4, №39, 64, 66, 67). Близкий к подвескам сканый декор из трех волют в центральной зоне круга известен также на круглой накладке из Бирки (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 97: 21, 22; 98: 1—6, 12, 17, 18, 21; Duczko 1985: 32—48, 55, 98—99). Аналогичный подвескам декор из трех или четырех волют представлен и на малых круглых фибулах (типы IVA1 и IVB⁴² по И. Янсону, см.: Jansson 1984: 61, 64, 65).

Сканые подвески с волютами встречаются в Скандинавии, по крайней мере, до последней четверти XI в., на что указывает, например, комплекс из Kommunalhuset, Stavby sn., Uppland, Sveden⁴³, где подвеска, декорированная тремя скаными волютами, найдена вместе с ложнозолотостеклянными бусами древнерусского производства, датировка которых, судя по новгородским находкам, может быть синхронизована с временем функционирования 22—7 ярусов Неревского раскопа (1076—1396 гг.)⁴⁴. М. Стенбергер датировал этот комплекс X в. (Stenberger 1958: 162, прим. 2 к стр. 161). В Сигтуне найдены две отлитые в одной форме (или в формах по оттиску с одного образца) небольшие литые подвески с четырьмя волютами⁴⁵, они лишены стратиграфической датировки, но, скорее всего, относятся к XI в. Подобная композиция декора встречается на металлических изделиях и позже (см., напр.: Lindh, Brendalsmo 1982: 26). Аналогичная подвескам композиция декора круглых фибул с четырьмя волютами продолжает развиваться в XI в., но волюты в них играют

⁴² Фибула этого типа найдена в Киеве в камерном погребении 49, раскопанном в 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, Козюба 2003: 41—43, 49, 50, рис. 6.Б.5).

⁴³ Хранятся в Гос. Историческом музее в Стокгольме, №24988. Фотографии находок были опубликованы в работе М. Стенбергера (Stenberger 1958: Abb. 42).

⁴⁴ В Новгороде найдены 24 экз. подобных бус: 26-28-1007; 22-27-137; 22-25-1023; 22/21-23-1032; 21-25-250; 20-22-1060; 19/18-19-1761; 18-23-1213 (?); 18/17-15-664 (?); 16/15-23-762; 16/15-20-1180; 15-14-980?; 14-21-1302; 13-20-811; 13-20-1365?; 11-11-984; 10/9-12-909; 7-7-525; Нер. 1951 г. б/п; Ил21-57 (?); Ил19-28; КЗ3-55; Нут25-31-67; Нут22-28-63. Наиболее ранняя бусина (26-28-1007) происходит из слоя, датирующегося 989—1006 гг., но она была найдена в примыкающем к краю раскопа квадрате (в силу этого ее связь с определенным ярусом ненадежна), оторвана от основной серии находок, в силу чего, скорее всего, случайна. Основную серию открывают бусины (22-27-137 и 22-25-1023), датирующиеся 1076—1096 гг. Наиболее поздняя бусина (7-7-525), датируется 1382—1396 гг., и, хотя столь поздняя датировка непривычна и не находит подтверждения в материалах погребальных памятников Новгородской земли (где, по крайней мере мне, не известны подобные бусы в комплексах XIV в.), оснований для сужения общей датировки пока нет, так как среди новгородских находок бусине из 7 яруса предшествует хронологически почти непрерывная (учитывая отсутствие находок в 8 ярусе) серия бус.

⁴⁵ Они близки подвеске из Старой Ладоги (см. ниже).

⁴⁰ Филигрань (скань) предполагает использование проволоки. Как уже указывалось, технология изготовления проволоки может быть различной, но наиболее совершенная (и с точки зрения качества проволоки, и с точки зрения производительности труда) — волочение. В силу одной из основ популярности скани является освоение технологии волочения.

⁴¹ Похожие подвески как с тремя, так и с четырьмя волютами были известны материковым германцам в более раннее время — в V—VII вв.

роль лишь элементов овала, в который вписан крин (Holmqvist 1963: 100, 117—119, fig. 72, 87, 88)⁴⁶.

На Русь подвески, декорированные волютами, попадают в X в. Основная серия находок этого времени происходит из Гнездова⁴⁷ и Владимирских курганов⁴⁸, на памятниках других регионов они единичны⁴⁹. Однако в XI—XII вв. зона распространения подвесок, декорированных волютами, резко расширяется, включая почти всю древнерусскую территорию: Вольнь (Луцк), Среднее Поднепровье⁵⁰ и, возможно, украинское Полесье⁵¹, Верхний Псел и Верхний Сейм⁵², Белоруссия⁵³, восточная Смоленщина в бассейне, как Днепра,

так и Оки⁵⁴, окрестности Ярославля⁵⁵ и Твери⁵⁶, Подмоскowie и владимирские курганы (но, видимо, лишь в XI в.)⁵⁷, Белозерье⁵⁸. На Северо-Западе они тоже известны, но лишь в трех экземплярах: в северо-восточном Причудье⁵⁹, в бассейне Верхней Плюссы⁶⁰ и в Старой Ладогe⁶¹. Подвески эти нигде не становятся массовыми, хотя и встречаются подчас по пять-шесть экземпляров в одном ожерелье. После XI в. в декоре подвесок настоящая зернь и скань обычно уже не используется, они литые, перехваты между волютами исчезают, шарики ложной зерни в местах соприкосновения волют встречаются реже, чем в предшествующее время.

Оторванная от скандинавских корней, первоначальная форма претерпевает на Руси эволюцию. С орнаментом из четырех волют происходит то, что можно назвать ресемантизацией — он видоизменяется, все больше приближаясь к изображению креста. С XI в. волюты в композиции орнамента занимают стабильное место (в секторах между вертикальной и горизонтальной осями симметрии), так что образуемая ими фигура все больше сближается с равноконечным крестом. Наиболее поздняя (XI в.) известная мне подвеска с иным расположением волют, то есть внизу, наверху, справа и слева — из кургана 1991 близ д. Городище на Плещеевом оз.⁶², но она представляет собой отремонтированный в древности экземпляр (Спицын 1905б: 141, рис. 167). С XII в. в орнаменте этой группы подвесок волюты перестают играть самостоятельную роль, становясь способом передачи креста. Некачественные отливки⁶³ указывают путь повышения декоративного эффекта при переходе к прорезным украшениям. При этом эволюция композиции протекает в двух направлениях. С одной стороны, волюты превращаются в дуги⁶⁴,

⁴⁶ История бытования мотива крина в овале (волоте) в ювелирном деле Германии и Скандинавии коренным образом отличается от истории аналогичного мотива на Руси, где он получает распространение не ранее второй трети XII в. В Новгороде крин или росток, вписанный в сердце, круг или волоту представлен в декоре 16 ювелирных изделий (считая изделия, входящие в один набор и части одного предмета за один экз.): 19-23-307; 19-22-1569 и 19-21-1570 (один набор); 19-23-279 и 18-19-457 (один набор); 19/18-28-1336; 19/18 яр.; 17-19-1072, 1080; 17-17-1089; 16-25-1391 (?); 16-20-294; 15-16-1990; 14 — раскоп XIV; 13-16-1838; 13/12-12-1922; Ил12-21-275; K24-16. Наиболее ранние находки (браслет 19-23-307 и ременные накладки от одного набора 19-22-1569: 19-21-1570) датируются 1134—1161 гг., наиболее поздняя (накладка K24-16) — 1299—1311 гг. Дата типа в целом: 1134—1313 гг. (время функционирования 19—11 ярусов Неревского раскопа). При этом ранние экземпляры декорированы мотивом крина не в овале или волоте, а в сердцевидном обрамлении.

⁴⁷ Клады и, возможно, могильник (Путь 1996: 37, 61, №334—336, 387; Енисова 2007: 311, 4: 1—3; Гушин 1936: 56, табл. IV: 19—23).

⁴⁸ Новоселки, Васильки, Гнездилово, могильники близ д. Городище (Спицын 1905б: 141, рис. 167, 172, 174, 175, 177, 179; Комаров 1995: 138—140, 143, рис. 2: 7, 10, 12, 18, 26, 27; Седова 2001: 26—27, рис. 2: 12, 13, 16). Подвески (Комаров 1995: 143, рис. 2: 7, 27), возможно, датируются XI в.

⁴⁹ Рюриково городище, Тимерево, Шестовицы, Седнев, Киев (Носов 1990: 125, 126, рис. 48: 14; Фехнер, Недошивина 1987: 80—81, рис. 7: 1; Бліфельд 1977: 222, табл. XXII; Ивакин, Козюба 2003: 40—41, 48, рис. 4Б: 4, 5). Не исключено, что X в. датируется также подвеска из городища на р. Менке (Штыхов 1978: 70, рис. 38: 6).

⁵⁰ Переяславль Русский (Лесман 2008а), Грушево Каневского у. (хранится в Национальном музее истории Украины, В1584 ст. №33090); Воинь (хранится в Археологическом музее Института археологии НАНУ).

⁵¹ В вышедшем в 2000 г. в Киеве каталоге опубликованы четыре подвески из частных коллекций, в том числе две из Житомирской обл. и одна из Киевской. Последняя с подлинными сканью и зернью, но перехваты, соединяющие волюты, уже заменены зернами зерни (Нечитайло 2000: 53, №500—503).

⁵² Гочево — могильник и поселение, поселение Липино (Атлас 1915: Табл. XXXI: 6; XLIII: 3; Шпилев 2008: 280, 292, рис. 54: 4; 59: 2).

⁵³ Заславль, Слободка Скрыгаловская, Навры, Гродно, Новый Кривск, Нисимковичи и др. (Штыхаў 1992: 180, 169, рис. 53: 15; Заяц 1995: 182, рис. 46: 11; Лысенко 1991: 143, рис. 24: 44; Гуревич 1962: 109, 116, 198, рис. 98: 7; Воронин 1954: 67, 68, рис. 31: 13; Соловьева 1971: 66—67, рис. 19: 3 и др.).

⁵⁴ Мутьшино (Савин 1930: 232, 234, табл. II: 11), Коханы, Ступенки II, Бочарово (Булычев 1899: 70, табл. XXX: 4; 1913: 62, 71—75, табл. IV: 21; VI: 12, 18; VIII: 9), Старая Рязань (Монгайт 1955: 179, рис. 138: 3).

⁵⁵ Заморино (Комаров 2003: 511, 515, рис. 1: 18).

⁵⁶ Дуденево (Спицын 1904: 9, табл. I: 20).

⁵⁷ В могильнике у д. Городище курганы 1991, 1995 (Спицын 1905а: 141, рис. 167; Комаров 1995: 143, 158, рис. 2: 1, 2).

⁵⁸ Нефедьево (Макаров 1997: 176, 339, табл. 127: 19).

⁵⁹ Верхояны, жальничная могила 4, скорее всего, во вторичном использовании (Спицын 1903: 25, 49, 110, табл. XXII: 7).

⁶⁰ Могильник Которск IX, курган 27 (Кузьмин и др. 2007: 91—92).

⁶¹ В Старой Ладогe, впрочем, не исключена и более ранняя датировка (Старая Ладога 2003: 78, 79, №154; Davidan 1992: Abb. 9: 22).

⁶² Комплекс атрибутирован В. А. Лапшиным, которого благодарю за консультацию.

⁶³ Напр.: подвеска из кург. 1 могильника Ступенки II (Булычев 1913: таб. IV: 21).

⁶⁴ Напр.: Гочево, кург. LX (Атлас 1915: табл. XXXI: 6; Шпилев 2008: 284, рис. 56: 5).

что в контаминации с крестами, имеющими процветшие криновидные лопасти, дает большую серию крестовключенных прорезных подвесок с изображением такого креста (Спицын 1896: табл. XII: 34; 1905: 142, рис. 199; Булычев 1913: табл. VI: 12; Розенфельдт 1967: 107, рис. 37: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 3, 4 и др.). С другой стороны, завершающие волюты полушария ложной зерни вместе с полушариями между волютами принимают вид, почти неотличимый от завершений лопастей крестиков с тремя шариками на концах и соответствующих им прорезных крестовключенных подвесок⁶⁵.

Следует отметить, что после начала XI в. на северо-западе и северо-востоке Руси основной формой являются подвески одной композиционной схемы — с четырьмя волютами, причем все они сплошные. В XIII в. появляется еще одна немногочисленная группа подвесок, восходящая все к тем же прототипам эпохи викингов. Это две крупные (диаметром около 5 см) привески, изготовленные из тонкой круглой пластины, орнаментированной четырьмя волютами⁶⁶. Рельефный декор нанесен с обратной стороны. У костромских подвесок есть серия аналогов в могильниках и кладках Эстонии (см., напр.: Eesti 1982: 360), где, как и в Финляндии и в Карелии, традиция декорированных волютами подвесок развивается отличным от Руси путем.

На основе композиции с тремя волютами в XI—XII в. возникают две группы подвесок, бытовавшие и в XIII в. С одной стороны, это сплошные подвески с розеткой из трех волют в центре и concentрическим бордюром из семи-восьми волют по краю (Гочево, Бочарово, Нефедьево и др.), что вполне соответствует хорошо фиксируемой в новгородских материалах тенденции усложнения композиции декора. С XII в. (с 20 яруса, датирующегося 1116—1134 гг.) входят в моду круглые подвески с двумя concentрическими орнаментальными зонами (Лесман 1996). Немногочисленные подвески, декорированные двумя кольцами волют, известны, как уже указывалось, и в Скандинавии, но их датировка не выходит за рамки X — начала XI в., в силу чего маловероятно, чтобы они являлись прототипами восточноевропейских подвесок. С другой стороны, появляются прорезные подвески⁶⁷ из трех волют в кольце⁶⁸. Все эти украшения менее многочисленны, чем развивающие компози-

цию из четырех волют, и зона их распространения более локальна — все находки происходят с территорий к востоку от Днепра⁶⁹, и лишь одна севернее Смоленского Поднепровья (могильник Нефедьево в Белозерье).

Еще одно направление развития подвесок, декорированных волютами, представлено подвесками с бордюром из шести волют по краю и крупного зерна ложной зерни в центре. В процессе развития (к XII в.) волюты превращаются в составленный из вогнутых дуг правильный шестиугольник (углы шестиугольника иногда скруглены), отделившиеся спирали заменяются 12 зернами ложной зерни — по два у каждого угла шестиугольника, а на следующем этапе число сторон многоугольника и число зерен крупной зерни теряют стабильность. Известны подвески этой серии преимущественно в южной части лесной и в лесостепной зоне (Волынь, южная Белоруссия, Среднее Поднепровье, Верхняя и Средняя Ока), их нет ни на Северо-Востоке, ни на Северо-Западе. Наиболее вероятным прототипом для них могли быть скандинавские подвески с пятью или пятью с половиной волютами. Однако процесс возникновения и развития подвесок этого типа еще ждет детального анализа.

Вернемся к этапу первичного (X в.) распространения на Руси подвесок, орнаментированных волютами. Находки демонстрируют связь с достаточно узким кругом памятников (и комплексов), в которых несомненны скандинавские черты. Однако, за исключением одного экземпляра с Рюрикова городища (и, маловероятно, но возможно, из Старой Ладogi), они не известны в таком насыщенном скандинавскими находками регионе как Северо-Запад. Почти не известны они здесь и впоследствии. В Новгороде даже мотив спирали (являющейся элементом волюты) в декоре ювелирных изделий появляется лишь в XII в.⁷⁰ Дело, по-видимому, как в специфике местных вкусов, так и в несколько различном характере контактов с местным населением, в особенности с его женской частью.

2.2.2. Круглые подвески, орнаментированные вихревой или лучевой розеткой

Среди круглых скандинавских подвесок эпохи викингов заметную группу образуют щитообразные, выделяющиеся формой, конструкцией ушка

⁶⁵ Ср. напр.: подвески из Кислово-I (кур. 4) и Конищево (кур. 1) в Костромском Поволжье; (схематичный рис. см.: Рябинин 1986: 134, табл. IV: 10) и подвески типа (Спицын 1896: табл. V: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 5—7).

⁶⁶ Никульцево (кур. 2) и Погост (кур. 6) в Костромском Поволжье (Рябинин 1986: 134, табл. IV: 19).

⁶⁷ По-видимому, в русле той же тенденции развития, что и у части подвесок с четырьмя волютами.

⁶⁸ Крымское, Бочарово и др. (Булычев ...); Липино (Шпилев 2008: 292, рис. 59: 2); Мутьшино (Савин 1930: 232, 234, табл. II: 11); Мокрая Юхновского у. (хранится в ГИМ, оп. 949).

⁶⁹ С. И. Пеняк опубликовал небрежный рисунок и лапидарное описание подвески с тремя волютами из г. Берегове в Закарпатье (Пеняк 1980: 129, 143, рис. 50: 6). К сожалению, не опубликованы (или отсутствуют) данные о точном месте и обстоятельствах находки, не ясны конструкции и технологии ее изготовления (сплошная или прорезная, литая или сканая). В Берегове С. И. Пеняк описывает памятники, датируемые им VIII—IX и XI—XIII или XII—XIII вв. (Пеняк 1980: 45, 49, 69—70, 158, №8, 24), при их характеристике подвеска не упомянута. Не исключено, что она относится к эпохе переселения народов.

⁷⁰ Начиная с 20 яруса, датирующегося 1116—1134 гг. (Лесман 1989а: 83).

и декором. Они круглые уплощенные, но с выпуклостью в центре, ушко часто сделано из пластинчатой ленты, проходившей сзади по всему диаметру. Композиция орнамента — розетка, чаще всего вихревая (Arbman 1940: Taf. 97: 1—12, 14, 15, 17, 18; Stenberger 1958: 159—161; Duczko 1985: 50 и др.), в единичных случаях лучевая (Arbman 1940: Taf. 97: 16, 20). Большинство подобных подвесок изготовлены из декорированной чеканом пластины, существенно реже встречаются экземпляры со сканью, еще реже литые, а в более позднее время и тисненые (напр.: Wikström 2008: 159, Fig. 1566). Находки подобных подвесок на территории древней Руси в сопоставлении со скандинавскими прототипами были собраны и проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991; 1998). В Скандинавии известны менее многочисленные, близкие по форме украшения без умбоновидной выпуклости в центре, декорированные лучевой розеткой (Arbman 1940; Stenberger 1947: Abb. 156: 3; 184: 2; 251: 2, и др.). Составленная Г.Л. Новиковой сводка восточноевропейских находок подвесок, декорированных вихревой розеткой, может быть дополнена⁷¹, что несколько корректирует, но не меняет общей картины. Более существенных дополнений требует список аналогичных по форме подвесок, декорированных лучевой розеткой. Г.Л. Новикова учла всего 8 экз.⁷² (Новикова 1998: 171, 172, рис. 3: 9—15). Однако только в одном камерном погребении кургана 124 Березовецкого могильника на Селигере найдены 5 таких подвесок (Успенская 1993: 100, 134, рис. 10). Список можно существенно расширить, включив, например, подвески из погребения на городище Петровское в верхнем течении Ворсклы (Третьяков 1947: 132, 133, рис. 5), из курганов 26 и 52 у д. Калихновщина в северо-восточном Причудье⁷³ (Спицын 1903: 99, 102), с возвышенности Дзерба (точнее, из озера под нею) близ городища Масковичи (Дучыц 1991: 33, рис. 19: 1), из кургана у д. Дымово под Оршей (Алексеев 1966: 47, рис. 8: 4), из курганов Восточной Белоруссии (Рыбакоў 1932: 92, табл. VI: 1) и др. В ту же сводку Г.Л. Новикова включила лишь одну подвеску без выпуклости в центре (из Максимовского могильника), но на самом деле такие подвески на восточноевропейских памятниках наиболее массовы: курганные могильники Бельчицы под Полоцком (Ляўданскі 1930: 159, 162, табл. I: 4), Кастрица в белорусском Подвинье (Штыхаў 1992: 91, 151—152, мал. 59: 5), Мутьшино на Смоленщине (Савін 1930: 232, 234, табл. II: 13), Избрийе близ Твери (раск. Ф.Х. Арслановой), из погребения, впушен-

ного в полуземлянку 30 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 104, 105, рис. 69: 1), Гонголово, Вопша на Ижорском плато (Спицын 1896: 18, табл. II: 5; XII: 19) литейная формочка из Белозера (Голубева 1973: 67, рис. 12: 9) и др.

Таким образом, большинство декорированных вихревой розеткой подвесок датируются X в. (как и в Скандинавии), происходят из памятников, насыщенных скандинавскими элементами культуры, многие из них сами должны рассматриваться в качестве скандинавских элементов, хотя среди восточноевропейских находок, как справедливо отмечает Г.Л. Новикова (Новикова 1998: 172—174), значительная часть обладает некоторыми отличиями от скандинавских прототипов и изготовлена на месте. Более поздние экземпляры подвесок с вихревой розеткой на Руси единичны, к тому же часть из них (крупные подвески XII—XIII вв.⁷⁴ с выпуклыми прочеканенными с оборота линиями⁷⁵) входят в группу, основной регион распространения которой охватывает Эстонию, Финляндию и Карельский перешеек. Следует отметить, что в целом мотив вихревой розетки (как с криволинейными, так и с ломаными лучами) в древнерусской культуре не приживается (подробнее см.: Лесман 1999).

По-иному обстоит дело с круглыми подвесками, декорированными лучевой розеткой. Детальный анализ их хронологии, типологии и географии распространения требует специального рассмотрения, однако уже сейчас очевидно, что на древнерусской территории в XI—XIII вв. они решительно преобладают над подвесками с вихревой розеткой, при этом у большинства выпуклость в центре отсутствует или мала⁷⁶. Следует также отметить, что большинство подвесок орнаментировано розетками всего из четырех лучей, обычно расположенных вертикально и горизонтально (как, впрочем, и часть скандинавских аналогов), то есть, фактически, несут изображения креста, что соответствует основной линии развития рассмотренных выше подвесок с четырьмя волютами. Однако декорирование круглых подвесок лучевой розеткой в Восточной Европе фактически вытесняется другой разновидностью — лепестковой розеткой, представленной наиболее массово и соответствующей схематическому изображению цветка (лепестки могут чередоваться с линиями-

⁷¹ Напр.: литая подвеска из Федовского могильника в Тверской губ. (Спицын 1905: 3, рис. 3: 8)

⁷² Из них, по крайней мере, одна (Новикова 1998: 171, рис. 3: 16) — единственная гнездовская — сохранилась фрагментарно, но декорирована была, судя по сохранившемуся фрагменту, как и все остальные гнездовские экземпляры, вихревой розеткой.

⁷³ Хранятся в ОАВЕС ГЭ. Оп. 856/95, 155.

⁷⁴ Привески круглые сплошные большие (диаметром не менее 33 мм) представлены в Новгороде (28 экз.) в слоях, датирующихся временем после 1116 г. (синхронных 20 ярусу Неревского раскопа и более поздних).

⁷⁵ Приводимый Г.Л. Новиковой список (Владимирское и Жуково в Ярославском Поволжье, Ново-Сиверская на Ижорском плато) можно дополнить серебряной подвеской из клада, найденного на Ижорском плато близ Елизаветино (больше известен как клад из прихода Спанка), не имеющей выпуклости в центре (Корзухина 1954: 101, табл. XXVII: 13).

⁷⁶ На меньшие размеры центрального выступа у восточноевропейских находок подвесок с вихревой розеткой, в сравнении со скандинавскими, обратила внимание и Г.Л. Новикова.

тычинками, нередко завершающимися маленькими кружками или точками).

2.2.3. Некоторые иные типы подвесок

Рассмотренные выше группы подвесок представлены в Восточной Европе достаточно большими сериями, однако известны и более редкие разновидности, восходящие к скандинавским прототипам. Речь идет о нескольких типах круглых монетовидных подвесок (декорированных изображением зверя в профиль с обращенной назад головой, с орнаментом, напоминающим куст, и некоторых других, в частности, декорированных выпуклостями — зернами крупной ложной зерни), кресаловидных подвесках, а также, возможно, и о некоторых других. Следует отметить, что в X в. на территории Древней Руси известны различные круглые подвески, декорированные в скандинавском зверином стиле (почти все типы, распространенные в самой Скандинавии), но далеко не все из них получают местное развитие. Часть подвесок, бытовавших в XI — начале XII вв., изготовлены как отливки по оттиску, выполненному с типично скандинавских изделий, часть развивает локальный восточноевропейский вариант собственно скандинавской культурной традиции (Лесман 2006). В круг же собственно древнерусских изделий входят лишь подвески с композиционно самым простым изображением зверя в профиль с обращенной назад головой. Их прототипы выполнены в стиле Борре, и зверь обычно кусает спускающуюся с ушка ленту⁷⁷. На древнерусских изделиях лента исчезает, в XI—XII вв. они обычно прорезные, ближе к концу XI в. или, скорее, в XII в. получают распространение сплошные подвески (литые и штампованные, известна также матрица для штамповки), они отличаются большим диаметром (что, как уже отмечалось, характерно для подвесок начиная с XII в.) и специфичной иконографией — изображение крина под брюхом животного (Сарачева 2003). Иногда животное кусает свой хвост. Относительно этой группы пока трудно сказать, продолжает ли она линию развития скандинавских подвесок или имеет особые прототипы.

Как в Скандинавии эпохи викингов, так и на некоторых восточноевропейских памятниках X в., где, несомненно, присутствует скандинавский культурный компонент (в первую очередь это Гнездово и Владимирские курганы), известны круглые сплошные подвески, декор которых образован несколькими спиралями и напоминает куст, причем он может «расти» как снизу вверх, так и (реже) сверху вниз⁷⁸. Подвески могут быть как

филигранными, так и литыми. На древнерусских памятниках XI—XII вв. (в Поволжском регионе) известны немногочисленные находки небольших литых сплошных и прорезных подвесок, схематично воспроизводящих ту же композицию декора (Спицын 1905; Рябинин 1986: 134, табл. IV: 14).

Специфическую для Скандинавии эпохи викингов группу образуют подвески (обычно кованые) кресаловидной формы⁷⁹ — их форма близка к лачевидным кресалам (Stenberger 1958: 161—165). Находки аналогичных скандинавским кресаловидных подвесок известны и на Руси: в Ладоге, возможно, уже с конца IX в., в X в. они распространяются шире (помимо Старой Ладоги, Рюриково городище, Гнездово, Сарское городище, возможно, тем же временем, но, может быть и несколько более поздним датируется подвеска из Владимирских курганов), продолжают бытовать и в XI в. (клад Скадино, могильник Струйское в Ржевском р-не). Эти подвески были специально проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991: 182—186). Однако, на Руси известна и немногочисленная группа более поздних литых подвесок⁸⁰: 7 экземпляров из междуречья Днепра и Десны учтены В.В. Богомольниковым (Богомольников 2004: 72, 211, рис. 10: 20—22), к ним можно добавить подвеску из курганного могильника Переяславля Русского (Лесман 2008а: 128), воспроизводящих форму более ранних кованых скандинавских. Возможно, к кресаловидным восходит также литая подвеска из погребения 1 кургана 9 в могильнике Никольское III в Белозерье (Макаров 1990: 71, 151, 202, табл. XVII: 5). Следует отметить, что все восточноевропейские находки ранней (собственно скандинавской) группы локализируются севернее основной зоны распространения их древнерусских дериватов.

2.3. Браслеты и перстни

Происхождение большинства типов древнерусских металлических браслетов и перстней остается пока слабо разработанной темой. Тем не менее, уже сейчас можно указать на ряд типов (групп типов) древнерусских украшений, развивающих традиции, заимствованные из культуры Скандинавии. В первую очередь это браслеты и перстни с завязанными концами. Скандинавский источник попадания и распространения на Руси самой традиции такого конструктивного решения рассмотрен

⁷⁹ Литые кресаловидные подвески, иногда дополнительно декорированные рельефными фигурками птиц во внутреннем прорезном поле, известны в Скандинавии с вендельского времени и доживают до ранней эпохи викингов.

⁸⁰ Эти подвески из «радимичских» курганов Б.А. Рыбаков называет луннично-прорезными, хотя и указывает на параллели им в Гнездово, Владимирских курганах и Скандинавии (Рыбаков 1932: 92); то же название принимает В.В. Богомольников (Богомольников 2004: 72), выделяя их в тип луннично-прорезных, входящий в отдел круглых прорезных подвесок.

⁷⁷ По Й. Кальмеру, группа А вариант 3 типы Kållestad, Tuna, Träslöv, без ленты — тип Kiplingeberg (Callmer 1989: 23, 26, 27, Abb. 3: 6—8, 19—21).

⁷⁸ По Й. Кальмеру, группа А вариант 1 типы Söderby, Birka Grab 523, Birka Grab 967 (Callmer 1989: 22, 26, 27, Abb. 3: 2, 17).

выше, поэтому отмечу лишь, что усвоение этой традиции происходило через местное изготовление изделий, в том числе перстней и браслетов, аналогичных скандинавским прототипам, причем уже во второй половине X в. эти изделия выходят за пределы круга памятников, на которых зафиксированы и иные скандинавские черты, а на протяжении XI в. такие изделия становятся массовыми. Речь идет в первую очередь о пластинчатых, дротовых и витых браслетах (витые браслеты, не сужающиеся к узлу, который образован одинарными проволоками, входят в употребление как в Скандинавии, так и на Руси лишь с XI в.), а также о пластинчатых, дротовых, однопроволочных и витых из нескольких проволок перстнях. Бытуют завязанноконечные браслеты и перстни на древнерусской территории до третьей четверти XII в. (см. выше).

В.П. Левашова, систематизировавшая находки браслетов из сельских могильников и поселений древней Руси⁸¹, отмечает их многочисленность (Левашова 1967а: 211—213, 217—219, 225—228, 232, 233, рис. 28: 2; 29: 1, 7; 30: 2). Исследовательница учла 180 находок, что составляет около 5% всех проанализированных браслетов. Однако значительная часть находок происходит из комплексов более поздних, чем время бытования завязанноконечных изделий. Так, в частности, на Ижорском плато и в северо-восточном Причудье (около 28% всех анализируемых В.П. Левашовой находок) браслеты как категория встречаются в погребениях вплоть до XIV в., а в Костромском Поволжье, Подмосковье и на Ижорском плато (около 39% всех находок) первые древнерусские могильники появляются лишь около рубежа XI—XII вв., то есть — относятся к тому времени, когда популярность большинства разновидностей завязанноконечных браслетов была на спаде, а некоторые уже вышли из употребления. В силу этого, оценить долю завязанноконечных браслетов, а равно и перстней, во всем массиве древнерусских украшений этих категорий можно будет лишь после хронологического расчленения комплексов каждого региона. Подводя итоги анализу древнерусских браслетов, В.П. Левашова отмечает: «именно на территории Руси завязанные браслеты стали излюбленной локальной формой не только как драгоценности, но и как общедоступные бронзовые украшения» (Левашова 1967а: 246). Завязанноконечные браслеты известны и на территории Белоруссии, и на древнерусской части территории Украины, причем на территории Белоруссии они более многочисленны, чем на юге.

Еще одна серия древнерусских браслетов и перстней связана своим происхождением со скандинавскими ладьевидными браслетами, точнее, с одной их группой — орнаментированными так называемыми «вертикальными змей-

ками»⁸². Скандинавские массивные литые ладьевидные браслеты с таким орнаментом оказались, по-видимому, столь популярны на востоке, что появились разнообразные им подражания. На территории Финляндии (Korkeakoski-Väisänen 1981: Т. XI), Эстонии (Mägi-Lõugas 1995: 300—302), Руси (Спицын 1896: табл. IV: 20; Хвощинская 2004: табл. CXVIII: 6—7; CXXII: 8, 10, 14; Седова 1981: рис. 37: 19; 38: 4 и др.) представлен их местный⁸³ относительно поздний (появляющийся около начала XI в.) вариант — браслеты со слегка расширяющимися концами (форма концов обычно близка к трапеции, а с учетом рельефа и орнамента приближается к треугольной, как у некоторых щитковоконечных браслетов). Судя по территории распространения, эта модификация, скорее всего, возникла в Эстонии или Финляндии, а уже оттуда попала на Русь. На части таких браслетов, а также на некоторых экземплярах с сужающимися концами (напр.: Бранденбург 1895: табл. IV: 3; Кочкуркина, Линецкий 1985: рис. 27: 10) криволинейная «змейка» заменяется более простым ломаным зигзагом, переданным врезной линией. Такое упрощение орнамента могло появиться и в Приладожье, где оно представлено на ладьевидных браслетах традиционной для Скандинавии формы. Другие, собственно древнерусские, модификации тех же прототипов более экономны с точки зрения затрат металла — они пластинчатые, их концы сужаются, иногда до дрота, и тогда завязаны узлом. Связь подобных браслетов с их скандинавскими прототипами отмечала В.П. Левашова (Левашова 1967: 235, 243—245, рис. 30: 2, 5). Такой же орнамент наносился и на некоторые широкосрединные пластинчатые перстни, как незамкнутые, так и завязанноконечные (см. напр.: Спицын 1905а; Ляўданскі 1932: 35, табл. IX: 15; Недошивина 1967: 257, рис. 31: 2; Боровский, Архипова 1993: 207, 208, рис. 1; Нефедов 2007: 282, рис. 164 и др.). Следует отметить, что в Скандинавии перстни никогда подобным образом не декорировались. Пластинчатые браслеты и перстни, орнаментированные «поперечной змейкой», представляют собой относительно немногочисленную, но весьма характерную группу, фиксирующую заимствование мотива декора при изменении конструкции, технологии и даже категории украшения⁸⁴.

⁸² Тип Ab 3 по Stenberger (Stenberger 1958: 109—112, Textabb. 14), а также более узкие и более ранние варианты.

⁸³ Браслет этого (?) типа, но уже не как местный тип, а в качестве восточного импорта, найден в Шведской Лапландии (Serning 1956: Pl. 16: 3).

⁸⁴ В Латвии, в первую очередь на памятниках, связанных с латгалами, в инвентаре, преимущественно связанном с мужскими погребениями, представлены иные варианты адаптации скандинавского мотива вертикальной змейки: на местных ленточных или чуть расширяющихся к концам браслетах сегментовидного сечения (Спицын 1893: 39, рис. 23; Мугуревич 1965: 83, табл. XXIV: 3; Радиньш 2001: 86, рис. 13: 14; Ciglis, Radīņš 2002: 67, 70, 91, 98, 175, 23. att. 1: 24, 31; 5: 34; 6: 10: 54), а также на дугах подковообразных фибул (Радиньш 2001: 84, рис. 12, 10, 12;

⁸¹ Без западных и южных регионов, преимущественно по коллекции ГИМа, но с привлечением собраний Эрмитажа и некоторых других музеев, а также основных публикаций.

Появились такие украшения около первой половины XI в. Территориально эта группа локализуется в Верхнем течении Днепра, Западной Двины и Волги, а также в бассейне Волги ниже по течению — до р. Мологи и в Волго-Окском междуречье, то есть — в целом, в зоне основной концентрации браслетообразных завязанноконечных колец.

2.4. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси

Находки женских украшений X в., относящихся к характерным для Скандинавии типам, достаточно многочисленны и разнообразны (фибулы, браслеты, перстни, подвески и пр.). Среди них есть и импорты, и вещи, изготовленные на месте. На протяжении XI в. число таких находок существенно сокращается (хотя они известны и для XI, и для XII, и даже для XIII вв.), ведущее место занимают местные типы украшений. Анализ восточноевропейских украшений позволяет наметить перечень тех групп, которые, будучи характерны для местных культур XI—XIII вв., восходят к скандинавским прототипам X в. В рассматриваемом аспекте наиболее интересен процесс адаптации скандинавских прототипов на восточноевропейский почве, который в разных регионах протекал по-разному. В самом общем виде можно выделить четыре основных региона.

Приладожье (юго-восточное и западное), Финляндия. В местную культуру входят и получают дальнейшее развитие ряд типов фибул (скорлупообразных и подковообразных), браслеты (с завязанными концами и ладьевидные), некоторые типы подвесок (круглые и секировидные) и некоторые другие украшения. Существенно, что украшения усваиваются целыми комплектами, предполагающими восприятие убора в целом.

Новгородская земля (с известными оговорками включая и Псковскую). Несмотря на восприятие целого ряда технологических приемов (самый заметный — завязывание концов металлических украшений), скандинавские типы X в. не получают заметного развития. Отличные от скандинавских варианты ладьевидных браслетов, декорированных поперечными змейками, имеют аналоги на территории Финляндии, Эстонии и Приладожья, где они и сформировались. Со скандинавской традицией могут быть связаны некоторые типы подковообразных фибул, но они типологически близки к украшениям, характерным в X—XII вв. для Прибалтики (включая Финляндию), и их распространение могло носить опосредованный характер. Подвески, восходящие к скандинавским прототипам, немногочисленны, появление части из них на северо-западе Руси, скорее всего, вторично

по отношению к более южным регионам Руси или к Прибалтике. Некоторые разновидности (в частности, круглые пластинчатые подвески большого диаметра, декорированные композицией розетки с ромбами и углами) известны в XI—XII вв. на широкой территории, включающей северо-западную Русь (с единичными находками восточнее и южнее), Прибалтику и Скандинавию; относительно них пока трудно определить, где формировались их типологически характерные особенности, но не исключено, что зона формирования окажется шире, чем какая-то одна из его частей, то есть, что сложения типа (типов) происходило в ходе продолжавшегося в XI и, отчасти, XII в. тесного культурного взаимодействия нескольких регионов (например, Швеции и Руси).

Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье, Верхнее Подесенье, Верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье, бассейны Немана и Березины — огромное пространство между Новгородской землей и Средним Поднепровьем. В конце X — начале XI вв. в местную культуру входит, приобретая подчас широкую популярность, целый ряд типов украшений, восходящих к скандинавским прототипам: височные кольца с завязанными концами (так называемые «кривичские»), ряд типов подвесок (с декором из волут, с «кустом», часто «растущим» сверху вниз, с декором в виде лучевой розетки, с изображением изогнувшегося зверя с открытой пастью), разнообразные браслеты, перстни, колечки с завязанными концами, пластинчатые подражания ладьевидным браслетам, а также браслеты и перстни, декорированные поперечными змейками в подражание ладьевидным браслетам. Иногда встречаются и некоторые иные украшения, восходящие к скандинавским прототипам.

Наиболее ранние завязанные на два узла браслетообразные височные кольца представляют собой проволочные браслеты, характерные для скандинавских и в узком смысле «русских» (в понимании Ибн-Фадлана, Константина Багрянородного и других авторов X в.) древностей, превращенные в популярные в Восточной Европе серьги (или височные украшения). Из подвесок не находят развития семантически сложные — с изображением сплетенных фигур, молоточки Тора, сравнительно быстро выходят из обихода подвески с чуждой солярной символикой: вихревая розетка исчезает, а из лучевых наиболее распространенной становится четырехлучевая, то есть фактически крест, точно так же превращаются в крест четыре волуты. В целом можно говорить о включении украшений в местный убор, при этом происходит и смена функции, и переосмысление семантики. В рамках обширной территории фиксируется, с одной стороны, близость (в самом обобщенном виде) процессов включения скандинавских украшений в местную культуру, с другой, — выделяются регионы преимущественного распространения тех или иных типов (по большей части охватывающие территории нескольких смежных древнерусских земель).

Ciglis, Rādiņš 2002: 91, 98, 174, 31. att.: 6: 34; 7: 10: 53). Предложение считать такой мотив заимствованным скандинавами из Прибалтики (Zulkus 1997: 169, 173, Abb. 4) не выдерживает критики хотя бы по причинам существенного более позднего его там появления.

Среднее Поднепровье. Скандинавские женские украшения почти не получают дальнейшего развития в древнерусской культуре XI—XIII вв. Немногочисленные вещи, найденные здесь, являются, скорее всего, привозными с севера (хотя и не далекого — из центральной зоны) или свидетельствуют об их распространении из той же центральной зоны уже в качестве локальных древнерусских типов (таковы некоторые разновидности подвесок). Единственная в той или иной мере воспринятая особенность — завязанноконечные украшения (кольца, в том числе серьги/височные кольца, и перстни), но они говорят об усвоении технологического приема, хотя и не столь широком, как на севере.

Как могла сложиться такая картина? Наиболее вероятным представляется объяснение, базирующееся на представлении о важной (часто ведущей) роли фактора социального престижа в формировании популярного женского убора. Особенно велика роль заимствований и подражаний престижным вещам в неустойчивый период формирования культурной общности, когда старые нормы расшатаны, а новым явлениям еще только предстоит стать или не стать традициями. В Приладожье и Финляндии местные женщины восприняли скандинавский убор комплектно, в целом, что, скорее всего, говорит об их вхождении в состав смешанных семей. Усвоение конструктивных деталей убора связано с возможностью его использования в костюме, что может свидетельствовать о скандинавском влиянии на костюм в целом (нет никаких данных о наличии двух- или трехфибульного убора у местного населения Приладожья или у культурно близких ему соседей до распространения здесь скандинавского влияния). Статус таких женщин в семье нам не известен, но определенно, он был престижен в глазах остального местного населения, так как убор (костюм) служил образцом для подражания. В Верхнем Подвинье, Верхнем Поднепровье, Верхнем Подесенье, Верхнем Поволжье, Волго-Окском междуречье, бассейнах Немана и Березины заимствовались лишь отдельные типы (а не комплекты), причем они входили в состав местного убора (и костюма), подчас, будучи переосмыслены. Скорее всего, посредниками в распространении новых украшений были своего рода местные дамы полусвета, обслуживавшие сборщиков дани, участников полюдья, новую русскую (в том же узком смысле) администрацию. Стремительный рост популярности некоторых типов (наиболее ярко проявляющийся в распространении завязанноконечных височных колец/серег) свидетельствует, в таком случае, о чрезвычайно высоком престиже подобных девиц, об их высоком социальном статусе среди местного населения и о массовом стремлении подражать их облику⁸⁵. Ситуации в столичных регионах (северном

и южном) близки. По-видимому, и новгородская, и киевская верхушки (независимо от своего происхождения) достаточно быстро перешли на более роскошные привозные украшения (роль здесь Византии и непосредственно связанного с ней балканского региона, мусульманского мира и других культурных центров еще требует уточнения), которые и стали основными объектами подражания. На Северо-Западе эту картину усложняет влияние прибалтийско-финских и балтских культурных общностей, ставших вторичным передатчиком скандинавских традиций, а также продолжающееся в XII—XIII вв. древнерусско-скандинавское взаимодействие.

Следует отметить, что в используемых преимущественно или исключительно женщинами орудиях труда следы скандинавского влияния пока почти неразличимы. Единственное, что я могу отметить — это использование на ряде поселений вертикального ткацкого станка с глиняными дисковидными грузиками, но подобные грузики после X в. уже фактически выходят из употребления. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить и иные восходящие к скандинавским черты в женской субкультуре Древней Руси, но уже сейчас не вызывает сомнения, что скандинавский вклад в ее производственно-хозяйственные компоненты несопоставимо ниже вклада в женский убор.

3. Мужская субкультура

Выделение мужской субкультуры в отдельности от технологии производства, в особенности от технологии изготовления железных изделий, а также от таких процессов, как требующее значительных физических усилий волочение, во многом условно. Да и украшения, детали убора далеко не всегда четко связаны с полом: серьги, браслеты, перстни носили не только женщины, но и мужчины, пояса с пряжками, разделителями и накладками, и, тем более, ледоходные шипы — не только мужчины, но и женщины. В качестве элементов мужской субкультуры с известной долей условности будут рассмотрены находки оружия (не всегда поддающегося четкому разграничению с орудиями труда), его миниатюрных воспроизведений, а также (с еще большей условностью) ледоходные шипы. Пахотные орудия (точнее, их железные наконечники), с точки зрения оценки соотношения восточноевропейских и скандинавских типов, требуют специального рассмотрения, которое пока никем не предпринималось.

Древнерусские находки оружия и вооружения были систематически рассмотрены в ряде монографий А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966; 1966а; 1971; 1973), что позволяет ограничиться,

⁸⁵ Современная параллель — кратковременный взлет социального статуса валютных проституток — «интердевочек» в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Их карьера

(особенно если она завершалась удачным браком с влюбчивым иностранным клиентом) была в эти годы мечтой не только многих советских (и постсоветских) девушек, но подчас и их родителей.

в данном случае, самым общим обзором, несмотря на то, что с момента выхода последнего из томов прошло уже 35 лет. За эти годы подверглась существенной корректировке хронология древностей (что выразилось, в первую очередь, в омоложении значительной части комплексов, ранее датированных X—XI вв.), накоплен значительный новый материал. Еще одно ограничение на использование сводов А.Н. Кирпичникова накладывает то, что он включал в них лишь несомненные находки оружия, меньше внимания уделяя рабочим и универсальным топорам, охотничьим и универсальным копьям. Свод стрел, изданный А.Ф. Медведевым (Медведев 1966), носит обзорно-обобщенный характер и, в силу этого, менее информативен. Однако единственная выделяемая в Восточной Европе группа наконечников стрел, связанная со скандинавским кругом древностей — ланцетовидные — была специально рассмотрена С.Ю. Каиновым (Каинов 1999), хотя, к сожалению, будучи специально посвящена стрелам Гнездова, она почти не включает новых находок из других мест.

Древнерусские находки мечей были систематизированы А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников 1966). Среди этих находок есть мечи, типологически датирующиеся IX в., но датировка этим же временем момента их археологизации пока, в подавляющем большинстве случаев, недостаточно обоснована. Самая ранняя надежно датированная находка — меч из монетно-вещевого клада, сокрытого близ д. Брили (Брилевское поле) в верховьях Березины в 890-х гг. с младшей монетой — дирхамом, чеканенным в 890/91 гг. (Иов, Рябцевич 2002: 164—175; Плавинский 2006: 8—9, 67, мал. 3, №1). Однако, анализируя даты бытования мечей в Восточной Европе, следует учитывать, что среди старолadoжских находок представлены деревянные игрушечные мечи, которые и типологически, и стратиграфически относятся ко времени, начиная с третьей четверти VIII в. (Давидан 1976: 113, 115, рис. 7: 7—9; Рябинин 1999: 188—189, рис. 4: 1—12). Древнерусские находки мечей X—XI вв. фиксируют, как было установлено А.Н. Кирпичниковым, скандинавский путь поступления и имперский (с территории империи Каролингов, а затем империи Салической династии) источник производства (о чем свидетельствуют клейма) подавляющего большинства из них. Местное производство и клинков, и рукоятей развивалось на их основе, но было, скорее всего, малочисленным (Кирпичников 1966: 43).

3.1. Топоры

Иначе обстояло дело с топорами. В восточноевропейских комплексах, начиная с X в. (а в Старой Ладоге — начиная с VIII в., см.: Давидан 1976: 113, рис. 7: 11; Старая Ладога 2003: 66, 67, №69), представлен целый ряд характерных для Скандинавии типов. Местное производство, по крайней мере, значительной части топоров этих типов (а скорее, большинства, возможно, подавляющего) следует

как из многочисленности находок, так и из наличия у многих топоров ряда особенностей, не характерных для Скандинавии (скругленный обух, дырочка на лезвии). Широкое распространение получают и в целом гибридные типы.

Тип V (топоры с опущенным лезвием и прямой верхней гранью) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 37—38) соответствует типу С по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 71, 72, рис. 32). На Руси, наряду с многочисленными (73 экз.) универсальными (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 108—111, 118—121) известны еще более многочисленные (170 экз.) топоры этого же типа, атрибутируемые в качестве рабочих. Тип V составляет около 19% среди типологически атрибутированных боевых и универсальных топоров, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к раннему (X — начало XI в.) периоду. В XI—XII вв. их доля падает до, примерно, 14%; после XII в. они уже не встречаются⁸⁶. Наиболее массовы топоры типа V на севере Руси (не южнее Ярославской и Владимирской областей).

Тип VI (топоры с опущенным лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 38—39) соответствует типам В и D по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 70—73, рис. 29—31, 33), и является немногим менее массовым на Руси, чем топоры типа V. В каталоге А.Н. Кирпичникова учтены 28 экз. универсальных топоров, а число рабочих определено в 155 экз. (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 110—111, 120—123). Общая датировка их бытования на Руси не выходит за рамки X—XII вв. Применительно к новгородским находкам они относятся к тому же типу топоров с опущенным лезвием, однако доля ранних экземпляров ниже⁸⁷. География распространения на древнерусских памятниках шире, чем у типа V, но для южной Руси, в частности, для Среднего Поднепровья они не характерны.

Тип VII (топоры с широким, близким к симметричному расходящимся лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39) соответствует типу М по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 78, рис. 44, 45). А.Н. Кирпичников учел 48 экземпляров (Кирпичников 1966а: 39, 41—44, 110—111, 122—125, 126—127), определенных им как универсальные, причем в его хронологическом определении лишь 2 (около 1%) относятся к X — началу XI в. Среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. доля типа VII составляет 15%, среди топоров XII—XIII вв. — около 16%. Еще 29 топоров, отнесенных к XII—XIII вв., опреде-

⁸⁶ Топоры типа V относятся к группе топоров с опущенным лезвием, серийно представленных в культурном слое Новгорода в слоях, синхронных 17 ярусу Неревского раскопа и более ранних, т.е. датирующихся временем до 1197 г.

⁸⁷ Среди находок, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв., их около 5%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. — около 7%.

лены в качестве рабочих. Относительно происхождения типа А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1966а: 39) констатирует, что «все исследователи единодушно признали скандинавское происхождение широколезвийных секир, распространившихся около 1000 г. на всем севере Европы». Однако, как показывают новгородские находки и подтверждают материалы могильников Новгородской земли, на Руси этот тип получает распространение существенно позже — лишь со второй половины XII в.⁸⁸ Основная территория распространения топоров типа VII в Восточной Европе — северная часть Древней Руси: «чем южнее, тем меньше этих форм. Так, в Ярославской, Владимирской и Смоленской областях найдены только 4 секиры типа VII» (Кирпичников 1966а: 39).

Тип IV (топоры с опущенным лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом) по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 36—37) соединяет в себе черты преимущественно североевропейского по происхождению типа VI (B-D по Я. Петерсену) и преимущественно восточноевропейского типа III⁸⁹. На Руси это самый массовый тип (А. Н. Кирпичниковым учтены 144 универсальных и 112 рабочих топоров, см.: Кирпичников 1966а: 36, 41—43, 106—109, 114—118), бытует он также не позже XII в. Доля универсальных топоров IV типа среди находок, отнесенных А. Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв. — 20%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. возрастает до 41%. Зона их распространения охватывает всю древнерусскую территорию, менее многочисленные образцы попадают и в соседние регионы.

Тип IA (топоры с опущенным лезвием и обухом-молоточком, имеющим грибовидную шляпку), по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 35), соединяют в себе черты воспринятых из культурной традиции степей топоров-чеканов (тип I) и связанное происхождением с Северной Европой широкое опущенное лезвие (свойственное типам IV, V и VI). Группа немногочисленна: А. Н. Кирпичниковым на Руси учтены лишь 7 боевых топоров, датированных им XI в. и найденных исключительно в восточных древнерусских землях: от Углича Поля на севере до Гочевского могильника в верхнем течении Псла на юге (Кирпичников 1966а: 212—213).

Суммарная статистика топоров, систематизированных А. Н. Кирпичниковым, с учетом принятых им датировок (Кирпичников 1966а: 43, 44, табл. 11, 12), которые нуждаются в существенной корректировке (большинство в сторону омоложения, но некоторые, в частности, верхняя дата бытования рабочих топоров VI типа — в сторону удревнения), в целом отражает общие тенденции. Для

оценки роли скандинавской традиции в древнерусском арсенале топоров целесообразно сгруппировать топоры (табл. 1) по происхождению типов: 1) типы V, VI и VII, непосредственно связанные со скандинавской традицией и в целом соответствующие скандинавской типологии; 2) типы I, II, III, VIII, IVA, VA, A⁹⁰ и Б, определенно не связанные со скандинавской традицией (степные, центральноевропейские или местные восточноевропейские), либо тип, скандинавские соответствия которому достаточно близки иным региональным разновидностям и на современном уровне исследования собственно скандинавская традиция вычлениению не поддается⁹¹; 3) гибридные типы IV и IA, объединяющие как скандинавские, так и местные или степные черты.

Можно видеть, что в XI—XII вв. достигают максимумов как доля собственно скандинавских (53%), так и гибридных со скандинавскими типами (34%), так что в сумме они дают 87% всех топоров этого времени. В предмонгольское время (это топоры, датированные у А. Н. Кирпичникова XII—XIII вв.) доля топоров, типологически связанных со скандинавской традицией, падает до 28%.

В связи с анализом механизмов вхождения новых типов топоров в древнерусскую культуру важно отметить (табл. 2), что скандинавские по происхождению типы (V, VI и VII) на начальных этапах своего распространения (в X — начале XI в. для типов V, VI и в XI—XII вв. для типа VII) представлены преимущественно боевыми (универсальными) образцами, рабочие же топоры (об условности разграничения — см. ниже) соответствующих форм становятся более массовыми позже (в XI—XII вв. для типов V, VI и в XII—XIII вв. для типа VII).⁹² Аналогичным образом обстоит дело и с гибридными типами IV и IA (последний представлен только боевыми образцами)⁹³.

⁹⁰ Тип А по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 40) является наиболее массовым в Финляндии, немногочисленные находки происходят из Юго-Восточного Приладожья.

⁹¹ Речь идет о топорах типа VIII по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39—40). Немногочисленные боевые топоры ранней разновидности происходят преимущественно из Юго-Восточного Приладожья, где они встречаются вплоть до XII в.: топор из кургана 2 могильника Карлуха I, раскопки А. М. Линевского 1947 г. (у А. Н. Кирпичникова он значится под №446 Хвалевщина кург. 1, см.: Кирпичников 1966а: 124—124), найденный в мужском погребении вместе с овальным кресалом, датирующимся на основе Новгородских находок не ранее времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т. е. не ранее 1116 г. (Кочуркина, Линевский 1985: 27; хр. в Институте истории, языка и литературы в Петрозаводске). Рабочие их аналоги на Руси существенно более массовы. Эти топоры соответствуют (без детализации) типам G, H, I, K, L, по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 74—78, рис. 38—43).

⁹² Степные по происхождению топоры-чеканы типов I и II представлены исключительно боевыми экземплярами (Кирпичников 1966а: 44, табл. 12).

⁹³ Некоторые типы немногочисленны в отдельные периоды или в целом, это делает подсчет процентов сугубо оценочным, но от этого он не перестает быть показательным.

⁸⁸ После 1161 г., если принять условную синхронизацию с ярусами Неревского раскопа в Новгороде.

⁸⁹ Узколезвийные топоры с двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом (Кирпичников 1966а: 35—36).

Таблица 1.

Типы	X — начало XI вв.	XI—XII вв.	XII—XIII вв.
I, II, III, VIII, IVA, VA, A, Б	174 (58%)	82 (13%)	293 (72%)
V, VI, VII	73 (25%)	337 (53%)	93 (28%)
IV, IA	49 (17%)	214 (34%)	—
Всего	296 (100%)	626 (100%)	332 (100%)

Таблица 2.

Типы	X — начало XI вв		XI—XII вв.		XII—XIII вв.	
	боевые	рабочие	боевые	рабочие	боевые	рабочие
V	36 (77%)	24 (23%)	37 (20%)	146 (80%)	—	—
VI	10 (91%)	1 (9%)	18 (16%)	97 (84%)	—	57 ¹ (100%)
VII	2	—	39 (100%)	—	7 (14%)	29 (86%)
IA	—	—	7 (100%)	—	—	—
IV	38 (78%)	11 (22%)	106 (51%)	101 (49%)	—	—

¹ Только XII в.

Отмеченное А. Н. Кирпичниковым более раннее распространение такой характерной для типов VI, VII и VIII особенности, как «укрепление их проуха только боковыми щекавицами» (Кирпичников 1966а: 44) преимущественно среди рабочих топоров обусловлено наличием этой особенности у архаичного типа VIII, на долю которого в X — начале XI в. приходится 62% всех рабочих топоров.

Показательно, что находки топоров типов V и VI на поздних роменских памятниках маркируют нарастающее влияние древнерусской культуры (Григорьев 2000: 141, 142, рис. 47: 3, 4).

Широколезвийные топоры (как с опущенным лезвием, так и симметричные) предъявляют более высокие требования к технологии изготовления (и к качеству железа-стали, и к качеству сварки), чем известные в Восточной Европе до X в. (и продолжавшие использоваться, хотя и не составлявшие впоследствии большинства узколезвийные — типы I⁹⁴, III, VIII⁹⁵ и A по А. Н. Кирпичникову). Не случайно именно угловые части лезвий чаще всего находят отломанными в культурных слоях поселений (разрушение проуха — общая проблема для топоров всех типов). Широкое распространение на территории Древней Руси топоров с широкими лезвиями (типов V—VII, по А. Н. Кирпичникову) следует рассматривать в контексте принесенной из Скандинавии более совершенной технологии кузнечного дела. К сожалению, пока не подвергнут систематическому статистическому анализу такой важный для культурной атрибуции топоров признак, как форма обуха. Обухи скандинавских топоров всегда прямые, в то время как восточно-европейские топоры могли иметь различные обухи: прямые, скругленные, снабженные молотками-чеканами (типы I и II по А. Н. Кирпичникову).

3.2. Копья

Роль скандинавских прототипов в сложении древнерусского набора наконечников копий пока труднее поддается анализу и, возможно, более ограничена в сравнении с топорами. Уверенно можно говорить о ланцетовидных наконечниках — тип I по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 9, 11), по большей части соответствующий типу E по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 59—61, рис. 12—13). Древнейшей восточноевропейской находкой является деревянный игрушечный наконечник копья из Староладожского Земляного городища, найденный в слое, датирующемся на основе дендрохронологии 770-ми — 790-ми гг. (Рябинин 1999: 189—190, рис. 4: 13), следующая по времени деревянная модель происходит из горизонта E₁, относящегося ко второй половине IX — началу X (Давидан 1976: 114, 115, рис. 8: 15). А. Н. Кирпичников учел 83 наконечника (Кирпичников 1966а: 9, 12, 18—21, 68—71, 78—81), причем в его хронологическом определении среди всех копий X — начала XI вв. ланцетовидные составляют 24%, а среди копий XI—XII вв. их доля падает до 16%⁹⁶. Время бытования ланцетовидных наконечников копий в Восточной Европе А. Н. Кирпичников ограничивает 900—1050 гг., при том, что в Скандинавии они появляются еще в вендельское время и бытуют на протяжении XI в. При этом фиксируется тот же процесс уменьшения доли длины пера в общей длине копья; такое копье, не включенное в тип E, Я. Петерсен датировал этапом, переходным от эпохи викингов к средневековью (Петерсен 2005: 58, 69, рис. 26). Л. Тунмарк-Нулен фиксиру-

⁹⁴ Без подтипа IA.

⁹⁵ Без подтипа VIIIA.

⁹⁶ С учетом того, что А. Н. Кирпичников датировал их лишь до середины XI в., они могли быть представлены лишь в части хронологического интервала. Соответственно, доля ланцетовидных наконечников в XI в. должна быть выше, чем в предшествующий период.

ет доживание ланцетовидных наконечников копий на Готланде до XII в. (Thunmark-Nylén 2006: 305). Уточнение хронологии древнерусских памятников определяет расширение верхней даты бытования ланцетовидных наконечников до начала или всей первой трети XII в., но общая тенденция наибольшей популярности их на раннем этапе (X — первая половина XI в.) сохраняется. Некоторые экземпляры наконечников (с орнаментом и дамаскировкой), несомненно, импортные, вопрос о месте производства остальных остается открытым. По крайней мере, некоторые из них, скорее всего, были привезены на древнерусскую территорию, но, учитывая многочисленность находок, весьма вероятно и местное производство, хотя специфические особенности восточноевропейских находок не выявлены. Ланцетовидная форма на Руси, как и во всей Европе, не дает дальнейшего развития, будучи вытеснена новыми типами. А. Н. Кирпичников отмечает (не конкретизируя), что некоторые из наконечников ромбической формы (тип II) «по типологическим признакам сближаются с ланцетовидными и представляют для X — начала XI в., по-видимому, ответвления последних» (Кирпичников 1966а: 12). То есть, известны скандинавско-восточноевропейские гибридные формы, но они малочисленны (копий типа II, включая и близкие к ланцетовидным, учтено всего 11 экз.), находки их достаточно локальны (Владимирские курганы, район Муром, Рязань, а также мордовские могильники), а хронологически они не переживают время бытования ланцетовидных.

Интересна география распространения ланцетовидных наконечников в Восточной Европе. Ранние находки особенно многочисленны в Юго-Восточном Приладожье, но, в целом, широко распространены по древнерусской территории, будучи представлены на памятниках, где надежно фиксируется присутствие и других скандинавских компонентов (Сарское городище, Гнездово, Чернигов и Шестовицы, деревянная модель в Ладогере), а также (но не столь серийно) на ряде других поселений и могильников. На заключительном этапе бытования в Приладожье их уже не так много (2 экз.), но зато уверенно прослеживается концентрация вдоль северо-западной и западной границы древней Руси. Опубликованная А. Н. Кирпичниковым сводная таблица (Кирпичников 1966а: 19, табл. 2) наглядно фиксирует, что на западнорусских территориях — от западной части Петербургской губ. на севере до Белоруссии на юге — найдены 19 (а если включить и пограничное Приладожье, то 21) из 25 экземпляров относительно поздних ланцетовидных наконечников.

Список ланцетовидных наконечников можно дополнить достаточно многочисленными новыми и, в меньшей мере, старыми, но не учтенными в своде находками: из могильника у д. Мучихино в междуречье Волхова и Тосны (1 экз.); в бассейне р. Лавы, впадающей в Ладожское оз. (Волковицкий, Григорьева, Селин 2008: 152, 153, рис. 2: 7); из каменной кучи близ южного бере-

га Финского залива (1 экз.)⁹⁷; из кладоискательских раскопок могильника близ д. Ополье (4 экз.) и близ бывшей мызы Малли (не менее 2 экз.) в бассейне р. Луги на западном склоне Ижорского плато⁹⁸. Один экземпляр, числящийся как происходящий из могильника в д. Выра, на самом деле происходит из погребения по обряду кремации из раскопок Л. К. Иванковского⁹⁹. Этот небольшой наконечник атрибутирован А. Н. Кирпичниковым как сулица III типа (Кирпичников 1966а: 100—101, №16), однако форма наконечника несомненно ланцетовидная с пропорциями, характерными для поздней группы. По одному экземпляру происходит из грунтовых (?) частей могильников близ деревень Скарятинна гора и Ольгин Крест на восточном берегу р. Нарвы¹⁰⁰ (Ligi 1993: 133, 137, tahv. XI: 4, 6). Восемь экземпляров найдено в могильнике Залахтовье на восточном берегу Чудского оз. (Хвощинская 2004: 95), 6 экз.¹⁰¹ — в Изборске (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 8; 2: 2, 3; 1991а: 183, 193, рис. 2; Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5; 2007: 107, 108, рис. 86: 2, 3, 5); 1 экз. — в кургане 12 могильника близ д. Малы под Изборском (Nerman 1926: 65—70, Fig. 50). По одному экземпляру происходят из кургана 1 могильника ур. Рацкий Бор I близ Браслава и из могильника Устье в Браславском районе Витебской области на северо-западе Белоруссии близ литовской границы; два экземпляра найдены на городи-

⁹⁷ Пользуюсь случаем выразить О. И. Коньковой благодарность за собранные и сообщенные сведения о находке.

⁹⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность И. В. Стасюку за собранные им и сообщенные мне сведения о находках из разграбленных могильников.

⁹⁹ Хранится в ГИМ, оп. 141/65. Сведения о нем в полевых дневниках Л. К. Иванковского отсутствуют, однако наконечник копия упомянут в Указателе РИМ (Указатель РИМ 1893: 170, №1303).

¹⁰⁰ Из могильника близ д. Кунигаколя, расположенного напротив, на западном берегу р. Нарвы, происходят еще 2 или 3 ланцетовидных наконечника (Ligi 1993: 132, tahv. XI: 3, 5, 6).

¹⁰¹ А. Р. Артемьев (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 6, 8; 2: 2, 3) указывает на 7 ланцетовидных наконечников копий, среди которых 5 втульчатых и 2 черешковых. В. В. Седов определяет как ланцетовидные только втульчатые наконечники — четыре, относимые им к нижнему слою (Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5, 8; 2007: 107, 108, рис. 86: 2; 3: 5, 8), и один из вышележащих слоев (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3). Однако один из них (Седов 2002: 79, рис. 41: 8; 2007: 108, рис. 86: 8) относится к более раннему типу А по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 56, рис. 7; см. о нем также: Артемьев 1982: 87, 88, рис. 2: 1; Белецкий, Лесман 2003—2004: 554, 560, табл. 20, №13, рис. 24: 13). Еще один наконечник копия (Артемьев 1982: 88, рис. 1: 6; более качественный рисунок, хотя и без сечения пера см.: Седов 2002: 79, рис. 41: 7; 2007: 108, рис. 86: 7) относится к более поздним рогатинам — типу IVA по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 15; см. о нем также: Белецкий, Лесман 2003—2004: 558, 563, табл. 20, №144, рис. 24, 144). Помимо них, корректировки требует атрибуция еще одного наконечника (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3): он относится не к ланцетовидным, а к более позднему типу IIIБ по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 14).

ще у д. Кульбичино в Гродненской области, тоже близ литовской границы (Дернович 2006: 16—22, 56—57, рис. 9—11). Два экземпляра, дополнительно к шести, учтенным А. Н. Кирпичниковым, найдены в курганном могильнике Заславля¹⁰² на западе Древней Руси (Заяц 1985: 183, 185, рис. 1: 2—4; 1995: 62—63, 185, рис. 39: 6—9). Уже эта далеко не полная подборка, включающая 30 наконечников, более чем на треть увеличивает список А. Н. Кирпичникова. Следует также учесть, что в подавляющем большинстве упомянутые наконечники относятся к заключительному этапу бытования типа — XI — началу XII вв., лишь некоторые из них, по-видимому, ранние (часть копий из Изборска, которые датируются, скорее всего, даже не X, а IX в.).

При всей условности и подвижности ранне-средневековых пограничных линий в XI в., несомненно, фиксируется тяготение находок ланцетовидных наконечников к северо-западной границе Древней Руси (от Понеманья до Приладожья), причем как с древнерусской стороны границы, так и со стороны территорий, заселенных носителями прибалтийско-финских и балтских языков. На их территории ланцетовидные наконечники известны и в других районах, но преимущественно западных: вдоль побережья Балтийского моря¹⁰³ — основной зоны контактов со скандинавами. Весьма вероятно, что концентрация ланцетовидных наконечников копий в приграничной зоне отражает культурную специфику тех контингентов, которые обеспечивали контроль (может быть, точнее было бы написать «которые несли службу») на северо-западной границе Древнерусского государства¹⁰⁴. Однако пока остается неясным, следует ли отмеченную концентрацию ланцетовидных наконечников копий связывать непосредственно со скандинавским культурным компонентом, считая их частью вооружения, полученного «по месту несения службы», или правильнее говорить об их распространении в качестве следов скандинавского влияния, воспринятого частью прибалтийско-финского и балтского населения независимо (еще до) привлечения к службе по охране древнерусского пограничья¹⁰⁵.

¹⁰² Из 16 наконечников копий, найденных в курганах Заславля, 8 — ланцетовидные (Заяц 1985: 183).

¹⁰³ В Литве серии находок ланцетовидных наконечников копий известны также из районов Вильнюса и Каунаса.

¹⁰⁴ О некоторых типах предметов женского убора преимущественно XI и, отчасти, X в., находки которых тоже концентрируются в зоне северо-западной, а, отчасти, северо-восточной и восточной границ см. (Лесман 2008: 45—50, 69—70, рис. 1: 5, 6; 3: 2, 3).

¹⁰⁵ Хочу выразить благодарность Н. А. Плавинскому, который своим вопросом, заданным в ходе происходившей на конференции дискуссии (см. Сложение ... 2009), привлек мое внимание к специфике распространения ланцетовидных наконечников копий в зоне, примыкающей к западным границам Древней Руси.

Требует специального анализа и зона северо-восточного — восточного пограничья древней Руси. Как уже упоминалось, именно там зафиксированы гибридные формы, включенные А. Н. Кирпичниковым в тип II и связанные с ланцетовидными (Кирпичников 1966а: 12). В этом регионе известны и собственно ланцетовидные наконечники, в том числе новые находки, не учтенные А. Н. Кирпичниковым (хотя, по-видимому, менее массовые, чем на западе). Об этом же пишет и А. Е. Леонтьев, выделяя в материалах Сарского городища две разновидности ланцетовидных наконечников, из которых одна соответствует скандинавским образцам, а другую «можно отнести к изделиям местных мастеров», причем указывает, что «подобные наконечники известны в небольшом количестве в погребениях мордвы VII—IX вв., мари и муромы IX — начала X в.» (Леонтьев 1996: 115). Однако исследователи соответствующих древностей не рассматривают такие копия специально: например, А. В. Циркин, анализируя оружие мордвы, лишь кратко характеризует выделенный им вариант «а» типа II-Г-1 по своей классификации (часть экземпляров могут рассматриваться как ланцетовидные и не имеющие характерного для многих местных наконечников копий манжета в основании втулки), но не указывает ни количества экземпляров, ни датировки (Циркин 1984: 126). Необходим целенаправленный анализ восточных находок ланцетовидных и близких им наконечников¹⁰⁶. В силу этого открытым остается вопрос о наличии и характере (прямом или опосредованном) связи со скандинавскими прототипами.

А. Н. Кирпичников выделяет «копья с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы» в тип III с двумя подтипами IIIA и IIIB. В совокупности они образуют самую многочисленную группу древнерусских наконечников копий — 43% от всех учтенных А. Н. Кирпичниковым типологически определимых наконечников (240 из 559 экземпляров). Собственно тип III соотносится с несколькими типами в типологии Я. Петерсена (типы F, G, H, K, см.: Петерсен 2005: 61—65, рис. 15—19, 21, 22), но А. Н. Кирпичников отказался от сопоставления большинства древнерусских находок со скандинавской типологией эпохи викингов, ограничившись более обобщенной картиной¹⁰⁷. Хотя часть найденных на Руси копий этого типа несомненно изготовлены в Скандинавии, а часть восходит к скандинавским прототипам, но у части находок весьма вероятны и иные корни. Копья раннего варианта подтипа IIIA, то есть — датированные А. Н. Кирпичниковым периодом до начала XI в. включительно (Кирпичников 1966а: 13), морфологически почти не отличаются от ко-

¹⁰⁶ Исследователи, рассматривавшие находки оружия на памятниках мордвы, мари, муромы, к сожалению, не уделяли внимание соотношению своих типологий с древнерусской или североевропейской.

¹⁰⁷ Так же поступила и Л. Тунмарк-Нулен при анализе находок с о. Готланд (Thunmark-Nylén 2006: 302—303).

пий местного типа II, распространены в том же регионе и синхронны им. В свою очередь, группа того же подтипа IIIA, датирующаяся XI—XIII вв., соответствует популярному в Скандинавии типу M по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 67, рис. 25). К. Кройц, рассматривая наконечники копий типа M из балтийского региона (Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, северо-западные районы России, включая часть находок из Восточного Причудья, Ижорского плато и Юго-Восточного Приладожья), выделяет внутри типа M восемь групп, из которых четыре представлены в Швеции единичными находками или вообще не известны (Sreutz 2003: 37, 59, fig. 2: 8; 4: 6). На древнерусской территории среди двух десятков наконечников, проанализированных К. Кройц, представлены четыре группы, три из которых соответствуют шведским (группы M1, M2, M8), одна (M4), по ее данным, в Швеции не представлена, в Финляндии редка, но известна (хотя и в меньшей доле) в Эстонии и Латвии. С другой стороны, на Руси ею не указано ни одного наконечника группы M3, составляющей в Швеции 20% находок¹⁰⁸. Некоторые вопросы возникают и со шведскими материалами, в частности, мне осталось непонятно, почему в работу не вошли, например, относящиеся к группе M4 наконечники копий с Готланда, опубликованные Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 248: 2—4). В силу этого я не вижу пока оснований рассматривать копьё группы M3 в качестве прибалтийско-древнерусского варианта. С другой стороны, собранные и систематизированные К. Кройц материалы показывают, что с типом M по Я. Петерсену соотносятся не только поздняя (датируемая А. Н. Кирпичниковым XI—XIII вв.) группа копий типа IIIA, но и синхронная им поздняя группа копий типа IIIB (она соответствует группе M3, по К. Кройц). Помимо этого, многочисленность копий типа M не только в Скандинавии, но и в Прибалтике делает последнюю также возможным посредником при их распространении на Руси. Таким образом, со скандинавским типом M могут оказаться связаны в общей сложности 66 наконечников копий этих типов — 22 экземпляра, отнесенных А. Н. Кирпичниковым к XI—XII вв., и 44 — к XII—XIII вв. (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), — а также какая-то часть копий основного типа III¹⁰⁹. Древнерусские находки копий, сопоставимых с типом M по Я. Петерсену (датируемые XI—XIII вв. экземпляры типов IIIA и IIIB по А. Н. Кирпичникову), известны почти по всей территории Древней Руси, но боль-

шинство находок — около 73% (48 из 66 учтенных А. Н. Кирпичниковым, см.: Кирпичников 1966а: 19, 20, табл. 2; 3) найдены в северо-западных и западных землях (Новгородской, включая Псковскую, Смоленской, Полоцкой и в Черной Руси), где они среди копий, датированных XI—XIII вв., составляют около 28%: среди датированных XI—XII вв. — около 13% (17 из 126 типологически определенных экз.), среди датированных XII—XIII вв. — около 69% (31 из 45 экз.). Все приведенные рассуждения, к сожалению, позволяют дать лишь нижнюю оценку доли среди древнерусских копий собственно скандинавских типов или типов, развивающих скандинавские традиции в XI—XIII вв.: для копий, включенных в свод (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), типологически атрибутированных и датированных А. Н. Кирпичниковым XI—XII вв., это более 31% (из 154 наконечников), для XII—XIII вв. — более 26% (из 168 наконечников). Наиболее высока эта доля для северо-западных и западных земель: около 39% для XI—XII вв. и около 69% для XII—XIII вв.

3.3. Стрелы

Ланцетовидные наконечники стрел, так же как и близкие им по форме наконечники копий, являются почти общепризнанно скандинавским по происхождению элементом материальной культуры Восточной Европы. Средневековые восточноевропейские наконечники стрел были систематизированы А. Ф. Медведевым, причем изделия ланцетовидной формы составили типы 10, 62, 75, 77, 78, 79 (без варианта 3), вариант 2 типа 29, а некоторое количество ланцетовидных наконечников входят в тип 63 и, возможно, в тип 90 (Медведев 1966: 58, 62, 73—74, 78—80, 83, табл. 12: 47; 13: 8; 14: 11, 32, 33; 15: 29, 30; 16: 20—23; 17: 16—21, 34—37; 18: 33, 34; 19: 26; 21: 16; 19: 1; 25: 5, 14; 28: 16, 18; 30: 8, 59, 71, 72, 73, 74). К сожалению, достаточно представительная сводка находок пока никем не составлена (или не опубликована). С. Ю. Каинов детально проанализировал ланцетовидные наконечники стрел из Гнездово, сопроводив свою статью обобщенным обзором остальных находок на древнерусской территории. Изданная им карта с 52 пунктами, где найдено свыше 360 ланцетовидных наконечников стрел (Каинов 1999: 60, рис. 7), опирается почти исключительно на опубликованные материалы и отражает лишь предварительный результат; она может (и должна) быть существенно дополнена, как за счет пропущенных ранее изданных находок, так и за счет новых¹¹⁰. Пока можно

¹⁰⁸ Следует, однако, учитывать, что К. Кройц смог рассмотреть лишь часть древнерусских наконечников (не все копьё даже в границах рассматриваемого ею района), в частности, ее варианту M3 соответствует часть поздних (не ранее XI—XII вв.) копий типа IIIB по А. Н. Кирпичникову.

¹⁰⁹ Часть копий этого типа соответствует скандинавским типам (F, G, H и K, по Я. Петерсену), но для каких-либо количественных оценок необходим их индивидуальный анализ.

¹¹⁰ В качестве примеров укажу на не учтенные 11 наконечников стрел с городища Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 61—62, рис. 29: 15—17). Существенно большее количество ланцетовидных наконечников стрел происходит из Изборска — не 6—10 экз., как на карте, а 14. Из Пскова (на карте Каинова значок неизвестного количества экземпляров), по сведениям А. Р. Артемьева (Артемьев 1991: 71), происходит не менее 10 экз., но, с учетом псковских коллекций Гос. Эрмитажа, их значительно больше. Перечень находок ланцетовидных наконечников стрел на тер-

№5. 2014

констатировать, что ланцетовидные наконечники известны почти по всей территории, где исследовались древнерусские памятники X — первой половины XII в. (именно так, по меньшей мере, большинство из них здесь датируется), однако число самих памятников, на которых они найдены, по-видимому, относительно невелико.

В подавляющем большинстве случаев не велика и доля самих ланцетовидных наконечников среди прочих разновидностей. Лишь на нескольких памятниках ланцетовидных наконечников стрел относительно много и можно, хотя бы ориентировочно, оценить их долю. При рассмотрении и географии распространения, и, особенно, статистики стрел следует учитывать, что среди материалов с поселений часть стрел — следы разрушения поселений или, по крайней мере, попытки их разрушения чужаками. Впрочем, и некоторые наконечники в погребениях были не погребальным инвентарем, сопровождающим умершего, а причиной его смерти. Такая статистика имеет смысл, если она определяется в рамках коллекции стрел хотя бы приблизительно синхронных периоду бытования ланцетовидных наконечников: IX — середина XII в. Последнему требованию не отвечает, например, коллекция из Княжьей Горы в Среднем Поднепровье, охватывающая весь период до монгольского завоевания: в нее входят 467 наконечников, из которых не менее 6 ланцетовидных, но некоторые из наконечников, описанных как «массивные граненые бронебойные», скорее всего, являются ланцетовидными с квадратным сечением пера (Шендрік 1958: 163, 164, 167, 168, 173, 174, табл. III: 15, 16; V: 1, 11?, 12?, 13?), причем утверждение, что среди них «221 типологически могут принадлежать IX—X вв.» (Зоценко 2004: 92), можно принять лишь с упором на «могут», так как слишком мало типов наконечников стрел, которые удастся типологически датировать в Восточной Европе так узко (пожалуй, это только ромбические гнездовского типа, но и для них нельзя полностью исключить доживание до XI в.), подавляющее же большинство типов (в том числе почти все находки с Княжьей Горы) либо датируются шире времени бытования ланцетовидных наконечников, либо входят в употребление поз-

же, чем перестали использовать ланцетовидные. Статистика ланцетовидных наконечников стрел на фоне синхронной им коллекции опубликована С.Ю. Каиновым для Гнездова (Каинов 1999: 49, 50, табл. 1), откуда происходит самая большая коллекция: в целом 41% (152 из 371 типологически определенных), в том числе среди материалов могильника 34% (64 из 190), среди материалов городища 48% (62 из 130), селища — 28% (26 из 92).

Приведу еще несколько примеров. На основе опубликованных материалов можно оценить долю ланцетовидных наконечников стрел в Тимеревском комплексе: в целом 31% (17 из 55), в том числе на селище 36% (9 из 25, см.: Дубов 1982: рис. 13: 1, 2; 17: 13; 25: 5; 28: 9; 37: 8, 9; 43: 6; 45: 6 и рис. 13: 3—7; 25: 6, 7; 27: 6, 7; 28: 10; 36: 2; 38: 8; 40: 4; 43: 7; 44: 10; 45: 5), на могильнике 27% (8 из 30, см.: Недошивина 1991: 168). Еще для ряда памятников доля ланцетовидных наконечников стрел поддается оценке по материалам либо только могильника, либо только поселений. Ярославские могильники (Недошивина 1963: 57—58): у д. Михайловское — 54% (7 из 13), у д. Петровское — 12,5% (коллекция мала — 1 из 8). Эти небольшие коллекции можно охарактеризовать и суммарно вместе с близким к ним более исследованным Тимеревским комплексом — 31% (16 из 51), что соответствует картине для Тимерева в целом. Городище Крутик в Белозерье: 20% (11 из 54, см.: Голубева, Кочуркина 1991: 60—62). На Сарском городище (включая его посад) ланцетовидные наконечники стрел составляют 38% коллекции (25 из 66, см.: Леонтьев 1996: 111, табл. 5). Несмотря на малый размер коллекции, обращает на себя внимание высокая доля ланцетовидных наконечников стрел с городища Выжегша на р. Колокша, правом притоке Клязьмы к северо-западу от Владимира — более 62% (5 из 8, см.: Леонтьев 1966: 201, 203, рис. 86: 1—4). На городище Прудники на северо-западе Белоруссии 47% наконечников — ланцетовидные (18 из 38 наконечников стрел, происходящих из слоев, датированных периодом до XII в. включительно, всего на городище найдены 48 наконечников стрел, см.: Шадыро, Ласкавый 1994: 217—224). На городище Кульбичино в Понеманье на западе Белоруссии 41% наконечников стрел — ланцетовидные (14 из 34 экз.), однако следует учитывать, что 20 наконечников были найдены вместе и, скорее всего, находились в одном колчане (Пивоварчик 1994: 193—196, рис. 2: 2, 4; 3: 6). Белорусские находки показательны в связи с ситуацией на соседних с запада территориях — в Литве ланцетовидные наконечники стрел почти не известны. В Новгороде среди опубликованных материалов, полученных в ходе исследований Неревского раскопа в 1951—1956 гг., найдено в общей сложности 12 ланцетовидных наконечников стрел¹¹¹, из которых два, несомненно,

ритории Украины опубликован В.Н. Зоценко и включает девять памятников или комплексов памятников, в числе которых восемь древнерусских и Херсонес (Зоценко 2004: 90—93); из них С.Ю. Каиновым были учтены только четыре. Для территории Белоруссии аналогичную сводку составил С.Д. Дренович, который учел находки с 12 памятников (Дренович 2006: 27, 58—60, карта 6). Из них, в сравнении с картой С.Ю. Каинова, 5 новых, а один — городище Масковичи — отсутствует, хотя Л.В. Дучиц указывает на находку трех ланцетовидных наконечников стрел (Дучиц 1991: 40—41). Замечу, что список С.Д. Дреновича может быть расширен, один из примеров — наконечник из кургана 7 могильника между деревнями Банонь и Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10). Работы В.П. Зоценко и С.Д. Дреновича посвящены собственно скандинавским артефактам, что автоматически выводило за рамки рассмотрения древнерусские изделия, даже если они восходят к скандинавским прототипам.

¹¹¹ Ниже 28-36-154; 27-30-298; 2 экз. разных вариантов 27-30-1250; 27-28-928; 26-29-373; 25-20-657; 24-27-342; 24/23-21-510; 18-23-272; 15-20-322; 0-5-58 (Медве-

переотложены, а из остальных наиболее поздний происходит из слоя 18 яруса (1161—1177 гг.), всего из слоев не выше 18 яруса происходят 63 железных наконечника стрел, соответственно ланцетовидные составляют 19%.

Большинство восточноевропейских находок ланцетовидных наконечников стрел типологически вполне соответствует скандинавским образцам (Каинов 1999: 56—59; Зоценко 2004: 90—93), однако с той или иной степенью вероятности можно предполагать их местное производство X в. в Гнездово (Каинов 1999: 59, 61).¹¹² Известны среди восточноевропейских находок и местные варианты ланцетовидных стрел, не характерные для Скандинавии. А. Ф. Медведев считал, что тип ланцетовидных плоских (ромбических в сечении) наконечников без упора (тип 62, вариант 1) «появляется на рубеже нашей эры в Прикамье и был распространен в северной полосе в IX — первой половине XI в.» (Медведев 1966: 73), однако ранние наконечники из Прикамья по форме отличаются от средневековых, и их объединение в один тип с ланцетовидными весьма условно. А. В. Крыганов считает, что восточноевропейские ланцетовидные трехгранные в сечении наконечники (тип 75 по А. Ф. Медведеву) «имеют явно азиатское происхождение» и появляются в VII—VIII вв. (Крыганов 1990: 72—73, 80, рис. 1, 15), однако в своей краткой статье полностью воздерживается от какой-либо аргументации, а в качестве иллюстрации приводит мелкий схематичный рисунок наконечника, отдаленно напоминающего по форме ланцетовидный, но, в отличие от собственно ланцетовидных трехгранных, лишенный упора. По-видимому, автор ввел в заблуждение трехгранное сечение пера, в самом деле популярное в степной зоне Евразии. С. Ю. Каинов рассматривает местные восточноевропейские разновидности ланцетовидных наконечников как результат адаптации скандинавских типов.¹¹³ К сожалению, вопрос о местных восточноевропейских разновидностях ланцетовидных стрел лишь кратко затронут С. Ю. Каиновым, и пока не подвергнут специальному исследованию. Отсутствует даже предварительная сводка таких находок.

дев 1959: 156, 158, 159, 164, 169, 170, табл. 9: №31—35, табл. 10: №99—103, 127, 128, рис. 13: 7—10, 37—40). Наконечник 15-20-322 найден в угловом квадрате раскопа и, весьма вероятно, был перемещен при копании водосборной траншеи, наконечник 0-5-58 найден в верхних нестратифицированных отложениях.

¹¹² С. Ю. Каинов (1999: 54, 61) предполагает наличие следов местного производства ланцетовидных наконечников стрел в Ладоге с середины VIII в., опираясь на находку наконечника стрелы среди вещей, связанных с производственным комплексом этого времени, однако, во-первых, указанный наконечник не относится к типу ланцетовидных (Рябинин 1995: 62, 63, рис. 24: 9), даже если наконечник стрелы (завершенное изделие, а не полуфабрикат) является продукцией, а не следом разгрома мастерской.

¹¹³ Речь идет о варианте типа 62, отличающемся более длинным и толстым черешком, а также о варианте 1 типа 78 и варианте 1 типа 79 (Каинов 1999: 55, 61).

Отмеченные С. Ю. Каиновым местные стрелы с длинным, обычно толстым черешком и коротким пером, нехарактерным для Скандинавии, известны не только в Гнездово и юго-восточном Приладожье, но и в других регионах. Они найдены, например, в упоминавшемся кургане между деревнями Банонь и Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10), в культурном слое городища Масковичи, в Минске (Загоруйский 1982: 219, 313, табл. IX: 15; Гурин 1987: 75, рис. 33: 1?, 14, 15, 18) и в Берестье (Лысенко 1985: 221, 222, рис. 150: 8). Последние три места находки интересны тем, что датируются относительно поздним временем: из Масковичей — в рамках XI—XIII вв., из Минска — не ранее 70-х гг. XI в., из Берестья — XII в. Наличие подобных наконечников в Гнездово указывает на то, что восточноевропейская разновидность появилась уже в X в. Весьма вероятно, что дальнейшим местным развитием скандинавской традиции являются также наконечники варианта 2 типа 78 и варианта 2 типа 79 (вариант 3 имеет форму пера, отличную от ланцетовидной, и требует отдельного рассмотрения), но их специальное исследование пока, насколько мне известно, никем не предпринималось. Однако, насколько можно судить по предварительным наблюдениям, количественно это относительно немногочисленные типы. В целом место скандинавской струи в формировании арсенала древнерусских наконечников стрел, несомненно, ниже, чем в формировании арсенала копий и, тем более, топоров.

На подавляющем большинстве памятников ланцетовидные наконечники стрел, если они там известны, найдены не более чем в нескольких экземплярах. Если речь идет о слоях поселений, такие находки могут характеризовать не столько особенности культуры жителей поселения, сколько вооружение нападающих, особенно если находки связаны со слоями разрушения. Это может относиться и к более массовым сериям, если они коррелируют со слоями пожаров или найдены на склонах укреплений: так, в частности, интерпретировал находки ланцетовидных наконечников стрел в Изборске А. Р. Артемьев (Артемьев 1991: 72), таков контекст по крайней мере одного из ланцетовидных наконечников, найденного в Лукомле (Штыхов 1978: 44). Весьма вероятно, что в ряде случаев единичные находки ланцетовидных наконечников стрел на памятниках в слоях, относящихся к заключительному этапу культур, предшествующих древнерусской (например, на позднероменском селище Горбово, см.: Григорьев 2000: 39, рис. 13: 20), маркируют этап вхождения соответствующих территорий в состав древнерусского государства (и следовавшим за этим распространением здесь древнерусской культуры), сопровождавшийся насильственной гибелью соответствующих культурных общностей в процессе подчинения власти древнерусских князей тех носителей местных культурных традиций, которые не успели бежать (как отступили на Оку и в Подмоскovie часть носители роменской культуры).

3.4. Ледоходные шипы

Ледоходные шипы получают широкое распространение в Скандинавии в вендельское время, причем и в варианте конских шипов (тип 1 по Г. Арвидсон, см.: Arwidsson 1986: 111—112, Abb. 12: 1; см. также: Petersen 1951: 62—64 и др.), и в варианте обувных¹¹⁴. Продолжали они широко использоваться как в эпоху викингов, так и в средневековье. Наиболее ранние восточноевропейские находки происходят из нижних горизонтов слоя ЕЗ Старой Ладogi (см., напр.: Рябинин 1985). В X в. их находки в Восточной Европе связаны, как правило, с памятниками, на которых фиксируется присутствие скандинавских культурных компонентов. В слоях Новгорода ледоходные шипы известны со второй половины X в. (Колчин 1959). На древнерусских памятниках XI—XIII вв. шипы наиболее простого 1 типа являются достаточно массовой находкой, причем долгое время их ошибочно интерпретировали как древолазные, считаясь свидетельствами бортного промысла. Эта ошибка была исправлена А.Н. Кирпичниковым, который совершенно справедливо определил их назначение, указав на скандинавские прототипы (Кирпичников 1973: 79—82).

Большинство древнерусских широких обувных шипов тоже соответствуют скандинавским аналогам. Это относится как к раннему типу треугольных, бытовавшему в Новгороде по крайней мере до середины XI в. (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 1)¹¹⁵, так и к более поздним разновидностям (XII—XIV вв.), также развивавшимся в общем со Скандинавией направлением. Единственное отличие Новгорода — в количественном соотношении типов: решительно преобладают технологически более простые, названные М.И. Петровым (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 3) трехлучевыми, а фактически имеющим форму галочки, технологически несколько более сложный вариант — треугольные с небольшим отверстием в центре¹¹⁶, найден всего в одном экземпляре (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 2). Обе поздние разновидности достаточно массовы в средневековой Скандинавии¹¹⁷. Серийность находок в Новгороде обувных шипов (16 экземпляров) и серии находок в других древнерус-

ских городах с высокой степенью вероятности говорит не только об их широком использовании, но и о местном производстве. На Руси известен, хотя и не массово (Кирпичников 1973: 81, рис. 47: 4)¹¹⁸ еще один тип обувных ледоходных шипов, находки которых датируются не ранее XII в. параллели им мне в средневековых древностях Скандинавии не известны.

3.5. Миниатюрные топорики

Миниатюрные бронзовые топорики исторически привлекают внимание исследователей древнерусской и смежных культур, но систематически на современном уровне они были проанализированы Н.А. Макаровым (Макаров 1992). Он продемонстрировал, что в целом форма миниатюрных бронзовых топориков соответствует реальным железным, и в своей типологии опирался на типологию последних. Две основные разновидности, по его мнению, воспроизводят топоры типа IV и типа Б¹¹⁹ в типологии А.Н. Кирпичникова, единственный топорик с о. Вайгач — топоры типа VII. Вслед за В.П. Даркевичем (Даркевич 1961), он подчеркнул наличие у целого ряда находок сохранившихся остатков миниатюрных деревянных топорниц, детализировал наблюдение о том, что бронзовые топорики не встречаются в женских погребениях, с одной стороны, указав на редкие исключения, с другой, уточнив, что при наличии возрастных определений топорики часто связаны с погребениями мальчиков, причем в могилах они находились у ноги, там, где в погребениях взрослых мог лежать настоящий топор. Н.А. Макаров проанализировал географию распространения и показал, что преобладают находки из поселений несельского типа: городов или приграничных крепостей; а среди находок из некрополей большинство связаны с могильниками, в которых погребения взрослых мужчин нередко сопровождались оружием, то есть они связаны с теми социальными группами, которые в письменных источниках именуются дружинниками. Все это позволило ему прийти к выводу, что миниатюрные топорики (которые раньше нередко некорректно рассматривались в качестве привесок-украшений) являлись своего рода знаками детей, которых готовили к тому, чтобы стать дружинниками. Н.А. Макаров обратил также внимание на железные миниатюрные топорики, указав на их преимущественное распространение в Скандинавии, но вопрос о взаимосвязи этих явлений оставил открытым, констатируя, что «миниатюрные топорики принадлежат к тому кругу вещей — бытовых

¹¹⁴ Последние не совсем корректно связывать исключительно с мужской субкультурой. По крайней мере, в Скандинавии они нередко происходят из женских погребений, а треугольная разновидность (тип 3) вообще известна в могильнике Бирке только в женских или неопределенных погребениях (Arwidsson 1986: 112, Tab. 12: 1).

¹¹⁵ Такие шипы хорошо известны в Бирке — тип 3 по Г. Арвидсон (Arwidsson 1986: 111—12, Abb. 12: 2),

¹¹⁶ Может быть, именно их лучше было бы именовать трехлучевыми.

¹¹⁷ Дополнительно к ссылкам М.И. Петрова укажу, в качестве примеров, на находки из Лунда (Cinthio 1976: 386, fig. 338; см. также иллюстрированную базу данных учебной экспозиции музея Kulturen в Лунде: www/kulturen.com).

¹¹⁸ Небольшой приведенный А.Н. Кирпичниковым перечень находок можно дополнить экземплярами из Изборска и Пскова (Седов 2007: 353, 354, рис. 352: 14, там же библиография).

¹¹⁹ Н.А. Макаров, к сожалению, не ссылается на тип Б, но приводит в качестве примеров топоры именно этого типа, указывая на две новые (не вошедшие в свод А.Н. Кирпичникова) древнерусские находки.

предметов, украшений и культовых символов, которые появились как инновации на волне мощного обновления материальной культуры восточных славян в XI в.» (Макаров 1992: 52).

Публикуя три миниатюрные топорика из Гродка на Западном Буге в Восточной Польше, В. Панасевич и М. Волошин (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) дали обзор новых исследований, касающихся проблем, связанных с миниатюрными бронзовыми топориками, существенно дополнили список находок из Прибалтики, Центральной Европы и Скандинавии. В интерпретационной части они присоединились к основным выводам Н. А. Макарова.

В целом реконструированная Н. А. Макаровым общая картина выглядит вполне убедительно: миниатюрные бронзовые топоры — древнерусская инновация, элемент, с одной стороны, детской, точнее — мальчиковой, субкультуры, а, с другой стороны, элемент дружинной субкультуры. На это заключение не влияют ни новые и неучтенные старые древнерусские находки, ни появившиеся позже публикации находок, преимущественно с территории Польши (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) и Швеции (Edberg 1999; 2008). Хотя количество миниатюрных бронзовых топоров, зафиксированных в Сигтуне, могло бы подорвать стройность картины: 14 экземпляров, согласно последней публикации Р. Едберга (Edberg 2008), на фоне одного экземпляра из Киева (Макаров 1992: 53, №23) или трех из Новгорода (Макаров 1992: 53, 54, №8, 40, 41), да и общее число находок на древнерусской территории (48 экз.) выглядит на фоне одной только Сигтуны более чем скромно. Однако следует учитывать, что сводка Н. А. Макарова может быть существенно пополнена как новыми, так и не учтенными старыми находками (например, из коллекций Музея истории Киева и Национального музея истории Украины, что позволило бы довести киевскую подборку до нескольких десятков) и общее число древнерусских находок может быть увеличено в несколько раз. Так, только в Белоозере их количество выросло (с 1992 по 2004 г.) с одного до семи (Захаров 2004: 172, рис. 60).

Дополнительные материалы, не меняя общей картины, расширяют круг имитируемых в бронзе типов: например, один из новгородских топоров соответствует топорам-чеканам типа I, а один из топоров с Княжьей Горы из раскопок Н. Ф. Беляшевского¹²⁰ соответствует типу VI А. Н. Кирпичникова. Вошедший в сводку Н. А. Макарова (Макаров 1992: 43, 53, №23) найденный в Киеве топорик из свинцово-оловянистого сплава (что отличает его от почти всех древнерусских находок), поврежден (Боровский, Сагайдак 1985: 40, 41, рис. 4), поэтому четко определить его типологическое соответствие сложно¹²¹.

¹²⁰ Хранится в Национальном музее истории Украины, инв. №В25/1889.

¹²¹ Н. А. Макаров (Макаров 1992: 43) отмечает, что его форма не соответствует ни типу IV, ни типу V, возмож-

Миниатюрный бронзовый топорик из Биляра (Aspelin 1877: 167, №768) имеет опущенное лезвие (форма обуха не ясна, поэтому найти полные типологические аналоги невозможно) и шпору в виде крючка, что находит аналоги в первую очередь среди железных топоров нормального размера из Восточной Пруссии, а также в единичных находках с Готланда, из Польши и Эстонии (Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1). Показательно, что на воротах XIII в. из Гнезно в сцене убийства пруссами св. Адальберта орудие убийства выступает топор с крючком (La Baume 1942: 35, 37—39, Abb. 5, 12). Еще одно свинцовое изделие вошло в сводку Н. А. Макарова, который, опираясь на публикацию Н. Ф. Беляшевского (Беляшевский 1892: 89, табл. II.30), вслед за В. П. Даркевичем определил его как «миниатюрный амулет в форме топора, насаженного на рукоять, конец которой снабжен отверстием для подвешивания» (Макаров 1992: 48, 55, №55). Однако уверенно атрибутировать предмет по опубликованной Н. Ф. Беляшевским фотографии трудно, скорее, это не топор, а миниатюрная подвеска-ключ; если же это топорик, то сравнительно близкие параллели ему можно найти в Норвегии, Голландии и Ирландии и по типу (топоры типа М по Я. Петерсену — тип VII по А. Н. Кирпичникову), и по форме вещи в целом (Paulsen 1956: 191, Abb. 96: a, b, d), однако западноевропейские свинцовые изделия не имеют отверстия в топорнице).

Намеченное Н. А. Макаровым сопоставление с миниатюрными железными топориками заставляет обратиться к проблеме функции последних. В отличие от бронзовых, максимальный размер которых обычно не превосходит 6 см, железные могут быть и крупнее, так что не всегда легко решить, имеем ли мы дело с маленьким боевым топориком или с моделью. К сожалению, железные миниатюрные топоры пока не привлекали специального внимания исследователей. В данном случае речь идет не о маленьких боевых топорах, при том, что разграничение боевых, универсальных и рабочих топоров в известной мере условно, но боевые топоры, в тенденции, легче и меньше рабочих¹²² (Кирпичников 1966а: 26—29). Как боевые,

но, впрочем, он наиболее близок к позднему (вошедшему в употребление в южной Руси лишь с XIII в.) типу VA, не связанному своим происхождением со Скандинавией (Кирпичников 1966а: 38). Он, по-видимому, близок миниатюрному топору из свинцового сплава, найденному в Йорке в грунте, перемещенном при строительных работах XIV в., сам же топорик публикатор относит к эпохе викингов и датирует X в. (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

¹²² В древнерусском языке зафиксированы три формы: собственно топорь, топорькъ и топорьецъ; вторая и третья формы образованы при помощи уменьшительных суффиксов; все три формы встречаются в сходных контекстах. Вплоть до XIV в. они используются только по отношению к оружию, причем в разных летописных списках могут заменять друг друга (Срезневский 1989а: 980—981; Львов 1975: 295—296; Творогов 1984: 146). Такие замены можно рассматривать как косвенное подтверждение относитель-

так и рабочие топоры должны были иметь достаточно мощное, чтобы выдержать удар, топорщице. Собственно миниатюрные топоры, помимо малого размера (общая длина до 10 см), выделяются тонким топорщицем (в поперечнике около 1 см или менее), то есть не могли использоваться в реальных боевых условиях и не могли производить достаточно впечатления в качестве церемониальных, обычно они тонкие и легкие. Такие железные топоры известны на многих древнерусских памятниках (в частности, в Новгороде только на Неревском раскопе их найдено не менее 7 экземпляров), однако появляются они в Восточной Европе лишь в X в.¹²³ Из соседних с Древней Русью регионов миниатюрные железные топоры представлены в Скандинавии, где фиксируются уже в вендельское время, известны в эпоху викингов и в средневековые, но в это время они редко попадали в погребения¹²⁴.

Находки миниатюрных железных топориков ни в Скандинавии, ни на Руси пока, к сожалению, не стали предметом специального рассмотрения, но в слоях древнерусских поселений они являются хотя и не массовой, но достаточно распространенной находкой (новгородские экземпляры упомянуты выше). Предлагаемое для скандинавских топориков выполнение ими неких символических функций (Roesdahl 1977: 190) фактически является паллиативом отсутствующего рационального объяснения¹²⁵. Наиболее вероятным назначением миниатюрных железных топоров было использование их в качестве игрушек. В осторожной форме, относительно по крайней мере некоторых находок из Латвии, это предположение уже высказывал М. Атгазис (Atgāzis 1964: 123). В.В. Аулих, публикуя материалы городища Зимно, также рассматривал найденный там миниатюрный железный топорик¹²⁶ в качестве игрушечного (Аулих 1972: 41, 43,

44, табл. VIII: 35), однако связывал его с основным комплексом городища, в то время как топорик типологически (тип VI по А.Н. Кирпичникову) соответствует древнерусскому времени; материалы этого времени, хотя и немногочисленные, на городище выявлены (Аулих 1972: 8). Игрушечные детские мечи и копья хорошо известны, их делали из дерева, но деревянным топором играть (и, в то же время, учиться пользоваться) невозможно — деревянный топор даже при детском игровом ударе сразу же сломается, иное дело маленький легкий железный (с тонким металлом лезвия и тонким обухом), насаженный на тонкое деревянное топорщице, или костяной (немногочисленные костяные топоры известны в Скандинавии, Польше, Прибалтике и на Руси, см.: Paulsen 1956: 51—59; новые находки существенно дополняют список Р. Паульсена). Следует отметить, что появление в Восточной Европе игрушечного оружия фиксируется в контексте скандинавского культурного импульса (начиная с упоминавшихся староландских находок), после чего такие игрушки становятся составной частью древнерусской культуры.

При рассмотрении бронзовых миниатюрных топориков необходимо принимать во внимание существование в Скандинавии (особенно на Готланде) близкой к древнерусской традиции погребать мальчиков с миниатюрным топориком у ноги, только топоры там янтарные¹²⁷ (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 172: 6—11; 2006: 222—223 с библиографией; см. также: Paulsen 1956: 201—204). Миниатюрные янтарные топоры известны с вендельского периода (в кремациях), хотя наиболее массовые (около 25 экземпляров) они, по данным Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylén 2006: 222—223), в ингумациях третьего и четвертого периодов эпохи викингов Готланда (подпериоды VIII-3 и VIII-4 датируются соответственно 990/1005—1090/1110 гг. и 1090/1110 — предположительно 1200 г.), то есть в целом в то же время, когда бытовали миниатюрные бронзовые топоры на Руси.

Не так просто, как представляется на первый взгляд, обстоит дело с реальными железными прототипами двух основных разновидностей древнерусских миниатюрных бронзовых топориков. Наиболее массовая группа в целом восходит к топорам IV типа по А.Н. Кирпичникову, но подавляющее большинство их отличается от железных одной характерной деталью — округлым выступом (обычно на более узкой ножке), расположенным на переломе от нижней грани опущенного лезвия к вырезу, идущему к топорщице. Такой выступ нередко именуют шпорцей. Округлый выступ имеет свои аналоги у ряда железных топоров XI—XII вв., но распространены эти топоры не на Руси, а преимущественно на о. Готланд, где в эпоху викингов хорошо известна группа топоров с фигурным выступом на переломе нижней

но малого размера боевых топоров. В значении рабочего топора использовались формы сэкыра, секыра, сокыра, сокира, хотя они могли иметь значение и оружия (Срезневский 1989: 460, 892).

¹²³ Так датируются наиболее ранние известные мне на древнерусской территории находки: к упомянутому Н.А. Макаровым экземпляру из Тимеревского могильника (Макаров 1992: 52, рис. 9: 1) и с городища Крутик (Голубева, Кочуркина 1991: 55, 56, рис. 26: 11) можно добавить топорик из среднего уровня отложений горизонта Д (около середины X в., после 932 г.) Земляного городища Старой Ладоги (Рябинин 1985: 33, 38, рис. 6: 9).

¹²⁴ Совсем маленькие миниатюрные топоры длиной обычно до 3—4 см, использовавшиеся в качестве подвесок, известны в Европе в позднеримское время и в эпоху переселения народов.

¹²⁵ Как и предлагавшаяся ранее В.П. Даркевичем связь древнерусских миниатюрных бронзовых топориков с почитанием Перуна-громовержца (Даркевич 1961).

¹²⁶ Еще один миниатюрный топорик-чекан с узким лезвием В.В. Аулих рассматривает среди находок оружия, хотя для оружия он, скорее всего, мал: длина 9,5 см, ширина лезвия 2,1 см, обух — 2,1 × 1,4 см, диаметр отверстия для топорщицы — 1,4 см; аналогий ему автор публикации не нашел (Аулих 1972: 48, 50, табл. IX: 8). Возможно, топорик связан со слоем раннего железного века.

¹²⁷ Подобные топоры в Прибалтике использовались в качестве подвесок.

границ. П. Паулсен отмечает, что топоры этой группы являются готландским типом (Paulsen 1956: 61—63, Fundkarte III).¹²⁸ К сожалению, Л. Тунмарк-Нулен, анализируя инвентарь готландских погребений эпохи викингов, рассматривает топоры в соответствии с принятой ею обобщенной типологией. Топоры с фигурными выступами не вычленены у нее из типа 2 готландских топоров (соответствует типу VI по А. Н. Кирпичникову и совокупности типов В, D и Е по Я. Петерсену, см.: Thunmark-Nylén 1998: Taf. 254—255; 2006: 311, 313), хотя они достаточно многочисленны (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 55: 12; 67: 5; 75: 15; 83: 14; 86: 5?; 112: 12; 146: 19; 148: 12; 222: 15; 1998: Taf. 255: 3, 8, 11). Выступ чаще всего имеет форму трехлепесткового цветка (бутона, крина), но есть экземпляры и с более простым округлым выступом (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 75: 15; 148: 12; 1998: Taf. 255: 11). В целом распространение на Готланде топоров типа 2 Л. Тунмарк-Нулен относит к третьему-четвертому периодам эпохи викингов (VIII, 3—4), с преобладанием четвертого. Таким образом, в бронзовых топориках соединяются черты древнерусского типа IV и одного из вариантов готландского типа 2, при этом нередко миниатюрные топоры имеют на лезвии отверстие, что не свойственно железным топорам Скандинавии. В железе мне известны лишь несколько параллелей: топор из кургана близ д. Дудайка Минского р-на¹²⁹ (Археология 1993: 243, 244), два топора из латгальских могильников в Латвии — Andžēni (Katalog 1930: 130, Taf. 48: 6) и Лиепкалнес Костер¹³⁰ (Atgāzis 1964: 121, 122, 7: att. 6), топор из ливского курганного могильника Тэлени (Tõnisson 1974: II: 1), топор из Кнопфельдорф на территории прихода Гамланд в Восточной Пруссии (La Baume 1942: 39, Abb. 13).

У некоторых бронзовых топориков, соответствующих по форме топорам типа VI по А. Н. Кирпичникову, выступ-шпорца сравнительно небольшой, что находит себе относительно близкие параллели среди части железных топоров (см. напр.: Кирпичников 1966: табл. XIII: 6, 7, 8, 10; XXI: 1; XXII: 6). У упоминавшегося бронзового топорика из Билляра выступ-шпорца имеет вид крючка, что не находит себе аналогий среди железных топоров нормального размера на Руси или в Среднем Поволжье, но известно на серии топоров преимущественно из Восточной Пруссии. Территориально самая «близкая» находка происходит из Эстонии — на нее, опираясь на Р. Паулсена,

указывают в качестве параллели В. Панасевич и М. Волошин (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 258, 260, гус. 6: с, е).

Бронзовым топорикам в форме широколезвийных секир Н. А. Макаров указывает в качестве железных прототипов редкие на Руси топоры, относящиеся к типу Б по А. Н. Кирпичникову (хотя и не называет сам тип). Таких топоров известно на Руси всего 4, причем все находки связаны с одним регионом: Посады в нижнем течении р. Медведицы — левого притока Волги на востоке Тверской обл., Оленино в окрестностях Мышкина на западе Ярославской обл., Киснема¹³¹ и Никольское III в Белозерье. Следует отметить, что в двух из четырех перечисленных могильников (Оленино и Никольское III) найдены не только железные топоры, но и сопоставляемые с ними бронзовые топоры. Обух топора из Лаптау в Восточной Пруссии, на который ссылается Н. А. Макаров (Макаров 1992: 46, рис. 5.2), не имеет намеченных на его рисунке вырезов (характерных для качественно отлитых образцов бронзовых топориков), на самом деле, на втулке частично утраченный орнамент (La Baume 1941: 25, 26, Abb. 3: a, b), который был существенно искажен при перерисовывании из монографии Р. Паулсена (Paulsen 1956: 169, Abb. 87). Можно назвать еще один топор этого же типа из латгальского могильника Ликснас Янушани в Латвии (Atgāzis 1964: 120, 122, 7: att. 6; Radiņš 110, 113, 82: att. 1; Радиныш 2001: 98, 111, рис. 19: 1). В целом же подобные симметричные широколезвийные секиры в Восточной Пруссии редки, а в Скандинавии, насколько мне известно, вообще не представлены, однако сама форма (но без щековиц) известна в раннесредневековой и средневековой Западной Европе как по изображениям (например, на ковре из Байе такие топоры изображены 4 раза (Wilson 1985: pl. 17, 35, 36) и исключительно в качестве орудий труда), так и по археологическим находкам (см. напр.: Leany 2003: 26, fig. 11: A, C, D), причем это не боевые а специализированные плотницкие топоры. Топоры типа Б — возможный прототип, хотя имеются и существенные отличия. Первое отличие бронзовых топориков, вообще не имеющее параллелей в железе — наличие пары крючков-шпорец по бокам от лезвия¹³². Второе отличие — у железных топоров типа Б углы между лезвием и верхней и нижней гранями близки к прямым, в то время как у рассматриваемых бронзовых топориков они всегда острые (ме-

¹²⁸ Единичные экземпляры происходят из материковой Швеции, Финляндии, Эстонии (библиографию см.: Thunmark-Nylén 2006: 313, Anm. 71), несколько больше их в Восточной Пруссии (Paulsen 1956: 62, Abb. 24: b). По-видимому, к этой же группе относится топор из раскопанного К. Д. Трофимовым кургана 29 в могильнике близ д. Залахтовы (Хвоцинская 2004: 256, табл. CXXX; Кирпичников 1966а: 122—123, №400, табл. XXIII).

¹²⁹ В одном из раскопанных в 1979 г. курганов, содержащем ориентированное головой на запад погребение.

¹³⁰ Выступ имеет форму трехлепесткового бутона.

¹³¹ Л. А. Голубевой опубликован рисунок топора (Голубева 1961: 205, рис. 1: 2), выполненный без расчистки его от окислов, к тому же обух частично закрывают остатки ткани, поэтому без работы непосредственно с находкой трудно с уверенностью сказать, был ли обух топора вырезным или нет.

¹³² Одиночные крючки-шпорцы изредка встречаются на топорах иных типов из Восточной Пруссии, Готланда, Польши, Эстонии (La Baume 1942: 37, Abb. 12; Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 260: 8; 2006: 312; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1), о них шла речь в связи с топориком из Билляра.

нее 45°). То есть по форме лезвия в целом, если исключить шпорцы, бронзовые топоры ближе всего к широколезвийным топорам-секирам типа VII по А. Н. Кирпичникову¹³³, соответствующим типу М по Я. Петерсену. С топорами типа VII их сближает и еще одна особенность, свойственная многим бронзовым топорикам: идущее параллельно кромке лезвия утолщение, имитирующее утолщение лезвия железных топоров, связанное с типичной для типа VII технологией — V-образной наваркой стального края лезвия на железную основу. При этом, однако, форма обуха бронзовых топорилов не соответствует (за исключением некачественных отливок, у которых форма обуха не проработана в деталях) древнерусскому типу VII. Наиболее близкие параллели мне удалось найти лишь в западной Прибалтике на землях пруссов и куршей (Engel, La Baume 1937: 191, 192, Abb. 44: p; Кулаков 1990: 122, 160, табл. XXVIII: 6; LXVI: 1; Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002: 26, pav. 16: 1). Это топоры, форма лезвий которых соответствует северо- и западноевропейским топорам типа М, по Я. Петерсену (тип VII, по А. Н. Кирпичникову), а форма обуха вырезная, традиционная для Восточной Европы и Прибалтики. Скорее всего, это местная модификация типа М, но бытовала она на достаточно большом удалении от древнерусских границ.

При исследовании генезиса древнерусских миниатюрных бронзовых топорилов принципиально важны вопросы хронологии. Оба их основных типа получают распространение в XI в., однако, как справедливо отмечает Н. А. Макаров (Макаров 1992: 48), подавляющее большинство из них узкой датировке не поддается¹³⁴. Пока мож-

но уверенно говорить лишь о том, что миниатюрные бронзовые топоры уже бытовали на Руси к середине XI в. и были распространены по крайней мере на протяжении XII столетия (а возможно, и несколько дольше).

Если обратиться к хронологии железных претендентов на прототипы, следует отметить, что древнерусский тип IV и готландский тип 2 (соотнесимые с бронзовыми топориками с оттянутым вниз лезвием), несомненно существовали в XI в. Происходящие по большей части из Прибалтики немногочисленные железные топоры, наиболее близкие по форме к бронзовым, к сожалению, уверенной датировке пока не поддаются (их широкая дата — XI—XII вв.). Точно так же не поддаются пока точной датировке и немногочисленные железные топоры с широким лезвием и вырезным обухом (ближайшие аналоги миниатюрным бронзовым топорикам с симметричным лезвием), происходящие из прусско-куршского региона: общая их дата весьма условная и широкая — XI—XIII вв. Скорее всего, эта разновидность — местная гибридная форма, соединяющая лезвие нового, заимствованного из Северной Европы, типа с традиционной формой обуха. Более далекие от бронзовых топорилов, тоже немногочисленные, хотя и найденные преимущественно на древнерусской территории железные топоры типа Б, также, к сожалению, не имеют надежной и узкой даты начала бытования, оставаясь в широких рамках XI—XII вв. Следует также отметить, что появление скандинавского типа М (по Я. Петерсену) относят обычно ко времени около 1000 г., на Руси же соответствующие им топоры типа VII по А. Н. Кирпичникову получают распространение лишь со второй половины XII в. (хотя единичные импортные изделия могли попадать с запада и раньше, и существенно позже). Таким образом, если не было влияния западноприбалтийского варианта, местная восточноевропейская контаминация в бронзе вырезного обуха и общей формы широколезвийного топора имели шанс возникнуть в первой половине XI в. лишь на основе импортных скандинавских или западноевропейских топоров типа М.

Еще сильнее усложняет ситуацию география находок. Н. А. Макаров отмечает концентрацию миниатюрных бронзовых топорилов в Среднем Поднепровье, Приильменье, и Волго-Окском междуречье, однако опубликованная им карта и сводка находок, в первую очередь, выделяют Среднее Поднепровье. Следует также учитывать, что фактическое число находок там существенно больше. С другой стороны, Приильменье, на фоне больших коллекций ювелирных изделий из Новгорода,

¹³³ Опубликованные А. Н. Кирпичниковым изображения образцов топоров этого типа (Кирпичников 1966а: 30, рис. 6, табл. XV: 1—5; XVI: 10; XXII: 1) имеют несколько иные пропорции (общая длина превосходит ширину лезвия), но, например, среди всех топоров типа VII (без разделения на боевые и рабочие, различие которых для этого типа весьма условно), найденных на Ижорском плато, у трети ширина лезвия больше длины топора, такие же пропорции имеют и примерно половина однотипных топоров Готланда (топоры типа 4 по Л. Тунмарк-Нюлен, см.: Thunmark-Nylén 1995: Abb. 12: 2; 22: 12; 30: 4; 77: 6; 121: 8; 143: 11; 206: 4; 208: 3; 210: 8; 260: 5; 282: 6; 433: 8; 1998: Taf. 257—259, 304; 2006: 311). На ковче из Байе имеется 17 изображений топоров типа М (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 52, 62, 64, 65, 70, 72), все в качестве оружия, из них у 10 ширина лезвия больше длины топора (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 64, 65, 70, 72), а еще у трех примерно равна (Wilson 1985: pl. 62, 65, 70).

¹³⁴ Наиболее ранняя датированная находка — новгородский широколезвийный топорик (Неревский раскоп 25-21-664; см.: Седова 1981: 26, 27, рис. 7: 9), который происходит из слоев 25 яруса, дендрохронологически датированных 1006—1025 гг. Однако, при оперировании датами единичных новгородских находок следует принимать во внимание специфику новгородской вещевой хронологии. Во-первых, привязка подавляющего большинства новгородских находок к соответствующим ярусам уличных мостовых достаточно условна и может приниматься лишь с учетом возможной погрешности в один ярус (то есть датировка временем функционирования 25 яруса является лишь наиболее вероятной датой, в то время как

более или менее надежная дата шире — 24—26 яруса, то есть, условно 989—1055 гг.). Во-вторых, часть дат единичных находок в силу наличия не зафиксированных (хотя и редких) древних перекопов, возможных сбоев в полевой документации и пр. ошибочна; достаточно надежны лишь даты бытования серийных однотипных изделий (подробнее см.: Лесман 1990: 31—32 и др.).

Рюрикова городища, Старой Русы, оказывается сравнительно бедным бронзовыми миниатюрными топориками¹³⁵. Топорики не известны в Пскове, их сравнительно мало на территории Белоруссии (несмотря на широкие раскопки как древнерусских городов, так и курганных могильников). Несколько больше найдено на западе, то есть — уже на самом древнерусском пограничье (два в Дрогичине и три в Гродке над Бугом) и далее уже на территории средневековой Польши (13 экз.), где они рассматриваются в качестве древнерусских изделий. Еще одно крупное скопление бронзовых топориков древнерусских типов — Сигтуна. Находки на территории Латвии являются древнерусскими импортами или местными подражаниями. Все это резко расходится с географией преимущественного распространения потенциальных прототипов (см. выше). Таким образом, вопрос о месте (местах) формирования традиции древнерусских миниатюрных бронзовых топориков остается открытым¹³⁶. Важно, что более ранние и синхронные параллели, а также прототипы указывают на определенную связь не только с древнерусской культурой, но и с культурами Скандинавии XI в. и некоторыми районами Прибалтики. Не случайно в Сигтуне найдены 14 экземпляров миниатюрных топориков, из которых 12 соответствуют типичным древнерусским, а два (Edberg 2008: 153, 154, fig. 80, 81) — редкая на Руси разновидность: обухи без вырезов, плоские сзади, в отличие от большинства древнерусских железных топоров и подавляющего большинства древнерусских бронзовых топориков, у которых обух закруглен. В какой-то мере они близки топорикам из Княжей Горы и Йорка (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

Возвращаясь к миниатюрному топорикам с о. Вайгач, следует отметить, что наиболее схожий с ним свинцовый топорик найден в Гродке над Бугом (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 249, 259, 260, 271, 272, гус. 2с), а в Скандинавии известны близкие, хотя и не идентичные топорики из бронзы и свинца¹³⁷. Редкая разновидность бронзового то-

порика из Биляра, как уже указывалось, имеет ближайшие железные аналоги на Балтике, а у бронзового миниатюрного новгородского топорика-чекана железные аналоги (тип I по А. Н. Кирпичникову) происходят преимущественно из южных и восточных регионов древней Руси (Кирпичников 1966а: 33, 35, 41, 42). То есть, в целом, следует констатировать, что формы бронзовых миниатюрных топориков находят соответствия среди железных топоров, но, как правило, в достаточно удаленных регионах.

Хронология и география распространения заставляют вернуться к сопоставлению, намеченному П. Паулсеном еще в 1939 г. в первом издании его монографии «Axt und Kreuz» и повторенному во втором издании 1956 г., — топор в средневековой североевропейской христианской традиции был характерным атрибутом святого Олава, обычно это топор типа М по Я. Петерсену. Следует учитывать, что почитание норвежского конунга Олава Харальдсона в качестве святого началось уже в первый же год после его гибели (в 1030 г.). Часть жизни Олав провел на Руси (по одной из легендарных версий даже спасся от убийства и вновь уехал на Восток). Норвежская средневековая житийная литература, в том числе созданная уже в XII в., локализует на территории Руси (в Гардах, в первую очередь в Хольмгарде/Новгороде) часть чудес святого конунга Олава, произошедших с теми, кто почитал этого святого (Джаксон 1994: 129, 132, 133, 189—192). В Новгороде (на Готском дворе) находилась церковь св. Олафа. Если верен вывод о появлении миниатюрных бронзовых топориков к середине XI в., то это синхронно этапу формирования культа св. Олава.

Было бы неверно напрямую сопоставлять миниатюрные бронзовые топоры с распространенными в средневековом католическом мире значками паломников — первые из них только в XII в. входят в обиход, а массовым их изготовление и ношение становится только с XIII—XIV вв. Обычно значки паломников отливали из свинца, олова или свинцово-оловянистых сплавов (исключение — раковины св. Якова), к ним наиболее близки и по материалу, и хронологически свинцовые топоры, соответствующие типу VII по А. Н. Кирпичникову — типу М по Я. Петерсену. Бронзовые топоры двух массовых типов — более раннее явление, но, весьма вероятно, в период своего возникновения или, по крайней мере, распространения они ассоциировались с недавно канонизированным святым Олавом, что способствовало их популярности как в Скандинавии, так и на Руси.

¹³⁵ Может быть, немногочисленность находок в Новгороде предопределялась реконструируемой Н. А. Макаровым связью миниатюрных топориков с дружинной средой, в Новгороде же роль княжеской дружины (особенно после 1136 г.) была минимальной.

¹³⁶ Представляется перспективным, в частности, анализ географии распространения нетипичных форм. По предварительным наблюдениям, основная их часть найдена в районе Киева и в Новгороде, где, по-видимому, фиксируются зоны повышенного типологического разнообразия. Возможно, именно в таких местах мог происходить процесс возникновения новых типов, но здесь ли локализируются очаги возникновения самой традиции изготовления и использования миниатюрных бронзовых топоров, сказать пока трудно.

¹³⁷ Наряду с приведенными Р. Паулсеном топориками из Норвегии, который он датирует поздней эпохой викингов (т. е. кон. X в. — 1060-ми гг.), и топориками из Лунда (Paulsen 1956: 191, 192, Abb. 96: e, f), укажу еще на несколько найденных позже в Лунде свинцовых топориков, декорированных литым рельефным орнаментом из розеток

(хр. Museum Kulturen, Lund KMnr. 78415: 82, 447949a, см.: http://www.kulruen.com/Utställningnr_803_814), аналогичные топоры происходят из Уппсалы (Jörgelund, Lindeblad, Lindh 2000: 31—32, fig. 29, с библиографией), Лодзе, которые шведские исследователи интерпретируют в качестве паломнических значков св. Олафа. Эти находки несколько более поздние (XIII—XIV вв.), чем основная масса древнерусских, но следует учитывать, что аналогичные им восточноевропейские экземпляры надежной даты не имеют.

Олав Харальдсон не стал православным святым. Но, во-первых, речь идет, по крайней мере отчасти, о периоде до схизмы (до 1054 г.). Во-вторых, даже после схизмы раскол не сразу проник в массы, не случайно, в Ильином вопрошании (приписывается новгородскому епископу Илье, рукоположенному в 1165 и умершему в 1186 г.) оговаривается: «А оже се носили к варяжскому попу дети на м[о]л[и]тву, 6 нед[е]ль, опитемье. Рече, занеже аки двоверци». В-третьих, на Руси Олав не только провел часть своей жизни, но и оставил сына Магнуса, будущего конунга Магнуса Доброго, так что память о пребывании Олава должна была быть в дружинной среде и при княжеских дворах еще совсем свежа. В-четвертых, в дружинной среде было немало людей скандинавского происхождения. Часть из них, прожив некоторое время на Руси, возвращалась на родину, то есть они приносили не только скандинавские черты культуры на Русь, но и древнерусские в Скандинавию, что обеспечивало тесное переплетение культурных норм и религиозных практик. Так, в частности, распространилась в Скандинавии не характерная для средневекового католичества традиция ношения на шее рядовыми мирянами подвесок-крестиков (Лесман 1995а).

В общих чертах может быть реконструирована следующая картина. В X в. из Скандинавии на Русь проникают детские игрушечные топоры, расширяющие спектр детского игрушечного оружия (появившегося под скандинавским влиянием еще в VIII в.). В первой половине XI в. (к середине столетия) на их базе формируются ставшие впоследствии устойчивыми типы миниатюрных бронзовых топориков на деревянных топориках, причем прототипами оказываются экзотические для Древней Руси разновидности, в частности, важную роль в качестве источника образцов играет Восточная Пруссия. Эти топоры распространяются преимущественно в дружинной среде, став, по-видимому, не только игрушками, но и знаками детей, подготавливаемых к карьере дружинника. На Готланде формируется аналогичная традиция использования миниатюрных янтарных топориков. Появление и распространение бронзовых топориков на Руси, их проникновение в Скандинавию, появление там аналогичных местных изделий, а также популярность янтарных топориков на Готланде связаны с изменениями в материальной культуре, протекавшими в контексте складывающегося культа св. Олава. Более поздние свинцовые топоры, скорее всего, уже могут быть отнесены к кругу значков паломников.

На примере миниатюрных бронзовых топориков мы сталкиваемся с ситуацией, когда появление и распространение инноваций не может быть описано простой моделью влияния или заимствования. Речь, скорее, должна идти о культурном взаимодействии, когда скандинавские импульсы порождают инновации в смешанной восточноевропейско-скандинавской среде, включающей не только Русь, но и Прибалтику. Новые явления становятся достаточно массовыми и сравнительно быстро про-

никают в регионы, активно участвующие во взаимодействии: древнерусские бронзовые топоры попадают в Скандинавию, Прибалтику, Польшу, по-видимому, несколько позже в Среднее Поволжье; готландские янтарные (то есть изготовленные из материала, привезенного из земель пруссов или куршей) топоры попадают на территорию Латвии и Литвы. В Скандинавии не только потребляют привезенную с востока продукцию, но и изготавливают свои варианты, которые, возможно, попадают на Русь. Это тот культурный круговорот, в котором влияния и импульсы были так переплетены, что поиск однозначного источника становится аналогичен поиску ответа на вопрос: «Что было раньше — курица или яйцо?».

3.6. Варяжское наследие в мужской субкультуре Древней Руси

Находки скандинавского по происхождению оружия и смежных с оружием орудий труда (универсальных и рабочих топоров, охотничьих копий), известные на территории древней Руси с VIII в., становятся серийными с X в. С X в. фиксируются гибридные формы: ранние экземпляры топоров типа V (по А.Н. Кирпичникову) и восточноевропейский вариант ланцетовидных наконечников стрел с длинным и толстым черешком. Часть скандинавских по происхождению или по более раннему времени бытования типов (то есть типов, появившихся в Скандинавии под каролингским влиянием, но усвоенных скандинавской культурой, включая и скандинавское производство) распространяются на Русь, осваивается их производство, и эти типы становятся древнерусскими. Этот процесс происходил как на этапе формирования древнерусской культуры в X—XI вв. (с преобладающим весом второй половины X в.), так и в процессе ее развития в XII столетии.

Наиболее существенен скандинавский вклад в формирование арсенала топоров, среди которых типы, в той или иной степени связанные со скандинавской традицией, заняли доминирующее положение. Слабее он для копий и еще ниже для наконечников стрел. По-видимому, это определялось в первую очередь технологическим фактором — новые топоры (в первую очередь боевые и универсальные), в отличие от архаичных узколезвийных (которые продолжали развиваться, в первую очередь, в качестве узкоспециализированных рабочих, а также в рамках немногочисленной группы боевых, среди которых имеются и богато декорированные парадные экземпляры) предъявляли более высокие требования к качеству стали и железа, а также к технологии сварки, а именно здесь высокий уровень скандинавского ремесла был несомненен.

В распространении скандинавских импульсов прослеживаются региональные различия. Топоры, восходящие непосредственно к скандинавским прототипам, наиболее массовы на Северо-Западе

и Севере, а гибридные формы распространяются по всей древнерусской территории. Копья, восходящие к скандинавским, представлены в памятниках собственно древнерусского времени (с XI в.), в первую очередь, в северо-западных и западных землях. Значительная часть из них (особенно много среди хронологически тяготеющих к XI в.) найдена в еще более узкой полосе вдоль западной и северо-западной границы, а также, возможно, в какой-то мере и вдоль восточной, причем, в отличие от топоров, они связаны в первую очередь с памятниками яркими, но для древнерусской культуры маргинальными. При этом аналогичные копья (скандинавские и восходящие к скандинавским) были распространены и в Прибалтике, в том числе в пограничных с Русью районах¹³⁸. Применительно к копьям, по-видимому, непосредственно скандинавское влияние дополнялось влиянием, опосредованным прибалтийским (балто- и финноязычным) населением, из состава которого вербовались служилые группы, обеспечивавшие охрану границ (возможно, именно они фигурируют в письменных источниках под именами колбягов и кульфингов).

Скандинавское влияние фиксируется в формировании арсенала наконечников стрел, на ряде памятников X в. доля ланцетовидных форм достаточно велика, но для XI—XII вв. таких памятников указать не удастся. Применительно к мечам, скандинавы выступают по большей части посредниками в распространении рейнских изделий. По-видимому, скандинавы принесли на Русь практику изготовления игрушечно-тренировочного оружия. Скандинавское влияние на остальной набор средств вооружения четкой оценке не поддается. В целом можно констатировать, что проникновение скандинавского влияния на формирование древнерусского арсенала продолжалось дольше, чем на женский убор (еще в XII в. не только сохранялись и развивались более ранние явления, но и усваивались новые), оно охватывало в наибольшей степени северо-западную и северную часть территории, а также, возможно в опосредованном виде, западные земли. Однако, возникшие в качестве гибридных, собственно русские явления (такие, как топоры типа V или миниатюрные бронзовые топоры) распространяются по всей древнерусской территории.

Скандинавский компонент в древнерусском мужском уборе, в отличие от женского, трудноуловим. Скандинавский вклад в типологический состав элементов древнерусского ремennого набора (пряжки, разделительные кольца, накладки, наконечники ремней) не фиксируется. Скандинавские детали поясов и целые пояса известны как в X—XI вв. (находки пряжек пока не системати-

зированы, большинство разновидностей ремennых накладок вошли в сводку В.В. Мурашовой (Мурашова 2000), так и в XI—XIII вв. («носатые» пряжки, детали поясов готландского типа в стиле Урнас¹³⁹), но они немногочисленны и остаются лишь импортами, не давая (в отличие от Прибалтики и Финляндии) местных дериватов. Скандинавскими по истокам могут быть некоторые типы фибул, а также сама традиция скреплять ими плащ, но пока трудно отличить скандинавский импульс от восточноприбалтийского (от Литвы на юге до Финляндии на севере).

4. Погребальный обряд

Древнерусский погребальный обряд, сформировавшийся после принятия христианства, отличается от обряда большинства христианских (да и мусульманских) регионов чрезвычайным разнообразием сосуществующих традиций. В их сохранении важную роль сыграла гибкость византийских церковных норм, опирающихся на традиции (нередко разнородные), а не на однозначные писанные правила (более характерные для римской церкви). Уверенно можно говорить как о нехристианских лишь применительно к погребениям с жертвоприношениями (особенно человеческими) и к кремациям, да и то — с некоторыми оговорками¹⁴⁰. Однако произошедшая в конце X—XI вв. ломка религиозных представлений (в которую вошла и религиозная реформа Владимира, и окончательное утверждение христианства, растянувшееся на периферии до XII в.) привела к коренным изменениям погребального обряда. Но массовое распространение преимущественно индивидуальных ингумаций не означает повсеместного распространения грунтовых безинвентарных погребений на освященной земле церковного кладбища. Вплоть до XIII в., а в некоторых регионах и позже (до XVI—XVII вв.) погребения продолжали совершаться вне связи с церквями (хотя в позднее время не исключено наличие часовен, которые, однако, не свидетельствуют уверенно об обряде освящения кладбищенской земли). Долго (до XII—XIII вв., а иногда и до XV в.), над погребенными возводят курганы. Яркими свидетельствами совместности курганного обряда с христианством могут служить курганные некрополи средневекового Суздаля (Седова 1997) или Переяславля Русского (Лесман 2008а). Возникнув в XI в., доживает в некоторых местах до XV—XVI вв. традиция хоронить в пределах мощных каменных оградок, иногда, особенно в XI—XIV вв., под невысокой (на высоту камней) земляной насыпью (жалничные погребения Новгородской земли, каменные могильники Верхнего Понеманья). Вплоть до XIII в., а ино-

¹³⁸ Для сравнения отмечу, что, например, топоры типа М по Я. Петерсену, — типа VII по А. Н. Кирпичникову, на территории Латвии и Литвы представлены почти исключительно вдали от древнерусских границ: на прибрежных заселенных куршами землях, изредка проникая вглубь от побережья лишь по течению Даугавы (Kazakevičius 1996).

¹³⁹ Опубликованный мною список древнерусских находок деталей ремennой гарнитуры готландских типов в стиле Урнас (Лесман 2004) можно дополнить еще одной находкой из Галича (Пастернак 1998: 234, мал. 70: 25).

¹⁴⁰ Подробнее см.: (Лесман 1995; Мусин 1997).

гда и до XIV—XV вв. (те же Новгородская земля и Понеманье), сохраняется традиция хоронить покойника с сопровождающим инвентарем (особенно долго — женщин с их украшениями). Региональные различия в длительности сохранения архаичных традиций погребальной обрядности и основные территориально-хронологические рубежи — тема специального анализа, однако сама архаичность подобных ритуалов для культуры христианского общества очевидна (в сравнении не только с иными христианскими, но и с мусульманскими регионами, имевшими сопоставимую по продолжительности непрерывную монотеистическую традицию). Ссылка на специфику народного христианства верна, но не проясняет ситуацию, а лишь типологически ее атрибутирует.

Некоторые черты древнерусской погребальной обрядности можно объяснить сохранением старых языческих традиций — например, традиции возводить курганы над погребенными. Это верно, но при более детальном анализе оказывается, что связь была далеко не прямолинейной. Так, применительно к западным районам Новгородской земли выяснилось, что между длинными курганами и сопками, с одной стороны, и древнерусскими курганами и жальниками, с другой, лежит хронологическая лакуна — первая половина XI в. (Лесман 1984; 1989), которую заполнили не курганы, а совершенно особый тип памятников — поверхностные могильники с кремациями (Михайлова, Кузьмин 1994; Кузьмин, Михайлова 1997),¹⁴¹ появление которых с очевидностью лишено непосредственной связи с христианизацией. Не вписывается в линейную эволюцию процесс развития погребального обряда и на противоположном краю Древней Руси — в Верхнем Подонье и Днепровском Левобережье, где курганы в ряде районов, возможно, приходят на смену грунтовым ингумациям (Григорьев 2000).

Формы христианского погребального обряда на Руси разнообразны: костницы, грунтовые захоронения в небольших по площади могилах как при церквях и в самих храмах, так и вне топографической связи с церковью (последние случаи гипотетичны, так как остатки церкви могли не сохраниться), скудельни с групповыми захоронениями, курганные и жальничные (каменные) могильники, чаще всего лишенные топографической связи с церковью. Курганы различаются по размерам и конструкции, в частности, нередко фиксируется наличие в них каменных конструкций (часто такие курганы сосредоточены в особых могильниках, но в некоторых регионах, например, на Ижорском плато, они составляют подавляющее большинство). Погребения совершались в гробах и без, могли помещаться в специально построенные (из дерева, земли, дерна, камня) сравнительно просторные помещения — камеры (последние

чаще всего размещались под насыпями курганов, но могли находиться и в теле насыпи, и вне связи с курганами), но иногда и в небольших (соответствующих размерам гроба или тела) ямах, которые вырывали как в грунте перед сооружением кургана, так и в уже готовой (иногда более ранней) насыпи, могли располагаться под насыпью кургана на поверхности грунта или на подсыпках и т.д. Труп мог укладываться лежа или, реже, усаживаться. Преобладает типичная для христианской традиции ориентировка лицом на восток (то есть головой на запад), но встречаются и все остальные варианты. Различен состав инвентаря: от наборов оружия, орудий труда, утвари, пищи, остатков одежды, различных приношений, а иногда и целых костяков животных, до безынвентарных погребений (в археологическом смысле, т.к. нет данных для определения наличия одежды или савана). В подавляющем большинстве все перечисленные параметры обряда (а перечисление не охватывает всего разнообразия) получают распространение в период между концом X и концом XI в. Некоторые из этих особенностей есть основания с той или иной долей уверенности возводить к скандинавским (в первую очередь шведским) традициям погребальной обрядности.

Камерные погребения получают распространение в Восточной Европе в X в. (преимущественно со второй половины столетия) и известны в Ладог, Гнездово, Тимерево, Шестовицах, Чернигове, Пскове и некоторых других памятниках. Скандинавская по своим истокам (применительно к древней Руси) традиция камерных погребений в самой Скандинавии характерна для X в., а в более позднее время представляет собой несомненный анахронизм. Однако, в Восточной Европе камерные погребения, хотя и не очень многочисленные, широко распространяются почти по всей древнерусской территории лишь в конце X — первой половине XII вв. Находятся они обычно в крупных могильниках или в могильниках, входящих в крупные скопления. Такие погребения иногда выделяются богатством инвентаря, подчас включающего скандинавские (или восходящие к скандинавским прототипам) находки, но это далеко не правило. Камерные погребения, датирующиеся концом XI—XII вв., особым богатством инвентаря не выделяются. Особенно широкое распространение получает традиция камерных погребений в Среднем Поднепровье (Моця 1990); в качестве материалов из новых раскопок можно указать на камерные погребения, исследованные в 1997—2002 гг. на одном из крупнейших курганных могильников Восточной Европы (около 2,5 тыс. насыпей), расположенном близ хутора Зеленый Гай на верхнем Псле (Приймак, Осадчий 2005: 170—173). В последнее десятилетие проблему развития традиции камерных погребений на Руси исследуют Е.А. Шинаков (Шинаков 1995; 1998) и В.Ю. Соболев (Соболев 1997; 1997а). Следует отметить, что за рамки камерных погребений не выходят, например, ингумации в перекрытых деревом ямах такого яркого мо-

¹⁴¹ В какой-то мере эту лакуну могут заполнить, хотя и далеко не везде, поздние длинные курганы (Соболев 2000 и др.) и сопки.

гильника на древнерусско-эстонском пограничье, как Залаховые (Хвоцзинская 2004). Возникнув в Скандинавии, скорее всего под христианским влиянием (Лебедев 1985), традиция камерных погребений, если она не сочеталась с жертвенными захоронениями людей (чаще всего женщин), не только не вступала в несовместимое противоречие с христианством, но, будучи обрядом, распространенным в среде уже крестившейся социальной верхушки, оказала существенное стимулирующее влияние на распространение традиции подкурганых ямных ингумаций.

Захоронения в сидячем положении появляются в древнерусских некрополях с X в., и первоначально исключительно в камерах (Гнездово, Тимерево, Шестовицы, Киев). Такое положение покойника при погребении не имеет местных корней в Восточной Европе («хазарские» погребения, исследованные Л. Н. Гумилевым, недостоверны) и восходит к скандинавской традиции. Однако регулярно хоронить покойников сидя в древнерусских могильниках начинают лишь в XI в. в восточных районах Новгородской земли, в XII в. эта традиция распространяется на северо-запад, став одной из характерных для Ижорского плато и сохраняясь там вплоть до XV в. (Лесман 1981; Лесман, Олейников 1996). Как и в ситуации с камерами, сидячее положение покойника достоверно (хотя и не массово) представлено в скандинавских могильниках X в., но уже для XI в. оно было анахронизмом.

Жальничные погребения распространяются преимущественно на территории Новгородской (с включением Псковской) земли начиная со второй половины XI в., несколько позже близкий погребальный обряд фиксируется в Верхнем Понеманье и западнее, в Мазовии и Подлясье. К XIV в. в сельских могильниках Северо-Запада он почти полностью вытесняет курганную традицию. Поиски местных корней жальничной традиции не дали положительных результатов, что вполне оправданно констатировал в серии своих статей В. В. Седов¹⁴². Однако предложенная им гипотеза западнославянского происхождения не выдерживает проверки фактическим материалом. В Польше в самом деле есть погребения, в какой-то мере сопоставимые с древнерусскими жальниками и датирующиеся XI в., некоторые даже его первой половиной. Но все они происходят из одного могильника и на момент своего возникновения представляют собой инородное явление. Речь идет об известном могильнике Лутомерско близ Лодзи, расположенном в 70—100 км к югу от основного ареала каменных могильников (Rauhut 1971). Именно его В. В. Седов рассматривает наиболее подробно, но параллели этим погребениям польские исследователи вполне оправ-

данно видят в Скандинавии и Южной Руси, связывая с окружением бежавшего в Польшу Святополка (Nadolski, Abramowicz, Poklewski 1959: 40—41, 150—152). Остальные каменные могильники Польши нет оснований датировать временем ранее первой половины XII в. Однако ранние аналоги жальничному обряду имеются не только к югу, но и к северу от Балтийского моря, причем там, в Швеции (преимущественно в Уппланде, Седерманланде и Гестрикланде), они, датируясь XI¹⁴³—XII вв. (возможно, охватывая и какую-то часть XIII в.), развивают непрерывную с вендельского времени традицию захоронений в родовых могильниках, но захоронений, в отличие от предшествующего времени, уже христианских (Gräslund 1991; Gräslund 2001; Broberg 1991 и др.). На протяжении XI—XII вв. (в разных местах по-разному) места погребения переносятся на «церковные дворы» — кладбища при приходских церквях, где умерших хоронят в простых грунтовых могилах. Иногда приходские церкви строятся близ более ранних могильников, и тогда их кладбища непосредственно продолжают более ранние некрополи. Шведские «жальники» ни по внешнему виду, ни по погребальному обряду не выходят за рамки того, что понимается под этим термином применительно к Новгородской земле. Весьма вероятно, что именно они послужили прототипами для жальничных (каменных) могил на Руси, а возможно, и в Польше. Показательны некоторые особенности самых ранних надежно датированных жальничных погребений: находки прорезных подвесок «гнездовского» типа (Сергеева 1986), связь с камерными погребениями¹⁴⁴. Но парадокс заключается в том, что наиболее широкое распространение на Руси этот обряд получил в XIII—XIV вв., когда в самой Швеции он был уже изжит.

Целый ряд особенностей погребального обряда распространяется под скандинавским влиянием и достаточно устойчиво бытует на Руси¹⁴⁵, но с явным хронологическим сдвигом относительно самой Скандинавии. Выходцы из Скандинавии или культурно связанные с ними (ориентированные на них как на один из образцов) индивидуумы составляли в X—XI вв. заметную часть новых хозяев жизни (при этом абсолютная их численность была, скорее всего, весьма невелика), чей высокий соци-

¹⁴³ С самого начала столетия, если не с конца X в.

¹⁴⁴ Жальничная часть могильника Удрай II в Верхнем Полужье (раскопки 1983—85 гг. под руководством Н. И. Платоновой, пользуюсь случаем выразить ей благодарность за предоставленную информацию) является непосредственным продолжением каменной насыпи, содержавшей камерные погребения. Из достоверно ранних находок в жальничных погребениях отмечу односторонний наборный гребень.

¹⁴⁵ Не исключено, что к скандинавским прототипам в той или иной мере восходит и столь распространенная на Северо-Западе традиция сооружения курганов с каменными оградками, но это предположение требует специальной разработки.

¹⁴² «Жальничные ... погребальные сооружения появляются в северо-западных районах Древней Руси, где они не имеют каких-либо местных корней» (Седов 2000: 14; 2000а).

альный статус обуславливал подражание со стороны низов. Судя по влиянию, оказанному на погребальный обряд, они обосновывались не только в городах, но и в сельской местности (обычно в локальных центрах) на длительное время (так что многие здесь и умирали). Эти люди не только являлись частью новой структуры власти на местах, но и стали образцами христианской культуры для местного сельского еще только христианизуемого населения. Однако их собственные представления о нормах погребального обряда были весьма далеки от церковных, отражая скорее процесс народного восприятия христианской обрядности в Скандинавии (причем основной «поставщик офицерских кадров» — Центральная Швеция отставала от Руси по темпам христианизации)¹⁴⁶. Наиболее мощным скандинавское влияние на древнерусский погребальный обряд было на Северо-Западе и в Среднем Поднепровье, но в последнем случае оно оказалось менее долговечным, исчерпав себя к XII в., в то время как на севере принесенные скандинавами традиции продолжали жить еще несколько веков. Длительное сохранение скандинавских по происхождению черт погребального обряда (как и иных его вариантов, не отвечающих византийской церковной традиции) было обусловлено, с одной стороны, гибкостью самого византийского извода христианства, а с другой, нехваткой достаточно хорошо образованных и воспитанных в грече-

ской церковной традиции священников, что особенно сильно сказывалось на севере. В самих скандинавских странах, оказавшихся под омофором римской церкви, унификация погребального обряда происходила намного быстрее и была завершена в Дании и Норвегии в XI в., в Швеции в XII в., но к этому времени представители социальной верхушки на Русь из Скандинавии уже не рекрутировались.

Приведенный обзор скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры, разумеется, далеко не полон. Вне поля зрения осталась обработка кости, распространение костяных гребней (и самой традиции причесываться гребнем как специальным инструментом), распространение некоторых мотивов и композиций декора, в частности, ряда вариантов плетенки, зооморфного декора, наборной техники в работе с деревом, в частности фахверковых конструкций в домостроительстве (известных на Руси, но нигде не имевших большого распространения) и т. д. Эти и многие другие вопросы требуют специального рассмотрения. Однако уже проанализированный материал позволяет наметить основные географические зоны, в которых процессы имели свою существенную специфику, и проследить динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру на фоне процесса культурогенеза, протекавшего в период сложения Древнерусского государства.

Литература

- Алексеев Л. В. 1966. *Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв.* Москва: Наука.
- Алексеев Л. В. 1995. Древний Мстиславль в свете археологии. СА (2), 118—182.
- Артамонова О. А., Плетнева С. А. 1998. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели). МАИЭТ IV, 539—624.
- Артемьев А. Р. 1982. Копья из раскопок в Изборске. КСИА 171, 7—20.
- Артемьев А. Р. 1991. Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске. В: Артемьев А. Р. (ред.). *Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции.* Псков: ПГОИАХМЗ, 71—72.
- Артемьев А. Р. 1991а. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле. В: Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли.* 1990. Москва: ИА АН СССР, 183—197.
- Археологія 1993: *Археологія і нумізматыка Беларусі.* 1993. Энциклапедыя. Мінск: Беларуская Энциклапедыя.
- Атлас 1915: *Атлас Гочевских древностей.* 1915. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. Москва.
- Ауліх В. В. 1972. *Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині.* Київ: Наукова думка.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М. 2003—2004. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова). *Stratum plus* (5), 515—577.
- Беляшевский Н. Ф. 1892. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. *Киевская старина.* Год 11. Т. XXXVI. Январь. Киев, 61—104.
- Белоцерковская И. В. 1975. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли. *Вестник МГУ. Сер. История* (5), 53—65.
- Бліфельд Д. І. 1977. *Давноруські пам'ятки Щестовиці.* Київ: Наукова думка.
- Богомольников В. В. 2004. *Радимичи (по материалам курганов X—XII вв.).* Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины.
- Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978—1982 гг. В: Толочко П. П. (ред.). *Археологические исследования Киева 1978—1983 гг.* Киев: Наукова думка, 38—60.
- Боровський Я. Е., Архипова Е. І. 1993. Дослідження «Миста Ярослава» 1984—1989 рр. В: Толочко П. П. (ред.). *Стародавній Київ: археологічні дослідження 1984—1989 рр.* Київ, 206—218.

¹⁴⁶ Еще около 1090 г. за попытку запрета языческих жертвоприношений был изгнан из Центральной Швеции (Свитьотд) конунг Инги, а власть перешла к Свейну Кровавое Жертвоприношение. Лишь через три года («зимы») Инги, вернувшийся с войском из Вестергетланда, восстановил свою власть. Свейн был убит, а Инги «снова ввел тогда в закон христианство» (Ковалевский 1977: 98—99).

- Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы Южного Приладожья. МАР 18. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1—91.
- Булычев Н.И. 1899. *Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра*. Москва: Товарищество тип. А.И. Мамонтова.
- Булычев Н.И. 1913. *Раскопки по среднему течению р. Угры*. В: Успенский А.И. (ред.). Записки Московского археологического института XXXI. Москва: Московский археологический ин-т.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Вознесенська Г.О., Паньков С.В. 2004. Техніко-технологічні особливості видобування і обробки заліза у давньоруському Києві. *Археологія* (3).
- Волковицкий А.И., Григорьева Н.В., Селин А.А. 2008. Новые средневековые находки в Южном Приладожье. В: Сорокин П.Е. (ред.). *Древности Ижорской земли. Археологическое наследие Санкт-Петербурга 2*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 147—156.
- Воронин Н.Н. 1954. *Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.)*. МИА 41. Москва: АН СССР.
- Голубева Л.А. 1961. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА (1), 201—215.
- Голубева Л.А. 1973. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. 1991. *Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.)*. Петрозаводск: Петрозаводский ун-т.
- Голубович В., Голубович Е. 1945. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК XI, 126—137.
- Григорьев А.В. 2000. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. *Труды Тульской археологической экспедиции 2*. Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле».
- Гуревич Ф.Д. 1962. *Древности Белорусского Понеманья*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Гурин М.Ф. 1987. *Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв.* Минск: Наука и техника.
- Гущин А.С. 1936. *Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв.* Ленинград: Гос. соц.-эконом. издат.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. АСГЭ 17, 101—118.
- Давидан О.И. 1980. Бронзолитейное дело в Ладогге. АСГЭ 21, 59—67.
- Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА (4), 91—102.
- Дернович С.Д. 2006. *Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси*. Минск: Белорусская наука.
- Джаксон Т.Н. 1994. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.)*. Москва: Ладомир.
- Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. *Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. Советско-венгерский сборник*. Москва: Наука, 69—106.
- Дубов И.В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки)*. Ленинград: Ленинградский ун-т.
- Дучыц Л.У. 1991. *Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIII ст. (Гісторыка-археалагічны нарыс)*. Мінск.
- Дучыц Л.У. 1994. Курганны могильник каля в. Селішча Ушацкага раёна. ГАЗ (3). Мінск, 122—131.
- Ениосова Н.В. 2007. Золото викингов на территории Древней Руси. В: Носов Е.Н. и др. (отв. ред.). *У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г. Великий Новгород; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин*, 307—315.
- Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам)*. Москва: Курский педагогический институт.
- Загорюльский Э.М. 1982. *Возникновение Минска*. Минск: Белорусский ун-т.
- Захаров С.Д. 2004. *Древнерусский город Белоозеро*. Москва: Индрик.
- Заяц Ю.А. 1985. Зброя бізкага бою, рыштунак конніка і верчавога каня з раскопак Заслаўя. *Помнікі культуры: Новыя адкрыцці*. Мінск: Навука і тэхніка, 183—190.
- Заяц Ю.А. 1995. *Заславль в эпоху феодализма*. Минск: Наука и техника.
- Зоценко В.М. 2004. Скандинавські артефакти південно-західної Русі. В: Моця О.П. (ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: Корвін-Пресс, 87—105.
- Івакин Г., Козюба В. 2003. Нові поховання X—XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997—1999 рр.). В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—IX ст.* Матеріали Міжнародного польового археол. семінару. Чернівці: Сіверянська думка, 38—50.
- Иов О.В., Рябцевич В.Н. 2002. Клад конца IX в. с Брилевского поля. *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 164—175.
- Каинов С.Ю. 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова. *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 49—62.
- Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие 1. Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1966а. *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1971. *Древнерусское оружие 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Клетнова Е. 1912. *Раскопки по рр. Вязьме и Осьме*. Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1912. №192.
- Ковалевский С.Д. 1977. *Образование классического общества и государства в Швеции*. Москва: Наука.
- Колчин Б.А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период)*. МИА 32. Москва: АН СССР.
- Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции II*. МИА 65, 25—29.
- Комаров К.И. 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X—XIII вв. *Сообщения Ростовского музея VIII*. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 137—172.
- Комаров К.И. 2003. Курганный могильник у дер. Замоорино. *История и культура Ростовской земли*. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 509—515.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Корзухина Г.Ф. 1971. Курганы в урочище Плакун близ Старой Ладogi. КСИИ 125, 59—64.
- Кочуркина С.И., Линевский А.М. 1985. *Курганы лето-*

- писной веси X — начала XIII века. Петрозаводск.
- Крыганов А.В. 1990. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников. *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 71—80.
- Кудряшов А.В. 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже. *Археология: история и перспективы*. Первая межрегиональная конференция. Ярославль: ИА РАН; Ярославский музей-заповедник, 148—160.
- Кузьмин и др. 2007: Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., Тарасов И.И., Шмелев К.В. 2007. Работы Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в сезоне 2006 г. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля: история и археология* 21. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси. *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии* 3. *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: «Фонд археологии», 138—146.
- Кулаков В.И. 1990. *Древности пруссов VI—XIII вв.* САИ Г1—9.
- Лебедев Г.С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: Ленинградский гос. университет.
- Левашева В.П. 1967. Височные кольца. *Тр. ГИМ* 43, 7—54.
- Левашева В.П. 1967а. Браслеты. *Тр. ГИМ* 43, 207—247.
- Леонтьев А.Е. 1976. Классификация ножей Сарского горюща. *СА* (2), 33—44.
- Леонтьев А.Е. 1996. *Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси*. Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья 4. Москва: Геоэко.
- Лесман Ю.М. 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. *КСИА* 164, 52—58.
- Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации). *Археологическое изучение Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Лесман Ю.М. 1989. К динамике изживания североевропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI—XIV вв. (железные ножи). *XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 11. Ч. 1. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 157—159.
- Лесман Ю.М. 1989а. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. *ННЗИА* 2. Новгород, 82—87.
- Лесман Ю.М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). *МАНЗ* 1988. Новгород, 29—98.
- Лесман Ю.М. 1995. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда. *Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга (1839—1903)*. 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Программа «Храм». Сборник материалов 8. Санкт-Петербург, 194—209.
- Лесман Ю.М. 1995а. Несколько замечаний о находках крестов-подвесок в Скандинавии. *Ладоба и Северная Русь*. Материалы к чтением, посвященным памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 45—47.
- Лесман Ю.М. 1996. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 2-го colloквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 35—37.
- Лесман Ю.М. 1996а. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки). *Arheologia Petropolitana* 1. Санкт-Петербург, 52—65.
- Лесман Ю.М. 1999. Миф о русской свастике. *Барьер* 5 (1), 104—110.
- Лесман Ю.М. 2003. Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 12-го colloквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 70—75.
- Лесман Ю.М. 2004. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас. *XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 15. Ч. 1. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 233—236.
- Лесман Ю.М. 2006. Восточноевропейские реплики скандинавских подвесок с зооморфными изображениями. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. ТД. Санкт-Петербург: Нестор-История, 86—89.
- Лесман Ю.М. 2008. Вырицкий курганный могильник. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 2. *Древности Ижорской земли*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 33—73.
- Лесман Ю.М. 2008а. Переяславский курганный могильник «За тюрьмой» в раскопках В.М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника. *Наукові записки з української історії* 20. Переяслав-Хмельницький, 124—147.
- Лесман Ю.М., Олейников О.М. 1996. Квазиамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений. *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 13. Москва; Петрозаводск, 180—183.
- Лысенко П.Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.
- Лысенко П.Ф. 1991. *Дреговичи*. Минск: Наука и техника.
- Львов А.С. 1975. *Лексика «Повести временных лет»*. Москва: Наука.
- Ляпушкин И.И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 1. МИА 62, 85—150.
- Ляўданскі А.Н. 1930. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. *Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН*. Кн. 2. *Працы Археалёгічнай камісіі* II. Менск, 165—166.
- Ляўданскі А. 1932. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. *Працы Сэжыцкі археалёгіі, Беларус. АН, інстытут гісторыі* III. Менск.
- Макаров Н.А. 1990. *Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья*. Москва: Наука.
- Макаров Н.А. 1992. Древнерусские амулеты-топорики. *РА* (2), 41—56.
- Макаров Н.А. 1997. *Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. По материалам археологических памятников во влоках Белозерья и Поонежья*. Москва: Скрипторий.

- Медведев А. Ф. 1959. *Оружие Новгорода Великого*. МИА 65.
- Медведев А. Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36.
- Минасян Р. С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. АСГЭ 21, 68—74.
- Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л. 1994. Грунтовый могильник у дер. Которск. *Древний Псков: Исследования средневекового города*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Монгайт А. Л. 1955. *Старая Рязань*. МИА 49.
- Моця А. П. 1990. Срубные гробницы Южной Руси. В: *Проблемы археологии Южной Руси*. Киев: Наукова думка, 99—107.
- Мутуревич Э. С. 1965. *Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения*. Рига: Зинатне.
- Мурашова В. В. 2000. *Древнерусские ремённые наборные украшения (X—XIII вв.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Мусин А. Е. 1997. *Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли)*. Автореф. ... канд. дисс. Санкт-Петербург.
- Назаренко В. А. 1985. Могильник в урочище Плакун. В: *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 160—175.
- Недошивина Н. Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. *Ярославское Поволжье X—XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников*. Москва: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 55—62.
- Недошивина Н. Г. 1967. Перстни. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Тр. ГИМ 43, 253—274.
- Недошивина Н. Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника. *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. Москва, 165—181.
- Нефедов В. С. 2007. *Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2*. Москва: ИА РАН.
- Нечитайло В. В. 2000. *Каталог христианских нагрудных виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.)*. Київ: Максим.
- Новикова Г. Л. 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова. В: *Авдусин Д. А. (ред.). Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ.
- Новикова Г. Л. 1998. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы. *Историческая археология: Традиции и перспективы*. Москва, 165—174.
- Носов Е. Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.
- Нудельман А. А. 1967. *Топография кладов и находок единичных монет*. Археологическая карта Молдавской ССР 8. Кишинев: Штиинца.
- Нудельман А. А. 1985. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (С древнейших времен до образования феодального Молдавского государства)*. Кишинев: Штиинца.
- Пастернак Я. 1998. *Старый Галич. Археологічно-історичні дослідження 1850—1943 рр.* Ювілейне видання присвячене 1100-літтю Галича. Івано-Франківськ: Плай.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. Ч. I. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Пеняк С. І. 1980. *Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.* Київ: Наукова думка.
- Петерсен Я. 2005. *Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов*. Санкт-Петербург: Альфарет.
- Петров М. И. 2006. Обувные шипы из новгородских раскопок. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 20. Материалы науч. конференции. Новгород, 24—26 янв. 2006 г. Великий Новгород, 171—178.
- Пивоварчик С. А. 1994. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X—XIII вв.). ГАЗ 3. Минск: Институт гісторыі АНБ, 10—21.
- Плавінскі М. А. 2006. *Клінковая зброя X—XIII на тэрыторыі Беларусі*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Платонова Н. И. 2002. О погребальном обряде верхнелужских сопков (по материалам Передольского погоста). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 181—195.
- Приймак В. В., Осадчий Е. Н. 2005. Иноэтничные комплексы Зеленогайского курганного могильника. В: *Винников А. З. (отв. ред.). Днепр-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 68—76.
- Путь 1996: *Путь из варяг в греки и из грек...* 1996. Каталог выставки. Москва: Государственный исторический музей.
- Пушкина Т. А. 1997. Воск и свечи в древнерусских погребениях. *Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ* 93. Москва: ГИМ, 122—133.
- Равдина Т. В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 54—71.
- Радиньш А. 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10—13 веков. *Archaeologia Lituana* 2. Vilnius, 65—118.
- Раппопорт П. А. 1959. Крепостные сооружения Саркела. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* II. МИА 75, 9—39.
- Розенфельд Р. Л. 1967. Григоровские курганы XII—XIII вв. КСИИ 110, 106—109.
- Рыбакоў Б. А. 1932. Радзімічы. *Працы Сэкцыі археалёгіі* III. Менск: Беларуск. Акадэмія Наук, Інст. Історыі, 81—151.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло древней Руси*. Москва: АН СССР.
- Рындина Н. В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. *Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции* III. МИА 117, 200—268.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 28—76.
- Рябинин Е. А. 1986. *Костромское Поволжье в эпоху средневековья*. Ленинград: Наука.
- Рябинин Е. А. 1995. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации. *Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности* 2. Санкт-Петербург, 81—102.
- Рябинин Е. А. 1999. «Деревянный мир» раннесредне-

№5. 2014

- ковой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973—1985 гг.). *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 180—191.
- Рябинин Е. А. 2001. *Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971—1991 гг.)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Савін Н.І. 1930. Раскопки курганов у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. *Працы Археалагічнай камісіі* II. Менск, 219—252.
- Сарачева Т. Г. 2003. Древнерусские привески с изображением зверя. *РА* (4), 102—115.
- Седов В. В. 1970. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР 14. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1994. *Очерки по археологии славян*. Москва: ИА РАН.
- Седов В. В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: НБПО «Фонд археологии».
- Седов В. В. 2000. Жальники: ареал и общая характеристика. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы научного семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 186—190.
- Седов В. В. 2000а. Жальники. *РА* (1), 7—32.
- Седов В. В. 2002. *Изборск — протогород*. Москва: ИА РАН.
- Седов В. В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Москва: Наука.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Седова М. В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Русский мир.
- Седова М. В. 2001. Украшения «городского типа» X—XI веков из Суздаля и его округа. *КСИА* 212, 23—32.
- Сергеева Л. Е. 1986. Привеска «гнездовского» типа из раскопок жальничного могильника у деревни Новая Печерского района Псковской области. *Земля Псковская, древняя и социалистическая*. Тезисы докладов. Псков: ПГОИАХМЗ, 35—36.
- Сложение... 2009: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. 2009. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург, 569—571, 587—588.
- Соболев В. Ю. 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли. *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* II. Памяти В. Д. Белецкого. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 272—277.
- Соболев В. Ю. 1997а. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда. *Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов 10—14 сентября. Петрозаводск: Институт всеобщей истории РАН, 183—185.
- Соболев В. Ю. 2000. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы науч. семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 103—107.
- Соловьева Г. Ф. 1971. Славянские курганы близ села Новый Кривск. *КСИА* 125, 65—68.
- Сорокин С. С. 1959. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* II. МИА 75, 135—199.
- Спицын А. А. 1892. *Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках Члена Комиссии А. Спицына и проф. Казанского Университета Смирнова в древ. Мордовской области и первого во Дорогобужском у. Смоленской губ.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94.
- Спицын А. А. 1893. *Древности Северо-Западного края*. Т. I. Вып. 2. Люцинский могильник. МАР 14. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А. А. 1896. *Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова*. МАР 20. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А. А. 1899. *Расселение древнерусских племен по археологическим данным*. ЖМНП VIII. Санкт-Петербург: Типография «В. С. Балашев и К°».
- Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова*. МАР 29. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А. А. 1904. Раскопки близ дер. Дуденевой Тверского у. ИАК 6. Санкт-Петербург, 6—11.
- Спицын А. А. 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области. ИАК 15. Санкт-Петербург, 1—5.
- Спицын А. А. 1905а. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК 15. Санкт-Петербург, 6—70.
- Спицын А. А. 1905б. Владимирские курганы. ИАК 15. Санкт-Петербург, 84—172.
- Срезневский И. И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 1. Москва: Книга.
- Срезневский И. И. 1989а. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 2. Москва: Книга.
- Старая Ладога 2003: *Старая Ладога — древняя столица Руси*. 2003. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Творогов О. В. 1984. *Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словарь)*. Киев: Наукова думка.
- Терехова и др. 1997: Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. 1997. *Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе*. Москва: Металлургия.
- Третьяков П. Н. 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА IV, 33—51.
- Третьяков П. Н. 1947. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. *Археологія* I, 123—140.
- Указатель ИИМ 1893: *Указатель памятников Российского исторического музея*. 1893. Москва: Типография Мамонтова и К°.
- Успенская А. В. 1993. Березовецкий курганный могильник X—XII вв. *Средневековые древности Восточной Европы*. Труды ГИМ 82, 79—135.
- Федоров Г. Б. 1953. Городище Екимавцы. КСИИМК 50, 104—126.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря. СА (2), 70—89.
- Фехнер М. В., Янина С. А. 1978. Веса с арабской надписью из Тимерева. *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Хвоцкая Н. В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове)*. Санкт-Петербург: РАН.
- Хомутова Л. С. 1982. Технологическая характеристика

- ка кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа. В: Кочкуркина С. И. (ред.). *Древняя корела*. Ленинград: Наука, 188—208.
- Циркин А. В. 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология. *СА* (1), 123—133.
- Шадыро В. И., Ласкавый Г. В. 1994. Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселений у д. Придники. *ГАЗ* (4). Минск, 217—224.
- Шендрік Н. І. 1958. Наконечники стріл з Княжої Гори. *Праці Київського Державного історичного музею* І. Київ, 158—174.
- Шинаков Е. А. 1995. Камерные захоронения Среднего Подесенья. В: *Деснинские древности 1994*. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья». Брянск: БГКМ, 81—85.
- Шинаков Е. А. 1998. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X—XI вв. *Историческая археология. Традиции и перспективы*. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва: МГУ, 307—322.
- Шмидт Е. А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. *Материалы по истории Смоленской области* 2. Смоленск, 184—290.
- Шмидт Е. А. 1963. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. *МИСО* 5. Смоленск, 242—244.
- Шпилев А. Г. 2008. Курское княжение. В: Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А. *Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в.* Курск: Курский ГПУ, 276—330.
- Штыхаў Г. В. 1992. *Крывічы: на матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Штыхов Г. В. 1978. *Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.)*. Минск: Наука и техника.
- Arbman H. 1937. *Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts*. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule.
- Arbman H. 1940. *Die Gräber*. Tafeln. Birka I. Uppsala: Almqvist & Wiksells.
- Armbruster B. R. 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frühmittelalterlichen Metallhandwerk. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Das archäologische Fundmaterial VII*. Neumünster.
- Arne T. 1911. *Sveriges förbindelser med Ostern under Vikingatiden*. Fornvännen. Stockholm.
- Arwidsson G. 1986. Die Eissporen. *Birka II* (2). Stockholm.
- Atgāzis M. 1964. Latgāļu 9.-12. gs. Cirvīj. *Arheologija un etnogrāfija* VI. Rīga, 105—125.
- Aspelin J. R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien II. L'âge du fer: Antiquités Permiennes*. Helsingfors: Edlund.
- Broberg A. 1991. Religionsskrifte och sockenbildning i Norduppland. In: Fern O. (red.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige*. Uppsala, 49—79.
- Callmer J. 1989. Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 19—42.
- Ciglis J., Rādiņš A. 2002. Ludzas odukalna kapulauka catoļos. *Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs* 1. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Cinthio M. 1976. Skor. In: Mårtensson A. W. (et al). *Uppgrävt förflitet för PKbanken i Lund. En investering i arkeologi*. Archaeologica Lundensia 7. Lund: Kulturhistoriska museet, 307—316.
- Creutz K. 2003. *Tension and Tradition: a study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea*. Theses and Papers in Archaeology N.S. A8. Stockholm: Stockholm Univ.
- Davidan O. I. 1992. Kunsthandwerkliche Gegensfunde des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga: die Sammlung des Staatlichen Ermitage in St. Petersburg. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Vol. 20 (1992). Bonn, 5—61.
- Duczko W. 1985. *Birka V: The filigree and granulation work of the Viking period, an analysis of the material from Björko*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.
- Edberg R. 1999. Krigaramuletter från Rus i Sigtunas svarta jord. *Fornvännen*. Stockholm.
- Edberg R. 2008. Nya fynd av miniatyryxor. *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.
- Eesti 1982: *Eesti esiajalugu*. In: Jaanits L. et al. (eds). Tallinn: Eesti Raamat.
- Eilbracht H. 1999. *Filigran- und Granulationskunst im wikingischen Norden: Untersuchungen zum Transfer frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa*. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 11. Köln: Rheinland-Verlag.
- Engel K., La Baume W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande*. Königsberg.
- Jansson I. 1984. Kleine Rundspangen. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 58—74.
- Jörpeland L. B., Lindeblad K., Lindh M. 2000. *Vid Furisån-arkeologi i Östra Aros*. Projekt uppdragsarkeologi. Rapport. Stockholm.
- Gintautaitė-Butėnienė E., Butėnas E. 2002. Latvių kapinaynas. *Lietuvos archeologija* 22, 9—198.
- Graham-Campbell J. 1980. *Viking Artefacts: A Select Catalogue*. London: British Museum Publications.
- Gräslund A.-S. 1991. Var begravdes bygdens första kristna? In: Fern, O. (ed.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige: en samling uppsatser*. Studier till Det medeltida Sverige 5. Stockholm: Riksantikvarieämbetet Uppsala, 37—48.
- Gräslund A.-S. 2001. *Ideologi och Mentalitet. Om religionsskiftet i Skandinavien från en arkeologisk horisont*. Opia 29. Uppsala: Institutionen för Arkeologi och Antik historia, Uppsala universitet.
- Hård B. 1976. *Wikingertidens Depotfunde aus Südschweden*. Acta Archaeologica Lundensia: seria in 4, no. 9. Bonn: R. Habelt; Lund: CWK Gleerup.
- Holmqvist W. 1963. *Övergångstidens metallkonst*. Antikvariska serien 11. Stockholm; Göteborg; Uppsala.
- Katalog 1930: *Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930*. 1930. Riga.
- Kazakevičius V. 1996. Topory bojowe typu M. Chronologia i pochodzenie na ziemiach Bałtów. In: Kurnatowska Z. (ed.) *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej* 2. Wrocław, 233—241.
- Korkeakoski-Väisänen K. 1981. *Manner-Suomen viikinkia ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka = Armband från vikinga- och korstågstad på Finlands fastland och deras ornamentik*. Karhunhammas 5. Turku: Turun yliopisto, kulttuurien tutkimuksen laitos, suomalainen ja vertaileva arkeologia.
- La Baume W. 1941. Zur Technik der Verzierung ostpreussischen Waffen der Wikingerzeit. *Alt-Preussen* 6 (2), 22—29.

№5. 2014

- La Baume W. 1942. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Reliefs der Gnesener Domtür. *Alt-Preussen* 7 (3), 34—43.
- Leany K. 2003. *Anglo-Saxon Crafts*. Stroud.
- Ligi P. 1993. Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 7—152.
- Lindh J., Brendalsmo J. 1982. *Funn fra en utgravning*. Tønsberg: Riksantikvaren. Utgravningskontoret for Tønsberg.
- Lyngstrøm H. 1995. Knives from Late Iron Age in Denmark. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian — Swedish Archaeological Symposium Sigstuna, May 1991*. Stockholm: Universitetet i Stockholm, 79—82.
- Mägi-Lõugas M. 1995. Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament. *Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus* (3). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 271—325.
- Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. 1959. *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiersku pod Łodzią*, Łódź 1959. Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis nr. 7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nerman B. 1926. Archäologische Untersuchung bei Izborsk. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1924. Dorpat, 44—74.
- Olshausen O. 1920. *Amrum. Bericht über die Hügelgräber auf der Insel nebst einem Anhang über die Dünen*. Prähistorische Zeitschrift. Supplement. Berlin: O. Leuschner.
- Ørsnes M. 1969. *Südsandinavische Ornamentik in der jüngeren Germanischen Eisenzeit*. Acta Archeologica 40. København.
- Panasiewicz W., Wołoszyn M. 2002. Staroruskie miniatury i toporiki z Gródka, pow. Hrubieszów. *Archeologia Polski* XLVII (1—2), 245—286.
- Petersen J. 1951. *Vikingetidens redskaper*. Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. 2, Historisk-Filosofisk Klasse 4. Oslo: Komm. Dybwad.
- Paulsen R. 1956. *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn.
- Radiņš A. 1999. 10.—13. gadsimsta senkapi latgaļu adzīvo-tājāun Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politikās vēstures jautājumi. Rīga: N.I.M.S.
- Rauhut L. 1971. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. I. Warszawa, 602—617.
- Rodgers N.S.H. 1993. *Anglian and Other Finds from 46—54 Fishergate*. In: Addyman P. V. (gen. ed.). *The Archaeology of York* 17 (9). York.
- Roesdahl E. 1977. *Fyrkat. En jysk vikingeborg. II. Oldsagerne og Gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder B, 04. København: Andelsbogtrykkeriet.
- Serning I. 1956. *Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna*. Stockholm: Hugo Geber.
- Skovmand R. 1942. *De danske Skattefund fra Vikingetiden og ældste Middelalder indtil omkring 1150*. AaSætryk af: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1942. København: Gyldendal i komm.
- Staecker J. 1999. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden*. Lund Studies in Medieval Archaeology 23. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Stenberger M. 1947. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 2. Fundbeschreibung und Tafeln*. Lund: Ohlsson.
- Stenberger M. 1958. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 1. Text*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Tallgren A.M. 1925. *Zur Archäologie Eestis 2. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr.* Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli toimetused. Dorpat: Mattiesen.
- Thunmark-Nylén L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 1. *Abbildungen der Grabfunde*. Stockholm: Almqvist och Wiksell.
- Thunmark-Nylén L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 2. *Typentafeln*. Stockholm.
- Thunmark-Nylén L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 3 (1). *Text*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Tönnisson E. 1974. *Die Gaua-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.): ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte*. Tallinn: Verlag Eesti Raamat.
- Wikström A. 2008. Allmän genomgång. In: Wikström A. (ed.). *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.
- Wilson D.M. 1985. *The Bayeux Tapestry: the Complete Tapestry in Colour*. New York: A.A. Knopf.
- Žulkus V. 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten. In: Kazakevičius V., Žulkus V. (eds.). *Archaeologia Baltica* 2. Vilnius, 165—189.

Статья поступила в номер 16 марта 2014 г.

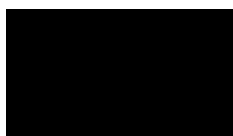
Yury Lesman. Candidate of Historical Sciences.

Yury Lesman. Candidat în științe istorice.

Лесман Юрий Михайлович. Кандидат исторических наук.

Перед Русью

Before Rus'
Înainte de Vechea Rusie

М. Рудницкий

Контакты между западными балтами и славянами в VI—VII вв.: археологические данные

Keywords: West Balts, Slavs, Olsztyn Group, Migration Period.

Cuvinte cheie: balții de vest, slavi, grupul Olsztyn, perioada migrațiilor.

Ключевые слова: западные балты, славяне, ольштынская группа, Великое переселение народов.

M. Rudnicki

Contacts Between the Western Balts and the Slavs in the 6th—7th Centuries: Archaeological Data

In the 6th and 7th centuries the Slavic settlement expanded considerably, which was a reflection of so-called Great Slavs' Migration, known from many written sources. In that period the West-Balts and Slavs were not neighbours. The earliest contacts between the West-Balt and Slavic people could have taken place already in the 6th—7th cc. as an effect of the Slavs' penetration into the Narew River basin. The archaeological sources also suggest that the contacts of the Olsztyn Group with the early Slavic cultures in the 6th and 7th cc. may have taken place not only in the borderland. It is not, however, possible to determine one zone from which these artefacts came. Likewise, it is not possible to determine the character of these contacts univocally. It is possible that the finds of the Slavic character are the outcome of the contacts maintained along the trade routes, which were earlier used for contacts with the Germanic cultures. After the arrival of the Avars and Slavs in the post-Germanic lands, the earlier trade routes did not necessarily have to be discontinued. It is also possible that the artefacts of the Avar and Slavic provenance arrived simultaneously to the Carpathian Basin in the late 6th and early 7th c. The Avar finds are known among other finds. This hypothesis can also be confirmed by chronological proximity between the materials connected with the Avars and the Slavs and the ones found in Masuria. However, it can not be excluded that the finds, especially those characteristic of the Avars, reached the discussed area also from the Dnieper region and the areas between the lower Dnieper and lower Danube.

M. Rudnicki

Contacte dintre balții de vest și slavi în sec. VI—VII: datele arheologice

În sec. VI și VII, procesul de colonizare, legat de culturile slave timpurii, cunoaște o nouă amploare, reflectând așa-numita „mare migrație a slavilor”, cunoscută din mai multe izvoare istorice. În acel moment, slavii și balticii de vest încă nu erau învecinați. Cele mai timpurii contacte dintre aceștia puteau avea loc deja în sec. VI, în urma pătrunderii balticilor în bazinul r. Narew. Materialele arheologice ne permit să considerăm că, contactele purtătorilor grupului Olsztyn cu slavii timpurii în sec. VI și VII puteau avea loc nu doar în regiunile de frontieră. Deocamdată, însă, nu este posibilă identificarea direcției unice de pătrundere a materialelor slave în mediul baltic, nu poate fi stabilit nici caracterul acestor contacte. Probabil, piesele de tip slav pătrundeau pe aceleași căi, care mai devreme serveau pentru contactele dintre populațiile baltice și culturile germanice. După ce avarii și slavii populează teritoriile, ocupate cândva de germani, căile tradiționale nu trebuiau să dispară. Putem presupune posibilitatea apariției simultane în arealul balticilor de vest a descoperirilor provenite de la avarii și slavii din teritoriul Bazinului Carpatic la sf. sec. VI și prima jumătate a sec. VII. Notăm și prezența pieselor avare. Această ipoteză poate fi confirmată și de apropierea cronologică a materialelor, puse în legătură cu avari și slavi, cu materialele descoperite în Mazuria. Însă, nu putem exclude că aceste descoperiri, mai ales cele tipice pentru avari, au putut să pătrundă pe teritoriul respectiv și din regiunea Niprului sau interfluviul Niprului de jos și cursului inferior al Dunării.

M. Рудницкий

Контакты между западными балтами и славянами в VI—VII вв.: археологические данные

В VI и VII вв. колонизация, связанная с раннеславянскими культурами, значительно расширяется, что является отражением т.н. великого переселения славян, известного по многочисленным письменным источникам. В это время славяне и западные балты не являлись соседями. Самые ранние контакты между ними могли произойти уже в VI в. в результате проникновения последних в бассейн реки Нарев. Археологические источники позволяют предполагать, что контакты носителей ольштынской группы с ранними славянами в VI и VII вв. могли происходить не только в приграничных районах. Нельзя при этом определить ни единое направление, которым поступали к балтам славянские находки, ни характер этих контактов. Возможно, характерные славянские находки распространялись по путям, которые ранее служили для контактов балтов с германскими культурами. После того как авары и славяне расселяются на территориях, ранее занимаемых германцами, функционировавшие прежде пути не должны были исчезнуть. Можно допустить возможность одновременного появления в ареале западных балтов находок, происходящих от аваров и славян, с территории Карпатской котловины в конце VI и в первой половине VII вв. Аварские находки известны среди прочих. Эту гипотезу также может подтвердить близость хронологии материалов, связанных с аварами и славянами, с найденными на Мазурах. Однако нельзя исключить, что эти находки, особенно те, которые характерны для анов, попали в рассматриваемый регион тоже из Поднепровья и междуречья Нижнего Днестра и Нижнего Дуная.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© М. Рудницкий, 2014.

© Перевод статьи с польского языка: В. Ашейчик, 2014.

Проблема связей между населением западнобалтского культурного круга и славянами неоднократно становилась предметом специальных исследований¹. Последние в основном касались поздних фаз эпохи раннего средневековья. Под западнобалтским населением в это время понимались известные по письменным источникам прусы и ятвяги (Łowmiański 1973: 384—393; 1989; Antoniewicz 1955; Powierski 1968; Wróblewski 201: 197—208). Менее изучены наиболее ранние контакты между западными балтами и славянами, имевшие место уже в VI—VII вв. (Szymański 1968: 206—209). Их истоки можно пытаться отыскать уже в финале эпохи Великого переселения народов (Werner 1950: 108; Okulicz 1988: 125; Nowakiewicz, Wróblewski 2003: 180—181). Необходимость изучения этого вопроса провозглашалась в качестве исследовательского постулата (Szymański 2000: 358; Okulicz 2000: 456), однако ряд объективных причин препятствовал широкому рассмотрению данного вопроса. Во-первых, это немногочисленность раннеславянских материалов, а также сложности с точным датированием некоторых категорий артефактов, особенно керамики, составляющей основу археологических коллекций. Во-вторых, отсутствие исследований по западнобалтским древностям начала средневековья, что отчасти связано с состоянием источниковедческой базы по западным балтам в конце эпохи Великого переселения народов: памятники поздней судовской культуры бедны датированными находками, а значительная часть материалов эльблонгской и ольштынской групп и культуры Долькайм/Коврово, происходящих из исследований немецких ученых на территории бывшей Восточной Пруссии, утрачена. Большинство находок, полученных до 1944 года, попало в т.н. *Prussia-Museum* в Кёнигсберге. К концу Второй мировой войны эти материалы оказались разбросаны по Европе, многие коллекции утеряны или погибли (см. Nowakowski 1995: 15).

Исследовательские перспективы в последние годы значительно улучшились благодаря «повторному открытию» мазурских материалов из фондов *Prussia-Museum*, которые уцелели в годы военного лихолетья. Речь идет об обнаружении многочисленных археологических коллекций в т.н. Форте III в бывшем районе Кведнау Кёнигсберга, хранящихся ныне в Калининградском областном

историко-художественном музее (Reich 2003; Junker, Wieder 2003; Valujev 2005). Стали доступны для работы и коллекции из т.н. *Prussia-Sammlung* в берлинском Музее доисторического периода и ранней истории, а также эвакуированные во время войны материалы из *Prussia-Museum*. Часть коллекций сохранилась в бывшей психиатрической лечебнице в Каролеве Кентшинского повета, где их спрятали немцы. После случайного обнаружения эти материалы были перевезены в Мазурский музей (нынче Музей Вармии и Мазурии) в Ольштыне (Skurpski 1973: 559). Порой многочисленные материалы обнаруживаются в частных коллекциях². Однако наиболее важную категорию источников для изучения западнобалтских культур составляют архивные материалы — неопубликованное научное наследие исследователей, изучавших эпоху Великого переселения народов на территории бывшей Восточной Пруссии (см. Nowakowski 2000b; Jurga-Szymańska 2007). Нельзя забывать и о послевоенных польских исследованиях. Последние, несмотря на то, что они только в незначительной степени опубликованы, могут пролить свет на интересующие нас вопросы.

В эпоху Великого переселения народов на западнобалтских землях произошли культурные изменения, в результате которых границы расселения западных балтов расширились в западном направлении (рис. 1). После исчезновения вельбаркской культуры Эльблонгскую возвышенность и район устья Вислы в VI в. занимает т.н. эльблонгская культурная группа (Engel 1935: 101—102; Okulicz 1973: 471; Godłowski 1981: 112—114). В Ольштынском поозёрье появляется т.н. ольштынская группа (Okulicz 1973: 476—477; Nowakowski 2000a: 16; 2000c: 168—169). Самбийско-натангийские территории занимает население, связанное с культурой Долькайм/Коврово (Nowakowski 1996: 2—4). Сувалкский регион и Августовское поозёрье охватывает судовская культура (Bitner-Wróblewska 1998: 308—309; Engel et al. 2006: 200). В позднем периоде эпохи Великого переселения народов, т.е. от середины V до середины VII в., что соответствует фазе E западнобалтской хронологии, особую роль начина-

¹ Автор хотел бы поблагодарить М. М. Казанского и К. Н. Скворцова за помощь в подготовке статьи.

² Примером может служить многочисленное собрание артефактов, происходящих в т.ч. и из исследований могильника в Тумянах, находящееся в руках частного коллекционера в Москве. Информация о существовании коллекции получена от К. Н. Скворцова, сотрудника Калининградского областного историко-художественного музея.

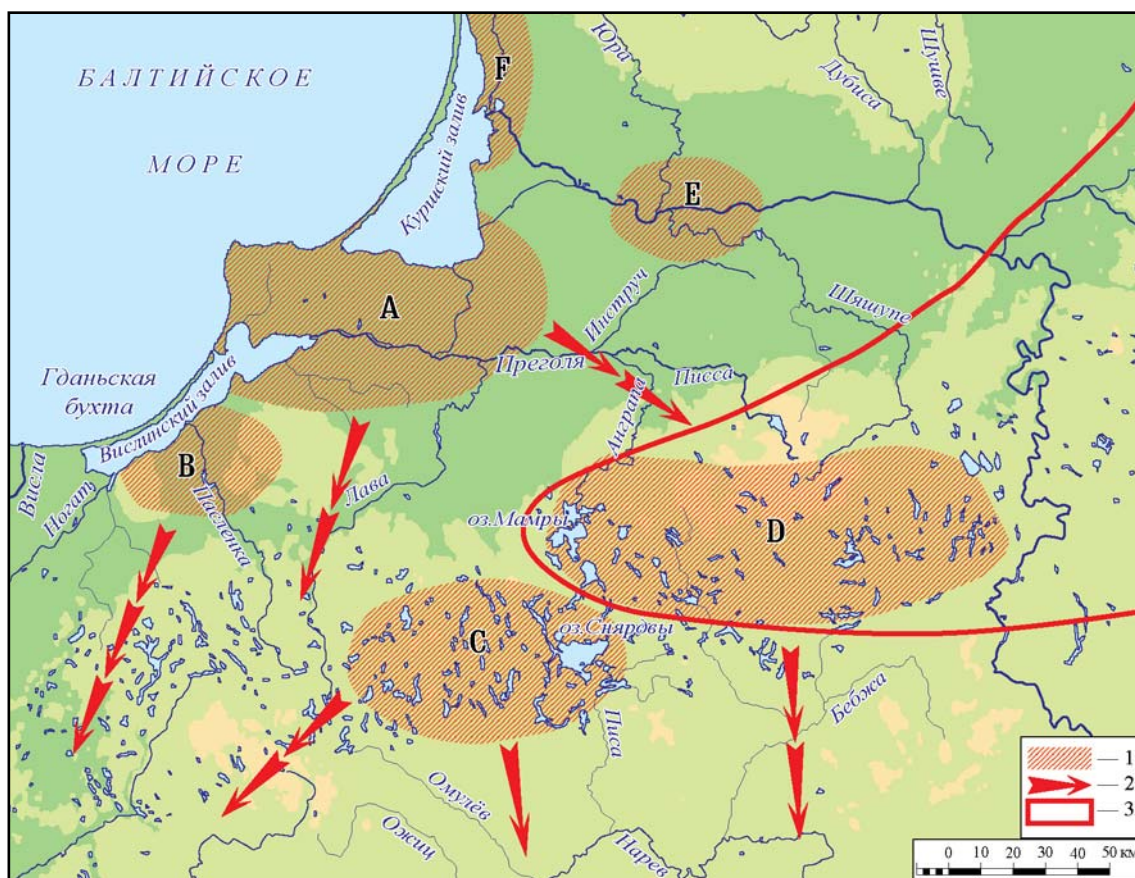

Рис. 1. Культурные группы западнобалтского круга в конце эпохи Великого переселения народов (по Wróblewski 2006: 289, рис. 2). 1 — территория культур и культурных групп: А — культура Доллькайм/Коврово; В — эльблонгская группа; С — олыштынская группа; D — судовская культура; E — нижненеманская группа; F — западнолитовская группа; 2 — направления экспансии; 3 — зона курганных погребений.

Fig. 1. West Baltic circle and directions of its expansion at the end of the Migration Period (according to Wroblewski 2006: 289, ryc. 2). 1 — the territory of cultures and cultural groups: A — Dollkeim/Kovrovo Culture; B — Elbląg Group; C — Olsztyn Group; D — Sudovian Culture; E — Lower Nemunas Group; F — West Lithuanian Group; 2 — directions of expansion; 3 — barrow cemeteries zone.

ет играть упомянутая олыштынская группа, занимающая западную и центральную часть Мазурского поозёрья. Эта группа характеризуется значительным богатством материалов и обширными контактами, которые простирались от Рейна до Днестра и от южной Скандинавии до Дуная.

В VI и VII вв. носители раннеславянских культур расселяются на значительных пространствах Восточной, Центральной и Южной Европы. Этот процесс отражает т.н. Великое переселение славян, известное по многочисленным сообщениям письменных источников (Godłowski 1979: 57—58). В указанное время западные балты и славяне не были непосредственными соседями (Wróblewski 2006: 295). Одна из волн славянского расселения, связанного с пражской культурой с территории Волыни, охватила Полесье, Малую Польшу, а также Верхнюю и Нижнюю Силезию (Godłowski 1989: 37).

Эти славяне, по всей видимости, не вступали во взаимодействие с западнобалтским населением. Другая волна славянского расселения, вероятнее всего, взяла свое начало в междуречье средней Припяти и верхнего Днестра. К. Годловский предполагал возможность участия в этом процессе носителей культур Колочин и Тушемли-Банцеровщины (Godłowski 1979: 37) (рис. 2). Ареал колочинской культуры, однако, не распространяется западнее нижнего течения Припяти, а тушемлинско-банцеровские памятники на западе едва достигают верхнего Немана (Вергей 2005: рис. 1: 488). Не исключено, однако, что в данном случае мы имеем дело с влияниями, исходящими из ареала пражской культуры, а точнее, её северо-западной области, расположенной в бассейне нижней и средней Припяти (рис. 3). На этой территории она непосредственно соседствует как с колочинской, так и с культурой типа Тушем-

Рис. 2. Направление экспансии ранних славян (по Godłowski 2000: 224, рис. 15). Условные обозначения: а — славянские культурно-археологические группы в Румынии (в основном VI в.); b — район значительного смешения славянских и автохтонных культурных элементов в Румынии (VI в.); c — район потенциального распространения славян в междуречье Вислы к концу V в.; d — пражско-корчакская культура; e — пеньковская культура; f — колочинская культура; g — культура Банцеровщина-Тушемля; h — культура длинных курганов; i — балто-славянская граница в раннем средневековье; j — западная граница балтийской культуры в эпоху римских влияний; k — направления славянской и балтийской экспансии; l — археологические памятники, надежно датированные V веком (1 — Зеленый Гай; 2 — Каветчина; 3 — Кодын; 4 — Пархомовка; 5 — Куна; 6 — Пеньковка; 7 — Вел. Андрусовка; 8 — Ходосовка; 9 — Хитцы; 10 — Курган-Азак; 11 — Ульяновка; 12 — Целиков Бугор; 13 — Кветунь; 14 — Жуковка; 15 — Гуры; 16 — Полибино; 17 — Линдора; 18 — Мерёво).

Fig. 2. Directions of expansion of the Early Slavs (according to Godłowski 2000: 224, рис. 15). Legend: a — Slavic cultural-archaeological groups in Romania (mainly 6th c.); b — a very mixed area of Slavic and autochthonous cultural elements in Romania (6th c.); c — area of potential migration of the Slavs into the Vistula interfluvium by late 5th c.; d — Prague-Korchak culture; e — Penkovka Culture; f — Kolochin Culture; g — Bantserovshchina-Tushemlya Culture; h — Long Barrows Culture; i — Balto-Slavic Border in Early Middle Ages; j — western border of the Baltic Culture under the Roman influence; k — directions of Slavic and Baltic expansion; l — archaeological sites reliably dated by 5th c. (1 — Zelenyj Gaj; 2 — Kavetchina; 3 — Kodyn; 4 — Parkhomovka; 5 — Kuna; 6 — Penkovka; 7 — Velikaya Andrusovka; 8 — Khodosovka; 9 — Khitsy; 10 — Kurgan-Azak; 11 — Ulyanovka; 12 — Tselikov Bugor; 13 — Kvetun'; 14 — Zhukovka; 15 — Gury; 16 — Polibino; 17 — Lindora; 18 — Meryovo).

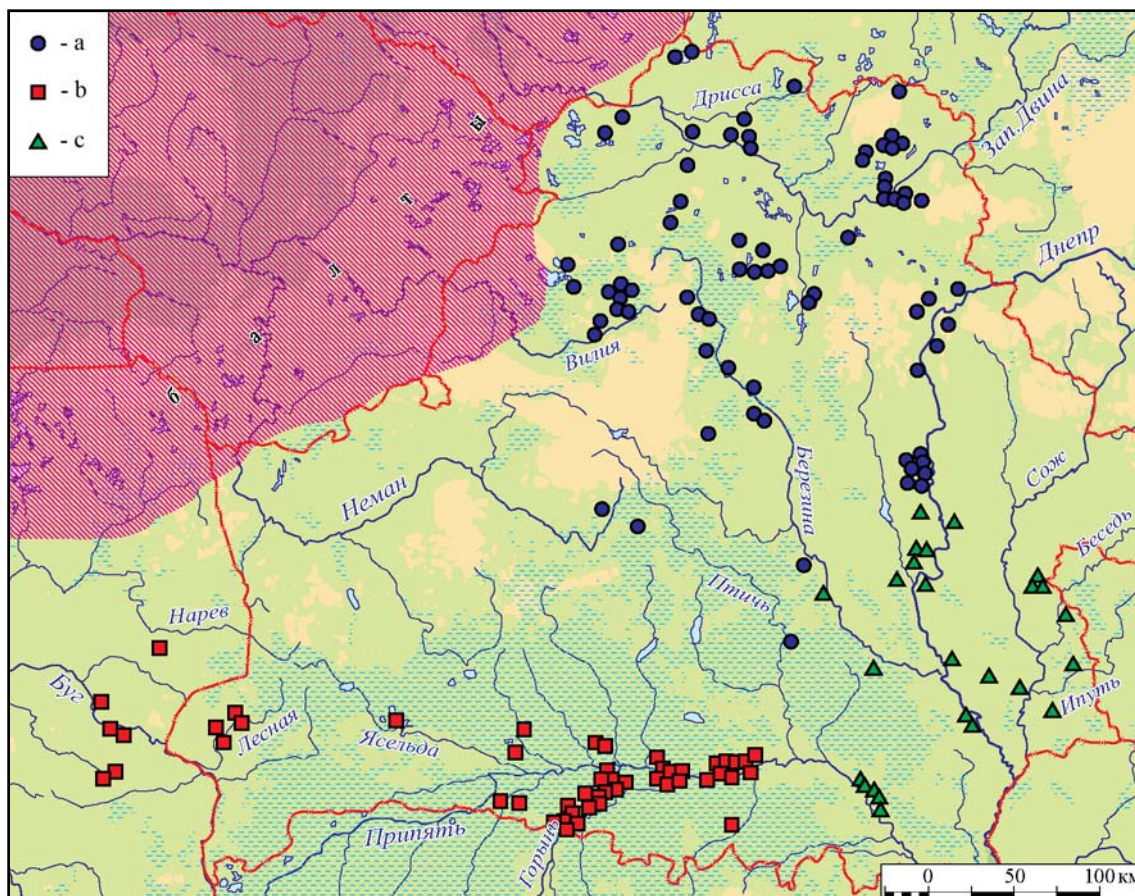

Рис. 3. Археологическая ситуация в VI—VII вв. на территории современной Белоруссии. Условные обозначения: а — памятники культуры Тушемля-Банцеровщины; b — памятники пражской культуры; с — памятники колочинской культуры (по Вергей 2005, с дополнениями автора для сопредельных польских территорий).

Fig. 3. Archaeological situation in present-day Belarus in the 6th — 7th cc. Legend: a — Bantserovshchina-Tushemlya Culture sites; b — Prague Culture sites; c — Kolochin Culture sites (according to Vargej 2005, with the author's additions for the adjacent Polish territories).

ли-Банцеровщины, и насыщена элементами, типичными для этих культур (Терпиловский 2005: 395—400; Вергей 2005: 494—499). В указанной области существовали также и городища, например, Хильчицы или Хотомель, которые возникли на рубеже VI и VII вв. (Вергей 2005: 488—489). Возможно, с этими городищами следует сопоставлять типологически похожие памятники — Хачки (Hački) и Шелиги (Szeligi) (Szymański 1967: 233—234). В Полесье найдены наиболее ранние памятники пражской культуры, так называемой фазы 0 (Гавритухин 1997а: 42) (рис. 4), в VI и VII вв. ее зона расширяется вверх по течению Припяти, в направлении бассейна Буга (Вергей 2005: рис. 1: 488). Эта волна славянских мигрантов, вероятно, привела к заселению Подляшья, а также восточной, плоцкой и северной Мазовии (Вяргей, Гаўрытухін 2011: 218). География распространения наиболее ранних славянских памятников в Мазовии позволяет предпо-

ложить, что славяне продвигались с территории современной Беларуси, сначала в верховья Припяти в направлении Буга, затем вдоль Буга к Висле³ (рис. 5), и отсюда вниз по ее течению (Гавритухин 2009: 11; Вяргей, Гаўрытухін 2011: 218). К концу VII в. ареал славянского расселения существенно не выходил за пределы бассейна нижней Дрвенцы.

³ К наиболее ранним (VI—VII вв.) славянским памятникам Мазовии М. Дулинич относил следующие: 1. Хацьки (Hački); 2. Огородники (Ogrodniki); 3. Дрогичин «Сова/Козарувка» (Drohiczyn «Sowa/Kozarówka»); 4. Вирув (Wirów); 5. Невядома (Niewiadoma); 6. Издебки-Вонсы (Izdebki-Wąsy); 7. Кшеск (Krzesk); 8. Тухлин (Tuchlin); 9. Непорент (Nieporęt); 10. Варшава-Плуды (Warszawa-Pludy); 11. Велишев (Wieliszew); 12. Шелиги (Szeligi); 13. Мишево Стшалковске (Miszewko Strzałkowskie); 14. Вышогруд (Wyszogród); 15. Брвильно (Brwilno); 16. Машево (Maszewo); 17. Крушево (Kruszewo); 18. Гродня (Grodnia); 19. Цеслин (Cieślin); 20. Мендзыборув около Жирардува (Międzybórz) (Dulicz 1992: 247).

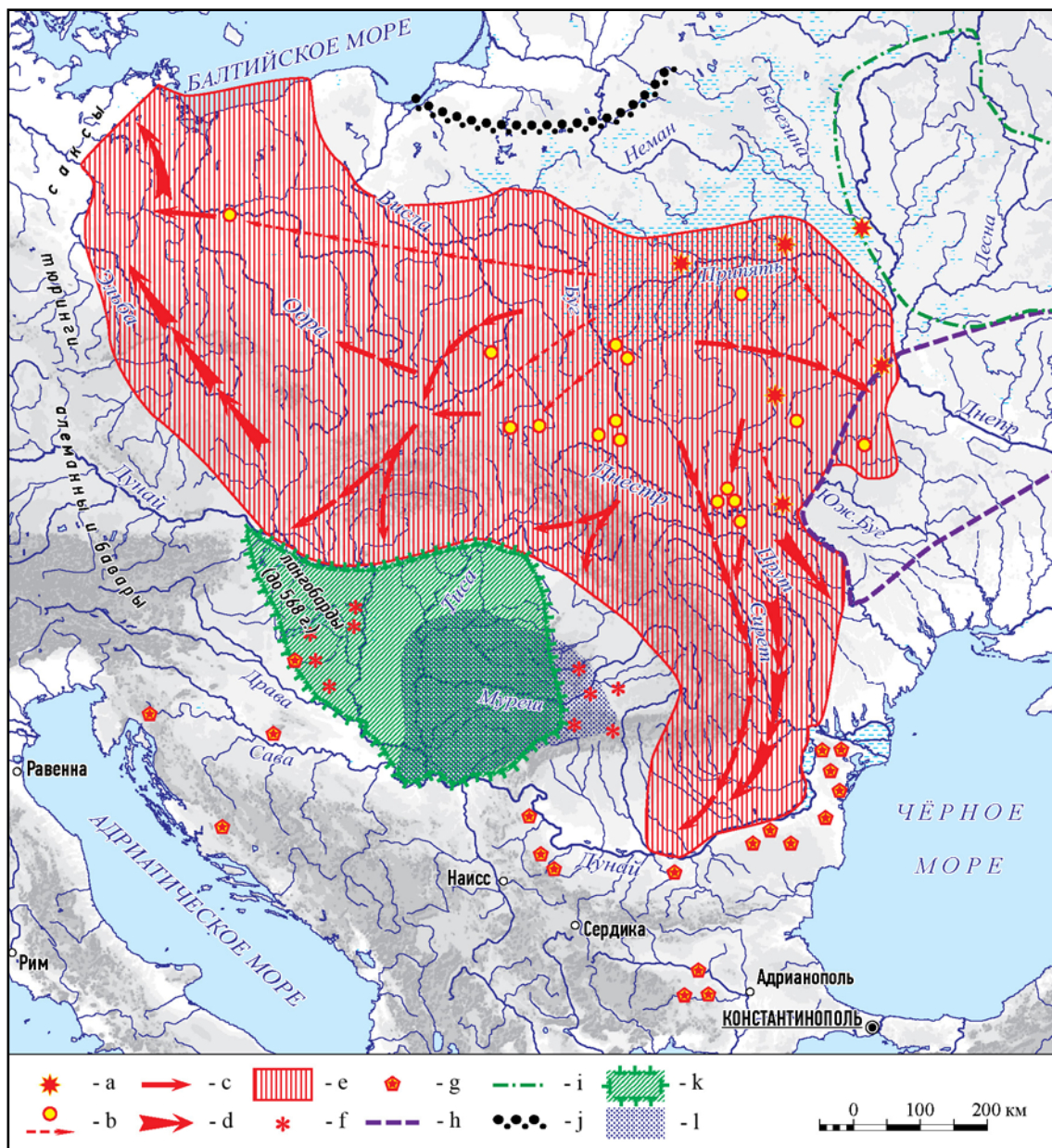

Рис. 4. Территория пражской культуры (по Вергей, Гавритухин 2011: 218). Условные обозначения: а — поселения фазы 0; b — поселения фазы 0/1 и направления миграций в той же фазе; c — направления экспансии в фазе I; d — направления экспансии в фазе II; e — территория максимального распространения пражской культуры; f — элементы пражской культуры на территории Аварского каганата и в Трансильвании; g — отдельные поселения на Балканах; h — граница пеньковской культуры; i — граница колочинской культуры; j — граница расселения балтов; k — граница Аварского каганата до середины VII в.; l — гепиды в конце V — VI вв.

Fig. 4. Area of Prague culture (according to Vargej, Gavrituhin 2011: 218). Legend: a — 0 stage settlements; b — 0/1 stage settlements in directions of migration at the same stage; c — directions of expansion at stage I; d — directions of expansion at stage II; e — area of maximal expansion of the Prague Culture; f — elements of the Prague Culture on the territory of the Avar Kaganate and in Transilvania; g — separate settlements in the Balkans; h — border of Penkovka Culture; i — border of Kolochin Culture; j — border of the Balts' settlement; k — border of Avar Kaganate before mid 7th c.; l — the Gepidae in late 5th—6th cc.

Наиболее ранние памятники в районе нижнего течения этой реки — поселения в Любиче, Жмиеве, Млынце и Едвабно — могут быть датированы не ранее 2-й пол. VII — начала VIII вв. (Chudziak 1990: 87; 1991: 127—218). Вероятно, что проникновение

славян в направлении западнобалтских земель происходило вдоль рек северной части бассейна Вислы. Этот процесс, однако, был довольно медленным — примером могут служить памятники в районе верхней Вкры (Wkra), где славянское население появилось

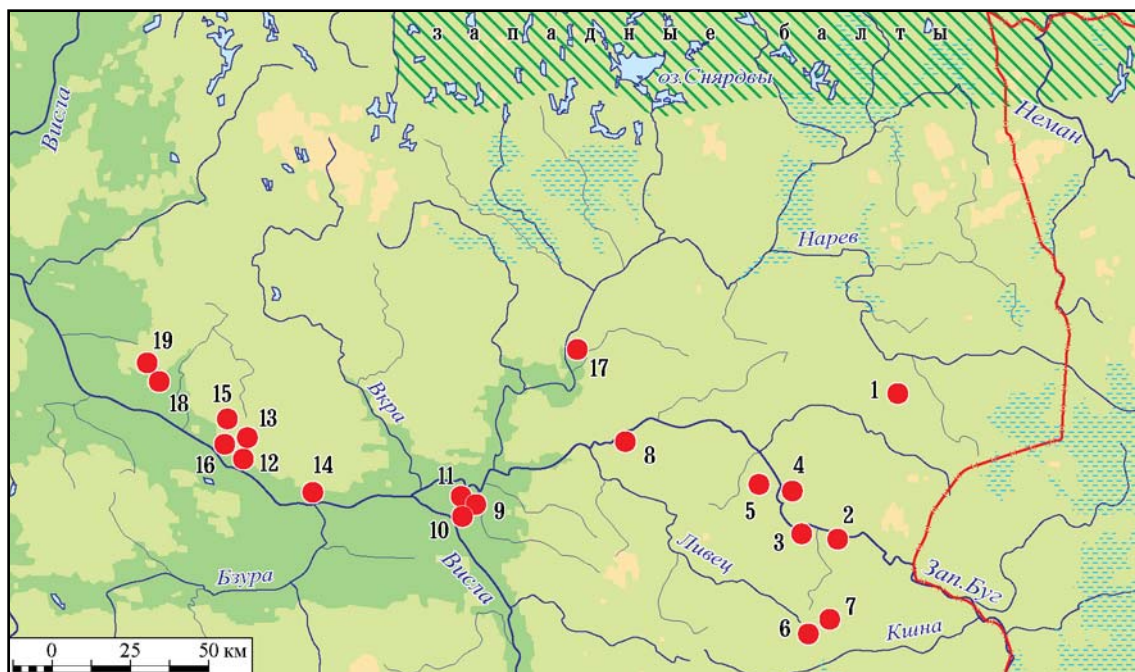

Рис. 5. Славянские памятники VI—VII вв. в Мазовии: 1 — Хацьки; 2 — Огородники; 3 — Дрогичин «Сова/Козарувка»; 4 — Вирув; 5 — Невядома; 6 — Издебки-Вонсы; 7 — Кшеск; 8 — Тухлин; 9 — Непорент; 10 — Варшава-Плуды; 11 — Велишев; 12 — Шелиги; 13 — Мишевко Стшалковске; 14 — Вышогруд; 15 — Брвильно; 16 — Машево; 17 — Крушево; 18 — Гродня; 19 — Цеслин (по Dulinicz 1992: 243).

Fig. 5. Slavic sites dated to the 6th—7th century in Mazovia: 1 — Haćki; 2 — Ogródniki; 3 — Drohiczyń "Sowa/Kozarówka"; 4 — Wirów; 5 — Niewiadowa; 6 — Izdebki-Wąsy; 7 — Krzesk; 8 — Tuchlin; 9 — Nieporęt; 10 — Warszawa-Płudy; 11 — Wieliszew; 12 — Szeligi; 13 — Miszewko Strzałkowskie; 14 — Wyszogród; 15 — Brwilno; 16 — Maszewo; 17 — Kruszewo; 18 — Grodnia; 19 — Cieślin (according to Dulinicz 1992: 243).

только в VIII в. (Moszczyński 2003; Dulinicz, Moszczyński 2007: 65). Начиная с VIII в. славянами была колонизирована и Любавская земля (Grażawski 2009: 96). Исследования В. Худзяка (Chudziak 1997; 2000) показали, что близ юго-западных рубежей западнобалтских земель славянские поселения возникают также не ранее VIII в.

Неоднократно обращалось внимание на то, что самые ранние славянские памятники к югу от западнобалтского ареала, например, поселенческие комплексы в Хацьках или Шелигах, имеют определенное сходство с памятниками с территории Беларуси, в то же время, отличаясь от славянских древностей южной Польши (Miśkiewicz 1981: 32—33; 1982; Szymański W. 1968; 2000: 358; Kobyliński, Szymański 2005: 36). Процесс заселения славянами северной Мазовии и Подляшья до сих пор до конца не исследован. Основными препятствиями является малое количество памятников начала раннего средневековья и трудность точного определения их хронологии (Dulinicz 1992: 247). Исследователи, однако, приходят к заключению, что в интересующий нас период (VI—VII в.) процесс колонизации славянами

Мазовии и Подляшья не был интенсивным (Szymański W. 2005: 172—182). Подобным образом ситуация обстояла и в центральной Польше. При этом необходимо подчеркнуть, что исследователи отрицают связь между славянским расселением на территории центральной Польши и в районе Мазовии и Подляшья (Sikora 2009: 138—140).

В это же время культуры южной части западнобалтского круга находились на разных стадиях своего развития. С конца V в. судовская культура значительно «беднеет». Наиболее заметно это на примере т.н. годлапской концентрации, где ещё в середине V в. встречались погребения с богатым инвентарем, свидетельствующие о дальних контактах населения данного региона (Engel et al. 2006: tabl. XI; Szymański P. 2006: 375—376). Ввиду бедности более поздних погребений трудно точно определить время исчезновения этой культуры (Bitner-Wróblewska 1998: 309). Иначе представляется ситуация в западной и центральной частях Мазурии. Тут в последней четверти V в. образуется т.н. олыштынская группа, занимающая особое место в круге западнобалтских древностей VI—VII вв. (Okulicz 1989). Среди её богатых материа-

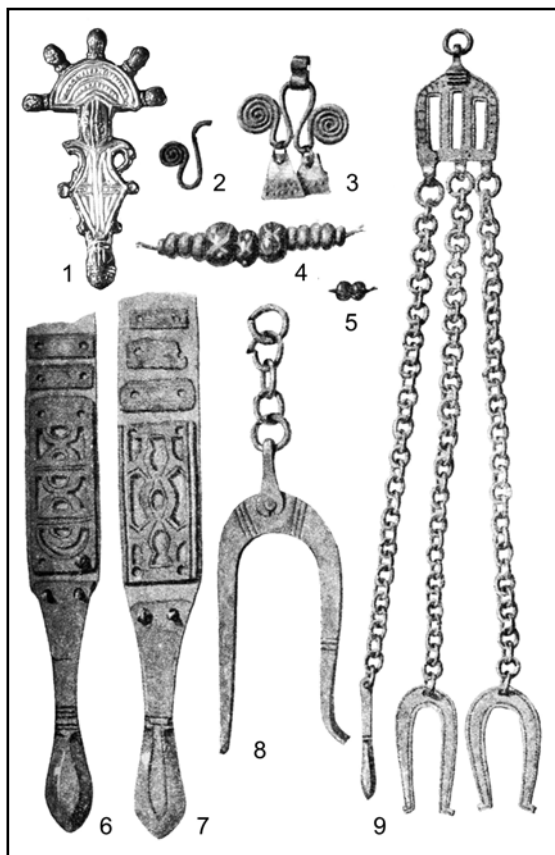

Рис. 6. Тумяны (повят Ольштын), погр. 30 (1 — по Carnap-Bornheim, Ibsen, Valujev 2005: 99; 2—9 — по Heydeck 1895: Tabl. 7).

Fig. 6. Tumiany, district Olsztyn, grave 30 (1 — after Carnap-Bornheim, Ibsen, Valujev 2005: 99; 2—9 — after Heydeck 1895: Tabl. 7).

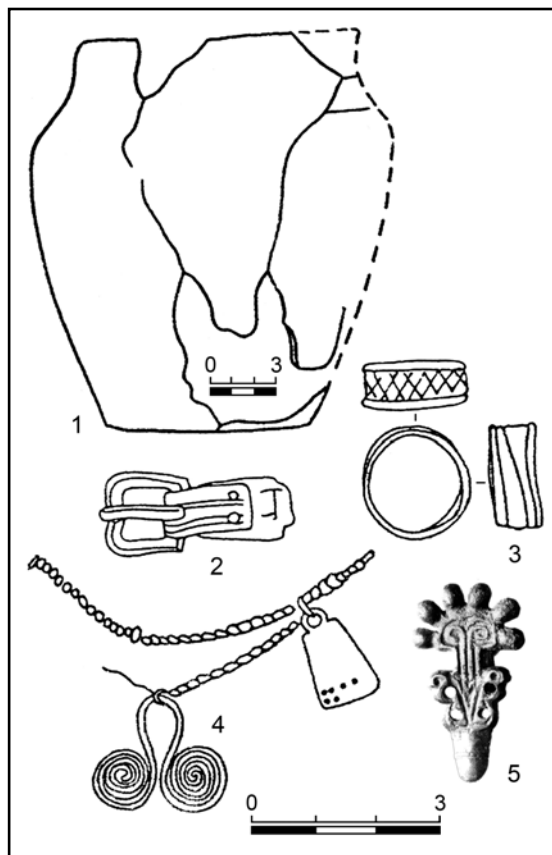

Рис. 7. Ментке (повят Щитно), погр. 462 (1—4 — по Кулаков 1989: 231, рис. 15; 5 — по Hilberg 2009: Tabl. 25).

Fig. 7. Miętke (district Szczitno), grave 462 (1—4 — after Кулаков 1989: 231, рис. 15; 5 — after Hilberg 2009: Tabl. 25).

лов встречаются и предметы, которые могут иметь славянское происхождение.

К их числу принадлежат пластинчатые подвески, среди которых, в свою очередь, наиболее характерными являются трапециевидные. Украшения этого типа найдены в следующих могильниках: Тумяны (Tumiany), погр. 30 (рис. 6) и 38 (Heydeck 1895; Jakobson 2009), Ольштын-Бжезины (Olsztyn-Brzeziny)⁴, Келары (Kielary), погр. 23, 70, 94 (Hollack, Bezenberger 1900; Jakobson 2009) — Ольштынский повят; Лелешки (Leleszki), погр. 24 (Bujack 1880; Кулаков 1989; Bitner-Wróblewska 2008); Ментки (Miętke), погр. 462 (рис. 7) (Кулаков 1989) — Щитненский повят; Камне (Kamień), погр. A (Szter 2010); Гонсёры (Gąsior), погр. 84 (Schmiedehelm 1990: 30;

⁴ Неопубликованные материалы из исследований, проведенных фирмой «Archeo-Adam». Автор благодарит магистра Адама Мацкевича и Бартомея Качинского за информацию о подвеске, найденной во время раскопок.

2011: 30)⁵ — Пишский повят. Все известные экземпляры выполнены из бронзы. Их размеры обычно составляют 1,5—2,5×2,5—3 см. Эти подвески сопоставимы с находками из ареалов пражской и пеньковской культур. Наиболее близкие в территориальном плане находки пластинчатых подвесок на раннеславянских памятниках известны в Шелигах и Хацьках (Szymański W. 1968: 196—197; Kobyliński, Szymański 2005: 59). Аналогии мажурским находкам известны также в соста-

⁵ К исключительным находкам принадлежит подвеска из бывш. Генрихсдорфа, округ Зенсбург (Heinrichsdorf, Kr. Sensburg), погр. 172, которое датируется поздним периодом эпохи римских влияний (Шмидехельм, архивное наследие). За информацию об этом артефакте автор благодарит Изабеллу Штер. Дискуссионной может быть и хронология подвесок из Гонсёр, погр. 84, в котором, возможно, находились «пережатые бусины, может быть с золотой фольгой» (Schmiedehelm 1990: 30; 2011: 30). Наличие бусин с золотой фольгой предполагало бы датировку погребения поздним периодом эпохи римских влияний.

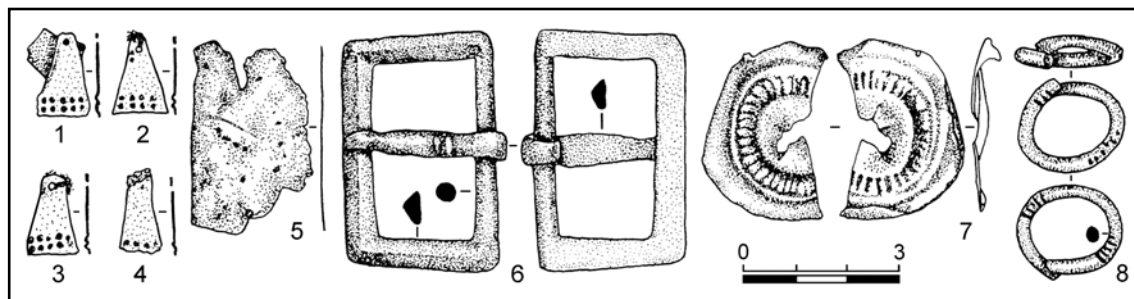

Рис. 8. Находки из клада в Кракове-Нова Гута, памятник 62а (по Dąbrowska 1984: 356, рис. 3).

Fig. 8. Materials from Kraków-Nowa Huta hoard, site 62a (after Dąbrowska 1984: 356, рис. 3).

ве клада из Кракова-Новой Гуты 62а (Kraków-Nowa Huta) (рис. 8), найденного на территории поселения пражской культуры. В состав этого клада также входят пряжка, бронзовая розетка, бронзовое кольцо и фрагмент бронзовой пластинки (Dąbrowska 1984: рис. 3: 356). Присутствие в нем трапециевидных подвесок интерпретируется как результат влияний с территории Карпатского бассейна (Parczewski 1988: 82—83), где наблюдается выразительная их концентрация (Comsa 1984: 63—66; Balint 1989: 88; Гавритухин 1997б: рис. 2: 54; Garam 2001: 46). Аналогичные предметы найдены, в том числе, и на аварских могильниках: Алатьян (Allatyán), погр. 166 (Kovrig 1963: Taf. XIV: 19—21), Орослань I (Oroszlány I), погр. 1, 11 и 16 (Sós 1963: Abb. 7, 9: 318—321), Орослань II (Oroszlány I), погр. 40 (Szatmari 1980: 98—101) или Печь-Кёзтемето (Pécs-Köztemető), погр. 6 и 17 (Kiss 1977: tabl. XXXIV: 6, 17) (рис. 9: 4). Западнее трапециевидные подвески были найдены в Баварии, в могильниках в Гросспрюфенинг, район Регенсбурга (Großprüfening, Kr. Regensburg), погр. 2, и из Штраубинг-Баюваренштрассе (Straubing-Bajuwarenstraße, Kr. Straubing) (Loser, Szameit 2003: 99—100), где они датируются 2-й пол. VI в. и интерпретируются как свидетельства влияний с аварских территорий Карпатского бассейна (рис. 9: 4). На этих землях они датируются 2-й пол. VI — 1-й третью VII в., что соответствует ранне-аварскому периоду (Garam 2001: 46). Еще западнее небольшие трапециевидные подвески обнаружены в погр. 748 меровингского могильника Бюль (Bulles), в Пикардии. Могила датируется протомеровингским временем, т.е. 440/450—470/480 гг. (Legoux 2011, 2: 173, pl. 283: 748.3). Известны также подвески и в могильнике позднеримского времени Врон (Vron), на севере Франции, в погр. 31А и 159А. Р. Легу сравнивает эти подвески с трапециевидными украшениями позднеримского времени с территории пше-

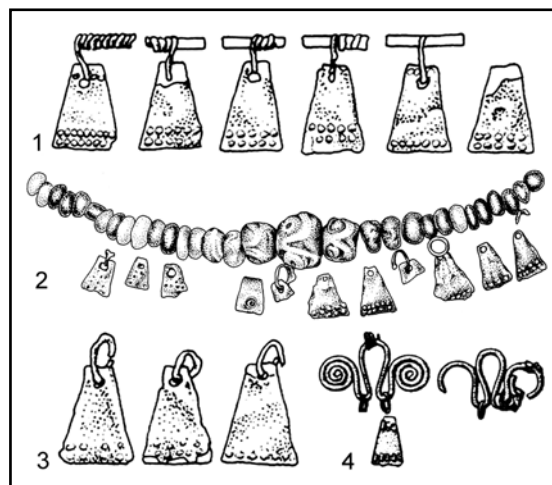

Рис. 9. Трапециевидные подвески с территории Аварского каганата (1—3) и из меровингской зоны (4). 1 — Гьод, погр. 45; 2 — Боль В, погр. 28; 3 — Печ-Кёзтемето (Pécs-Köztemető), погр. 17; 4 — Гросспрюфенинг (Großprüfening), погр. 2 (1—3 — по Garam 2001: 2005, рис. 24; 4 — по Losert, Szameit 2003: 99, рис. 14).

Fig. 9. Trapezoid pendants from the territory of Avar Kaganate and Merovingian circle. 1 — Gyód, grave 45; 2 — Boly B, grave 28; 3 — Pécs-Köztemető, grave 17; 4 — Großprüfening, grave 2 (1—3 — after Garam 2001: 2005, рис. 24; 4 — after Losert, Szameit 2003: 99, рис. 14).

ворской культуры, в частности, из погр. 99 на могильнике Каменчик (Kamieniczky) (Legoux 2011, 1: 79, pl. 9). Височное кольцо с трапециевидными подвесками, украшенными точечным декором, происходит из старых раскопок на меровингском могильнике Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue) в Пикардии. Аналогичные височные кольца известны в древностях культуры смоленских длинных курганов, времени не ранее VIII в. (подробнее см.: Kazanski 1991: 8—10, fig. 7).

Пластинчатые трапециевидные подвески с прессованным орнаментом, также имеющие близкие аналогии на территории ольштынской группы, богато представлены в т.н. днепровских кладах группы I, т.н. типа

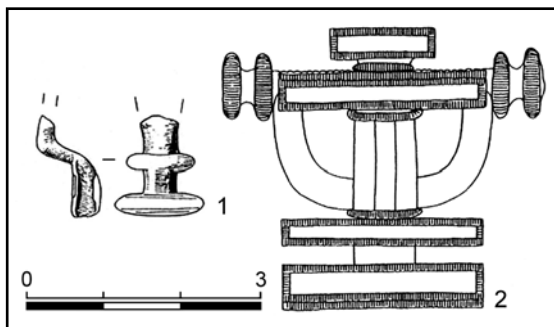

Рис. 10. Перекладчатые арбалетовидные фибулы с территории Бранденбурга. 1 — Зеец (окр. Пригниц), случайная находка; 2 — Прюцке (окр. Потсдам-Миттельмаркт), погр. 2 (1 — по Voß 1991: 296, рис. 1; 2 — по Unverzagt 1960: 146, рис. 1).

Fig. 10. Rung brooches from Brandenburg land. 1 — Seetz, Kr. Prignitz, stray find; 2 — Prützke, Kr. Potsdam-Mittelmarkt, gr. 2 (1 — after Voß 1991: 296, рис. 1; 2 — after Unverzagt 1960: 146, рис. 1).

Мартыновка, датируемых VII в. (Гавритухин 1997б: 47). Заметна, однако, разница в размерах мазурских и днепровских украшений. Находки с территории ольштынской группы обычно более узкие в верхней части и лишены орнаментации в центральной части, и часто они значительно меньше днепровских. Например, некоторые подвески из Гапоновского клада имеют 3—4 см в ширину и 5—6 см в длину (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 23: 198). Подвески же из Тумян, погр. 30, или из Косева III (Kosewo III), погр. 183, примерно в половину меньше. Разница в размерах днепровских подвесок ощутима и по отношению к украшениям с территории пражской культуры. Так, подвески из упоминавшегося Краковского клада из Новой Гуты уступают по размерам украшениям из Поднепровья. По размерам они близки находкам из ареала ольштынской группы. Возможно, более крупные и более эффектные подвески с территории Украины служили прототипами для украшений, найденных западнее и северо-западнее, на территориях, заселенных или находящихся под влиянием раннеславянских культур или на западнобалтских землях.

Еще одна выразительная концентрация трапецевидных подвесок отмечается в ареале культур лесной полосы Верхнего Поднепровья. По форме и размерам эти находки близки мазурским. Вполне возможно, что этот тип украшений мог быть заимствован населением Мазурии в финале эпохи Великого переселения народов в результате контактов с названной территорией. Не исключено, что ольштынская группа могла исполнять роль по-

средника в распространении названных подвесок из Верхнего Поднепровья в Подунавье (Гавритухин 1997б: 48).

В Ментках, погр. 462 (Кулаков 1989: рис. 15: 231), Тумянах, погр. 30 (Heydeck 1895: tabl. VII), Косеве (могильник III), погр. 183 (Rudnicki 2010: рис. 3: 676) и Келярах, погр. 94 (Jakobson 2009: Taf. 178), трапецевидные подвески встречены вместе с очковидными подвесками из проволоки. Последние также, вероятно, появляются в материалах ольштынской группы в результате контактов с раннеславянскими культурами на конечном этапе фазы E2. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые очковидные подвески были найдены в комплексах ольштынской группы вместе с поздними формами восточноевропейских пальчатых фибул, например, Ментке, погр. 462 (Кулаков 1989: рис. 15: 231), Тумяны, погр. 30 и 74 (Heydeck 1895: tabl. VII), или Келары, погр. 8 (Jakobson 2009: Taf. 45: 113—114) (рис. 7: 4; 10: 12). Подобная ситуация отмечается и в кладах мартыновского типа (см. выше). Как и в случае с пластинчатыми украшениями, очковидные подвески из днепровских кладов определенно крупнее мазурских (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 19: 194)⁶.

Очковидные подвески sporadически присутствуют и на памятниках меровингского круга. Назовем находки в Деттинген (Dettin-gen) «Tuchfabrik Berger», район Эсслингена (Kr. Esslingen) (Quast 2006: Taf. 18: 12) или Гроспрюфенинг, район Регенсбурга, погр. 2 (рис. 9: 4). Интерпретируют эти находки как результат влияний с аваро-славянских земель Карпатского бассейна (Loser, Szameit 2003: 99). К территориально обособленным находкам на территории Польши принадлежит подвеска, найденная в кладах из Любневич Суленцинского повята (Lubniewice, pow. Sułecin) (Kleeman 1951: 101—102, рис. 2). Из этого комплекса происходит также ромбовидная пластинчатая подвеска, имеющая близкие аналогии среди находок с городища в Шелигах (Szymański W. 1968) (рис. 11: 4—6) и могильника ольштынской группы в Келярах, погр. 8 (Jakobson 2009: 113—114) (рис. 10: 6).

Очковидные подвески встречаются также на восточнобалтских землях, в закрытых комплексах, датируемых от позднего периода римских влияний, например, Байтай (Baitai) (Banytė-Rowell 1999: 69—71; 2000: fig. 3: 30) или бывш. Шернен (Schemen) (Bezenberger 1882: Taf. XIII), до раннего средневековья, на-

⁶ Это наблюдение касается и фибул.

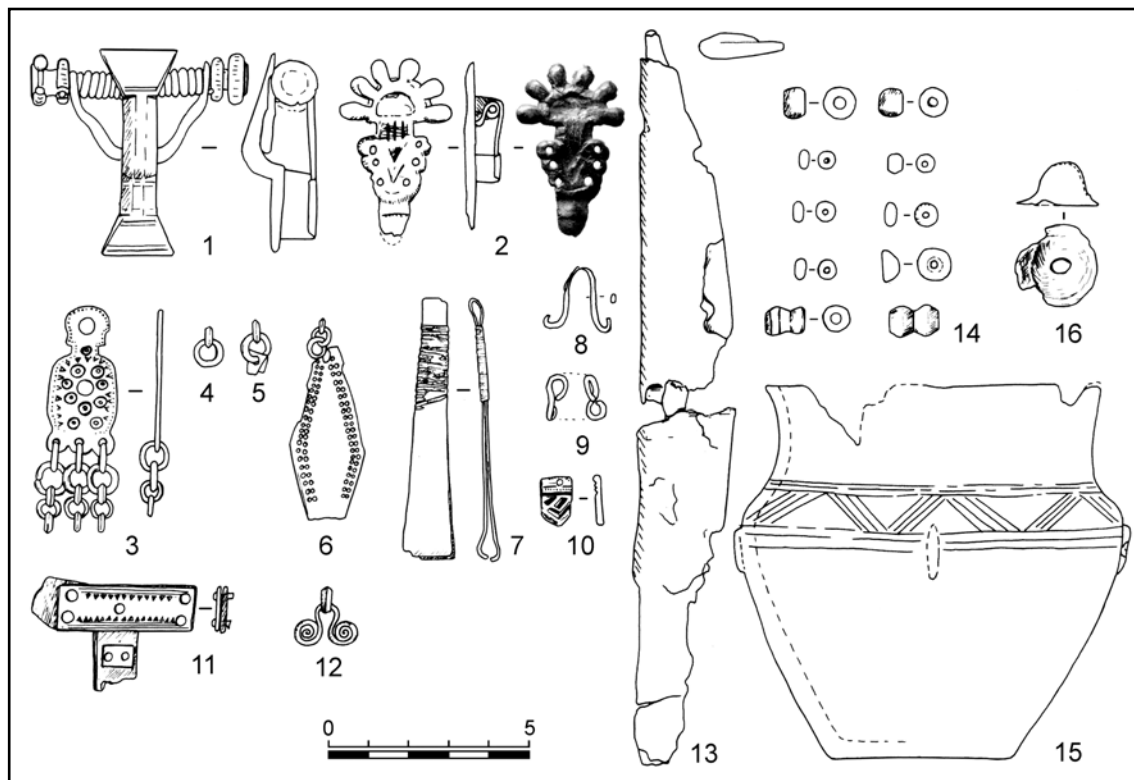

Рис. 11. Келары (Kielary), погр. 8 (по Jakobson 2009: tabl. 113—114).

Fig. 11. Kielary (district Olsztyn), grave 8 (after Jakobson 2009: tabl. 113—114).

пример, Паланга (Palanga), погр. 96 (Bliujienė 2001: 218—219, pav. 19). Украшения данного типа, похоже, продолжают свое существование на восточном побережье Балтики вплоть до XII в. (Кулаков 1989: 169). Необычайно интересным представляется тот факт, что в Шернен, в Литве, эти находки являлись элементами женского головного убора, в отличие от мазурских, которые, вероятнее всего, были составными частями кольца. Стоит обратить внимание на тот факт, что похожие наборы очковидных и трапециевидных подвесок, которым сопутствуют стеклянные бусины, встречаются как на территории Мазурии, например, Косево (могильник III), погр. 183 (Rudnicki 2010: гус. 3: 676), Тумяны, погр. 30 (Heydeck 1895: Taf. VII), или Ментке, погр. 462 (Кулаков 1989), так и в Карпатском бассейне (Garam 2001: Taf. 24). Украшения этого типа известны и в Верхнем Поднепровье (Егорейченко 1996: рис. 34: 136). Их появление в Мазурии в поздней части фазы E2, вместе с выразительной волной материалов восточнославянских традиций, указывает на приднепровское или придунайское, а не восточноприбалтийское происхождение украшений данного типа. Стоит при этом отметить, что находка очковидной подвески с могильника судовской культуры в Баханове (Bachanowo) (Jaskanis 1999: 254:

tabl. I: 7) интерпретируется исследователями как свидетельство влияний со стороны ольштынской группы (Bitner-Wróblewska 2004: 39), а не с территории Литвы.

В материалах ольштынской группы присутствуют также и другие пластинчатые подвески с прессованным орнаментом, которые могут быть результатом влияний со славянских или аваро-славянских территорий. В Келарах, погр. 32 и 92, найдены бронзовые сердцевидные подвески (рис. 12: 12—14), украшенные небольшими выдавленными полусферами (Jakobson 2009: Taf. 135; 177). Похожие украшения найдены также в Ваплево (Waplewo), Щитненский повят, погр. 22 (Rudnicki 2009). Сердцевидные подвески иногда встречаются на аварских памятниках, где относятся к группе предметов, известных как «находки типа Орослань» и приписываемых славянам (Sós 1963: 318). Экземпляры из Келар имеют близкие аналогии среди украшений, найденных в Черкуте (Cserkút) в Венгрии (рис. 12: 1—11). Названный комплекс содержал многочисленные элементы женского убранства, в т. ч. две западногерманские пальчатые фибулы типа Мюльхофен (Mühlhofen) (Kiss 1977: Taf. II; Kühn 1981: Taf. 295). Эти застегки чужды местному аварскому контексту и неизвестны у славян. Поэтому сложно согла-

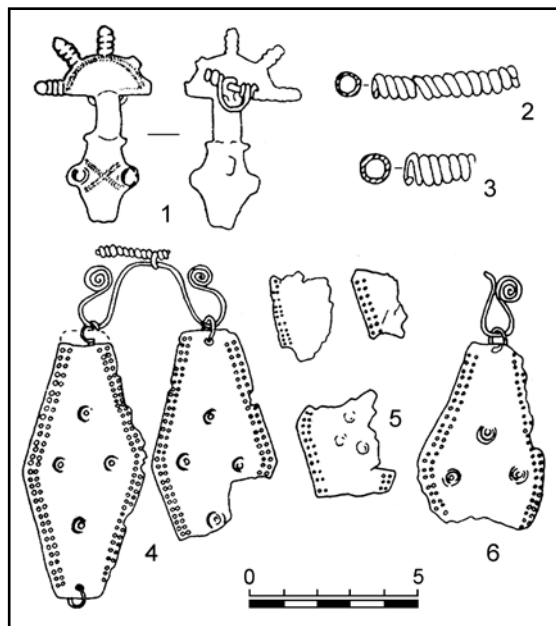

Рис. 12. Некоторые находки с городища Шелиги (по Szymański W. 1967).

Fig. 12. Materials from Szeli hillfort, district Płock (after Szymański W. 1967).

ситься с гипотезой, которая связывает находку из Черкута со славянами (Sós 1963: 318). Сердцевидные подвески на аварской территории датируются временем от последней трети VI в. до середины VII в. (Garam 2001: 46). Такая хронология соответствует волне находок аварского и славянского происхождения на территории Мазурии (Kowalski 2000: 223; Rudnicki 2009; 2010). Похожие подвески встречаются также в кругу восточнобалтских культур. Представительная серия украшений такого типа известна из Юркайчяй, Шилутский район (Jurgaičiai, raj. Šilutė) в Литве, погр. 1, 4, 7, 10 (Tautavičius 1996: 164—165; Bliujienė 2003: 126).

К наиболее эффектной категории находок, встречающихся на западнобалтских землях и связываемых со славянами, относятся пальчатые фибулы I и II групп по классификации И. Вернера (Werner 1950) (рис. 13). Этот исследователь связывал находки указанных фибул на Балканах и в Подунавье со славянской экспансией в VI и VII вв., известной по многочисленным византийским письменным источникам. Эти фибулы чаще всего встречаются на памятниках раннеславянских культур — пеньковской и пражской. Они известны также в Крыму, на могильниках крымских готов, и на раннеаварских памятниках (Katsougiannopoulou 1999: Karte I—IV). Местом выразительной концентрации этой категории украшений на севере

от Карпат является ареал олыштынской группы. Наличие указанных фибул в Мазурии И. Вернер связывал с контактами торгового характера, отбрасывая возможность физического присутствия славян на западнобалтских землях (Werner 1950: 167). Сейчас исследователи отказываются от интерпретации пальчатых фибул в качестве этнических индикаторов (Teodor 1992; Vagalinski 1994; Curta 2004; 2006; Katsougiannopoulou 2009).

На территории Польши, за исключением западнобалтских земель, находки пальчатых фибул первой и второй группы И. Вернера являются редкостью. Случайная находка головки фибулы типа Сармизегетуза-Кишкёрёш (Sarmizegetusa-Kiskőrös), датирующейся VII в., известна в Ленки Вельки, повят Гродзиск Велькопольски (Łęki Wielkie, pow. Grodzisk Wielkopolski) (Krzyszowski 2010: 192). Причем этот экземпляр не имеет близких аналогий среди находок с западнобалтских земель, а соотносится с фибулами, распространенными, главным образом, на обширных территориях в междуречье Днепра и Дуная (Katsougiannopoulou 1999: Karte II). Фибула из Шелиги, как показал В. Шиманский, вероятнее всего, является далёким дериватом форм, связываемых с гепидами (Szymański W. 1967: 35). На это указывают пальчатые выступы с поперечными каннелюрами, не встречающиеся у «антских» фибул, и ромбовидный щиток ножки с парой симметрично размещенных округлых выступов. Аналогии щитку ножки следует искать среди готских фибул, датируемых концом V — 1-й четв. VI вв., несколько более поздних гепидских фибул, украшенных примитивным штампованным орнаментом, например, Сентеш-Берегхат (Szentés-Berekhat), погр. 36 и 61 (Csallány 1961: Taf. 68: 7). Вероятнее всего, гепидские аналоги нужно искать и для головки фибулы из Кракова-Новой Гуты 1 (Parczewski 1988: 78—79)⁷.

Данные фибулы представлены разнообразными стилистическими разновидностями, отличающимися между собой формой и орнаментальными элементами. Характерными для большинства из них чертами являются полукруглая головка, имеющая пальчатые выступы, и орнитоморфная орнаментация, предстающая в виде более или менее схематичных изображений орлиных голов на нож-

⁷ В то же время, фибулы из Радзеюва Куявского и Бискупина, найденные на славянской территории, имеют определенно скандинавское происхождение (Parczewski 1988: 79—82; Wróblewski, Bitner-Wróblewska 2004: 153—154).

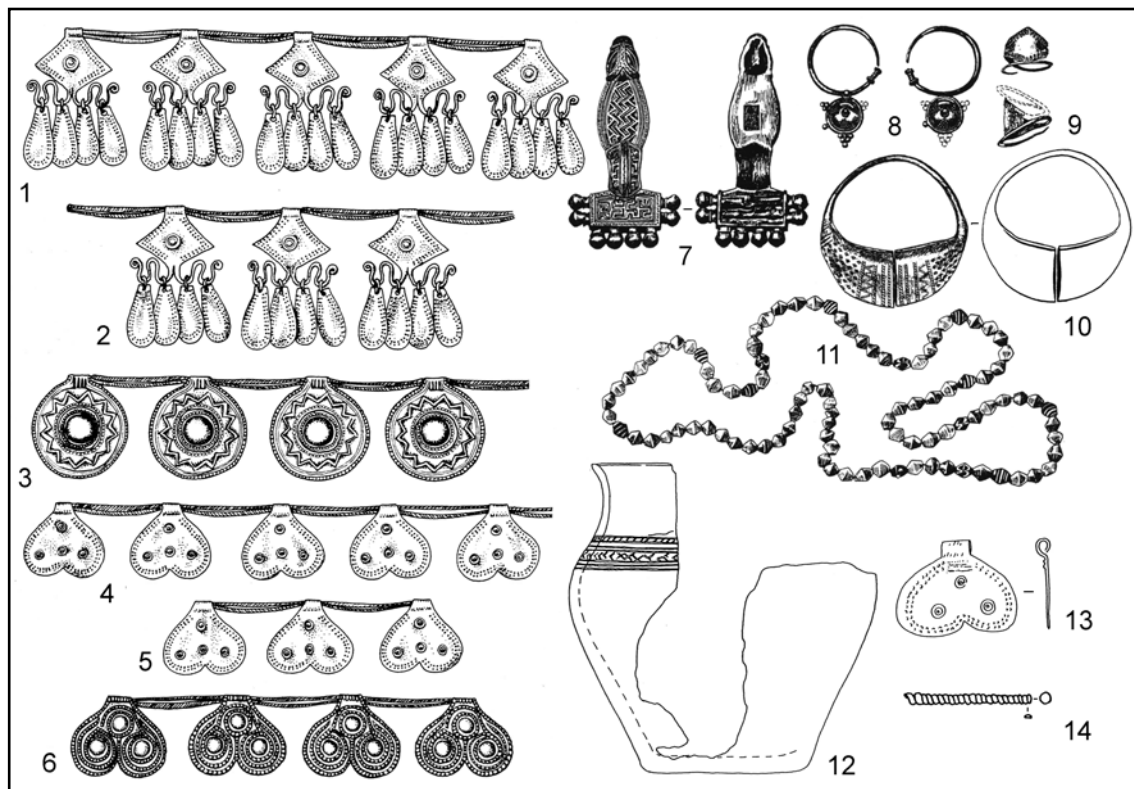

Рис. 13. Пластина́тые подве́ски в аварском и западнобалтском контексте: 1—11 — находки из Черкут; 12—14 — Келары, погр. 32, без масштаба (1—6 — по Garam 2001: 273, рис. 22; 7—11 — по Kiss 1977: tabl. II; 12—14 — по Jakobson 2009: tabl. 135).

Fig. 13. Plate pendants in Avar and West Baltic context: 1—11 — materials from Cserkút (Hungary); 12—14 — Kielary, grave 32, unscaled (1—6 — after Garam 2001: 273, рис. 22; 7—11 — after Kiss 1977: tabl. II; 12—14 — after Jakobson 2009: tabl. 135).

ках или головках фибул. Подобные образы являются характерными элементами для вещей, связываемых с готским кругом в эпоху Великого переселения народов (Werner 1950: 164—165). Присутствие такой орнаментации на пальчатых фибулах, датируемых 2-ой пол. VI—VII вв., можно считать проявлением влияний со стороны потомков готского населения, связанного с более ранней черняховской культурой, которая могла войти в структуру пеньковской культуры (Седов 1970: 68—69; 1978: 171—173). Славянская принадлежность последней уже давно порождает дискуссии. Особенно подчеркивается наличие на пеньковских памятниках материалов, связываемых с кочевыми племенами Восточной Европы и Северного Кавказа, а также упомянутые связи с черняховской культурой (Приходнюк 1991: 216—218; Терпиловский 2005: 296—298; Обломский 2007: 51).

Существует также предположение, согласно которому Мазурия могла быть центром производства и дистрибуции некоторых типов малых пальчатых фибул (Curta 2006: 463). Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что такого рода предположения осно-

вываются на пока еще довольно зыбкой хронологии мазурских находок, которые должны бы были быть более ранними, чем экземпляры с территории Юго-Восточной Европы. Парадоксально, но нынешняя хронология олыштынской группы построена, в том числе, и на датировке обсуждаемой серии фибул, а последняя исходит из постулата, что мазурские фибулы являются импортами (Kowalski 1991: 79—80; 2000: 223). Показательно также, что стилистика большинства найденных на территории олыштынской группы экземпляров значительно упрощена по сравнению с фибулами из междуречья Днепра и Дуная. В то же время, некоторые из типов фибул с территории олыштынской группы представляют собой формы, которые являются результатом эволюции фибул из Юго-Восточной Европы. Наиболее выразительно это прослеживается на примере экземпляров типа Сармизегетуза-Кишкёреш (Sarmizegetusa-Kiskörös) (рис. 13: 5). Важно отметить, что в Мазурии не существовало традиции производства пальчатых фибул в стилистике, близкой к рассматриваемым нами. Известно производство фибул, основанных на франкских, готских и сканди-

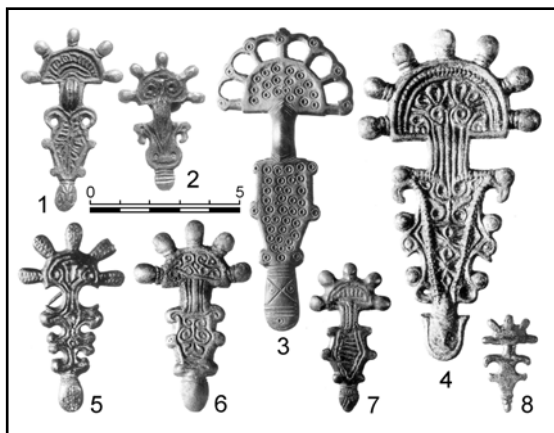

Рис. 14. Типы дунайских и «антских» пальчатых фибул, представленные на западнобалтских территориях. 1 — тип Пленца-Тумяны; 2 — тип Марош-Гымбаш-Пергамон; 3 — тип II D; 4 — тип Спарта-Линкунен-Кошовени; 5 — тип Сармизегетуза-Кишкёрёш; 6 — тип Петроаселе; 7 — тип Нови Бановци-Келары; 8 — тип Пергамон-Тей (по Hilberg 2009: tabl. 1, 3, 10, 22, 33; типы: 1—5, 7—8 — по Werner 1950; 6 — по Curta, Dupoi 1995).

Fig. 14. Form of Danubian and "Ants" brooches from west Baltic area 1 — Plenița — Tumiány, 2 — Maros-Gambas — Pergamon, 3 — II D, 4 — Sparta-Linkunnen-Cosoveni, 5 — Sarmizegetusa-Kiskörös, 6 — Pietroasele, 7 — Novi Banovci — Kielary, 8 — Pergamon-Tei (after Hilberg 2009: Table 1, 3, 10, 22, 33; types: 1—5, 7—8 — according to Werner 1950; 6 — according to Curta, Dupoi 1995).

навских образцах, которые, однако, являются подражаниями (Hilberg 2003: 272—273; 2004: 309—310; 2009: 263—266). Безусловно, нельзя полностью исключать возможность, что и подражания некоторым типам фибул также производились в Мазурии, а затем оттуда попадали на другие территории. В качестве примера этого явления следует назвать фибулы, найденные в кладе на поселении колочинской культуры в Великих Будках в Украине. Будучи подражаниями экземпляров типа Марош-Гымбаш-Пергамон (Maros-Gambas-Pergamon) (рис. 13: 2), они считаются импортами с территории ольштынской группы (Горюнова 1992: 129—130). К интересным находкам, подтверждающим распространение балтских фибул на славянских землях, относится пальчатая фибула типа Пурда (Purda) из окрестностей деревни Остромечево Брестского района в Беларуси (Kowalski 1991)⁸. Особенно ярким примером распространения балтских фибул в славянской среде является находка т.н. перекладчатой фибулы на раннеславянском могильнике в Прютцке, район Бранденбург-

Ланд (Unverzagt 1960: 145—147) (рис. 14: 2). Фрагмент похожей фибулы также был найден в Зитц, район Пригнитц в Бранденбурге (рис. 14: 1); нельзя, однако, уверенно утверждать связь последней находки со славянскими древностями (Voß 1991: 295—296).

По мнению некоторых исследователей, славяне могли заимствовать у балтов шпоры с крючкообразными зацепами (Żak, Maćkowiak-Kotkowska 1988: 138) (рис. 15). Выраженные М. Дулиничем сомнения по этому поводу базируются, главным образом, на недооценке уровня ремесла балтов и дальности их внешних контактов (Dulinicz 2001: 101). Шпоры с крючками, отогнутыми наружу, часто встречаются в материалах ольштынской группы фаз E2b и E3, т.е. последней трети VI — середины VII вв. (Rudnicki 2006: 355—356; 2008: 47—48). Дискуссионными являются вопросы датировки и происхождения шпор с загнутыми внутрь крючками. Шпоры этого типа на славянских землях датируются временем не ранее середины VII в. (Szymański W. 1987: 230—360; Parczewski 1988: 101). На территории ольштынской группы, если не учитывать экземпляр из Вышемборка, найденный в неясном контексте (Okulicz 1988: гус. 3: 117), такие шпоры обнаружены также на могильнике в Вульке Прущиновской (Wólka Prusinowska), Мронговского повята (рис. 15: 1—4). Одна случайная находка (рис. 15: 5) была сделана в окрестностях Решеля (Reszel), Кентшинского повята (Ф. Якобсон, архивное наследие). В погр. 84 на могильнике в Вульке Прущиновской стилистически ранняя шпора найдена вместе с пальчатой фибулой типа Притцер-Пердэль (Pritzier-Perdöl), который на западнобалтских землях датируется концом V — началом VI в. (Bemmann 2008). В погр. 37 этого же могильника железная шпора с крючкообразными зацепами сопровождалась вещами, типичными для фазы E3 (625—650/675 гг.). Ещё одна шпора найдена в погр. 41. Оба предмета несколько отличаются от находок этой категории со славянских территорий, однако этот тип мог оказать влияние на распространение подобных шпор у славян, как предполагали Я. Жак и Л. Мацковьяк-Котковска (Żak, Maćkowiak-Kotkowska 1988: 138). Стилистически наиболее близкая железная шпора была найдена в окрестностях Решеля (Ф. Якобсон, архивное наследие). Известны, однако, обстоятельства и контекст находки, которые позволили бы уточнить её хронологию. Согласно информации из архива Феликса Якобсона, предмет имел следы пребывания в огне,

⁸ Автор выражает свою благодарность за информацию о находке Вадиму Белевцу и Льене Касюк (Институт истории НАН Беларуси).

что может указывать на его происхождение из погребения-кремации. К сожалению, нет уверенности относительно культурной принадлежности данной шпоры.

Славянские влияния на западнобалтских землях усматривали также и в керамическом производстве. Среди посуды, найденной на могильнике в Тумянах, Е. Антоневич указал на элементы, которые он связывал с керамикой пражской культуры (Antoniewicz 1969: 111). Вопросом присутствия пражской керамики на памятниках ольштынской группы занимался и Е. Окулич (Okulicz 1988). К числу важнейших черт пражской посуды он относил горшковидные формы с эсвидным профилем и наличие следов песчаной подсыпки на донцах сосудов. Наличие этих черт в ареале ольштынской группы исследователь связывал с присутствием славянских колонистов во 2-ой пол. VI в., которые изготавливали на территории Мазурии посуду по собственной технологии (Okulicz 1988: 125).

Воздействие славянской технологии на керамическое производство ольштынской группы более подробно было проанализировано В. Врублевским и Т. Новакевичем (Nowakiewicz, Wróblewski 2003; 2010). Их исследование выявило, что постепенное восприятие технологии и форм славянской посуды привело к формированию в раннем средневековье стандартизированной прусской керамики (рис. 16). Эта керамика во многих чертах не отличалась от посуды, производимой соседями-славянами. Названные исследователи, как и Е. Окулич, в качестве начального хронологического рубежа славянских влияний в этой области принимали 2-ю пол. VI в. (Wróblewski, Nowakiewicz 2003: 180—181). Сосуды, близкие пражской керамике, также sporadически встречаются в ареале культуры Долькайм/Коврово, где они выразительно выделяются на фоне местной посуды, например, в могильнике Митино (Гурьевский район), в погр. 28 и 166 (Скворцов 2010: табл. XXXVIII; CCLXIX). На территории эльблонгской группы сосуды, напоминающие пражскую посуду, найдены в Домбкове (Dąbkowo), Новине (Nowina) и Богданах (Bogdany) (Jagodziński 1998: 170).

Аналогии с пражской керамикой прослеживаются и в орнаментике некоторых сосудов ольштынской группы. В погр. 10 могильника в Тумянах⁹ был найден фрагмент тулова сосуда, украшенного поясом прочерчен-

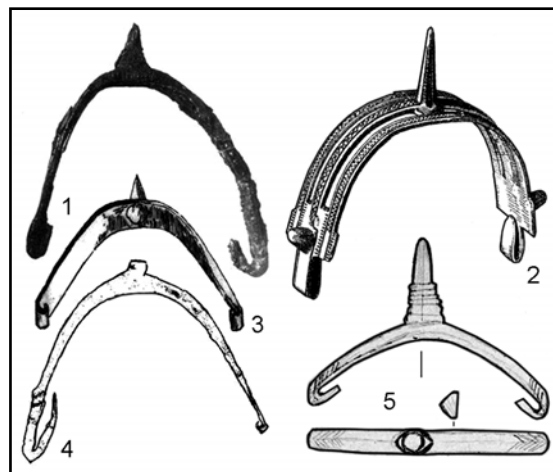

Рис. 15. Шпоры с крючками, отогнутыми вовнутрь, найденные на западнобалтской территории. 1—4 — Вулька Прушинowska (окр. Мронгово); 5 — район Решля (окр. Кентшин), случайная находка (1—4 — по Nowakowski 2004: 415, рис. 4; 5 — по Bitner-Wróblewska, Rzeszotarska-Nowakiewicz, Nowakiewicz 2011: 66).

Fig. 15. Spurs with hooks folded inward, from the West Baltic circle. 1—4 — Wólka Prusinska (district Mragowo); 5 — around Reszel (district Kętrzyn), stray find (1—4 — after Nowakowski 2004: 415, рис. 4; 5 — after Bitner-Wróblewska, Rzeszotarska-Nowakiewicz, Nowakiewicz 2011: 66).

ных, неумело выполненных волнистых линий (Moszczyński 2004: гус. 1: 167) (рис. 17: 2). Такой способ орнамента чужд западнобалтской керамике в эпоху Великого переселения народов, зато часто встречается на лепной посуде пражской культуры (Parczewski 1988: 66—67). Имеющийся на указанном фрагменте орнамент из косых оттисков гребня и лент параллельных горизонтальных борозд популярен среди керамического материала ольштынской группы и указывает на то, что, вероятнее всего, сосуд имеет локальное, западнобалтское происхождение. Орнаментация из волнистых (или, скорее, зигзагообразных) линий интерпретируется в данном случае как подражание славянским орнаментальным мотивам (Moszczyński 2004: 168). Подобный декор прослеживается также на фрагменте сосуда, найденного в Езёрке, Гижицкий повет (Jeziorko, pow. Giżycko) (Antoniewicz, Okulicz 1958: tabl. XIV: 14). В данном случае, правда, орнамент, близкий к волнистой линии, был выполнен наколами (рис. 17: 1). Оба фрагмента сосудов — из Тумян и из Езёрки — датированы концом VI — 1-й пол. VII вв. (Moszczyński 2004: 168).

Связи населения ольштынской группы со славянами в области керамического производства прослеживаются не только в за-

⁹ Исследования К. Домбровского в 1969—1971 гг.

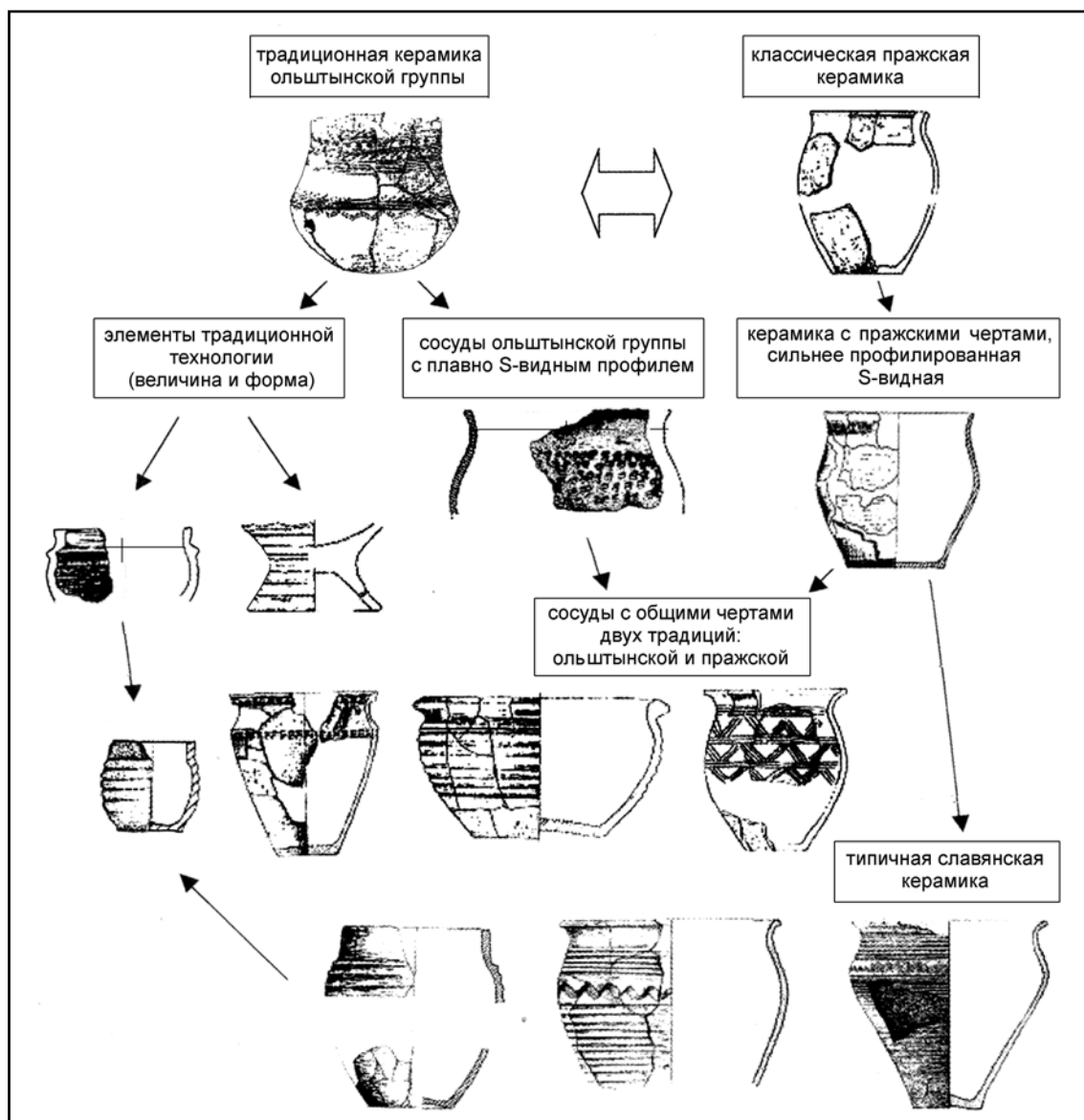

Рис. 16. Схема влияния славянской гончарной технологии на прусскую керамику (по Nowakiewicz, Wróblewski 2003; 2010).

Fig. 16. Diagram of the influence of Slavic ceramics manufacturing technology upon the Prussian ceramics (according to Nowakiewicz, Wróblewski 2003; 2010).

паднобалтских материалах. На раннеславянском поселении в Вышогруде (Wyszogród) 2а, Плоцкий повят, в слоях, датированных VII в., найдены фрагменты мисок на полых ножках и посуды, украшенной зацепками и зигзаговидным орнаментом (Moszczyński 1998: рис. 1; 3: 297, 299) (рис. 17: 3—4). Согласно М. Парчевскому, сосуды на полых ножках встречаются в раннеславянских материалах, начиная с VI в. (Parczewski 1988: 65—66). Находки из Вышогруда интерпретируются как результат влияний с территории ольштынской группы (Moszczyński 1998: 294), хотя в данном случае трудно определить, являются ли эти миски импортом, или, скорее,

мы имеем дело с подражаниями. На основании стратиграфических наблюдений они датированы концом VII — началом VIII вв. Ближайшие аналогии можно отыскать среди керамики с городища в Пасыме, где найдены типичные для финала ольштынской группы или чуть более поздние формы. Датирование находок из Пасыма VI—VII вв. (Odoj 1968: 133) позволило бы хронологически связать их с посудой из Вышогруда.

Факт обмена технологией изготовления и орнаментации керамической посуды между балтским населением Мазурии и славянами, заселяющими Мазовию в конце периода переселения народов, а также выразительные сви-

детельства раннеславянских влияний в западнобалтском уборе, показывают, что в это время межрегиональные контакты ольштынской группы не были прерваны из-за славянского расселения в Мазовии¹⁰. Однако, свидетельства балто-славянских контактов встречаются довольно редко и на отдаленных друг от друга территориях. На основании столь немногочисленных источников сложно однозначно делать заключения о характере и интенсивности «ольштынско»-славянских отношений.

Славянские влияния можно также искать в области изменения характера поселенческой структуры на территории ольштынской группы. Характерными для нее являются неукрепленные поселения, во многих случаях ранее занимаемые населением богачевской культуры¹¹. В результате исследований на городищах в Пасыме (Pasym) (Odoj 1968), Шестне (Szeszno) (Wróblewski 1996; 2000), Стасвинах (Staświny) (Karczewska, Karczewski 2007) и Езёрке (Antoniewicz, Okulicz 1958) были открыты материалы, которые можно связывать с финалом ольштынской группы. Вероятнее всего, уже во 2-й пол. VII в. намечается смена характера поселений, которая привела к восприятию «городищенской модели», типичной для более поздних фаз раннего средневековья. Эти городища в рассматриваемый период, вероятно, не использовались интенсивно, подобно городищам на территории пражской культуры в бассейне Припяти в Беларуси. Вряд ли можно связывать появление городищ на западнобалтских землях с военной необходимостью. В VI—VII вв. славяне, вероятно, не представляли значительной военной угрозы для западнобалтского населения. Думаем, что на пограничных территориях, которые представляли собой пояс незаселенных земель, преобладали мирные отношения, а возможные вооруженные конфликты сводились к незначительным локальным стычкам. Определенную буферную зону, ограничивающую интенсивность контактов, составлял, вероятно, пояс пущ в бассейне Нарвы.

Вероятно, западнобалтское население в VI—VII в. поддерживало, в основном, мир-

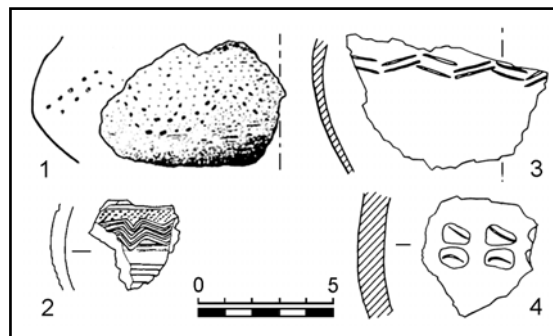

Рис. 17. Фрагменты сосудов ольштынской группы, украшенные славянским волнообразным орнаментом (1, 2), и фрагменты сосудов западнобалтской традиции, обнаруженные в раннеславянском контексте (3, 4). 1 — Езёрко; 2 — Тумяны, погр. 10; 3, 4 — Вышогруд 2а (1 — по Antoniewicz, Okulicz 1958: tabl. XIV, 14; 2 — по Moszczyński 2004: 167, рс. 1; 3, 4 — по Moszczyński 1998: 297, рс. 1).

Fig. 17. Fragments of Olsztyn group's vessels decorated with Slavic ornamental theme (wavy line) (1, 2) and fragments of vessels with West Baltic features from early Slavic settlement (3, 4). 1 — Jezioro; 2 — Tumiany, grave 10; 3, 4 — Wysogrod, site 2a (1 — after Antoniewicz, Okulicz 1958: tabl. XIV, 14; 2 — after Moszczyński 2004: 167, рс. 1; 3, 4 — after Moszczyński 1998: 297, рс. 1).

ные отношения со славянами (Tyszkiewicz 1974: 74; Okulicz-Kozaryn 2000: 227), хотя бы по причине того, что последние, ввиду слабого на тот момент демографического потенциала и низкого уровня материальной культуры, не представляли собой заманчивый объект для агрессии. Иначе положение дел представлял Е. Антонец, считавший, что в конце эпохи Великого переселения народов вооруженные отряды с территории Мазурии, которые можно связывать с ольштынской группой, занимались нападениями на население (в том числе славянское), мигрирующее по территории равнин центральной Польши. Свидетельством этого, по мнению исследователя, должны быть многочисленные находки пальчатых фибул различного происхождения, встречающиеся в ареале ольштынской группы (Antoniewicz 1952: 219). С критикой этого подхода выступил Р. Одой, указав на отсутствие пальчатых фибул на памятниках с территории Мазовии и центральной Польши (Odoj 1968: 141).

Славянские влияния могли касаться не только материальной культуры западных балтов. Финал ольштынской группы связан с исчезновением археологически фиксируемого погребального обряда. Изменения не затронули, вероятно, основные погребальные традиции, а именно, кремацию тел покойников, которая известна у прусских племен раннего средневековья, поскольку письменные источники свидетельствуют, что ингумация

¹⁰ Такая концепция была представлена немецким исследователем К. Энгелем, который считал, что агрессивная славянская экспансия могла быть одной из причин упадка ольштынской группы (Engel 1939).

¹¹ Такое положение относится к восточной части ареала ольштынской группы. В фазе E2 (приблизительно 520—610/625 гг.) ареал ольштынской группы распространяется на территорию Ольштынского поозерья, за пределы ареала предшествовавшей богачевской культуры.

была чужда пруссам, которые были особенно консервативны в вопросе погребального обряда. Отсутствие археологически прослеживаемого погребального обряда, скорее, является следствием изменений в способе захоронения кальцинированных останков. Не исключено, что славянские влияния в VII в. привели к восприятию населением ольштынской группы славянских погребальных обычаев, не предусматривающих наличия постоянных могильников (Nowakowski 2004: 416). Славянскими влияниями объясняется также появление захоронений типа «Черный Лес» („Czarny Las”) — погребений в виде прослоек кремнированных костей в культурном пласте — на городищах, связанных с финальной фазой ольштынской группы (Wróblewski 2000: 279—281). Этот обряд зафиксирован на укрепленном поселении «Черный лес» в Шестне (Wróblewski 2000). Пережженные человеческие кости также выявлены на городище в Пасыме (Odoj 1968: 130). Интересен тот факт, что следы кремации зафиксированы также на упоминавшемся ранее городище в Хацьках (Szymański W. 1983: 95). Подобный могильник, возникновение которого трактуется как результат славянских влияний, известен также в Бурденишках в Сувалском регионе (Burdyniszki, pow. Suwałki), на территории судовской культуры (Nowakowski 1995).

Представленные выше примеры возможных западнобалтско-славянских связей приведены с целью привлечь внимание к данному вопросу. Необходимо еще раз подчеркнуть, что наиболее ранняя фаза славянской колонизации в Мазовии представлена небольшим числом материалов, что значительно усложняет изучение этого процесса. Заселение польских земель было гораздо менее динамичным, чем колонизация Балкан или Карпатского бассейна, куда направилась основная масса славян. Вероятно, только в VIII—IX вв. славянское население окончательно закрепляется в бассейнах нижней Вкры и Нарева¹². Но контакты между славянами и западными балтами на этих территориях могли устанавливаться уже во 2-й пол. VI—VII вв. (Miśkiewiczowa 1982: 103). Допускается также возможность проникновения населения ольштынской группы¹³ в VI—VIII вв. в бассейн Нарева в связи с добычей янтаря, залегающего на нарвских

зандрах на территории Пишской, Курпиовской и Мышынцевской пущ. Эту гипотезу могут, кажется, подтвердить некоторые балтские гидронимы (Tyszkiewicz 1974: 74).

В интересующее нас время ареал славянского расселения не достигал непосредственно границ земель, занятых западными балтами. Наиболее южные памятники ольштынской группы, датированные VI—VII вв., располагаются на расстоянии около 100 км от ближайших синхронных славянских памятников. В отношении судовской культуры это расстояние составляет около 80 км.

Археологические источники позволяют также предположить, что контакты между ольштынской группой и раннеславянскими культурами в VI и VII вв. могли возникать не только на пограничье. Находки поздних пальчатых фибул и разнообразных форм подвесок указывают на связи населения ольштынской группы с отдаленными территориями между Днестром и Дунаем. При этом невозможно определить единственное направление, откуда могли появляться эти предметы. Равно как невозможно и однозначно определить характер этих контактов. Вероятно, вещи со славянскими чертами появились в результате контактов вдоль путей, ранее служивших для связей с германскими культурами. После занятия аварами и славянами территорий, ранее принадлежавших германцам, ранее функционирующие пути не обязательно должны были прийти в упадок. Стоит также допускать возможность одновременного проникновения предметов аварского и славянского происхождения на земли балтов в конце VI и 1-й пол. VII вв. с территории Карпатского бассейна (Rudnicki 2010: 681—682). Эту гипотезу может подтвердить совпадающая датировка встречаемых в Мазурии материалов, связываемых с аварами и славянами, и в большинстве случаев сходный ареал распространения разных категорий предметов. Нельзя исключать возможность, что эти находки попадали на балтскую территорию одновременно из нескольких регионов в междуречье Днестра и Дуная. Возможно, что существование этих дальних связей ольштынской группы и способствовало возникновению контактов между западными балтами и славянами Мазовии и Подляшья: по их территории и проходили пути, по которым осуществлялись эти связи. Можно предполагать, что важную роль в этих контактах сыграли поселенческие комплексы в Хацьках и Шелигах, где зафиксированы свидетельства межрегиональных связей их населения. Современное состояние исследований по-

¹² Это может подтверждаться сосудом, выловленным в Нареве, который Е. Антонец считал близким экземпляром, найденным на могильнике ольштынской группы в Тумянах.

¹³ Е. Тышкевич употребляет в данном случае племенное название «галинды».

звolyет лишь указать на существование таких связей, они особо четко прослеживаются в материалах ольштынской группы, но их характер остается не выясненным.

Стоит также обратить внимание на роль западнобалтских земель на переломе эпох Великого переселения народов и раннего средневековья. Насколько в период римских влияний балты находились в тени германских культур, настолько в отношении славян, появляющихся на рубеже раннего средневековья, они имели более высокий уровень цивилизационного развития. Этому могла способствовать относительная стабилизация, наступившая еще в период ранней эпохи железа. Богатые материалы эльблонгской и, в особенности, ольштынской групп дают свидетельства развитого ремесла и необычайно богатых межрегиональных контактов. Находки с городища в Пасыме указывают на развитость земледелия и животноводства (Odoj 1968: 144—145; 1970: 57). На западнобалтских землях уже в это время могли возникать организованные социально-политические структуры, послужившие основанием более поздней прусской племенной организации (Okulicz 1973: 495). Расселение славян имело в VI—VII вв. разбросанный и неорганизованный характер. Славяне, характеризующиеся бедной материальной культурой, могли много почерпнуть из контактов с западнобалтским населением. В такой ситуации кажется парадоксальным, что археологические источники чаще свидетельствуют об обратном направлении влияний.

Вопрос западнобалтско-славянских контактов рассматривался здесь главным образом на материалах, происходящих из ареала ольштынской группы. Вероятно, последняя играла доминирующую роль в контактах западнобалтского культурного круга со сла-

вянскими культурами в VI—VII вв. Порой ее называют своеобразным цивилизационным центром западнобалтских культур (Okulicz 1989: 89). Славянские элементы слабо прослеживаются в материалах эльблонгской группы, судовской культуры и культуры Долькайм/Коврово. Упадок ольштынской группы в конце VII в. значительно усложняет исследования в данном направлении. Стабилизирующееся славянское расселение в Мазовии и Подляшье привело, вероятно, к интенсификации влияний на материальную культуру западных балтов, отличным свидетельством чего являются изменения в области керамического производства у балтов. В VI—VII вв. контакты между славянским населением Мазовии и Подляшья и западными балтами не имели, вероятно, интенсивного характера. Сложно определить механизмы связей между ними, и при нынешнем состоянии исследований можно лишь указать на их существование. Скорее всего, необходимо говорить о двух плоскостях отношений. Первая, относящаяся, вероятно, к случайным встречам в бассейне Нарева, который мог являться территорией общих охотничьих угодий или эксплуатировался для добычи янтаря. Другой плоскостью могло быть функционирование коммуникационных путей, связующих прибалтийские территории с землями Южной и Юго-Восточной Европы. В функционировании этих путей особую роль играло, вероятно, население ольштынской группы. Стоит ожидать, что увеличение объема источников в дальнейшем позволит пролить больше света на ранний этап контактов между славянами и западными балтами в районе Мазовии и Подляшья. Может быть, изучение этих отношений в будущем позволит ответить на вопрос об источнике богатства ольштынской группы, который до сих пор остается невыясненным.

Литература

- Вергей В.С. 2005. Пражская культура в Беларуси. In: Kaczanowski P., Parczewski M. (red.). *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 487—502.
- Вергей В.С., Гавритухин И.О. 2011. Пражская культура. В: Бялова Т.У. (отв. ред.). *Археология Беларуси*. Т. II. Минск: Белорусская Энциклопедия имя Петруся Броўкі, 217—220.
- Егорейченко А.А. 1996. *Древнейшие городища белорусского Полесья (VII—VI вв. до н.э. — II в. н.э.)*. Минск.
- Гавритухин И.О. 1997а. Хронология пражской культуры. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 3. Москва: Фонд археологии, 39—52.
- Гавритухин И.О. 1997б. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *ГАЗ* 12, 44—58.
- Гавритухин И.О. 2009. Понятие пражской культуры. *ТГЭ* 49, 7—25.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. РСМ 3. Москва: Институт археологии РАН.
- Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья. *АВ* 1, 126—140.
- Кулаков В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII вв. по материалам раскопок 1878—1938 гг. *Barbaricum* 1, 248—275.
- Обломский А.М. 2007. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной

- зоне в III—V вв. В: *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н.э.)*. РСМ 10. Москва: Институт археологии РАН, 45—53.
- Приходнюк О.М. 1991. Раннеславянские культуры V—VII вв. и этнополитическая консолидация славян. Категории памятников, топография, планировка. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев: Наукова думка, 209—218.
- Седов В.В. 1970. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. МИА163. Москва: Наука.
- Седов В.В. 1978. Анты. В: Кропоткин В.В., Матюшин Г.Н., Петерс Б.Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 164—173.
- Скворцов К.Н. 2010. *Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г.* Материалы охранных археологических исследований 15. Москва: Институт археологии РАН.
- Терпиловский Р.В. 2005. Наследие киевской культуры в V—VI вв. In: Kaczanowski P., Parczewski M. (red.). *Archeologia o początkach Słowian*. Materiały z Konferencji, Kraków, 19—21 listopada 2001. Kraków: Księgarnia Akademicka, 387—402.
- Antoniewicz J. 1952. Рец.: Е. Šturms. Die etnische Deutung der masur-germanischen Kultur, Contributions of Baltic University, Pinneberg, nr 31, 1947. *Sprawozdania Państwowego Muzeum Archeologicznego* IV (3—4), 215—220.
- Antoniewicz J. 1955. Niektóre dowody kontaktów polsko-pruskich we wczesnym średniowieczu w świetle źródeł archeologicznych. *Wiadomości Archeologiczne* XX (III—IV), 233—277.
- Antoniewicz J. 1975. Problem substratu bałtyjskiego na północnym Mazowszu. In: Kempisty A., Kozłowski S.K. (red.). *Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 31—32.
- Antoniewicz J., Okulicz J. 1958. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w latach 1951—1954 w Jezioru, pow. Giżycko. *Materiały Starożytne* III, 7—69.
- Bálint C. 1989. *Die Archäologie der Steppe*. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis 10. Jahrhundert. Wien; Köln: Böhlau Verlag.
- Banyté-Rowell R. 1999. Baitu kapinyo dwieju kapu chronologijos klausimu. *Archaeologia Lithuana* 1, 63—71.
- Banyté-Rowell R. 2000. Characteristics of the end of the Roman Period according material from Baitai grave site (near Klaipėda). *Archaeologia Baltica* IV, 27—44.
- Bemmann J. 2008. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert — Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donaauraum? In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008. Bonn: Deutsches Archäologisches Institut; Römisch-Germanische Kommission, 145—228.
- Bezenberger A. 1882. Gräberfeld von Schemen, Kr. Memel. *Prussia* 17, 141—168.
- Bitner-Wróblewska A. 1998. Suwalszczyzna w okresie wędrówek ludów. In: Karczewski M. (red.). *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej*. Materiały z konferencji — Białystok 14—16 maja 1997. Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, 305—317.
- Bitner-Wróblewska A. 2004. Suwalscy „pacyfiści”. Wpływ Gotów na obrządek pogrzebowy mieszkańców Suwalszczyzny w okresie wędrówek ludów? *Monumenta Studia Gothica* IV, 33—42.
- Bitner-Wróblewska A. (red.). 2008. *Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia Museum*. Aestiorum Hereditas 1. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie.
- Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Nowakiewicz T. 2010. Katalog. In: Nowakiewicz T. (red.). *Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona*. Aestiorum Hereditas II. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego, 60—511.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo.
- Bluijienė A. 2001. Baltų zoomorfinis stilius. *Lietuvos Archeologija* 21, 205—223.
- Bluijienė A. 2003. A microregion between Šilutė-Priekulė and Švėkšna in western Lithuania or alternatively the Lamata land according to archaeological data. *Archaeologia Lithuana* 4, 122—135.
- Bujack G. 1880. Ostpreussen. Königsberg. Museum der Alterthums-Gesellschaft Prussia. In: Voss A. (Hrsg.). *Katalog der Ausstellung Prähistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands*. Berlin: C. Berg & v. Holten, 428—452.
- Carnap-Bornheim C. von, Ibsen T., Valujev A. 2005. Katalog. In: Adlung P., von Carnap-Bornheim C., Ibsen T., Valujev A. (red.). *Die Prussia Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad*. Schleswig: H.M. Hauschild GmbH, 49—111.
- Chudziak W. 1990. Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem na ziemi chełmińskiej i dobrzyńskiej. In: Kurnatowska Z. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce*. Materiały z konferencji, Poznań 14—16 grudnia 1987 roku. Poznań; Wrocław; Warszawa: Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk, 85—96.
- Chudziak W. 1991. *Periodyzacja rozwoju wczesnośredniowiecznej ceramiki z dorzecza dolnej Drwicy (VII—XI/XII w.)*. Toruń: Towarzystwo Krzewienia Świadomości Historycznej „Civita”.
- Chudziak W. 1997. Ze studiów nad pograniczem słowiańsko-bałtyjskim we wczesnym średniowieczu. Problem przynależności kulturowej Pomezanii w IX—XI w. In: Jagodziński M. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie w czasach św. Wójciecha*. Materiały z konferencji, Elbląg, 18—19 września 1997. Elbląg: Elbląskie Towarzystwo Kulturalne, 81—98.
- Chudziak W. 2000. Kształtowanie się podziałów plemiennych w strefie chełmińsko-dobrzyńskiej we wczesnym średniowieczu. *Archeologia Historica Polona* 8, 51—69.
- Comsa M. 1984. Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6.—7. Jahrhundert. In: *Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.—10. Jahrhundert*. Nitra: Arch. Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 63—74.
- Csallány D. 1961. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 u.Z.)*. Archaeologica Hungarica, ser. nov. 38. Budapest: Akademiai Kiado.
- Curta F. 2004. Werner's class I H of "Slavic" bow fibulae revisited. *Archaeologia Bulgarica* 8, 59—78.
- Curta F. 2006. Slavic bow fibulae? Werner's Class I D revisited. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* LVII (4), 423—474.
- Curta F., Dupoi V. 1995. Über die Bügelfibel aus Pietroasele und ihre Verwandten. *Dacia* NS XXXVIII—

- XXXIX, 216—236.
- Dąbrowska E. 1984. Skarb ozdób brązowych z VI—VII w. na stanowisku 62a w Nowej Hucie-Mogile. *Archeologia Polski* XXIX, 351—369.
- Dulinicz M. 1992. Stan i potrzeby badań nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym na Mazowszu (VI—X1 w.). In: Kurnatowska Z. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce*. Wrocław; Warszawa: Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk, 243—261.
- Dulinicz M. 2001. *Kształtowanie się Słowiańszczyzny północno-zachodniej*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Dulinicz M., Moszczyński W.A. 2007. Grody pogranicza nad górą Wkrą — system czy chaos. In: Grążawski K. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie i krzyżackie II*. Wrocław; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 61—88.
- Engel C. 1935. *Aus ostpreußischer Vorzeit*. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag.
- Engel C. 1939. Das jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41—57.
- Engel et al. 2006: Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. 2006. „Sudovia in qua Sudovitae”. The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture. *Archaeologia Lithuana* 7, 194—211.
- Garam É. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Monumenta Avarorum archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; Magyar Tudományos Akadémia Régészeti.
- Godłowski K. 1979. *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V—VII w. n. e.* Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Godłowski K. 1981. Okres wędrówek ludów na Pomorzu. *Pomorania Antiqua* X, 65—129.
- Godłowski K. 1989. Ziemia polskie w okresie wędrówek ludów. *Barbaricum* 1, 12—63.
- Grążawski K. 2009. *Ziemia lubawska na pograniczu słowiańsko-pruskim w VIII—XIII w. Studium nad rozwojem osadnictwa*. Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie.
- Heydeck J. 1895. Das Gräberfeld von Daumen ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst. *Prussia* 19, 41—80.
- Hollack E., Bezenberger A. 1900. Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 161—195.
- Hilberg V. 2003. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. *Archäologisches Nachrichtenblatt* 8 (3), 268—273.
- Hilberg V. 2004. Die westbaltischen Stämme und der überregionale Kulturaustausch in der Ostseeregion zur Merowingerzeit. *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern* 51, 295—319.
- Hilberg V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren* (Daumen und Kellaren, Bd. 2). Schriften des Archäologischen Landesmuseums 9, Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Jagodziński M.F. 1998. Archeologiczne ślady osadnictwa między Wisłą a Pasłęgą we wczesnym średniowieczu. Komentarz do katalogu stanowisk. In: Urbańczyk P. (red.). *Adalbertus. Wyniki badań interdyscyplinarnych*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 159—197.
- Jakobson F. 2009. *Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpreussen*. Daumen und Kellaren 1. Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Jaskanis D. 1999. Relikty kurhanowego cmentarzyska w Ba-
- chanowie w województwie suwalskim. In: Kukawka S. (red.). *Szkice prahistoryczne. Źródła — Metody — Interpretacje*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 249—275.
- Junker H., Wieder H. 2003. Das neue Prussia-Fundarchiv in Berlin. *Archäologische Nachrichtenblatt* 8 (1), 24—40.
- Karczewska M., Karczewski M. 2007. Grodzisko Święta Góra w Staświnach w Krainie Wielkich Jezior Mazurskich. *Archeologia archiwalna i nowa. Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 256 (2), 131—163.
- Katsougiannopoulou Ch. 1999. *Studien zu ost- und südeuropäischen Bügelfibeln*. Bonn: Rheinischen Friedrich Wilhelm Universität.
- Katsougiannopoulou Ch. 2009. The Slavic Bow Brooches in Greece Revisited. Some Remarks on Ethnicity and Social Status. In: Quast D. (ed.). *Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility*. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum 79. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 19—232.
- Kazanski M. 1991. Quelques objets balts trouvés en Gaule, datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Noire. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kiss A. 1977. *Avar Cemeteries in County Baranya*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Kleeman O. 1951. Die Kolbenarmringe in den Beziehungen der Völkerwanderungszeit. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte* 35, 102—143.
- Kobyliński Z., Szymański W. 2005. Pradziejowe i wczesnośredniowieczne osadnictwo w zespole kemów w Haćkach. In: Faliński J., Ber A., Kobyliński Z., Kwiatkowska-Falińska A.J. (red.). *Haćki. Zespół przyrodniczo-archeologiczny na Równinie Bielskiej*. Białowieża; Warszawa: Białowieża Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego, 43—82.
- Kovrig I. 1963. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Kowalski J. 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E). In: *Archeologia Bałtyjska*. Materiały z konferencji. Olsztyn, 24—25 kwietnia 1988 roku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego 67—85.
- Kowalski J. 2000. Chronologia grupy elbąskiej i olsztyńskiej kręgu zachodniobałtyjskiego (V—VII w.). *Barbaricum* 6. Warszawa, 203—248.
- Krzyszowski A. 2010. Rytualne paleniska czy obiekty grobowe (?) z przełomu okresu „późnorzymskiego” i wczesnych faz wczesnego średniowiecza w Wilanowie (stan. 12), gmina Kamieniec w woj. wielkopolskim. *Slavia Antiqua* LI, 165—225.
- Kühn H. 1981. *Die germanische Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit*. T. III. Mitteldeutschland. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.
- Legoux R. 2011. *La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise)*. Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne 24. Vol. 1, 2. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.
- Losert H., Szameit E. 2003. Ein merowingerzeitliches Brandgräberfeld östlichdonauländischer Prägung bei Großprüfening. *Das Archäologische Jahr in Bayern* 2003, 98—101.
- Łowmiański H. 1950. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów. *Przegląd Historyczny* 40, 152—179.
- Łowmiański H. 1973. *Początki Polski. Z dziejów Słowian w pierwszym tysiącleciu n. e.* T. V. Warszawa: Wydaw-

- nictwo Poznańskie.
- Łowmiański H. 1989. *Prusy — Litwa — Krzyżacy*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Miśkiewicz M. 1981. *Mazowsze wschodnie we wczesnym średniowieczu*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Miśkiewicz M. 1982. *Mazowsze płockie we wczesnym średniowieczu*. Płock: Towarzystwo Naukowe Płockie.
- Miśkiewicz M. 1996. *Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy w Niewiadomej w województwie siedleckim*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Miśkiewicz M. 2005. *Wczesnośredniowieczni sąsiedzi Słowian*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego.
- Moszczyński W.A. 1998. Ceramika grupy olsztyńskiej ze stanowiska 2a w Wyszogrodzie w woj. płockim. In: Karczewski M. (red.). *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej. Białystok 14—16 maja 1997*. Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, 292—299.
- Moszczyński W.A. 2003. Rubież słowiańsko-bałtyjska nad Wkrą w VIII—XI wieku na podstawie ceramiki ze stanowisk w Nowym Dworze, Tarczynach i Trzcinie. In: Grądzki K. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie i krzyżackie (I)*. Włocławek; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 83—112.
- Moszczyński W.A. 2004. Naśladownictwo słowiańskiego wtku ornamentacyjnego na ceramice grupy olsztyńskiej z cmentarzyska w Tumianach. In: Kobylński Z. (red.). *Hereditatem Cognoscere. Studia i szkice dedykowane Profesor Marii Miśkiewicz*. Warszawa: Wydział Nauk Historycznych i Społecznych Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego; Państwowe Muzeum Archeologiczne; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 165—168.
- Nowakiewicz T., Wróblewski W. 2003. Ceramika „pruska” i „słowiańska” we wczesnośredniowiecznej Galindii. In: Dulnicz M. (red.). *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. Warszawa; Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 166—181.
- Nowakiewicz T., Wróblewski W. 2010. „Pruzzische” und „Slawische” Keramik im frühmittelalterlichen Galinden. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 505—526.
- Nowakowski W. 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad prądziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. *Barbaricum* 4.
- Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg: Vorgeschiedliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski W. 2000a. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n. Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik. *Archaeologia Baltica* IV, 9—25.
- Nowakowski W. 2000b. Nowe materiały do badań nad znaleziskami importów rzymskich na dawnych ziemiach pruskich. In: Kolendo J., Nowakowski W. (red.). *Antiquitates Prussiae. Studia z archeologii dawnych ziem pruskich*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 207—235.
- Nowakowski W. 2000c. *Die Olsztyn-Gruppe (masurgermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen*. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömischen Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 168—180.
- Nowakowski W. 2004. Schyłek grupy olsztyńskiej — próba nowego spojrzenia. „Nowe” materiały z cmentarzyska w Wólce Prusinowskiej w powiecie mławskim. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 246 (4), 407—417.
- Odoj R. 1968. Wyniki badań na grodzisku z VI—VIII w. n. e. w Pasymiu, pow. Szczecino, a problemy kultury mazurskiej. *Rocznik Olsztyński* VII, 113—150.
- Odoj R. 1970. Dzieje Prusów do czasów krzyżackich. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 107 (1), 51—66.
- Okulicz J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Okulicz J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI—VII w. n. e.). *Pomorania Antiqua* XIII, 103—133.
- Okulicz J. 1989. Próba identyfikacji etnicznej ludów bałtyjskich w połowie pierwszego tysiąclecia naszej ery. *Barbaricum* 1, 64—100.
- Okulicz J. 2000. Dyskusja. In: Kołbusiewicz M., Kurnatowski S. (red.). *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu*. Materiały z konferencji „Dorobek polskiej archeologii i prahistorii ostatniego półwiecza” w Puszczykowie koło Poznania (27—30 października 1997 r.). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 456.
- Okulicz-Kozaryn Ł. 2000. *Dzieje Prusów*. Warszawa: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej.
- Quast D. 2006. *Die Frühhalamannische und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 84. Stuttgart: Theiss.
- Parczewski M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Prace Komisji Archeologicznej Oddziału PAN w Krakowie 27. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Reich Ch. 2003. Die Prussia-Sammlung im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte. Geschichte und Stand der Bearbeitung. In: Nowakowski W., Lemke M. (Hrsg.). *Auf der Suche nach der verlorenen Archäologie*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 109—114.
- Rudnicki M. 2006. Ostrogi z haczykowatymi zaczepami odgiętymi na zewnątrz z obszaru grupy olsztyńskiej w świetle źródeł archiwalnych. Próba nowego spojrzenia. In: Nowakowski W., Szela A. (red.). *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archiwalnych*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 349—362.
- Rudnicki M. 2008. Die Olsztyn-Gruppe (masurgermanische Kultur) — neue Forschungsmöglichkeiten am Beispiel von Studien zu Hakenspielen. *Archäologische Nachrichtenblatt* 13 (1), 44—49.
- Rudnicki M. 2009. Uwagi na temat niektórych form zawieszek z terenów grupy olsztyńskiej. In: Bitner-Wróblewska A., Iwanowska G. (red.). *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam...* Seminarium Bałtyjskie 2. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne 421—436.
- Rudnicki M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej — świadectwo kontaktów ze Słowianami? In: Beljak J., Březinová G., Varsik V. (red.).

- Archeológia barbarov 2009. Archaeologica Slovaca Monographiae. Communicationes X. Nitra: Archeologický ústav SAV v Nitre, 669—686.
- Schmiedehelm M. 1990. Das Gräberfeld Gąsior. *Archaeologia Baltica* IX, 5—126.
- Schmiedehelm M. 2011. *Das Gräberfeld am Jaskowska-See in Masuren Studien zur westmasurischen Kultur der römischen Eisenzeit*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Sikora J. 2009. *Ziemia centralnej Polski we wczesnym średniowieczu. Studium archeologiczno-osadnicze*. (Monografie Instytutu Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 7). Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego.
- Skurpski H. 1973. Muzeum Mazurskie w Olsztynie w latach 1945—1958. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 122 (4), 557—585.
- Sós A. Cs. 1963. Bemerkungen zur Frage der archaischen Nachlasses der awarenzeitlichen Slawen in Ungarn. *Slavia Antiqua* 10, 301—329.
- Szatmári S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* XXXIII, 97—16.
- Szter I. 2010. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich i z okresu wędrówek ludów Kamieniu na Pojezierzu Mazurskim. *Wiadomości archeologiczne* LXI, 200—332.
- Szymański P. 2006. Dwie zapinki z dawnego Rothebude i z Czerwonego Dworu. Kontakty tzw. skupienia gołdapskiego kultury sudowskiej. In: Nowakowski W., Szela A. (red.). *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archiwalnych*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 369—380.
- Szymański W. 1967. *Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI—VII w.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Szymański W. 1968. Niektóre aspekty kontaktów słowiańsko-bałtyjskich w świetle wyników badań w Szeligach, pow. Płock. *Archeologia Polski* 13, 179—210.
- Szymański W. 1983. Beiträge zum Problem der Entstehung von Burgen bei Slaven. *Archeologia Polona* 21—22, 89—104.
- Szymański W. 1987. Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeligach, woj. płockie. *Archeologia Polski* 32, 349—376.
- Szymański W. 2000. Trudne problemy poznawania starszych faz wczesnego średniowiecza. In: Kołbusiewicz M., Kurnatowski S. (red.). *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu*. Materiały z konferencji „Dorobek polskiej archeologii i prahistorii ostatniego półwiecza” w Puszczykowie koło Poznania (27—30 października 1997 r.). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 353—378.
- Szymański W. 2005. Mazowsze na początku wczesnego średniowiecza. In: Dulinicz M. (red.). *Problemy przeszłości Mazowsza i Podlasia*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 173—185.
- Tautavičius A. 1996. *Vidūrinis geležies amžius lietuvoje (V—IX a.)*. Vilnius: Lietuvos pilys.
- Teodor D. Gh. 1992. Fibule „digitate” din secolele V—VII în spațiul carpato-dunăreano-pontic. *Archeologia Moldovei* XV, 119—152.
- Tyszkiewicz J. 1974. *Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Unwerzagt W. 1960. Zur Armbrustsprossenfibel von Prützke, Kr. Brandenburg-Land. *Ausgrabungen und Funde* 5, 145—147.
- Unwerzagt W., Herrmann J. 1958. Das slawische Brandgräberfeld von Prützke. *Funde: Nachrichtenblatt für Vor- und Frühgeschichte* 3, 107—110.
- Vagaliński L. 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M. 6.—7. Jh.). *Zeitschrift für Ethnologie* 28, 261—305.
- Valujev A. 1995. Die Geschichte des Kaliningrader Bestandes der Prussia-Sammlung. In: Adlung P., von Carnap-Bornheim C., Ibsen T., Valujev A. (red.). *Die Prussia Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad*. Schleswig: H.M. Hauschild GmbH 49—111.
- Voß H. U. 1991. Fragment einer baltischen Armbrustsprossenfibel von Seetz, Kr. Perleberg. *Ausgrabungen und Funde* 36, 295—300.
- Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: *Reinecke Festschrift. Zur 75 Geburtstag von Paul Reinecke am 25 September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.
- Wróblewski W. 1996. Czarny Las. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Szestnie, woj. olsztyńskie. In: *Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 227—228.
- Wróblewski W. 2000. Ossa cremata. Obrządek pogrzebowy Galindów we wczesnym średniowieczu w świetle znalezisk na grodzisku w Szestnie-Czarnym Lesie. *Światowit* 43-B, 268—285.
- Wróblewski W. 2006. Ziemia pruskie i jaćwieskie w okresie plemiennym (VII/VIII—XII/XIII wieku). In: Chudziak W., Możdziej S. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce — 15 lat później*. Toruń; Wrocław: Uniwersytet Mikołaja Kopernika; Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 285—309.
- Wróblewski W. 2007. „Wędrujące” pogranicze. Południowa rubież osadnictwa pruskiego w okresie plemiennym (VII/VIII—XII/XIII w.). In: Grążawski K. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie i krzyżackie (II)*. Włocławek; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 39—58.
- Wróblewski W. 2010. The Slavs and the Old Prussians. Poland in the Early Medieval Period. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 185—212.
- Wróblewski W., Bitner-Wróblewska A. 2004. Znad Dniepru czy z Gotlandii? Kontrowersje wokół fibuli z Biskupina. In: Kobyliński Z. (red.). *Hereditatem Cognoscere. Studia i szkice dedykowane Profesor Marii Miśkiewicz*. Warszawa: Wydział Nauk Historycznych i Społecznych Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego; Państwowe Muzeum Archeologiczne; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 145—156.
- Żak J., Maćkowiak-Kotkowska L. 1988. *Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim VI—X wieku. Zachodniobałtyjskie i słowiańskie ostrogi o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

References

- Vergei, V. S. 2005. In *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 487—502 (in Russian).
- Vergei, V. S., Gavritukhin, I. O. 2011. In *Archeologija Belarusi (Archaeology of Belarus)*. Vol. II. Minsk: Beloruskaia Entsiklopedyia imia Petrusia Broŭki, 217—220 (in Russian).
- Yegoreichenko, A. A. 1996. *Drevneishie gorodishcha belorusskogo Poles'ia (VII—VI vv. do n. e. — II v. n. e.) (Earliest Fortified Settlements of Belarussian Polesye (7th—6th cc. BC — 2nd c. AD))*. Minsk (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 1997. In *Etnogenez i etnokul'turnye kontakty slavian (Ethnic Genesis and Ethno-Cultural Contacts of the Slavs)*. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkeologii (Proceedings of VI International Congress of Slavic Archaeology) 3. Moscow: Fond arkeologii, 39—52 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 1997. In *Historichna-arkheologichny zbornik (Historico-archaeological compilation)* 12, 44—58 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* 49, 7—25 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. 1996. *Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst (Gaponovskii Hoard and Its Cultural-Historical Context)*. Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 3. Moscow: Institut arkeologii RAN (in Russian).
- Goriunova, V. M. 1992. In *Arkeologicheskie vesti (Archaeological news)* 1, 126—140 (in Russian).
- Kulakov, V. I. 1989. In *Barbaricum* 1, 248—275 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2007. In *Pamiatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III — nachalo V v. n. e.) (Sites of Kiev Culture in the Forest-Steppe Zone of Russia (3rd — early 5th c. AD))*. Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 10. Moscow: Institut arkeologii RAN, 45—53 (in Russian).
- Prikladniuk, O. M. 1991. In *Slaviane Iugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period (Slavs of the South-Eastern Europe in Pre-State Period)*. Kiev: Naukova dumka, 209—218 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1970. *Slaviane Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia (Slavs of the Upper Dnieper and Dvina Area)*. Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 163. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedov, V. V. 1978. In *Problemy sovetskoi arkeologii (Issues of Soviet Archaeology)*. Moscow: Nauka, 164—173 (in Russian).
- Skvorzov, K. H. 2010. *Mogil'nik Mitino V—XIV vv. (Kaliningradskaiia oblast'). Po rezul'tatam issledovaniia 2008 g. (Mitino Graveyard of 5th—14th cc. (Kaliningrad Oblast). By results of 2008 studies)*. Materialy okhrannykh arkeologicheskikh issledovaniia (Materials of Rescue Archaeological Studies) 15. Moscow: Institut arkeologii RAN (in Russian).
- Terpilovskii, R. V. 2005. In *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 387—402.
- Antoniewicz, J. 1952. Rec.: E. Šturms. Die ethnische Deutung der masurgermanischen Kultur, Contributions of Baltic University, Pinneberg, nr 31, 1947. *Sprawozdania Państwowego Muzeum Archeologicznego* IV (3—4), 215—220.
- Antoniewicz, J. 1955. Niektóre dowody kontaktów polsko-pruskich we wczesnym średniowieczu w świetle źródeł archeologicznych. *Wiadomości Archeologiczne* XX (III—IV), 233—277.
- Antoniewicz, J. 1975. Problem substratu bałtyjskiego na północnym Mazowszu. In: Kempisty A., Kozłowski S.K. (red.). *Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 31—32.
- Antoniewicz, J., Okulicz, J. 1958. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w latach 1951—1954 w Jeziorze, pow. Giżycko. *Materiały Starożytne* III, 7—69.
- Bálint, C. 1989. *Die Archäologie der Steppe*. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis 10. Jahrhundert. Wien; Köln: Böhlau Verlag.
- Banyté-Rowell, R. 1999. Baitu kapinyo dwieju kapu chronologijos klausimu. *Archaeologia Lithuana* 1, 63—71.
- Banyté-Rowell, R. 2000. Characteristics of the end of the Roman Period according material from Baitai grave site (near Klaipėda). *Archaeologia Baltica* IV, 27—44.
- Bemmann, J. 2008. Mitteleuropa im 5. Jahrhundert — Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donauraum? In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28 Februar 2008. Bonn: Deutsches Archäologisches Institut; Römisch-Germanische Kommission, 145—228.
- Bezzenberger, A. 1882. Gräberfeld von Schemen, Kr. Memel. *Prussia* 17, 141—168.
- Bitner-Wróblewska, A. 1998. Suwalszczyzna w okresie wędrówek ludów. In: Karczewski, M. (red.). *Ceramika zachodnio-bałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej*. Materiały z konferencji — Białystok 14—16 maja 1997. Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, 305—317.
- Bitner-Wróblewska, A. 2004. Suwalscy „pacyfiści”. Wpływ Gotów na obrządek pogrzebowy mieszkańców Suwalszczyzny w okresie wędrówek ludów? *Monumenta Studia Gothica* IV, 33—42.
- Bitner-Wróblewska, A. (red.). 2008. *Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia Museum*. Aestiorum Hereditas 1. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie.
- Bitner-Wróblewska, A., Rzeszotarska-Nowakiewicz, A., Nowakiewicz, T. 2010. Katalog. In: Nowakiewicz, T. (red.). *Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona*. Aestiorum Hereditas II. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego, 60—511.
- Bierbrauer, V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo.
- Bliujienė, A. 2001. Baltų zoomorfinis stilius. *Lietuvos Archeologija* 21, 205—223.
- Bliujienė, A. 2003. A microregion between Šilutė-Priekulė and Švėkšna in western Lithuania or alternatively the Lamata land according to archaeological data. *Archaeologia Lithuana* 4, 122—135.
- Bujack, G. 1880. Ostpreussen. Königsberg. Museum der Alterthums-Gesellschaft Prussia. In: Voss A. (Hrsg.). *Katalog der Ausstellung Prähistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands*. Berlin: C. Berg & v. Holten, 428—452.
- Carnap-Bornheim, C. von, Ibsen, T., Valujev, A. 2005. Katalog. In: Adlung, P., von Carnap-Bornheim, C., Ibsen, T., Valujev, A. (red.). *Die Prussia Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad*. Schleswig: H.M. Hauschild GmbH, 49—111.
- Chudziak, W. 1990. Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem na ziemi chełmińskiej i dobrzyńskiej. In: Kuratowska, Z. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce*. Materiały z konferencji, Poznań 14—16 grudnia 1987 roku. Poznań; Wrocław; Warszawa: Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk, 85—96.
- Chudziak, W. 1991. *Periodyzacja rozwoju wczesnośredniowiecznej ceramiki z dorzecza dolnej Drwęcą (VII—XI/XII w.)*. Toruń: Towarzystwo Krzewienia Świadomości Historycznej „Civita”.
- Chudziak, W. 1997. Ze studiów nad pograniczem słowiańsko-bałtyjskim we wczesnym średniowieczu. Problem przynależności kulturowej Pomezanii w IX—XI w. In: Jagodziński, M. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie w czasach św. Wojciecha*. Materiały z konferencji, Elbląg, 18—19 września 1997. Elbląg: Elbląskie Towarzystwo Kulturalne, 81—98.
- Chudziak, W. 2000. Kształtowanie się podziałów plemiennych w strefie chełmińsko-dobrzyńskiej we wczesnym średniowieczu. *Archaeologia Historica Polona* 8, 51—69.
- Comsa, M. 1984. Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6.—7. Jahrhundert. In: *Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.—10. Jahrhundert*. Nitra: Arch. Institut der Slowaki-

- schen Akademie der Wissenschaften, 63—74.
- Csallány, D. 1961. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteleldonaubecken (454—568 u. Z.)*. Archaeologica Hungarica, ser. nov. 38. Budapest: Akadémiai Kiado.
- Curta, F. 2004. Werner's class I H of "Slavic" bow fibulae revisited. *Archaeologia Bulgarica* 8, 59—78.
- Curta, F. 2006. Slavic bow fibulae? Werner's Class I D revisited. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* LVII (4), 423—474.
- Curta, F., Dupoi, V. 1995. Über die Bügelfibel aus Pietroasele und ihre Verwandten. *Dacia* NS XXXVIII—XXXIX, 216—236.
- Dąbrowska, E. 1984. Skarb ozdób brązowych z VI—VII w. na stanowisku 62a w Nowej Hucie-Mogile. *Archeologia Polski* XXIX, 351—369.
- Dulinicz, M. 1992. Stan i potrzeby badań nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym na Mazowszu (VI—XI w.). In: Kuratowska Z. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce*. Wrocław; Warszawa: Poznańskie товариство przyjaciół nauk, 243—261.
- Dulinicz, M. 2001. *Kształtowanie się Słowiańszczyzny północno-zachodniej*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Dulinicz, M., Moszczyński, W.A. 2007. Grody pogranicza nad górą Wkrą — system czy chaos. In: Grążawski, K. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie i krzyżackie II*. Włocławek; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 61—88.
- Engel, C. 1935. *Aus ostpreußischer Vorzeit*. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag.
- Engel, C. 1939. Das jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41—57.
- Engel, M., Iwanicki, P., Rzeszotarska-Nowakiewicz, A. 2006. „Sudovia in qua Sudovitae“. The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture. *Archaeologia Lithuana* 7, 194—211.
- Garam, É. 2001. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Monumenta Avarorum archaeologica 5. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; Magyar Tudományos Akadémia Régészeti.
- Godłowski, K. 1979. *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V—VII w.n.e*. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Godłowski, K. 1981. Okres wędrówek ludów na Pomorzu. *Pomoriana Antiqua* X, 65—129.
- Godłowski, K. 1989. Ziemie polskie w okresie wędrówek ludów. *Barbaricum* 1, 12—63.
- Grążawski, K. 2009. *Ziemia lubawska na pograniczu słowiańsko-pruskim w VIII—XIII w. Studium nad rozwojem osadnictwa*. Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie.
- Heydeck, J. 1895. Das Gräberfeld von Daumen ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst. *Prussia* 19, 41—80.
- Hollack, E., Bezzenberger, A. 1900. Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 161—195.
- Hilberg, V. 2003. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. *Archäologisches Nachrichtenblatt* 8 (3), 268—273.
- Hilberg, V. 2004. Die westbaltischen Stämme und der überregionale Kulturaustausch in der Ostseeregion zur Merowingerzeit. *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern* 51, 295—319.
- Hilberg, V. 2009. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren* (Daumen und Kellaren, Bd. 2). Schriften des Archäologischen Landesmuseums 9, Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Jagodziński, M.F. 1998. Archeologiczne ślady osadnictwa między Wisłą a Pasłęką we wczesnym średniowieczu. Komentarz do katalogu stanowisk. In: Urbańczyk, P. (red.). *Adalbertus. Wyniki badań interdyscyplinarnych*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 159—197.
- Jakobson, F. 2009. *Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpreussen*. Daumen und Kellaren 1. Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Jaskanis, D. 1999. Relikty kurhanowego cmentarzyska w Bachanowie w województwie suwalskim. In: Kukawka S. (red.). *Szkice prahistoryczne. Źródła — Metody — Interpretacje*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 249—275.
- Junker, H., Wieder, H. 2003. Das neue Prussia-Fundarchiv in Berlin. *Archäologische Nachrichtenblatt* 8 (1), 24—40.
- Karczewska, M., Karczewski, M. 2007. Grodzisko Święta Góra w Staświnach w Krainie Wielkich Jezior Mazurskich. *Archeologia archiwalna i nowa. Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 256 (2), 131—163.
- Katsougiannopoulou, Ch. 1999. *Studien zu ost- und südeuropäischen Bügelfibeln*. Bonn: Rheinischen Friedrich Wilhelm Universität.
- Katsougiannopoulou, Ch. 2009. The Slavic Bow Brooches in Greece Revisited. Some Remarks on Ethnicity and Social Status. In: Quast D. (ed.). *Foreigners in Early Medieval Europe. Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility*. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum 79. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 19—232.
- Kazanski, M. 1991. Quelques objets balts trouvés en Gaule, datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Noire. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kiss, A. 1977. *Avar Cemeteries in County Baranya*. Budapest: Akadémiai Kiado.
- Kleeman, O. 1951. Die Kolbenarmringe in den Beziehungen der Völkerwanderungszeit. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte* 35, 102—143.
- Kobyliński, Z., Szymański, W. 2005. Pradziejowe i wczesnośredniowieczne osadnictwo w zespole kemów w Haćkach. In: Faliński, J., Ber, A., Kobyliński, Z., Kwiatkowska-Falińska A. J. (red.). *Haćki. Zespół przyrodniczo-archeologiczny na Równinie Bielskiej*. Białowieża; Warszawa: Białowieńska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego, 43—82.
- Kovrig, I. 1963. *Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán*. Budapest: Akadémiai Kiado.
- Kowalski, J. 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E). In: *Archeologia Bałtyjska*. Materiały z konferencji. Olsztyn, 24—25 kwiecień 1988 roku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego 67—85.
- Kowalski, J. 2000. Chronologia grupy elbąskiej i olsztyńskiej kregu zachodniobałtyjskiego (V—VII w.). *Barbaricum* 6. Warszawa, 203—248.
- Krzyszowski, A. 2010. Rytualne paleniska czy obiekty grobowe (?) z przełomu okresu „późnorzymskiego” i wczesnych faz wczesnego średniowiecza w Wilanowie (stan. 12), gmina Kamieniec w woj. wielkopolskim. *Slavia Antiqua* LI, 165—225.
- Kühn, H. 1981. *Die germanische Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit*. T. III. Mitteldeutschland. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.
- Legoux, R. 2011. *La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise)*. Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne 24. Vol. 1, 2. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.
- Losert, H., Szameit, E. 2003. Ein merowingerzeitliches Brandgräberfeld östlichdonauländischer Prägung bei Großprüfening. *Das Archäologische Jahr in Bayern* 2003, 98—101.
- Łowmiański, H. 1950. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów. *Przegląd Historyczny* 40, 152—179.
- Łowmiański, H. 1973. *Początki Polski. Z dziejów Słowian w pierwszym tysiącleciu n.e*. T.V. Warszawa: Wydawnictwo Poznańskie.
- Łowmiański, H. 1989. *Prusy — Litwa — Krzyżacy*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Miśkiewicz, M. 1981. *Mazowsze wschodnie we wczesnym średniowieczu*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Miśkiewicz, M. 1982. *Mazowsze płockie we wczesnym średniowieczu*. Płock: Towarzystwo Naukowe Płockie.
- Miśkiewicz, M. 1996. *Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy w Niewiadomej w województwie siedleckim*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Miśkiewicz, M. 2005. *Wczesnośredniowieczni sąsiedzi Słowian*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefa-

- na Wyszyńskiego.
- Moszczyński, W.A. 1998. Ceramika grupy olsztyńskiej ze stanowiska 2a w Wyszogrodzie w woj. plockim. In: Karczewski M. (red.). *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej. Białystok 14–16 maja 1997*. Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, 292–299.
- Moszczyński, W.A. 2003. Rubież słowiańsko-bałtyjska nad Wkrą w VIII–XI wieku na podstawie ceramiki ze stanowisk w Nowym Dworze, Tarczynie i Trzcinie. In: Grądzki K. (red.). *Pogranicze polsko-pruskie i krzyżackie (I)*. Włocławek; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 83–112.
- Moszczyński, W.A. 2004. Naśladownictwo słowiańskiego wtku ornamentacyjnego na ceramice grupy olsztyńskiej z cmentarzyska w Tumianach. In: Kobyliński Z. (red.). *Hereditatem Cognoscere. Studia i szkice dedykowane Profesor Marii Miśkiewicz*. Warszawa: Wydział Nauk Historycznych i Społecznych Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego; Państwowe Muzeum Archeologiczne; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 165–168.
- Nowakiewicz, T., Wróblewski, W. 2003. Ceramika „pruska” i „słowiańska” we wczesnośredniowiecznej Galindii. In: Dulinić M. (red.). *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. Warszawa; Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 166–181.
- Nowakiewicz, T., Wróblewski, W. 2010. „Pruzzische” und „Slawische” Keramik im frühmittelalterlichen Galinden. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 505–526.
- Nowakowski, W. 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. *Barbaricum* 4.
- Nowakowski, W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski, W. 2000. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n. Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik. *Archaeologia Baltica* IV, 9–25.
- Nowakowski, W. 2000. Nowe materiały do badań nad znaleziskami importów rzymskich na dawnych ziemiach pruskich. In: Kolendo J., Nowakowski W. (red.). *Antiquitates Prussiae. Studia z archeologii dawnych ziem pruskich*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 207–235.
- Nowakowski, W. 2000. *Die Olsztyn-Gruppe (masurermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen*. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömischen Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź; Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 168–180.
- Nowakowski, W. 2004. Schyłek grupy olsztyńskiej — próba nowego spojrzenia. „Nowe” materiały z cmentarzyska w Wólce Prusinowskiej w powiecie mławowskim. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 246 (4), 407–417.
- Odoj, R. 1968. Wyniki badań na grodzisku z VI–VIII w.n.e. w Pasymiu, pow. Szczytno, a problemy kultury mazurskiej. *Rocznik Olsztyński* VII, 113–150.
- Odoj, R. 1970. Dzieje Prusów do czasów krzyżackich. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 107 (1), 51–66.
- Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Okulicz, J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI–VII w.n.e.). *Pomorania Antiqua* XIII, 103–133.
- Okulicz, J. 1989. Próba identyfikacji etnicznej ludów bałtyjskich w połowie pierwszego tysiąclecia naszej ery. *Barbaricum* 1, 64–100.
- Okulicz, J. 2000. Dyskusja. In: Kolbusiewicz M., Kurnatowski S. (red.). *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu*. Materiały z konferencji „Dorobek polskiej archeologii i prahistorii ostatniego półwiecza” w Puszczykowie koło Poznania (27–30 października 1997 r.). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 456.
- Okulicz-Kozaryn, Ł. 2000. *Dzieje Prusów*. Warszawa: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej.
- Quast, D. 2006. *Die Frühalamannische und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 84. Stuttgart: Theiss.
- Parczewski, M. 1988. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Prace Komisji Archeologicznej Oddziału PAN w Krakowie 27. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Reich, Ch. 2003. Die Prussia-Sammlung im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte. Geschichte und Stand der Bearbeitung. In: Nowakowski W., Lemke M. (Hrsg.). *Auf der Suche nach der verlorenen Archäologie*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 109–114.
- Rudnicki, M. 2006. Ostrogi z haczykowatymi zaczepami odgiętymi na zewnątrz z obszaru grupy olsztyńskiej w świetle źródeł archiwalnych. Próba nowego spojrzenia. In: Nowakowski W., Szela A. (red.). *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archiwalnych*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 349–362.
- Rudnicki, M. 2008. Die Olsztyn-Gruppe (masurermanische Kultur) — neue Forschungsmöglichkeiten am Beispiel von Studien zu Hakensporen. *Archäologische Nachrichtenblatt* 13 (1), 44–49.
- Rudnicki, M. 2009. Uwagi na temat niektórych form zawieszek z terenów grupy olsztyńskiej. In: Bitner-Wróblewska A., Iwanowska G. (red.). *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam...* Seminarium Bałtyjskie 2. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne 421–436.
- Rudnicki, M. 2010. Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej — świadectwo kontaktów ze Słowianami? In: Beljak J., Březinová G., Varsik V. (red.). *Archeológia barbarov 2009*. Archaeologica Slovaca Monographiae. Communicationes X. Nitra: Archeologický ústav SAV v Nitre, 669–686.
- Schmiedehelm, M. 1990. Das Gräberfeld Gąsior. *Archaeologia Baltica* IX, 5–126.
- Schmiedehelm, M. 2011. *Das Gräberfeld am Jaskowska-See in Masurischen Studien zur westmasurischen Kultur der römischen Eisenzeit*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Sikora, J. 2009. *Ziemia centralnej Polski we wczesnym średniowieczu. Studium archeologiczno-osadnicze*. (Monografie Instytutu Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 7). Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego.
- Skurpski, H. 1973. Muzeum Mazurskie w Olsztynie w latach 1945–1958. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 122 (4), 557–585.
- Sós, A. Cs. 1963. Bemerkungen zur Frage der archäologischen Nachlasses der awarenzeitlichen Slawen in Ungarn. *Slavia Antiqua* 10, 301–329.
- Szatmári, S. 1980. Das Gräberfeld von Oroszlány und seine Stelle in der frühawarenzeitlichen Metallkunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* XXXIII, 97–16.
- Szter, I. 2010. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich i z okresu wędrówek ludów Kamienia na Pojezierzu Mazurskim. *Wiadomości archeologiczne* LXI, 200–332.
- Szymański, P. 2006. Dwie zapinki z dawnego Rothebude i z Czerwonego Dworu. Kontakty tzw. skupienia góldapskiego kultury sudowskiej. In: Nowakowski W., Szela A. (red.). *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archiwalnych*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 369–380.
- Szymański, W. 1967. *Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI–VII w.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Szymański, W. 1968. Niektóre aspekty kontaktów słowiańsko-bałtyjskich w świetle wyników badań w Szeligach, pow. Płock. *Archeologia Polski* 13, 179–210.

№5. 2014

- Szymański, W. 1983. Beiträge zum Problem der Entstehung von Burgen bei Slaven. *Archeologia Polona* 21—22, 89—104.
- Szymański, W. 1987. Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeli-gach, woj. płockie. *Archeologia Polski* 32, 349—376.
- Szymański, W. 2000. Trudne problemy poznawania starszych faz wczesnego średniowiecza. In: Kołbusiewicz M., Kur-natowski S. (red.). *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu*. Materiały z konferencji „Dorobek polskiej archeologii i prahistorii ostatniego półwiecza” w Puszczykowie koło Poznania (27—30 października 1997 r.). Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzy-stwa Przyjaciół Nauk, 353—378.
- Szymański, W. 2005. Mazowsze na początku wczesnego średnio-wieczu. In: Dulinicz M. (red.). *Problemy przeszłości Ma-zowsza i Podlasia*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etno-logii PAN, 173—185.
- Tautavičius, A. 1996. *Vidurinis geležies amžius lietuvoje (V—IX a.)*. Vilnius: Lietuvos pilys.
- Teodor, D. Gh. 1992. Fibule „digitate” din secolele V—VII în spa-tiul carpato-dunăreano-pontic. *Archeologia Moldovei* XV, 119—152.
- Tyszkiewicz, J. 1974. *Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Nau-kowe.
- Unwerzagt, W. 1960. Zur Armbrustsprossenfibel von Prützke, Kr. Brandenburg-Land. *Ausgrabungen und Funde* 5, 145—147.
- Unverzagt, W., Herrmann, J. 1958. Das slawische Brandgräberfeld von Prützke. *Funde: Nachrichtenblatt für Vor- und Früh-geschichte* 3, 107—110.
- Vagaliński, L. 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M. 6.—7. Jh.). *Zeitschrift für Ethnolo-gie* 28, 261—305.
- Valujev, A. 1995. Die Geschichte des Kaliningrader Bestandes der Prussia-Sammlung. In: Adlung, P., von Carnap-Bornheim, C., Ibsen, T., Valujev, A. (red.). *Die Prussia Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad*. Schleswig: H.M. Hauschild GmbH 49—111.
- Voß, H.U. 1991. Fragment einer baltischen Armbrustsprossenfibel von Seetz, Kr. Perleberg. *Ausgrabungen und Funde* 36, 295—300.
- Werner, J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: *Rei-necke Festschrift. Zur 75 Geburtstag von Paul Reinecke am 25 September 1947*. Mainz: E. Schneider, 150—172.
- Wróblewski, W. 1996. Czarny Las. Wczesnośredniowieczne gro-dzisko w Szestnie, woj. olsztyńskie. In: *Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdzie-siątą piątą rocznicę urodzin*. Warszawa: Instytut Archeolo-gii Uniwersytetu Warszawskiego, 227—228.
- Wróblewski, W. 2000. Ossa cremata. Obrządek pogrzebowy Ga-lindów we wczesnym średniowieczu w świetle znalezisk na grodzisku w Szestnie-Czarnym Lesie. *Światowit* 43-B, 268—285.
- Wróblewski, W. 2006. Ziemie pruskie i jaćwieskie w okresie ple-miennym (VII/VIII—XII/XIII wieku). In: Chudziak W., Moździoch S. (red.). *Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce — 15 lat później*. Toruń: Wroc-ław: Uniwersytet Mikołaja Kopernika; Instytut Archeolo-gii i Etnologii PAN, 285—309.
- Wróblewski, W. 2007. „Wędrujące” pogranicze. Południowa rubież osadnictwa pruskiego w okresie plemiennym (VII/VIII—XII/XIII w.). In: Grażawski K. (red.). *Pograni-cze polsko-pruskie i krzyżackie (II)*. Włocławek; Brodnica: Włocławskie Towarzystwo Naukowe, 39—58.
- Wróblewski, W. 2010. The Slavs and the Old Prussians. Poland in the Early Medieval Period. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muze-um Archeologiczne, 185—212.
- Wróblewski, W., Bitner-Wróblewska, A. 2004. Znad Dniepru czy z Gotlandii? Kontrowersje wokół fibuli z Biskupina. In: Kobyliński Z. (red.). *Hereditatem Cognoscere. Studia i szkice dedykowane Profesor Marii Miśkiewicz*. Warszawa: Wydział Nauk Historycznych i Społecznych Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego; Państwowe Muzeum Archeologiczne; Instytut Archeologii Uniwersytetu War-szawskiego, 145—156.
- Żak, J., Maćkowiak-Kotkowska, L. 1988. *Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim VI—X wieku. Zachodniobałtyjskie i słowiańskie ostrogi o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

Статья поступила в номер 10 февраля 2014 г.

Miroslaw Rudnicki (Łódź, Poland). Doctor of Sciences. University of Łódź¹.

Miroslaw Rudnicki (Łódź, Polonia). Doctor în științe. Universitatea din Łódź.

Рудницкий Мирослав (Лодзь, Польша). Доктор наук. Университет г. Лодзь.

E-mail: mirekrudnicki@wp.pl.

Address: ¹ Uniwersytecka St., 3, Łódź, 90-137, Poland

М. М. Казанский

Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте

Keywords: North-West of Russia, cemetery Dolozhsky pogost, Migrations, Balts, bits.

Cuvinte cheie: Rusia de nord-vest, necropola Dolojski pogost, migrații, balți, zăbale.

Ключевые слова: Северо-Запад России, могильник Доложский погост, переселение народов, балты, удила.

M. M. Kazanski

Bits of Great Migration Period from Dolozhsky Pogost

Barrow burial cremation 45 from Dolozhsky pogost (cemetery) in the western part of the Leningrad Region contained a set of military equipment, dated back to 5th — early 6th centuries. It includes a three-part bits with decoration in the form of cuts on the annular cheek-pieces. Such bits are most typical for the cultures of Balt circle in Lithuania and East Prussia. Discovery of these bits in a burial in the North-West of Russia apparently reflects military contacts with the Balts and possibly advance of some Baltic military groups deep in to the forest zone of Eastern Europe.

M. M. Kazanski

Zăbale din epoca migrațiilor dintr-un mormânt al necropolei Dolojski Pogost

Mormântul tumular de incinerare nr. 45 din necropola Dolojski Pogost, pe cursul de mijloc al r. Luga, în vestul regiunii Leningrad, conținea o garnitură a unui războinic, datată timpuriu în sec. V — sec. VI timpuriu. Din această garnitură fac parte zăbale tripartite cu decor incizat pe psaliile terminale. Piese de acest tip sunt caracteristice pentru culturile cercului baltic pe teritoriul Lituaniei și Prusiei de est. Descoperirea lor într-un mormânt din Rusia de nord-est, probabil, reflectă contactele militare cu balticii și, probabil, pătrunderea unor grupuri militare ale balticilor în interiorul zonei de pădure a Europei de est.

М. М. Казанский

Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте

Подкурганное погребение-кремация 45 в могильнике Доложский погост, в среднем течении р. Луга, в западной части Ленинградской области, содержало набор воинского снаряжения, датированного V — ранним VI вв. В его состав входят трехчастные удила с декором в виде насечек на кольцевых псалиях. Подобные удила наиболее характерны для культур балтского круга на территории Литвы и Восточной Пруссии. Их находка в погребении на Северо-Западе России, видимо, отражает воинские контакты с балтами и, возможно, продвижение каких-то балтских военизированных групп вглубь лесной зоны Восточной Европы.

Изучение археологических памятников северо-западной России всегда было приоритетным в исследованиях моего друга Юрия Лесмана. В центре его внимания находились вопросы формирования раннесредневекового населения Северо-Запада, и особенно роль различных этнических и культурных компонентов в истории Северной Руси. Такую направленность научных интересов задал нам в уже далекие 1970-е годы один из наших учителей, Глеб Сергеевич Лебедев. Многие изменения с тех пор в археологии этого региона: проведены широкие раскопки раннесредневековых памятников, которые сейчас в своем большинстве еще ждут публикации, выявлены характерные древности предшествующего

римского времени, уточнена, в значительной степени благодаря работам Юрия Лесмана, археологическая хронология региона, изменилось прямолинейное отношение к этнокультурной атрибуции археологического материала. Однако наши знания об эпохе Великого переселения народов и о меровингском времени¹ на территории Северо-Запада, к северу от зоны культуры псковских длинных курганов, по-прежнему остаются очень

¹ Представляется, что этот условный термин, принятый финскими археологами, можно распространить и на территории к югу от Финского залива, поскольку выявленный здесь материал начала средневековья напоминает финский.

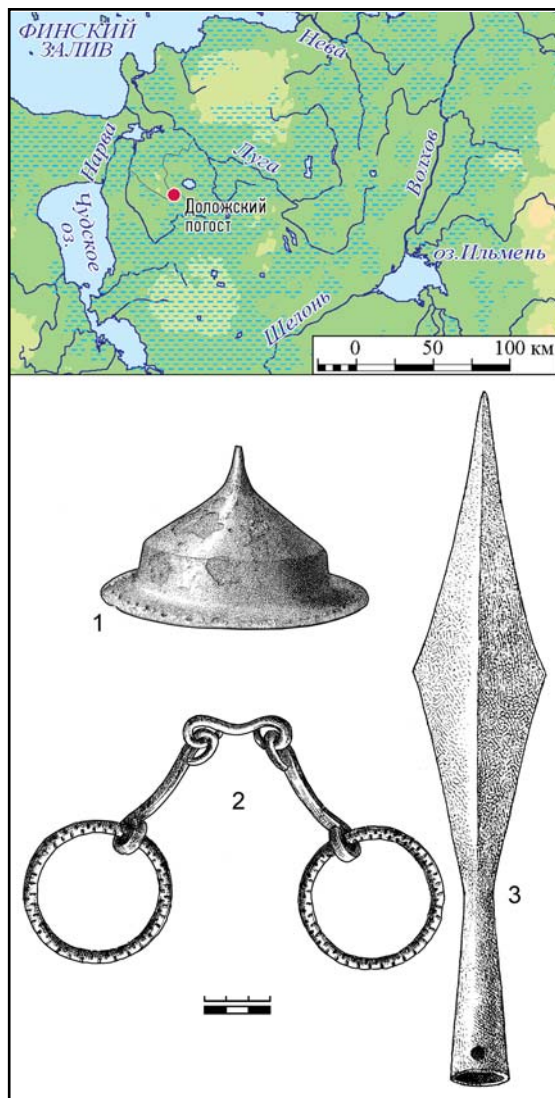

Рис. 1. Находки в кургане 45 могильника Доложский погост (по Бехтер 2010: рис. 1).

Fig. 1. Finds from barrow 45 of the cemetery Dolozhskiy pogost (after Бехтер 2010: рис. 1).

ограниченными — в научный оборот введены лишь немногие находки (Михайлова, Федоров 2011; Стасюк 2012; 2013). Поэтому обращение к материалам конца римского времени и начала средневековья, обнаруженным на территории современной Ленинградской области, мне представляется актуальным.

Особый интерес представляет погребение в Доложском погосте (Заручье) (рис. 1), в бассейне среднего течения р. Луга (Спицын 1896: 5, 109, табл. 18: 16; Бехтер 2010). Это необычное для Северо-Запада России погребение-кремация содержало набор оружия, типичный для балтов сувалкской группы — умбон щита, копье, а также удила с насечками (рис. 1: 2). Погребение по обряду кремации под курганом также обычно для

балтских памятников конца античности и начала средневековья. По набору инвентаря захоронение может быть датировано эпохой переселения народов — V или ранним VI вв. (Kazanski 1991: 8; Казанский 1999: 409—411, рис. 6: 1; 2008: 308, рис. 5: 1—3). В свете этих параллелей интересно еще раз обратиться к удилам, найденным в этом погребении. Их конструкция и декор имеют параллели в первую очередь в культурах балтского круга.

Удила из Доложского погоста (рис. 1: 2) имеют две прямоугольные в сечении штанги-грызла, округлое в сечении, насколько можно судить по имеющейся публикации, центральное звено-трэнзель и кольчатые округлые в сечении псалии.

В Северной Европе трехчастные удила с кольцевыми псалиями в целом соответствуют форме 1C2a по типологии М. Орзнеса и существуют с поздне римского времени до эпохи викингов (Ørtnes 1993: 190, 191). Для Восточной Европы они идентифицированы С. Ю. Каргопольцевым как балтские по происхождению (Каргопольцев 1994: 76). На Северо-Западе России удила подобной конструкции, помимо Доложского погоста, известны на поселении т.н. удомельского типа в Юрьевской Горке, в бассейне Мсты (Исланова 1997: рис. 79: 8). В лесной зоне России трехчастные удила также представлены в Верхнем Поднепровье, на памятниках тушемлинской культуры (Близнаки, возможно, Демидовка: Шмидт 2003: табл. 6: 1, 7), и на Верхней Волге, в погребениях культуры длинных курганов (Гридино-2) (Исланова 2012: 28, 42, рис. 80: 4)², а в несколько более позднее время, VIII—IX вв., — на поселении Бережок в Удомельском поозерье (Исланова 1997: 83, рис. 140:10). У прибалтийских финнов близкие удила засвидетельствованы для интересующего нас времени в Финляндии (Hackman 1905: Abb. 15: 2; Kivikoski 1973: Taf. 42: 387, 70: 632), в Северной и Западной Эстонии (Aspelin 1884: 330: 1744; Mandel 1995: Abb. 12: 11; Mandel 2003: Tah. II; III), а также у прибалтийско-финского населения на территории Латвии (Stubavs 1976: XI: 4 tab.).

Но лучше всего такие удила представлены на территории, занятой в эпоху переселе-

² Не исключено, что к числу трехчастных относятся и удила с селища Подол-3, также в бассейне Верхней Волги (Исланова 2012: рис. 124: 1), поскольку они имеют грызла разной длины. Однако, оформление окончания одного из грызл свидетельствует, скорее, о том, что мы имеем дело всё-таки с двухчастными удилами (Исланова 2012: 42).

ния народов и в начале средневековья балтами. Для V—VII вв. имеются многочисленные находки в Литве (см. напр. Kulikauskas, Kulikauskene, Tautavičius 1961: 204, 1 pav.; Tautavičius 1979: 40: 5 pav.; Vaškevičute 1987: 3: 3 pav.; Kazakevičius 1993: 80, 131: 8 pav.; Bertasius 2005: Taf. CLXVI: 2; Michelbertas 2005: 7: i pav., 2 pav.; The Curonians... 2009: 58, №204; 78—80, №299; 82—84, №321), в Латвии (напр. Graudonis 1974: 31: 2, 37: 1 att.), в латвийско-белорусском пограничье (Прудники: Шадыро 2001: рис. 8: 1; Шадыра 2006: табл. 15: 37). Существуют такие удила в Юго-Восточной Прибалтике и позднее, вплоть до XII—XIV вв. (Скворцов 2010: 156, 157).

Трехчастные удила также хорошо известны у западных балтов конца позднеримского времени и начала средневековья на территории Восточной Пруссии. Они представлены часто большими сериями, например, на могильниках самбийско-натангской культуры, таких как Митино, Зопфен (Zophen)/Суворово, Айслитен (Eisliethen)/Геройское-5 (Скворцов 2010: 155—159). Известны они и в могильниках Тенген (Tengen) (Berendt 1873: Taf. I: 3b) и Хохшнакайнен (Hochschnakenen) (Erlich 1939: Abb. 8a)³, а также в недавно раскопанном могильнике Заостровье-1⁴. Интересно, что при этом они отсутствуют на могильнике Доллькайм (Dollkeim)/Коврово, раскопанном большой площадью и содержащем немало погребений интересующей нас эпохи (Кулаков 1990: табл. 3: 21). Подобные удила также имеются в могильниках эльблонгской группы (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: pl. LI: 1; LXV: 2; LXVI: 2; LVIII: 4; LXXIII: 2; LXXIX: 1; LXXXI: 15; LXXXVII: 4; XCIV: 3; C: 1; CI: 1; CV: 13, 14; Скворцов 2010: 155—159).

Для эпохи переселения народов и начала средневековья трехчастные удила также представлены в Дании и материковой Швеции, а также на Готланде (см., напр., Tillväxten... 1907: fig. 97), при этом центральное звено представляет собой сравнительно небольшое кольцо или прямоугольную рамку (Ørsnes 1988: Taf. 182: 1, 2; 183: 1, 2; 1993: 245—247,

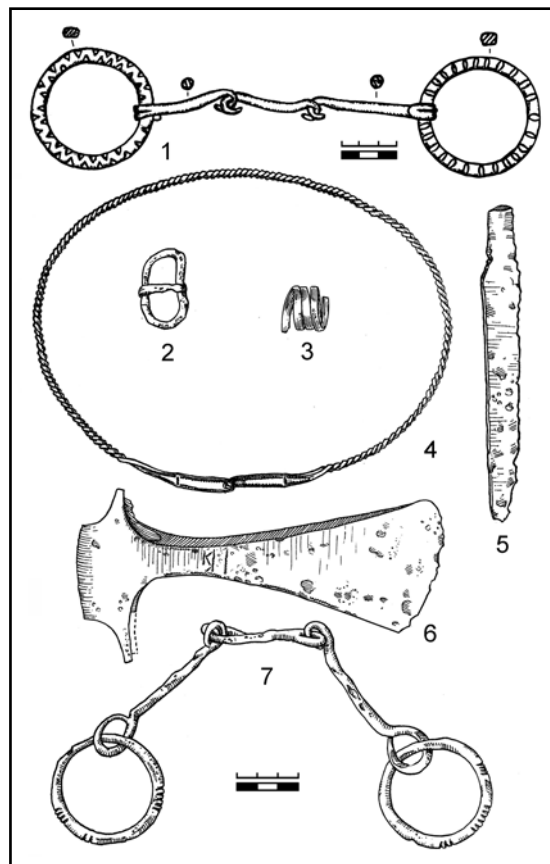

Рис. 2. Находки трехчастных удили с декорированными кольцевыми псалями. 1 — Зопфен/Суворово, погр. 66 (по Heym 1938: Abb. 108); 2—7 — Таурапилас, погр. 6 (по Tautavičius 1979: 40 pav.).

Fig. 2. Finds of three-part bits with decoration on the annular cheek-pieces. 1 — Zophen/Suvorovo, tomb 66 (after Heym 1938: Abb. 108); 2—7 — Taurapilas, tomb 6 (after Tautavičius 1979: 40 pav.).

fig. 40: b; 41: a; Ramqvist 1992: pl. 46: c). В скандинавском контексте известны и находки удили такого типа в начале эпохи викингов (Скворцов 2010: 155). Изредка трехчастные удила встречаются у германцев меровингского времени, например, на аламманском могильнике Клепсау (Klepsau) (Koch 1999: Abb. 11) или в тюрингском могильнике Эзельсвег (Eselsweg), правда, со стержневыми псалями (Arthenius 1983: fig. 17). В целом, однако, на меровингском Западе доминируют другие типы удили (см. свод: Oexle 1992).

Итак, дата удили с трехчастными грызлами довольно широка и охватывает как позднеримское время, так и средневековье. При этом они хорошо представлены, как мы видели, в древностях эпохи переселения народов, и особенно характерны для балтского круга археологических культур.

³ На том же могильнике Тенген, в погр. 14, найдены и удила с пятичастными грызлами (Berendt 1873: Taf. I: 14a). В кладе Русии (Rüsiši), на территории Латвии, позднего V — раннего VI вв. (судя по арбалетной фибуле с рифленным корпусом) также встречены пятичастные удила (Urtans 1977: 148, 52: 17 att., №22).

⁴ Раскопки Э.Б. Зальцмана в 2010 г. (Самбийская экспедиция ИА РАН). Материал готовится к публикации.

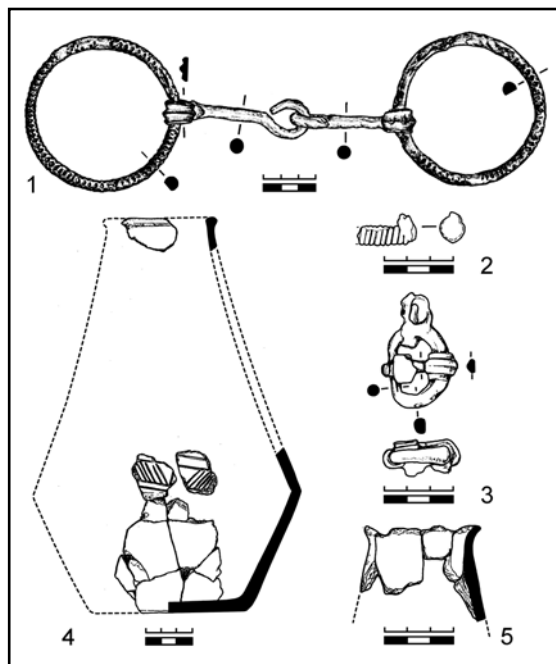

Рис. 3. Находки из погр. 316 могильника Митино (по Сковрцов 2010: табл. DXV, DXVI).

Fig. 3. Finds from grave 316 on Mitino cemetery (after Сковрцов 2010: табл. DXV, DXVI).

Показателен декор в виде насечек на псалях. В балтской археологии первым, насколько мне известно, на них обратил особое внимание К. Н. Сковрцов при публикации материалов могильника Митино (Сковрцов 2010: 151, 152). Трехчастные удила с такими псалями были найдены в погр. 66 могильника Зопфен/Суворово (рис. 2: 1) (Неум 1938: Abb. 108⁵; Кулаков 1990: табл. X: 13). Памятник принадлежит самбийско-натангийской культуре (или культуре Доллякайм/Коврово по терминологии польских археологов) и относится к периоду Е западнобалтской хронологии (приблизительно 450—675 гг., о ней подробнее см. Сковрцов 2010: 182). Трехчастные удила с декором на кольцевых псалях, только не с насечками, а с зональным поперечным рифлением, происходят из погребения 6 некрополя Таурапилас (Taurapilas) в Литве (Tautavičius 1979: 40: 5 pav.) (рис. 2: 7). Декор известен и на кольцевых псалях балтских удил с двухчастными грызлами, происходящих из могильников самбийско-натангийской культу-

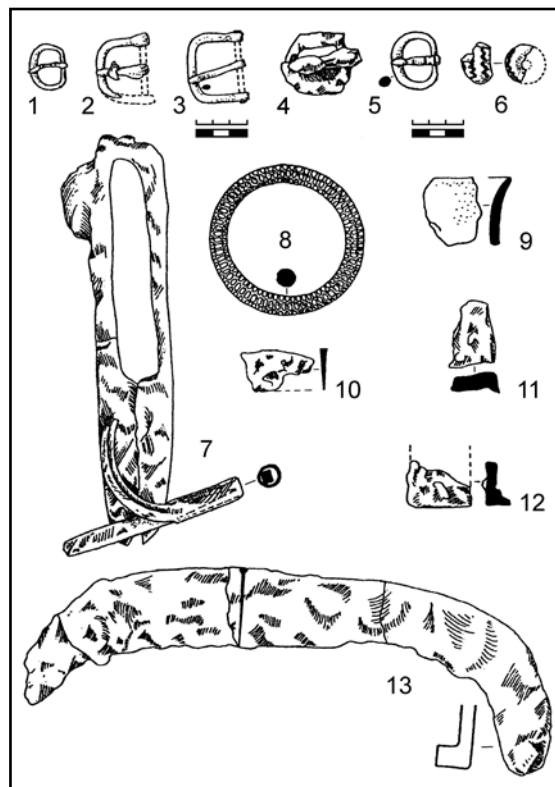

Рис. 4. Находки из погр. 254 могильника Хюненберг/Гора Великанов (по Кулаков, Тюрин 2005: рис. 8).

Fig. 4. Finds from grave 254 from Hünenberg/Gora Velikanov cemetery (after Кулаков, Тюрин 2005: рис. 8).

ры. Орнамент в виде насечек или ячеистых углублений представлен на псалях удила из погр. 316 могильника Митино (рис. 3: 1) (Сковрцов 2010: табл. DXVI: 1); из Зопфен/Суворово, погр. 157, 221, 223, 280 (Кулаков 1990: 66—68, табл. XI: 12; XIII: 4, 7; XVI: 2); из Хюненберга (Hünenberg)/Доброе, погр. 254 (рис. 4: 8) (Кулаков, Тюрин 2005: рис. 8: 7); из могильника Шлакалькен-3 (Schlakalken), погр. 26 (рис. 5) (раскопки Х. Кемке и К. Кречмана в 1893 г., архив Ф. Якобсона); а также в материалах некрополей Лаут (Lauth)/Большое Исаково, погр. 187; Клянхайде, погр. 24 (Сковрцов 2010: 151, 152). В погребении 315а могильника Доллякайм/Коврово (рис. 6: 1) грызла имели несколько иной декор, в виде поперечного рифления (Кулаков 2007: рис. 121). Удила с декорированными грызлами известны также на погребениях ольштынской группы, напр. Тумяны/Даумен (Tumiany/Daumen), погр. IX и XIV (Сковрцов 2010: 152). Находки в закрытых комплексах позволяют определить время бытования удил с декором на псалях в рамках V—VI вв. (Сковрцов 2010: 152). Но, судя по пряжкам, имеющимся в погребении Хюненберг/Доброе 254 (рис. 4: 2, 3.5; ср., напр., Nowakowski 1996:

⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить К. Н. Сковрцова, любезно предоставившего мне этот рисунок из рукописи Х. Хейма, находящейся в библиотеке Археологического музея в Познани, а также цитированный ниже рисунок из архива Ф. Якобсона, находящегося в Риге, в Латвийском Национальном историческом музее.

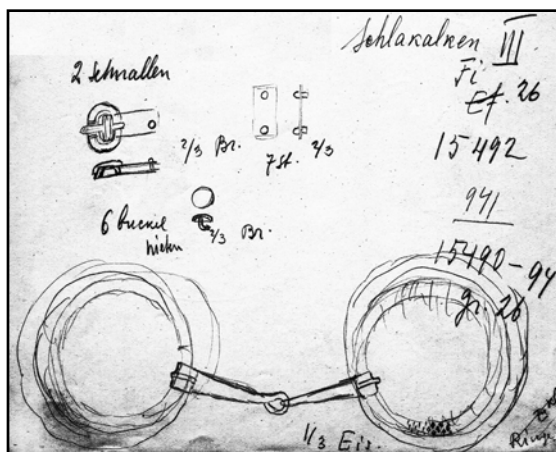

Рис. 5. Находки из погр. 26 могильника Шлакалькен-3 (из архива Ф. Якобсона; рисунок предоставлен К.Н. Скворцовым).

Fig. 5. Finds from grave 26 from Shlakalken-3 cemetery (from F. Jacobson's archive; figure provided by K.N. Skvortsov).

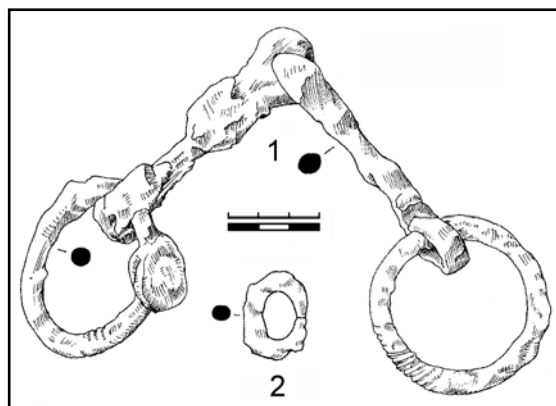

Рис. 6. Находки из погр. 315а могильника Доллькайм/Коврово (по Кулаков 2007: рис. 121).

Fig. 6. Finds from grave 315a from Dollkeim/Kovrovo cemetery (after Кулаков 2007: рис. 121).

Taf. 36: 5; 84: 8), это захоронение принадлежит еще позднеримскому времени⁶.

В эпоху переселения народов и в начале средневековья декорированные кольцевые псалии удила имеются и в других регионах Европы. Двухчастные удила с поперечными рельефными линиями на псалиях, как на псалях из погр. 315а могильника Доллькайм/Коврово, известны у аламаннов на могильнике Ульм (Ulm) (Oexle 1992: Taf. 79: 158).

⁶ В целом в Барбарикуме Центральной и Восточной Европы овальные пряжки, как на рис. 4: 5, с расширением кольца в передней части и не выступающим за рамку профилированным и суженным к концу язычком, являются хронологическим индикатором позднеримского времени (см. многочисленные примеры: Tejral 1986; 1992).

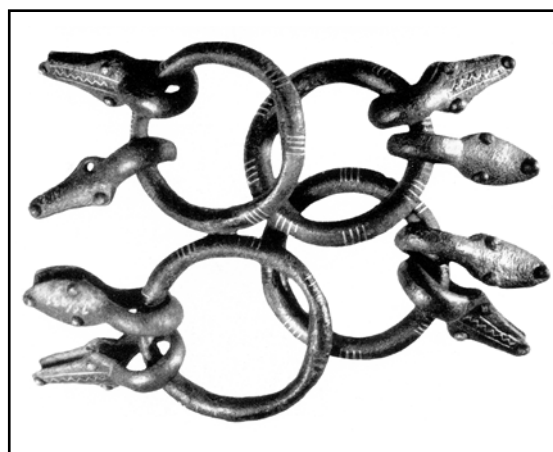

Рис. 7. Деталь удила из лангобардского погребения Вежжень (по Bóna 1976: pl. 77).

Fig. 7. Detail of bits from Lombard burial Vezheny (after Bóna 1976: pl. 77).

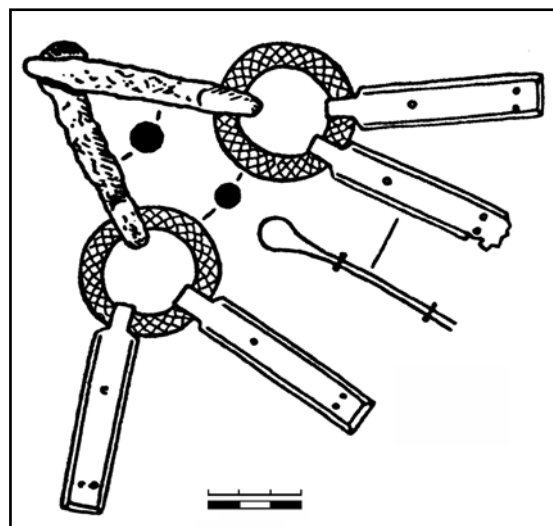

Рис. 8. Удила из «княжеского» погребения Кишпек (Кабардино-Балкария) (по Васильев 2010: рис. 1.А.1).

Fig. 8. Bits from "princely" burial Kishpek (Kabardino-Balkaria) (after Васильев 2010: рис. 1.А.1).

Такой же декор имеется и на двухчастных удилах вендельского времени с о. Готланд, из находки в Кюльвер (Kylver) (Norgård Jørgensen 1999: Taf. 135: 12). Лангобардское «вожде-ское» погребение в Вежжень (Veszkeny) содержало удила с кольчатыми псалиями, украшенными зональными поперечными линиями серебряной дамаскировки (рис. 7) (Bóna 1976: fig. 77). Подобный «таушированный» декор имеется и на удилах из лангобардских могильников Италии (Paroli, Ricci 2005: Tav. 69: 19; 105: 34; 225: 119.34a-c; Rupp 2005: Taf. 15: 13). Возможно, лангобардские удила имеют тот же прототип, что и наход-

ка из Таурапиласа, погр. 6, где кольчатые пса-лии также имеют зональный декор в виде рельефных каннелюр (рис. 2: 7).

Необходимо вспомнить и удила с витыми кольцевидными держателями, которые происходят из насыпи кочевнического кургана Новоамвросиевка в Донбассе, где также были найдены «гуннские» трехлопастные наконечники стрел. Само погребение содержало, среди прочих вещей, гребень типа Томас I, позднееримского времени (Кошков 1996: 66, рис. 4). Витые кольцевидные грызла имеются и на удилах из кочевнического погребения Ясиново на Нижнем Днепре (Айбабин 1985: рис. 1: 1). Это погребение принадлежит т.н. горизонту Вознесенка, который датируется последней третью VII в. (Гавритухин 2005: 409—411). Скорее всего, во всех этих случаях мы имеем дело здесь с параллельными версиями удил с декорированными кольчатыми пса-лиями.

Интересно, что удила с декорированными кольцевыми псалиями восходят к про-

тотипам позднееримского времени (Кишпек на Северном Кавказе: Васильев 2010: рис. 1: A1), отражающим, скорее всего, моду Римской империи (подробно см.: Kazanski 2011). Также к числу возможных прототипов относятся удила позднееримского времени с ячеистым декором на кольцах из пшеворского могильника Опатув 1 (Opatów) (Madyda-Legutko et al. 2011: Taf. 165: Befund 459: 1).

Итак, удила из Доложского погоста более всего напоминают балтские, известные в Восточной Пруссии и Литве, и, видимо, восходят к позднееримским прототипам, возможно, отражают некую престижную «воинскую» моду. Такое заключение согласуется с ранее высказанными заключениями о возможной балтской принадлежности интересующего нас погребения. Не исключено, что погребение в Доложском погосте отражает передвижение в лесную зону каких-то милитаризованных групп населения из Юго-Западной Прибалтики (Казанский 1999: 414, 415)⁷.

Литература

- Айбабин А.И. 1985. Погребение хазарского воина. СА (3), 191—205.
- Бехтер А.В. 2010. Курганно-жальничный могильник у дер. Заручье (Доложский погост). В: Михайлова Е.Р. (ред.). *Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 71—75.
- Васильев А.А. 2010. Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III—IV вв. н.э.). *Germania-Sarmatia* 2. Калининград: КОИХМ; Курск: КГОМА, 96—111.
- Гавритухин И.О. 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры). В: *Хазары. Евреи и славяне* 16. Иерусалим; Москва: Мосты культуры, 376—426.
- Гайдуков П.Г. 1992. *Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп*. Москва: НГОМЗ; ИА РАН.
- Исланова И.В. 1997. *Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Исланова И.В. 2012. *Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье)*. Раннеславянский мир 14. Москва: ИА РАН.
- Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *Археологические вести* 6, 404—419.
- Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья. В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 304—324.
- Каргапольцев С.Ю. 1994. *Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв.* Дисс. ... канд. исторических наук. Санкт-Петербург.
- Кулаков В.И. 1990. *Древности пруссов VI—XIII вв.* САИ Г1—9.
- Кулаков В.И. 2007. *Доллякайм-Коврово. Исследования 1992—2002 гг.* Минск: Институт истории НАН Беларуси.
- Кулаков В.И., Тюрин Е.А. 2005. Комплексы V в. н.э. могильника «Гора Великанов». РА (2), 115—131.
- Мачинский Д.А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси. В: Бернштам Т.А., Чистов К.В. (отв. ред.). *Русский Север*. Ленинград: Наука, 3—29.
- Михайлова Е.Р., Федоров И.А. 2011. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области — предполагаемый могильник I тыс. н.э. В: Лабутина И.К. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков: ИА РАН, 69—77.
- Скворцов К.Н. 2008. *Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г.* Москва: ИА РАН.

⁷ Не исключено, что память о таких группах отразилась в поздней летописной традиции («Нерома сиречь Жмудь») (если принять возможную, но серьезно не аргументированную локализацию народа «нерома/норова» на Северо-Западе России: Мачинский 1986: 7—12), а также в хорошо известной, но до сих пор удовлетворительно не интерпретированной берестяной новгородской грамоте XI в., сообщившей о том, что «Литва вьста на Корелу» (Гайдуков 1992: 81).

№5. 2014

- Спицын А. А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского*. МАР 20. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.
- Стасюк И. В. 2012. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. *Stratum plus* (5), 63—88.
- Стасюк И. В. 2013. Новые находки оружия римского времени и эпохи Меровингов на северо-западе России. *Stratum plus* (4), 133—146.
- Шадыро В. И. 2001. Городище и селище Прудники. *Lietuvos Archeologija* 21, 267—274.
- Шадыра В. И. 2006. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.)*. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Шмидт Е. А. 2003. *Верхнее Поднепровье и Подвине в III—VII вв. н. э. Тушемлинская культура*. Смоленск: Foxit Reader.
- Arthenius B. 1983. The Chronology of the Vendel graves. In: Lamm J. P., Nordström H.-Å (eds.). *Vendel Period Studies*. Stockholm, 39—70.
- Aspelin J. R. 1884. *Antiquités du Nord finno-ougriennes. V. L'Age du Fer. Antiquités des provinces baltiques*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Berendt G. 1873. Zwei Gräberfeld in Natangien. *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg* 14 (1), 81—101.
- Bertašius M. 2005. *Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens I*. Kaunas: Kauno technologijos universitetas.
- Bóna I. 1976. *A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates*. Budapest: Corvina.
- Ehrlich B. 1939. Das preussische Gräberfeld von Hochschnakeiken, Kr. Eilau. *Prussia* 33, 21—40.
- Graudonis J. 1974. Agrais dzelzs laikmets. In: *Latvijas PSR Archeologija III*. Riga: Zinātne, 97—132.
- Hackman A. 1905. *Die ältere Eisenzeit in Finnland*. Helsingfors.
- Heym H. 1938. *Das Gräberfeld Zophen*. Rękopis. Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. № 9177.
- Kazakevičius V. 1993. *Plinkaigalio kapinūnas*. Lietuvos Archeologija 10.
- Kazanski M. 1991. Quelques objets balts trouvés en Gaule, datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Noire. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kazanski M. 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds.). *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 91—101.
- Kivikoski E. 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft.
- Koch U. 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins. In: *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 175—194.
- Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. 2011. *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk; Warszawa: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku; Instytut Archeologii; Uniwersytet Warszawski.
- Kulikauskas P., Kulikauskene R., Tautavičius A. 1961. *Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius: Mokslas.
- Madyda-Legutko R., Rodzińska-Nowak J., Zagórska-Telega J. 2011. *Opatów Fpl. 1. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Kleinpolen*. Warszawa; Kraków: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
- Mandel M. 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westestnischen Festlande. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Department of Archaeology, Stockholm University, 111—121.
- Mandel M. 2003. *Läänemaa 5.—13. sajandi kalmed*. Toid ajaloo alal 5. Tallinn: Eesti ajaloomuuseum.
- Michelbertas M. 2005. Mikužių kapinyno (Klaipėdos rajonas) radiniai. *Archaeologia Lithuana* 6, 94—111.
- Nørgård Jørgensen A. 1999. *Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n. Chr.* København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Oexle J. 1992. *Studien zu merowingerzeitlichem Pferdeschirr am Beispiel der Trensen*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Ørsnes M. 1988. *Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4.—5. Jahrh. nach Chr.* København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Ørsnes M. 1993. Zaumzeuge des 1.—8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa. *Acta Archaeologica* 64 (1), 183—292.
- Paroli L., Ricci M. 2005. *La necropoli altomedievale di Castel Trosino*. Borgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Ramqvist P. H. 1992. *Högom. The Excavations 1949—1984*. P. I. Archaeology and Environment 13. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag.
- Rupp C. 2005. *Das langobardische Gräberfeld von Nocera Umbra*. Borgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Stubavs A. 1976. *Ķentes pilskalns un apmene*. Riga: Zinātne.
- Tautavičius A. 1979. Taurapilio "kunigaikščio" kapas. *Lietuvos Archeologija* 2, 18—43.
- Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. In: Kmiecinski J. (red.). *Peregrinatio Gothica* (Archaeologia Baltica VII). Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 175—238.
- Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godlowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 227—248.
- The Curonians... 2009: *The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data*. 2009. Vilnius; Riga: Lietuvos nacionalinis muzejus; Latvijas Nacionālis vēstures muzejs.
- Tillväxten under år 1907. *Fornvännen* 2 (1907), 267—270.
- Urtans V. 1977. *Senākie depozīti Latvija (līdz 1200 g.)*. Riga: Zinātne.
- Vaškevičute I. 1987. Jauneikių (Joviškio raj.) V—XVI a; kapinynas (5. Rankų papuošalai, kiti radiniai). *Труды Академии наук Литовской ССР. Серия а* 101 (4), 71—81.

References

- Aibabin, A. I. 1985. In *Sovetskaja Arkheologija* (Soviet Archaeology) (3), 191—205 (in Russian).
- Bekhter, A. V. 2010. In *Issledovaniia pogrebal'nykh pamiatnikov na zapade srednevekovoi Novgorodskoi zemli* (Studies of Funeral Sites in the Western Part of the Medieval Novgorod Land). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 71—75 (in Russian).
- Vasiliev, A. A. 2010. In *Germania-Sarmatia* 2. Kaliningrad: KOIKhM; Kursk: KGOMA, 96—111 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2005. In *Khazary (The Khazars)*. Evrei i slaviane (Jews and Slavs) 16. Jerusalem; Moscow: Mosty kul'tury, 376—426 (in Russian).
- Gaidukov, P. G. 1992. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyi raskop* (Slavenski End of the Medieval Novgorod. Nutnyi Dig Site). Moscow: NGOMZ; IA RAN (in Russian).
- Islanova, I. V. 1997. *Udomel'skoe poozer'e v epokhu zheleza i ranego srednevekov'ia* (Udomlya Lake Area in the Iron Age and Early Middle Ages). Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Islanova, I. V. 2012. *Drevnosti v verkhov'iax Volgi (rannii zheleznyi vek i rannee srednevekov'e)* (Antiquities in the Upper Stream of the Volga River (Early Iron Age and Early Middle Ages)). Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 14. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Kazanski, M. M. 1999. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological news) 6, 404—419 (in Russian).
- Kazanski, M. M. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vlianiia i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and Forest-Steppe Zones in Eastern Europe under the Roman Influence and Great Migrations). Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Kulikov pole", 304—324 (in Russian).
- Kargapoltsev, S. Yu. 1994. *Severo-Zapad Vostochnoi Evropy v sisteme obshcheevropeiskikh drevnostei III—VI vv. (North-Western Part of the Eastern Europe in the System of Common European Antiquities of 3rd—6th cc.)*. PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
- Kulakov, V. I. 1990. *Drevnosti prussov VI—XIII vv. (Prussian Antiquities of 6th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—9.
- Kulakov, V. I. 2007. *Doll'kaim-Kovrovo. Issledovaniia 1992—2002 gg. (Doll'kaim-Kovrovo. Studies of 1992—2002)*. Minsk: Institut istorii NAN Belarusi (in Russian).
- Kulakov, V. I., Tyurin, E. A. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologija* (Russian Archaeology) (2), 115—131 (in Russian).
- Machinski, D. A. 1986. In *Russkii Sever* (Russian North). Leningrad: Nauka, 3—29 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R., Fedorov, I. A. 2011. In *Arkheologija i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land). Pskov: IA RAN, 69—77 (in Russian).
- Skvorzov, K. N. 2008. *Mogil'nik Mitino V—XIV vv. (Kaliningradskaja oblast')*. Po rezul'tatam issledovaniia 2008 g. (Mitino Graveyard of 5th—14th cc. (Kaliningrad Oblast). Studies of 2008). Moscow: IA RAN (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1896. *Kurgany Sankt-Petersburgskoi gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo* (Kurgans of Saint-Petersburg County by L. K. Ivanovsky's Excavations). Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 20. Saint Petersburg: Imperatorskaia arkheologicheskaja komissii (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaia antropologija* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (5), 63—88 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaia antropologija* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (4), 133—146 (in Russian).
- Shadyro, V. I. 2001. In *Lietuvos Archeologija* 21, 267—274 (in Russian).
- Shadyro, V. I. 2006. *Belaruskoe Padzvinne (I tysyachohodze n. è.)* (Belarussian Dvina Basin (I Millennium AD)). Minsk: Institut istorii NAN Belarusi (in Belarussian).
- Schmidt, E. A. 2003. *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III—VII vv. n. e. Tushemlinskaia kul'tura* (The Upper Dnieper and Dvina in 3rd—7th cc. AD Tushemlinskaia Culture). Smolensk: Foxit Reader (in Russian).
- Arrhenius, B. 1983. The Chronology of the Vendel graves. In: Lamm J. P., Nordström H.-Å (eds.). *Vendel Period Studies*. Stockholm, 39—70.
- Aspelin, J. R. 1884. *Antiquités du Nord finno-ougriennes*. V. *L'Age du Fer. Antiquités des provinces baltiques*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Berendt, G. 1873. Zwei Gräberfeld in Natangien. *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg* 14 (1), 81—101.
- Bertašius, M. 2005. *Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens*. I. Kaunas: Kauno technologijos universitetas.
- Bóna, I. 1976. *À l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates*. Budapest: Corvina.
- Ehrlich, B. 1939. Das preussische Gräberfeld von Hochschnakeiken, Kr. Eilau. *Prussia* 33, 21—40.
- Graudonis, J. 1974. Agrais dzelzs laikmets. In: *Latvijas PSR Archeologija* III. Riga: Zinātne, 97—132.
- Hackman, A. 1905. *Die ältere Eisenzeit in Finnland*. Helsingfors.
- Heym, H. 1938. *Das Gräberfeld Zophen*. Rękopis. Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
- Kazakevičius, V. 1993. *Plinkaigalio kapinūnas*. Lietuvos Archeologija 10.
- Kazanski, M. 1991. Quelques objets balts trouvés en Gaule, datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Noire. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kazanski, M. 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (eds.). *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 91—101.
- Kivikoski, E. 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft.
- Koch, U. 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins. In: *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 175—194.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk; Warszawa: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku; Instytut Archeologii Uniwersytet Warszawski.
- Kulikauskas, P., Kulikauskene, R., Tautavičius, A. 1961. *Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius: Mokslas.
- Madyda-Legutko, R., Rodzińska-Nowak, J., Zagórska-Telega, J. 2011. *Opatów Fpl. 1. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Kleinpolen*. Warszawa; Kraków: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
- Mandel, M. 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westestnischen Festlande. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Department of Archaeology, Stockholm University, 111—121.
- Mandel, M. 2003. *Läänemaa 5.—13. sajandi kalmed*. Tõid ajaloo alal 5. Tallinn: Eesti ajaloomuseum.
- Michelbertas, M. 2005. Mikužiu kapinyno (Klaipėdos rajonas) radiniai. *Archaeologia Lithuana* 6, 94—111.
- Nørgård Jørgensen, A. 1999. *Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n. Chr.* København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Nowakowski, W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Oexle, J. 1992. *Studien zu merowingerzeitlichem Pferdegischirr am Beispiel der Trensen*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Ørsnes, M. 1988. *Ejsbøl I. Våbenofferfunde des 4.—5. årh. nach Chr.* København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Ørsnes, M. 1993. Zaumzeuge des 1.—8. Jahrh. nach Chr. in Mittel-

№5. 2014

- und Nordeuropa. *Acta Archaeologica* 64 (1), 183—292.
- Paroli, L., Ricci, M. 2005. *La necropoli altomedievale di Castel Tro-sino*. Borgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Ramqvist, P.H. 1992. *Högom. The Excavations 1949—1984*. P. I. Archaeology and Environment 13. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag.
- Rupp, C. 2005. *Das langobardische Gräberfeld von Nocera Umbra*. Borgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Stubavs, A. 1976. *Kentes pilskalns un apmene*. Riga: Zinātne.
- Tautavičius, A. 1979. Taurapilio "kunigaikščio" kapas. *Lietuvos Archeologija* 2, 18—43.
- Tejral, J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. In: Kmiecinski J. (red.). *Peregrinatio Gothica* (Archaeologia Baltica VII). Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 175—238.
- Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godlowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 227—248.
- The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data*. 2009. Vilnius; Riga: Lietuvos nacionalinis muzejus; Latvijas Nacionālis vēstures muzejs.
- Tillväxten under år 1907. *Fornvännen* 2 (1907), 267—270.
- Urtans, V. 1977. *Senākie depoži Latvijā (līdz 1200 g.)*. Riga: Zinātne.
- Vaškevičute, I. 1987. Jauneikių (Joviškio raj.) V—XVI a; kapinynas (5. Rankų papuošalai, kiti radiniai). *Trudy Akademii nauk Litovskoi SSR (Proceedings of the Academy of Sciences of the Lithuanian SSR). Series a* 101 (4), 71—81.

Статья поступила в номер 6 марта 2014 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat. French National Center for Scientific Research, Centre for Studies in History and Civilization of Byzantium, Collège de France¹.

Michel Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat. Centrul național pentru cercetări științifice din Franța, Centrul pentru studii în istorie și civilizație Bizantină, Collège de France.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат. Национальный центр научных исследований (CNRS); Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс.

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Address: ¹ Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов

Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье

Keywords: Northern Rus, Volkhov River, Early Medieval Age, ancient Ladoga settlement, migrations of Slavs.

Cuvinte cheie: Rusia de nord, bazinul r. Volhov, evul mediu timpuriu, aşezarea Ladoga veche, migraţiile slavilor.

Ключевые слова: Северная Русь, Поволховье, раннее средневековье, древнее Ладожское поселение, расселение славян.

A. N. Kirpichnikov, A. V. Kurbatov

New Evidence on the Origin of the Ladoga Settlement and Appearance of the Slavs on the Volkhov River

This paper discusses the accepted scientific views on the primary penetration of the Slavs to the Ilmen and Volkhov regions which started in the 5th and first half of the 6th century AD. In the opinion of some of the leading historians, the beginning of the development of the Ladoga settlement was synchronous with the establishment of sea trade communications in the western Baltic area in the 6th and 7th centuries. During that period, propitious conditions were enabled for the progress of seaports, maritime settlements and rise of activities of industrious and military/merchant populations in Western and Northern Europe. Impulses induced by these processes reached the regions of the Neva River and North-Eastern Ladoga Lake region including the Ladoga centre.

Interdisciplinary analysis of archaeological materials from the Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) in Staraya Ladoga conducted during recent years has discovered and confirmed the appearance of the early Slavs on the Lower Volkhov River in as early as the middle of the I Millennium AD.

A. N. Kirpichnikov, A. V. Kurbatov

Noi date despre originea aşezării de la Ladoga şi apariţia slavilor pe r. Volhov

Articolul reprezintă o trecere în revistă a opiniilor diferiţilor cercetători asupra pătrunderii slavilor în bazinele r. Ilmen şi Volhov, cu începuturi din sec. V — prima jumătate a sec. VI. După câţiva istorici de vază, începutul funcţionării aşezării de la Ladoga a fost sincron cu conturarea comunicaţiilor comerciale maritime în zona vest-baltică în sec. VI—VII. În această perioadă s-au constituit condiţii favorabile pentru dezvoltarea oraşelor-porturi, aşezărilor pe ţărmuri şi a progresului activităţii populaţiei muncitoare, militare şi comerciale din Europa de vest şi nord. Impulsurile generate de aceste procese au ajuns la r. Neva şi Ladoga de nord-est, incluzând centrul de la Ladoga.

Evaluarea complexă a materialelor de pe cetăţuia de pământ din Ladoga veche, întreprinsă pe parcursul ultimilor ani, permite identificarea şi argumentarea apariţiei slavilor timpurii la Volhovul de jos încă de la jumătatea mileniului I d. Hr.

A. N. Кирпичников, А. В. Курбатов

Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье

В статье рассмотрены существующие научные взгляды на первичное проникновение славян в Приильмень и Поволховье, которое начинается с V — первой половины VI вв. По мнению некоторых ведущих историков, начало развития Ладожского поселения было синхронно становлению морских торговых коммуникаций в Западной Балтике в VI—VII вв. В это время складывались благоприятные условия для развития портовых городов, прибрежных вигов и подъему активности трудового и военно-купеческого населения Западной и Северной Европы. Импульсы этих процессов достигли Приневья и Северо-Восточного Приладожья, включая Ладожский населенный центр.

Комплексная оценка материалов с Земляного городища в Старой Ладоге, проводимая в последние годы, позволила установить и доказать появление ранних славян в Нижнем Поволховье уже в середине I тыс. н.э.

Введение

Развитие начального Ладожского поселения соответствовало становлению морских торговых коммуникаций, имевшему место в Западной Балтике в VI—VII вв. (Мельникова 2012: 240 и сл.). Нарастали особо благо-

приятные условия для развития портовых городов, прибрежных вигов и подъема активности трудового и военно-купеческого населения Западной и Северной Европы. Импульсы этих процессов достигли Приневья и Северо-Восточного Приладожья, включая Ладожский населенный центр.

Процесс заселения группами славян Северо-Запада России восходит к V—VII вв. (Седов 1994: 127 и сл.; Еремеев, Дзюба 2010: 399 и сл.). При этом следует обратить внимание на то, что речь идет не только о Верхнем Поволховье и Приильменье, но и о Нижнем Поволховье. В недавней коллективной работе ведущих отечественных археологов, историков и филологов, посвященной периоду сложения Древнерусского государства, изданной в РАН, представлены новейшие обобщения археологических материалов, имеющих наибольшее значение для понимания эпохи формирования Древнерусского государства. Раздел по Приильменью и Поволховью в ней написал Е. Н. Носов (Носов 2012: 92 и сл.). Рассуждая о времени прихода славян в данный регион, он отметил, что «большинство исследователей сейчас склоняется к тому, что в бассейне Ильменя славяне появились в третьей четверти I тыс. н. э.» (Носов 2012: 94). Также Е. Н. Носов отметил, что известные приильменские славянские поселения определенно относятся к IX—X вв. Предположение о появлении славян здесь в более раннее время требует дополнительной разработки. Только на селище Прость под Новгородом имеются отчетливые свидетельства, которые позволяют говорить о заселении региона не позднее 3-й четверти I тыс. н. э. Здесь обнаружены ямы, содержащие более раннюю керамику и находки т. н. «крапчатых» бус (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 142—144). Такие бусы бытовали в Средней Европе и на юге Восточной Европы в V—VII вв. (Носов 2012: 95—96). Эту категорию изделий недавно разработали на широком фоне памятников большей части Европы А. В. Мاستыкова и А. В. Плохов. По их мнению, «крапчатые» бусы появляются (под этим надо понимать начало их производства) во 2-й четверти V в., а пик их распространения падает на 2-ю треть V или самое начало VI в. Но авторы предполагают и более позднее их употребление, в течение всего VI в., называя этот период стадией «доживания» (Мастыкова, Плохов 2010: 344). Результаты раскопок и сборов Староладожской археологической экспедиции в последние годы позволяют более определенно судить о значительно более раннем, чем считалось ещё недавно, появлении славян в Поволховье.

Необычные древности

Пожалуй, редко встречаются поселения, находки с которых так настойчиво указывают на то, что они могли существовать в более раннее время, чем это фиксируется по изученному

культурному слою, из которого они извлечены. Самый нижний слой Земляного городища Е-3 датировался 750—830-ми гг., а достоверно сохранившиеся вышележащие слои охватывали период вплоть до первых десятилетий XI в. Эти определения могут быть дополнены. Вряд ли отдельные находки, более древние, чем содержащие их слои, во всех случаях следует называть пережиточными, отложившимися в культурных слоях спустя длительное время после их изготовления. Впрочем, такого рода примеры полностью отрицать нельзя. Целый ряд вещей, для своего времени явно архаичных, тем не менее, встречается в археологических напластованиях нередко, что указывает на наличие некоего источника. Во время раскопок были обнаружены отдельные необычно древние изделия, что, конечно, не случайно. Суммируя сведения об этих предметах, мы способны уловить, так сказать, протогородскую стадию возникновения поселения, археологически четко пока еще не выявленную. Выделение «ранних» вещей показательно и в отношении направления связей, которые расходились из региона Нижнего Поволховья в период «младенчества» Ладоги. Здесь мы пока только «ощупью» определяем «пятна ранней жизни» этого поселения.

К изделиям последней трети I тыс. н. э., найденных при раскопках Земляного городища и отдельно, относится ряд украшений, хотя и оказавшихся на севере Руси, но изначально зафиксированных в Подунавье, Поднестровье, Побужье, в Пермском крае, а также в Польше и Румынии. Частично они свойственны культуре смоленско-полоцких и псковских длинных курганов. Отметим бронзовые лунничные височные кольца, бляшки, трапециевидные подвески, роговые подвески-уточки. Популярными были свинцово-оловянные подвески, крупные пластинчатые бляшки, подвески-колодочки, цепедержатели, прямоугольные накладки, обоймицы головных венчиков. Все эти вещи сопоставляются со славянским населением, постепенно расселившимся в лесной зоне Восточной Европы. Встречаются в ранних слоях Земляного городища и формы для отливки этих изделий (Кирпичников, Сарабьянов 2013: 147 и сл.). Здесь обращают на себя внимание такие уникальные находки, как, например, бронзовая равноплечная изогнутая застежка меровингского времени (около 600 г. или несколько более позднего времени), а также навершие пинцета (?) с изображением бородатого мужчины — по-видимому, Одина, с двумя вещими птицами, датированное 575—650 гг. (Meinander 1985: 65—67, fig. 1; 2). Отдельный интерес

представляют височные кольца со спиралевидным завитком. В Старой Ладоге их обнаружено 4 экз., при этом два происходят из древнейших слоев этого поселения, одно — из полуразрушенной сопки у д. Лопино, на противоположном от Старой Ладогы берегу Волхова. Древнейшие кольца рассматриваемой формы встречены в Побужье, Смоленском Поднепровье и на Псковщине. Они относятся к VI—IX вв. На ладожский север эти украшения, скорее всего, проникли вместе со славянами, переселившимися сюда не позднее VII—VIII вв. из зоны между Балканами и Днестром (Кирпичников 1980: 452—453).

В 1884 г. Н.Е. Бранденбург обнаружил в одной из сопки (№ 140) в урочище Победище мужское погребение с конем по обряду трупоположения (Бранденбург 1895: 136—137, табл. VI). При его разборке найдены 19 разнообразных нашивных бляшек, составляющих пояс так называемого «неволинского типа». Подобные поясные накладки известны по раскопкам на довольно обширной территории от Западной Сибири до Финляндии и Швеции. Особенно часто они встречаются на археологических памятниках бассейна Оки, в Прикамье, Верхнем Поволжье и всюду датируются 2-й половиной VII — VIII вв. (Мейнандер 1979: 36—37). Был ли погребенный в сопке всадник выходцем из Пермского края, или его пояс был восточным приобретением, сказать сложно. Думаем, однако, что подобные гарнитуры, скорее всего, проникали в Скандинавию и Финляндию именно через Восточное Приладожье и Ладогу. Предполагают, что существовал древний путь от Швеции через Юго-Восточное Приладожье в Предуралье. Он все более интенсивно функционировал во 2-й половине IV — 1-й половине VI вв. Округа Ладог, очевидно, была станцией на этом пути (Мачинский, Кулешов 2004: 67).

Перечень неординарных по своей древности и зонам происхождения вещей можно продолжить, но сказанного достаточно, чтобы предположить наличие на территории Старой Ладог «островков жизни» в VII—VIII вв., а возможно, и раньше, которые были связаны с волной ранней славянской колонизации Северо-Запада России, дополненной внедрением элементов культур Запада и Востока.

Раскопки на Земляном городище в 2005 г. показали, что зачаточное поселение могло возникнуть около 700 г. и даже ранее. Под культурным слоем в раскопе 3 были обнаружены следы пашни. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта, по данным специалистов

почвоведов¹, относится ко 2-й половине VII — 1-й половине VIII вв. (Кирпичников 2006: 226—227; Александровский и др. 2009: 682—687). Раскопки на соседнем участке городища в 2010 г. (раскоп 4) подтвердили и расширили эту версию. Распашка в этой зоне началась не позднее, или несколько ранее, VI в., а её новый этап соотнесен с VIII—IX вв. (Александровский 2012: 59—61; Александровский, Долгих 2012: 69 и сл.). Эти наблюдения позволяют представить первых ладожан знающими земледелие, что подтверждается находками зерен пшеницы, ржи, ячменя, конопли, проса. Ясно, что первопоселенцы принесли с собой навыки земледелия в те места, в которых ничего подобного ранее не было. Это заключение приоткрывает новые стороны жизни раннего ладожского поселения. Представление о том, что раннее славянское расселение в V—VII вв. базировалось в основном в Приильменье, не достигая Нижнего Поволховья, нуждается в корректировке.

Новые археологические исследования

В 2013 г. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН завершила очередной этап исследований в южной части Земляного городища в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области. На раскопе № 5 (площадь 128 кв. м, работы велись в 2011—2013 гг.) были разобраны до материка нижние горизонты культурного слоя (Кирпичников 2014). В этом году было вскрыто до 0,5 м толщи культурных наслоений раннего средневековья. В центральных квадратах раскопа исследована восточная часть срубной постройки, большая половина которой была раскрыта ещё на раскопе № 4 в 2009—2010 гг. Полностью выявлена восточная стена сруба длиной 6,9 м и часть внутреннего пространства постройки. В юго-восточном углу постройки разобран настил из тонких бревен шириной 2,05 м. К восточной стене сруба примыкал настил из бревен или плах, от которого сохранились продольные лаги, идущие вдоль всей стены. Сам же настил почти полностью был разобран на одной из стадий перестройки жилого сооружения. На основании ранее полученных дендродат можно утверждать, что дом функционировал во 2-й половине IX в.

Кроме того, был прослежен наброс обрешеток досок, коры и щепы в виде узкой дорожки,

¹ Группу почвоведов возглавлял ведущий научный сотрудник Института географии РАН, док. геогр. наук А.Л. Александровский.

Рис. 1. Земляное городище, 2013. Яма в кв. П, Р-ХІХ, ХХ. Положение гребня *in situ*. Вид сверху (фото авторов).

Fig. 1. Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort), 2013. Pit in square П, Р-ХІХ, ХХ. A comb *in situ*. View from above (photo by the authors).

отходящей от сруба в восточном направлении, в сторону Волхова. К срубу с южной и северной стороны примыкали ровики, служившие для отвода дождевой воды. С периодом существования и обновления открытой срубной постройки связана большая часть найденной вещевой коллекции.

Ниже культурных отложений 2-й половины IX в. находился слой черной почвы мощностью 10—15 см, насыщенный деструктированным углем и золой. Он покрывал всю площадь настоящего раскопа №5 и ранее был изучен на примыкающих к нему раскопах №3 и 4. При разборке черного слоя открыты 6 ям неправильной формы, заглубленные в материковый суглинок на 0,3—0,4 м. В заполнении ям встречены скопления камней, фрагменты лепной керамики, кости животных и единичные вещи. Две самые большие ямы, размерами около 3×3 м, можно считать остатками заглубленных оснований неких наземных построек². В одной из таких ям встречен полностью сохранившийся двусторонний роговой гребень с чехлами, покрывающими зубцы. Гребень найден в нижней части заполнения ямы, под развалом камней, что позволяет определенно связывать его со временем исчезновения наземной постройки (рис. 1). По мнению М. М. Казанского, гребень относится к кругу средневропейских изделий эпо-

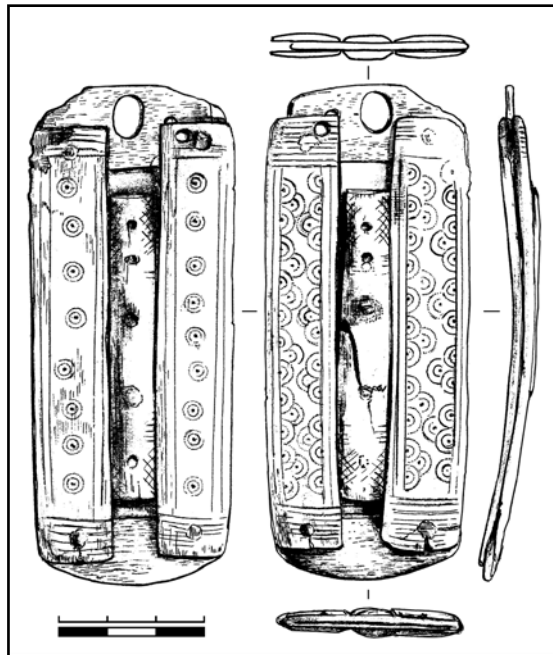

Рис. 2. Земляное городище, 2013. Графическая прорисовка меровингского гребня (по Кирпичников 2014а: прил.).

Fig. 2. Zemlyanoye Gorodishche, 2013. Graphic representation of a Merovingian comb (after Кирпичников 2014а: прил.).

хи Меровингов и по типологии определяется как меровингский гребень типа 324 (рис. 2). Следы стертости и залощенности на поверхности гребня, а также в отверстиях для его подвешивания к поясу, показывают, что предмет был в употреблении и его носили на поясе. По известным комплексам такие гребни, в целом, датируются от 470/480 гг. до 630/640 гг. (Legoux, Périn, Valet 2009: Taf. 56). Они широко распространены практически по всей континентальной Европе, в т.ч. в области Дуная и на Балканах. Известны такие предметы и на славянских поселениях, например, в Словакии³.

К этому же времени относятся и 2 реконструируемых лепных сосуда, найденные в ямах. Аналогии им известны в славянских памятниках Верхнего Поднепровья⁴. Приводим реставрированный сосуд из одной ямы (рис. 3).

При зачистке черного слоя по его нижнему уровню и поверхности нижележащего серого материкового суглинка в юго-восточных

² Назначение ям с камнями выглядит гадательным. Они могли служить очагами, коптильными устройствами или чем-то иным. Аналогичные ямы встречены при раскопках на других памятниках северо-запада России последней четверти I тыс. н. э., например на селище Хачево (Еремеев, Дзюба 2010: 251 и сл., рис. 87).

³ Авторы выражают искреннюю благодарность док. хаб. М. М. Казанскому за консультацию.

⁴ Консультация старшего научного сотрудника ИИМК РАН, канд. ист. наук И. И. Еремеева, которому авторы приносят благодарность.

квадратах раскопа зафиксированы полосы распахки, идущие в двух направлениях: параллельно и перпендикулярно береговой линии р. Волхов. Полосы имеют ширину до 3—5 см и незначительную глубину в слое серого суглинка — до 1—1,5 см. Археологически фиксируемая распахка предматерикового слоя на Земляном городище отмечается не впервые.

В целом, вещевой комплекс из раскопок 2013 г. составляет 594 единицы и включает изделия из различных материалов: лыка, кожи, цветных и черных металлов, дерева, камня, янтаря, стекла, глины и керамики, рога, кости и бересты. Керамическая коллекция содержит несколько сотен фрагментов лепных сосудов. Среди предметов из кожи определяются детали разных видов низкой мягкой обуви, в т. ч. поршневидной, а также обрезки от раскроя. Можно отметить находки кусков войлока и ткани со следами дегтя, вероятно, использованные для смоления судов. Уникальной можно считать небольшое деревянное навершие с вырезанной головой фантастического зверя (дракона?).

Оценка источников

Черный предматериковый слой, толщиной 12—20 см, содержащий в большом количестве деструктурированный уголь и некоторое количество древесного тлена, встречается по всей поверхности раскопа №5, а также на примыкавших к нему раскопах №3 и №4. Этот же слой ранее был отмечен в западной части Земляного городища на раскопе Е.А. Рябинина 1973—1975 гг. и описан на раскопе В.П. Петренко 1972—1977 гг., находившемся на левом, противоположном от Земляного городища, берегу реки Ладожки, в зоне Варяжской улицы. В.П. Петренко так описывал стратиграфию нижних слоев на своем раскопе: «Нижние отложения имели хорошо выраженную слоистость. В них неплохо сохранились дерево и другие органические материалы. Подстилающий культурный слой материк — плотная вязкая глина слабо зеленого цвета — вивианит... Культурный слой отделен от материка темной гумусной с коричневым оттенком прослойкой — погребенной почвой» (Петренко 1985: 83). Е.А. Рябинин, со своей стороны, называл черный слой предматериком: «Ниже слоя коричневатого-бурого гумуса, — писал он, — начинается предматерик — чёрный гумус толщиной 8—12 см с включениями голубоватой материковой глины — вивианита. Он почти лишен вещевых находок. Изредка в пред-

Рис. 3. Земляное городище, 2013. Реставрированный сосуд из ямы в кв. П, Р-ХII, ХIII (фото авторов).

Fig. 3. Zemlyanoye Gorodishche, 2013. Restored vessel from the pit in sq. П, Р-ХII, ХIII (photo by the authors).

материковом слое попадает щепа. При его зачистке выявлены контуры ям и канав, прорезающих предматерик и углубленных в материковую глину» (Рябинин 1985: 53).

Таким образом, видно, что исследователи древней Ладоги в 1970-е гг. ещё не рассматривали черный слой, покрывающий серый материковый суглинок, как объект, на который была направлена хозяйственная деятельность человека. С этим слоем не связывались какие-либо остатки ям или сооружений, заглубленных ниже уровня древней дневной поверхности. Раскопки последних лет на Земляном городище позволили впервые найти следы строительной и хозяйственной деятельности на месте древнего Ладожского поселения, определенно происходившей ранее, чем появилась первая деревянная застройка, прослеженная археологами. Более того, с предматериковым черным слоем связана и древнейшая распахка, зафиксированная в Ладоге.

Особое значение для оценки ладожской находки имеют наблюдения почвоведов, давших свое заключение о природе и последовательности нарастания почвенных слоев на площади Земляного городища. Так, при завершении полевого этапа археологических работ на раскопе №4 (в 2010 г.) в южной части городища почвоведы провели комплекс специальных работ, уделяя особое внимание предматериковому черному слою, который В.П. Петренко называл «погребенной поч-

вой», а Е. А. Рябинин — «предматериком». Этот слой почвоведы определили как пахотный горизонт. Они обнаружили в нём следы распашки поверхности, как по нижнему, так и по верхнему уровню. Более того, они находят в основании пахотного слоя признаки огорода на пашне, существовавшего некоторое время после начала распашки на этом месте. Таким образом, было выдвинуто заключение о длительности сельскохозяйственного использования территории Земляного городища ещё до появления деревянной застройки в середине VIII в.

К этому «предладожскому» периоду распашки в раскопе №5 относится несколько хозяйственного назначения, одна из которых, видимо, была связана с наземной постройкой. В заполнении ямы встречен развал камней, который можно считать остатками печи в наземной постройке. По мнению почвоведов, сооружение котлована для этой постройки произошло уже после начальной распашки поверхности. Постройка прекратила существование через некоторое время, и затем распашка этой поверхности продолжилась. Хронологическая привязка пахотного горизонта основана на радиоуглеродном анализе. Образец грунта из этого слоя имеет дату 1600 ± 80 л. н. Это показывает, что распашка поверхности под Земляным городищем производилась, по меньшей мере, с VII—VIII вв. н. э., а возможно, и ранее (Александровский, Долгих 2012: 69 и сл.). Данные результаты подтверждают и уточняют более ранние совместные выводы почвоведов и археологов (Александровский, Кренке, Нефедов 2010: 43 и сл.).

Обнаружение в Поволховье следов столь раннего пашенного земледелия ведет к новым историческим заключениям. Сегодня историки сходятся во мнении, что пашенное земледелие на Северо-Запад приходит вместе со славянским населением. Однако археологические данные по этому вопросу до последнего времени были не очень ясными и конкретными. Тем не менее, они позволили одному из авторов этой статьи уже в середине 1980-х гг. сделать взвешенные заключения по результатам исследований древней Ладоги. «Что касается собственно местного земледелия, то первым ладожанам оно было известно как пашенное. Однако в структуре существовавших в Ладоге производств занятия сельским хозяйством не преобладали, а служили, очевидно, к самообеспечению отдельных семей. Находки земледельческих орудий, привлекающие своей ранней датой (VIII в.), единичны. Лишь в напластованиях X в. встречены сошники, пред-

назначенные для обработки тяжелых лесных почв. Два более ранних сошника (один — 2-я половина VIII в.) такими выработанными качествами не отличались и характеризовали, по-видимому, «очаговое» пойменное земледелие. «Находки ранних пахотных орудий свидетельствуют об их типологически более южном происхождении и производственно ограниченной сфере применения. Не противоречат этому и зерна найденных в Ладоге злаков... В целом создается впечатление, что поселенцы ладожского Поволховья принесли сюда довольно развитые аграрные навыки географически иного региона, но, столкнувшись с более жесткими природными условиями, были вынуждены их изменить» (Кирпичников 1985: 5—6). Эти заключения ныне можно несколько уточнить. Разведки береговой полосы Нижнего Поволховья показали её сплошную заселенность. Развитие речного пойменного земледелия Ладожской волости оказалось значительно более продуктивным, чем это казалось ранее. Ладожская округа, очевидно, могла обеспечивать жизнь своего городского центра необходимыми припасами.

Выводы

В 1990-е гг. В. В. Седов в обобщающей работе сформулировал свою мысль о «двух волнах» освоения славянами Северо-Запада. В основе миграции, имевшей место в конце V—VII вв., лежали палеоклиматические факторы: население перемещалось на восток в поисках территорий, оптимальных для земледелия (Седов 1999: 114—117). Продолжая развивать эту мысль, исследователи нового поколения недавно высказали мнение, что первоначальное расселение на северо-западе России славян в V—VII в. базировалось в основном в Приильменье и не достигало Нижнего Поволховья (Еремеев, Дзюба 2010: 399, 400). Их выводы солидарны с определением Е. Н. Носова и его коллег: «Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически — к достаточно короткому отрезку времени и, очевидно, достаточно тесно взаимосвязаны» (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 25, 26). Сегодня эти выводы можно откорректировать. Становится более основательным предположение о существовании древнего торгового пути из Швеции через Приладожье в приуральское Прикамье и Поволжье (Кирпичников, Сарабянов 2013: 16). Этот путь проходил по Волхову, и окрест-

ности Ладоги постоянно служили станцией на этом пути — базой для остановки экспедиций, ремонта и оснастки судов, приспособления их к морскому плаванию до этого места, что притягивало сюда оседлое население. По мнению некоторых исследователей, этот путь интенсивно функционировал во 2-й по-

ловине IV — 1-й половине VI вв. (Мачинский, Кулешов 2004: 67). Мы считаем необходимым более осторожно подходить к конкретизации дат, однако и в этом случае непротиворечиво говорить о VI в., и даже более раннем времени, как о завязке славянской поселенческой жизни в Нижнем Поволхове.

Литература

- Александровский и др. 2009: Александровский А.Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н.Н., Долуханов П.М., Зайцева Г.И., Кирпичников А.Н., Кузнецов Д.Д., Лавенто М., Лудикова А.В., Носов Е.Н., Савельева Л.А., Сапелко Т.В., Субетто Д.А. 2009. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России. *Доклады Академии наук* 424 (5). Москва: Наука, 682—687.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. 2010. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги. В: Носов Е.Н., Белецкий С.В. (отв. ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* 1. Санкт-Петербург: Ломоносов, 43—61.
- Александровский А.Л. 2012. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища в Старой Ладоге. В: Кирпичников А.Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 3. Санкт-Петербург: Нестор-История, 59—61.
- Александровский А.Л., Долгих А.В. 2012. Почвенно-географические исследования в Старой Ладоге в 2010 г. В: Селин А.А. (отв. ред.). *Староладожский сборник* 9. Санкт-Петербург: Нестор-История, 69—78.
- Бранденбург Н.Е. 1895. *Курганы Южного Приладожья*. МАР 18. Санкт-Петербург.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. 2010. *Очерки по исторической географии лесной части пути «из варяг в греки». Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень*. Труды ИИМК РАН XXXIII. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Кирпичников А.Н. 1980. Новооткрытая ладожская каменная крепость IX—X вв. *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979*. Ленинград: Наука, 441—455.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 3—26.
- Кирпичников А.Н. 2006. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 г. В: Плешков В.Н. (отв. ред.). *Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. Реформы в России. XVI — начало XX вв.* Санкт-Петербург: Европейский Дом, 222—262.
- Кирпичников А.Н. 2014. Раскопки на Земляном городище в Старой Ладоге в 2013 г. *АО 2013 года*, в печати.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. 2013. *Старая Ладога — древняя столица Руси*. Санкт-Петербург: Славия.
- Мастыкова А.В., Плохов А.В. 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее. В: Мусин А.Е., Хвоцкая Н.В. (отв. ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 337—357.
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С. 2004. Северные народы середины IV — первой половины VI вв. в «Getica» Иордана. В: Мачинский Д.А. (науч. ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмье чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 26—72.
- Мельникова Е.А. 2012. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. В: Мельникова Е.А. (ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 240—269.
- Мейнандер К.Ф. 1979. Биармы. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Финно-угры и славяне*. Первый советско-финский симпозиум по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г. Ленинград: Наука, 35—40.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. *Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Носов Е.Н. 2012. Новгородская земля: Северное Приильмье и Поволхове. В: Макаров Н.А. (отв. ред.). *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности Севера, 92—121.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 81—116.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 27—75.
- Седов В.В. 1994. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильмения и Псковского. В: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. (ред.). *НАЧ* 1. Новгород: НГОМЗ, 127—137.
- Седов В.В. 1999. *Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки русской культуры.
- Legoux R., Périn P., Valet F. 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. *Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne*, N. hors serie, 3e edition revue et corrigée.
- Meinander C.F. 1985. Odin i Staraja Ladoga. *Finsk Museum 1985*. Helsingfors, 65—67.

References

- Aleksandrovskii, A. L., Arslanov, Kh. A., Davydova, N. N., Dolukhanov, P. M., Zaitseva, G. I., Kirpichnikov, A. N., Kuznetsov, D. D., Lavento, M., Ludikova, A. V., Nosov, E. N., Savelieva, L. A., Sapelko, T. V., Subetto, D. A. 2009. In *Doklady Akademii nauk (Proceedings of the Academy of Sciences)* 424 (5). Moscow: Nauka, 682—687 (in Russian).
- Aleksandrovskii, A. L., Krenke, N. A., Nefedov, V. S. 2010. In *Kraevol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and its Neighboring Countries)* 1. Saint Petersburg: Lomonosov, 43—61 (in Russian).
- Aleksandrovskii, A. L. 2012. In *Ladoga i Ladozhskaya zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 59—61 (in Russian).
- Aleksandrovskii, A. L., Dolgikh, A. V. 2012. In *Staroladozhskii sbornik (Old Ladoga Volume)* 9. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 69—78 (in Russian).
- Brandenburg, N. E. 1895. *Kurgany Iuzhnogo Priladozh'ia (Barrows of South Ladoga Region)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 18. Saint Petersburg (in Russian).
- Eremeev, I. I., Dziuba, O. F. 2010. Ocherki po istoricheskoi geografii lesnoi chasti puti «iz variag v greki». Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniia mezhdru Zapadnoi Dvinoi i ozerom Il'men' (Essays on the historical geography of the forest part of the Route from Varyags to Greeks. Archaeological and paleogeographical investigations between Western Dvina and Il'men' lake). Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury ossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences) XXXIII. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1980. In *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1979 (Cultural Sites. New Discoveries. Yearbook 1979)*. Leningrad: Nauka, 441—455 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1985. In *Srednevekovaia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and investigations)*. Leningrad: Nauka, 3—26 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 2006. In *Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi letnii kul'turno-istoricheskii universitet 2006. Reformy v Rossii. XVI — nachalo XX vv. (International Summer Cultural-Historical University in Saint-Petersburg, 2006. Reforms in Russia. 16th — early 20th cc.)*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, 222—262 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N., in print. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2013 g. (Archaeological Researches in 2013)* (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N., Sarabyanov V. D. 2013. *Staraiia Ladoga — drevniaia stolitsa Rusi (Old Ladoga — the Ancient Capital of Rus')*. Saint Petersburg: Slavia (in Russian).
- Mastykova, A. V., Plokhov, A. V. 2010. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia Evgeniia Nikolaevicha Nosova (Dialogue of Medieval European Cultures and Peoples. Towards the 60th Birth Anniversary of Evgheniy Nikolaevich Nosov)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 337—357 (in Russian).
- Machinski, D. A., Kuleshov, V. S. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th readings to the memory of Anna Machinskaiia)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 26—72 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 2012. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva (The Oldest States in Eastern Europe. Year 2010. Prerequisites and Methods to Making of the Early Russian State)*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 240—269 (in Russian).
- Meinander, K. F. 1979. In *Finno-ugry i slaviane (Finno-Ugrians and Slavs)*. Leningrad: Nauka, 35—40 (in Russian).
- Nosov, E. N., Goriunova, V. M., Plokhov, A. V. 2005. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniia Severnogo Priil'men'ia (novye materialy i issledovaniia) (A Fort near Novgorod and Settlements in the Northern Ilmen Region (new materials and research))*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Nosov, E. N. 2012. In *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaya panorama (Russia in the 9th—10th centuries. An archaeological panorama)*. Moscow: Vologda: Drevnosti Severa, 92—121 (in Russian).
- Petrenko, V. P. 1985. In *Srednevekovaia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and investigations)*. Leningrad: Nauka, 81—116 (in Russian).
- Riabini, E. A. 1985. In *Srednevekovaia Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and investigations)*. Leningrad: Nauka, 27—75 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1994. In *Novgorodskie arkheologicheskie chteniia (Novgorod Archaeological Readings)* 1. Novgorod: NGOMZ, 127—137 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1999. *Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Old Russian folk: historical-archaeological study)*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (in Russian).
- Legoux R., Périn P., Valet F. 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. *Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne*, N. hors serie, 3e édition revue et corrigée.
- Meinander, C. F. 1985. *Odin i Staraja Ladoga. Finkst Museum* 1985. Helsingfors, 65—67.

Статья поступила в номер 1 апреля 2014 г.

Anatoliy Kirpichnikov (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Anatoliy Kirpichnikov (Sankt Petersburg, Russia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Кирпичников Анатолий Николаевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: alkurba@rambler.ru

Alexandr Kurbatov (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences².

Alexandr Kurbatov (Sankt Petersburg, Russia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

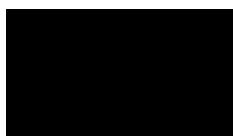
Курбатов Александр Валентинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: alkurba@rambler.ru

Address: ^{1, 2} Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

Мир вещей

World of Things
Lumea obiectelor

С. В. Белецкий

Геральдическая подвеска №101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок

Keywords: Ancient Rus', Rurikovich, heraldic pendant, badge, emblem, the Prince, the duumvirate.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, dinastia Rurik, pandantiv heraldic, semn, blazon, kneaz, duumvirat.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, геральдическая подвеска, знак, герб, князь, дуумвират.

S. V. Beletsky

Heraldic Pendant no.101 and Some Comments About the Legal Status of Pendants' Holders

The paper published a new Old Rus' heraldic pendant — a sign of credence owned by an official of the "Rurikoviches' state". Good preservation of the object helped to clarify the description and understanding of the two previously known heraldic pendants, as well as return to the problem of the legal status of the heraldic pendants with the image of Prince's emblems on both sides. The emblems of the Grand Duke and prince-regent combined on the same credential badge testify the authority of the owner of the pendant to act on behalf of the prince-regent, whose rights are defined by the supreme ruler of the state. Pendants with images of the emblems of the two princes-governors on both sides materialized the authority of the duumvir-princes who at different times were collective governors of the Grand Duke in the lands of Northern Rus'.

S. V. Beletsky

Pandantivul heraldic nr.101 și unele comentarii despre statutul legal al deținătorilor de pandantive

În prezentul articol este introdus în circuitul științific un nou pandantiv heraldic vechi rusesc — un semn distinctiv, care aparținea unui funcționar din „statul Riurikoviciilor”. Păstrarea în bune condiții a piesei ne permite să precizăm descrierea și interpretarea și a altor două pandantive heraldice descoperite mai demult, precum și să ne referim din nou la problema statutului legal al pandantivelor heraldice cu reprezentările blazoanelor nobiliare pe ambele părți. Astfel, pandantivele cu reprezentările unor blazoane diferite pe ambele părți materializau împuternicirile de guvernare ale knejilor-duumviri, care în diferite timpuri exercitau funcțiile reprezentanților marelui kneaz în Rusia de Nord.

С. В. Белецкий

Геральдическая подвеска №101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок

В статье публикуется новая находка древнерусской геральдической подвески — верительного знака, принадлежавшего должностному лицу государственного аппарата «державы Рюриковичей». Хорошая сохранность предмета позволила уточнить описание и осмысление двух ранее известных геральдических подвесок, а также вернуться к проблеме правового статуса геральдических подвесок с изображением княжеских гербов на обеих сторонах. Подвески с изображениями на обеих сторонах гербов двух князей-наместников материализовали собой властные полномочия князей-дуумвиров, являвшихся в разное время коллективными наместниками великого князя в землях Северной Руси.

В 2013 г. стала известна новая геральдическая подвеска¹ (рис. 1), получившая №101². Место находки не установлено. Судя по фотографии, подвеска изготовлена, вероят-

нее всего, из низкопробного серебра. На стороне А размещено изображение трезубца зубцами вниз; центральный зубец является верхней частью овала, соединенного с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; нижняя часть овала, представляющая собой треугольную ножку трезубца, опирается на крест; завершение центрального зубца крестовидное, при этом завершение мачты

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить М.Е. Леваду (Киев), сообщившего мне о находке.

² Номера являются техническими — они присваиваются подвескам по мере учета сведений о находках.

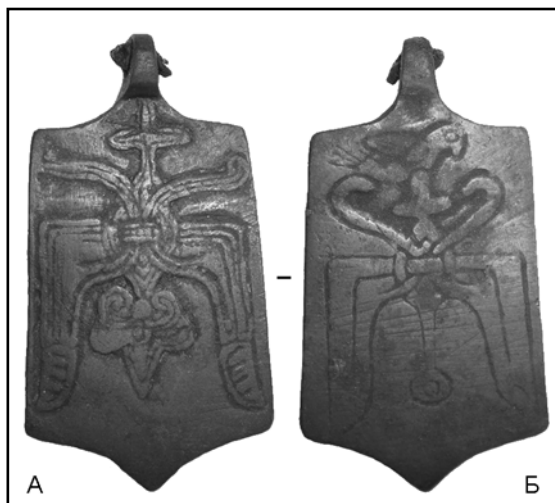

Рис. 1. Геральдическая подвеска №101.

Fig. 1. Heraldic pendant no.101.

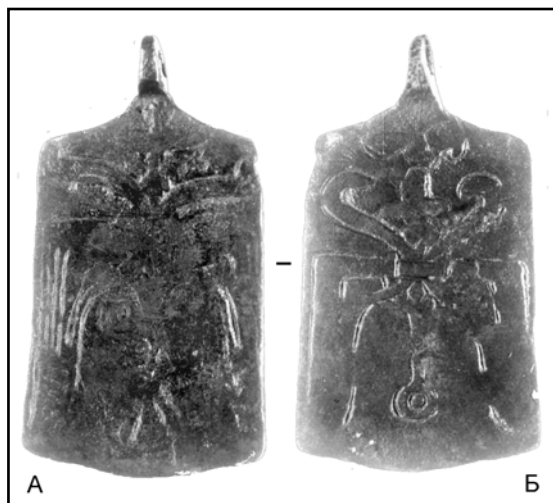

Рис. 3. Геральдическая подвеска №38.

Fig. 3. Heraldic pendant no.38.

Рис. 2. Геральдическая подвеска №28.

Fig. 2. Heraldic pendant no.28.

острое, а лопастей — округлое; крестовидная часть зубца отделена кружком от основной его части, вправо и влево от кружка отходят два симметричных завитка. На стороне Б размещено изображение трезубца зубцами вниз; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца, опирающуюся на крест, на кресте помещено схематичное изображение птицы; овальная часть соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; центральный зубец увенчан кружком с точкой.

Подвеска №101 чрезвычайно близка подвескам №28 (рис. 2) и №38 (рис. 3), происходящим, соответственно, из Новгорода и Белгорода (Белецкий 2004: 268, 269, 309,

рис. 10). Сторона Б у всех трех подвесок практически идентична. Сторона А у подвески №101 сохранилась значительно лучше, чем у подвесок №28 и 38, и это позволяет исправить допущенную ранее ошибку в описании и интерпретации знака³, поскольку становятся понятны фрагментарно сохранившиеся элементы знака на стертых подвесках. При сравнении знака на стороне А у подвесок №28 и 38 со знаком на стороне А у подвески №101 видно, что у трезубца на стертых подвесках была такая же острая вершина центрального зубца, как и у трезубца на публикуемой подвеске. Ниже острия на подвеске №28 прослеживаются сильно стерты лопасти креста, под которыми отчетливо читается правый завиток (ранее принятый за кружок) и угадывается симметричный ему левый завиток. На подвеске №38 лопасти креста на центральном зубце трезубца практически совершенно стерты, однако правый завиток под крестом читается вполне отчетливо. Единственным отличием между изображениями является наличие «сияния» вокруг вершины центрального зуб-

³ Комментируя изображение на стороне А подвески №28, я отмечал, что «центральная часть подвески сильно стерта, поэтому кружок на вершине центрального зубца только угадывается, вокруг кружка следы «сияния»» (Белецкий 2004: 268, 309, рис. 10: 2). Равным образом, сильно стерта и центральная часть стороны А у подвески №38 (Белецкий 2004: 309, рис. 10: 1): здесь завершение центрального зубца также только угадывается, видны лишь следы «сияния». Благодаря подвеске №101 стало ясно, что за кружок на вершине центрального зубца у знака на стороне А подвесок №28 и 38 было принято пространство между двумя линиями «сияния» — справа и слева от острой вершины зубца.

ца на подвесках №28 и 38, и его отсутствие на подвеске №101.

Таким образом, благодаря находке подвески №101 выяснилось, что знаки на сторонах А и Б у подвесок №28, 38 не являются одинаковыми: кроме изображения птицы, помещенной на ножке знака на стороне Б и отсутствующего у знака на стороне А, различие между знаками заключается в форме вершины центрального зубца — кружок на стороне Б и крестик на стороне А.

Предпринятая ранее персонификация древнерусских княжеских знаков была сведена в генеалогическую стемму (рис. 4), которая, с появлением новых находок, неоднократно дополнялась и уточнялась (Белецкий 1997; 1998; 2000а; 2000б; 2012: 460—461). Знак на стороне Б у подвесок №28 и 38 (и, соответственно, у подвески №101), с наибольшим вероятием, принадлежал Владимиру Ярославичу (†1052), второму сыну Ярослава Мудрого, посаженному на новгородский стол в 1034 г. (Белецкий 2004: 270). Появление птицы на ножке трезубца я ранее предлагал рассматривать как свидетельство перехода Пскова после ареста и заточения псковского князя Судислава Владимировича под контроль Новгорода (Белецкий 2004: 270); напомним, что знаком Судислава был трезубец с птицей на вершине центрального зубца (Белецкий 2004: 268).

Знак на стороне А у подвесок №28, 38 и 101 принадлежал старшему сыну полоцкого князя Изяслава Владимировича (†1001) Брячиславу (†1044), занявшему полоцкий стол после смерти отца (Белецкий 2000б: 395—396; 2012: 441—443; Белецкий, Казаков 2004: 73—77). Сочетание на одной подвеске знаков новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича сужает время использования подвесок до 1036—1044 гг.

Публикуемая подвеска №101 и уточнение персонификации знаков на подвесках №28 и 38 позволяют, как кажется, вернуться к проблеме правового статуса держателей подвесок с изображениями княжеских знаков на обеих сторонах. Размещение на одной подвеске двух разных знаков свидетельствует о том, что держатель подвески в своей деятельности выступал представителем одновременно двух князей. В тех случаях, когда один из знаков принадлежал великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства, и от княжича, посаженного отцом на местный княжеский стол. Сочетание

на подвеске №63 изображений родового двузубца Рюриковичей и трезубца Владимира Святославича (рис. 5: 1) прекрасно иллюстрирует летописный рассказ⁴ о передаче великим киевским князем Святославом Игоревичем новгородского стола бастарду Владимиру (Белецкий 2014).

Точно так же была изначально оформлена и костяная подвеска №31 из Новгорода. Комментируя «редактирование» двузубца, переделанного в трезубец, я писал: «Переделка знака на одной из сторон подвески, безусловно, свидетельствует об изменении характера власти, представлять которую был полномочен держатель подвески... Сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески вначале выступал полномочным представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского посадника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича. Переделка подвески произошла в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе: заменив двузубец на трезубец, владелец подвески превратился в представителя исключительно Владимира Святославича» (Белецкий 2004: 254—255). Действительно, находка костяной подвески в слое, формировавшемся в 954—973 гг., прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца⁵. Однако среди металлических подвесок, как стало ясно после обнаружения подвески

⁴ «Святославъ посади Ярополкъ в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время придоша людеи ноугородьстии, просяще князя себѣ: “Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя себѣ”. И рече к нимъ Святославъ: “А бы пошелъ кто к вамъ”. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: “Просите Володимира”. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрынь, отецъ же бѣ има Малькъ Любечанинь, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша ноугородци Святославу: “Вѣдай ны Володимира”. Онъ же рече имъ: “Воты вы естѣ”. И пояша ноугородьци Володимира к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею, уемъ своимъ, Ноугороду» (ПВЛ 1950: 49, 50).

⁵ «Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изыде противу его Олегъ, и ополчистася. Ратившемся полкома, побѣди Ярополкъ Ольгу... Слышавъ же се Володимеръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольгу, убоявся, бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси... Приде Володимеръ съ варягы Ноугороду и рече посадникомъ Ярополчимъ: “Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идетъ на тя, пристравляйся противу битися”. И сѣде в Новѣгородѣ... И поиде на Ярополка» (ПВЛ 1950: 53, 54).

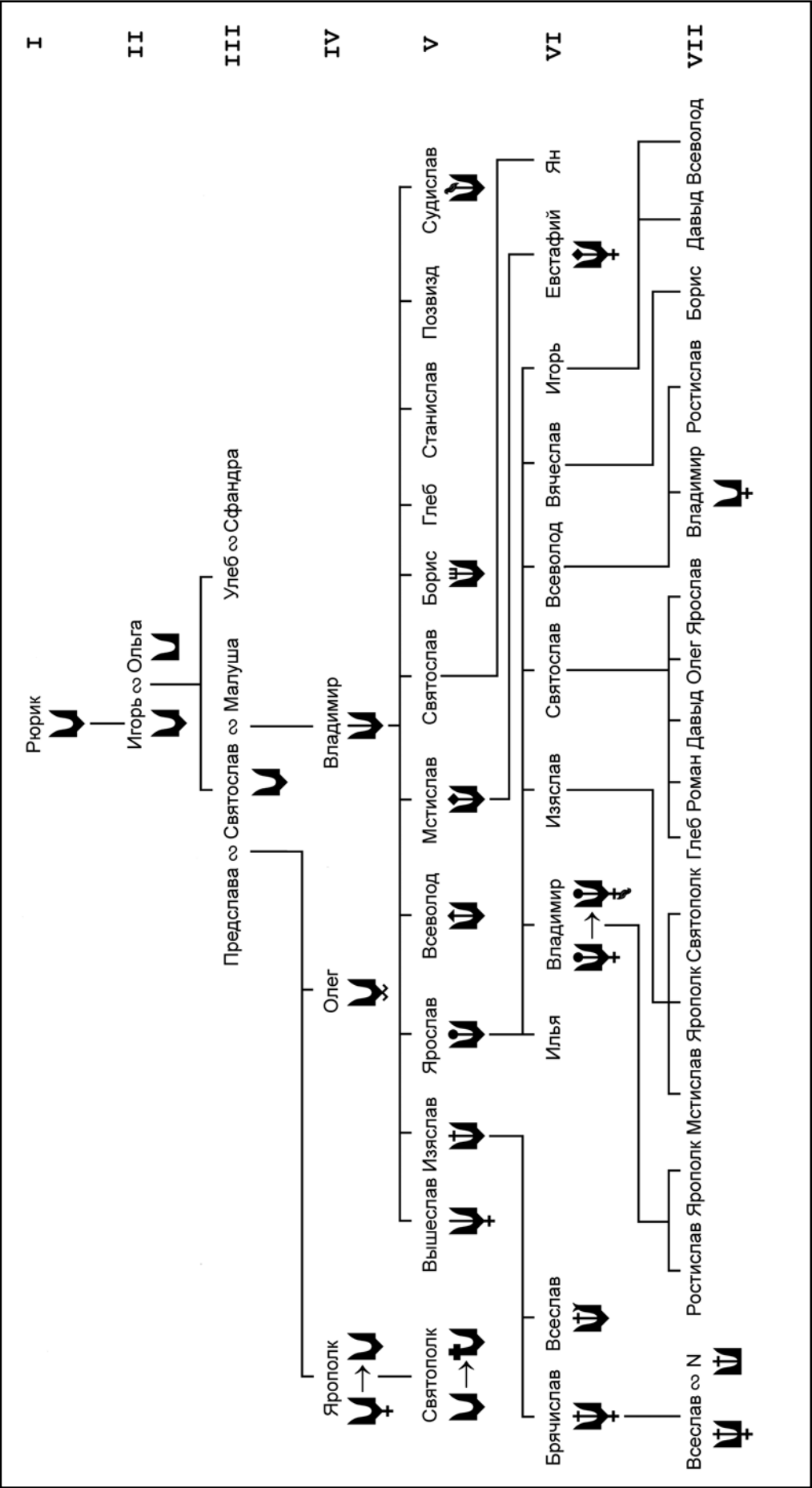

Рис. 4. Генеалогия древнерусских княжеских знаков X—XI вв.

Fig. 4. Genealogy of the Old Russian princes' emblems of 10th—11th centuries.

№101, нет ни одной двусторонней подвески, на обеих сторонах которой были бы изображены одинаковые княжеские знаки. Вероятно, особенность подвески №31, на обеих сторонах которой после «редактирования» оказались изображены одинаковые знаки, объясняется тем, что костяные подвески «представляли собой детские игрушки, копировавшие подлинные верительные знаки точно так же, как детские деревянные мечи, копья, боевые ножи и луки со стрелами копировали подлинное оружие княжеских дружинников» (Белецкий 2011б: 47—48). Ожидать от детской игрушки полного соответствия прообразу, естественно, не приходится. Случаи же переделки собственно геральдических подвесок в процессе их использования мне пока не известны⁶.

Соответствует летописному сообщению⁷ и размещение на ряде подвесок (рис. 5: 2—4) одновременно трезубцев Владимира Святославича и его сыновей — Вышеслава (№51, 52; см.: Белецкий 2004: 259—261; 2003—2004), Ярослава (№34, см.: Белецкий 2004: 257) и Бориса (№56, 94; Белецкий 2011а: 44—45; 2012: 447; 2014) Владимировичей.

В летописи княжики, получившие столы «из руки отца», именуются князьями, но, очевидно, что эти князья не были суверенами, а находились в зависимости от великого киевского князя, который был вправе не только переводить их со стола на стол, но также лишать их стола (Белецкий, Новик 2009: 51—55). Статус княжицей, посаженных отцом на местные столы, соответствует положению великокняжеского наместника. Однако стороны подвесок были формально равнозначными, так что речь должна идти об усвоении князю-наместнику статуса соправителя великого князя. При этом статус князя-наместника был, вероятнее всего, территориально ограниченным, то есть распространялся на территорию,

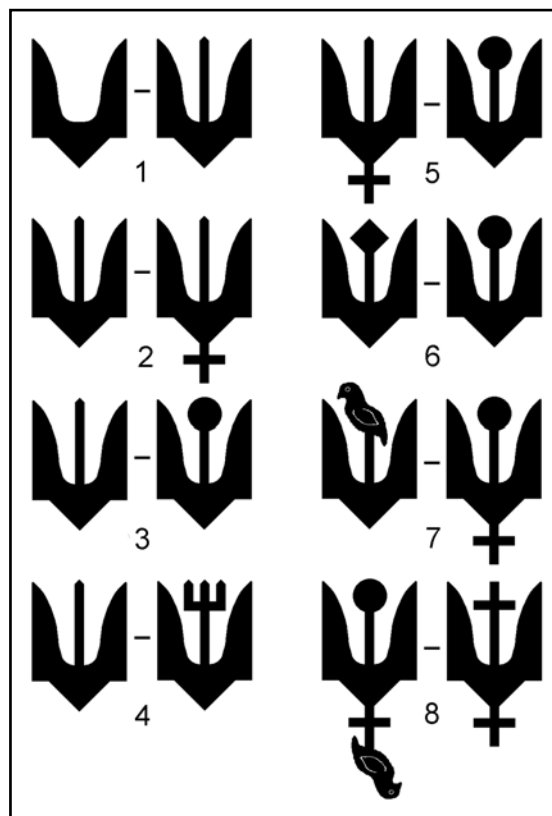

Рис. 5. Совстречаемость древнерусских княжеских знаков на геральдических подвесках. 1 — №31, 63; 2 — №51, 52; 3 — №34; 4 — №56, 94; 5 — №8, 33, 41, 98; 6 — №30, 57; 7 — №37; 8 — №28, 38, 101.

Fig. 5. Correlation of the Old Russian princes' heraldic signs on pendants. 1 — №31, 63; 2 — №51, 52; 3 — №34; 4 — №56, 94; 5 — №8, 33, 41, 98; 6 — №30, 57; 7 — №37; 8 — №28, 38, 101.

переданную князю-наместнику в управление. Тогда сочетание на геральдической подвеске лично-родовых знаков великого князя и князя-наместника свидетельствует о полномочности держателя подвески выступать в своей деятельности от лица князя-наместника, права которого определены верховным правителем государства.

Сложнее ситуация с размещением на одной подвеске знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. Очевидно, что держатели этих подвесок являлись такими же должностными лицами государственного аппарата «державы Рюриковичей», как и держатели подвесок с изображениями знаков великого князя и князя-наместника. Понять правовой статус держателей подвесок с изображениями знаков двух князей-наместников позволяют, как кажется, подвески №30 и 57 (рис. 5: 6), отлитые в одной форме. Трезубцы на этих подвесках принадлежали Ярославу Мудрому и Мстиславу Тмутараканскому (Белецкий

⁶ Единственный известный случай такой переделки — это переделка подвески №43. Однако работа по изменению первоначально планировавшегося статуса верительного знака была произведена в момент изготовления подвески, а не в процессе ее использования (Белецкий, Новик 2009: 51—55).

⁷ «Володимиръ же просвъщенъ самъ, и сынови его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотѣсцѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершо же старѣйшому Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣх, Всеволода Володимѣрѣ, Мстислава Тмуторокани» (ПВЛ 1950: 83).

1996: 1—7; 2004: 266; 2014). Появление в княжеском аппарате лиц, полномочных выступать от имени одновременно Ярослава и Мстислава Владимировичей, находит объяснение в летописном рассказе о разделении верховной власти между Ярославом и Мстиславом и о совместном правлении князей в 1026—1036 гг.⁸

Если сказанное справедливо, то прочие подвески с изображениями на обеих сторонах лично-родовых знаков князей-наместников также материализовали собой дуумвираты: владельцы подвесок №8, 33, 41 и 98 (рис. 5: 5) в своей деятельности выступали представителями новгородского князя Вышеслава (†1010) и ростовского князя Ярослава (†1054) Владимировичей (Белецкий 2004: 262—265; 2014), владелец подвески №37 (рис. 5: 7) являлся представителем псковского князя Судислава Владимировича и новгородского князя Владимира Ярославича (Белецкий 2004: 267, 268, 270), владельцы подвесок №28, 38 и 101 (рис. 5: 8) действовали от имени нов-

городского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича.

Отсутствие в письменных источниках сведений о перечисленных дуумвиратах, как кажется, свидетельствует о том, что такие дуумвираты были не чем-то экстраординарным, а представляли собой вполне традиционное явление для властных структур Киевской Руси. Если не учитывать дуумвират Ярослава и Мстислава Владимировичей, разделивших между собой верховную власть в государстве, то все известные по знакам на подвесках князья-дуумвиры занимали столы за пределами южнорусских земель — Новгород, Ростов, Псков, Полоцк. Поэтому велика вероятность того, что князья-дуумвиры являлись в разное время коллективными наместниками великого князя в землях Северной Руси, и именно на эти территории распространялись, прежде всего, полномочия держателей подвесок, несущих лично-родовые знаки князей-дуумвиров.

Литература

- Белецкий С. В. 1996. К вопросу о принадлежности новгородской подвески №22-27-1181. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства*. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 17—19 апреля 1996 г.). Москва: Институт российской истории, 1—7.
- Белецкий С. В. 1997. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.). В: Шмидт С. О. (отв. ред.). *У источника 1*. Сб. статей в честь члена-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. Москва: МПУ «Сигнал», 93—171.
- Белецкий С. В. 1998. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X—XI вв. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Труды VI Международного конгресса славянской археологии IV: Общество, экономика, культура и искусство славян*. Москва: Эдиториал УРСС, 195—205.
- Белецкий С. В. 2000а. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв. *Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада 2*. Санкт-Петербург: СПбГУКИ; ИИМК РАН, 3—120.
- Белецкий С. В. 2000б. Зарождение русской геральдики. *Stratum plus* (6), 366—424.
- Белецкий С. В. 2003—2004. Знаки на геральдических подвесках из Кельгининского могильника. *Stratum plus* (6), 451—452.
- Белецкий С. В. 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 243—319.
- Белецкий С. В. 2011а. Две древнерусские геральдические подвески. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы 57-го заседания (18—20 апреля 2011 г.). Москва; Псков: ИА РАН; Псковский музей-заповедник, 44—48.
- Белецкий С. В. 2011б. Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси. [Государственный исторический музей]. В: *Нумизматические чтения 2011 года*. Памяти Алексея Владимировича Фомина. Москва, 21—22 ноября 2011 г. Тезисы докладов и сообщений. Москва: Нумизматическая Литература, 47—48.
- Белецкий С. В. 2012. Древнейшая геральдика Руси. В: *Повесть временных лет*. Лихачев Д. С., Творогов О. В. (перев.), Бобров А. Г., Николаев Л. С., Чернов А. Ю. (коммент.). Санкт-Петербург: Вита Нова, 431—463.
- Белецкий С. В. 2014. Геральдические подвески древней Руси (новые находки). В: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья 4*. Санкт-Петербург, 12—54.
- Белецкий С. В., Казаков Е. П. 2004. Костяная рукоять из раскопок Измерского поселения и генеалогия лично-родовых знаков полоцких Рюриковичей X—XI вв. В: Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 73—77.

⁸ «Ярославъ съвокупѣ воя многы и приде Киеву, и створи миръ с братом своим Мъстиславомъ у Городѣця. И раздѣлиста по Днѣпръ Руськую землю: Ярославъ прия сию сторону, а Мъстиславъ ону. И начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли» (ПВЛ: 100); «Мъстиславъ изыиде на ловы, разболѣся и умре. ... Посемъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русѣи земли» (ПВЛ: 101).

Новик Т.Г., Белецкий С.В. 2009. Древнерусская геральдическая подвеска из Чернигова. В: Носов Е.Н., Белецкий С.В. (отв. ред). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* II. 80-летию со дня

рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Санкт-Петербург; Москва: ИИМК РАН, 51—55.

ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Ч. I. Москва; Ленинград: АН СССР.

References

- Beletsky, S. V. 1996. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskaya struktura Drevnerusskogo gosudarstva (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Political Structure of the Ancient Russian State)*. Moscow: IRI, 1—7 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 1997. In *U istochnika (At the Origins)* 1. Moscow: MPU "Signal", 93—171 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 1998. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavianskoi arkheologii (Proc. of VI Int. Congress of Slavic Archaeology) IV: Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavian (Society, Economy, Culture and Art of the Slavs)*. Moscow: Editorial URSS, 195—205 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2000. In *Issledovaniia i muzeifikatsiia drevnostei Severo-Zapada (Studies and Museumification of the North-Western Antiquities)* 2. Saint Petersburg, 3—120 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 366—424 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 451—452 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th readings to the memory of Anna Machinskaia)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 243—319 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2011. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and history of Pskov and Pskov land)*. Moscow; Pskov, 44—48 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2011. In *Numizmaticheskie chteniia 2011 goda (Numismatic Readings 2011)*. Moscow: Numizmaticheskaya Literatura, 47—48 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2012. In *Povest' vremennykh let (Tale of Bygone Years)*. Saint Petersburg: Vita Nova, 431—463 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2014. In *Ladoga i Ladozhskaya zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Saint Petersburg, 12—54 (in Russian).
- Beletsky, S. V., Kazakov, E. P. 2004. In *Arkheologiya, istoriia, numizmatika, etnografiia Vostochnoi Evropy (Archaeology, History, Numismatics and Ethnography of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: SPbGU, 73—77 (in Russian).
- Novik, T. G. Beletsky, S. V. 2009. In *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* II. Saint Petersburg; Moscow: IIMK RAN, 51—55 (in Russian).
- Povest' vremennykh let (Primary Chronicle)*. 1950. Part I. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Статья поступила в номер 18 марта 2014 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Serge Beletsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

3. В. Прусакова

Энколпион с композицией «Распятие. Пророк Илия» из Довмонтова города Пскова

Keywords: Pskov, 11th—15th centuries, archaeology, cross, burial ground, cultural layer, burial.

Cuvinte cheie: Pskov, sec. XI—XV, arheologie, encolpion, necropolă, strat cultural, mormânt.

Ключевые слова: Псков, XI—XV века, археология, энколпион, могильник, культурный слой, погребение.

Z. V. Prusakova

The Enkolpion with Composition "Crucifixion. The Prophet Eliya" from Dovmont's City in Pskov

The article is a publication of an enkolpion which was found by V.D. Beletski during the excavation of Dovmont's City in Pskov in 1966. The cross is kept at the Department of Russian culture in the State Hermitage. The cross was found in a child's grave from the burial ground found on the territory of Dovmont's City. The grave was situated near temples no.2 and 3 which were built in the second half of the 14th century. In the researcher's opinion, the burial ground functioned from the end of the 14th century till the middle of the 16th century. Most burials there might have been caused by an epidemic or a pestilence in 1465—1466. On the obverse of the enkolpion, there are relief images of the crucifixion in the centre and paired images of saints on medallions. On the reverse side, there are paired images of saints on medallions and of Prophet Eliya in the centre (9.5×6.8×1.0 cm). This type of enkolpion is widely represented on the monuments which date back to the 15th century and the first half of the 16th century. However, the specimen from Pskov is one of the best due to its clear images and legible signs. It makes possible to identify saints' images on the medallions and specify their iconographic features. The examined cross can be dated by the end of the 14th century the earliest (the supposed time of the burial ground formation) or rather within the 15th and the beginning of the 16th centuries (by analogy).

Z. V. Prusakova

Un encolpion cu compoziția „Răstignire. Profetul Ilie” din orașul Dovmont al Pskovului

Articolul reprezintă introducerea în circuitul științific a unei cruci-encolpion, descoperite în 1966 în cadrul săpăturilor lui V.D. Beletky în orașul Dovmont al Pskovului, ulterior intrată în păstrarea Departamentului istoriei culturii ruse a Ermitajului, sub nr. de inv. ПД-66/43. Piesa a fost descoperită în mormântul unui copil din necropola plană, amplasată pe teritoriului orașului Dovmont lângă templele nr. 2 și 3, edificate în a doua jumătate a sec. XIV. În opinia cercetătorului, necropola funcționa între sf. sec. XIV și mijlocul sec. XVI. Majoritatea mormintelor din necropolă, probabil, pot fi puse în legătură cu epidemia din anii 1465—1466. Encolpionul publicat aici poartă următoarele reprezentări, făcute în relief: Răstignirea în centru, perechi de sfinți în medalioanele de pe partea frontală și imaginea Sf. Ilie în centru, acompaniată și ea de reprezentări de perechi de sfinți pe partea din spate (dimensiunile piesei 9,5×6,8×1,0 cm). Crucile-encolpion de acest tip sunt cunoscute în situri din sec. XV — prima jumătate a sec. XVI. Exemplarul din Pskov, însă, reprezintă una din cele mai bine păstrate cruci din această serie, cu imagini și inscripții foarte clare, ce permit o identificare mai precisă a sfinților din medalioane și a particularităților lor iconografice. Encolpionul prezentat aici poate fi datat nu mai devreme de sf. sec. XIV (când, probabil, a început să funcționeze necropola), mai exact, în limitele sec. XV — prima jumătate a sec. XVI (în baza analogiilor).

3. В. Прусакова

Энколпион с композицией «Распятие. Пророк Илия» из Довмонтова города Пскова

Статья посвящена публикации креста-энколпиона, происходящего из раскопок В.Д. Белецкого в Довмонтовом городе Пскова в 1966 г. и поступившего на хранение в Отдел истории русской культуры Эрмитажа (инв. №ПД-66/43). Крест был найден в детском погребении грунтового могильника, расположенного на территории Довмонтова города вблизи храмов №2, 3, построенных во второй половине XIV в. Могильник функционировал, по мнению исследователя, от конца XIV до середины XVI века. Основная часть захоронений в могильнике, возможно, была связана с эпидемией и мором 1465—1466 гг. Публикуемый энколпион несет на себе рельефные изображения Распятия в центре и парных святых в медальонах на лицевой створке и пророка Илии в центре и парных святых в медальонах на оборотной (9,5×6,8×1,0 см). Энколпионы рассматриваемого типа широко представлены в памятниках XV — первой половины XVI века. Однако псковский экземпляр представляет собой один из лучших по четкости изображений и надписей крестов этого типа, что позволяет уточнить состав изображений святых в медальонах и их иконографические особенности. Рассматриваемый энколпион можно датировать не ранее конца XIV в. (предполагаемое время начала формирования могильника), но скорее в пределах XV — первой половины XVI века (по кругу аналогий).

Интересный экземпляр бронзового энколпиона-реликвария (инв. №ПД-66/43) хранится в фондах археологии Отдела истории русской культуры Эрмитажа¹. Лицевая створка энколпиона с изображением композиции Распятия была опубликована в каталоге выставки, посвященной истории культуры древнего Пскова (Белецкий 1991: 60, №146); сведения о нем приводятся также в работе Ю. В. Колпаковой, в связи с публикацией аналогичного наперсного креста (Колпакова 2011: 152—155, рис. 4: 2).

Крест-энколпион был найден в 1966 г. в погребении грунтового могильника, исследованного на территории Довмонтова города Псковской крепости. Могильник относился к храмам, расположенным поблизости (Белецкий 1967: 5—6). Рядом находились 3 храма (№1—3), причем храм №1 располагался в стороне, а храмы №2 и №3 — в непосредственной близости от могильника. Поэтому можно предположить, что могильник относился, скорее, к этим двум храмам или, по крайней мере, к одному из них. Храм №3 В. Д. Белецкий связывал с церковью, построенной мастером Кириллом в 1374 г. (Белецкий 1986: 11). Храм №2 им датирован втор. пол. XIV — втор. пол. XV в. (Белецкий 1986: 32). Могильник мог возникнуть после окончания строительства церквей — во 2-й пол. XIV в. (возможно, вскоре после 1374 г.). Вероятно, он продолжал существовать и в последующий период — во 2-й пол. XV — XVI вв. (судя по количеству захоронений). Можно также предположить, что основная часть захоронений в могильнике была связана с эпидемией и мором 1465—1466 г. (Пл 1955: 162). В могильнике было раскопано около ста погребений. Погребения были в основном безынвентарные. Могильные ямы погребений были впущены в слой суглинка темно-серого цвета, который лежал на материковой скале. Максимальная толщина верхнего горизонта этого слоя — 0,15 м, а нижнего — около 1 м. В отложениях верхнего горизонта были обнаружены находки человеческих ко-

стей из разрушенных погребений. Основная часть погребений исследованного могильника находилась в отложениях нижнего горизонта. В этом слое были обнаружены обломки сосудов XV—XVI вв., изразцов XVI—XVII вв., государственная печать Пскова (1469 г.), свинцовая вислая печать наместника новгородского архиепископа Геннадия (1485—1504 гг.) (Янин 1970: 49) и др. находки.

Крест-энколпион был обнаружен в детском погребении №1, расположенном в южной части могильника. Находки энколпионов в детских погребениях — сравнительно редкое явление. Захоронение было совершено по обряду ингумации с юго-западной ориентировкой в могильной яме глубиной 2,59 м от репера. Это было захоронение ребенка в возрасте около одного года, погребенного без гробовища. Верхняя часть детского костяка была нарушена столбами от деревянной постройки XIX в. На костях грудной клетки погребенного *in situ* лежал энколпион. Других находок в погребении не было (Белецкий 1967: 25).

Энколпион целый с рельефными изображениями, с прямыми углами средокрестия и круглыми медальонами на концах (рис. 1). Медальоны и края створок выделены высоким бортиком. Нижний конец креста более вытянутый, чем верхний и боковые концы энколпиона. Размеры энколпиона: 9,5×6,8×1,0 см. Он состоит из двух створок одинакового размера, которые хорошо соединяются между собой. В настоящее время створки энколпиона разъединены, так как предмет был в реставрации. Возможно, изначально внутри креста находились священные реликвии, которые могли быть вложены в слой воска (Липатов и др. 2006: 292—293).

На лицевой створке энколпиона имеется по одной петле в верхней и нижней части, причем нижняя петля не имела отверстия (рис. 1: 1, 3). На оборотной створке в нижней ее части сохранилась одна петля без отверстия и имеются следы второй обломанной петли (рис. 1: 2, 4). На верхнем конце оборотной створки петли отсутствуют, но на внутренней ее поверхности сверху видны клиновидные бороздки и следы припоя, возможно, следы починки предмета в процессе его изготовления (по мнению Р. С. Минасяна) (рис. 1: 4). Вероятно, поэтому мастер вставил в нижний медальон лицевой створки креста штифт, который служил для соединения створок энколпиона. Штифт хорошо виден на лицевой створке снаружи и изнутри. На оборотной створке изнутри виден только след от штифта в виде небольшого углубления, а также на-

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность за консультации в работе: канд. ист. наук А. А. Песковой, ст. науч. сотр. Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН; док. искусствоведения В. Н. Залесской, ведущ. науч. сотр. сектора Византии и Ближнего Востока Государственного Эрмитажа; канд. ист. наук Р. С. Минасяну, ведущ. науч. сотр. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; Е. В. Красненковой, редактору Редакционно-издательского отдела Эрмитажа; С. В. Хаврину, зам. заведующего Отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа.

Рис. 1. Энколпион из Довмонтова города Пскова: 1 — лицевая створка креста «Распятие»; 2 — оборотная створка креста «Пророк Илия»; 3 — внутренняя сторона лицевой створки креста; 4 — внутренняя сторона оборотной створки креста.

Fig. 1. The enkolpion from Dovmont's City of Pskov: 1 — front shutter of the cross "Crucifixion"; 2 — reverse shutter of the cross "Prophet Iliya"; 3 — the interior side of the front shutter; 4 — the interior side of the reverse shutter.

тек металла. Подобная бракованная отливка с оборотной створки энколпиона, скрепленная в процессе производства при помощи штифта, известна по материалам могильника в с. Радонеж Московской обл. (Шемаханская 2000: 84, рис. 4: 29).

В Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа был проведен анализ предмета (Экспертное заключение С.В. Хаврина) (см. табл. 1).

Лицевая створка энколпиона с композицией Распятия (рис. 1: 1) была отлита

Таблица 1.

**Данные о составе металла, из которого были отлиты
створки энколпиона**

	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ag	Fe
Створка (лицевая)	Основа	<0,3	2—3	3—4	Следы	<1	Следы	<0,2
Створка (оборотная)	Основа	?	—	2—3	Следы	—	Следы	<0,2

из свинцово-оловянистой бронзы с примесью цинка. Обратная створка креста (рис. 1: 2) выполнена из свинцовистой бронзы, и в ее составе отсутствует примесь олова и цинка. Заклепка, вделанная в лицевую створку креста, имеет весьма сходный состав металла с металлом оборотной створки изделия. В эпоху средневековья литье предметов часто осуществлялось из «ювелирного лома», в переплавку шли старые, уже вышедшие из употребления предметы (Алексеев 2005: 233). Поэтому состав металла даже в деталях одной вещи вполне мог оказаться не одинаковым. Створки энколпиона очень хорошо стыкуются между собой, что подтверждает, что это единый предмет.

В оформлении рассматриваемого энколпиона присутствуют многофигурные рельефные изображения. Фигуры и детали одежды были детально проработаны мастером, поэтому выполнить такие сложные рельефные композиции мастер мог, вероятнее всего, на восковой модели. По мнению Р.С. Минасяна, энколпион был отлит по восковой модели в глиняной форме.

Лицевая створка энколпиона имеет более четкое изображение, чем обратная. В центральной части лицевой створки изображена сцена Распятия с предстоящими: в медальоне по правую руку Христа изображены Богоматерь с Марией Магдалиной, по левую — Иоанн Богослов с Лонгином Сотником. Композиция Распятия — одна из главных тем в христианском искусстве. В мелкой пластике креста-энколпиона она представлена предельно сжато. В центре композиции дана фигура Иисуса Христа, пригвожденного к кресту. Фигура Спасителя выполнена в удлиненных пропорциях и дана в небольшом S-образном изгибе. Иисус Христос изображен со склоненной к правому плечу головой и крестчатым нимбом, облачен в препоясание. Слева от него — струйка крови, стекающая из раны на груди. Ступнями ног Спаситель попирает булыжные камни Голгофы. Фигура Христа выполнена очень пластично. Надписи рельефные сокращенные: в возглавии креста рельефная надпись **ЦРЬ СЛ** (Царь Славы), около боковых медальонов **МРІ**, **ІѠА**.

В верхнем медальоне лицевой створки креста представлены поясные изображения архангелов Михаила и Гавриила, они изображены в позе поклонения Спасителю. Надписи рельефные сокращенные в верхней части медальона: **МІХА** [Г] **А** [В].

В нижнем медальоне лицевой створки креста изображены святые Николай Чудотворец и Иоанн Златоуст, согласно читаемой надписи. Поясные фигуры святых с нимбами представлены фронтально, в святительских одеяниях, с Евангелием в покровенных руках. В верхней части медальона над ликами святых расположены надписи: **ІѠАЗА**[Г] **НИКОЛ**.

Почитание образа святого Николая Чудотворца на Руси получило особое развитие. Он считался покровителем земледельцев, мореплавателей, странников и отроков. Поясное изображение святого самое распространенное. На древнерусских крестах-энколпионах его изображения появляются уже на рубеже XI—XII вв. и присутствуют в иконографии почти всех технологических групп крестов XII—XIII вв. Святой Николай, как правило, изображался в одном из медальонов на лицевой створке креста в композиции Распятия наряду с предстоящими Богородицей и Иоанном Богословом или на створке с изображением Богородицы наряду с апостолами и святителями (Пескова 2000: 282—283, рис. 2; 3; 7: 1; 10; 11). Реже встречаются среди древнерусских крестов-энколпионов створки с центральным изображением св. Николая (Пескова 2000: рис. 4; 5; 8: 2, 3; 9), как редки они и среди византийских крестов-реликвариев (Пескова 2000: 267—269, рис. 1).

Култ святителя Иоанна Златоуста хорошо известен по византийским памятникам X—XI вв. (Лихачева 1981: 58). Ему молились при разных недугах, унынии и отчаянии. Однако на древнерусских крестах домонгольского периода, в отличие от Николая Чудотворца, изображение св. Иоанна Златоуста не встречается, хотя изображения двух других творцов литургии — святителей Василия Великого и Григория Богослова — известны на многочисленных крестах-энколпионах с обращением «Святая Богородица, помо-

гай» (Корзухина, Пескова 2003: 194—195, табл. 117—133). Исключение составляет фрагмент шиферной формочки для отливки створки креста-энколпиона с центральным изображением Богоматери и тремя погрудными изображениями святителей Василия, Григория и Иоанна (из раскопок В.В. Хвойки на усадьбе Петровского близ Десятинной церкви в Киеве) (Пескова 2000: 221, табл. 150: VII.5.1/2a). Отливок, сделанных в этой формочке, неизвестно, тем не менее, можно утверждать, что присутствие изображений св. Николая и св. Иоанна Златоуста в составе изображений на энколпионе из Довмонтова города вполне следует древнерусской традиции. Однако совмещение изображений двух святых в одном медальоне является новой чертой, характерной для позднесредневековых энколпионов (Асташова, Петрова, Сарачева 2013: 107).

На оборотной створке энколпиона в центральной ее части помещено изображение Илии Пророка. Он представлен в рост, фронтально, в образе старца с длинными волосами, ниспадающими на плечи, и бородой. Пророк облачен в длинный хитон и гиматий, ниспадающий складками поверх хитона. Из-под хитона видны ступни ног. Пророк Илия держит в левой руке развернутый свиток, правая рука с раскрытой ладонью согнута в локте. Вероятно, композиция представляет собой сцену проповеди Пророка на горе Кармил. Над головой пророка рельефная сокращенная надпись: **ІАЬ[Є] ПР**.

В верхнем медальоне оборотной створки креста фронтально представлены поясные изображения двух святых с нимбами. Один из них с длинными волосами и большой бородой, в накидке, похожей на милоть, со свитком в левой руке (Иоанн Креститель?), другой с короткой густой бородой, в святительском одеянии, с Евангелием в левой руке (возможно, апостол Петр). Наверху рельефная нечеткая надпись, едва прочитываются буквы только правой ее части: **[... ПЕТР]**.

В нижнем медальоне помещены поясные фронтальные изображения святого Сергия и великомученицы Параскевы Пятницы, согласно достаточно хорошо читаемой надписи. Над головами святых прослеживаются нимбы. Св. Сергий изображен с густой бородой, в монашеском облачении (очевидно, преподобный Сергий Радонежский), великомученица Параскева Пятница представлена с крестом в правой руке и покровенной левой рукой. Над головами святых рельефная надпись: **СЕРГІИПАТНІ**. Отдельные ее буквы менее

четкие, вероятно, вследствие коррозии металла.

В боковых медальонах представлены парные поясные изображения персонажей, обращенных в молении к Пророку; нимбы практически не прослеживаются. В правом медальоне изображен безбородый воин (?) с короткими вьющимися волосами, в плаще, скрепленном на плече круглой фибулой, согласно надписи, возможно, Димитрий. За его спиной расположена полуфигура воина (?) с густой бородой и щитом (?), согласно надписи, возможно, Тимофея. Вверху нечеткая рельефная надпись: **ДМІ ТІМ**. В левом медальоне на переднем плане изображен тоже безбородый воин (?) с короткими вьющимися волосами, в плаще, скрепленном фибулой. За ним видна полуфигура старца с длинными волосами и бородой, в монашеской одежде, с капюшоном на голове. Вверху рельефная плохо сохранившаяся надпись: **[АЛЕКСГРІ]**.

Композиция оборотной створки в целом и состав изображений на крестах этого типа в силу их плохой сохранности обычно толкуются исследователями разноречиво, что вызывает вопросы. Однако довольно высокое качество отливки рассматриваемого образца предоставляет возможность на некоторые спорные вопросы получить достаточно убедительный ответ. Первый из вопросов касается центрального изображения Ильи Пророка, которое иногда атрибутируют и как изображение св. Иоанна Предтечи (Станюкович 2003: 10, 18, кат. №1—21 и 2—9), и даже как Архангела Михаила (Седова 2004: 126, рис. 1: 8). Надпись, сопутствующая центральному изображению на створке псковского креста, на наш взгляд, не оставляет сомнений в том, что это именно Илья Пророк.

Пророк Илья — один из самых почитаемых ветхозаветных святых, который являлся прообразом святого Иоанна Предтечи; Илья, по преданию, должен был прийти и приготовить путь Мессии. О жизни Илии повествуют библейские тексты и апокрифические источники. В христианской традиции Илья — ревнитель истинной веры, пророк, наиболее близкий к Богу, который был вознесен на небо живым, на огненной колеснице. Поэтому на Руси Илья почитался как пророк-громовец, по преданию, он был одарен способностью посылать дождь и прекращать засуху.

В памятниках сакрального искусства Древней Руси можно выделить два периода актуализации культа пророка Илии. Это домонгольский период, когда после крещения на Руси появились первые храмы с по-

священством пророку Илии (ПСРЛ 2000: 19; Раппопорт 1982: 46—47, 71, кат. №64, 106); и второй период — с середины XIV — XV вв., когда распространение культа пророка Илии, по наблюдениям исследователей, могло быть связано со второй волной балканского влияния на Руси: с деятельностью балканских мастеров, работавших здесь в это время (Чаев, Черепнин 1947: 167—168; Белецкий 1991: 20—21). На Балканах и в Малой Азии изображения Ильи-пророка известны в храмах с XI—XIII вв. (Залесская 1996: 149). В собрании памятников Отдела Востока Эрмитажа хранится подписная серебряная чаша, выполненная мастером Петром-дьяком из Чипроваца в 1593 г. В центральном медальоне чаши изображен пророк Илия (Залесская 1996: 145—152).

В XIV—XVI вв. почитание Ильи Пророка наглядно прослеживается в иконописи северо-западных областей Руси (Антонова, Мнева 1963: 93, 96, 100, 105, 182). В Третьяковской галерее хранится икона «Илья Пророк в пустыне» конца XIII — нач. XIV вв., ранее она находилась в церкви Ильи в селе Выбуты под Псковом (Антонова, Мнева 1963: 182, табл. 91; Каталог ГТГ 1995: 87—89, кат. №26). Широкое распространение этого культа в Новгороде и на Русском Севере относится к концу XV в. (Косцова 1992: 123).

Таким образом, появление изображения Ильи Пророка как центрального на створке креста-энколпиона вполне отвечает духу этого времени. А вот состав изображений святых в медальонах створок этого типа из-за плохого качества рельефов имеет немало разночтений. Изображенных в них персонажей чаще всего обозначают как неизвестных святых. В редких случаях исследователи пытаются атрибутировать их на основании собственного прочтения почти не читаемых надписей. Так, на одной из аналогичных створок, превращенных со временем в наперсный крест, А.К. Станюкович видит в центре Иоанна Предтечу, сверху — пророка Илию и святителя Иоанна Златоуста (?), внизу — св. Сергия Радонежского и великомученицу Параскеву Пятницу, справа — великомученика Никиту (?) и пророка Иеремию (?), слева — неизвестных святых (Станюкович, Осипов, Соловьев 2003: 18, кат. №2—9). Предложенная исследователем атрибуция частично совпадает с нашей, что в целом подтверждает правильность атрибуции хотя бы трех изображений святых как Сергия Радонежского и Параскевы Пятницы и даже Иоанна Предтечи (в верхнем медальоне), несмотря на то, что А.К. Станюкович

видит в верхнем медальоне не Иоанна Предтечу, а пророка Илию. Последнее расхождение не столь важно, поскольку в обоих случаях сохраняется взаимосвязь образов пророка Илии и Иоанна Предтечи. Атрибуция второго святого в верхнем медальоне как апостола Петра, на основании предложенного нами прочтения нечеткой сопутствующей надписи, не противоречит иконографическим особенностям его изображения и может рассматриваться пока в качестве рабочей гипотезы. Парные изображения в боковых медальонах пока уверенно атрибутировать не удастся. Можно лишь осторожно предположить в сопоставленных безбородых святых в воинских (?) плащах на первом плане святых воинов Димитрия (справа) и Георгия (слева), исходя из трудно читаемых надписей.

Особенно важным представляется присутствие на створке в составе избранных святых изображения преподобного Сергия Радонежского, умершего в 1392 г., поскольку это определенно указывает на время, не раньше которого могла быть создана данная модель креста. С учетом даты обретения мощей преподобного игумена (1422 г.), появления его первого и второго жития, составленных Епифанием Премудрым (записано около 1417—1418 гг.) и Пахомием Логофетом (между 1440—1459 гг.). (Дробленкова 1988: 331—332), наиболее вероятным временем для создания модели креста с его образом следует считать середину XV в.

Аналогии кресту-энколпиону, найденному в Довмонтовом городе, ближайшие в территориальном отношении происходят из раскопок в Пскове и Новгороде. В псковском музее хранится наперсный крест, «иконографически идентичный» рассматриваемому энколпиону (Колпакова 2011: 152—155, рис. 4: 2). Створка энколпиона с изображением Ильи Пророка была найдена в Новгороде в кладбищенском слое XV в. рядом с церковью Ильи на Славне (Арциховский 1949: 148—149, 150, рис. 226).

Одна из створок с изображением пророка Илии была найдена на Куликовом поле (Шкурко 1983: 228). Энколпионы этого типа были найдены на селище Рождествено I, датированном XIV—XV вв. (Шполянская 2008: 270, 271, рис. 4: 1, 2). Подобный энколпион был найден в могильнике у с. Радонеж (Чернов 2000: 68, рис. 4: 29). Здесь же были найдены фрагменты аналогичных наперсных крестов (Чернов 2000: 69—72, рис. 5: 10, 11, 23, 30—32; 6: 21, 22). Находки датируются автором третьей четв. XVI — нач. XVII в.

Фрагмент лицевой створки энколпиона с изображением Распятия с предстоящими был найден в отвале на валу городища в Старой Рязани (Даркевич 1981: 221, 223, рис. 3: 6). Створка подобного креста-энколпиона найдена во Владимире при раскопках постройки (сруб №12), она датируется концом XV — XVI вв. (Седова: 126, рис. 1: 8). Кресты, подобные рассматриваемому, были найдены в «Голицынском кладе», который является «комплексом длительного накопления» предметов благочестия. Исследователь датирует их XV — нач. XVI вв. (Алексеев 2005: 234—236, рис. 1; 2).

Памятниками вторичного литья со створок этого типа энколпионов являются наперсные кресты, которые обычно датируются тем же временем, что и энколпионы, или более поздним хронологическим периодом. Подобный наперсный крест найден М.Г. Рабиновичем в бассейне р. Яузы при раскопках срубной постройки. Крест датируется исследователем концом XV — нач. XVI вв. (Рабинович 1952: 36—37, рис. 20). Три аналогичных наперсных креста происходят из раскопок в Суздале, они датированы концом XV — XVI вв. (Седова 1997: 203—204, рис. 73: 5, 8). С оборотной створки энколпиона был отлит наперсный крест, фрагменты которого найдены при раскопках Ростиславля Рязанского. Крест был найден в пахотном слое. Исходный образец энколпиона датируется исследователем 2-й пол. XV в., а найденный крест — XV—XVI вв. (Остапенко 2013: 134—135, рис. 2: 5).

Немало аналогичных крестов-энколпионов и наперсных крестов, как правило, неизвестного происхождения, хранятся

в музейных и частных собраниях. Имеются они в собрании Государственного исторического музея (Асташова, Петрова, Сарачева 2013: 268, 272—275, кат. №236, 240—245), в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Гнутова, Зотова 2000: 27, рис. 17), некогда были отмечены в собрании Тверского музея (Жизневский 1888: 88—89, кат. №256—264).

Авторы каталога крестов-энколпионов из собрания ГИМ, анализируя серию аналогичных крестов, пришли к выводу, что иконография энколпионов с Распятием и пророком Илией основана на новгородской традиции, однако создание данной модели исследователи связывают с Москвой конца XV или начала XVI в., отмечая этот период как время «сближения художественных традиций Новгорода и столицы как духовного центра» (Асташова, Петрова, Сарачева 2013: 107).

Датировка энколпионов достаточно сложна, это обстоятельство отмечали многие исследователи (Корзухина, Пескова 2003: 12; Колпакова 2007: 16). Многие из предметов, хранящиеся в музеях, не имеют точного места находки, некоторые из них находятся в частных собраниях. В.Д. Белецкий в каталоге, посвященном истории культуры Древнего Пскова, датировал найденный в Довмонтовом городе энколпион XIII—XIV вв. (Белецкий 1991: 60). Мы полагаем, что энколпион из Довмонтова города можно датировать не ранее конца XIV в. (предполагаемого времени начала функционирования могильника), но, скорее, XV — перв. пол. XVI вв., исходя из иконографии и состава изображений на кресте, а также круга аналогий в памятниках этого периода.

Литература

- Алексеев А.В. 2005. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение). *Ставрографический сборник*. Кн. III. *Крест как личная святыня*. Москва: Московская Патриархия; Древлехранилище, 231—244.
- Антонова В.И., Мнева Н.Е. 1963. *Государственная Третьяковская Галерея. Каталог древнерусской живописи*. Т. 1. XI—XVI вв. Москва: Искусство.
- Арциховский А.В. 1949. Раскопки на Славне в Новгороде. *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов* I. МИА 11, 119—151.
- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. 2013. *Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея*. Москва: РИП-холдинг.
- Белецкий В.Д. 1967. *Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции за 1966 год*. Архив ОИРК ГЭ. ЭРА. Ф/1966. Ленинград.
- Белецкий В.Д. 1986. *Довмонтов город*. Ленинград: Искусство.
- Белецкий В.Д. 1991. *Древний Псков. Каталог выставки*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я. 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX вв. *Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева*. Москва: Интербук-Бизнес.
- Государственная Третьяковская Галерея 1995. *Каталог собрания I. Древнерусское искусство X — начала XV в.* Москва: Красная площадь.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г. 1978. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.). СА (3), 218—232.
- Дробленкова Н.Ф. 1988. Житие Сергия Радонежского. В: Лихачев Д.С. (отв. ред.). *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. Втор. пол. XIV — XVI вв. Ч. 1: А—К. Ленинград: Наука, 330—336.
- Жизневский А.К. 1888. *Описание Тверского музея. Археологический отдел*. Москва: Синодальная типография, 86—114.

- Залесская В. Н. 1996. *Две серебряные чаши мастеров Чипроваца и Дубровника в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 145—154.
- Колпакова Ю. В. 2007. *Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X—XVIII вв. (Предметы личного благочестия)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Колпакова Ю. В. 2011. Энколпионы из Пскова и Изборска. В: *Древности Пскова. Археология, история, архитектура* 2. К юбилею И. К. Лабутинной. Псков, 141—156.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. *Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты — реликварии X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Косцова А. А. 1992. *Сюжеты древнерусских икон*. Санкт-Петербург: Искусство.
- Липатов А. А., Медникова Е. Ю., Мусин А. Е., Пескова А. А. 2006. Связанные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа. В: *Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии*. Памяти Т. Чуковой. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 291—308.
- Лихачева В. А. 1981. *История искусства Византии IV—XV веков*. Ленинград: Искусство.
- Остапенко А. А. 2013. Христианские древности Ростислава Рязанского (из раскопок 1991—2010 гг.). *РА* (1), 130—140.
- Пескова А. А. 2003. Святой Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI—XIII вв. *Stratum plus* (6), 266—284.
- ПЛИ 1955: *Псковские летописи*. 1955. Т. V (2). Москва: АН СССР.
- ПСРЛ 2000: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. 2000. Полное собрание русских летописей 3. Москва: Языки русской культуры.
- Рабинович М. Г. 1949. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве в устье Яузы. *МИА* 12, 30—40.
- Раппопорт П. А. 1982. *Русская архитектура X—XIII вв.* САИ Е1—47.
- Седова М. В. 1997. *Суздаль в X—XV вв.* Москва: Русский мир.
- Седова М. В. 2004. Новгородские выведенцы в городах Владимире и Суздале. В: *Новгородские археологические чтения* 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород: Типография «Виконт», 123—130.
- Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. 2003. *Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X—XX веков из частных собраний*. Москва: Раритет.
- Чаев Н. С., Черепнин Л. В. 1947. *Русская палеография*. Ленинград: Центральная типография МВС СССР.
- Чернов С. З. 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (По материалам археологических исследований 1997—1998 гг.). *РА* (1), 63—81.
- Шемаханская М. С. 2000. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже. *РА* (1), 82—89.
- Шкурко А. И. 1983. Вопросы музеефикации памятников Куликовской битвы. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. Материалы юбилейной научной конференции. Москва: МГУ, 225—233.
- Шполянская Д. В. 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV—XVI вв. Рождественно 1 (предварительное сообщение). *Археология Подмосковья* 4, Матер. науч. семинара. Москва: Институт археологии РАН, 267—275.
- Янин В. Л. 1970. *Актовые печати древней Руси X—XV вв.* Москва: Наука.

References

- Alekseev, A. V. 2005. In *Stavrograficheskii sbornik (Staurographic Volume)*. Book III. *Krest kak lichnaia sviatynia (Cross As Personal Sanctuary)*. Moscow: Moskovskaia Patriarkhiia; Drevlekhramnisheshe, 231—244 (in Russian).
- Antonova, V. I., Mneva, N. E. 1963. *Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia Galereia. Katalog drevnerusskoi zhivopisi (State Tretyakov Gallery. Catalog of Early Russian Painting)*. Vol. 1. XI—XVI vv. (11th—16th cc.). Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Artsikhovskiy, A. V. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies in Archaeology of Early Russian Towns)* I. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 11, 119—151 (in Russian).
- Astashova, N. I., Petrova, L. A., Saracheva, T. G. 2013. *Kresty-enkolpiony iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Crosses-Enkolpions from Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: RIP-kholding (in Russian).
- Beletsky, V. D. 1967. Otchet o raskopkakh Pskovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1966 god (Report on Excavations of Pskov Archaeological Expedition for 1966). Arkhiv Otdela istorii Russkoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Archive of the History of Russian Culture Department of the State Hermitage). ERA. F/1966. Leningrad (in Russian).
- Beletsky, V. D. 1986. *Dovmontov gorod (Dovmont's Town)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Beletsky, V. D. 1991. *Drevnii Pskov. Katalog vystavki (Early Pskov. Exhibition Catalog)*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Gnutova, S. V., Zotova, E. Ya. 2000. In *Iz sobraniia Tsentral'nogo muzeia drevnerusskoi kul'tury i iskusstva imeni Andreia Rubleva (From Collection of Andrei Rublev Central Museum of the Early Russian Culture and Art)*. Moscow: Interbuk-Biznes (in Russian).
- Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia Galereia (State Tretyakov Gallery). 1995. *Katalog sobraniia (Collection Catalog)* I. *Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV v. (Early Russian Art of 10th — early 15th cc.)*. Moscow: Krasnaia ploshchad' (in Russian).
- Darkevich, V. P., Putsko, V. G. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 218—232 (in Russian).
- Drobenkova, N. F. 1988. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi (Dictionary of Bookmen and Booklore of the Early Rus')*. Issue 2. *Vtoraia polovina XIV—XVI v. (Second Half of 14th — 16th cc.)*. Part 1: A—K. Leningrad: Nauka, 330—336 (in Russian).
- Zhiznevskiy, A. K. 1888. *Opisanie Tverskogo muzeia. Arkheologicheskii otdel (Description of Tver Museum. Archaeological Section)*. Moscow: Sinodal'naia tipografiia, 86—114 (in Russian).

№5. 2014

- Zalesskaya, V. N. 1996. *Dve serebrianye chashi masterov Chiprovatsa i Dubrovnik v sobranii Ermitazha (Two Silver Cups Manufactured by Masters of Ciprovac and Dubrovnik in the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 145—154 (in Russian).
- Kolpakova, Yu. V. 2007. *Khristianskie drevnosti naseleniia Pskova i Pskovskoi zemli kontsa X—XVIII vv. (Predmety lichnogo blagochestiia) (Christian Antiquities of Pskov and Pskov Land Populations in late 10th—18th cc. (Items of Personal Piety))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Kolpakova, Yu. V. 2011. In *Drevnosti Pskova. Arkheologiya, istoriya, arkhitektura (Pskov Antiquities. Archaeology, History, Architecture)* 2. Pskov, 141—156 (in Russian).
- Korzukhina, G. F., Peskova, A. A. 2003. *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty — relikvarii X—XIII vv. (Early Russian Enkolpions. Baptismal Crosses-Reliquaries of 10th—13th cc.)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Kostsova, A. A. 1992. *Siuzhety drevnerusskikh ikon (Themes of Early Russian Icons)*. Saint Petersburg: Iskusstvo (in Russian).
- Lipatov, A. A., Mednikova, E. Yu., Musin, A. E., Peskova, A. A. 2006. In *Khristianskaia ikonografiia Vostoka i Zapada v pamiatnikakh material'noi kul'tury Drevnei Rusi i Vizantii (Christian Iconography of the East and West in Material Culture of the Early Rus' and Byzantium)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 291—308 (in Russian).
- Likhacheva, V. A. 1981. *Istoriia iskusstva Vizantii IV—XV vekov (Byzantine Art History of 4th—15th cc.)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Ostapenko, A. A. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 130—140 (in Russian).
- Peskova, A. A. 2003. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 266—284 (in Russian).
- Pskovskie letopisi (Pskov Chronicles)*. 1955. Vol. V (2). Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov (Novgorod First Chronicle of the Old and Young Versions)*. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Full Collection of Russian Chronicles) 3. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (in Russian).
- Rabinovich, M. G. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 12, 30—40 (in Russian).
- Rappoport, P. A. 1982. *Russkaia arkhitektura X—XIII vv. (Russian Architecture of 10th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—47 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1997. *Suzdal' v X—XV vv. (Suzdal' in 10th—15th cc.)*. Moscow: Russkii mir (in Russian).
- Sedova, M. V. 2004. In *Novgorodskie arkheologicheskie chteniia (Novgorod Archaeological Readings)* 2. Velikii Novgorod: Tipografiia "Vikont", 123—130 (in Russian).
- Stanyukovich, A. K., Osipov, I. N., Soloviov, N. M. 2003. *Tysiacheletie kresta. Proizvedeniia russkoi khristianskoi metaloplastiki X—XX vekov iz chastnykh sobranii (A Millennium of Cross. Items of Russian Christian Metalwork of 10th—20th cc. from Private Collections)*. Moscow: Raritet (in Russian).
- Chaev, N. S., Cherepnin, L. V. 1947. *Russkaia paleografiia (Russian Palaeography)*. Leningrad: Tsentral'naia tipografiia MVS SSSR (in Russian).
- Chernov, S. Z. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 63—81 (in Russian).
- Shemakhanskaya, M. S. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 82—89 (in Russian).
- Shkurko, A. I. 1983. In *Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny (Battle at Kulikovo in History and Culture of our Homeland)*. Moscow: MGU, 225—233 (in Russian).
- Shpolyanskaya, D. V. 2008. In *Arkheologiya Podmoskov'ia (Archaeology of Moscow Region)* 4. Moscow: Institut arkheologii RAN, 267—275 (in Russian).
- Yanin, V. L. 1970. *Aktovy pechati drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Early Rus' of 10th—15th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Статья поступила в номер 14 апреля 2014 г.

Zoja Prusakova (Saint Petersburg, Russia). The State Hermitage Museum¹.

Zoja Prusakova (Sankt Petersburg, Rusia). Ermitajul de Stat.

Прусакова Зоя Васильевна (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: prusakova-herm@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Nab., 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russia

С. С. Рябцева, О. К. Савельев

Некоторые предметы из цветных металлов и ювелирный инструментарий из раскопок Белгород-Днестровской крепости

Keywords: Belgorod, Rus', Byzantium, Balkans, Europe, Golden Horde, Moldovan period, Turkish period, jewelry, jewelry tools.

Cuvinte cheie: Belgorod, Rusia, Bizanț, Balcani, Europa, Hoardă, perioada moldovenească, perioada otomană, bijuterii, instrumente de bijuterii.

Ключевые слова: Белгород, Русь, Византия, Балканы, Европа, Золотая Орда, молдавский период, турецкий период, ювелирные изделия, ювелирный инструментарий.

S. S. Ryabtseva, O. K. Savelyev

Some Items of Non-Ferrous Metals and Jewelry Tools from the Excavations of Belgorod-Dnestrovskiy Fortress

The article discusses a number of medieval objects from non-ferrous metals, as well as finds of jewelry tools from the Belgorod-Dnestrovskiy fortress. Some enkolpions date back to the Pre-Mongol period (10th — 13th cc.), two of them belong to the Byzantine-Danubian types, and five to the Old Russian ones. Mediterranean and Danubian contacts of the Belgorod population are marked by the negatives printed on a stone casting mold of 10th—11th centuries. Metal objects of 13th—14th centuries reflect both the Western European and the Horde's influence on the composition of the metal dress and the specificity of horse and rider equipment. Several ornaments of 15th century are typical for jewelry dress of population of the Moldavian Principality. Turkish influence in the Carpathian Balkan region is traced from 15th c., and, as a result, — belts with buckles-pafts got widely spread. Materials from the excavations in Belgorod contain an extensive collection of these buckles.

S. S. Ryabtseva, O. K. Savelyev

Unele piese din metale neferoase și unelte pentru confecționarea bijuteriilor provenite din săpăturile de la cetatea Belgorod de pe Nistru

Articolul discută o serie de descoperiri de obiecte medievale din metale neferoase și unelte pentru confecționarea bijuteriilor, provenite din săpăturile de la cetatea Belgorod de pe Nistru. Astfel, câteva encolpioane pot fi datate în perioada pre-Mongolă (sec. X—XIII), dintre care două se referă la tipurile bizantino-dunărene, și cinci la tipurile ruse vechi. Negativele, realizate pe o formă de turnat din piatră, reflectă legăturile locuitorilor Belgorodului cu zonele dunărene și mediteraneene în sec. X—XI. Piese de metal din secolele XIII—XIV reflectă atât influențele vest-europene, cât și cele parvenite din partea Hoardei de Aur asupra compoziției garniturii metalice și specificului echipamentului pentru cal și călăreț. Câteva podoabe din sec. XV sunt tipice pentru giuvaergeria populației Moldovei medievale. Începând cu secolul al XV-lea, în regiunea carpatobalcanică se resimte influența turcească, concretizată în răspândirea largă a centurilor cu cataramă-paftale. Materialele din săpăturile efectuate în cetatea de la Belgorod includ o vastă colecție de cataramă de acest tip.

С. С. Рябцева, О. К. Савельев

Некоторые предметы из цветных металлов и ювелирный инструментарий из раскопок Белгород-Днестровской крепости

В статье рассматривается ряд средневековых предметов из цветных металлов, а также находок ювелирного инструментария из раскопок Белгород-Днестровской крепости. Домонгольским временем (X—XIII вв.) датируются энколпионы, два из них принадлежат к византийско-дунайским типам, пять — древнерусские. О средиземноморских и подунайских связях населения Белгорода свидетельствуют негативы, нанесенные на каменную литейную формочку X—XI вв. Металлические изделия XIII—XIV вв. отражают как западноевропейское, так и ордынское влияние на состав металлического убора и специфику снаряжения коня и всадника. Ряд украшений XV в. является типичным для ювелирного убора населения Молдавского княжества. С XV в. в Карпато-Балканском регионе прослеживается турецкое влияние, в результате чего получают широкое распространение пояса с пряжками-пафтами. Материалы из раскопок Белгорода содержат обширную коллекцию подобных застежек.

Подборка предметов из цветных металлов, происходящих из раскопок Белгорода, хотя и намного уступает по количеству находкам, например, представленным в керамической коллекции, но изучена и опубликована фрагментарно. Средневековые металлические изделия из Белгорода-Днестровского (Одесская обл., Украина) ещё не становились предметом специального исследования. Можно назвать лишь две работы, в которых рассматриваются энколпионы, найденные на этом памятнике (Куницкий 1985; 1990), а также недавние публикации, посвященные типологии и хронологии пряжек-пафт из Белгорода и Очакова (Беляева, Фиалко 2012: 362—366; Біляєва, Фіалко 2012: 256—264). Таким образом, находки предметов из цветного металла и инструментария для их изготовления еще нуждаются в детальном изучении. Мы остановимся лишь на отдельных изделиях, дающих некоторое представление о найденных здесь украшениях и предметах личного христианского благочестия. Хотя средневековые ювелирные мастерские на этом памятнике пока не были обнаружены, но об их существовании свидетельствуют найденные здесь литейные формочки и ювелирные штампы¹.

Но сначала несколько слов о самом памятнике. История изучения Белгородской крепости насчитывает уже более столетия (Штерн 1901: 33—61; Клейман 1979: 54—65; Кравченко 1986: 3—19; Шлапак 2001: 9—39; Самойлова 2002: 17—22; Красножон 2012: 13—23; Богуславский 2013: 757, там же и литература). Однако многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. К числу наиболее сложных проблем относится вопрос о Белгороде, предшествовавшем золотоордынскому поселению конца XIII — семидесятых годов XIV вв. (Кравченко 1986: 13;

Богуславский 2002: 163—164; Самойлова 2008: 170).

Письменные источники и характер поселения

Данные письменных источников дают возможность предполагать наличие здесь средневекового поселения или крепости в X в. (Константин Багрянородный 1989: 72—74; ПСРЛ 1995: 5). Однако характер этого поселения нам до сих пор неизвестен. По всей видимости, наряду со славянским, здесь был представлен и кочевнический компонент — недаром Константин Багрянородный называет эту территорию «подконтрольной печенегам». Значительное влияние на материальную и духовную культуру в данном регионе оказывало Первое Болгарское царство (материалы балкано-дунайской культуры представлены и в Белгороде) (Богуславский 2002: 163).

Собственно говоря, остатки поселения не найдены и для более позднего времени, вплоть до оседания здесь в конце XIII в. значительной группы золотоордынского населения. Остатки жилых кварталов золотоордынского поселения стали объектом изучения со второй половины XX в. (Кравченко 1986). Наиболее подробные сведения об этом городе — Акджа-Кермен (Аккермане) содержатся в географическом труде Абу-л-Фиды «Упорядочение стран», написанном в 1321 г., но дополнявшемся вплоть до смерти автора в 1331 г. В нем говорится, что Акджа-Кермен — «город страны болгар и тюрок... Он невелик... его жители мусульмане, другие неверные». Упоминается Аккерман также у ал-Омари и ал-Калкашанди (Полевой 1979: 67; Коновалова 1991: 40—70; Руссев 1999: 61). Начиная с 1290 г. в итальянских источниках появляются сведения о заходе в Белгород (Маврокастро, Малькастро, Маокастро) итальянских торговых судов (Полевой 1979: 67; Коновалова 1989: 306).

Название города присутствует на всех картах XIV в., зачастую над ним изображен флажок с джучидской тамгой (карты П. Весконтес, А. Дульчера и др.). Однако при этом вплоть до Днестра зачастую простирается надпись «Bulgaria» (Коновалова 1983: 35—50; Богуславский 2013: 760). В XIII—XIV вв. этот торговый портовый город находился в тесной связи с византийскими, итальянскими, арабскими купцами и являлся одним из главных пунктов транзитной хлебной торговли на Черном море. Документы фиксируют проживание здесь монголов, татар, сарацинов, греков, болгар, армян, евреев, итальянцев.

¹ Мы хотим высказать благодарность руководителю Белгород-Тирской экспедиции ИА НАН Украины Т. Л. Самойловой за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы, а также директору и сотрудникам Одесского археологического музея НАН Украины и Белгород-Днестровского краеведческого музея за помощь в работе с фондами. В процессе подготовки статьи мы общались со многими коллегами, которым очень хочется выразить искреннюю признательность за консультации, помощь с литературой и просто беседы. Это в первую очередь Ю. М. Лесман, а также М. Г. Крамаровский, А. А. Пескова, О. А. Щеглова, П. П. Азбелев, В. Ю. Соколов (Санкт-Петербург), И. А. Стерлигова (Москва), Л. В. Пекарская (Лондон), С. Дончева (Шумен), С. А. Беляева, Н. В. Хамайко, А. В. Комар, И. В. Карашевич (Киев), М. Е. Шлапак, С. Табак, Л. В. Дергачева, Т. П. Нестерова, Л. Бакуменко-Пырнэу (Кишинев), Г. С. Богуславский, А. В. Красножон (Одесса).

Письменные свидетельства о волохах (молдаванах) относятся к концу XIV — XV вв. (Полевой 1979: 69; Руссев 1999: 74).

Если исходить из данных Абу-л-Фида, власть в городе принадлежала золотоордынцам и болгарам. Болгарское влияние было особенно сильным в период правления царя Федора Святослава (1300—1322), в это время отмечено ущемление болгарскими властями в правах генуэзских купцов (Коновалова 1991: 102; Руссев 1999: 74). Степень влияния генуэзцев в этом городе является одним из дискуссионных вопросов, однако в настоящее время доминирует мнение о том, что оно проявлялось в основном в сфере торговли (см. напр. Бертье-Делагард 1900: 75—82; Штерн 1901: 33—61; Богуславский 2013: 763).

Оставление монголами Белгорода относится к 70-м годам XIV в. (Полевой 1979: 67). По мнению некоторых исследователей, город угасал около 10 лет, а к концу XIV в. район, где были расположены золотоордынские кварталы, окончательно опустел (Кравченко 1986: 19). К сожалению, отсутствуют точные данные о времени включения Белгорода в состав Молдавского государства. По всей видимости, это происходит в промежутке 1375—1380 гг. (Gorovei 1997: 116, 121).

Одно из первых упоминаний Белгорода как молдавского города встречается в Списке «А се имена всем градам Русским дальним и ближним» конца XIV в. (Тихомиров 1952: 214—259; Янин 1998: 66). Открывают список волошские и болгарские города. Названо 12 молдавских городов, в том числе «Белгород на устье Днестра, над морем». Вряд ли можно согласиться с авторами, приводящими это свидетельство в качестве подтверждения того, что Белгород в XIV в. являлся русским городом (напр. Мезенцева 1986: 514). Однако документ свидетельствует о заинтересованности Русского государства в контакте с Карпато-Балканским регионом и представлении об общности со славянской культурой части его населения (Коновалова 1999: 92). То, что болгарские и волошские города объединены в один параграф, по мнению исследователей, может свидетельствовать не только об их территориальной близости. Возможно, это и память о том, что ко времени составления Списка, как раз и произошел переход таких пунктов, как Белгород, из-под болгарского влияния в подчинение Молдове (Руссев 1999: 72).

Крепостное сооружение в устье Днестра (Monchastro) впервые изображено на карте «Codex Latinus Parisinus», созданной при дворе венгерского короля Сигизмунда в 1396 г.,

а в первой половине XV в. письменные источники неоднократно сообщают об укрепленном городе и порте на Черном море, где проживают генуэзцы, волохи и армяне (Шлапак 2001: 18, 37, 38, 40, рис. 2). В череде событий XV—XIX вв. решающими в судьбе Белгородской крепости являются: 1484 г. — захват крепости турецким султаном Баязидом II совместно с татарским ханом Менгли Гиреем; 1806 г. — завоевание города и крепости русской армией; 1832 г. — упразднение крепости как самостоятельного военного объекта (Шлапак 2001: 198—202).

Проблема домонгольского Белгорода

К сожалению, скудость письменных известий о домонгольском Белгороде ненамного дополняют данные археологии. Ряд исследователей выделяет на памятнике славянские слои, фиксирует остатки поселения, могильника (Дмитров 1949: 39—52; 1952: 59—64; Рабинович 1968: 102—107; Мезенцева 1981: 283—284; 1986: 513—518). В публикациях встречаются упоминания о находках славянской керамики (в том числе и лепной, датированной VIII—IX вв.), многочисленных предметов вооружения, ювелирных украшений, предметов личного христианского благочестия, к сожалению, зачастую, не подкрепленные изображениями и типологическим анализом. Представляется, что назрела необходимость пересмотра имеющихся коллекций из раскопок середины XX в. Подобная работа уже проведена для части коллекций из раскопок Л.Д. Дмитрова киевской исследовательницей И.В. Карашевич (Карашевич 2010: 129—135). Другое направление в историографии, которое можно условно назвать «скептическим», фиксирует отсутствие строительных остатков в период после окончания функционирования Тиры и до основания золотоордынского поселения (Клейман 1979: 68—69; Кравченко 1986: 13). Однако и эти исследователи не отрицают возможности обнаружения славянского Белгорода, более того, выделяют этот вопрос в качестве одной из приоритетных задач исследования памятника.

По мнению Т.Л. Самойловой, до сих пор не найденное основное доордынское поселение могло располагаться не над остатками античной Тиры, а быть смещено к западу — на незастроенную в античности территорию, не подвергавшуюся до сих пор планомерным исследованиям (Самойлова 2008: 170). Постепенно круг находок, заполняю-

щих «лакуну между Тирой и Ордой», расширяется. К вещам, укладываемым в промежуток VI—XII вв. и имеющим аналогии как в Крыму, так и в Подунавье, относятся: фрагменты амфор, лепная, а также красноглиняная и сероглиняная гончарная керамика (в том числе близкая к византийским, салтово-маяцким и балкано-дунайским образцам), мраморные архитектурные детали, византийские монеты (Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 164, 165).

Предметы личного христианского благочестия

Энколпионы

К X—XIII вв. относятся нагрудные кресты-реликварии, происходящие из Белгорода. Известно уже 7 экземпляров, два из них — византийские (рис. 1: 1, 2), остальные пять — древнерусские.

Один из византийских крестов-реликвариев представлен оборотной створкой большого (7,2×4,8 см) креста с прямыми, немного расширенными ветвями и врезным изображением святого в позе оранта; на боковых концах створки, возможно, переданы литургические предметы (кадило или лампада и ложечка для причастия); над головой святого надпись НОАННС (рис. 1: 1) (Куницкий 1985: 124, рис. 1: 1; Куницкий 1990: 109, рис. 1: 3; Корзухина, Пескова 2003: 53, кат. № I.2/1). Второй, также крупный (7,7×5,0 см), крест-реликварий с прямыми ветвями украшен рельефными изображениями Распятия с предстоящими на лицевой створке и Богоматери Оранты в рост и четырех евангелистов погрудно в медальонах на оборотной (рис. 1: 2) (Куницкий 1985: 125, рис. 1: 3; Куницкий 1990: 111, рис. 6: 6; Корзухина, Пескова 2003: 45, кат. № I.1/1)².

С территории Древней Руси происходит свыше пятидесяти находок энколпионов византийского круга, в том числе около сорока адресных (Корзухина, Пескова 2003: 41—59, табл. 1—15), есть среди них и кресты, аналогичные белгородским. Основная территория их распространения — Средиземноморье и Балканы, встречаются они также в Крыму, на Кавказе, в Центральной, Западной и Северной Европе (Корзухина, Пескова 2003: 41). Энколпионы с грави-

рованными изображениями святых в позе оранта иконографически весьма разнообразны. На территории Восточной Европы подобные кресты представлены в Киеве, Херсонесе, Угличе, Василеве, Гнездове, Белой Веже (Залесская 1988: 94; Куницкий 1990: 108—110; Корзухина, Пескова 2003: 49—59, табл. 10, 11—13, 15). Наибольшее количество таких энколпионов происходит из регионов Восточного Средиземноморья и Балкано-Карпатских земель. Большим количеством находок они представлены в Болгарии, известны в Румынии и других европейских странах (Mănăscu-Adameşteanu 1984: 375—380; Куницкий 1990: 108—110; Teodor 1991: 166, fig. 18; Атанасов 2007: 169—231; Дончева-Петкова 2011: 49—105; Пескова, Строкова 2012: 32—47).

Крест с рельефными изображениями из Белгорода имеет многочисленные аналогии. Большая часть находок подобных изделий происходит из региона Восточного Средиземноморья, а также Балкан и Подунавья, встречаются они и в Малой Азии, в Крыму, на Кавказе (Pitarakis 2006: 195—221, pos 19—73, 80—101, 107—118; Дончева-Петкова 2011: 124—131, кат. № 219—269). Данная модель креста-реликвария является одной из самых популярных и распространенных в византийском мире (основной иконографический тип, по мнению А. А. Песковой) (Пескова 2009: 296, рис. 6; об этом же см.: Пескова, Строкова 2012: 42). Только на территории Болгарии учтено свыше 50 находок таких крестов, в том числе в археологическом контексте, позволившем исследователям отнести их появление к концу IX—X в. и проследить длительность бытования с X по XII в. (Дончева-Петкова 2011: 127—131). На территории Древней Руси находки аналогичных крестов связаны с южнорусскими археологическими памятниками X—XIII вв., но, к сожалению, четкой стратифицированной даты ни один из этих крестов не имеет. Это древнерусские городища Княжая Гора и Девичья Гора в Среднем Поднепровье, Остерский городок на Десне, сельское поселение Ланок в Черниговском Полесье, а также случайная находка в Ивано-Франковской области Украины (Корзухина, Пескова 2003: 45—46, кат. I.1/4, 8, 9, 11, 12; Веремейчик 2010: 344, рис. 2: 1). Обнаружены аналогичные кресты и при раскопках на Херсонесском городище (Наследие византийского Херсона 2011: 236—237, 518—521, кат. № 186—188, 191).

Белгородской створке с врезанным схематичным изображением св. Иоанна прямых аналогий найти не удалось, и вряд ли они най-

² Крест хранится в Белгород-Днестровском краеведческом музее, инв. № А5315, поступил в 1948 г. в качестве дара от местного жителя Челябинского.

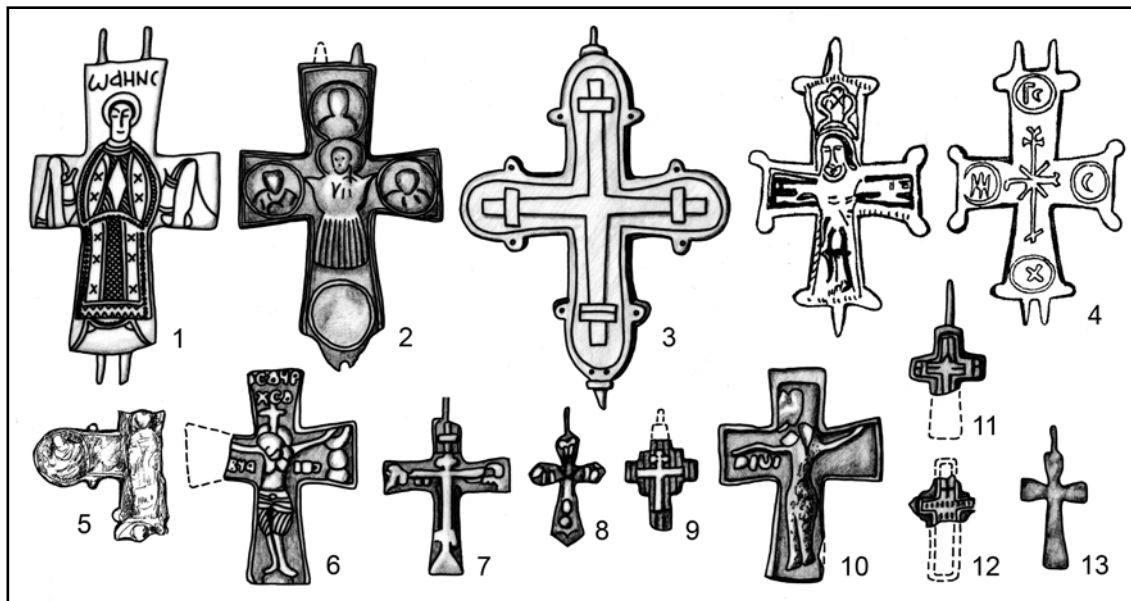

Рис. 1. Энколпионы и кресты из Белгорода-Днестровского (Украина). Масштабы разные. (1—3, 6—13 — по Куницкий 1990: 109, рис. 1; 4 — по Уваров 1856: табл. XXXII; 5 — по Биляева 2012: 527, рис. 37).

Fig. 1. Enkolpions and crosses from Belgorod-Dnestrovskiy (Ukraine). Different scale is used. (1—3, 6—13 — after Куницкий 1990: 109, рис. 1; 4 — after Уваров 1856: табл. XXXII; 5 — after Биляева 2012: 527, рис. 37).

дуются, так как изображения молящихся святых и крестообразных композиций на крестах этой группы очень разнообразны, несмотря на их схематизм. Их ареал столь же широк, как и ареал рельефных крестов-реликвариев, хотя преимущественное распространение они получили на территории Малой Азии. Основное время их бытования, по мнению исследователей, приходится на конец X—XI в., но продолжается вплоть до XIII в. (Pitarakis 2006: 108; Дончева-Петкова 2011: №133—142, 168—180). Находки крестов этой группы, как и группы крестов с рельефными изображениями, на территории Древней Руси также связаны в основном с южнорусскими памятниками XI—XIII вв. (Корзухина, Пескова 2003: 53—58, кат. I.2/1—2, 4—5, 7, 10—17, 21—24, табл. 10—12). Исключением является энколпион (Богоматерь с Младенцем — св. Иоанн), обнаруженный в пахотном слое на Гнёздовском поселении, который исследователи считают возможным датировать X веком (Асташова 1974: 249—251; Асташова, Петрова, Сарачева 2013: 147, №18). Определить регион, откуда могли попасть в Белгород византийские кресты-реликварии, пока не представляется возможным.

Древнерусские кресты-энколпионы иконографически восходят к византийским образцам, однако весьма своеобразны (Пескова 2006: 120—162). Древнерусские энколпионы из Белгорода принадлежат к типам, хорошо известным на Руси в XII—XIII вв. К на-

стоящему времени мы обладаем информацией о пяти крестах.

В собрании Отдела Востока Государственного Эрмитажа (инв. № ω.1186) хранится обратная створка крупного (8,9×6,7 см) энколпиона XII—XIII вв. с закругленной формой ветвей и литым рельефным изображением Богоматери Одигитрии в центре и трех святых в медальонах, переданных погрудно. Надписи очень глубокие, но плохо читаемые (Корзухина, Пескова 2003: 61, кат. II.1.1/1)³.

В том же собрании (инв. ω. №1187) находится и обратная створка энколпиона среднего размера (5,1 (фрагм.)×5,5 см), датированного XIII в. Крест с закругленными ветвями и рельефными изображениями Распятия в центре с предстоящими и архангелами в медальонах⁴. Створка частично фрагментирована.

³ Среди находок крестов этого типа встречаются крупные и средние энколпионы. Боковые и верхняя ветви заканчиваются вписанными в них медальонами с изображениями святых. На лицевой створке — изображение Распятия и 3 святых в медальонах, на обороте — Богоматерь Одигитрия в рост и 3 святых в медальонах. Рельеф высокий, компоновка изображений свободная. Кресты принадлежат к типу II/1 (по Корзухина, Пескова 2003: 60, 61).

⁴ На лицевой створке таких крестов в центре представлено поколенное изображение Богоматери с ладонями перед грудью и четырех евангелистов в медальонах на концах ветвей. На обороте в центре — Распятие с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом (в боковых медальонах) и двумя архангелами (в верх-

на. Не сохранился верхний медальон и одна нижняя петля, а также надписи (Корзухина, Пескова 2003: 212—213, кат. VII.2.1/1).

XII веком может быть датирован целый прямоконечный энколпион небольшого размера (4,3×3,2 см) с выступами на углах ветвей и гравированными черненными изображениями (место хранения неизвестно) (рис. 1: 4). На лицевой стороне креста — Распятие и крест в возгавии. На обороте — крест и буквы в медальонах. Он был найден в середине XIX в. у фундамента Греческой церкви за пределами крепости между человеческими костями во время перестройки храма (Уваров 1856: табл. XXXII: 24; Корзухина, Пескова 2003: 161, кат. IV.5.4/1, табл. 96).

В 1978 г. при исследовании минарета на территории крепости, недалеко от фундамента церкви, открытой в результате раскопок экспедицией под руководством Г. Г. Мезенцевой, была найдена лицевая створка крупного (8×6,7 см) энколпиона древнерусского типа, датируемого XII—XIII вв. (рис. 1: 3). В 1986 г. крест был передан в Белгород-Днестровский краеведческий музей (инв. № И1719). Энколпион с закругленными концами ветвей, маркированными выступами, в его центр вписано резное изображение четырехконечного креста с перекрестиями на каждом конце (Куницкий 1985: 124, рис. 2; Teodor 1991: 177; Корзухина, Пескова 2003: 145, кат. IV.2.3/1, табл. 81). Изображения крестов такого рода не характерны для древнерусских энколпионов, хотя эта форма нередко использовалась при изготовлении каменных и металлических нательных крестов и крестовключенных подвесок. Поэтому не исключено, что рассматриваемая створка могла быть изготовлена местным мастером.

Еще один фрагмент энколпиона был найден во время раскопок на территории крепости Международной Южной средневековой археологической экспедиции Института археологии НАН Украины (руководители С. А. Беляева и Б. Ерсой) (Беляева 2012: 527, рис. 37) (рис. 1: 5). Крест относится к широко распространенному типу древнерусских энколпионов с обращениями «Святая Богородица, помогай»⁵ и может быть датирован в пределах XIII в.

нем и нижнем медальонах). Изображения сопровождаются краткими углубленными надписями. Подобные энколпионы относятся к типу VII.2.1 (по Корзухина, Пескова 2003: 212).

⁵ Подобные энколпионы с закругленными створками и литыми объемными изображениями — Богоматери на лицевой стороне, Распятия на оборотной и свя-

Кресты-тельники

Кроме того, в Белгороде был найден целый ряд нательных крестов. Так, Э. Р. Штерн, ведя отчет о раскопках 1900 г. в крепостных дворах (Штерн 1901: 33—61), отмечает, что «были найдены картечь, много железных предметов, гвозди, подковы, наперсток, крестики, фрагменты красноглиняной позолоченной трубки». Румынский исследователь Г. Авакян, описывая материал, происходящий из траншеи, заложенной под апсидой храма, находящейся в толще стены цитадели, отмечает, что в верхнем слое представлены «турецкие трубки, медный византийский крестик, обломки сосудов зеленого стекла, мраморные ядра, поливная керамика, мраморная плита с греческой надписью» (Avakian 1931: 67).

Однако в литературе известны только изображения крестов, найденных при раскопках 1978 и 1980 гг. Г. Г. Мезенцевой (хранятся в краеведческом музее Белгорода-Днестровского) (Куницкий 1985: 126). Два крестика среднего размера с прямыми расширяющимися лопастями и с изображением Распятия и предстоящих, возможно, вылиты в одной форме (рис. 1: 6, 10). Изображения очень близки, но на одном кресте оно хорошего качества, на втором нечеткое. В. А. Куницкий называет эти кресты энколпионами (однако на них полностью отсутствуют как следы петелек, так и шарниров) и датирует XV—XVI вв. на основании аналогий с крестом, опубликованным Б. И. и В. Н. Ханенко (1899: 26, табл. XI: 134). Одним экземпляром в данной подборке представлен крест с выступами в средокрестье и изображением шестиконечного креста (рис. 1: 9). Кресты с подобными выступами известны с домонгольского времени (XII—XIII вв.) (Ханенко 1899: табл. VI: 83; Древняя Русь 1997: 349, табл. 103: 39). Однако подобные крестики существовали и в более позднее время. Так, бронзовый крестик из коллекции Российского этнографического музея с псевдозернью в углах выступов, прикрепленный к бисерной цепи, относится к XVIII—XIX вв. (Островский, Федоров 2007: 81, кат. 63). Прямоконечный широколопастной крест (рис. 1: 11) имеет аналогии среди находок, представленных в альбоме Б. И. и В. Н. Ханенко (1899: табл. X: 125 — медный крест-тельник XVII в.). В Пскове их находят в слоях XVI/XVII — первой половины XIX в. В старообрядческой среде такие кресты

тых в медальонах были объединены в группу VII.1 (Корзухина, Пескова 2003: 193).

(«мужской крест») бытуют вплоть до XX в. (Колпакова, Костючук 2011: 221). XVII веком может быть датирован крест из белгородской коллекции с прямыми ветвями, изображением восьмиконечного креста, копья, трости и надписью ЦРЬ СЛАВЫ IC XC (рис. 1: 7). Другой крест с подтреугольным завершением расширяющихся лопастей (рис. 1: 8) близок к серебряному черненому кресту из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко, на котором нанесена дата 1764 г. (Ханенко 1900: табл. XXXII: VI). Таким образом, все известные нательные кресты относятся, по всей видимости, к после-монгольскому периоду существования поселения и крепости.

Литейная формочка с сережкой и балкано-средиземноморские и древнерусские контакты Белгорода в X—XI вв.

Безусловно, уникальной находкой является подпрямоугольная двустворчатая известняковая формочка⁶, происходящая из раскопок, проводившихся в Белгороде-Днестровском в 1946 г. (Дмитров 1949: 48; Смольянинова 2010: 116, 117, рис. 9) (рис. 2: 1). На одной створке сохранился бронзовый штырь, забитый насквозь с оборотной стороны, на другой — отверстия для закрепления формочки. Изделие предназначено для отливки нескольких предметов, среди которых наиболее интересна серьга, декорированная имитацией драгоценных камней или жемчужин на тоненьких штырях (спнях). С.П. Смольянинова, посвятившая подробное исследование подборке белгородских формочек (в основном античных), отнесла это изделие к средневековому периоду и предположила, что в нем отливалось украшение, близкое к древнерусским лучевым кольцам (Смольянинова 2010: 116). Мы можем предложить иную интерпретацию украшения, изготовлявшегося в такой формочке, так как для отливки лучевых колец использовались одностворчатые формочки, да и форма этих украшений несколько отличается от очертания негатива из белгородской формочки.

Собственно говоря, существовало несколько типов византийских по происхождению изделий, которые могли лечь в основу декора серьги, отливавшейся в этой формочке. В X—XI вв. достаточно широко были распространены изящные украшения, в систе-

ме декора которых присутствовали треугольники зерни, проволоочные колечки, драгоценные камни и жемчуг, нанизанные на штыри (Schulze-Dörlamm 1991: 21, Abb. 3; Longó 2010: 369—409; Рябцева 2011: 166) (рис. 2: 10—13). Украшения этого круга демонстрируют тяготение к Средиземноморскому региону (их находят в Турции, Греции, Италии, на Сицилии), встречаются они в южной и восточной части Балкан, в Крыму и Карпатском регионе (Schulze-Dörlamm 1991: 21, Abb. 3; Longó 2010: 369—409). На территории Древней Руси подобная серьга найдена в Чернигове при раскопках жилища X в. (Казаков, Черненко 2007: 119—125, рис. 1: 7). К настоящему времени известно и несколько формочек, предназначенных для изготовления литых подражаний таким изделиям (рис. 2: 2, 3). Наиболее близко к белгородскому украшению, отливавшееся в формочке, найденной в византийской крепости на Дунае — Пэкуял луй Соаре (Dumitriu 2001: Taf. 80: 20).

Но есть и более редкие византийские украшения, у которых основным элементом декора были именно жемчужины на штырях. Судя по изображению золотых серег X в. из Фессалоник⁷, они могли декорироваться несколькими рядами жемчужин на штырях (Bosselmann-Ruickbie 2011: 140, cat. №55, fig. 1; Antonaras 2012: 118, fig. 2). Композиция из жемчужин и небольших золотых шариков крепится к ажурной ладьевидной конструкции, в верхней части которой расположены петли для продергивания жемчужной обниси (рис. 2: 7, 8). По краям декор обрамлен золотыми бусинами, нанизанными на кольцо серьги. Кроме того, из Фессалоник происходят и серьги, декорированные только золотыми шариками на небольших штырях (без жемчужных дополнений) (Bosselmann-Ruickbie 2011: 139, cat. №54).

Судя по всему, белгородская формочка была предназначена для отливки украшения, близкого именно к находкам из Фессалоник, так как в ней имитируются и шарики на дужке, и три ряда жемчужин. У изделий из Фессалоник существовали более роскошные аналоги (или прототипы). Изабелла Бальдини Липполис датирует VII в. золотую серьгу, вероятно, константинопольского производства, декорированную жемчужинами и драгоценными камнями на штырях и увенчанную крестовидной композицией (Baldini

⁶ Размеры целой створки — 9×7,8×1,7 см, вторая несколько меньше — обита по краям.

⁷ Серьги предположительно константинопольского производства.

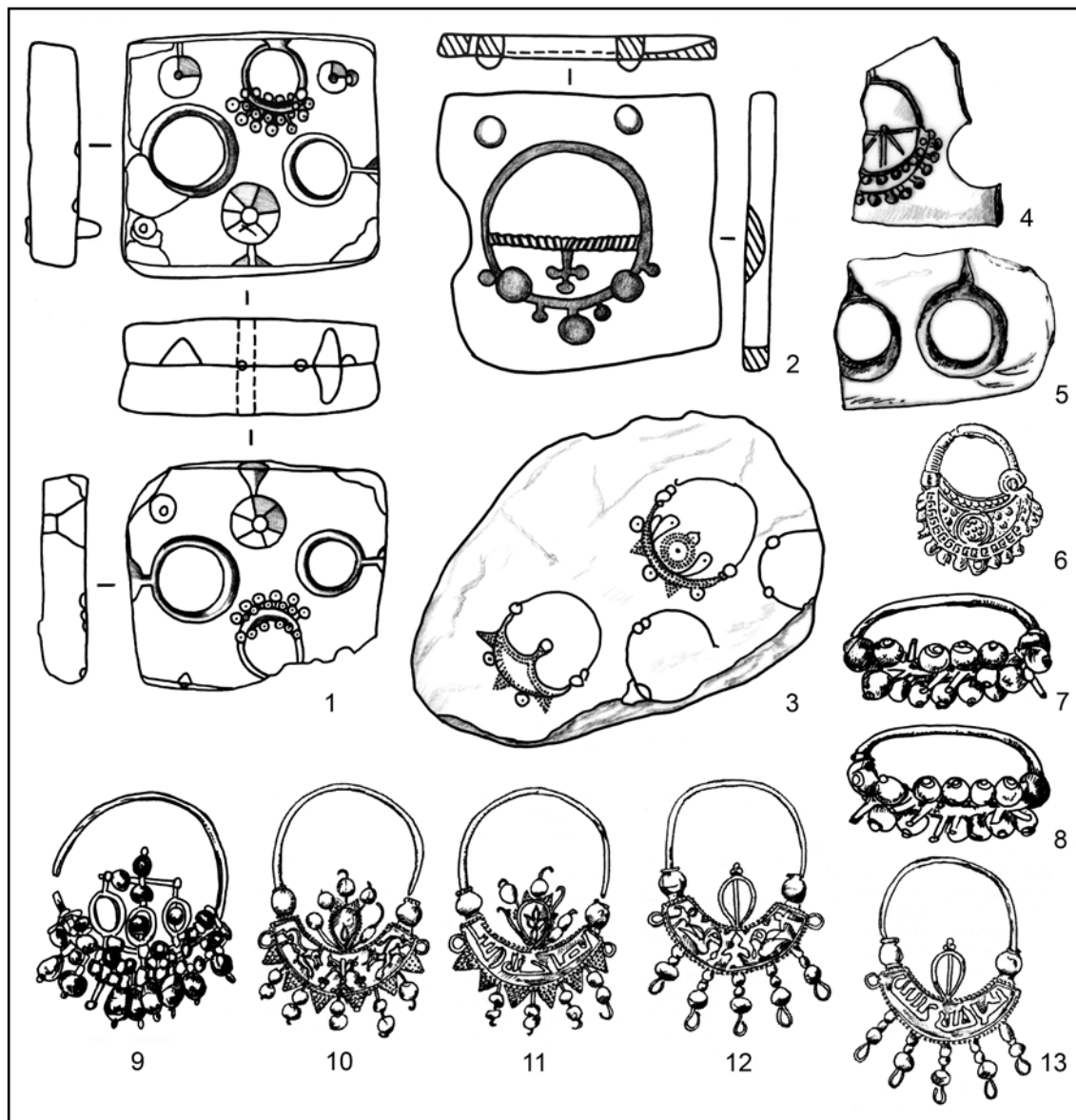

Рис. 2. Каменные литейные формочки и ювелирные украшения X—XI вв. Масштабы разные. 1 — Белгород-Днестровский (Украина); 2, 6 — Пэкуйл луй Соаре (Румыния); 3 — Руво ди Пулья (Италия); 4, 5 — Диногетия (Румыния); 7, 8 — Фессалоники (Греция); 9 — частная коллекция (украшение предположительно произведено в Константинополе); 10—13 — Крит (Греция) (1 — по Смольянинова 2010: 117, рис. 10; 2, 6 — по Dumitriu 2001: taf. 80: 20; 3 — по Longó 2010: 390, fig. 8; 4, 5 — по Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 73, fig. 38; 7, 8 — по Antonaras 2012: fig. 2; 9 — по Baldini Lippolis 1999: 102; 10—13 — по Рябцева 2011: 169, рис. 3).

Fig. 2. Stone casting molds and jewelry decorations of 10th—11th centuries. Different scale is used. 1 — Belgorod-Dnestrovskiy (Ukraine); 2, 6 — Păcuil lui Soare (Romania); 3 — Ruvo di Puglia (Italy); 4—5 — Dinogetia (Romania); 7—8 — Thessaloniki (Greece); 9 — private collection (the decoration was presumably produced in Constantinople); 10—13 — Crete (Greece). (1 — after Смольянинова 2010: 117, рис. 10; 2, 6 — after Dumitriu 2001: taf. 80: 20; 3 — after Longó 2010: 390, fig. 8; 4—5 — after Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 73, fig. 38; 7—8 — after Antonaras 2012: fig. 2; 9 — after Baldini Lippolis 1999: 102; 10—13 — after Рябцева 2011: 169, рис. 3).

Lippolis 1999: 102) (рис. 2: 9). Однако в недавнее время подобные украшения были отнесены к X в. (Bosselmann-Ruickbie 2011: 370, Abb. 16).

Для уточнения датировки и культурной атрибуции белгородской формочки важны и другие нанесенные на нее негативы.

Они предназначены для отливки двух замкнутых колец (по всей видимости, перстней, разного размера — диаметрами 3,2 и 2,5 см по внешним краям), биконического изделия (по определению С.П. Смольяниновой — пряслица, диаметром 2 см и высотой 2,2 см) и конической бляшки (диаметром 1,5 см и вы-

сотой 1 см) с плоской оборотной стороной (Смолянинова 2010: 116).

Свинцовые пряслица найдены в большом количестве при раскопках Тиры и Белгорода. В недавнее время были опубликованы данные о 104 экземплярах, собранных за последние годы работы Белгород-Тирской экспедиции (Смолянинова 2009: 202). Кроме того, на памятнике было найдено и несколько литейных формочек, предназначенных для отливки пряслиц. Формочки выполнены из ручек родосских амфор и происходят из слоев, относящихся к эллинистическому времени. Известны свинцовые пряслица и из других античных причерноморских центров — Ольвия, Истрия, Березань, Никоний, Пантикапей, а также из ряда скифских некрополей (Смолянинова 2010: 114). В Тире-Белгороде основная масса находок происходит из подъемного материала, и лишь 45 экз. связаны с определенными слоями. Причем пряслица усеченно-конической, усеченно-биконической и полусферической формы существовали длительное время и представлены в разных горизонтах от эллинизма до позднего средневековья. Пряслица же дисковидной, цилиндрической формы, «колесики» и пряслица, напоминающие ворворки, связываются исследователями только с периодом средневековья. Причем «колесики», имеющие аналогии на Селитренном городище и Биляре — конкретно с золотоордынским временем (Смолянинова 2010: 213—214).

Возможно, не все миниатюрные свинцовые предметы, находимые в Тире-Белгороде, служили именно в качестве пряслиц. Может быть, часть из них являлась грузиками или бусинами, но можно говорить о длительной традиции, налаженном производстве и хорошей сохранности в культурном слое подобных изделий. Изготовление схожих вещей на территории Древней Руси документировано находками каменных литейных формочек с подобными негативами в Киеве (рис. 4: 2) и Вышгороде (Каргер 1958: табл. L; Лесман 2010: 479, рис. 1).

Средневековые биконические свинцовые пряслица известны в слоях X—XI вв. византийских крепостей на Дунае — Диногедия и Пэкуял луй Соаре (Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 79, fig. 41: 8; 105, fig. 55; Damian 1992: 319, fig. 7: 5—8) (рис. 3: 23—25). Впрочем, иногда подобные находки интерпретируют и как грузила для рыболовных сетей. Кроме того, на этих памятниках найдены миниатюрные свинцовые изделия, внешне на-

поминающие пряслица, но имеющие расширение в нижней части⁸ (Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 79, fig. 41: 7). Подобные вещи были атрибутированы как подсвечники (Diaconu, Baraschi 1974: 390, fig. 2: 4, 5) (рис. 3: 26). Так как изделия имеют сквозные отверстия, то, по мнению исследователей, они могли вставляться в какую-то подставку.

Свинцовые пряслица находят также и на территории Болгарии (например, в материалах производственного комплекса у с. Новосел) (Бонев, Дончева 2011: 297, табл. LV: 663, 664) (рис. 3: 33, 34). Встречаются на Балканах и формочки для их отливок (так, двусторонняя глиняная формочка была найдена в окрестностях Шумена (Donceva 2012: 65, fig. IV: 1) (рис. 4: 3).

Изделия из белого металла (свинец, свинцово-оловянистый сплав) были характерны для памятников подунайского региона IX—XI вв. Среди многочисленных ювелирных украшений, происходящих из напластований X—XIV вв., исследованных в Пэкуял луй Соаре, особое внимание исследователей привлекает подборка литых свинцовых подвесок XI в. (Diaconu 1965: 307—323; Diaconu, Vîlceanu 1972: 141—146) (рис. 3: 1—8). Выполнены они в основном в виде медальонов и миниатюрных круторогих лунниц (Dumitriu 2001: Taf. 80). Среди них выделяются изделия, изготовленные в одной форме (два медальона из Пэкуял луй Соаре и третий, идентичный, найденный на территории Болгарии в Силистре) (Damian 1992: 309).

Представленное в памятниках Подунавья большое количество находок украшений, а также формочки (предназначенные для отливки подвесок, пряжек, поясных бляшек, серег, крестов) документируют наличие в этом регионе мастерских, изготавливавших литые изделия (Damian 1992: 313, fig. 3; Бонев, Дончева 2011). Изготовление подобных предметов, вероятно, было приурочено к таким важным центрам, как Преслав, Плиска, Дристра, Цар Асен, Пэкуял луй Соаре (Атанасов, Дончева 2011: 111). Многочисленные кусочки свинца, а также неоконченные и бракованные свинцовые украшения, находимые в Пэкуял луй Соаре, свидетельствуют об активной работе с этим материалом. Кроме упомянутых подвесок, здесь найдена серьга типа плоского колта (рис. 3: 17), крестики (в том числе неудачные отливки), а также несколь-

⁸ Высота изделия из Пэкуял луй Соаре 3 см, диаметр основания — 3,5 см, диаметр отверстия 1,5 см.

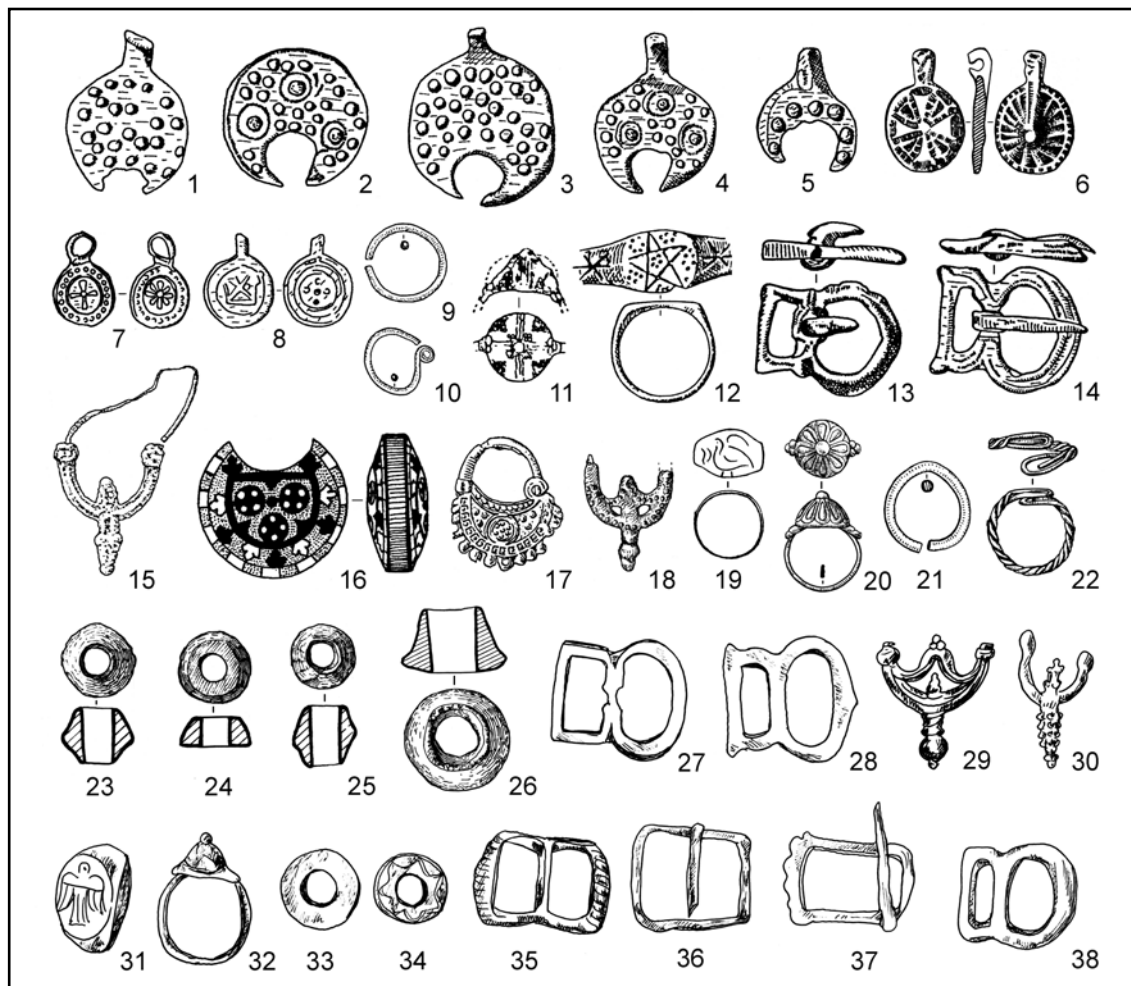

Рис. 3. Украшения и предметы из цветных металлов из Балкано-Карпатского региона X—XIV вв. Масштабы разные. 1—17 — Пэкуйл луй Соаре (Румыния); 18—26 — Диногетия (Румыния); 27—34 — Надарова (Болгария); 35—38 — Енисала (Румыния) (1—17 — по Dumitriu 2001: taf. 80; 81; 18—26 — по Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: fig. 169; 170; 27—34 — по Бонев, Дончева 2011: 292, таб. L; 297, таб. LV; 35—38 — по Stănică 2005: 90).

Fig. 3. Decorations and objects from non-ferrous metals from the Balkan-Carpathian region of 10th—14th centuries. Different scale is used. 1—17 — Păcuil lui Soare (Romania); 18—26 — Dinogetia (Romania); 27—34 — Nadarova (Bulgaria); 35—38 — Enisala (Romania) (1—17 — after Dumitriu 2001: taf. 80; 81; 18—26 — after Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: fig. 169; 170; 27—34 — after Бонев, Дончева 2011: 292, таб. L; 297, таб. LV; 35—38 — after Stănică 2005: 90).

ко экземпляров свинцовых астрагалов и многочисленные свинцовые рыболовные грузила (Diaconu, Vîlceanu 1972: 144; Damian 1992: 309—312).

Находка плоской литой серьги типа колта в Пэкуйл луй Соаре (Dumitriu 2001: Taf. 81: 3) (рис. 3: 17), позволяет сделать некоторые параллели между этим готовым украшением, а также негативами на формочках из Белгорода, Пэкуйл луй Соаре и Диногетии (рис. 2: 1, 2, 4). В случае со всеми перечисленными формочками, общим элементом декора является имитация жемчужин, драгоценных камней или маленьких металлических шариков на штырях. При этом серьга-колт из Пэкуйл луй Соаре ближе всего к формочке из Диногетии. Отливка из своеобразной фор-

мочки, найденной в Пэкуйл луй Соаре, занимала как бы промежуточное положение между византийскими серьгами-лунницами и изделием из белгородской формочки. Интересен такой элемент, как мотив креста, нанесенный на украшение, для которого предназначалась эта формочка. Если на паянных византийских изделиях крестообразные композиции венчали лунницы сверху, то на литом подражании крест расположен на самой луннице. Белгородская серьга должна быть узенькой, практически без лунницы, основной элемент декора — шарики на штырях — как на серьгах из Фессалоник (рис. 2: 7, 8).

Но на этом параллели между находкой из Белгорода и дунайскими крепостями не заканчиваются. В Диногетии была найдена

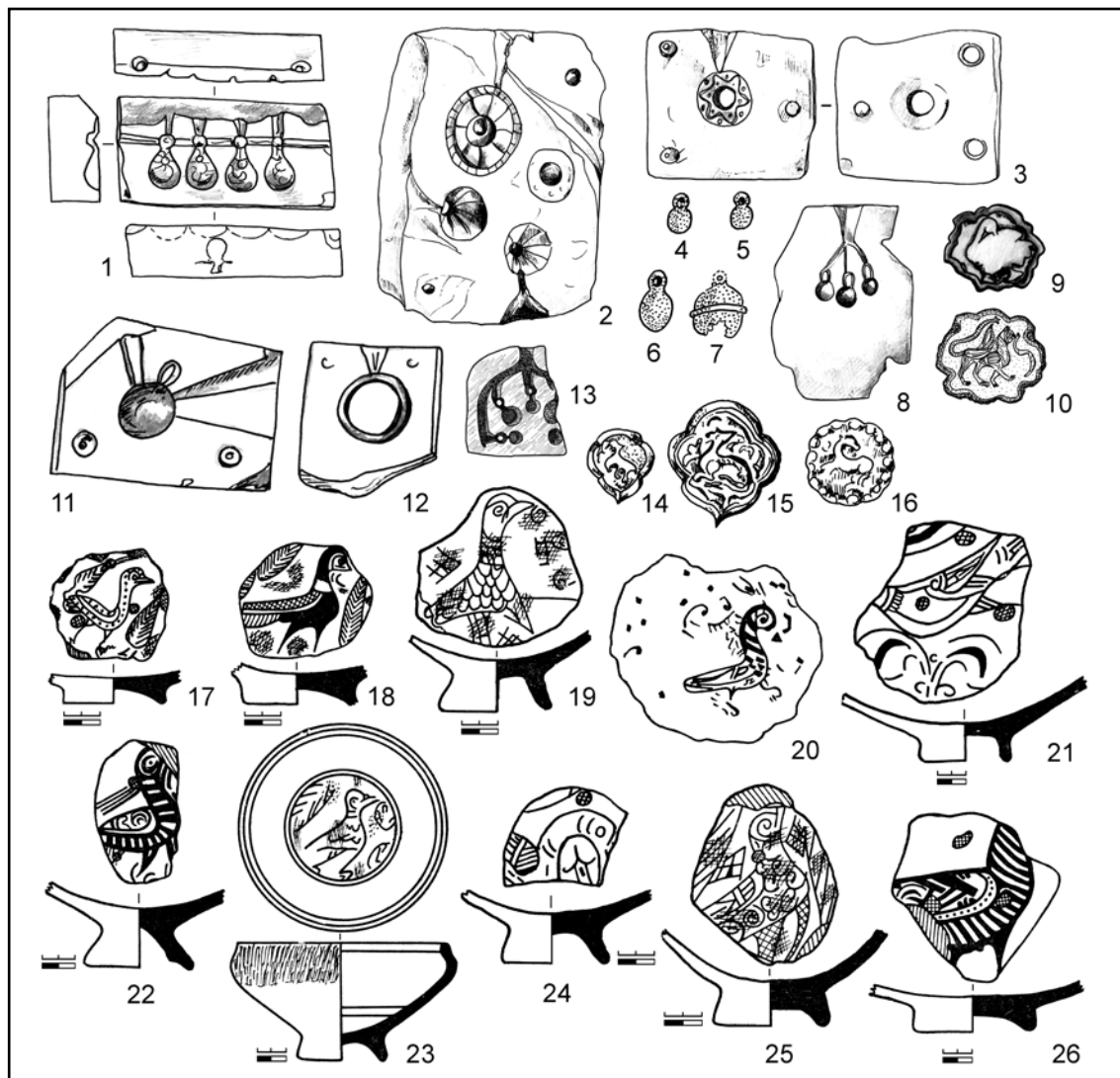

Рис. 4. Ювелирный инструментарий, предметы из цветных металлов, керамические чаши XII—XIV вв. Масштабы разные. 1, 4—7, 9, 11, 12, 17—26 — Белгород-Днестровский (Украина); 2, 8 — Киев (Украина); 3 — регион Шумена; 10, 13 — крепость Шумен (Болгария); 14 — Старый Орхей (Республика Молдова); 15 — Стамбул (Турция); 16 — Новгород (Россия) (1, 11, 12 — по Смольянинова 2010: 111, рис. 8; 4—7, 17—26 — по Кравченко 1986: 76, рис. 29; 86, рис. 22; 9 — рисунок авторов; 2, 8 — по Каргер 1958: таб. XLVIII; 3, 10, 13 — по Doncheva 2012: 41, fig. 11; 14 — по Бырня, Рябой 1989: 98, рис. 1; 15 — по Крамаровский 2001: рис. 22; 16 — по Седова 1981: 150, рис. 57).

Fig. 4. Jewelry tools, objects from non-ferrous metals, ceramic bowls of 12th—14th centuries. Different scale is used. 1, 4—7, 9, 11—12, 17—26 — Belgorod-Dnestrovskiy (Ukraine); 2, 8 — Kiev (Ukraine); 3 — Shumen region; 10, 13 — Fortress Shumen (Bulgaria); 14 — Old Orhei (Republic of Moldova); 15 — Istanbul (Turkey); 16 — Novgorod (Russia) (1, 11—12 — after Смольянинова 2010: 111, рис. 8; 4—7, 17—26 — after Кравченко 1986: 76, рис. 29; 86, рис. 22; 9 — drawing by the authors; 2, 8 — after Каргер 1958: таб. XLVIII; 3, 10, 13 — after Doncheva 2012: 41, fig. 11; 14 — after Бырня, Рябой 1989: 98, рис. 1; 15 — after Крамаровский 2001: рис. 22; 16 — after Седова 1981: 150, рис. 57).

и формочка для отливки двух гладких колец (Stefan, Barnea, Comşa, Comşa 1967: 73, fig. 38: 1, 2) (как на формочке из Белгорода) (рис. 2: 1, 5). Простой литой перстень — вещь достаточно заурядная, подобные бронзовые украшения известны, например, из некрополя Алба Юлии (Valori... 2011: 20, 21).

Таким образом, предметы, для которых предназначена белгородская формочка, имеют аналогии в дунайском и средиземноморском

регионе, так же, как и белгородские кресты «византийских» типов. Эта аллюзия к культуре дунайских крепостей дополняется как упомянутыми находками керамики балкано-дунайского типа, так и прослеживающимся по сообщениям письменных источников влиянием на эту территорию Болгарского царства (Руссев 1999: 72; Богуславский 2002: 163). Не в последнюю очередь подобные находки могут быть объяснены и торговыми отно-

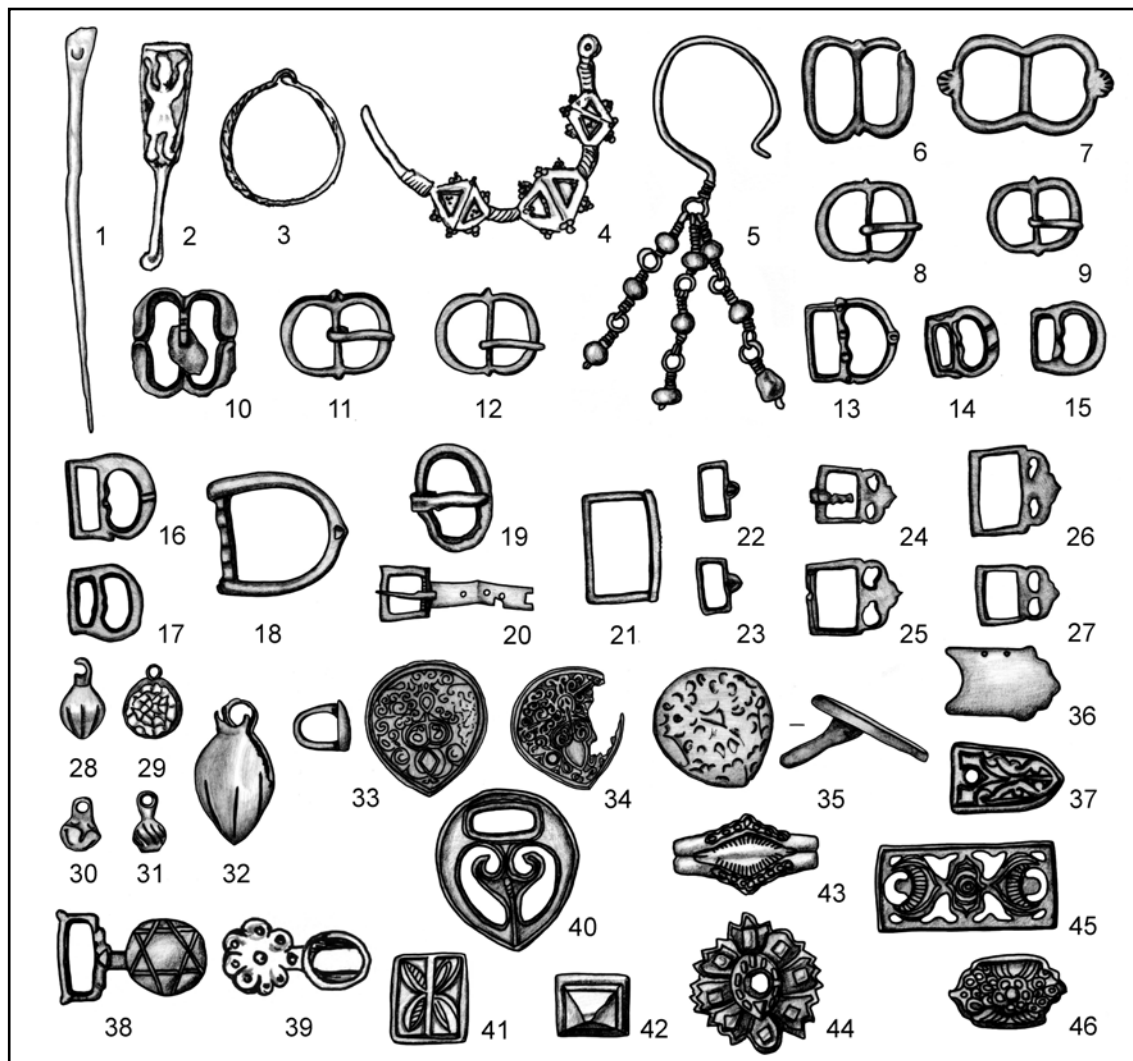

Рис. 5. Изделия из цветных металлов X—XVI вв. из Белгорода-Днестровского. Масштабы разные (1, 6—14, 16—19, 21—35, 40—46 — рисунки авторов; 2 — по Мезенцева 1981: 19, фото 46; 3, 5 — по Мезенцева 1986: 517, рис. 124; 4 — по Рабинович 1968: 105; 15, 20, 24, 36, 38 — по Биляева 2012: 190, рис. 38, 39; 39 — по Богуславский 2013: таб. 27).

Fig. 5. Objects from non-ferrous metals of 10th—16th centuries from Belgorod-Dnestrovskiy (1, 6—14, 16—19, 21—35, 40—46 — drawings by the authors; 2 — after Мезенцева 1981: 19, фото 46; 3, 5 — after Мезенцева 1986: 517, рис. 124; 4 — after Рабинович 1968: 105; 15, 20, 24, 36, 38 — after Биляева 2012: 190, рис. 38, 39; 39 — after Богуславский 2013: таб. 27).

шениями жителей данного приморского поселения.

О древнерусских аналогах может свидетельствовать киевская формочка, предназначенная для отливки полусферических бляшек (рис. 4: 2). Кроме того, и из Белгорода, и из Киева происходят формочки для отливки пуговиц (Смолянинова 2010: 111, рис. 8; Каргер 1958: таб. XLVIII; LVII) (рис. 4: 1, 2, 8, 11). Не редки в Белгороде и находки литых пуговиц (Кравченко 1986: 86, рис. 34: 22; Карашевич 2010: 134, рис. 3) (рис. 4: 4—6; 5: 30, 31). Собственно говоря, литые пуговицы — вещи столь же общеупотребительные, как и простые перстни. Из ювелирного инструментария для их изготовления можно

упоминать, например, формочки из Шумена и Метковца в Болгарии (Дончева 2008: 58, обр. 1; Doncheva 2012: 65, fig. 4.2.a) (рис. 4: 13). Если формочка с серьгой из Белгорода относится к X—XI вв., то инструментарий для отливки пуговиц может быть датирован и более поздним временем.

О средиземноморских древностях, кроме негатива серьги с рассмотренной выше формочки, возможно, напоминает и золотая серьга с перевитой дужкой, обнаруженная при исследовании Г.Г. Мезенцевой некрополя при церкви на территории крепости (рис. 5: 3). По крайней мере, аналогичное украшение, происходящее из Херсонеса, было отнесено исследователями именно к этому кругу

памятников (Наследие... 2011: 554, кат. 260). Херсонские же параллели имеет и бронзовое стило из раскопок последних лет на территории Белгородской крепости (рис. 5: 1). Сходное стило было найдено в Херсонесе при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича и датируется X—XIII вв. (Наследие... 2011: 454, кат. 58). К этому же времени и аналогичному кругу древностей может быть отнесена копушка с фигуркой Оранта на ручке из раскопок Г.Г. Мезенцевой (Мезенцева 1981: 19, фото 46) (рис. 5: 2).

Изделия XIII—XVI вв.

Ряд индивидуальных находок из Белгорода, традиционно трактуемых в литературе как домонгольские, на поверку оказываются более поздними. Так, XII веком было датировано трехбусинное кольцо, найденное при раскопках экспедиции под руководством Г.Б. Федорова (Рабинович 1968: 105) (рис. 5: 4). Однако подобные украшения с разновеликими по размеру бусинами не характерны для древнерусской традиции, как правило, они относятся к работам мастеров карпато-балканской школы и датируются XIII—XIV вв. (Рябцева 2005: 220). Золотое «височное кольцо» с тремя подвесками на колечках, декорированных жемчужинами, аналогичное, по мнению Г.Г. Мезенцевой, великоморавским украшениям (Мезенцева 1986: 517, рис. 124), является серьгой и принадлежит к кругу укрупненных дериватов серег «в виде знака вопроса» (рис. 5: 5). Подобные украшения характерны для средневекового ювелирного убора населения Молдавского княжества и найдены при раскопках Старого Орхей (Республика Молдова) и Сучавы (Румыния), где они датируются XV—XVI вв. (Бырня, Рябой 1989: 97—103; Batariuc 1993: 229—249).

Среди коллекции изделий из цветных металлов Белгорода-Днестровского выделяется представительная подборка рамчатых пряжек (рис. 5: 6—27). Сходные застёжки бытуют в древностях X—XI вв. (рис. 3: 13, 14, 27, 28). Однако, специфическая «обтекаемая» форма пряжек из Белгорода связывает их с более поздними находками, такими, как застёжки из Енисала в Румынии (Stănică 2005: 90) (рис. 3: 38), и позволяет датировать XIII—XIV вв. При некоторой нехарактерности бесщитковых пряжек для так называемых «готических» поясов XIII—XV вв., застёжки из Белгорода, а также аналогичные находки из Старого Орхей и Селитренного городища (Postică 2006: fig. 116; Fyodorov-Davydov

1984: tab. 100), судя по имеющимся европейским аналогам, могут быть отнесены именно к этому кругу древностей (Fingerlin 1971: 11, 37, 463).

Пояса с подобными пряжками могли принадлежать, в том числе, и монгольскому населению, проживавшему в этот период в Акджа-Кермене. В памятниках, связанных с древностями монголов, отмечается присутствие поясов, выполненных как в монгольской, так и европейской традиции (например, в захоронениях могильника у станицы Белореченской) (Крамаровский 1985: 152—180; 2001: 117—119). Серийность демонстрируют и рамчатые пряжки из Белгорода с выступом в виде цветочной почки или лотоса (рис. 5: 22—27). Декорирующий их ажурный выступ с растительным лотосовидным элементом в центре, возможно, является данью именно вкусам монгольских заказчиков.

Если говорить, о ремennых и уздечных гарнитурах и инструментарии для их изготовления, происходящих из Белгорода (рис. 4: 5), то четко с монгольской традицией, из известных нам находок, можно связать пока всего несколько вещей⁹. Во-первых, это две пряжки (Біляева 2012: 190, рис. 39; Богуславский 2013: табл. 27) со специфическим типом застёжки — с одной стороны прорезь, с другой стороны — круглый «язычок» (рис. 5: 38, 39). Пояс с аналогичными пряжками происходит из Увека (мавзолей, погребение 4) (Юрченко 2013: рис. 94).

Что касается ювелирного инструментария, то, безусловно, для изготовления пояса, выполненного в ордынской традиции, служила бронзовая матрица с изображением оленя (Беляева, Фиалко 2012: 362). Сходные штампы были найдены на городищах Орхей и Костешть в Молдове (Бырня, Рябой 1989: 97—103; Abâzova, Reaboi, Reabţeva 2004: 49—59, рис. 4: 14). Аналогичная матрица происходит и из сборов Русского археологического института в Стамбуле (Крамаровский 2001: 50, рис. 22) (рис. 4: 15). Круглая бляшка с подобным изображением известна из раскопок Новгорода (Седова 1981: 150, рис. 57: 2) (рис. 4: 16). Вторая матрица из Белгорода — с изображением чистящей перья уточки (или лебедя) (рис. 4: 9) по характеру изображения отличается от сюжетов, характерных для ордынских поясов. Но обилие среди золотоордынской местной и привозной (византийско-балканского круга) керамики изделий с изо-

⁹ Часть же предметов может являться печенежским или половецким наследием.

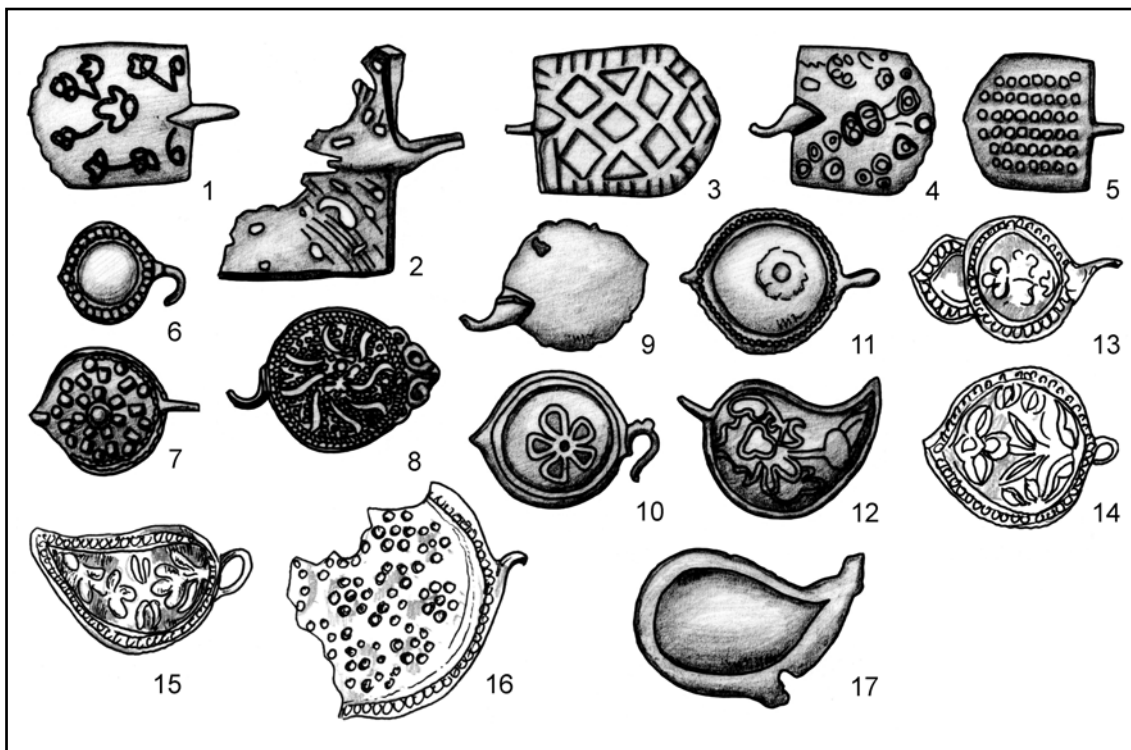

Рис. 6. Пряжки-пафты из Белгорода. (1—3, 7—9 — рисунки авторов, 4—6, 10—12 — по Биляева, Фіалко 2012: рис. 3; 4; 13—16 — по Богуславский 2013: таб. 27; 17 — по Карашевич 2010: 134, рис. 3).

Fig. 6. Buckles pafts from Belgorod (1—3, 7—9 — drawings by the authors; 4—6, 10—12 — after Биляева, Фіалко 2012: рис. 3; 4; 13—16 — after Богуславский 2013: таб. 27; 17 — after Карашевич 2010: 134, рис. 3).

бражением птиц (представлены и утки) (Кравченко 1986: 76, рис. 29, 109, рис. 42) (рис. 4: 17—26) позволяет предположить приверженность к данному сюжету обитателей золотоордынского города. Некоторую схожесть с этой матрицей демонстрирует и штамп с изображением грифона, происходящий из слоев XII—XIV вв. Шуменской крепости в Болгарии (Donceva 2012: 41, fig. II: 10) (рис. 4: 10). Однако очертания матрицы из Шумена полностью лишены заостренности лепестков, характерных для произведений ордынской торовитки, да и само изображение выполнено в византийских традициях.

Среди белгородских предметов из цветного металла значимыми отражениями генуэзского присутствия можно считать лишь две вещи. Во-первых, это бронзовый предмет в виде двенадцатилепестковой розетки с изображением, по определению В. Л. Янина, гербов города Генуя и Генуэзского банка. Гербы подправлены резцом и декорированы эмалью голубого, белого и красно-коричневого цветов (Фурманська 1962: 136, рис. 15: 1—2). Вторая находка известна лишь по описанию. По мнению Э. Р. Штерна, с Генуей связан происходивший из его раскопок бронзовый позолоченный перстень с латинской надписью

и частью герба с изображением животного (льва?), (Штерн 1901: 39; Кравченко 1986: 10; Самойлова 2002: 20).

К сожалению, лишь по описанию мы знаем о находке в комплексе богатого жилища XV века серебряного перстня-печатки с розеткой на щитке, золотых бляшки-нашивки и кусочков фольги (Рабинович 1968: 106). В публикации, посвященной раскопкам 1949—1955 гг., отсутствует изображение упомянутых в тексте золотых подвески-лунницы и серег, отнесенных Л. Д. Дмитриевым к XVI—XVII вв. (Дмитров 1955: 121).

Что касается турецкого периода существования крепости, то наиболее массовой категорией ювелирных изделий становятся пряжки-пафты, появляющиеся в costume населения Карпато-Дунайского региона, вероятно, еще в XIV—XV вв. (Беляева, Фіалко 2012: 362—366; Биляева, Фіалко 2012: 256—264; Абызова, Рябцева 2007: 95—105) (рис. 6).

Таким образом, находки предметов цветной металлообработки и ювелирного инструментария из Белгорода подкрепляют надежду, что поселение домонгольского времени будет обнаружено. Эти находки свидетельствуют о контактах его населения как с регионами Средиземноморья, Балкан и Подунавья, так

и Древней Руси. Думается, что со временем складывающееся сейчас представление о схожести ряда черт материальной культуры Белгорода и византийских крепостей Подунавья будет подкрепляться новыми данными. Для более позднего времени отмечается как западноевропейское, так и ордынское влияние на состав металлического убо-

ра и специфику снаряжения коня и всадника. С XV в. прослеживается турецкое влияние на костюм населения Карпато-Балканского региона, одним из ярких отражений чего становится широкое распространение поясов с пряжками-пафтами. Богатую коллекцию подобных застежек представляют и материалы из раскопок Белгорода.

Литература

- Абызова Е. Н., Рябцева С. С. 2007. Пряжки-пафты из собрания Национального музея археологии и истории Молдовы. *Tyragetia* s. n. I [XVI] (2), 95—105.
- Асташова Н. И. 1974. Энколпион из Гнездова. СА (3), 249—251.
- Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г. 2013. *Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея*. Москва: РИП-холдинг.
- Атанасов Г. 2007. *Християнският Дуросторум-Дръстр. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието*. Варна: Зограф.
- Атанасов Г., Дончева С. 2011. Свинцовые медальоны с изображениями крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX—XI вв.). *Stratum plus* (5), 93—114.
- Біляєва С. О. 2012. *Слов'янські та тюркські світи в Україні*. Київ: Університет «Україна».
- Беляева С. А., Фіалко Е. Е. 2012. О некоторых типах поясных аксессуаров XIV—XVIII вв. из раскопок в Аккерманской крепости. В: Калашникова Н. М. (отв. ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт и новые технологии*. Материалы XV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 27—30 июня 2012. Санкт-Петербург, 362—366.
- Біляєва С. О., Фіалко О. Є. 2012. Пряжки-пафти Карпато-Балканського регіону на пам'ятках Північного Причорномор'я. В: Л. В. Строкова, Л. С. Клочко, С. А. Березова, Ю. О. Білан (редкол.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. 14—16 листопада 2011 року. Київ: Музей історичних коштовностей, 256—264.
- Бертье-Делагард А. Л. 1900. О состоянии Аккерманской крепости. *ЗОИИД* 22, 75—82.
- Богуславський Г. С. 2002. Проблема існування міста (Білгород на Дністрі IX—XIII ст.). В: Сминтина О. В., Прігарін О. А. (від. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. Одеса: Друк, 163—164.
- Богуславський Г. С. 2013. Белгород — Акжа Кермен — Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города). В: Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. К 95-летию Национальной Академии наук Украины. Одесса: СМІЛ, 757—791.
- Бонев С., Дончева С. 2011. *Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско*. Велико Търново: Фабер.
- Бырня П. П., Рябой Т. Ф. 1989. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхеля. В: Борзисяк И. А. (отв. ред.). *Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 97—103.
- Веремейчик Е. М. 2010. Предметы христианского культа XI—XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. А. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г. Санкт-Петербург: Нестор-История, 344—354.
- Дмитров Л. Д. 1949. Білгород-Дністровська археологічна експедиція. В: *АП УРСР* 2, 39—52.
- Дмитров Л. Д. 1952. Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 р. *АП УРСР* 4. Киев, 59—64.
- Дмитров Л. Д. 1955. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції *АП УРСР* 5, 111—123.
- Дончева С. 2008. Кальпи за метални предмети и украси от Шуменската Крепост (XI—XIV вв.). *Известия на Историческия Музей Шумен*, VIII, 57—64.
- Дончева-Петкова Л. 2011. *Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX—XIV в.)*. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».
- Древняя Русь 1997: Колчин Б. А. (отв. ред.), Рыбаков Б. А. (гл. ред.). 1997. *Древняя Русь. Быт и культура*. Археология СССР 16. Москва: Наука.
- Залесская В. Н. 1988. О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X—XII вв. В: *Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.* Ленинград: Искусство, 93—103.
- Казаков А., Черненко Е. 2007. Черниговский детинец IX—XIII вв. в свете новых археологических материалов. В: Коваленко О. Б. (від. ред.). *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи*. Збірник наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 119—125.
- Карашевич І. В. 2010. Середньовічні матеріали із розкопок Білгород-Дністровської експедиції 1946—1947, 1949—1950 рр. В: Толочко П. П. (гл. ред.). *Археологія і давня історія України 3. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України*. Матеріали та дослідження. Київ: Інститут археології НАН України, 129—135.
- Каргер М. К. 1958. *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. I. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Клейман И. Б. 1979. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода. В: Карышковский П. О. (отв. ред.). *Античная Тира и средневековый Белгород*. Киев: Наукова думка, 54—75.
- Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. 2011. Псковские нательные кресты с надписями XIV—XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений). *Вестник Псковского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные и психологические педагогические науки 13, 119—137.

- Коновалова И. Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья. В: *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. Москва: АН СССР, 35—50.
- Коновалова И. Г. 1989. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. В: А. П. Новосельцев (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1987 г. Москва: Наука, 14—21.
- Коновалова И. Г. 1991. Арабские источники XII—XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. В: Новосельцев А. П. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1990 г. Москва: Наука, 3—115.
- Коновалова И. Г. 1999. *Восточная Европа в сочинении аль-Идриси*. Москва: Восточная литература РАН.
- Константин Багрянородный. 1989. *Об управлении империей*. Текст, перевод, комментарии. Москва: Наука.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. *Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X—XIII вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый город Белгород на Днестре (конец XIII — XIV вв.)*. Киев: Наукова думка.
- Крамаровский М. Г. 1985. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII—XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа). В: Луконин Г. В. (науч. ред.). *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Ленинград: Искусство, 152—180.
- Крамаровский М. Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Славия.
- Красножон А. В. 2012. *Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре. История строительства*. Кишинев: Stratum Plus.
- Куницкий В. А. 1985. Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Земли Южной Руси в IX—XIV вв.* Киев: Наукова думка, 124—126.
- Куницкий В. А. 1990. Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі. *Археологія* (1), 106—116.
- Лесман Ю. М. 2010. Литейная форма из Вышгорода. В: Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. А. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Мат.-лы Межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (СПб, 10—16 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 478—485.
- Мезенцева Г. Г. 1981. *Отчет Белгород-Днестровского отряда Днестро-Дунайской экспедиции Института археологии АН УССР за 1980 г.* Архив ИА НАН Украины. Инв. № 113. Киев.
- Мезенцева Г. Г. 1986. Средневековый Белгород. В: Артеменко И. И. (гл. ред.). *Археология УССР* 3. Киев: Наукова думка, 513—518.
- Наследие... 2011. *Наследие византийского Херсона*. 2011. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Те-хасского ун-та.
- Островский А. Б., Федоров Ю. А. *Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея*. Каталог. Санкт-Петербург: Арт-Палас.
- Пескова А. А. 2006. Истоки иконографии древнерусских энколпионов. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 120—162.
- Пескова А. А., Строкова Л. В. 2012. *Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко*. Санкт-Петербург; Киев: Петербургское востоковедение.
- Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.
- ПСРЛ 1995: *Полное собрание русских летописей*. 1995. Т. 41. *Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей)*. Москва: Археографический центр.
- Рабинович М. Г. 1968. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. *КСИА* 113, 102—107.
- Руссес Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный узор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рябцева С. С. 2011. Лучевые кольца и византийская традиция. *Stratum plus* (5), 165—172.
- Самойлова Т. Л. 2002. История изучения античной Тире и средневекового Белгорода. В: Cojocaru V., Samojlova T. (red.). *Tyras — Cetatea Alba — Belhorod-Dnistrovs'kyi I. Săpăturile 1996—1999*. București: Redacția publicațiilor pentru străinătate, 13—24.
- Самойлова Т. Л. 2008. Исследования последних лет античной Тире и проблемы ее изучения. В: Rapici-Władyka E. (red.). *Pontika 2006. Najnowsze badania greckich kolonii północnych wybrzeży Morza Czarnego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 161—175.
- Самойлова Т. Л., Кожокару В., Богуславский Г. С. 2002. Античная Тира — средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996—1999 гг.). В: Cojocaru V., Samojlova T. (red.). *Tyras — Cetatea Alba — Belhorod-Dnistrovs'kyi I. Săpăturile 1996—1999*. București: Redacția publicațiilor pentru străinătate, 159—189.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Смолянинова С. П. 2009. Свинцовые пряслица из Тире-Белгорода. *МАСП* 9, 202—217.
- Смолянинова С. П. 2010. Литейные формы из Тире-Белгорода. В: Крыжицкий Д. С. (отв. ред.). *Тира-Белгород-Аккерман. Материалы исследований*. Одесса: Печатный дом.
- Тихомиров М. Н. 1952. «Список русских городов дальних и ближних». *Исторические записки* 40. Москва, 214—259.
- Уваров А. 1856. *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря* 2. Санкт-Петербург.
- Фурманьска А. І. 1962. Разкопки Тіри в 1958 р. *АП УРСР* 11, 122—137.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. 1899. *Древности русские. Кресты и образки*. Вып. I. Киев: Киевь.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. 1900. *Древности русские. Кресты и образки*. Вып. II. Киев: Киевь.
- Шлапак М. Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества)*. Кишинев: ARC.
- Штерн Э. Р. 1901. О последних раскопках в Аккермане. *ЗООИД* 23, 33—61.

- Юрченко А. Г. 2013. *Элита монгольской империи. Время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Янин В. Л. 1998. *Новгород и Литва: пограничные культуры XIII—XV вв.* Москва: МГУ.
- Abâzova E., Reaboi T., Reabteva S. 2004. Piese din metale neferoase de la Orheiul Vechi. *Tyragetia* XIII, 49—59.
- Antonaras A. 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. *BYZAS* 15, 117—126.
- Avakian G. 1931. Săpăturile de la Cetatea Albă. În: *Anuarul Comisiunii monumentelor istorice: secția din Basarabia* 3, 47—104.
- Baldini Lippolis I. 1999. *L'oreficeria nell'impero di Costantinopoli tra IV e VII secolo*. Bari: Epigulia.
- Batariuc P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava-Câmpul șanțului. *Arheologia Moldovei* XVI, 229—249.
- Bosselmann-Ruickbie A. 2011. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis frühen 13 Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Damian O. 1992. Despre un atelier pentru confecționat piese din plumb de la Păcuil lui Soare (Sur un atelier pour des objets en plomb de Păcuil lui Soare). *Pontica* 25, 309—321.
- Diaconu P. 1965. Parures du XI siècle decouvertes a Păcuil lui Soare. *Dacia* IX, 307—323.
- Diaconu P., Baraschi S. 1974. Tipuri de opaițe de la Păcuil lui Soare. *Pontica* VII, 389—393.
- Diaconu P., Vilceanu D. 1972. *Păcuil lui Soare. I. Cetatea bizantină*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Doncheva S. 2012. *Metal Art Production in Medieval Bulgaria*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Dumitriu L. 2001. *Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaubegebietes im 11—15. Jahrhundert*. București: Muzeul național de istorie a României.
- Gorovei S. 1997. *Întemeiere Moldovei. Probleme, controversă*. Iași: Editura Universităţii.
- Fingerlin E. 1971. *Gürtel des hohen und späten Mittelalters*. Berlin: Deutscher Kunstverlag.
- Fyodorov-Davydov G. A. 1984. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Oxford: BAR IS 198.
- Longó P. 2010. Crescent-shaped earrings with lower ornamental band. In: Daim F., Drauschke J. (Hrsg.). *Byzanz — Das Römerreich im Mittelalter. Teil 3. Peripherie und Nachbarschaft*. Mainz: RGZM, 369—409.
- Mănucu-Adameşteanu G. 1984. Elemente de cultură bizantină la gurile Dunării. *Peuce* IX, 375—388.
- Pitarakis B. 2006. *Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze*. Bibliothèque des archéologiques 16. Paris: Picard.
- Postică G. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996—2001*. Iași: Editura Universităţii Alexandru Ioan Cuza.
- Schulze-Dörlamm M. 1991. *Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem Mittleren 11 Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum Sogenannten „Gisela Schmuck“*. Monographien RGZM 24. Sigmaringen: Thorbecke.
- Stănică A. 2005. Prelucrarea metalelor în secolele X—XV. În: Jugănar G. (coord.). *Aspecte privind prelucrarea și circulația metalelor în Dobrogea din Preistorie până în Evul mediu*. Tulcea: Tipo-Media.
- Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967. *Dinogetia I. Așezarea feudală timpurie de la Biserica-Garvăn*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Teodor D. Gh. 1991. *Creștinismul la est de Carpați de la origini până în secolul al XIV-lea*. Iași: Editura Mitropoliei Moldovei și Bucovinei.
- Valori... 2011: Dragotă A., Rustoiu G.-T., Drîmbărean M. (coord.). 2011. *Valori ale patrimoniului românesc. Podoabe și accesorii vestimentare din secolele X—XI*. Alba Iulia: Altip.

References

- Abyzova, E. N., Ryabtseva, S. S. 2007. In *Tyragetia* s. n. I [XVI] (2), 95—105 (in Russian).
- Astashova, N. I. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 249—251 (in Russian).
- Astashova, N. I., Petrova, L. A., Saracheva, T. G. 2013. *Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Crosses Encolpions from Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: RIP-kholding (in Russian).
- Atanasov, G. 2007. *Khristiyskiyat Durostorum-Drăstr. Dorostol-skata eparkhiya prez Kăesnata antichnost i Srednovekovieto (Christian Durostorum-Drăstr. Dorostol Eparchy in Late Antiquity and Middle Ages)*. Varna: Zograf (in Bulgarian).
- Atanasov, G., Doncheva, S. 2011. In *Stratum plus. . Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 93—114 (in Russian).
- Beliaeva, S. A. 2012. *Slov'yans'ki ta tyurks'ki svity v Ukraini (Slavic and Turkic Worlds in Ukraine)*. Kiev: Universytet "Ukraina" (in Ukrainian).
- Beliaeva, S. A., Fialko, E. E. 2012. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt i novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience and New Technologies)*. Saint Petersburg, 362—366 (in Russian).
- Beliaeva, S. A., Fialko, E. E. 2012. In *Muzejni chytannya (Museum Readings)*. Kiev: Muzej istorichnykh koshtovnostej. 256—264 (in Ukrainian).
- Bertier-Delagard, A. L. 1900. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 22, 75—82 (in Russian).
- Boguslavskii, G. S. 2002. In *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: materials and research)*. Odesa: Druk, 163—164 (in Ukrainian).
- Boguslavskii, G. S. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomora'ia (Ancient Cultures of North-Western Black Sea Region)*. Odesa: SMIL, 757—791 (in Russian).
- Bonev, S., Doncheva, S. 2011. *Starobălgarski proizvodstven tsentăr za khudozhestven metal pri s. Novosel, Shumensko (Old Bulgarian Industrial Center for Fine Metal Works at Novosel, Shumen)*. Veliko Tarnovo: Faber (in Bulgarian).
- Barnea, P. P., Reaboi, T. F. 1989. In *Pamiatniki drevneishego iskusstva na territorii Moldavii (Earliest Art Sites on the Territory of Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa, 97—103 (in Russian).
- Veremeichik, E. M. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry and Its Origins)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 344—354 (in Russian).
- Dmitrov, L. D. 1949. In *Arkheologichni pam'yatky URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 2, 39—52 (in Ukrainian).
- Dmitrov, L. D. 1952. In *Arkheologichni pam'yatky URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 4, Kiev, 59—64 (in Ukrainian).
- Dmitrov, L. D. 1955. In *Arkheologichni pam'yatky URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 5, 111—123 (in Ukrainian).
- Doncheva, S. 2008. In *Izvestiya na Istoricheskaya Muzej Shumen (Shumen Historical Museum Bulletin)*, VIII, 57—64 (in Bulgarian).
- Doncheva-Petkova, L. 2011. *Srednovekovni krăstove-enkolpioni ot Bălgariya (IX—XIV v.) (Medieval Bulgarian Crosses-Encolpions (9th—14th c.))*. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov" (in Bulgarian).

- Kolchin, B. A., Rybakov, B. A. (eds.). 1997. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura* (Ancient Rus'. Everyday Life and Culture). Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR) 16. Moscow: Nauka (in Russian).
- Zalesskaya, V. N. 1988. In *Vostochnoe Sredizemnomor'e i Kavkaz IV—XVI vv.* (Eastern Mediterranean and the Caucasus in 4th—16th cc.). Leningrad: Iskusstvo, 93—103 (in Russian).
- Kazakov, A., Chernenko, E. 2007. In *Chernihiv u seredn'ovichnij ta rann'omodernij istorii Tsentral'no-Skhidnoi Yevropy* (Chernigov and Medieval and Early Modern History of Central-Eastern Europe). Chernihiv: Desnyans'ka pravda, 119—125 (in Russian).
- Karashevych, I. V. 2010. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy* (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 3. Kolektsii naukovykh fondiv Instytutu arkheolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy. Materialy ta doslidzhennya (Collections of Scientific Funds of the Institute of Archaeology of the Ukraine National Academy of Sciences. Materials and research). Kiev: Instytut arkheolohii NAN Ukrainy, 129—135 (in Ukrainian).
- Karger, M. K. 1958. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda* (Ancient Kiev. Sketches on History of Material Culture of the Early Russian City). Vol. I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (in Russian).
- Kleiman, I. B. 1979. In *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod* (Ancient Tyra and Medieval Belgorod). Kiev: Naukova dumka, 54—75 (in Russian).
- Kolpakova, Yu. V., Kostyuchuk, L. Ya. 2011. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Pskov State University Bulletin). Seria: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologichesko-pedagogicheskie nauki (Series: Social Science, Humanities, Psychology and Pedagogy) 13, 119—137 (in Russian).
- Konovalova, I. G. 1983. In *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda* (Surveys of Source Studies on USSR Pre-Revolutionary History). Moscow: AN SSSR, 35—50 (in Russian).
- Konovalova, I. G. 1989. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia. 1987 g.* (Earliest States on the USSR Territory. Materials and research. 1987 g.). Moscow: Nauka, 14—21 (in Russian).
- Konovalova, I. G. 1991. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia. 1990 g.* (Earliest States on the USSR Territory. Materials and research. 1990 g.). Moscow: Nauka, 3—115 (in Russian).
- Konovalova, I. G. 1999. *Vostochnaia Evropa v sochinenii al'-Idrisi* (Eastern Europe in al-Idrisi's Account). Moscow: Vostochnaia literatura RAN (in Russian).
- Constantine Porphyrogenetos. 1989. *Ob upravlenii imperiei* (De Administrando Imperio). Moscow: Nauka (in Russian).
- Korzukhina, G. F., Peskova, A. A. 2003. *Drevnerusskie enkolpiiony. Nagrudnye kresty-relikvarii X—XIII vv.* (Early Russian Encolpions. Pectoral Crosses-Reliquaries of 10th—13th cc.). Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi gorod Belgorod na Dnestre (konets XIII — XIV vv.)* (Medieval City of Belgorod-on-Dniester (late 13th—14th cc.)). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kramarovskiy, M. G. 1985. In *Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka* (Artistic Sites and Problems of Oriental Culture). Leningrad: Iskusstvo, 152—180 (in Russian).
- Kramarovskiy, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy* (Genghisids' Gold: Cultural Heritage of the Golden Horde). Saint Petersburg: Slavia (in Russian).
- Krasnozhan, A. V. 2012. *Krepost' Belgorod (Akkerman) na Dnestre. Istoriia stroitel'stva* (Belgorod (Akkerman) Fortress on the Dniester. Construction History)). Kishinev: Stratum Plus (in Russian).
- Kunitskii, V. A. 1985. In *Zemli Iuzhnoi Rusi v IX—XIV vv.* (South Russia's Lands in 9th—14th cc.). Kiev: Naukova dumka, 124—126 (in Russian).
- Kunitskii, V. A. 1990. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (1), 106—116 (in Ukrainian).
- Lesman, Yu. M. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki* (Slavic-Russian Jewelry and Its Origins). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 478—485 (in Russian).
- Mezentseva, G. G. 1981. *Otchet Belgorod-Dnestrovskogo otriada Dnestro-Dunaiskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk USSR za 1980 g.* (1980 Report of Belgorod-on-Dniester Squad of the Dniester-Danube Expedition of the USSR Academy of Sciences Institute of Archaeology). Arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). Inv. № 113. Kiev.
- Mezentseva, G. G. 1986. In *Arkheologiya USSR* (Archaeology of USSR) 3. Kiev: Naukova dumka, 513—518 (in Russian).
- Nasledie vizantiiskogo Khersona (Heritage of the Byzantine Chersonesos). 2011. Sevastopol: Teleskop; Ostin: IKA Tekhas-skogo un-ta (in Russian).
- Ostrovskii, A. B., Fedorov, Yu. A. *Russkii pravoslavnyi krest v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia* (Russian Orthodox Cross in the Collection of the Russian Ethnographic Museum). Katalog (Catalogue). Saint Petersburg: Art-Palas (in Russian).
- Peskova, A. A. 2006. *Khristianskaia ikonografia Vostoka i Zapada v pamiatnikakh material'noi kul'tury Drevnei Rusi i Vizantii* (Eastern and Western Christian Iconography in Archaeological Sites of the Ancient Rus' and Byzantium). Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 120—162 (in Russian).
- Peskova, A. A., Stokova, L. V. 2012. *Khristianskie drevnosti Vizantii v «Siriiskoi kolleksii» B. I. i V. N. Khanenko* (Christian Antiquities of Byzantium in B. I. and V. N. Khanenko's "Syrian Collection"). Saint Petersburg; Kiev: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Polevoi, L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII—XV vv.* (Surveys on Historical Geography of Moldavia of 13th—15th cc.). Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Comprehensive Collection of Russian Chronicles). 1995. Vol. 41. *Letopisets Pereslavl'skogo (Letopisets russkikh tsarei) (Pereslavl Suzdalski Chronicler)* (The Russian Tzars' Chronicle)). Moscow: Arkheograficheskii tsentr (in Russian).
- Rabinovich, M. G. 1968. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 113, 102—107 (in Russian).
- Russev, N. D. 1999. *Na grani mirov i epoch* (On the Edge of Civilizations and Epochs). Kishinev: Vysshaia antropologicheskaiia shkola (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (Early Russian Jewelry Dress. Main Development Trends). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (5), 165—172 (in Russian).
- Samoilova, T. L. 2002. In *Tyras — Cetatea Alba — Belhorod-Dniistrov's'kyi I. Săpăturile 1996—1999*. București: Redacția publicațiilor pentru străinătate, 13—24 (in Russian).
- Samoilova, T. L. 2008. In *Pontika 2006. Najnowsze badania greckich kolonii północnych wybrzeży Morza Czarnego*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 161—175 (in Russian).
- Samoilova, T. L., Cojocaru, V., Boguslavskii, G. S. 2002. In *Tyras - Cetatea Alba - Belhorod-Dniistrov's'kyi I. Săpăturile 1996—1999*. București: Redacția publicațiilor pentru străinătate, 159—189 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia Drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (Jewelry Items of the Ancient Novgorod (10th—15th cc.)). Moscow: Nauka (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 2009. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia* (Materials on the archaeology of Northern Pontic area) 9, 202—217 (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 2010. In *Tira-Belgorod-Akkerman. Materialy issledovaniia* (Tyra-Belgorod-Akkerman. Materials of research). Odessa: Pechatnyi dom (in Russian).
- Tikhomirov, M. N. 1952. In *Istoricheskie zapiski* (Historical Notes) 40. Moscow, 214—259 (in Russian).

- Uvarov, A. 1856. *Issledovaniia o drevnostiakh Iuzhnoi Rossii i beregov Chernogo moria (Studies on South Russian Antiquities and Black Sea Coast)* 2. Saint Petesburg (in Russian).
- Furmanskaya, A. I. 1962. In *Arkeolohichni pam'yatky URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 11, 122—137 (in Ukrainian).
- Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1899. *Drevnosti russkie. Kresty i obrázky (Russian Antiquities. Crosses and Small Icons)*. Issue I. Kiev: Kiev" (in Russian).
- Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1900. *Drevnosti russkie. Kresty i obrázky (Russian Antiquities. Crosses and Small Icons)*. Issue II. Kiev: Kiev" (in Russian).
- Shlapak, M. E. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaia krepost' (issledovanie srednevekovogo oboronno-zodchestva) (Belgorod-on-Dniester Fortress (a study on medieval defensive architecture))*. Kishinev: ARC (in Russian).
- Stern, E. R. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 23, 33—61 (in Russian).
- Yurchenko, A. G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov, vremena kaznei (Elite of the Mongol Empire. The Time for Feasts, the Time for Executions)*. Saint Petesburg: Evraziia (in Russian).
- Yanin, V. L. 1998. *Novgorod i Litva: pogranichnye situatsii XIII—XV vv. (Novgorod and Lithuania: Situations on Borderland in 13th—15th cc.)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Abâzova, E., Reaboi, T., Reabteva, S. 2004. Piese din metale neferoase de la Orheiul Vechi. *Tyragetia* XIII, 49—59.
- Antonaras, A. 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. *BYZAS* 15, 117—126.
- Avakian, G. 1931. Săpăturile de la Cetatea Albă. În: *Anuarul Comisiunii monumentelor istorice: sectia din Basarabia* 3, 47—104.
- Baldini Lippolis, I. 1999. *L'oreficeria nell'impero di Costantinopoli tra IV e VII secolo*. Bari: Epigulia.
- Batariuc, P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava-Câmpul șanților. *Arheologia Moldovei* XVI, 229—249.
- Bosselmann-Ruickbie, A. 2011. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis frühen 13 Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Damian, O. 1992. Despre un atelier pentru confecționat piese din plumb de la Păciul lui Soare (Sur un atelier pour des objets en plomb de Păciul lui Soare). *Pontica* 25, 309—321.
- Diaconu, P. 1965. Parures du XI siècle decouvertes a Păciul lui Soare. *Dacia* IX, 307—323.
- Diaconu, P., Baraschi, S. 1974. Tipuri de opaițe de la Păciul lui Soare. *Pontica* VII, 389—393.
- Diaconu, P., Vîlceanu, D. 1972. *Păciul lui Soare. I. Cetatea bizantină*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Doncheva, S. 2012. *Metal Art Production in Medieval Bulgaria*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Dragotă, A., Rustoiu, G.-T., Drîmbărean, M. (coord.). 2011. *Valori ale patrimoniului Românesc. Podoabe și accesorii vestimentare din secolele X—XI*. Alba Iulia: Altip.
- Dumitriu, L. 2001. *Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11—15. Jahrhundert*. București: Muzeul național de istorie a României.
- Gorovei, S. 1997. *Întemeiere Moldovei. Probleme, controverse*. Iași: Editura Universităţii.
- Fingerlin, E. 1971. *Gürtel des hohen und späten Mittelalters*. Berlin: Deutscher Kunstverlag.
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1984. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Oxford: BAR IS 198.
- Longó, P. 2010. Crescent-shaped earrings with lower ornamental band. In: Daim F., Drauschke J. (Hrsg.). *Byzanz — Das Römerreich im Mittelalter*. Teil 3. *Peripherie und Nachbarschaft*. Mainz: RGZM, 369—409.
- Mănucu-Adameşteanu, G. 1984. Elemente de cultură bizantină la gurile Dunării. *Peuce* IX, 375—388.
- Pitarakis, B. 2006. *Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze*. Bibliothèque des archéologiques 16. Paris: Picard.
- Postică, G. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996—2001*. Iași: Editura Universităţii Alexandru Ioan Cuza.
- Schulze-Dörflamm, M. 1991. *Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem Mittlere 11 Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum Sogenannten „Gisela Schmuck“*. Monographien RGZM 24. Sigmaringen: Thorbecke.
- Stănică, A. 2005. Prelucrarea metalelor în secolele X—XV. În: Jugănară G. (coord.). *Aspecte privind prelucrarea și circulația metalelor în Dobrogea din Preistorie până în Evul mediu*. Tulcea: Tipo-Media.
- Ștefan, Gh., Bărneă, I., Comșa, M., Comșa, E. 1967. *Dinogetia I. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Teodor, D. Gh. 1991. *Creștinismul la est de Carpați de la origini până în secolul al XIV-lea*. Iași: Editura Mitropoliei Moldovei și Bucovinei.

Статья поступила в номер 21 мая 2014 г.

Svetlana Ryabtseva (Kishinev, Moldova). Candidate of Historical Sciences. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova¹.

Svetlana Reabteva (Chișinău, Moldova). Candidat în științe istorice. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Рябцева Светлана Станиславовна (Кишинёв, Молдова). Кандидат исторических наук. Институт культурного наследия АН Молдовы.

E-mail: sveta_earing@mail.ru

Oleg Savelyev (Odessa, Ukraine). Archaeology Institute, Odessa Branch of Ukraine National Academy of Sciences².

Oleg Savelyev (Odesa, Ucraina). Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Савельев Олег Константинович (Одесса, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: sav_reun@ukr.net

Addresses: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova; ² Pushkinskaya St., 37, Odessa, 65011, Ukraine

А. Э. Жабрева

Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.: правда и вымысел

Keywords: Moscovia, 16th century, history of Russian costume, image sources, Western European engravings.

Cuvinte cheie: Regatul Moscovei, sec. XVI, istoria costumului rusesc, imagini, gravuri vest-europene.

Ключевые слова: Московское государство, XVI в., история русского костюма, изобразительные источники, западно-европейская гравюра.

A. E. Zhabreva

The Russian Costume of the 16th Century in the European Engravings of that Time: Reality and Fiction

The article is devoted to Western European engravings of the 16th century as the sources of Russian costume history of that time. Several engravings, portraits of the tsars and images of Russian embassies were made by the eyewitnesses. Others are the prints from different costume books, which became very popular in the second half of the 16th century. The comparison of these two groups of engravings highlights the fact that the first one often served as the source of information for painters and engravers. Thus, images of Russians are often similar in different costume books. Reality and fantasy were often closely interwoven on the images of Russians in costume prints of the 16th century.

A. E. Zhabreva

Costumul rusesc în gravurile vest-europene din sec. XVI: adevăr și ficțiune

Articolul reprezintă studiul gravurilor vest-europene din sec. XVI în calitate de surse pentru istoria costumului rusesc din acea perioadă. Unele gravuri — portrete ale țărilor și reprezentări ale solilor ruși — au fost realizate de martori oculari. Altele reprezentau părți componente ale diverselor albume cu costume, foarte populare în a doua jumătate a sec. XVI. Analiza celor două grupuri arată, că gravurile primului grup des serveau drept sursă de informare pentru artiști și gravori, imaginile rușilor din diferite ediții purtând un grad sporit de similaritate. Astfel, în gravurile cu reprezentări de costume din sec. XVI, adevărul și ficțiunea sunt strâns interconectate.

А. Э. Жабрева

Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.: правда и вымысел

Статья посвящена западноевропейским гравюрам XVI в. как источникам по истории русского костюма этого времени. Несколько гравюр — портретов царей и изображений русских посольств — были сделаны очевидцами. Другие являлись частью разных костюмных альбомов, чрезвычайно популярных во второй половине XVI в. Сравнение этих двух групп гравюр проясняет тот факт, что изображения из первой группы часто служили источниками информации для художников и гравёров. Поэтому изображения русских из разных изданий часто похожи друг на друга. Достоверность и фантазия тесно переплелись в изображениях русских персонажей на костюмных западноевропейских гравюрах XVI в.

Более ста лет назад художественный критик В.В. Стасов отметил: «Начиная с XV-го века, на Западе является ряд больших и малых гравюр, где художники, пользуясь новым изобретением, незадолго до того вошедшим во всеобщее употребление в Западной Европе — гравюрою на дереве — представляли личности и сцены из дальнего северного государства, начинавшего возбуждать общее любопытство — портреты и сцены русские» (Стасов 1894: 688, пагинация 1). За недостатком отечественных изобразительных памятников, эти гравюры невольно заняли место важного исторического источника.

Знаменитый художник, иллюстратор сказок И.Я. Билибин в одной из своих статей писал: «Иностранцы, изображавшие в гравюрах русское одеяние, позволяли себе большие неточности, утрируя те особенности костюма, которые казались им странными. Но раз мы усматриваем какой-нибудь один и тот же покрой у двух или у трех путешественников, то к такому изображению мы можем уже отнестись с полным доверием» (Билибин 1909: 441). Во времена И.Я. Билибина не было возможности одновременно посмотреть несколько разных изданий и увидеть трансформацию одних и тех же рисунков или их фрагментов, но се-

годня технические и полиграфические достижения таковы, что исследователи могут обратиться к факсимильным изданиям, посмотреть оцифрованные редкие гравюры и книги, копировать, распечатывать и анализировать даже удаленные источники. В процессе изучения западных гравюр «русской» тематики и сравнения их между собой выявляются две тенденции в работе их создателей: составление оригинальных рисунков, основанных на устных рассказах «очевидцев» и собственной фантазии, и заимствование сюжетов из предыдущих изданий с большим или меньшим их видоизменением.

«Русская тема» в европейской гравюре XVI в.

Образцы западноевропейской гравюры, пышный расцвет которой отмечен в Германии, Фландрии и Италии XVI в., стали ценнейшими источниками для истории европейского костюма. Гравюры А. Дюрера, Л. Кранаха младшего, Г. Гольбейна младшего, Й. Аммана, Ж. Косбеля, Г. З. Бехмана, Х. Брозамера и других составляют, наряду с живописными портретами, богатую галерею образов своего столетия, от королей до торговцев и солдат. Новое отношение к человеку: его телу, внешнему облику, — проявилось в огромном интересе к его изображению в разных состояниях и костюмах. Географические открытия, раздвинувшие представления об окружающем пространстве, пробудили интерес к другим народам, сказавшийся, в том числе, на появлении многочисленных изображений европейцев, азиатов, американцев и даже африканцев. Эти изображения выходили в свет как в виде отдельных листов разного формата, так и в виде книжных иллюстраций.

Западноевропейская гравюра XVI в. служит источником и для изучения русского костюма того времени. Те немногие изображения русских костюмов XVI в., которые запечатлены на гравюрах французских, немецких, чешских, а в конце столетия и итальянских мастеров, уже с середины XIX в. являются объектами внимания историков и искусствоведов в качестве полноправных исторических источников.

Подборка большинства дошедших до нашего времени изображений с глубоким анализом и факсимильным воспроизведением оригиналов осуществлена историком искусства, коллекционером Д. А. Ровинским (1824—1895) в работе «Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия

Ивановича и Ивана IV Грозного и посольств их времени» (Ровинский 1882). В этом издании опубликованы в натуральный размер гравюры из зарубежных изданий XV—XVI вв. и отдельные листы, в частности, такие редкие, как портреты Ивана III и Ивана IV и С. Герберштейна. Тему изображения русских костюмов в европейской гравюре затрагивал искусствовед и библиограф Н. П. Собко (Собко 1881; 1886). Он отмечал, что «гравированные изображения русских, в их национальных костюмах, появляются в Европе с самого начала XVI в., как только сношения России с Западом становятся более правильными» (Собко 1886: 1). Из зарубежных авторов к этой теме обращался видный английский историк Дж. Л. Невинсон (1905—1985), исследовавший портреты Герберштейна в качестве родоначальников модных картинок (Nevinson 1959; 1969).

Первыми по времени создания стали две гравюры, представлявшие русских на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг., сцены посольств Племянникова и Истома в Инсбрук и Галль (1518 г.), Кольчева в Гродно (1567 г.) и Суторского в Регенсбург (1567 г.), а также изображения из книг С. Герберштейна.

«Записки» о Московии и портреты С. Герберштейна

Важнейшим универсальным источником сведений о России первой четверти XVI в. служат записки барона Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о Московских делах»)¹. Будучи послом императора Священной Римской империи Максимилиана II (1459—1519), С. Герберштейн посетил Москву в 1516 и 1526 гг. Он знал русский язык, живо интересовался историей и современностью Московского государства и его народа. В конце своей жизни он написал и опубликовал мемуары, в которых описал не только образ правления, вероисповедание, увеселения русских, но и их домашнюю жизнь, быт и костюмы. Впервые опубликованные в 1549 г., «Записки» неоднократно переиздавались и буквально открыли европейцам Московию. Переводы на русский язык осуществлялись в 1908 и 1988 гг. (Герберштейн 1908; 1988).

¹ Полный перечень изданий С. Герберштейна см.: Герберштейн 1988.

«Записки» Герберштейна содержат разрозненные описания костюмов и иллюстрации, которые имеют первостепенное значение в качестве оригинальных памятников. Они представляют собой гравюры на дереве или меди; некоторые из них повторяются с небольшими изменениями в многочисленных переизданиях сочинений Герберштейна, другие имеются только в одном из изданий. Практически во всех экземплярах «Записок» присутствуют такие интересные для истории русского костюма гравюры, как профильный портрет московского князя Василия III в кресле, изображения всадников (или одного всадника) в тегиях и предметов воинского и конского убранства, сценка езды Герберштейна на саях. Однако гравюры, либо изготовлявшиеся заново, либо поновлявшиеся для каждого издания, не идентичны по сюжетам, размерам и т.д. даже в случае их повторения. Не всегда одинаково количество иллюстраций даже в пределах одного тиража.

Портрет Василия III, который Д.А. Ровинский относил «к портретам весьма достоверным» (Ровинский 1882: 3), в разных экземплярах «Записок» отличается деталями: поворотом фигуры, проработкой лица, оформлением окружающего пространства (рис. 1). Так, в базельском издании «Записок» 1556 г. (Herberstein 1556) великий князь обращен влево, помещен в фантастический интерьер, за широкими оконными проемами которого открывается холмистый лесной пейзаж. На гравюре венецианского издания 1550 г. (Herberstein 1550) Василий III повернут вправо и представлен сидящим на фоне гор и лесов со скипетром в левой руке.

Изображения костюма князя сходны между собой в разных изданиях. Верхней одеждой служит длинная неширокая шуба (о чем говорит меховой воротник) с откидными рукавами. На гравюре 1556 г. граница между одетым рукавом нижнего платья и откидным рукавом верхнего практически не заметна, так как рукав не свисает, а как-бы подвернут под сидящего. Шуба, декорированная небольшими петлицами, застегнута на несколько крупных пуговиц. Редкие глубокие складки и отсутствие каких-либо орнаментов позволяют предположить, что перед нами простая шуба, на изготовление которой использовано плотное однотонное сукно или бархат. На ногах князя мягкие сапоги с загнутыми сверху на татарский манер носками, с декоративным швом на лодыжке, который особенно четко заметен в издании 1556 г. Шапкой служит высокий колпак с меховой опушкой. В.А. Прохоров отмечал, что князь «одет в до-

Рис. 1. Портрет Василия III из «Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro in Herberstain», Viennae, 1560 (no Herberstein 1560a, B3 об.)

Fig. 1. Basil III's portrait, from «Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro in Herberstain», Viennae, 1560 (after Herberstein 1560a, B3 об.).

машнюю шубу, с петлицами на груди, на нем шапка, сапоги татарские, с загнутыми носками» (Прохоров 1872b: 7).

Некоторые сочинения Герберштейна содержат и особенные иллюстрации: погрудные портреты европейских государей, сцены обучения будущего дипломата и посвящение его в рыцарское звание, прием у турецкого султана и др., не относящиеся к нашей теме.

Обычно не становится предметом внимания исследователей костюма небольшая мужская фигура в нижнем правом углу одной из трех карт Московии, приложенных к «Запискам» Герберштейна издания 1556 г. (Herberstein 1556) (рис. 2). Конечно, она очень мала и достаточно условна, но все же костюм виден отчетливо: это длинное и широкое верхнее платье с декоративными петлицами на груди, с длинными свисающими рукавами. Силуэт фигуры очень схож с самым богатым нарядом Герберштейна, но короче и проще, без мехового воротника, что дает право говорить, что

Рис. 2. Мужская фигура в углу карты Московии, приложенной к «Запискам» Герберштейна 1556 г. (по Herberstein 1556: карта 2).

Fig. 2. Male figure from the corner of the map of Moscovia from "Notes upon Russia" by S. Herberstein, 1556 (after Herberstein 1556: map 2).

Рис. 3. Изображение дворянской конницы (трех всадников) в тегиялях из «Записок» С. Герберштейна 1547 г. (по Ровинский 1882: рис. 35).

Fig. 3. Noble cavalry (three horsemen) in tegilyay (aketon), from "Notes upon Russia" by S. Herberstein, 1547 (after Ровинский 1882: рис. 35).

это весенне-осеннее одеяние человека среднего класса.

Изображение дворянской конницы (или одного всадника) в тегиялях — специальных кафтанах с короткими рукавами и высокими воротниками — послужило образцом для многочисленных повторений и переделок (рис. 3). Последние в разных видах попадали на карты Московии, в разные костюмные, военные и исторические сочинения; о некоторых из них будет сказано ниже.

Портреты С. Герберштейна. В 1560 г. в Вене вышли в свет одновременно два издания Герберштейна, которые вызывают особый интерес у историков костюма, но, как правило, сливаются в некое единое сочинение и часто обозначаются как «венское издание "Записок" 1560 г.». Между тем, это самостоятельные издания, вышедшие на латинском языке под заглавиями «Gratae posteritati...» (впервые опубликовано в 1558 г.) и «Picturae variae...» (Herberstein 1560a; 1560b). Эти заглавия можно перевести как «Благодарному потомству... замечания...» и «Различные картины, которые изображают... Сигизмунда Герберштейна, исполняющего различные посольства»². Оба

издания размером в лист посвящены описанию посольств, совершенных автором. Они содержат шесть (раскрашенных от руки в некоторых экземплярах) гравюр, которые занимают по целой полосе и представляют барона в тех одеждах, которые он носил или получил в подарок. Гравюры обоих изданий различаются лишь подписями, помещенными сверху. Среди них три портрета в драгоценных московских платьях.

На первой из гравюр посол изображен в русском платье, подаренном ему великим князем Московским в 1517 г. (рис. 4: 1). Это длинный, практически до полу, широкий в плечах, вероятно, охабень с большим шалевым воротником, без застежки, сшитый из узорчатой ткани. Один рукав платья полностью надет на руку, а другой свисает до полу. Нижняя одежда — кафтан с узкими рукавами, с застежкой встык также изготовлен из узорчатой ткани, его фасон, скорее всего, европейский.

Вторая гравюра представляет барона в русской шубе, подаренной ему, как указывает дата, также в 1517 г. (рис. 4: 2). Это длинная шуба на богатом меху, крытая драгоценной тканью, застегнутая на целый ряд круглых пуговиц. Широкий воротник прикрывает плечи, длинные неширокие рукава немного припорошены. Голова непокрыта.

² Переводы названий даны по изданию 1988 г. (Герберштейн 1988: 376).

Рис. 4. Портреты С. Герберштейна в русской одежде из «Picturae variae...» 1560 г. (по Herberstein 1560b). Гравюры на оборотах нумерованных листов между тетрадами А и В..

Fig. 4. Herberstein's portraits in Russian costume, from "Picturae variae...", 1560 (after Herberstein 1560b). Engravings on reverse sides of unnumbered sheets between books A and B.

На четвертой по счету (третье русское платье) гравюре посол представлен в богатой собольей шубе, подаренной ему великим князем Василием III уже в 1526 г. на прощальной аудиенции (рис. 4: 3). Шуба крыта узорчатой парчой, имеет большой меховой отложной воротник, длинные, широкие рукава (их длина явно превосходит длину рук, поэтому посол вынужден держать руки на уровне пояса, а рукава в результате оказываются сложенными в многочисленные складки), ряд петель с нашивками. На голове посла — высокая шапка в форме колпака с меховой опушкой. На раскрашенной гравюре шуба представлена желтовато-золотой с синими разводами. Меховой воротник, подбой шубы и опушка шапки — темно-коричневые, высокая тулья шапки — белого цвета, а едва видные из-под меховой опушки отвороты — ярко-красные. Сапожки из красного сафьяна с узором на носках и пятках. В целом наряд очень гармонирует с седыми волосами, «русской» бородой и мудрым лицом посла. Изумительное качество гравюры позволяет разглядеть даже пуговицы, на которые встык застегнута шуба, — это составленные в виде пятилистника кружочки, которые можно принять даже за драгоценные камни.

Эта шуба обычно безоговорочно рассматривается как русская, употреблявшаяся в то время в среде знати. Но в одной из редакций «Записок» находим следующее замечание Герберштейна: «графу и мне дали

каждому по (шитому) золотом платью, подбитому соболями, с широкими рукавами, просторными полами (Rock) в противоположность покрою их платья. Их нам надо было надеть и так предстать перед государем» (Герберштейн 1998: 223, подстроч. примеч.). Подтверждением того, что дареные шубы совершенно отличались от повседневного русского мужского платья того времени, находим в тех же «Записках». Да и все остальные изображения, о которых речь пойдет ниже, подтверждают некоторое отличие дарованных Герберштейну одежд.

Часть гравюр (портреты Василия III, езда на саях, оружие) была выполнена известным немецким рисовальщиком, картографом и гравёром Августином Хиршфогелем (1503—1553?) (Чаянов 1926: 44; Nehring 1897: 26, 27 etc.). Что касается портретов дипломата в рост, то эти «гравюры резаны на дереве, по всей вероятности типографом-издателем большинства сочинений Герберштейна Рафаилом Гофгальтером» (Ровинский 1886—1889, 1: 561).

Портреты Герберштейна как источники по истории русских одежд впервые стал рассматривать художник, автор «Материалов для истории русских одежд» В.А. Прохоров (1818—1882), поместивший литографированное воспроизведение портрета посла в шубе в своем журнале «Русские древности» (Прохоров 1872b: илл. 5). Подробный анализ иллюстраций из разных изданий

Герберштейна с описаниями костюмов дал немецкий ученый А. Неринг, отметивший их большое культурно-историческое значение (Nehring 1897)³.

Портреты Герберштейна репродуцируются во многих сочинениях по истории костюма, как отечественных, так и зарубежных. При этом, как уже отмечалось, ссылка на конкретное издание не дается. Цветные воспроизведения этих гравюр помещены в издании 2000 г., посвященном жизни и творчеству Герберштейна (Герберштейн 2000). Они помогают представить как облик этого незаурядного словенца, дипломата и государственного деятеля, так и эпоху, в которую ему довелось жить.

Особенностью портретов Герберштейна является то, что изображенные на них платья существовали в действительности и были посольскими подарками. Обычай жаловать платьем за службу или преподносить его в качестве дипломатического подарка наряду с отрезами дорогих материй, серебряными и золотыми сосудами существовал исстари в Московии и в других государствах. Верхнее платье — шубы, ферязи, охабни — сшитое из драгоценных тканей, подложенное собольим мехом, украшенное жемчужным шитьем, галуном, золотыми пуговицами, — было в ряду наиболее распространенных подарков как европейских, так и московских правителей. Сам Герберштейн получил богатое шаубе от испанского короля Карла V в 1519 г., два дорогих пояса из кожи тура от польской королевы Боны Сфорца (Nehring 1897: 13), драгоценные платья от московского князя и турецкого султана. Герберштейн, вероятно, хранил свои платья вместе с другими подарками и с коллекцией русского и восточного оружия в своем дворце в Вене (Nevinson 1969: 66—67). Он был первым человеком, опубликовавшим изображения своих реально существовавших одежд. На портретах барон изображен уже пожилым человеком, с седыми волосами, которых, конечно же, не имел в 1517 и 1526 гг. в тридцати-сорокалетнем возрасте, когда состоялся его поездка в Москву.

В целом «Записки о Московии» и другие издания Герберштейна содержат ценный, еще не до конца введенный в научный оборот набор изобразительных материалов, важных для истории как европейского, так и русского

костюма, употреблявшегося в XVI в. в среде знати и зажиточных слоев населения.

«Посольские» гравюры

Следующей по хронологии должна быть названа гравюра 1567 г., представляющая посольство Колычева от Ивана Грозного к польскому королю Сигизмунду Августу и являющая собой огромную гравированную на дереве картину. Как писал биограф Д. А. Ровинского В. Я. Адарюков, «это — целая историческая картина, содержащая не одну, а несколько сцен. На одной из них изображено русское посольство в блестящих полувосточных костюмах, русские джигитуют на великолепных конях, их музыканты бьют в литавры, а позади тянется длинный обоз кибиток и телег со старинной русской упряжью и дугами, нагруженных всяким добром. Навстречу русским, в поле за городом выезжал богато и роскошно одетый польский отряд. Начальники русских и поляков сошли со своих коней, встретились и дружески жмут друг другу руки. Но вся эта приязнь на самом деле одна комедия, так как на самом деле с русскими обошлись позорно: их даже не впустили в Гродно, велев остановиться за городом... Другая картинка изображает парадную аудиенцию — процессия русских с подарками от Ивана Грозного: туры рога, меха, шкатулка с драгоценностями... на картинке изображены литовцы и литовки в национальных костюмах» (Адарюков 2003: 81, 82). Впрочем, для изучения костюма этот памятник подходит мало.

Памятником, заслуживающим пристального внимания, является немецкая гравюра «Изображение русского посольства, представлявшегося под начальством Захара Ивановича Сугорского императору Максимилиану II на Регенсбургском сейме в 1576 г.» (в оригинале: «Warhafftige Contrafactur der Legation oder gesandten, der Gross Fürsten auss Moscau, an die Römische Kayserliche Mayestat») (рис. 5—7). Это произведение состоит из четырех больших листов, гравированных отдельно и склеенных в длину: собственно процессия московских послов представлена на трех листах гравюры, на четвертом листе представлено русское богослужение. Вверху помещено название гравюры, а пониже приклеены отпечатанные типографским шрифтом подписи на немецком языке, частично в стихах, включающие описание приема послов 18 июля 1576 г., перечень членов посольства, описание подарков.

Гравюра выполнена в Праге Михаилом Петтерле (Michael Petterle (Peterle, Petterla)),

³ А. Неринг описал, в частности, экземпляр венского издания в четвертую долю листа с погрудными портретами посла в круглых медальонах, который нам не удалось обнаружить. В его сочинении воспроизведен один из портретов.

Рис. 5. Главные послы. Фрагмент гравюры «Изображение русского посольства...» 1576 г. (по Ровинский 1882: рис. 43).

Fig. 5. The main envoys. Fragment of the engraving "Warhafftige Contrafactur der Legation...", 1576 (after Ровинский 1882: рис. 43).

Рис. 6. Свита послов. Фрагмент гравюры «Изображение русского посольства...» 1576 г. (по Ровинский 1882: рис. 43).

Fig. 6. Envoys' retinue. Fragment of the engraving "Warhafftige Contrafactur der Legation...", 1576 (after Ровинский 1882: рис. 43).

о чем сказано в подписях, а вот автор рисунков до сих пор не установлен. О М. Петтерле известно, что он происходил из Богемии, был миниатюристом и книгопечатником (Thieme, Becker 1932, 26: 478). Н.П. Собко предположил, что рисунки мог исполнить немец Ганс Боксбергер (Hans Bocksberger), известный своей большой работой в виде фриза с изображением шествия императора Максимилиана II с сыновьями, которую напечатал тот же Петтерле. Гравюры мог резать, или, по крайней мере, раскрашивать либо сам Петтерле, либо немецкий гравер Мельхиор Лорх (Melchior Lorch, Lorichs) (Собко 1886: 74—75).

Изображенное на гравюре московское посольство было направлено Иваном Грозным к императору Священной Римской империи Максимилиану II. Возглавляемое З.И. Сугорским и А.Г. Арцыбашевым, оно двинулось в путь в начале 1576 г. Восемнадцатого июля в Регенсбурге состоялся торжественный прием послов Максимилианом II; 17 сентября они двинулись в обратный путь через Прагу, где представлялись сыну императора Рудольфу, и 3 января вернулись в Москву. В.А. Прохоров писал, что «в это время немцы составили картину, изображающую шествие этого посольства, картину очень замечательную по изображению костюмов и наружного вида членов посольства и их служителей» (Прохоров 1872а: 3).

Из подписей следует, что послы прибыли на предоставленных им экипажах, вышли из них и двигались попарно. «По желанию каждого, все они представлены здесь в прилагаемом изображении наглядным образом, а знатнейшие из них названы по именам» (Прохоров 1872а: 3). Главный посол князь Сугорский представлен «в червленном золотном платье и меховой шапке», дьяк Арцыбашев — «в синем золотном платье»; шедшие во второй паре «Третьян Дмитриевич Зубатый старший — в белом платье с золотыми цветами и высокой шапке», дворянин Мамлей Иванович Илим — «в золотном платье с краснотолстыми цветами»; в третьей паре шел подъячий Афанасий Михайлович Монастырев, который нес «верющую грамоту в красном кармазине» и сам «был весь в красном», подле него «в голубом шелковом платье» был, вероятно, толмач Петр (Ровинский 1882: 15).

Одежда в те времена играла роль социального показателя, знака принадлежности ее хозяина к той или иной социальной группе. Эта группа родовитых или облеченных высокими полномочиями лиц, возглавляющая посольство, одета соответственно своему положению. Все 36 персонажей гравюры представлены в полный рост в разных позах и ракурсах и позволяют увидеть разнообразие русских мужских нарядов второй половины XVI в. Их костюмы, состоящие из нескольких верхних

Рис. 7. Русское богослужение. Четвертый лист гравюры «Изображение русского посольства...» 1576 г. (по Ровинский 1882: рис. 43).

Fig. 7. Russian divine service, the fourth sheet of the "Warhaftige Contrafactur der Legation...", 1576 (after Ровинский 1882: рис. 43).

и нижних одежд из дорогих тканей, украшены накладными петлицами и крупными пуговицами. Верхние одежды главных послов, которые можно, скорее всего, назвать охабнями, представляют собой застегивавшиеся встык на пуговицы неширокие распашные одежды из шелковых тканей, имевшие большой четырехугольный откидной воротник, который свешивался сзади до середины спины. Полуотпахнутые верхние одежды позволяют видеть фрагменты нижних кафтанов (так, на Сугорском, без сомнения, терлик), декорированных по вороту и по центру жемчугами. Меха — излюбленное украшение одежд русской знати — присутствуют только на головных уборах по причине теплой погоды: посольство представлялось в июле-сентябре.

Наряды свиты также многослойны, но гораздо скромнее: более короткие, узкие и однотонные (охристые, зеленые, бордовые, коричневые, голубые, белые, розовые, полосатые). Все верхние одежды изображены более короткими, чем нижние, что дает возможность показать многослойность костюмов. На большинстве участников шествия надеты два верхних платья, на Арцыбашеве и некоторых свитских заметны даже три слоя одежд, но в конце процессии помещены слуги, одетые в одно довольно короткое платье. На гравюре представлены разные фасоны воротников, виды застежек, боковые разрезы, накладные петлицы, воротники-стойки нижних кафтанов.

Отличительным от прочих является одеяние священника, которое представляется наи-

менее достоверным. Мы видим плиссированный или заложенный в мелкие драпировки плащ, довольно ясно просматривается эпитрахиль, украшенная понизу бахромой.

На всех мужчинах одинаковые, различающиеся лишь цветом, узкие сапоги без каблучков. А вот разнообразие головных уборов просто поразительно. Здесь представлены разных видов меховые и суконные шапки, колпаки с отворотами и без них, украшенные жемчугом или галуном или вовсе без отделки, сшитые из больших или меньших кусочков материи вертикальными или косыми швами и т.д. Один из свитских держит свою расшитую жемчугом шапку в руке, показывая, что под этими нарядными головными уборами он носит небольшую шапочку-тафью, которая была нижним и домашним головным убором. Цвет шапок никак не сочетается с цветом одежды. На четвертом листе показано, что в помещении церкви мужчины остаются с непокрытыми головами, их волосы и бороды довольно коротко подстрижены.

Выполненная в реалистической манере, гравюра 1576 г. является ценнейшим документом для истории русского костюма. Еще археограф А. Ф. Бычков (1818—1899) писал, что «гравюра эта — единственный известный до сих пор экземпляр — является важным и достоверным историческим документом, и многие одежды из этой картины, богато расцвеченной красками и золотом, всегда были воспроизводимы в лучших сочинениях о костюмах, появлявшихся в Европе в течение последней четверти столетия» (Бычков 1896: 101).

В настоящее время известны два полных экземпляра этой гравюры, один из которых находится в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), а другой — в Музее Виктории и Альберта (Лондон, Великобритания). В некоторых собраниях имеются фрагменты. Раскраска всех экземпляров различна.

Впервые картина была хромофотографирована В. А. Прохоровым в «Русских древностях» в 1872 г. (Прохоров 1872а: 4 л. цв. илл.), а спустя 10 лет факсимильно воспроизведена Д. А. Ровинским в двух вариантах — черно-белом и раскрашенном от руки — в его труде «Достоверные портреты московских государей» (Ровинский 1882: л. 24, 25); тексты с немецкого языка перевел В. В. Стасов.

На гравюре имеется приписка о запрещении переиздавать гравюру в каком-либо виде. Но изображения отдельных персонажей гравюры, в основном, главных послов, или фрагментов их нарядов сразу стали исполь-

зоваться книгоиздателями. При этом они часто искажались в зависимости от задач нового издания, что будет показано ниже.

Гравированные портреты Василия III и Ивана IV⁴

К их числу, помимо уже названных портретов Василия III из «Записок» Герберштейна, относятся еще несколько достоверных и вымышленных. Среди них портрет Василия III из книги Павла Иовия «*Elogia virorum bellica virtute illustrium*» (Iooii 1575) (гравюра на дереве работы Тобиаса Штиммера, 1575) и его профильный портрет с поворотом вправо из книги А. Тевет «Подлинные портреты и жизнеописания знаменитых людей» (Thevet 1584: 389) (рис. 8). Портрет с некоторыми изменениями повторяет гравюры из «Записок» Герберштейна. Как писал Д. А. Ровинский, «на нем шапка гречневиком», отороченная мехом, и шуба» (Ровинский 1882: 6).

Сохранились также два портрета Ивана Грозного (гравюры на дереве), единственные экземпляры которых находятся в Российской национальной библиотеке. На одном из них царь представлен по пояс (рис. 9). Хорошо виден его наряд, состоящий из нижнего кафтана с застежкой встык и стоячим воротником, обшитым жемчужинами (который, однако имеет отдаленное сходство с фрезами — гофрированным воротником — элементом европейской моды середины XVI в.), с узкими рукавами. Верхнее платье Ивана Васильевича является, скорее всего, опашнем: свободное и длинное, с откидными рукавами и широким отложным воротником, оно «сделано» из драгоценной узорчатой ткани. На голове царя колпак из однотонной ткани, с отворотом, который обильно украшен жемчугом.

Другой большой портрет Ивана Грозного — профильный (гравюра Г. Вайгеля), считается прижизненным; он сохранился в коллекции Д. А. Ровинского и был передан им в Императорскую Публичную библиотеку (рис. 10). Царь представлен «в парчовом кафтане и высокой шапке гречневиком, отороченной мехом; на шапке надета золотая корона, на шее золотая цепь, у левого плеча скипетр» (Ровинский 1882: 7). Хорошо видны стоячий воротник, декорированный жемчужинами и золотыми нитями, круглые пуговицы и длинные петлицы. Драгоценная ткань, из которой шит кафтан (судя по покрою, терлик),

Рис. 8. Профильный портрет Василия III из книги А. Тевет «Подлинные портреты и жизнеописания знаменитых людей», 1584 г. (по Thevet 1584: 389).

Fig. 8. Basil III's side view portrait, from "Les vrais pourtraits..." by A. Thevet, 1584 (after Thevet 1584: 389).

покрыта крупным растительным орнаментом по красно-коричневому фону. Сложно говорить о достоверности изображенного на портрете костюма: такие детали, как зубчатая корона, одетая поверх шапки, и чисто европейская витая цепь, наводят на мысль, что гравер резал изображение, ориентируясь не столько на подлинные портреты, сколько на собственное представление об облике московского царя. Образцом для Вайгеля служил, скорее всего, все тот же профильный портрет Василия III из «Записок» Герберштейна, который не раз копировался в Европе уже в XVI в. и выдавался за изображение Ивана IV. Тот же профиль царя и ту же корону мы видим на конном портрете Ивана Грозного, который выполнил немецкий гравер Эрхард Шён. Надо заметить, что европейские авторы часто использовали портрет Василия III в качестве образца при создании изображения его преемника, иногда заимствуя его целиком, иногда переиначивая по собственному вкусу.

К числу вторичных источников относится гравюра на дереве, украшающая титульный лист сочинения немецкого автора Пауля Одерборна, посвященного жизни и деятель-

⁴ Полный перечень гравированных портретов Василия III и Ивана IV см.: Ровинский 1882; 1886—1889; Собко 1881.

Рис. 9. Поясной портрет Ивана Грозного. Гравюра на дереве, вторая половина XVI в. (по Ровинский 1882: рис. 19).

Fig. 9. Ivan IV's half-length portrait, engraving, second half of the 16th century (after Ровинский 1882: рис. 19).

ности Ивана IV (Oderborn 1588) (рис. 11). Эта гравюра, раскрашенная красным цветом, — не слишком достоверное изображение царя на престоле, с одной стороны которого представлены бояре, с другой — церковная служба. Сам царь, облаченный в платье неопределенной формы и мантию из узорчатой ткани, в головной убор, напоминающий тюрбан, и остроносые туфли с разрезами, больше похож на восточного владыку, чем на московского царя. Облик троих бояр, стоящих слева от него, и священнослужитель, изображенный справа, наводят на мысль, что гравер использовал в качестве образца посольскую гравюру 1567 г.

Альбомы гравюр с изображениями костюмов разных народов

Русский костюм попал и в собрания первых «костюмных» гравюр, созданных во второй половине XVI в. французскими, немецкими и итальянскими граверами. Альбомы

Рис. 10. Большой профильный портрет Ивана Грозного. Гравюра на дереве, вторая половина XVI в. (по Ровинский 1882: рис. 16).

Fig. 10. Ivan IV's side view portrait, engraving, second half of the 16th century (after Ровинский 1882: рис. 16).

Рис. 11. Титульный лист из книги П. Одеборна «Wunderbare erschreckliche unerhörte Geschichte...», 1588 г. (по Oderbornius 1588).

Fig. 11. Title page from "Wunderbare erschreckliche unerhörte Geschichte..." by P. Oderbornius 1588 (after Oderbornius 1588).

гравюр на дереве или металле, представлявшие собой собрания костюмных изображений, были весьма популярны в последней четверти XVI в. Это был «любопытный культурный феномен», распространившийся по всей Европе и вызванный «той сильной и взаимной жаждой знаний, которая толкает человека или нацию, уже самоопределивших-

№5. 2014

ся, узнать о других способах жизни и стилях одежды» (Барго 2006). Костюмы «москвитов» соседствовали с французскими, немецкими, итальянскими, английскими, польскими, венгерскими, турецкими и другими и отражали представления европейцев о внешнем виде населения далеких от Центральной Европы стран. Можно ли считать подлинными запечатленные в этих альбомах русские костюмы?

Откровенно неправдоподобными выглядят изображения русских одежд во французском издании 1567 г. «*Recueil de la diversité des habits...*» (Deserps 1567). Женщина (л. 37 об.) «одета» в два платья, нижнее из которых опушено мехом, а верхнее заложено в мелкие складки, скрывающие даже руки, якобы спрятанные «от мороза». На голове большая шапка из длинноворсового меха (рис. 12: 1). Наряд мужчины — смешение русских элементов с бургундскими модами XV в.: верхняя одежда является то ли шубой, то ли плащом, ее широкие рукава вырезаны фестонами и свисают до земли. На голове — причудливый убор с меховой опушкой напоминает шаперон, а на ногах не менее оригинальные сапожки (рис. 12: 2).

Русские персонажи встречаются в собраниях «костюмных» гравюр Ганса Вайгеля (1548—1578) и Йоста Аммана (1539—1591). Так, изображение знатной московской женщины находим в двух книгах — «*Gynnaeseum*» на латинском языке и «*Im Frauenzimmer*» на немецком языке — изданных в 1586 г. во Франкфурте-на-Майне ([Amman] 1586a; Amman 1586b). Обе книги небольшого формата представляют собой альбомы нераскрашенных гравюр с изображениями женщин разных стран и народов. Гравюры совершенно одинаковы (если не считать качества печати) и разнятся лишь подписями, данными в одном случае на латинском, в другом — на немецком языке, а также местоположением относительно других гравюр (109-й нумерованный лист в латинском издании и № 73 — в немецком) (рис. 13). Облик «москвички», одетой на немецкий лад с примесью русской экзотики, откровенно фантастичен. На даме длинная юбка, заложная глубокими вертикальными складками, и пелерина с высоким воротником — элементы немецкой моды первой половины XVI в., запечатленные на многих портретах работы Г. Гольбейна и Л. Крахна старшего. Особым «московским» элементом является мех горностая, которым отделана большая часть юбки и вся пелерина. Меха, привозимые из Московского государства,

Рис. 12. Знатные русские: женщина (1) и мужчина (2). Гравюры из альбома «*Recueil de la diversité des habits...*» 1567 г. (по Deserps 1567: 37, 38).

Fig. 12. Russian noblewoman (1) and nobleman (2), from “*Recueil de la diversité des habits*”, 1567 (after Deserps 1567: 37, 38).

Рис. 13. Изображение московской дамы. Из альбома Й. Аммана «*Im Frauenzimmer*» 1586 г. (по Amman 1586b: ll. 73).

Fig. 13. Noblewoman from Moscovia, from J. Amman's “*Im Frauenzimmer*”, 1586 (after Amman 1586b: ll. 73).

Рис. 14. Русский купец. Из книги Г. Вайгеля «*Habitus praecipuorum populorum...*» 1577 г. (по Weigel 1577: II. 167).

Fig. 14. A Russian merchant, from “*Habitus praecipuorum populorum...*” by H. Weigel, 1577 (after Weigel 1577: II. 167).

считались ценными дипломатическими подарками и в глазах иностранцев были неотъемлемой частью русского костюма. Рисунки к обоим изданиям выполнил выдающийся мастер своей эпохи нюрнбергский гравёр Йост Амман (1539—1591), плодовитый книжный иллюстратор, чьи работы изображают повседневную жизнь XVI в. Он известен графическими портретами французских королей, изображениями рыцарей и персонажей Библии, иллюстрациями к книгам по искусству верховой езды, игре в карты, а также костюмов разных сословий и народов.

Рисунки Аммана были изданы Г. Вайгелем в виде альбома под названием «*Habitus praecipuorum populorum...*» (Weigel 1577). Этот альбом размером в лист, представляет собой собрание изображений костюмов разных народов, как европейских, так и азиатских и африканских. Гравюры размером 16—18 см высотой занимают центральную часть листа (оборот оставлен чистым) и дополнены

названием (вверху) и краткими комментариями в стихотворной форме (внизу). Крупные размеры изображений и изумительное качество печати позволяют разобрать мельчайшие детали костюмов, среди которых находим и четыре русских.

Под №167 представлен «Русский купец» (Mercator in Russia) в длинных узких сапожках и шапке-треухе, с длинными волосами и бородой (рис. 14). Его нижнее платье (кафтан) застегнуто на пуговицы и подпоясано кушаком, а верхнее, подбитое мехом и довольно узкое, едва прикрывает колени; оно с откидными рукавами, отделанными мехом, на плечах лежит меховой воротник. Текст под гравюрой гласит: «У Русских старые купцы охотно носят длинное платье. Странная шляпа у них на волосах бывает обычно из пушного товара» (Нечволодов 1913: 293)⁵. Одежда купца представлена более короткой, чем было в русском обычае того времени, но известно, что, выезжая за границу, купцы одевали более легкую одежду, польскую или венгерскую. То, что московские купцы могли носить и европейское платье, показывает гравюра под №168 «Одежда купцов в России, Московии и Польше» (Mercatoris habitus in Russia, Moscouia & Polonia), на которой видим коллет, поколенные штаны и шаубе, широко распространенное еще в XVI в. О национальной принадлежности изображенного говорит, пожалуй, лишь высокая шапка в форме колпака с меховой опушкой.

На гравюре под №171 видим всадника (Eques Moscoviticus) в тегиле с высоким воротником, в мурmolке (рис. 15). Снаряжение всадника составляют лук в налуче и колчан со стрелами. Всадник во многом схож с фигурами дворянской конницы из «Запискок» Герберштейна.

Пеший воин представлен на листе №172 (Moscovita sive Moscus militaris), а подпись гласит: «Московит совершенно снаряжен к походу, со своим луком для боя и войны. Ум его и дух направлены к победе» (Нечволодов 1913: 282) (рис. 16). Эти четыре гравюры из альбома Вайгеля дают представление о людях среднего класса: купцах и офицерах, но достоверность их изображения далеко не абсолютна; бросаются в глаза, в частности, совершенно европейские чулки и обувь.

Отдельные экземпляры альбома Вайгеля были, вероятно, раскрашены. Об этом свиде-

⁵ В сочинении историка А. Д. Нечволодова опубликованы русские типы из альбома Вайгеля в уменьшенном виде с переводами текстов, но без указания источника.

Рис. 15. Всадник в тегиляе. Из книги Г. Вайгеля «*Habitus praecipuorum populorum...*» 1577 (по Weigel 1577: Il. 171).

Fig. 15. A horseman in tegilyay, from “*Habitus praecipuorum populorum...*” by H.Weigel, 1577 (after Weigel 1577: Il. 171).

Рис. 16. Русский воин. Из книги Г. Вайгеля «*Habitus praecipuorum populorum...*» 1577 (по Weigel 1577: Il. 172).

Fig. 16. A Russian warrior, from “*Habitus praecipuorum populorum...*” by H.Weigel, 1577 (after Weigel 1577: Il. 172).

тельствуют цветные воспроизведения этих гравюр, помещенные в «Материалах для русской иконографии» Д. А. Ровинского (Ровинский 1884, 4: ил. 131—137). Здесь мы находим всадника, тегиляй которого закрашен темно-синим, тулья шапки — темно-коричневым; купцов и пешего воина, чьи одежды раскрашены в серо-коричневые цвета, чулки — в желтые, некоторые детали — в белый и розовый.

Русские типы присутствуют и в творчестве бельгийского гравера по меди Абрахама де Брюна (1540—1587), известного своими портретами коронованных европейских особ, мифологическими сценками и рядом костюмных альбомов (Thieme, Becker 1911, 5: 153—154). В 1577 г. Гаспаром Рютцем в Кёльне была опубликована его коллекция из 47 листов под названием «*Omnium pene Gentium imagines*» (Brugn 1577), включившая оригинальные изображения костюмов разных народов и духовенства, — исключительно

ценный документ для истории костюма того времени. В 1581 г. уже другим издателем эта серия была напечатана вновь под заглавием «*Omnium pene Europae, Asiae...*» (Brugn 1581). На листе №42 второго издания помещены 4 фигуры, подписанные следующим образом: «*Moscovita Magnatis habitus*», «*Moscovita nobilis familiar*», «*Moscovita habitu militari*», «*Tartarus gentile more armatus*» (рис. 17). Первая фигура изображает знатного боярина, костюмом похожего на посла Сугорского. Его нижнее платье длиной до щиколоток застегнуто встык, украшено петлицами, а по подолу и вырезу — жемчугом; верхнее — узорчатое, с меховым шалевым воротником, подбито мехом, имеет разрезы по бокам. Рукава неширокие, зауживающиеся к запястью. Шапка меховая, ворсом вверх. Сапоги украшены орнаментом, идущим от носка вверх.

Вторая фигура изображает боярина в домашнем платье и напоминает Сугорского

Рис. 17. Лист из альбома «Omnium pene Europae, Asiae, Africae...» 1581 г. (по Bruyn 1581: 42).

Fig. 17. Sheet from "Omnium pene Europae, Asiae, Africae...", 1581 (after Bruyn 1581: 42).

и Арцыбашева. Нижняя одежда — из полосатой ткани, украшена неширокой каймой по подолу и застежками встык; верхняя — из узорчатой ткани, застегнута на все пуговицы (около 20). Из-под отложного воротника спускается шарф, концы которого завязаны узлом. Обувь боярина узкая, остроносая, орнаментирована тонкими полосками. На голове шапочка-тафья, сплошь усаженная жемчугом.

Третья фигура из альбома 1581 г. представляет пешего воина. Его однотонная верхняя одежда снабжена большим количеством пуговиц и петлицами, на поясе кушак. На голове высокая шапка с орнаментированным отворотом. У воина лук в налuche и колчан со стрелами. Форма головного убора, сходные предметы вооружения, заставляют предположить, что здесь изображен ногайский воин, находившийся на службе в Московском государстве⁶.

Четвертая фигура изображает вооруженного татарина в высокой шапке с лохматой меховой опушкой, подвязанной под шеей. Узкое верхнее платье прикрывает колени, застегнуто сверху донизу на большое количество пуговиц (около 30). Нижняя одежда из полосатой ткани едва просматривается. Из-под кафтана видны широкие недлинные штаны, также полосатые. Сапожки узкие, полосатые, орнамен-

тированные по центру. Его вооружение составляет лук и колчан со стрелами⁷.

Точное изображение этого листа со всеми четырьмя фигурами и подписями было опубликовано еще И. Я. Билибиным в качестве важного источника по истории отечественного костюма (Билибин 1909).

Еще один альбом де Брюна «*Diversarum gentium armature equestris*» ([Brun 1600?]) представляет интерес для исследователей военного костюма XVI в. На пятидесяти двух листах выгравированы изображения всадников разных стран, в соответствующих костюмах и в полном вооружении. Все персонажи представлены в движении, что выгодно отличает их от работ Вайгеля и придает ощущение достоверности. К альбому приложено предисловие и подробные комментарии. На таблицах №23, 24 и 26 находим московских всадников, облаченных в длинные стеганные тегиляи с короткими рукавами и стоячими воротниками, первые два — в шлемах, третий — в большой меховой шапке. Комментарии содержат перечисление вооружения, а относительно одежды сообщают, что московские всадники носят простеганный длинный плащ, набитый хлопком, который защищает их не только от свирепой зимы, но и от стрел.

Неотъемлемой частью истории костюма стали гравюры из книги итальянского художника Чезаре Вечеллио (ок. 1521—1601) «*Degli Habiti Antichi et Moderni...*» и ее расширенного переиздания 1598 г. под названием «*Habiti antichi et moderni di tutto il mondo*» (Vecellio 1590; 1598).

Первая книга Вечеллио включает 419 гравюр на дереве, на которых представлены типы всех стран и народов мира в присущих им костюмах. Изображения сопровождаются комментариями на итальянском языке, в которых содержатся сведения о народе и более или менее конкретное описание одежды и головных уборов. Эти тексты занимают от одной до трех страниц. Во вторую книгу художник включил дополнительные гравюры, доведя их число до 513 и увеличив количество старинных и современных итальянских и многих других типов. Комментарии даны на итальянском и латинском языках, но сильно сокращены⁸.

⁶ Такое мнение высказано в статье А. А. Мазанова (Мазанов 1982). В этой статье находим пример того, как целый ряд изображений приписывался «Запискам» Герберштейна. Автор говорит о том, что данное и следующее изображение имеется у Герберштейна (ссылается при этом на русский перевод 1908 г.) и одновременно указывает книгу XVI в., Герберштейну не принадлежащую.

⁷ Перевод подписи под фигурой «Татарин в туземном вооружении» и описание его костюма с этнографическими параллелями с одеждой татар Поволжья и Приуралья сделаны А. А. Мазановым (Мазанов 1982).

⁸ Собрание гравюр Вечеллио было настолько серьезно, полно и интересно, что уже с XVII в. нача-

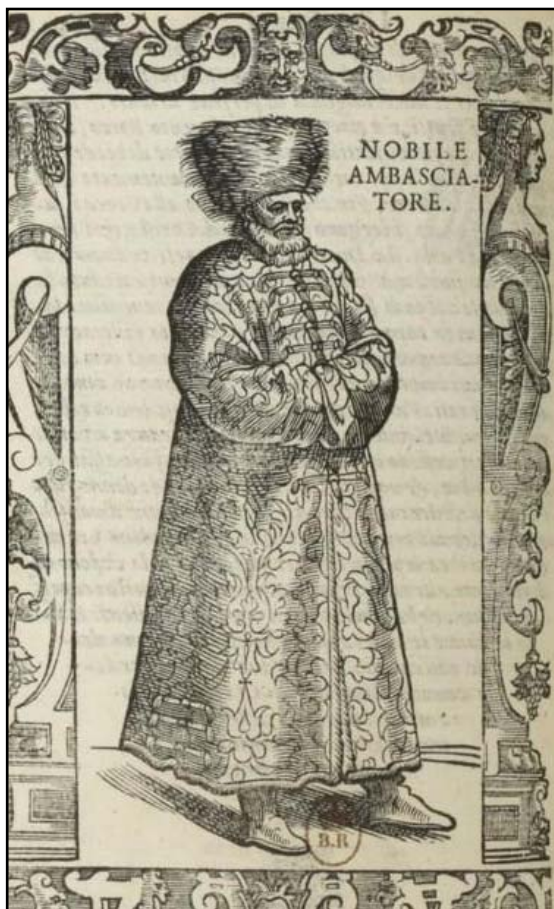

Рис. 18. Знатный московит-посол. Гравюра из книги Ч. Вечеллио "Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo", 1590 г. (по Vecellio 1590: Il. 356).

Fig. 18. A Noble envoy from Moscovia, engraving from Cesare Vecellio's "Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo", 1590 (after Vecellio 1590: Il. 356).

В обоих изданиях помещено несколько русских типов. В книге 1590 г. находим четыре гравюры: «Moscovita nobile» («Знатный московит»), «Nobile Moscovita et ambasciatore» («Знатный Московит-посол») (рис. 18), «Armato à piedi» («Вооруженный пеший воин») (рис. 19), «Soldato à cavallo» («Конный воин»). В издание 1598 г. добавлены гравюры: «Il Gran Duca di Moscovia» («Великий князь Московский»), сценка, представляющая езду на саях «в северных странах», «Donna di Polonia, Prussia o Moscovia» («Женщина Польши, Пруссии и Московии»), «Russiano» («Русский»).

Сравнивая эти гравюры с портретами Герберштейна и «Посольством» Суворского, можно понять, что Вечеллио опирался на эти

лишь его переиздания. Лучшие из них осуществлены в 1859—1860 гг. и в 2008 г. и представляют собой переиздания второй и первой книг итальянского художника (Vecellio 1859—1860; Vecellio 2008).

Рис. 19. Вооруженный пеший воин. Гравюра из книги Ч. Вечеллио "Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo", 1590 г. (по Vecellio 1590: Il. 357).

Fig. 19. An armed foot soldier, engraving from Cesare Vecellio's "Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo", 1590 (after Vecellio 1590: Il. 357).

источники для создания собирательного образа русских людей. Так, на посла «надета» шуба, чрезвычайно похожая на шубу Герберштейна: те же рукава, петлицы, боковые разрезы у подола, похожий «травчатый» узор, видна меховая подпушка. Во многом сходна и поза посла. Отсутствует меховой воротник, зато надета большая меховая шапка, прообраз которой без труда обнаруживается на голове посла Суворского с гравюры 1576 г., неуместными выглядят лишь грубые башмаки. Сценка езды на саях почти полностью заимствована из «Записок» о Московии, что подтверждает уверенность в том, что Вечеллио хорошо знал труды Герберштейна. Заметны и заимствования из альбома Вайгеля: офицер и конный воин узнаваемы без труда, несмотря на некоторые различия (например, офицер смотрит в противоположную сторону, изменены детали). Некоторые образы претерпели изменения, например, фигура, подпи-

Рис. 20. Знатная московская женщина. Гравюра из книги Ч. Вечеллио *“Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo”*, 1590 г. (по Vecellio 1590: IL 354)

Fig. 20. A Noblewoman of Moscovia, engraving from Cesare Vecellio's *“Degli habiti antichi et moderni di divers parti del mondo”*, 1590 (after Vecellio 1590: IL 354).

санная как «Прусский купец», очень напоминает русского купца у Вайгеля: лишь немного изменена шапка, увеличены размеры воротника. В комментарии, однако, говорится, что такую же одежду носят и в России, и в Польше, и в Татарии.

В альбоме Вечеллио впервые встречается реалистический образ московской женщины (*Donna di Moscovia*) (рис. 20), чья затворническая жизнь не давала большой возможности изучить костюм. Она изображена в теплее с откидными рукавами, с застежками спереди и на боковых разрезах, с небольшим меховым воротником. Рукава нижнего платья узкие и длинные. На голове непонятной формы головной убор, оставляющий открытыми боковые пряди волос. В издании 1590 г. это изображение сопровождается длинным комментарием, занимающим более двух страниц текста, но в книге 1598 г. текст значительно

сокращен. Вечеллио пишет, что женщины одеваются подобно мужчинам, рукава их одежды, сшитых из разных шелковых материй, также длинные, что позволяет обходиться без перчаток; их шапка сделана из бархата, подбитого мехом. Так одеваются и девушки и замужние женщины. Слуги носят одежды из грубого сукна.

Что касается гравюры «Женщина Польши, Пруссии и Московии», то изображенная дама, хотя и одета в опушенное мехом платье с откидными рукавами и шапку, похожую на каптур, но имеет также фрезы в качестве воротника и нечто, напоминающее передник, — предметы, не имеющие отношения к русскому костюму XVI в. К тому же в тексте речь идет не о Московии, а о Литве. Встречаются в альбомах Вечеллио и представители народов, входивших в состав Московского царства или граничивших с ним: биарминов, лапландцев, литовцев, татар. Это — одни из первых изображений костюмов этих народов в литературе⁹.

Выводы

Сравнение ряда гравюр XVI в. позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, сам факт попадания московских великих князей и русских типажей в западноевропейскую гравюру свидетельствует о некотором любопытстве к России и внешнему облику ее жителей в том числе. С одной стороны, это был результат всеобщего интереса европейцев эпохи Возрождения к другим народам, с другой — более близкого знакомства иноземцев с Московским царством, что стало результатом оживления политических и торговых отношений. Огромная заслуга в популяризации сведений о России того времени принадлежала австрийскому дипломату С. Герберштейну.

Во-вторых, сходство многих гравюр второй половины XVI в. с иллюстрациями из сочинений С. Герберштейна и посольской гравюрой 1567 г. (которые, в свою очередь, не имеют более ранних аналогов), позволяет говорить о том, что именно они прямо или опосредованно служили первоисточниками. Именно на них опирались граверы и издатели «костюмных» альбомов, жизнеописаний, политических памфлетов второй половины XVI столетия; они брали фрагменты и переиначивали изображения в зависимости от собственных, часто тенденциозных

⁹ См.: Vecellio 1598: илл. 301, 302, 305, 306, 447, 448.

№5. 2014

целей. Таким образом, нам представляется, что распространенность сходных изображений у разных авторов вовсе не является свидетельством того, что русские одевались именно таким образом (как предполагал И. Я. Билибин). Это лишь говорит об ограниченности сведений о Московии, которыми в те времена располагали европейцы.

В-третьих, изображения, не имеющие ничего общего с изданиями С. Герберштейна и посольской гравюрой, отличаются откровенной фантастичностью. Это и понятно, в этом случае мастер полагался на собственные представления, устные рассказы в передаче не столько очевидцев, сколько третьих лиц; он естественно брал за основу знакомые

европейские формы и добавлял вымышленные «московские» детали, в основном меха и кожу. Так создавались изображения экзотических, никогда не существовавших нарядов, представленные в некоторых ранних «костюмных» альбомах.

Таким образом, большинство западноевропейских гравюр XVI в. все же было не столько отражением подлинного русского костюма, сколько представлением европейцев о нем. В свою очередь, некоторые из них, прежде всего работы Г. Вайгеля и Ч. Вечеллио, в течение трех следующих столетий сделались образцами для подражания и вошли в состав исторических источников, стали объектами изучения исследователей костюма.

Литература

- Адарюков В. Я. 2003. Д. А. Ровинский: к 100-летию со дня рождения. В: Кусакин А. Л. и др. (сост.). *Венок Ровинскому*. Москва: Пинакотека, 11—181.
- Барго М., даль. 2005. Венецианская республика и Россия: пятивековой опыт дипломатических отношений. В: Поли Д. Д. (куратор). *Ремесло и мода в Венеции в XIII—XVIII веках = The Arts and Crafts of Fashion in Venice from the 13th to the 18th century*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Русский музей, 106—107.
- Билибин И. Я. 1909. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. *Старые годы* 7/9, 440—456.
- Бычков А. Ф. 1896. Д. А. Ровинский и Императорская Публичная библиотека. В: *Публичное собрание Императорской Академии наук в память ее почтенного члена Дмитрия Александровича Ровинского, 10-го декабря 1895 года*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 98—104.
- Герберштейн С. 1908. *Записки о Московских делах*. Павел Иовий Новокомский. Книга о московском посольстве. Малеина А. И. (введ., перев., прим.). Санкт-Петербург: А. С. Суворин.
- Герберштейн С. 1988. *Записки о Московии*. Хорошкевич А. Л. (перев., вступ. ст.), Думина С. В. (прим.). Москва: МГУ.
- Герберштейн 2000: *Ž. Herberstein 1486—1566: Potomec znamenitega rodu iz slovenske Karantanije... = Суизмунд Герберштейн 1486—1566: Потомок знаменитого рода из словенской Карнтании, воин, государственный деятель, дипломат и миротворец*. 2000. Рутел Ю. (сост., ред.). Москва: Белые альвы.
- Мазанов А. А. 1982. Одежда татар XVI—XVIII вв. (по старинным рисункам и гравюрам). В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Новое в археологии и этнографии Татари*. Казань: Институт языка, литературы и истории, 62—73.
- Нечволодов А. 1913. *Сказания о Русской земле*. В 4 ч. Санкт-Петербург: Государственная типография.
- Прохоров В. А. 1872а. Посольство Иоанна Грозного к германскому императору Максимилиану I. *Русские древности* (2), 1—6.
- Прохоров В. А. 1872б. Рисунки из «Записок о Московии» Герберштейна. *Русские древности* (2), 7—8.
- Ровинский Д. А. 1882. *Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени*. Санкт-Петербург: Экспедиция Заготовления государственных бумаг.
- Ровинский Д. А. 1884—1891. *Материалы для русской иконографии*. В 12 т. Санкт-Петербург: Экспедиция Заготовления государственных бумаг.
- Ровинский Д. А. 1886—1889. *Подробный словарь русских гравированных портретов*. В 4 т. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Собко Н. П. 1881. *Древние изображения русских царей и их посольств за границу в старых и новых гравюрах*. Ч. 1. Изображение царей. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Собко Н. П. 1886. *Древние изображения русских царей и их посольств за границу в старых и новых гравюрах*. Ч. 2. Изображения древнерусских посольств. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Стасов В. В. 1894. Два новые национально-исторические издания. В: *Собрание сочинений В. В. Стасова, 1847—1886*. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 686—691.
- Чаянов А. В. 1926. *Старая западная гравюра: краткое руководство для музейной работы*. Москва: Типография М. М. Стасюлевича.
- [Amman J.] 1586a. *Gynaeceum, sive Theatrum mulierum, in quo praecipuarum omnium per Europam in primis nationum... foemineos habitus videre est, artificiosissimis nunc primum figuris... expressos a Jodoco Amano. Additis ad singulas figuras singulis octostichis Francisci Modii,.... impensis S. Feyrabendii (Francoforti)*. Francofurti [Frankfurt am Main].
- Amman J. 1586b. *Im Frauenzimmer wirt vermeldt von allerley schönen Kleidungen und Trachten der Weiber hohes und niders Stands, wie man fast an allen Orten geschmückt und gezieret ist... / Jost Amman, Conrad Lautenbach*. Frankfurt am Main: Feyrabend.
- Bruyn A. 1577. *Omnium pene gentium imagines, ubi oris totiusque corporis a. vestium habitus, in ordinis cuiuscunque loci hominibus diligentissimè exprimuntur... Sculptis Abrah. Bruynus his styli auxilium attulit H. Dassian*. [Köln].
- Bruyn A. 1581. *Omnium pene Europae, Asiae, Africae atque Americae gentium habitus = Habits de diverses Nations de l'Europe, Asie, Afrique et Amérique*. (S.l.): A. de Bruyn.

- [Brun A. 1600?]. *Diversarum gentium armature equestris. Ubi fere Europae, Asiae atque Africae equitandi ratio propria expressa est. Abrahamus Bruynus excude*, [cum praefatione H. Dammani et A. de Bruyno]. S.l. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b2000007r>. Accessed 10.03.2104
- Deserps F. 1567. *Recueil de la diversité des habits qui sont de present usage tant en pays d'Europe, Asie, Afrique et isles sauvages*. Aut. de text F. Deserps. [Paris]: De l'imprimerie de Richard Breton, rue S. Jaques, à l'Escrevisse d'argent. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102756w/f8.image.r=Recueil%20de%20la%20diversit%C3%A9%20des%20habits%20.langEN.swf>. Accessed 10.02.2014.
- Herberstein S. 1550. *Commentari della Moscovia et parimente della Russia, et delle altre cose belle et notabili, composti gia latinamente per il signor Sigismondo Libero barone in Herberstain, Neiperg et Guetnbag*. Venetia: G.B. Pedrezzano.
- Herberstein S. 1556. *Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismund Liberi baronis in Herberstain, Neyperg, et Guettenhag Russiae, et quae nunc eius metropolis est Moscoviae, brevissima descriptio...* [Acc. Pauli Iovii De legatione Moscovitarum...]. Basileae, ex officina Ioannis Oporini.
- Herberstein S. 1560a. *Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro in Herberstain ... actions suas à puero as annum us[que] actatis suae septuagesimum quartem, brevi commentariolo notas reliquit*. Viennae Austriae: excud. R. Hofhalter.
- Herberstein S. 1560b. *Picturae variae quae generosium ac magnificum Domi. Dominum Sigismundum liberum baronem in Herberstain Neyperg et Gutten hag etc. Varias legationes obeuntem expriment*. Viennae: R. Hofhalter.
- Iooii P. 1575. *Elogia virorum bellica virtute illustrium*. Basiliae.
- Nehring A. 1897. *Über Herberstain und Hirsfogel: Beiträge zur Kenntnis ihres Lebens und ihrer Werke*. Berlin: F. Dümmler.
- Nevinson J.L. 1959. Siegmund von Herberstein Noten on 16th century Dress. *Waffen- und Kostumkunde*. Folge 3. München, 86—93.
- Nevinson J.L. 1969. Origin and early history of the fashion plate. In: *United States National Museum Bulletin 250: Contributions from the Museum of History and Technology* 60, 65—92.
- Oderbornius P. 1588. *Wunderbare erschreckliche unerhörte Geschichte und warhafft Historien: nemlich, des nechst gewesenenen Grossfürsten in der Moschkaw Joan Bailidis, auff ire Sprach Iwan Basilowitz genandt, Leben*. In drey Bücher verfast, und aus dem Latein verdeutscht durch H. Räteln zu Sagan. Görlitz.
- Thevet A. 1584. *Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres grecs, latins et payens: recueillis de leurs tableaux, livres, médailles antiques et modernes*. Par André Thevet Angoumois. Paris: par la Vesve Kervert et Guillaume Chaudière. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86246591.r>. Accessed 05.03.2014.
- Thieme U., Becker F. 1911. *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart* 5. Von U. Thieme (red. und hrsg.). Leipzig: Seemann.
- Thieme U., Becker F. 1932. *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart* 26. Von H. Vollmer (red. und hrsg.). Leipzig: Seemann.
- Vecellio C. 1590. *Degli habiti antichi et moderni di divers parti del Mondo*. Venetia: presso Damian Zenaro.
- Vecellio C. 1598. *Habiti antichi et moderni di tutto il mondo; di nuovo accresciuti di multe figure*. Venetia: presso Damian Zenaro.
- Vecellio C. 1859—1860. *Costumes anciens et modernes = Habiti antichi et moderni di tutto il mondo*. 2 vol. Suivis d'un Essai sur la gravure sur bois, par M. Amb. Paris: Firmin Didot, frères, fils.
- Vecellio C. 2008. *The clothing of the Renaissance world: Europe, Asia, Africa, the Americas: Cesare Vecellio's Habiti Antichi et Moderni*. Rosenthal M.F., Jones A.R. (essay and transl.). London: Thames & Hudson.
- Weigel H. 1577. *Habitus praecipuorum populorum tam virorum quam feminarum singulari arte depicti: Trachtenbuch*. Nüremberg: Hans Weigel.

References

- Adaryukov, V. Ya. 2003. D. A. In *Venok Rovinskomu (A Wreath to Rovinsky)*. Moscow: Pinakoteka, 11—181 (in Russian).
- Bargo M., dal. 2006. In *Remeslo i moda v Venetsii v XIII—XVIII vekakh = The Arts and Crafts of Fashion in Venice from the 13th to the 18th century*. Katalog vystavki (Exhibition Catalogue). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Russkii muzei, 106—107 (in Russian).
- Bilibin, I. Ya. 1909. In *Starye gody (Old Times)* 7/9, 440—456 (in Russian).
- Bychkov, A. F. 1896. In *Publichnoe sobranie Imperatorskoi Akademii nauk v pamiat' ee pochetnogo chlena Dmitriia Aleksandrovicha Rovinskogo, 10-go dekabria 1895 goda (Public Collection of the Royal Academy of Sciences In Memory of its Honorary Member Dmitry Alexandrovich Rovinsky, 10 December 1895)*. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 98—104 (in Russian).
- Herberstein S. 1908. *Zapiski o Moskovskikh delakh (Notes upon Russia)*. Paolo Giovio. *Kniga o moskovskom posol'stve (Book Upon Moscovite Embassy)*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin (in Russian).
- Herberstein S. 1988. *Zapiski o Moskovii (Notes upon Russia)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Ž. Herberstein 1486—1566: *Potomec znamenitega rodu iz slovenske Karantanije... = Sigismund Gerbershtein 1486—1566: Potomok znamenitogo roda iz slovenskoi Karantanii, voin, gosudarstvennyi deiatel', diplomat i mirotvorets (Sigismund Herberstein 1486—1566: Descendant of a Prominent Family from Slovenian Carantania, a Warrior, a Man of State, a Diplomat and a Peacemaker)*. 2000. Moscow: Belye al'vy (in Russian).
- Mazanov, A. A. 1982. In *Novoe v arkhologii i etnografii Tatarii (New Discoveries in Archaeology and Ethnography of Tataria)*. Kazan: Institut iazyka, literatury i istorii, 62—73 (in Russian).
- Nechvolodov, A. 1913. *Skazaniia o Russkoi zemle (Legends on the Russian Land)* Part 1—4. Saint Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia (in Russian).
- Prokhorov, V. A. 1872. In *Russkie drevnosti (Russian Antiquities)* (2), 1—6 (in Russian).
- Prokhorov V. A. 1872. In *Russkie drevnosti (Russian Antiquities)* (2), 7—8 (in Russian).
- Rovinsky, D. A. 1882. *Dostovernnye portrety moskovskikh gosudarei Ivana III, Vasiliia Ivanovicha i Ivana IV Groznogo i posol'stva ikh vremeni (Authentic Portraits of Moscow Tsars John III, Vasily Ivanovich and Ivan IV the Terrible and their Embassies)*. Saint Petersburg: Ekspeditsiia Zagotovleniia gosudarstvennykh bumag (in Russian).
- Rovinsky D. A. 1884—1891. *Materialy dlia russkoi ikonografii (Materials for the Russian Iconography)*. Vol. 1—12. Saint Petersburg: Ekspeditsiia Zagotovleniia gosudarstvennykh bumag (in Russian).

№5. 2014

- Rovinsky D. A. 1886—1889. *Podrobnii slovar' russkikh gravirovannykh portretov* (Detailed Dictionary of Russian Engraved Portraits). Vol. 1—4. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Sobko N. P. 1881. *Drevnie izobrazheniia russkikh tsarei i ikh posol'stv za granitsu v starykh i novykh graviurakh* (Old Portraits of Russian Tzars and their Embassies Abroad in the Old and New Engravings). Part 1. *Izobrazhenie tsarei* (Portraits of Tzars). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Sobko N. P. 1886. *Drevnie izobrazheniia russkikh tsarei i ikh posol'stv za granitsu v starykh i novykh graviurakh* (Old Portraits of Russian Tzars and their Embassies Abroad in the Old and New Engravings). P. 2. *Izobrazheniia drevnerusskikh posol'stv* (Portraits of Early Russian Embassies). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (in Russian).
- Stasov V. V. 1894. In *Sobranie sochinenii V. V. Stasova, 1847—1886* (V. V. Stasov's Collected Works, 1847—1886). Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 686—691 (in Russian).
- Chayanov A. V. 1926. *Staraja zapadnaia graviura: kratkoe rukovodstvo dlia muzeinoi raboty* (Old Western Engraving: A Short Guide for Museums). Moscow: Tipografiia M. M. Stasiulevicha (in Russian).
- [Amman J.] 1586a. *Gynaecium, sive Theatrum mulierum, in quo praecipuarum omnium per Europam in primis nationum... foemineos habitus videre est, artificiosissimis nunc primum figuris... expressos a Jodoco Amano. Additis ad singulas figuras singulis octostichis Francisci Modii... impensis S. Feyrabendii* (Francoforti). [Frankfurt am Main].
- Amman J. 1586b. *Im Frauenzimmer wirt vermeldt von allerley schönen Kleidungen und Trachten der Weiber hohes und nieders Stands, wie man fast an allen Orten geschmückt und gezieret ist...* / Jost Amman, Conrad Lautenbach. Frankfurt am Main: Feyrabend.
- Bruyn A. 1577. *Omnium pene gentium imagines, ubi oris totiusque corporis a. vestium habitus, in ordinis cuiuscunque loci hominibus diligentissimè exprimentur...* Sculpit Abrah. Bruynus his styli auxilium attulit H. Dassian. [Köln].
- Bruyn A. 1581. *Omnium pene Europae, Asiae, Africae atque Americae gentium habitus = Habits de diverses Nations de l'Europe, Asie, Afrique et Amérique*. (S.l.): A. de Bruyn.
- [Brun A. 1600?]. *Diversarum gentium armature equestris. Ubi fere Europae, Asiae atque Africae equitandi ratio propria expressa est. Abrahamus Bruynus excude, [cum praefatione H. Dammani et A. de Bruyno]*. S.l. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b2000007r>. Accessed 10.03.2014
- Deserps F. 1567. *Recueil de la diversité des habits qui sont de present usage tant en pays d'Europe, Asie, Afrique et isles sauvages*. Aut. de text F. Deserps. [Paris]: De l'imprimerie de Richard Breton, rue S. Jaques, à l'Escrivesse d'argent. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102756w/f8.image.r=Recueil%20de%20la%20diversit%C3%A9%20des%20habits%20langEN.swf>. Accessed 10.02.2014.
- Herberstein S. 1550. *Commentari della Moscovia et parimente della Russia, et delle altre cose belle et notabili, composti gia latamente per il signor Sigismondo Libero barone in Herberstein, Neiperg et Guetnbag*. Venetia: G. B. Pedrezano.
- Herberstein S. 1556. *Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismund Liberi baronis in Herberstein, Neyperg, et Guettenhag Russiae, et quae nunc eius metropolis est Moscoviae, brevissima descriptio...* [Acc. Pauli Iovii De legatione Moscovitarum...]. Basileae, ex officina Ioannis Oporini.
- Herberstein S. 1560a. *Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro in Herberstein ... actions suas à puero as annum us[que] actatis suae septuagesimum quartem, brevi commentariolo notas reliquit*. Viennae Austriae: excud. R. Hofhalter.
- Herberstein S. 1560b. *Picturae variae quae generosum ac magnificum Domi. Dominum Sigismundum liberum baronem in Herberstein Neyperg et Gutten hag etc. Varias legationes obeuntem expriment*. Viennae: R. Hofhalter.
- Iooii P. 1575. *Elogia virorum bellica virtute illustrium*. Basiliae.
- Nehring A. 1897. *Über Herberstein und Hirsfogel: Beiträge zur Kenntnis ihres Lebens und ihrer Werke*. Berlin: F. Dümmler.
- Nevinson J. L. 1959. *Siegmund von Herberstein Noten on 16th century Dress. Waffen- und Kostumkunde. Folge 3*. München, 86—93.
- Nevinson J. L. 1969. *Origin and early history of the fashion plate*. In: *United States National Museum Bulletin 250: Contributions from the Museum of History and Technology 60*, 65—92.
- Oderbornius P. 1588. *Wunderbare erschreckliche unerhörte Geschichte und warhafftige Historien: nemlich, des nechst gewesenen Grossfürsten in der Moschkaw Joan Bailidis, auff ire Sprach Iwan Basilowitz genandt, Leben. In drey Bücher verfasst, und aus dem Latein verdeutscht durch H. Räteln zu Sagan*. Görlitz.
- Thevet A. 1584. *Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres grecs, latins et payens: recueillis de leurs tableaux, livres, médalles antiques et modernes*. Par André Thevet Angoumois. Paris: par la Vesve Kervert et Guillaume Chaudière. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86246591.r>. Accessed 05.03.2014.
- Thieme U., Becker F. 1911. *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart 5*. Von U. Thieme (red. und hrsg.). Leipzig: Seemann.
- Thieme U., Becker F. 1932. *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart 26*. Von H. Vollmer (red. und hrsg.). Leipzig: Seemann.
- Vecellio C. 1590. *Degli habitati antichi et moderni di divers parti del Mondo*. Venetia: presso Damian Zenaro.
- Vecellio C. 1598. *Habiti antichi et moderni di tutto il mondo; di nuovo accresciuti di molte figure*. Venetia: presso Damian Zenaro.
- Vecellio C. 1859—1860. *Costumes anciens et modernes = Habiti antichi et moderni di tutto il mondo*. 2 vol. Suivis d'un Essai sur la gravure sur bois, par M. Amb. Paris: Firmin Didot, frères, fils.
- Vecellio C. 2008. *The clothing of the Renaissance world: Europe, Asia, Africa, the Americas: Cesare Vecellio's Habiti Antichi et Moderni*. Rosenthal M. F., Jones A. R. (essay and transl.). London: Thames & Hudson.
- Weigel H. 1577. *Habitus praecipuorum populorum tam virorum quam feminarum singulari arte depicti: Trachtenbuch*. Nüremberg: Hans Weigel.

Статья поступила в номер 13 марта 2014 г.

Anna Zhabreva (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Pedagogical Sciences. The Russian Academy of Sciences Library (BAN)¹.

Anna Zhabreva (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe pedagogice. Biblioteca Academiei de Științe a Rusiei (BAN).

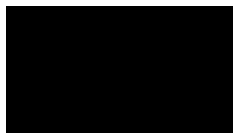
Жабрева Анна Эрнестовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат педагогических наук. Библиотека Российской Академии наук (БАН).

E-mail: annazhabreva@mail.ru

Address: ¹ Birzhevaya Liniya, 1, Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199034, Russia

Скандинавские этюды

Scandinavian Etudes
Studii scandinave

Ф. А. Андрощук

Русь и византийские контакты Скандинавии в XI—XIV вв.

Keywords: Rus', Scandinavia, Varangians, Novgorod trade, Byzantine influence.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, Scandinavia, varegi, comerțul din Novgorod, influențe bizantine.

Ключевые слова: Русь, Скандинавия, варяги, новгородская торговля, византийские влияния.

F. Androshchuk

Rus' and Byzantine Contacts of Scandinavia in 11th—14th Centuries

This paper deals with finds of Byzantine origin discovered on the territory of Northern Europe. The author challenges the idea that they should be viewed as evidence for Scandinavian contacts with Rus' (especially the area of Novgorod), rather than Byzantium. The paper discusses the mediating role of Rus' in the transmission of objects of Byzantine origin in Scandinavia. The presence and trade activity of the Novgorodians in Baltic and especially on Gotland is attested by written and archaeological evidence. However, their real impact on trade in Sigtuna was rather moderate. The distribution of Byzantine imports and objects originated from Southern Rus' in Sigtuna and Novgorod shows clear chronological differences and indicates alternative ways of their penetration to Sigtuna. Judging from the written sources the Scandinavians visited Byzantium as pilgrims and mercenaries in 11th and 12th century. Their visits were reflected in the distribution of Byzantine objects as well as the appearance of copies and imitations in local material culture. These items must be seen as evidence of syncretistic Christianity spread among the local population.

F. Androshchuk

Contactele Scandinaviei cu Rusia Kieveană și Bizanțul în secolele XI—XIV

În prezentul articol sunt analizate descoperirile de origine bizantină de pe teritoriul Europei de Nord. Autorul reexaminează o opinie binecunoscută, conform căreia aceste descoperiri trebuie să fie privite drept argumente în favoarea contactelor scandinave cu Rusia Kieveană (înainte de toate, Novgorodul) și nu cu Bizanțul. Astfel, este discutat rolul intermediar al Rusiei în răspândirea influenței bizantine în Scandinavia. Prezența și activitatea comercială a unor oameni din Novgorod în zona Baltică și, îndeosebi, în Gotland, sunt atestate prin izvoare scrise și arheologice. Însă, ponderea reală a influenței lor comerciale în Sigtuna pare a fi destul de moderată. Cronologia circulației obiectelor bizantine și a importurilor din Rusia de sud în straturile de cultură ale Sigtunei și Novgorodului nu coincid, indicând existența unor căi alternative de pătrundere a acestor piese în Sigtuna. Judecând după datele izvoarelor scrise, scandinavii vizitau Bizanțul în calitate de pelerini și mercenari în sec. XI—XII. Aceste vizite s-au reflectat prin răspândirea în mediul scandinav local a unor obiecte originale, de proveniență bizantină, precum și a imitațiilor acestora. Descoperirile respective trebuie să fie abordate drept mărturii ale răspândirii unui creștinism sincretic în mediul local.

Ф. А. Андрощук

Русь и византийские контакты Скандинавии в XI—XIV вв.

В статье рассматриваются находки византийского происхождения, обнаруженные на территории Северной Европы. Автор пересматривает получившую распространение точку зрения, что эти находки являются прежде всего свидетельствами скандинавских контактов с Русью (в особенности через Новгород), а не Византией. Таким образом, посредническая роль Руси в распространении византийского влияния в Скандинавии является предметом дискуссии. Присутствие и торговая деятельность новгородцев на Балтике, и в особенности на Готланде, засвидетельствованы письменными и археологическими источниками. Однако, реальная доля их торгового влияния в Сигтуне представляется довольно умеренной. Хронологические рамки бытования византийских вещей и импорта Южной Руси в культурном слое Сигтуны и Новгорода не совпадают, что указывает на существование альтернативных путей их проникновения в Сигтуну. Судя по данным письменных источников, скандинавы посещали Византию как паломники и наёмники в XI—XII вв. Эти визиты получили отражение в распространении в локальной скандинавской среде оригинальных предметов византийского происхождения, а также их подражаний. Эти находки должны рассматриваться как свидетельства синкретичного христианства, распространённого в местной среде.

Общеизвестно, что материальные свидетельства византийского влияния в Северной Европе представлены находками византийских монет, свинцовых печатей, амфорной керамике, стеклянных изделий, нательных кре-

стов и энколпионов, обнаруженными, например, в Лунде, Сигтуне, Упсале и на Готланде (Blomqvist 1947: 126—127, fig. 10; Blomqvist, Martensson 1963: 28, fig. 14; Duczko 1989; Edberg 2009: 211—213) (рис. 1). В предлага-

емой статье основное внимание будет уделено рассмотрению этих находок через призму прямых контактов скандинавов с Византией, а также будет сделана попытка определить степень посреднической роли Руси в распространении этих изделий в Северной Европе.

Материальные памятники, иллюстрирующие знакомство скандинавов с восточным христианством, хорошо известны. Среди них можно выделить, как оригинальные византийские предметы высокого качества (Staecker 1999: Kat.-Nr. 17, 38, 76; Bangert 2010: 267—283), так и их древнерусские и местные скандинавские имитации (рис. 2).

Однако происхождение некоторых категорий предметов остаётся спорным. К таковым относятся кусочки плиток греческого порфирита. В своё время было высказано предположение об их использовании в виде частей переносных алтарей, известных в Скандинавии и Западной Европе (Tesch 2007: 45—68). Семь из восьми обнаруженных в Сигтуне образцов порфирита имеют подтреугольную форму и зафиксированы в культурных отложениях, датированных XI—XIII вв. (Tesch 2007: 47, tab. 1) (рис. 3). Поскольку ни один из них не был найден вблизи раннесредневековых городских церквей, интерпретация их как переносных алтарей является спорной. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в указанное время порфирит использовался во внутреннем убранстве некоторых церквей Константинополя (рис. 4). Так, вероятным источником происхождения таких каменных плиток могла быть церковь св. Полиевкта. Эта богато украшенная мрамором церковь представляла собой одно из самых монументальных сооружений города, возведённых в VI в. Остатки её убранства, включая красный порфирит из Египта и зелёный из Фессалии и Лаконии, выявлены здесь археологическими раскопками (рис. 5). Известно, что в X в. церковь была местом обязательной остановки маршрута пасхальных процессий византийского императора (De ser. 1830: I, 75). Однако в XI—XII вв. храм был заброшен, а спустя ещё какое-то время часть его территории использовалась как цистерна и кладбище. В XIII в. церковь лежала в руинах (Harrison 1989: 73—74, 77, fig. 80). Вероятно, заброшенное состояние церкви стало причиной появления в XI—XII вв. маленьких реликвий-сувениров — каменных плиток зелёного мрамора, которые привлекали внимание любопытных посетителей руин. Другой и, видимо, наиболее важной причиной для обретения этих реликвий было то, что мученик Полиевкт, почитавшийся как на западе, так и на востоке христианского мира,

Рис. 1. Карта распространения предметов византийского происхождения в Северной Европе: 1 — Хедебю; 2 — Сэддинг Кёлхусев; 3 — Лёнгбюгорд; 4 — Роскильде; 5 — Рингстед; 6 — Лунд; 7 — Гарде; 8 — Борге; 9 — Стура Бйерга; 10 — Кёллунге; 11 — Норсборггордспарк; 12 — Сигтуна; 13 — Альмэнингге (1—5, 7, 8, 11 — по Staecker 1999: Kat.-Nr. 1, 14, 17, 35, 38, 70, 77, 89; 6 — по Roslund 1997: fig. 4: 20; 9, 10 — по Duczko 1997: fig. 2: 1; 1: 5; 6: 2; 10).

Fig. 1. Map of distribution of objects of Byzantine origin in Northern Europe: 1 — Haithabu; 2 — Sædding Kølhusvej; 3 — Lyngngbygaard; 4 — Roskilde; 5 — Ringsted; 6 — Lund; 7 — Garde; 8 — Borge; 9 — Stora Bjerga; 10 — Källunge; 11 — Norsborgsgårdspark; 12 — Sigtuna; 13 — Allmänninge (1—5, 7, 8, 11 — after Staecker 1999: Kat.-Nr. 1, 14, 17, 35, 38, 70, 77, 89; 6 — after Roslund 1997: fig. 4: 20; 9, 10 — after Duczko 1997: fig. 2: 1; 1: 5; 6: 2; 10).

был солдатом и покровителем данных обещаний и договорных соглашений. Можно думать, что, как для купцов, так и для военных наёмников, каковыми были варяги, этот святой был идеальным патроном. Известно, что сам по себе камень имел материальную и символическую ценность не только в Византии, но и на Руси. На Руси из этого материала изготавливались маленькие нательные крестики, распространённые, главным образом, в городской аристократической среде. Таким образом, есть серьёзные основания считать, что изделия из порфирита были принесены в Скандинавию паломниками из Византии (Мусин 2009: 221—255).

В Швеции материальные свидетельства контактов с Византией наиболее ощутимы на Готланде и в Сигтуне (Duczko 1997: 292—297).

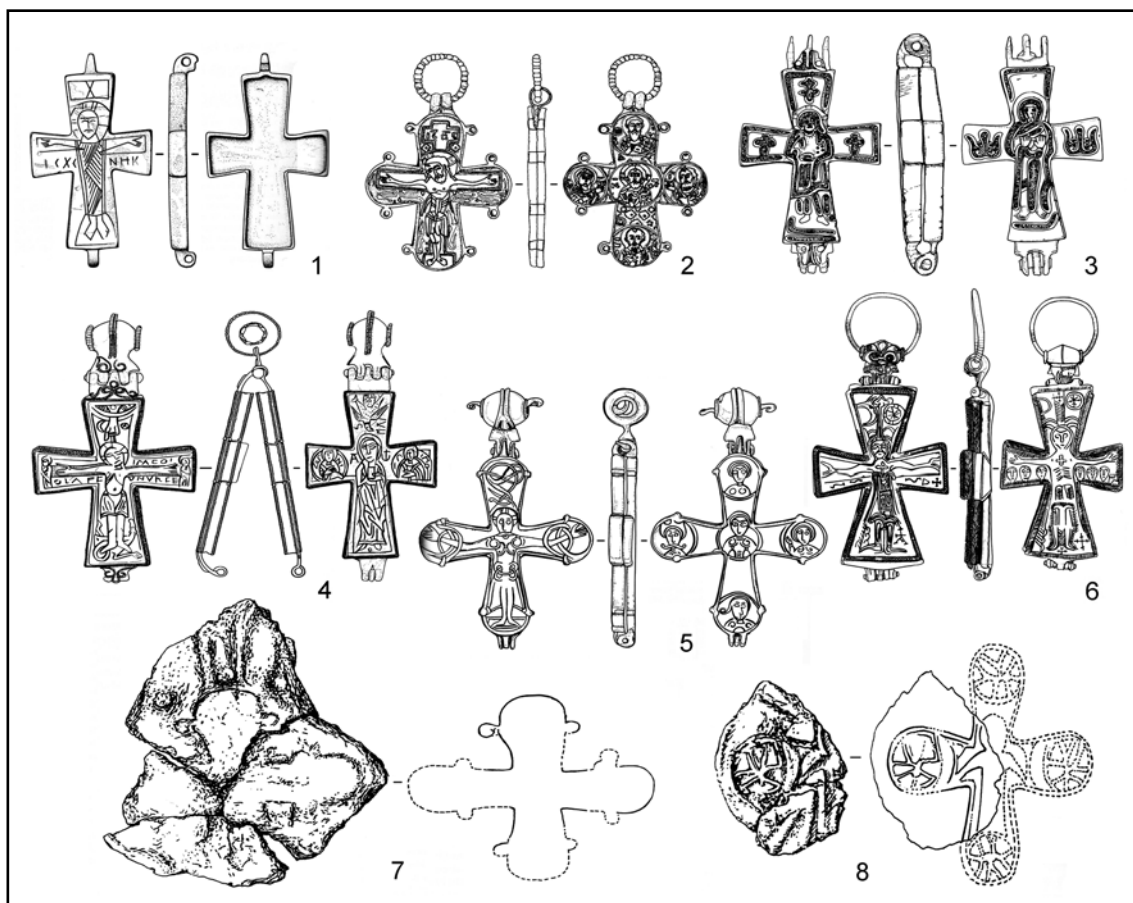

Рис. 2. Византийский импорт: 1 — Люнгбюггд; 2 — Рингстед; 3 — Борге. Скандинавские подражания византийскому импорту: 4 — Орё; 5 — Ёланд; 6 — Гуллунге; 7, 8 — Трондхейм (составлено по Staecker 1999: Kat.-Nr. 17, 38, 77, 37, 60, 112, Abb.103).

Fig. 2. Byzantine import: 1 — Lyngbygaard; 2 — Ringsted; 3 — Borge. Scandinavian imitations of Byzantine objects: 4 — Orø; 5 — Öland; 6 — Gullunge; 7, 8 — Trondheim (based on Staecker 1999: Kat.-Nr. 17, 38, 77, 37, 60, 112, Abb.103).

Распространённой является точка зрения, что предметы византийского происхождения поступали в Швецию через Новгород и поэтому отражают не столько связи с Византией, сколько с Русью (Fuglesang 1997: 35; Roslund 1997: 239—297; Nilsson 2005: 30; Korpela 2011: 178—180). Чтобы проверить, так ли это, — обратимся к наиболее хорошо документированным материалам Сигтуны.

Общепринятым считается, что византийскими по происхождению являются следующие вещи: амфоры, порфирит, стекло, золотостеклянные и хрустальные бусы, шёлк и самшитовые гребни. Количественное распространение этих вещей по хронологическим периодам даёт следующую картину (табл. 1).

На основании данных, приведённых в таблице, можно сделать вывод, что византийский импорт представлен в строительных горизонтах, датированных X—XIII вв. Количество фрагментов амфор и порфирита недостаточно для того, чтобы делать

какие-либо статистические выводы, но можно утверждать, что они присутствуют в значительном количестве на протяжении всего этого периода.

Для реконструкции динамики поступления византийского импорта в Сигтуну наиболее диагностичными являются золотостеклянные бусы. Как видно из данных, представленных в таблице 1, количество бус значительно увеличивается в период с 1050 по 1125 гг. Этим же временем датируется фрагмент шёлковой ткани чёрного цвета (Nr 7644), гребень из слоновой кости (Nr 14057; Roslund 1997: 254 ff., fig. 6: d) (рис. 6), а также византийская печать (Edberg 1999: 47) (рис. 7). Последняя обнаружена на участке, расположенном у озера Мэларен, где выявлена была также и древнерусская княжеская печать с именем Давида, а также золотостеклянные и сердоликовые бусы, фрагмент порфирита и глиняное поливное яйцо-«писанка» (Tesch 1996: 15). Из-за того, что в древности данный участок находился под водой, было высказано

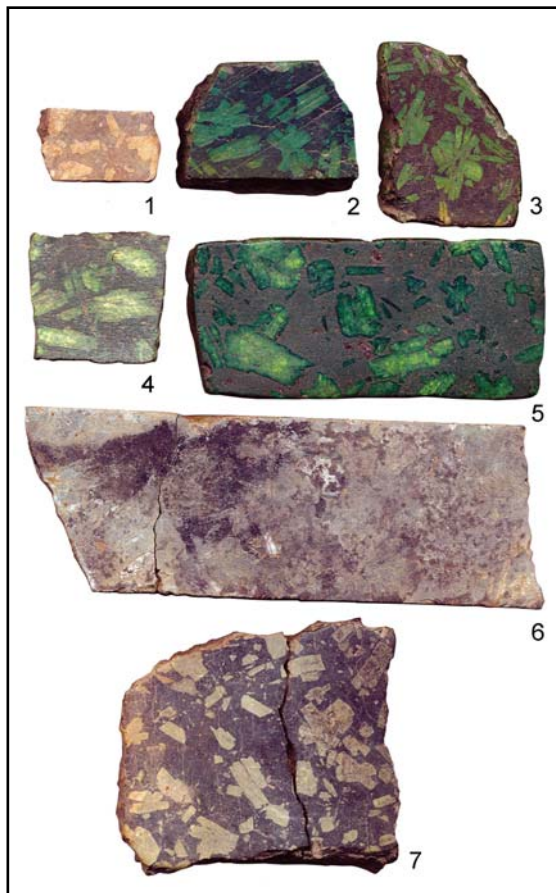

Рис. 3. Находки греческого порфирита из Сигтуны: 1 — Урмакарен 1 (случайная находка); 2 — Трэдгордмэстарен 9/10 (1150—1200 гг.); 3 — Трэдгордмэстарен 9/10 (около 1200 г.); 4 — Профессорн 4 (XII в.); 5 — Профессорн 4 (XII в.); 6 — Профессорн 1 (около 1050 г.); 7 — Хумлегорден (около 1050—1100 гг.) (составлено по Tesch 2011: fig. 1, Tab. 1).

Fig. 3. Byzantine porphyrit found in Sigtuna: 1 — Urmakaren 1 (stray find); 2 — Trädgårdsmästaren 9/10 (1150—1200 AD); 3 — Trädgårdsmästaren 9/10 (c. 1200 AD); 4 — Professorn 4 (12th century); 5 — Professorn 4 (12th century); 6 — Professorn 1 (c. 1050 AD); 7 — Humlegården (c. 1050—1100 AD) (based on Tesch 2011: fig. 1, Tab. 1).

предположение, что находки брошены в воду как ритуальные жертвоприношения. Однако отсутствие данных о существовании подобных приношений в это время, а также очевидный импортный характер обнаруженных находок дали основание интерпретировать их как оброненные в воду товары (Androshchuk 2014: 67—68).

Одновременное появление и бытование византийских и древнерусских вещей в Сигтуне вызывают закономерный вопрос: какими путями осуществлялся их импорт?

Из приведённых в таблице данных видно, что древнерусские вещи присутствуют в городе на протяжении всей его раннесредневековой истории (табл. 2).

Рис. 4. Порфириновая икона святого воина из монастыря Липс. Стамбульский археологический музей, Inv. 4313T (фото автора).

Fig. 4. Icon of porphyrit with the image of a saint warrior from the monastery Lips in Constantinople. Archaeological Museum in Istanbul, Inv. 4313T (photo by the author).

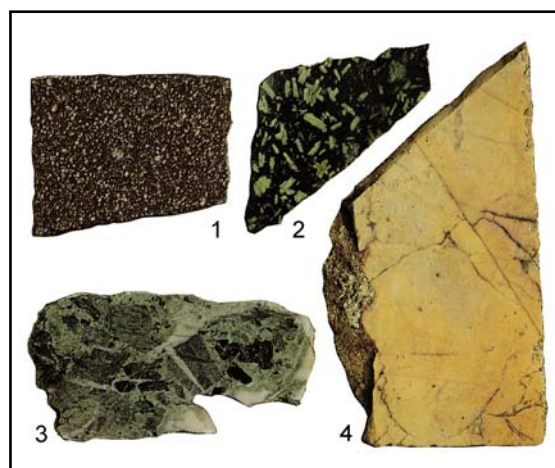

Рис. 5. Декоративный порфирит из раскопок церкви св. Полиевкта в Константинополе (по Harrison 1989: fig. 80).

Fig. 5. Samples of porphyrit from the excavation of St. Polyeuctos church in Constantinople (after Harrison 1989: fig. 80).

Таблица 1.

Хронологическое распространение предметов византийского происхождения в раскопе Трэдгордмэстарен (Tradgårdsmästaren) 9/10 в Сигтуне*

Период, гг.	Амфоры	Бусы	Стекло	Горный хрусталь	Порфирит	Шёлк	Кресты	Гребни
985—1000	—	1	—	—	—	—	—	—
1000—1020	1	2	—	—	—	—	—	—
1020—1050	2	8	—	—	—	—	—	—
1050—1075	1	21	—	3	2	1	—	—
1075—1100	1	20	2	—	—	—	—	1
1100—1125	1	6	1	2	—	—	1	—
1125—1175	1	12	—	2	2	—	1	—
1175—1200	3	7	—	4	1	—	—	—
1200—1230	1	8	1	9	—	—	—	—
1230—1260	—	1	3	4	—	—	—	—
Всего	11	86	7	24	5	1	2	1

* Таблица составлена на основании базы данных, опубликованной А. Викстрёмом (Wikström 2011).

Таблица 2.

Хронологическое распределение древнерусских вещей в раскопе Трэдгордмэстарен (Tradgårdsmästaren) 9/10 в Сигтуне*

Период, гг.	Шифер	Сердолик	Топорики	S-видные кольца	Формочка	«Писанка»
985—1000	—	2	—	—	—	—
1000—1020	2	—	—	—	—	—
1020—1050	7	1	—	—	—	—
1050—1075	4	—	—	—	—	—
1075—1100	10	4	2	—	1	—
1100—1125	6	1	—	—	—	—
1125—1175	10	2	—	—	—	—
1175—1200	6	1	1	—	—	—
1200—1230	5	1	—	1	—	1
1230—1260	—	—	—	1	—	—
Всего	50	12	3	2	1	1

* Таблица составлена на основании базы данных, опубликованной А. Викстрёмом (Wikström 2011).

О возможной посреднической роли Новгорода мы уже упоминали выше. Частично это предположение подтверждается находкой формочки для изготовления наколочников пояса новгородского типа, датированной 1075—1100 гг. (Mikhailov 2007: 208, fig. 1: 11). Упомянутая выше древнерусская печать, скорее всего, принадлежала Давиду Святославичу, княжившему как в Новгороде (1094—1096), так и в Смоленске (Androshchuk 2014: 67—68). Здесь, однако, мы сталкиваемся с одной существенной проблемой. В Новгороде количество находок амфор, грецких орехов, стекла и овручского шифе-

ра существенно сокращается в период между 1076 и 1116 гг., что исследователи объясняют началом торговой блокады Новгорода Киевом. Дело в том, что в 1095/1096 г. новгородцы изгнали князя Давида Святославича, который после этого вынужден был занять смоленский стол (Янин 2003: 73). Это, в свою очередь, вызвало конфликт в отношениях с Киевом, который блокировал поступление византийского импорта в Новгород (Рыбина 1978: 26, 29, 46—47; Янин 2003: 82—83). Следовательно, в течение этого периода византийские вещи не могли попасть в Сигтуну через посредничество новгородцев. Вместе с тем, отсутствие

Рис. 6. Гребень из слоновой кости из Сигтуны с процерченным именем владельца — Кнут (по Roslund 1997: 254 ff., fig. 6: d).

Fig. 6. Ivory comb from Sigtuna with inscribed name "Knut" (after Roslund 1997: 254 ff., fig. 6: d).

перерыва в поступлении шиферных пряслиц и византийских изделий в Сигтуне означает, что существовал альтернативный путь проникновения южного импорта. Таким мог быть путь, связывавший реки Неман, Припять и Днепр, реконструируемый, главным образом, на основании археологических материалов (Булкин, Зоценко 1990: 117—123; Иов 1997: 268—274). Другой альтернативой мог быть Днепро-Двинский путь. Кроме археологических свидетельств (Алексеев 2006: 44—51), его существование подтверждается письменными источниками. Например, он упомянут, как путь из Скандинавии «в Греки» в «Повести временных лет» (ПСРЛ 2001 (I): 7; 2001 (II): 6), а также «Гутасаге» (Guta saga 1999: 4—5). Известно, что в XII в. смоленский князь имел возможность обеспечить своих союзников соболями, горностаями, чёрными куницами, мехами полярной лисы и моржовой костью (ПСРЛ 2001: II, 504). Международные связи Смоленска этого времени засвидетельствованы находками византийских керамики, стекла, гребней, а также фризской альзенгемой, аналогии которой известны как на Киевщине, так и в южной Скандинавии и Сигтуне (Даркевич 1965: 38—40; Алексеев 1980: 88; Roslund 2009: 227—235). К XIII в. относятся торговые договоры Смоленска

Рис. 7. Византийская печать с именем Космы из Сигтуны (по Edberg 1999: fig. 1).

Fig. 7. Byzantine lead seal with the name Cosmas from Sigtuna (after Edberg 1999: fig. 1).

с Ригой и Готландом (Смоленские грамоты 1963: 10—52).

Контакты Сигтуны с Подвиньем иллюстрируются круглой подвеской с изображением быка (Wikström 2009: fig. 90). Формочка для изготовления таких подвесок, датированных XII в., происходит из городища Даутмале в Латвии (Радиньш 2010: 280—294, fig. 4; Хвоцинская 2004: 75). Византийские амфоры и декоративное стекло из Новогрудка (Гуревич 1981: 148, 151, 154—155) подтверждают альтернативную возможность контактов Сигтуны с Южной Русью через посредничество территории современной Белоруссии.

Данные таблиц показывают ещё одно сокращение в поступлении византийского и древнерусского импорта, падающее на период между 1110 и 1125 гг., которое мы можем объяснить другим конфликтом между Киевом и Новгородом (Янин 2003: 97). Известно, что в 1118 г. «вся бояры новгородские» были приведены в Киев для принесения клятвы Владимиру Мономаху и его сыну Мстиславу. Некоторые из них, обвинённые в грабеже, были брошены в темницу (НПЛ 1950: 21). Можно думать, что следствием этого конфликта было определённое сокращение торговых связей Новгорода с Сигтуной.

Торговые связи Руси со Скандинавией сопровождалась распространением на территории последней предметов культа византийского происхождения. К таковым относятся нательные кресты и энколпионы, происходящие из Хедебю, Сэддинг на Ютландском полуострове, Гарде на Готланде, парка Норсборг в Сёдерманланде, а также Сигтуны в Упланде (типы 1.3; 1.5.1; 1.5.3 по Staecker 1999: 406, Kat.-Nr. 1, 14, 70, 89, 108, 110). Аналогии им известны в Болгарии (Дончева-Петкова 2011: рис. 50; 53: 656, 671; 65: 1145, 1146, 1148, 1152), Фессалониках (Antonaras 2012: fig. 10) и христианских кладбищах Анатолии

(Böhrendorf-Arslan 2012: fig. 13: 19; Dell'Era 2012: fig. 12: g). Эти кресты могли быть принесены в Северную Европу паломниками или торговавшими там купцами.

Нам ничего не известно о политическом и экономическом климате, в условиях которого имела место торговая деятельность новгородцев на Балтике в XII в. Судя по скудным летописным данным, освоение новых рынков сопровождалось конкурентной борьбой, в которой принимали участие как шведские короли, так и епископы. Так, по данным летописи, в 1130 г. семь новгородских судов с товарами затонули по пути из Готланда домой (НПЛ 1950: 22). В 1134 г. новгородцы «были изрублены на куски... за морем, в Донии» (НПЛ 1950: 23), а в 1142 г. шведский король с епископом на 60 кораблях атаковали три судна новгородских купцов (НПЛ 1950: 26).

По-прежнему остаётся неясным вопрос, кто в Швеции нуждался в древнерусских и византийских предметах: отдельные представители местного населения или восточные гости? Для объективного понимания этого вопроса важно себе представлять, насколько официальные разногласия между западной и восточной церковью влияли на формирование идентичности людей, отправлявшихся в дальние путешествия. Здесь нас, главным образом, будут занимать две группы источников — торговые соглашения и материальные свидетельства.

Обратимся к договору между Новгородом и Готландом, датированному 1189—1199 гг. (Грамоты Новгорода и Пскова 1949: 55—56.). Здесь мы встречаем две группы участников: город Новгород с горожанами, обозначенными документом как «русь» и «русины», а также группу, именуемую «немцы», включающую как купцов немецких городов, так и торговцев побережья острова Готланд — «гутян». Двумя другими названиями западных купцов были «варяги» и «латинский язык». В данном договоре «варяг» является юридическим понятием, восходящим к «Правде Ярослава», где подразумевается житель города скандинавского происхождения (Толочко 2009: 120). Под «немцами» в договоре подразумеваются все люди, говорящие на непонятном языке (Срезневский 1895: 486), а под «латинским языком» — все представители католической церкви (Сквайрс 2009: 215). Похожее понимание западных купцов мы находим в договоре 1262—1263 гг. между Новгородом, Готским берегом, Любеком и немецкими городами (Грамоты Новгорода и Пскова 1949: 56—57), а также в договорах XIII в. Смоленска с Ригой

и Готландом (Смоленские грамоты 1963: 10—13, 24—25, 29—30).

В упомянутом выше договоре Новгорода 1262—1263 гг. есть упоминание «становища» на Готланде — места их остановки. Здесь же взималась дань с их продаж (ГНП 1949: 57). К сожалению, нам ничего не известно о том, что собой представляли эти «становища». Можно только предполагать, что они походили на резиденции западных купцов в Новгороде, о которых мы знаем гораздо больше. В проекте договора 1269 г., где западные гости обозначены как «немецкие сыны, готе и весь латинский язык», упомянуты два места их пребывания — Немецкий (*Dhutschen hof*) и Готский (*Goten hof*) дворы, имевшие ограду, ворота и собственные луга (Грамоты Новгорода и Пскова 1949: 58, 60). В распоряжении иностранных купцов Новгорода была латинская (или немецкая) церковь, упомянутая в договорах (Смоленские грамоты 1963: 38, 24). «Немцы» жили на земле, которую они могли приобрести в городе (Смоленские грамоты 1963: 45). Поскольку «варяжская церковь» упомянута в Новгородской летописи уже под 1152 г., высказывалось предположение о том, что особая резиденция готландских купцов существовала в Новгороде в это время, хотя и могла быть основана ранее (Рыбина 1978: 125; Мельникова 1996). Немецкая церковь была основана в Новгороде в 1192 г. (НПЛ 1950: 204). В XVI в. площадь немецкой резиденции Новгорода составляла 1960 квадратных метров и включала кладбище (Рыбина 2009: 52). По данным Новгородской скры XIV в. (Schlüter 1911; Рыбина 2009: 273—298), Немецкий двор в Новгороде представлял собой место для обитания и работы сообщества торговцев. Церковь была основой такого сообщества, возглавляемого старостой и его помощниками. Староста мог быть избран немецкими или готландскими купцами. Кроме своих прямых функций, церковь была также местом хранения весов, а также таких товаров, как текстиль, выделанная кожа, иглы, пергамент, вина и медь. В свою очередь, новгородские торговцы приносили сюда свои товары: воск и мех. Можно думать, что на территории резиденции готландцев в Новгороде имелись сараи, склады, жилые срубы, а также церковь с кладбищем. Археологическими раскопками были вскрыты две большие деревянные постройки, интерпретированные как склады, и одно каменное сооружение, которое могло быть или башней, или церковью (Иоаннисян 2007: 116). Нет никаких сомнений в том, что эти постройки были возведены местными горожанами. Даже в Новгородской

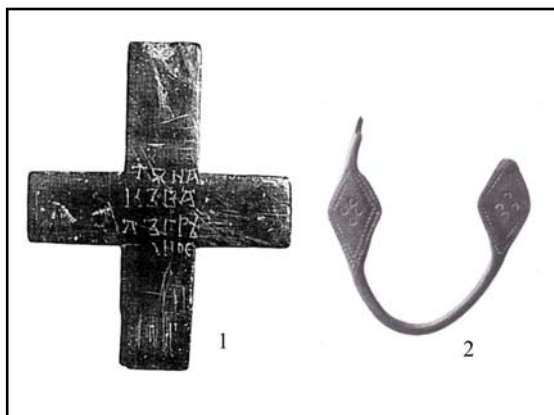

Рис. 8. Стеатитовый крест с кириллической надписью (1) и височное кольцо (2) из Висбю: 1 — церковь Св. Климента (по Мединцева 1994: 133); 2 — церковь Св. Духа (по Thunmark-Nylén 2006: Abb. III: 12: 1).

Fig. 8. Steatite cross with a cyrillic inscription (1) and a temple ring (2) from Visby: 1 — St. Clement church (after Мединцева 1994: 133); 2 — Holy Spirit church (after Thunmark-Nylén 2006: Abb. III: 12: 1).

скре жилые дома названы славянским словом «клетень» (*Cleten*) (Рыбина 2009: 277, прим. 22). Импортная керамика, берестяная грамота с надписью на латинском языке, а также другие предметы дают представления о повседневной жизни обитателей Готского двора (Рыбина 1978: 136—153; 2009: 135—141).

В связи с Готским двором в Новгороде обычно упоминают две, предположительно, русские церкви Готланда — св. Ларса и анонимный храм в Висбю, датированные XIII—XIV вв. (Lagerlöf 1999: 38—53; Иоаннисян 2007: 117—131). Материальными свидетельствами присутствия древнерусского населения в Висбю являются фрагментированное височное кольцо, обнаруженное в руинах церкви св. Духа (Thunmark-Nylén 2006: III: 1, 161, Abb. III: 12: 1) (рис. 8: 2), а также стеатитовый крест с кириллической надписью, обнаруженный на кладбище при церкви св. Климента (Мединцева 1994: 132—137) (рис. 8: 1). Находки византийского и русского происхождения известны также вне городских стен Висбю. К таким принадлежат некоторые типы украшений, энколпионы и стеатитовая иконка (Duczko 1997: 293—297; Lagerlöf 1999: 154—181) (рис. 9). Последняя была обнаружена в приходе церкви Челлунге (Källunge), известной своими росписями византийского или древнерусского происхождения. В своё время было высказано предположение о том, что на месте сохранившейся романской была более ранняя — православная церковь. Судя по находкам древнерусских предметов на тер-

Рис. 9. Стеатитовая иконка из Челлунге, Готланд (фото Antikvarisk-topografiska arkivet, Стокгольм).

Fig. 9. Steatite icon from Källunge, Gotland (photo Antikvarisk-topografiska arkivet, Stockholm).

ритории приходских кладбищ Готланда, местное население и/или гости не замечали различий между греческим и латинским христианским обрядом. Известно, что в Новгороде в XII в. существовал запрет посещения служб, осуществляемых «варяжским попом» (Памятники 1880: I, 60). Это говорит о том, что такие случаи имели место в Новгороде и, возможно, в других городах, где существовали «варяжские церкви», например, в Смоленске (Иоаннисян 2007: 100—104). Аналогичный сценарий можно предполагать и для выходцев из Руси, которые проживали временно или постоянно на Готланде и посещали местные приходские церкви. Однако нельзя исключать возможности существования православных приходов на Готланде, например, таких, как Гарде и Челлунге, и в других местах острова. Как свидетельствует находка печати XIV в. новгородского архиепископа Феоктиста, обнаруженная в Сойдунг, в приходе Фоле, прихожане таких церквей имели довольно тесный контакт с епископом на родине (Arne 1932: 190—191) (рис. 10: 1).

Возвращаясь к вопросу о путях проникновения предметов культа византийского проис-

хождения в Северную Европу, отметим, что было бы неверным объяснить их только торговыми контактами с Русью в XI—XIII вв. Прежде всего, нам известно, что скандинавские наёмники и купцы принимали крещение в Византии (Jakobsson 2008: 178). Несмотря на то, что было высказано даже предположение о существовании особой варяжской православной церкви в Константинополе в XI—XII вв. (Blöndal 1978: 185—186; Мельникова 1996: 105—106; Луговий 2013), мы располагаем только данными о посещении скандинавами греческих православных церквей. Нет никаких сомнений в том, что церковь Св. Олава, якобы существовавшая в Константинополе, является плодом вымысла скандинавских sag¹.

У нас также нет данных о том, что варяги во время своих военных миссий в Византии нуждались в особенных церквях или часовнях². Судя по некоторым византийским источникам, во время царствования Константина VIII (1025—1028) варяжские наёмники посещали службы греческих православных церквей и монастырей, находившихся как в Константинополе, так и в местах несения

Рис. 10. Образцы предметов древнерусского происхождения, обнаруженных в Швеции: 1 — печать архиепископа Феоктиста (Сойдунг, Готланд; фото Antikvarisk-topografiska arkivet, Стокгольм); 2 — глиняное яйцо; 3 — перстень; 4 — пряслица (2—4 — Сигтуна; фото Музея Сигтуны).

¹ Согласно «Care о Харальде Суровом», часовня (*káPELLa*), посвящённая св. Олаву, была построена в Константинополе на месте тюрьмы, в башне которой был заключён Харальд. Согласно источнику, башня имела вход со стороны улицы (Uphav Haraldz... 1911: 455). Известно, что в Константинополе было несколько тюрем (Janin 1964: 169—173; El Cheikh 2004: 145—146). Четыре из них были расположены в Большом Дворце, а самая большая — Преторий — находилась на главной улице — Месе, «между Милионом и форумом Константина» (Mango 1993: Add. 1). Ворота Претория, а также расположенная там же церковь, упоминаются Никитой Хониатом (Niketas Choniata 1984: 288). Церковь находилась недалеко от «синагоги Сарацин, на пути к тюрьме в Халке». Её локализация соответствует только церкви св. Евфимии — первоначально гражданской постройке V в., перестроенной в церковь в VII в. (Neumann, Belting 1966; Janin 1969: 120—124; Majeska 1984: 258—260). В этом месте, надо полагать, и был заключён Харальд. Стоит отметить также, что паломники из Руси не знают варяжской церкви в Константинополе, а упоминают только одну фряжскую церковь с деревянным распятием, расположенную в северо-западной части города (Majeska 1984: 150—151).

² Существует только одно исключение — «Сага об Эдварде Исповеднике», упоминающая требование переселившихся в Византию англосакских варягов предоставить им епископов и священников из Венгрии (видимо, имеются в виду клирики латинского вероисповедания) (Saga... 1894, глава 10, см. <http://www.sacred-texts.com/neu/ice/is3/is324.htm>). Следует также отметить указанное в «Care о Харальде Суровом» различие между варягами — *Væringjar* и латинянами — *Látinmenn* (Uphav Haraldz... 1911: 450).

Fig. 10. Samples of objects of Rus' origin discovered in Sweden: 1 — seal of archbishop Theoktistos (from Sojdung, Gotland; photo Antikvarisk-topografiska arkivet, Stockholm); 2 — glazed clay egg; 3 — finger ring; 4 — spindle-whorls (2—4 — from Sigtuna; photo Museum Sigtuna).

их службы в византийских провинциях (The Hagiografic dossier 1996: 182—183, 186—187).

Роль паломничества к известным святыням Константинополя, несомненно, была одной из причин распространения византийских вещей в скандинавской среде. Одним из таких мест паломничества был монастырь Одегон, располагавшийся к востоку от алтаря Софии, по направлению к морю, знаменитый своей иконой Одигитрии (Кондаков 2006: 152—249; Janin 1964: 199—207; Majeska 1984: 136—139, 181—182, 362—366; Zeitler 1999: 701—708; Бельтинг 2002: 97—98).

В связи с этой иконой представляет интерес один скандинавский латиноязычный источник, датированный временем крестовых походов (Historia de profectioe... 1922: 457—492; Skovgaard-Petersen 2001)³. Согласно ему, около 1200 г. четыре корабля с 150 людьми датско-

³ Я признателен Елене Дальберг (Упсала) за оказанную помощь в переводе этого текста.

норвежского происхождения на борту отправились в Святую Землю. Целью похода было освобождение Иерусалима от мусульман. Путь начался в Дании с дальнейшим заходом в Норвегию, откуда через Северное море суда прибыли к берегам Фризии. Далее их путь лежал в Венецию, а оттуда — в Святую Землю. Однако, по прибытии оказалось, что участники этого крестового похода опоздали — Ричард Львиное Сердце и Саладин заключили мир. Возвращаясь из Иерусалима, одна часть экспедиции решила добираться домой через Рим, в то время как другая выбрала путь в Скандинавию через Константинополь и Венгрию (Skovgaard-Petersen 2001: 13). Посещение Константинополя этой группой отмечено единственным событием — присутствием на процессии с чудотворной иконой Богородицы Одигитрии. Этот регулярно проводимый городской праздник привлекал большое количество паломников и, вероятнее всего, являлся главной причиной посещения города скандинавскими крестоносцами (Skovgaard-Petersen 2001: 63). В городе скандинавам была оказана помощь со стороны высокопоставленных государственных служащих, названных в источнике «варягами» (Weringæ). Последние обеспечили своих земляков сопроводительным письмом церкви, которое обеспечило им беспрепятственное прохождение через охраняемые города империи (Historia de profectioe Danorum 1922: 491). Таким образом, на основании этого источника мы можем сделать два важных вывода о том, что ещё в начале XIII в. в составе варяжской гвардии находились выходцы из Скандинавии православного вероисповедания (иначе непонятна причина их помощи прибывшим из Северной Европы пилигримам и обеспечение их письмом церкви), а также то, что в это время существовал несомненный интерес скандинавских паломников к православным святыням Константинополя.

Конечно, можно только гадать, насколько понятны были выходцам из Северной Европы службы на греческом языке. Некоторые из этих варягов, несомненно, были ассимилированы, как, например, севаст Георгий Вараногопулос, живший в конце XIII — начале XIV вв. и назвавший свой золотой крест «оружием и защитой» (Rhoby 2010: Nr. Me31, Abb. XXXII). В то же время, судя по печати Михаила — переводчика варягов, датированной XIII в., среди них были и такие из них, которые нуждались в переводе (Филипчук 2012). Скорее всего, для них переводилась только официальная информация, касающаяся их непосредственных обя-

занностей. Это означает, что религиозный обряд понимался через визуализированный ритуал и личное воображение. Существенная роль последнего наиболее ощутима в серии скандинавских имитаций культовых предметов византийского происхождения, получивших распространение в среде правящей скандинавской элиты. К последним относятся две формочки для изготовления энколпионов, обнаруженные в норвежском Трондхейме (рис. 2: 7, 8). Некоторые из энколпионов локального производства орнаментированы в стилях Еллинг/Рингерики, Урнес (Staecker 1999: Abb. 103, Kat.-Nr. 16, 31 (Еллинг), 37, 44, 47, 51, 58, 60 (Урнес), 64, 100, 112, 114; Lindahl, 1996: 142—152, fig. 1), на отдельных предметах имеются имитации греческих надписей и монограмм (рис. 2: 4—6).

Почитание греческих икон засвидетельствовано скандинавскими сагами. Из них мы, например, узнаём о том, что одна такая *tabula* была принесена Сигурдом Крестоносцем (1103—1130) и положена в алтаре церкви Христа в Конунгахелле (Uphaf Magnús... 1911: 565).

Как уже указывалось выше, в Сигтуне византийские и древнерусские вещи сосуществуют на протяжении всей раннесредневековой истории города (рис. 10: 2—4). Некоторые из них были сюда принесены, другие были имитированы на месте. К этой последней категории принадлежат отдельные подвески, формочка для отливки поясной гарнитуры, некоторые типы монет и керамики. По мнению Матса Рослунда, группа маленьких амулетов-топорикиков принадлежала скорее выходцам из Руси, чем местным горожанам (Roslund 2007: 501). Однако некоторые из топорикиков представляют собой миниатюрные копии настоящих топоров, характерных только для раннесредневековой Скандинавии (Wikström 2009: 153, fig. 80), что говорит об их, несомненно, местном происхождении. Наверное, наличие импортных изделий в городской культуре Сигтуны необязательно следует объяснять присутствием гостей. Скорее всего, по каким-то своим причинам горожане желали иметь предметы византийского и древнерусского происхождения.

Можно было бы предположить, что какая-то часть городского населения была православной. Её представители могли путешествовать на восток не только ради торговли, но и ради паломничества. Для того, чтобы испытать византийские культурные влияния, им не обязательно нужно было ехать в Константинополь — для этого достаточно было посетить Новгород или Киев, где

они могли встретить определённое количество греков, обосновавшихся в местной среде (Androshchuk 2014). Однако, судя по тому, что о церковном расколе между западной и восточной церковью скандинавы не имели ни малейшего представления (Jakobsson

2008), можно думать, что религия их в большинстве случаев была синкретична, объединяла элементы как западного, так и восточного обряда. Собственно, такую ситуацию и отражает многообразная материальная культура раннесредневековой Скандинавии.

Литература

- Алексеев Л. В. 1980. *Смоленская земля в IX—XIII вв.* Москва: Наука.
- Алексеев Л. В. 2006. *Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры.* Кн. 1. Москва: Наука.
- Бельтинг Г. 2002. *Образ и культ. История образа до эпохи искусства.* Москва: Прогресс-Традиция.
- Булкин В. А., Зоценко В. Н. 1990. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX—XI вв. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Проблемы археологии Южной Руси.* Киев: Наукова думка, 117—123.
- ГНП 1949: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* 1949. Валк С. Н. (отв. ред.). Москва; Ленинград.
- Гуревич Ф. Д. 1981. *Древний Новогрудок.* Ленинград: Наука.
- Даркевич В. П. 1965. Гемма из Смоленска. *КСИА* 104, 38—40.
- Дончева-Петкова Л. 2011. *Средневековые кресты-энколпионы из Болгарии (9—14 век).* София: Издательство Марин Дринов.
- Иоаннисян О. М. 2007. Архитектура Древней Руси и средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи. В: *Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства.* ТГЭ XXIV, 99—135.
- Иов О. В. 1997. Припятско-неманский путь в IX—XI вв. в свете новых археологических данных. В: Седов В. В. (ред.). *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 1.* Москва: НПБО «Фонд археологии», 268—274.
- Кондаков Н. П. 2006. *Византийские церкви и памятники Константинополя.* Москва: Индрик.
- Луговой О. 2013. Духовный осередок скандинавских найманців у Константинополі XI—XII ст. В: *Романос: сборник статей к 60-летию проф. С. В. Сорокана.* Харьков: Майдан, 227—233.
- Медынцева А. А. 1994. Древнерусская надпись на крестике из Висбю (о. Готланд). *Scando-Slavica* 40, 132—137.
- Мельникова Е. А. 1996. Культ святого Олава в Новгороде и Константинополе. *ВВ* 56, 92—106.
- Мусин А. Е. 2009. Паломничество и особенности «перенесения сакрального» в христианской Европе. В: Лидов А. М. (ред.). *Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств.* Москва: Индрик, 221—255.
- НПЛ 1950: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* 1950. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Памятники 1880: *Памятники древнерусского канонического права.* 1880. Ч. I. Памятники XI—XV вв. Русская историческая библиотека VI. Санкт-Петербург.
- ПСРЛ 2001 (I): *Полное собрание русских летописей.* 2001. Т. I. *Лаврентьевская летопись.* Москва: Языки русской культуры.
- ПСРЛ 2001 (II): *Полное собрание русских летописей.* 2001. Т. II. *Ипатьевская летопись.* Москва: Языки русской культуры.
- Радиньш А. 2010. Даугавский путь и Даугмале. В: Мусин А. Е., Хвоцкая Н. В. (ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 280—294.
- Рыбина Е. А. 1978. *Археологические очерки истории новгородской торговли.* Москва: Изд-во МГУ.
- Рыбина Е. А. 2009. *Новгород и Ганза.* Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Сквайрс Е. Р. 2009. Языковой аспект торгово-дипломатических отношений Новгорода с Ганзой. В: Рыбина Е. А. *Новгород и Ганза.* Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 213—249.
- Смоленские грамоты 1963: *Смоленские грамоты XIII—XIV веков.* 1963. Аванесов Р. И. (ред.). Москва: АН СССР.
- Срезневский И. И. 1895. *Материалы для словаря древнерусского языка.* Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Толочко А. П. 2009. *Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста.* Ruthenica. Supplementum 2. Киев: Институт истории Украины НАНУ.
- Филипчук О. 2012. Печатка Михайла, «пансевича і великого перекладача варягів». *Сфрагістичний щорічник* III. Київ, 5—16.
- Хвоцкая Н. В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залатове).* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Янин В. Л. 2003. *Новгородские посадники.* Москва: Издательский дом «ЯСК».
- Androshchuk F. 2014. What does it mean to be Greek in Rus'? On identity and cultural transfer. In: Nilsson I., Stephenson P. (eds.). *Wanted: Byzantium. The Desire for a Lost Empire.* Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Byzantina Upsaliensia 15. Uppsala: Uppsala Universitet, 57—76.
- Antonaras A. 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts.* Byzas 15. Istanbul, 117—126.
- Arne T. J. 1932. Ett medeltida ryskt sigill funnet på Gotland. *Fornvännen* 27, 190—191.
- Bangert S. 2010. Dagmarkorset — Danmarks nationalsmykke. In: Hjort Ø. (ed.). *Arvet fra Byzans.* Århus: Tidskriftet Sfinx, 267—283.
- Böhlendorf-Arslan B. 2012. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts.* Byzas 15. Istanbul, 351—368.
- Blomqvist R. 1947. Spännen och söljor. *Kulturen* 1947. Lund, 126—127.
- Blomqvist R., Martensson A. W. 1963. *Thulegrävningen 1961. En berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade.* Acta Archaeologica Lundensia. Lund.
- Blöndal S. 1978. *The Varangians of Byzantium.* Cambridge: Cambridge University Press.
- De cer. 1830: Rejske J. J. (ed.). 1830. *De ceremoniis aulae byzantinae.* Vol. II. Bonn.
- Dell'Era F. 2012. Small Finds from Zeytinli Bahçe — Birecik (Urfa). In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts.* Byzas 15. Istanbul, 393—406.

- Duczko W. 1989. Vikingatida bysantinska metallsmücken i arkeologiska fynd från Skandinavien. In: Piltz E. (ed.). *Bysans och Norden*. Acta Univ. Upsaliensis Figura N. S. 23. Uppsala, 125—132.
- Duczko W. 1997. Byzantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation. In: Müller-Wille M. (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts*. Bd. I. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 291—311.
- Edberg R. 1999. Cosmas, John the Baptist and King David. Two leaden seals from Sigtuna, Sweden. *Laborativ Arkeologi* 12, 45—50.
- Edberg R. 2009. Gudsmodern från Blachernai. Om 1100-talsmuletter från Sigtuna och Uppsala. *Fornvännen* 104, 211—213.
- El Cheikh, N.M. 2004. *Byzantium Viewed by the Arabs*. Harvard Middle Eastern monographs 36. Cambridge, Mass. [et al.]: Harvard Univ. Press.
- Fuglesang S.H. 1997. A Critical Survey of Theories on Byzantine Influence in Scandinavia. In: Müller-Wille M. (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts*. Bd. I. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 35—58.
- Fuglesang S.H., Wilson D. 2006. *The Hoen Hoard*. A Viking gold treasure of the ninth century. Roma: Bardi Editore.
- Guta Saga 1999: Peel Ch. (ed.). 1999. *Guta Saga: The History of the Gotlanders*. Viking Society for Northern Research. Text Series XII. London.
- Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. 1989. *Byzantine Coins found in Sweden*. London: Spink & Son.
- Harrison M. 1989. *A Temple for Byzantium: The Discovery and Excavation of Anica Juliana's Palace-Church in Istanbul*. Austin: University of Texas Press.
- Historia de profectone... 1922: Gertz M.Cl. (ed.). 1922. *Historia de profectone Danorum in Hierosolymam*. In *Scriptores minores II*. København, 457—492.
- Jakobsson S. 2008. The Schism that Never Was: Old Norse Views on Byzantium and the Rus. *Byzantinoslavica* 66, 173—88.
- Janin R. 1964. *Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines.
- Korpela J. 2011. From Thule to Rome — Scandinavian Byzantine contacts in the Middle Ages. In: *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies* Sofia, 22—27 August 2011. Vol. II. Abstracts of Round Table Communications. Sofia, 178—180.
- Lagerlöf E. 1999. *Gotland och Bysans. Bysantinsk inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden*. Visby: Ödins Förlag AB.
- Lindahl F. 1996. Et märkvärdigt bronzekrucifiks fra Vestlolland. *Nationalmuseets Arbejdsmark* 1996, 142—152.
- Majeska G. 1984. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks.
- Malmer B. 1981. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Centuries AD. In: Zeitler R. (ed.). *Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Uppsala: Almqvist and Wiksell International, 125—129.
- Mango C. 1993. *Studies on Constantinople*. Aldershot: Ashgate.
- Mikhailov K.A. 2007. Uppland-Gotland-Novgorod: Russian-Swedish relations in the late Viking age on the basis of studies of belt mountings. In: Fransson U. et al. (eds.). *Cultural Interaction Between East and West — Archaeology, artifacts and human contact in northern Europe*. Stockholm: Stockholm University, 205—211.
- Neumann R., Belting H. 1966. *Die Euphemia-Kirch am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken*. Berlin: Gebr. Mann.
- Niketas Choniates. 1984. *City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*. Transl. Magoulias H.J. Detroit: Wayne State University Press.
- Nilsson B. 2005. Förekom det bysantinska influenser i tidig svensk kyrkohistoria? In: Janson H. (ed.). *Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid*. [From Byzantium to the North: Eastern church influences in the Viking Age and Early Middle Ages]. Malmö, 17—35.
- Piltz E. (ed.). 1998. *Byzantium and Islam in Scandinavia: acts of a symposium at Uppsala University, June 15—16, 1996*. Studies in Mediterranean archaeology 126. Göteborg: Åström.
- Rhoby A. 2010. *Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst*. (Byzantinische Epigramme in Inschriftlicher Überlieferung 2). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
- Roslund M. 1997. Crumbs from the Rich Man's Table. Byzantine Finds in Lund and Sigtuna, c. 980—1250. In: Andersson H., Carelli P., Ersgård L. (eds.). *Visions of the Past. Trends and Traditions in Swedish Medieval Archaeology*. Stockholm: Central Board of National Antiquities, 239—297.
- Roslund M. 2009. Varuutbyte och social identitet. Al-sengemmer som emblematiske stil. In: *Triangulering. Historisk arkeologi vidgar fälten*. Lund Studies in Historical Archaeology 11. Lund: Lunds universitet, Institutionen för arkeologi och antikens historia, 217—242.
- Saga... 1852: Saga Játvarðar konungs hins helga. In: *Annaler for nordisk Oldkyndighed og Historie* (1852), 3—43.
- Saga... 1894: Dasent G.W. (ed.). 1894. The Saga of Edward the Confessor. In: *Icelandic Sagas*. Vol. III. Appendix F. London. <http://www.sacred-texts.com/neu/ice/is3/is324.htm>. Accessed 15.01.2014.
- Schlüter W. (ed.). 1911. *Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert*. Dorpat: Mattiesen.
- Skovgaard-Petersen K. 2001. *A Journey to the Promised Land. Crusading Theology in the Historia de profectone Danorum in Hierosolymam* (c. 1200). Copenhagen: Museum Tusculanum Press.
- Staecker J. 1999. *Rex regum et dominus dominorum*. Die wikingerezeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänmark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Tesch S. 1996. Äntligen hemma! Offergåvor och husplattor vid Mälarens strand. In: *Vikingars guld ur Mälarens djup*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museer 3. Sigtuna, 13—20.
- Tesch S. 2007. Tidigmedeltida sepulkralstenar i Sigtuna — heliga stenar från Köln för såväl hallkult som mässa i stenkyrka. *Situne Dei* 2007, 45—68.
- The Hagiografic dossier 1996: Rosenqvist J.O. (ed.). 1996. *The Hagiografic dossier of St. Eugenios of Trabezond in Codex Athous Dionysiou 154*. Uppsala: Universitatis Upsaliensis.
- Thunmark-Nylén L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands III—IV*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Uphav Haraldz... 1911: Uphav Haraldz konungs harðræða. In: Snorri Sturluson. 1911. *Heimskringla. Noregs konunga sögur*. Jónsson F. (ed.). København: Gads Forlag, 447—513.
- Uphaf Magnús... 1911: Uphaf Magnús blinda. In: Snorri Sturluson. 1911. *Heimskringla. Noregs konunga*

№5. 2014

- sögur. Jónsson F. (ed.). København: Gads Forlag, 555—569.
- Wikström A., Kjellström A., Vincent J. 2009. *På väg mot Paradiset. Arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 33. Sigtuna.
- Wikström A., Söderberg A., Edberg R., Pettersson B., Roslund M. 2011. *Fem stadsgårdar — arkeologisk undersökning i kv. Trädgårdsmästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988—90*. Meddelanden och rapporter från Sigtuna Museum nr 52. Sigtuna.
- Zeitler B. 1999. Cults Disrupted and Memories Recaptured: Events in the Life of the Icon of the Virgin of Hodegetria in Constantinople. In: Reinink W., Stumpe J. (eds.). *Memory and oblivion: proceedings of the XXIXth International Congress of the History of Art held in Amsterdam, 1—7 September 1996*. Boston: Kluwer Academic Publishers, 701—708.
- ## References
- Alekseev, L. V. 1980. *Smolenskaia zemlia v IX—XIII vv. (Smolensk land in 9th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Alekseev, L. V. 2006. *Zapadnye zemli domongol'skoi Rusi. Ocherki istorii, arkhologii, kul'tury (Western lands of Russia before Mongol invasion: essays on history, archaeology and culture)*. Book 1. Moscow: Nauka (in Russian).
- Belting, G. 2002. *Obraz i kul't. Istoriia obraza do epokhi iskusstva (Image and Cult. History of Image before the Art Era)*. Moscow: Progress-Traditsiia (in Russian).
- Bulkin, V. A., Zotsenko, V. N. 1990. In *Problemy arkheologii Iuzhnoi Rusi (Problems of archaeology of Southern Rus')*. Kiev: Naukova dumka, 117—123 (in Russian).
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova (Letters in Great Novgorod and Pskov)*. 1949. Moscow; Leningrad (in Russian).
- Gurevich, F. D. 1981. *Drevnii Novogrudok (The Ancient Novogrudok)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Darkevich, V. P. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 104, 38—40 (in Russian).
- Doncheva-Petkova, L. 2011. *Srednevekovye kresty-enkolpiony iz Bolgarii (9—14 vek) (Medieval Crosses-Enkolpions of Bulgaria (9th—14th cc.))*. Sofia: Izdatelstvo Marin Drinov (in Russian).
- Ioannisyian, O. M. 2007. In *Izuchenie i restavratsiia pamiatnikov drevnerusskoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva (Study and Restoration of Early Russian Sites of Architecture and Monumental Art)*. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XXIV, 99—135 (in Russian).
- Iov, O. V. 1997. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii (Works of the 6th International Congress of Slavic Archaeology)* 1. Moscow: NPBO "Fond arkheologii", 268—274 (in Russian).
- Kondakov, N. P. 2006. *Vizantiiskie tserkvi i pamiatniki Konstantinopolia (Byzantine Churches and Sites of Constantinople)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Lugovij, O. 2013. In *Πομπαιος: sbornik statei k 60-letiiu prof. S. V. Sorochana ('Πομπαιος: Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Professor S.V. Sorochan)*. Kharkov: Majdan, 227—233 (in Ukrainian).
- Medyntseva, A. A. 1994. In *Scando-Slavica* 40, 132—137 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1996. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 56, 92—106 (in Russian).
- Musin, A. E. 2009. In *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv (New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces)*. Moscow: Indrik, 221—255 (in Russian).
- Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshogo izvodov (Novgorod First Chronicle of the Old and Young Version)*. 1950. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (Sources of the Early Russian Canon Law)*. 1880. Part I. *Pamiatniki XI—XV vv. (Sources of 11th—15th cc.)*. Russkaia istoricheskaia biblioteka (Russian Historical Library) VI. Saint Petersburg (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles)*. 2001. Vol. I. *Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Codex)*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles)*. 2001. Vol. II. *Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex)*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (in Russian).
- Radinsh, A. 2010. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy (Dialogue of Medieval European Cultures and Peoples)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 280—294 (in Russian).
- Rybina, E. A. 1978. *Arkheologicheskie ocherki istorii novgorodskoi trgovli (Archaeological Sketches on History of Novgorod Trade)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Rybina, E. A. 2009. *Novgorod i Ganza (Novgorod and Hanseatic League)*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi (in Russian).
- Skvairs, E. R. 2009. In *Novgorod i Ganza (Novgorod and Hanseatic League)*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 213—249 (in Russian).
- Smolenskie gramoty XIII—XIV vekov (Smolensk Letters of 13th—14th cc.)*. 1963. Moscow (in Russian).
- Sreznevskii, I. I. 1895. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka (Materials for a Dictionary of the Early Russian Language)*. Vol. 2. Saint Petersburg (in Russian).
- Tolochko, A. P. 2009. *Kratkaia redaktsiia Pravdy Russkoi: proiskhozhdenie teksta (Short Version of Russkaya Pravda: the Origin of the Text)*. Ruthenica. Supplementum 2. Kiev (in Russian).
- Filipchuk, O. 2012. In *Sfrahistychnyj shchorichnyk (Yearbook of Sigillography)* III. Kiev, 5—16 (in Ukrainian).
- Khvoshchinskaya, N. V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhov'e) (Finns in the West of the Novgorod Land (by materials of Zalakhov'e graveyard))*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Yanin, V. L. 2003. *Novgorodskie posadniki (Posadniki (Mayors) of Novgorod)*. Moscow: "IaSK" (in Russian).
- Androschuk, F. 2014. What does it mean to be Greek in Rus'? In: Nilsson I., Stephenson P. (eds.). *Byzantium Wanted: The Desire and Rejection of an Empire*. Uppsala.
- Antonaras, A. 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas 15. Istanbul, 117—126.
- Arne, T. J. 1932. Ett medeltida ryskt sigill funnet på Gotland. *Fornvännen* 27, 190—191.
- Bangert, S. 2010. Dagmarkorset — Danmarks nationalsmykke. In: Hjort Ø. (ed.). *Arvet fra Byzans*. Århus: Tidsskriftet Sfinx, 267—283.
- Böhlendorf-Arslan, B. 2012. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas 15. Istanbul, 351—368.
- Blomqvist, R. 1947. Spännen och säljor. *Kulturen* 1947. Lund, 126—127.
- Blomqvist, R., Martensson, A. W. 1963. *Thulegravningen 1961*. En berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade. *Acta Archaeologica Lundensia*. Lund.
- Blöndal, S. 1978. *The Varangians of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rejske, J. J. (ed.). 1830. *De ceremoniis aulae byzantinae*. Vol. II. Bonn.
- Dell'Era, F. 2012. Small Finds from Zeytinli Bahçe — Birecik (Urfa). In: Böhlendorf-Arslan B., Ricc A. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas 15. Istanbul, 393—406.
- Duczko, W. 1989. Vikingatida bysantinska metallsmücken i arkeologiska fynd från Skandinavien. In: Piltz E. (ed.). *Bysans och Norden*. Acta Univ. Upsaliensis Figura N. S. 23. Uppsala, 125—132.
- Duczko, W. 1997. Byzantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation. In: Müller-Wille M. (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts*.

- Bd.I. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 291—311.
- Edborg, R. 1999. Cosmas, John the Baptist and King David. Two leaden seals from Sigtuna, Sweden. *Laborativ Arkeologi* 12, 45—50.
- Edborg, R. 2009. Gudsmoder från Blachernai. Om 1100-tal-samuletter från Sigtuna och Uppsala. *Fornvännen* 104, 211—213.
- El Cheikh, N.M. 2004. *Byzantium Viewed by the Arabs*. Harvard Middle Eastern monographs 36. Cambridge, Mass. [et al.]: Harvard Univ. Press.
- Fuglesang, S.H. 1997. A Critical Survey of Theories on Byzantine Influence in Scandinavia. In: Müller-Wille M. (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts*. Bd. I. Mainz; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 35—58.
- Fuglesang, S.H., Wilson D. 2006. *The Hoen Hoard*. A Viking gold treasure of the ninth century. Roma: Bardi Editore.
- Peel, Ch. (ed.). 1999. *Guta Saga: The History of the Gotlanders*. Viking Society for Northern Research. Text Series XII. London.
- Hammarberg, L., Malmer, B., Zachrisson, T. 1989. *Byzantine Coins found in Sweden*. London: Spink & Son.
- Harrison, M. 1989. *A Temple for Byzantium: The Discovery and Excavation of Anica Juliana's Palace-Church in Istanbul*. Austin: University of Texas Press.
- Gertz, M.Cl. (ed.). 1922. *Historia de profectione Danorum in Hierosolymam*. In *Scriptores minores II*. København.
- Jakobsson, S. 2008. The Schism that Never Was: Old Norse Views on Byzantium and the Rus. *Byzantinoslavica* 66, 173—88.
- Janin, R. 1964. *Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines.
- Korpela, J. 2011. From Thule to Rome — Scandinavian Byzantine contacts in the Middle Ages. In: *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies* Sofia, 22—27 August 2011. Vol. II. Abstracts of Round Table Communications. Sofia, 178—180.
- Lagerlöf, E. 1999. *Gotland och Bysans. Bysantinsk inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden*. Visby: Ödins Förlag AB.
- Lindahl, F. 1996. Et märkvärdigt bronzekrucifik fra Vestlolland. *Nationalmuseets Arbejdsmark* 1996, 142—152.
- Majeska, G. 1984. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks.
- Malmer, B. 1981. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Centuries AD. In: Zeitler R. (ed.). *Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Uppsala: Almqvist and Wiksell International, 125—129.
- Mango, C. 1993. *Studies on Constantinople*. Aldershot: Ashgate.
- Mikhailov, K.A. 2007. Uppland-Gotland-Novgorod: Russian-Swedish relations in the late Viking age on the basis of studies of belt mountings. In: Fransson U. et al. (eds.). *Cultural Interaction Between East and West — Archaeology, artifacts and human contact in northern Europe*. Stockholm: Stockholm University, 205—211.
- Neumann, R., Belting, H. 1966. *Die Euphemia-Kirch am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken*. Berlin: Gebr. Mann.
- Niketas Choniates. 1984. *City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*. Transl. Magoulas H.J. Detroit: Wayne State University Press.
- Nilsson, B. 2005. Förekom det bysantinska influenser i tidig svensk kyrkohistoria? In: Janson H. (ed.). *Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid*. [From Byzantium to the North: Eastern church influences in the Viking Age and Early Middle Ages]. Malmö, 17—35.
- Piltz, E. 1998. Byzantium and Islam in Scandinavia. In: Piltz E. (ed.). *Byzantium and Islam in Scandinavia*. Acts of a Symposium at Uppsala University, June 15—16, 1996. Göteborg: Åström.
- Rhoby, A. 2010. *Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst*. (Byzantinische Epigramme in Inschriftlicher Überlieferung 2). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
- Roslund, M. 1997. Crumbs from the Rich Man's Table. Byzantine Finds in Lund and Sigtuna, c. 980—1250. In: Andersson H., Carelli P., Ersgård L. (eds.). *Visions of the Past. Trends and Traditions in Swedish Medieval Archaeology*. Stockholm: Central Board of National Antiquities, 239—297.
- Roslund, M. 2009. Varuutbyte och social identitet. Alsengemmer som emblematiser stil. In: *Triangulering. Historisk arkeologi vidgar fälten*. Lund Studies in Historical Archaeology 11. Lund: Lunds universitet, Institutionen för arkeologi och antikens historia, 217—242.
- Saga Játvarðar konungs hins helga. In: *Annaler for nordisk Oldkyndighed og Historie (1852)*, 3—43.
- Dasent G.W. (ed.). 1894. The Saga of Edward the Confessor. In: *Icelandic Sagas*. Vol. III. Appendix F. London. <http://www.sacred-texts.com/neu/ice/is3/is324.htm>. Accessed 15.01.2014.
- Schlüter, W. (ed.). 1911. *Die novgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII bis XVII Jahrhunderts*. Dorpat.
- Skovgaard-Petersen, K. 2001. *A Journey to the Promised Land. Crusading Theology in the Historia de profectione Danorum in Hierosolymam (c. 1200)*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.
- Staecker, J. 1999. *Rex regum et dominus minorum*. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänmark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Tesch, S. 1996. Äntligen hemma! Offergåvor och husplattor vid Mälarens stamd. In: *Vikingars guld ur Mälarens djup*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museer 3. Sigtuna, 13—20.
- Tesch, S. 2007. Tidigmedeltida sepulkralstenar i Sigtuna — heliga stenar från Köln för såväl hallkult som massa i stenkyrka. *Situne Dei* 2007, 45—68.
- Rosenqvist, J.O. (ed.). 1996. *The Hagiografic dossier of St. Eugenios of Trabezond in Codex Aethous Dionysiou 154*. Uppsala: Universitatis Upsaliensis.
- Thunmark-Nylén, L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands III—IV*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Uphav Haraldz konungs harðráða. In: Snorri Sturluson. 1911. *Heimskringla. Noregs konunga sögur*. Jónsson, F. (ed.). København, 447—513.
- Uphaf Magnús blinda. In: Snorri Sturluson. 1911. *Heimskringla. Noregs konunga sögur*. Jónsson F. (ed.). København, 555—569.
- Wikström, A. (ed.). 2009. *På väg mot Paradiset. Arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 33. Sigtuna.
- Wikström, A. 2011. *Fem stadsgårdar — arkeologisk undersökning i kv. Trädgårdsmästaren 9 och 10 i Sigtuna 1988—90*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 52. Sigtuna.
- Zeitler, B. 1999. Cults Disrupted and Memories Recaptured: Events in the Life of the Icon of the Virgin of Hodegetria in Constantinople. In: Reinink W., Stumpe J. (eds.). *Memory and oblivion: proceedings of the XXIXth International Congress of the History of Art held in Amsterdam, 1—7 September 1996*. Amsterdam, 701—708.

Статья поступила в номер 1 мая 2014 г.

Fedir Androshchuk (Stockholm, Sweden). Ph.D. Swedish Research Institute in Istanbul¹.

Fedir Androshchuk (Stockholm, Suedia). Ph.D. Institutul Suedez de Cercetare din Istanbul.

Андрощук Фёдор Александрович (Стокгольм, Швеция). Ph.D. Шведский исследовательский институт в Стамбуле.

E-mail: aeifor@gmail.com

Address: ¹ P.K. 125 Beyoglu, Istanbul, TR-34433, Turkey

Е. А. Мельникова

«Я помню тебя...»: бытовое руническое письмо в Скандинавии

Keywords: Scandinavia, Runic alphabet, short-twig runes, business correspondence, debt records, love letters, Futhark.

Cuvinte cheie: Scandinavia, scriere runică, rune cu ramuri scurte, corespondență de afaceri, liste ale datorilor, scrisori de dragoste, alfabet runic.

Ключевые слова: Скандинавия, руническая письменность, коротковветвистые руны, деловая переписка, долговые записи, любовная переписка, футарк.

E. A. Melnikova

“I remember you...”: Everyday Runic Writing in Scandinavia

The article deals with the emergence and spread of everyday runic writing in Scandinavian countries. Archaeological study that started after a devastating fire in Bryggen (Bergen, Norway) revealed more than 700 wooden sticks, planks and bones with runic inscriptions, and these finds were supplemented by discoveries in Sweden (Lödöse, Lund, Sigtuna, etc.), Norway (Trondheim), Denmark (Hedeby, Ribe). Everyday runic writing emerged in the ninth century (Hedeby and Old Ladoga sticks). It differs in its paleography (short-twig runes) from the writing on memorial stones (long-twig runes) and it was used in everyday life. These inscriptions are of various contents. Business correspondence, debt records, love letters and magic incantations dominate the corpus. Many objects contain alphabets, mostly 16-signs Futhark, whole or fragmentary, and syllabaries which served for training purposes but could be used as magic formulas. Runic alphabet could have been used also for writing down Latin texts, prayers, burial inscriptions, etc.

E. A. Melnikova

„Îmi amintesc de tine...”: scrierea runică cotidiană în Scandinavia

Articolul reprezintă analiza apariției și răspândirii scrierii runice cotidiene în țările Scandinave. Începută după incendiul din 1955 din Bryggen (Bergen, Norvegia), cercetarea ei arheologică a relevat peste 700 tije, plăcuțe din lemn, oase cu inscripții runice care reflectă răspândirea largă a acestei scrieri în Scandinavia sec. XI—XIV (urmând descoperirile din Trondheim, Lödöse, Sigtuna, Lund, Hedeby ș.a.), primele mostre fiind apărute încă în sec. IX (tijele din Hedeby și Ladoga veche). Sub aspect paleografic, scrierea runică cotidiană diferă de cea utilizată pe stelele memoriale prin aplicarea runelor cu ramuri complete. Inscripțiile cotidiene sunt foarte variate din punct de vedere al conținutului. Printre ele se întâlnește corespondență comercială (inclusiv și dintre negustori), liste ale datorilor, scrisori de dragoste, vrăji. O parte importantă a descoperirilor poartă reprezentările complete sau parțiale ale futhark-ului cu 16 semne, precum și ale silabarelor, care puteau servi pentru învățarea scrierii, unele futhark-uri fiind însă și formule magice. Scrierea runică se mai utiliza la fixarea textelor în limba latină, rugăciunilor, inscripțiilor funerare, etc.

E. A. Мельникова

«Я помню тебя...»: бытовое руническое письмо в Скандинавии

Статья посвящена возникновению и распространению бытового рунического письма в Скандинавских странах. Начавшееся после пожара в Брюггене (Берген, Норвегия) в 1955 г. его археологическое изучение выявило более 700 стержней, дощечек, костей с руническими надписями, исследование которых показало, что руническая письменность была широко распространена в Скандинавии в XI—XV вв. (последовали находки в Тронхейме, Лёдесе, Сигтуне, Лунде, Хедебю и др.), но возникло уже в IX в. (стержни из Хедебю и Старой Ладого). Оно отличается палеографическими особенностями (коротковветвистые руны) от письма на мемориальных стелах (полноветвистые руны), и использовалось в повседневной жизни. Бытовые надписи чрезвычайно многообразны по своему содержанию. Среди них значительное место занимает деловая переписка, в том числе купцов, долговые записи, любовные письма, заговоры и заклинания. Существенную часть находок составляют изображения 16-значного футарка, частично или целиком, а также силлабарии, которые представляют собой ученические записи, но футарки могли быть и магическими формулами. Руника использовалась и для фиксации латиноязычных текстов, молитв, погребальных надписей и др.

Russian Foundation for Humanities (RFH), “Eastern Europe and Ancient Rus’ in Medieval Culture of Scandinavia”, No. 12-01-0081a ■ Fundația științifico-umanitară a Federației Ruse, „Europa de Est și Rusia Antică în Cultura Scandinaviei medievale”, nr. 12-01-0081a ■ Российский гуманитарный научный фонд, проект «Восточная Европа и Древняя Русь в культуре средневековой Скандинавии», № 12-01-00081a.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© E. A. Мельникова, 2014.

1950-е годы стали временем открытия повседневной письменности в Скандинавии и на Руси¹. Спустя четыре года после находки в Новгороде первой берестяной грамоты, в 1955 г., в результате пожара были полностью уничтожены старые постройки в Брюггене, средневековой гавани г. Берген в Норвегии, и его территория стала доступной для археологических исследований (Herteig 1969; Bryggen Papers). В первый же год раскопок были извлечены десятки, а в последующие годы — сотни деревянных стержней (*rúnakefli*) с руническими текстами: их число ныне составляет 703). Аналогичные находки были сделаны позднее и в средневековых городах Швеции (в целом ок. 800 надписей: Benneth et al. 1994): в Лёдесе (на 42 предметах, включая рунический календарь: Svärdström 1982), Лунде (более 20 надписей на костях животных) и Сигтуне (до 20 надписей на костях животных: Gustavson 1996); в Дании (ок. 60): в Хедебю (Liestøl 1973) и Риббе (Stocklund 2000), в Норвегии (ок. 1500): кроме Бергена, в Тронхейме (Hagland 1994; 1998), в Ирландии в Дублине (более 20 фрагментарных и частично нечитаемых надписей на костях животных и деревянных дощечках: Barnes, Hagland, Page 1997), на территории поморских славян (ок. 40 на стержнях, костях и различных предметах: Lerche Nielsen 1999) и в Восточной Европе (Мельникова 2001: 102—256). Руническое письмо, как выяснилось, распространялось по всей территории, где жили или более или менее постоянно находились скандинавы, от Ирландии до устья Днепра.

Оба события стали сенсацией — «безмолвное большинство» оказалось совсем не безмолвным, но активно говорящим и обсуждающим свои повседневные проблемы — в письменной форме. Название одной из первых публикаций бергенских материалов отражало удивление крупнейшего норвежского рунолога, привыкшего иметь дело с монументальными стелами, Аслака Листёля:

¹ На рубеже 1980—1990 гг. после выхода в свет первого издания скандинавских рунических надписей Ю. М. Лесман был одержим идеей применения статистических методов в рунологии, прежде всего в изучении надписей, содержащих сведения о Восточной Европе. Мы не раз спорили, насколько эти методы применимы при крайне небольшом количестве таких надписей, когда одна новая находка может существенно изменить картину. Исследование не состоялось, но у меня навсегда остались глубокое уважение и искренняя симпатия к Юрию Михайловичу, памяти которого посвящается эта статья.

Рис. 1. Коротковетвистые руны (футарк).

Fig. 1. Short-twig runic alphabet (Futhark).

«Грамотные викинги» (Liestøl 1971: 69—78)². Действительно, и бергенские, и новгородские надписи оставлены или получены обычными жителями средневековых городов — ремесленниками, купцами, ростовщиками, сборщиками налогов, их женами и дочерьми. Не оставалось сомнения в грамотности значительной части населения, как Скандинавских стран, где древнейшие рунические стержни датируются IX в., так и Руси, где грамоты появляются в XI в. В обоих регионах бытовые надписи на стержнях и на бересте продолжали существовать вплоть до XV в.

Бытовое руническое письмо долгое время не привлекало внимания рунологов: их интерес был сосредоточен на каменных богато орнаментированных стелах с мемориальными текстами. Отдельные находки надписей на предметах, костях, деревянных стержнях рассматривались как случайные, и лишь немногие из них, как стержень из Старой Ладоги, вызывали интерес. Лишь после обнародования «Бергенского архива» началось более или менее систематическое изучение этого вида письма, отличающегося от «монументального» и палеографическими особенностями, и содержанием, и культурным контекстом.

Большую часть предметов с бытовым письмом составляют деревянные стержни с выровненной одной, двумя или четырьмя поверхностями, на которые наносили знаки поперек древесных волокон. Размеры стержней сильно варьируют: от 10 до 70 см в длину и от 1,5 до 4—5 см в толщину.

Судя по находкам древнейших рунических стержней (в Старой Ладоге и Хедебю), использование рунического письма в бытовых целях восходит по меньшей мере к тому времени, когда завершается переход от 24-значного старшерунического к 16-значному младшеруническому ряду, т. е. к IX в. От предшествующего времени до нас дошли надписи только на камнях (как прави-

² Название не совсем точно отражает хронологию бергенских находок — они относятся к XII—XIV вв., т. е. времени после эпохи викингов.

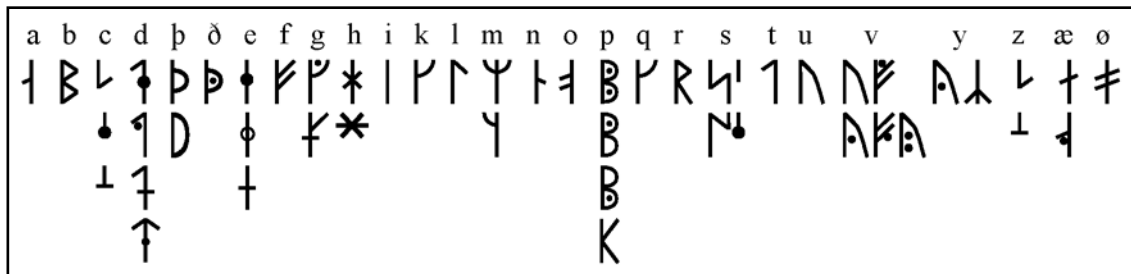

Рис. 2. Средневековый рунический алфавит (абecedарий).

Fig. 2. Medieval runic alphabet (abecedarium).

ло, мемориальные) и металлических предметах (личные имена, магические формулы, подписи мастеров-рунографов и т.п.). Судя по характеру этих текстов, отсутствие бытовых надписей объясняется не плохой сохранностью дерева, а культурно-функциональными особенностями старшерунической письменности: ее эзотеричностью (не случайно среди старших надписей выделяется группа с формулой **ek erilaz** «Я, эрил, [сделал, вырезал, написал]...»: Mees 2003) и соответственно небольшим числом людей, владевших ею; преимущественно магическими и мемориальными функциями.

Распространение грамотности в IX—X вв. сопровождалось возникновением двух основных разновидностей младшерунического алфавита, которые долгое время считались региональными («датский» и «шведско-норвежский»), но, как установлено теперь, являлись функциональными вариантами рунического письма: полноветвистые (ранее — датские) руны употреблялись по преимуществу в мемориальных надписях на камнях, коротковветвистые (ранее — шведско-норвежские) руны применялись в быту (на возможность функционального различия двух алфавитов указал уже Элиас Вессен: Wessén 1957: 10 f. и 20 f.). Особенностью последних было сокращение ветвей и, соответственно, упрощение графики знаков, а значит, и упрощение письма и увеличение его скорости (рис. 1).

Именно коротковветвистыми рунами написаны тексты и на стержнях из Хедебю, и на старолдожском стержне, и на многочисленных предметах IX—XI вв. (изредка ими выполнялись и мемориальные надписи). Однако 16-значный алфавит был совершенно недостаточен для передачи развитой звуковой системы скандинавских языков, и уже с середины XI в. возникает практика помечать некоторые руны точками (так называемые пунктированные руны), а с XII в. вводятся новые знаки и происходит диверсифика-

ция полноветвистых и коротковветвистых рун по их фонетическому значению (рис. 2).

Средневековый алфавит значительно точнее отражал фонетическую систему скандинавских языков, что исключало произвольные толкования текстов и, очевидно, способствовало распространению письменности.

Проникновение латинского письма после принятия христианства в конце X — начале XI в. в Скандинавских странах существенно потеснило руническое письмо, пожалуй, только в Дании, подвергавшейся более сильному влиянию Германии. В остальном скандинавском мире руническая и латинская письменности заняли разные культурные пространства: руническое письмо осталось массовым, бытовым, латинское использовалось для записи как латино-, так и скандинавоязычных текстов церковного характера, документов, позднее — литературных произведений. Вероятно, разным был и престижный статус латинского и рунического письма: первому надо было обучаться специально, второе усваивалось вместе с другими традиционными культурными навыками.

По своему содержанию выделяется несколько тематических групп надписей:

- бирки;
- переписка;
- долговые записи;
- любовные письма;
- стихотворные послания;
- христианские надписи;
- заклинания и заговоры;
- алфавиты и силлабрии.

Бирки. Наибольшее количество бирок было найдено в Бергене — более 50 (NlyR 6). Они представляют собой дощечки с заостренным в виде стрелки одним концом и отверстием для привешивания на другом, на которых написаны личные имена (например, *Botlaifr*) или владельческая формула «*X á mig*» («X владеет мной») или просто «*X á*» («X владеет»: Liestøl 1970: 73—76;

1974: 22). Такого же типа бирки известны в Лёдесе (Svårdström 1982: 5, 6) и других местах, прежде всего связанных с торговлей. Аналогичные формулы были широко распространены по всей Скандинавии и наносились на самые разнообразные изделия, в том числе на кузнечные и ювелирные инструменты. Иногда бирка сообщала об изготовителе предмета, к которому она, видимо, привешивалась: «*X gerði mig*» («*X* изготовил меня»; Liestøl 1979), или она наносилась на сам предмет, например, церковный колокол, посуду и т. п.

Переписка представлена в относительно небольшом числе бытовых рунических надписей, но она особенно существенна с исторической точки зрения. Среди деловых писем выделяются две группы: политического содержания, связанные с гражданской войной в Норвегии, и торговые записи купцов относительно различных сделок.

Три письма были вырезаны в различные моменты гражданской войны, начавшейся после смерти Сигурда Крестоносца в 1130 г. между претендентами на норвежский трон в условиях неясности законов о престолонаследии и резкого ухудшения положения бондов, превратившейся в ожесточенную борьбу двух партий (багтлеров — «посошников» и биркебейнеров — «лапотников») и завершившейся окончательным закреплением на престоле Хакона Хаконарсона в 1240 г. (коронован в 1217 г.) (Jón Viðar Sigurðsson 2008). Первое из них вырезано на цере под слоем воска, автор стремился скрыть от посторонних глаз тайное послание: «Я хочу просить тебя, чтобы ты оставил свою сторону. Вырежи письмо сестре Олава Хеттусвейна. Она в монастыре в Бергене. Спроси у нее и своих родичей совета, когда ты захочешь договориться. Ты, конечно, менее упрям, чем ярл» (*þes : uil . ek . biþia : þik : atu : far / or : þema : pol : oke : snid : rit : til : s/systur : olaus : hætusuæins : h/on : er : i : biaruin : atn : unu : setri / ok læita : rapþ : uiþ : hana : ok : / uiþ : prönbr : þina erþu : uil/dir : sætas : æki : atu : sysni : / iarl's : atu : kena : nu : bætut*: B368³; Liestøl 1974: 31). Письмо явно связано с одним из эпизодов гражданской войны. Некто уговаривает адресата перейти на сторону Олава Хеттусвейна, по всей вероятности, Олава Невезучего (*Ólafur úgæfa*), который был провозглашен королем Норвегии в 1166 г. во время отсутствия в стране ярла Эрлинга Скакке (ум. 1179 г.), пра-

вившего от имени своего малолетнего сына Магнуса, короля Норвегии (1161—1184 гг.). Вернувшийся Эрлинг выступил против Олава, но потерпел поражение 2 февраля 1167 г. и был ранен; через год Эрлинг выиграл сражение в Остфольде, после чего Олав бежал в Данию, где умер в 1169 г.

Примерно к тому же времени относится другое письмо, написанное на стержне и обломанное с одного конца. В нем упоминается, видимо, ярл Эрлинг Скакке: «Я бодрствовал всю ночь и [...] никто не может воевать теперь, когда люди ярла [...]» (*uakat : hæfi ek ala not . ok æ [...] / ængi striþa nu sem iarl'sins min [...]*: Liestøl 1974: 31). Фрагментированность надписи оставляет неясным, что именно сделали «люди ярла», из-за чего стало невозможным, по мнению автора письма, дальнейшее ведение военных действий.

Третье письмо также происходит из Бергена и написано известным по сагам старшим сыном короля-самозванца Сверрира Сигурдом Лавардом (ум. 1200 г.): «Сигурд Лавард посылает Божьи и свои приветствия [...]. Хочу я (или: хочет король⁴. — Е.М.) иметь оружие твоейковки [...] копья из железа стоимостью 18 (?) элнов шерстяной ткани, которые я посылаю с Йоном Эри. Я теперь умоляю, чтобы ты сделал в этом деле так, как я прошу, и если ты сделаешь, как я говорю, то получишь нашу истинную дружбу теперь и навсегда» (*sigurþr : lauarþr . sændir : kuæpio [...] . guþs ok sina : s-iþ : þina : uildi : k : haua : um / uapna bunap : at : [...] : spiot : af : a — an alnum : iarns : ær : ek : sændi : þir : mæþ : ioani : / öra : nu : er : þat : bön : min : ai biþia : þik : at : þu : sir : mer : auþ bön : nu : um þæta : mal : / in : æf : þu : girir : nu : min : uilia : þa : skalt : þu : sanna : uingan : uara : haua : i gægn : nu : ok : iamnan*: B448; Liestøl 1974: 30; Liestøl 1968: 18—21). Стержень был разломан на несколько кусков, но содержание его вполне очевидно: Сигурд Лавард заказывает бергенскому кузнецу партию наконечников для копий на сумму, равную стоимости 18 элнов домотканой шерстяной ткани (1 элн примерно равен 40—50 см). По подсчетам А. Листёля, 18 элнов ткани соответствовали стоимости 50—60 наконечников копий (Liestøl 1974: 30), и показательно, что член королевской семьи должен был лично отдавать приказ о производстве относительно небольшого количества оружия.

³ Обозначение «В+трехзначное число» означает номер предмета с надписью по нумерации Бергенского архива, хранящегося в Музее Брюгген в Бергене (Норвегия).

⁴ В тексте стоит одна руна **k**, которая может быть сокращением или личного местоимения *ek* «я», или слова *konungr* «король».

С торговыми операциями, вероятно, связана надпись на одном из древнейших на данный момент стержне (IX в.) — одном из двух, происходящих из Хедебю. К сожалению, надпись сохранилась не полностью и прочитана лишь частично, продолжая вызывать споры: «Читай, Оддульв: Оддульв (про)дал Эйрику **itarku**, и Эйрик (про)дал Оддульву шкуру выдры (?) / [...] меч [...]. (**raþi . utlfr . utufR . sati . auriki . itarku . in . aurik . salti . utlfi . utur / aupikR . biān . fur . uk . þat . fu : suiarþ : ?lt . ul???li : kaf þu . at . ualR . akiu : likR : / [...] : nu : suiarþ : ilt**: DR EM85⁵; Liestøl 1973: 99).

Автор послания был не слишком грамотен и допустил много ошибок: так, в имени *Oddulfr* он оба раза пропускает букву *-u-*, при первом употреблении слова *seldi* («продал») пропущена буква *-l-*. Это, как и повреждение стержня, существенно осложняет чтение и интерпретацию текста, в котором читается лишь первая строка. Тем не менее, понятно, что речь идет о какой-то сделке между Оддульвом и Эйриком: глагол *selja* (здесь в форме прет. *seldi*) означает, прежде всего, передачу предмета из рук в руки, но также и продажу предмета. Эта сделка заключалась, очевидно, в обмене (продаже друг другу?) ценностями: упоминается шкура выдры (*óttarr*), а во второй и третьей строках — меч (*sverð*). Выражение **itarku** А. Листель предположительно интерпретировал как *á torgi* — «на торгу» (Liestøl 1973: 99); Э. Мольтке видит в нем или топоним («*í tarku*»), или слово *targa* «щит» (Moltke 1976: 305).

Около 1330 г. некий Торир Добрый рассказывает о сложной ситуации, в которую он попал: «Хавгриму, своему компаньону (*félagi*), Торир Красивый посылает приветствие Божье и свое, истинное партнерство (*félagskap*) и дружбу. Дела у меня плохи, компаньон (*félagi*). Я не достал ни эля, ни рыбы. Хочу я, чтобы ты знал [это] и прошу тебя не давить на меня. Попроси того бонда приехать к нам на юг, чтобы посмотреть, как здесь [обстоят] дела. Убеди его приехать, и не дави на меня, и не дай Торстейну Длинному узнать [об этом]. Пришли мне какие-нибудь перчатки. Если Сигрид нуждается в чем-либо, то пригласи ее в свой дом. Обещай, что все эти неприятности не принесут мне беду» (**hau : grimi : felag : sinum : sen : dir : þorer : fagr : qæip : iu : guþs : ok : si : nan : san : nan : flaskap : ok uinato mart skorter / mik**

felag eki : er mun . gate tæin : ki : fis : kar : nir : uil : ek : at : þu . uitir : en : ægi : kræf / þu biþ : bondann koma suþr till uar ok sia hut os liþr egga han til en kræf þu eiskis luta mer ok ægi laþu / þostæin lank uita sen mer hazka nokora eu : sigriþ þæru nokos þa bioþ henni hiit þu mer ekki ueta hyþ ualapi: Liestøl 1963: 14—15)⁶. Употребление слов *félagi* и *félagskap* свидетельствует, что Хавгрим и Торир были компаньонами-«складниками» (*fé-lagi* от *fé* «имущество» и *liggia* «складывать»: Ebel 1977: 1—26; Мельникова 1982: 19—29), ведущими дела в Бергене и закупавшими товары (упомянуты эль и рыба), видимо, в ближайшей округе. После завершения эпохи викингов *félag* («компания») представлял собой раннее торговое объединение, чаще всего на время одного предприятия, но со временем стал приобретать устойчивость. Вероятно, Торир и Хавгрим были не единственными членами компании: Хавгрим должен послать некоего бонда⁷ к Ториру, более того, настаивать на его поездке, чтобы убедиться, как обстоят дела. Возможно, еще одним компаньоном, а может быть, и главой компании был Торстейн Длинный, от которого компаньоны хотят утаить неприятности. Отношения между партнерами, очевидно, достаточно близки: Торир обращается к Хавгриму с личными просьбами. Возможно, они — давние друзья, но отношения между *félagi* предстают как квазиродственные и в сагах и, что особенно важно, в судебных делах, где оговорено даже право компаньона наследовать (при определенных условиях) имущество погибшего в поездке партнера. Торир, просящий Хавгрима позаботиться о Сигрид, вероятно, его близкой родственнице (матери, жене или дочери), оставшейся в Бергене, можно думать, и сам происходит оттуда, и его пребывание «на юге» вызвано их общими с Хавгримом делами. Неприятности Торира с закупками, видимо, не случайны: в 1330-е гг. норвежские купцы начали ощущать сильную конкуренцию со стороны немцев, и внутренняя торговля сократилась.

На стержне, обрубленном с одного конца и датированном немного более поздним временем, муж поручает жене купить вяленую рыбу: «Лунднейе, своей жене, посылает... Божье и свое. Я хочу, чтобы... вяленая рыба, чтобы ты приобрела некоторое... не слишком дорого» (**luntnæyu huispræyiu**

⁶ Последняя фраза читается предположительно.

⁷ В данном случае слово употреблено в широком значении, близком др.-русс. *мужъ*.

⁵ Инвентарный номер хранения в Датском национальном музее в Копенгагене (Дания).

sinni sint [...] / guþs ok sinna ek uil at otu kapp [...] / skeiþar er þu fær nokkora mor [...] / eigi er oftyr: Liestøl 1974: 23).

Переписка была чрезвычайно многообразной по тематике и отражала самые разные аспекты жизни средневековых людей: «Торкель, монетный мастер, посылает тебе перец» (**þurkil myntari sentir þibi piper:** XIII в., Liestøl 1963: 10) — чрезвычайно ценный подарок, или: «Пояс Фаны (пояс, который сделала Фана. — Е. М.) делает тебя еще красивее» (**fana bælti iok biazku þina:** Liestøl 1974: 24). На кости из Сигтуны (конец XI в.) названы достоинства конунга: «Конунг самый щедрый на пищу, он самый богатый, он самый милостивый», а на обратной стороне сообщается, откуда получена кость, вероятно, та самая, которая послужила материалом для письма: «Ма(р)е дал кость. [Он] самый богатый [...]» (**kunukr : iaR : matr : bestr : han : a f mest : han iaR þekill / mari . selti . rif . a fe mest .** (далее перевернуто. — Е. М.) **aff** (далее написано в стороне от основной надписи. — Е. М.) **asa:** Gustavson 1992: 165—166).

Зарисовка из жизни бергенцев запечатлена в нескольких надписях, найденных в постройке, которая интерпретирована по находкам в ней как место развлечений и отдыха бергенцев, что-то вроде кабака. Один из посетителей, видимо, восхищенный происходящей дракой, вырезал на кости (вытащенной из супа?): «Вот здесь большая драка» (или: «Вот это драка!»): **nu er skóra mykyl:** Liestøl 1974: 24). Другой посетитель получил хвастливую записку приятеля: «Ингиборг любила меня, когда я был в Ставангере» (**inkebiork uni mer þa er ek uar i spafakri:** Liestøl 1974: 24). Загулявшему мужу жена напоминает: «Гида говорит (велит. — Е. М.), чтобы ты шел домой» (**gya : sæir : at : þu : kak hæim:** B149; Liestøl 1974: 24).

Долговые записи немногочисленны — видимо, для них чаще использовался пергамен, но и они представлены несколькими находками из Бергена. «Бард заплатил почти (или: едва. — Е. М.) полтора эртуга, Хейнрик два эртуга — фальшивое (или: некачественное. — Е. М.) — [следующее слово перевернуто и написано на латинском языке] видел / Ингимунд Овца два с половиной эртуга [слово перевернуто и написано на латинском языке] видел» (**barþr . trauan : haluan : anan : øyri : hein : rekr : ruær : ærtogart : brek . i þu / ingimundr : sauþr : halfa : þriþiu : ærtog þu / uih:** Liestøl 1974: 22). Надпись сделана в середине XIII в. Кредитор, видимо, послал сборщика получить с должников день-

ги, и сборщик записал на стержне полученное, сделав свои примечания: серебро, данное Хейнриком, вызвало у него сомнения, что он и отметил словом *brek* «фальшивый, порченный». Особенно интересна заметка **uihi**, дважды сделанная в основном тексте и вырезанная другой рукой на обратной стороне стержня. Она представляет собой искаженное латинское *vidi* «видел». Сборщик сделал свои пометки в тексте, а кредитор на «обороте» письма, вероятно, подтвердил получение письма и денег.

Среди надписей на стержнях и костях немало **любовных записок**. Вот застенчивый бергенец объясняется в любви в письменной форме: «Тот человек, который вырезает эти руны, Тордис, любит тебя / [нечитаемое сочетание рун]» (**ansa + þer + es + risti + runa þesar + þortis / þoraekkankilia:** Liestøl 1974: 24). Более отважный просит: «Моя любимая, поцелуй меня» (**ost min kis mik / fuporkhniastbmly**) на одной стороне стержня, а на другой вырезает футарк, возможно, для большей действенности просьбы (после 1248 г.; B017; Liestøl 1963. S. 15); ему вторит другой бергенец, написавший на обломке кости кратко: «Поцелуй меня» (**kys mik:** Liestøl 1974: 24).

Любовные послания нередко облекались в нехитрую стихотворную форму, но она сама по себе в любом случае служила магическим средством. И бергенцы, и житель или жительница Лёдесе (юго-западная Швеция) используют одну и ту же любовную формулу (закливание?):

«Я помню тебя,
Ты помни меня,
Я люблю тебя,
Ты люби меня»

**mun : þu mik :
man : (ek) þik :
un : þu : mer :
an : ek þ(er)
(до 1198; B465)**

Иногда этот текст дополняется «актуальными» замечаниями: «Сжался надо мной (?)» (**brmr mk;** начало XII в.; Vg. 279) или: «Гуннхильд, поцелуй меня, я знаю тебя» (**gunnil[dr] kys mik kan ek þik;** до 1248 г.; B118; Liestøl 1963: 22)

Стихотворные послания в значительно более совершенной форме, близкой скальдической поэзии, не были редкостью среди бытовых надписей: искусство скальдики не прекратилось с окончанием эпохи викингов, а продолжало развиваться на протяжении еще нескольких столетий, в том числе и как христианская лирика (например, поэма «Geisli» — «Луч света» исландца Эйнара Скуласона, середина XII в.). Несомненно, стихотворную форму имеет надпись на старола-

№5. 2014

дожском стержне (начало IX в.), где при всей сложности чтения и интерпретации текста в целом отчетливо просматриваются аллитрирующие звуки через определенные промежуточные знаки (Мельникова 2001: 202—206).

«Богиня скани учит меня,
Мудрая, сидеть несчастным.
Эйр рыбы луга часто и сильно
Лишает меня сна».

**uar kennir uira uitr
ugllaþan sitja /
air nemr optok storom
alunns grunntar mik blunnti**

*Vár kennir mér vítra
Vitr uglaðan sitja.
Eir nemr opt ok stórum
Qluns grundar mik blunnti*
(Liestøl 1974: 28—29)

Четверостишие написано распространенным скальдическим размером — дротткветтом, которым обычно создавались хвалебные песни; в каждом из двустий использован по одному кеннингу — обозначению женщины: *vár vítra* «богиня скани» и *eir qluns grundar* «Эйр (одна из богинь языческого пантеона. — Е.М.) рыбы луга («рыба луга» = «корова». — Е.М.)». Страдающий от неразделенной (?) любви скальд выражает свои чувства в традиционной форме, восходящей еще к любовной поэзии первой половины XI в. (одним из ее образцов являются висы Харальда Сигурдарсона, посвященные Елизавете Ярославне: Джаксон 2012: 480—481)

На другом стержне восьмистрочная скальдическая виса, тоже написанная дротткветтом (не полностью прочитана), завершается латинской цитатой из «Эклоги» Виргилия: «Все побеждает любовь, и мы покоряемся любви» (: **omnia . uincip . amor . æd / nos . cedamus . amori**: ок. 1248 г.; B145; Liestøl 1974: 28).

Латиноязычное, но написанное руникой, завершение надписи отражает сложившееся в Норвегии и Швеции взаимодействие двух алфавитов и двух языков, церковно-ученого латинского и народного скандинавского. Проникновение и распространение в Скандинавских странах латинского языка и письменности после официального принятия в них христианства было в первую очередь связано с церковным богослужением. Постепенно латинский язык становится главенствующим в клирической среде. Однако даже в XII—XIII вв. древнескандинавские языки не вытесняются им, а сосуществуют, используясь в различных сферах общественной жизни и приспособляясь друг к другу. Латинский алфавит расширяется для передачи фонетической системы скандинавских языков, в него вводится несколько заимствованных в рунике новых букв для обозначения звуков, отсутствующих в латинском языке, и по крайней мере с начала XII в. латинский алфавит начинает все шире использоваться для записи текстов на древнескандинавских

скальдическую вису представляет собой заключительная часть надписи из Бергена (первая часть, как ни странно, представляет собой деловую запись: список различных объемов какой-то жидкости):

языках. Руническим же алфавитом продолжают писать не только тексты на национальных языках, но и латиноязычные тексты — как в приведенной выше надписи. По предварительным данным, в Швеции (в том числе и на Готланде) известно около 90 рунических латиноязычных надписей (Gustavson 1984; 1995; Ertl 1991). Аналогичные находки сделаны в Тронхейме (Knirk 1998) и других местах.

Христианские надписи. Значительное число и скандинаво-, и латиноязычных текстов, выполненных руникой, представляет собой молитвы «*Pater noster*» и «*Ave Maria*», как, например, на деревянной рукоятке из Шлезвига (Düwel 1989). Иногда записываются их первые слова или только первые буквы. Распространены молитвенные обращения к Иисусу Христу, деве Марии, святым или упоминания святых с целью привлечь их помощь. Некий бергенец обращается к святым, перечисляя, видимо, всех, известных ему, на норвежском языке: «Михаил, Петр, Иоанн, Андрей, Лафранк, Томас, Олав, Клемент, Николай. Все святые, храните меня день и ночь, мою жизнь и душу. Господи, воззри на меня и благослови. Господи, дай нам [...] и дары Марии. Помоги мне, Климент, помогите мне все Божьи святые» (**mikæl petr ioanes andres lafranz tomas olafr klemet nikulas aller hælger / mengi ætai min not ouk da hlfs min souk salo / [тайнопись] kuþ sem i kok sihni / [тайнопись] / kuþ kifi os myrok kaf o marii / h [...] lbermer [тайнопись] klim et hialbe mer alle gz hlkar h [...]**: после 1248 г.; B013). Нередко рунами высекались латиноязычные надгробные эпитафии: «Да покоится в мире у Тебя в вечности душа слуги Твоего Бенедикта. Аминь» (**anima : famuli : tui : benedikti : tekum : sine fine : rekueskat : in : pace : amen**: DR 340). Судя по имени усопшего, Бенедикт, он был, вероятно, клириком. Многие надписи, как и эта, содержат орфографические ошибки (например, **lbermeret** вместо **klement**). Иногда в надгробных надписях использовалась традиционная формула мемо-

риальных текстов на рунических стелах XI в. Возможно и сочетание в одном тексте древнескандинавского и латинского языков: «Якоб [велел] сделать камень. Молитесь вашими молитвами за душу Рудви (?) ... *благословенна да будешь ты в женах [...]* высек меня» (**iakoub ar : ... kiara : stain : -bipin : bynir : iprar : fyrir : sealu [...]** **puiar : k... : ... fi : kaira : s-asl- : ... n... ... fb ... tekum : binidikta : in mu[li]eribus ...]** **skristi mik** (G 13; курсивом выделена латиноязычная часть надписи).

Были известны традиционные христианские формулы, например, «Christus regnat, Christus vincit, Christus imperavit» (Gustavson 1984). По меньшей мере, три раза встретился палиндром «sator arepo tenet opera rotas» (Gustavson 1982). Нередко такие надписи делались не на деревянных стержнях, а на свинцовых пластинках или вырезанных из них крестах.

Заговоры и заклинания. Воспринимались ли сами руны средневековыми скандинавами как магические знаки — вопрос, ответ на который скорее будет отрицательным, но они широко использовались для записи заговоров и заклинаний. Только в одном Бергене найдено более десятка текстов, в которых находит отражение древняя языческая традиция. Как и большинство заговоров, они имеют стихотворную форму. Вот полностью сохранившееся заклинание из Бергена, связанное с приготовлением пищи, которую традиционно варили или жарили на разогретых камнях: «Ими нагрел камень. Никогда дым не задымится. Никогда пища не приготовится. Прочь, жар; внутрь холод! Ими нагрел камень» (**imi stæin hæitti aldri røykr riuki : aldri sæypir sopne : ut yl : : inni kyl imi stæin hæitti**; Liestøl 1974: 25). Архаичность этого заклинания проявляется и в обращении к низшему божеству Ими, и в самой структуре текста, и в его фразеологии: парных повторах, идентичности первой и последней строки и т. д.

Более развернут хуже сохранившийся текст приворотного заклинания с целью привлечь любовь девушки, в котором усматривается переключка с «Речами Сигдривы» в «Старшей Эдде» и древними верованиями скандинавов:

Я вырезаю руны помощи,
Я вырезаю руны защиты,
Один раз против эльвов,
Дважды против троллей,
Трижды против великанов
[...]

От вреда
Мерзкой валькирии,
Чтобы она никогда,
Хотя и будет [пытаться],
Не ущемила твою жизнь
[...]
Я посылаю тебе,
Я смотрю на тебя,
Волчье зло
И ненависть.
Пусть мученья ненависти
И страдания выпадут тебе.
Никогда не будешь ты сидеть,
Никогда не будешь ты спать
[...]

Люби меня,
Как саму себя.
(следует магическая формула — набор схожих по звучанию, но не имеющих значения слов)
(Liestøl 1974: 26)

Опора на языческие верования была типична для заговоров и заклинаний. Помощь богов просит человек, вырезавший надпись на фрагменте человеческого черепа из Риббе, найденного в слое, датированном археологически 720-ми гг. или чуть более поздним временем: «Ульв и Один и Высокий Тюр, помогите сыновьям (или: моему сыну. — Е. М.), который борется с нарывом и двергинею [по имени] Боур» (**ulfuR auk upin auk hutiuR hialb buri is uipR þaima uiarki auk turkuniu buur**; Grønvik 1999: 103—127).

Алфавиты и силлабарии представлены на более чем 50 стержнях из Бергена (Fjellhammer Seim 1998) и в значительном количестве — из других мест, в том числе на стержне из Хедебю IX в. (DR EM85; Moltke 1976: 302), на кости из Новгорода первой половины XI в. (Мельникова 2001: 251). В подавляющем большинстве — и в XIII—XIV вв. — это традиционные 16-значные футарки, в которые далеко не всегда добавлены новые (средневековые) руны для обозначений, например, [p], [g] и других звуков, как, например, на стержне B112, написанном до 1332 г.

В редких случаях рунами записывался латинский алфавит в соответствующей последовательности (рис. 2; см., например, NIyR 539). Наряду с алфавитами существовали и силлабарии — записи слогов, начинавшихся с одной согласной, но с разными гласными. Если функция силлабариев, вероятно, по преимуществу была учебной, то функции футарков не ясны: они могли быть как магическими формулами, так и упражнениями в письме (Fjellhammer Seim 1994). Традиция высечения на камнях

или вырезания на металлических предметах рунического ряда восходит еще к первым векам его использования: древнейшие известные 24-значные футарки нанесены на камень из Кюльвера (G 88; ок. 400 г.), на брактате из Вадстены (Ög 178; ок. 500 г.) и др. Они обычно рассматриваются как магические формулы и, например, на камне из Кюльвера алфавит сопровождается тремя тройными рунами **t**, носившими название бога Тюра. Начертание футарков на стержнях, несущих на другой стороне повседневную надпись, как например, любовное письмо на стержне B017 (см. выше), скорее всего, связано с магическими свойствами, приписывавшимися алфавитам. К этой же категории, возможно, следует отнести и стержни, на которых на одной стороне вырезан алфавит, а на другой личное имя (например, B038, B065, B115, B129 и мн. др.). В то же время, чрезвычайно большое количество незаконченных, неполных, содержащих ошибки футарков или стержней, на двух или на всех четырех сторонах которых нанесены алфавиты частично или полностью и отсутствуют другие надписи (например, B188, B026, B296 и др.), вероятно, может свидетельствовать о том, что алфавиты, как и силлабрии, вырезались в учебных целях.

Руническое письмо, как теперь очевидно из огромного материала, было распространено в средневековой Скандинавии значительно шире, чем предполагалось ранее. Несомненно, что к концу эпохи викингов им владела значительная часть населения Скандинавских стран и что оно широко использовалось в повседневной жизни, охватывая почти все сферы деятельности человека (Meijer 1997). Безусловное исключение составляли богослужение и церковная жизнь, где господствовал латинский язык, административная и юридическая сферы, где запись велась на национальном языке, но латиницей, и, наконец, обширная литература, историческая, саговая, агиографическая и пр., которая также по преимуществу была скандинавовязычной (за исключением памятников историографии), но ее письменная фиксация осуществлялась латинским

(адаптированным для фонетической системы скандинавских языков) алфавитом. Попытки записи пространных текстов на пергамене руникой, видимо, распространения не получили, хотя Олай Магнус писал, что до Реформации во многих церковных центрах Швеции, таких, как Скара и Упсала, было немало книг, написанных руническим письмом (Enoksen 1998). Впрочем, это сообщение Олая Магнуса часто ставится под сомнение (Elliott 1959: 62—63). До нас дошла лишь одна руническая рукопись (существует еще несколько отдельных листов), которая содержит «Законы Сконе» и была написана ок. 1300 г. (так называемый Codex runicus, AM 288°).

Э. Свэрдстрём указывала, что в бытовом письме выработались особые графические формы — коротковетвистые руны, облегчавшие применение рунического письма, и потому владение им было общедоступным (Svårdström 1972). Возможно, что и само появление коротковетвистых рун было связано с возникшей потребностью в повседневном письме, пригодном прежде всего для коммуникативных, а не репрезентативных, как полноветвистые руны, целей. А. Листель полагал, что такая потребность возникала, прежде всего, в торговой сфере, и это был «алфавит купцов» эпохи викингов (Liestøl 1973: 108—110). Но, надо думать, необходимость в письме была значительно шире: эпоха викингов была временем становления политических в Скандинавских землях, перераставших к XI в. в государственные образования, где развивающийся административный аппарат, фискальный и судебные институты все больше нуждались в письменности. Показательно, что древнейшие бытовые надписи относятся именно к IX в., когда процессы политогенеза становятся все более интенсивными. Руническое письмо было издавна знакомым и до поры до времени, точнее, до XI в., когда христианство повсеместно стало официальной религией, единственно возможным для использования алфавитом, и лишь в XI—XII вв. оно уступило место латинице в официальной и церковной жизни.

Литература

- Джаксон Т. Н. 2012. *Исландские королевские саги о Восточной Европе*. 2-е изд. Москва: Университет Дм. Пожарского.
- Мельникова Е. А. 1982. Ранние формы торговых объединений в Северной Европе. *Скандинавский сборник* 27. Таллин, 19—29.
- Мельникова Е. А. 2001. *Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации*. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. Москва: Восточная литература.
- Barnes M., Hagland J. R., Page R. I. 1997. *The Runic Inscriptions of Viking Age Dublin*. Dublin: Royal Irish Academy.
- Benneth S., Ferenius J., Gustavson H., Åhlen M. (eds.). 1994. *Runmärkt. Från brev till klotter. Runorna under medeltiden*. Stockholm: Carlsson.
- Bryggen Papers I—... 1984—... Oslo.
- Düwel K. 1989. Der runenbeschriftete Holzgriff aus Schles-

- wig — zur Deutung einer rätselhaften Inschrift. *Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien* 7, 43—82.
- Ebel E. 1977. Kaufman und Handel auf Island zur Sagazeit. *Hansische Geschichtsblätter* 95, 1—26.
- Elliott R. W. V. 1959. *The Runes*. Manchester: Manchester University Press.
- Enoksen L. M. 1998. *Runor: historia, tydning, tolkning*. Falun: Historiska Media.
- Ertl K. 1991. *Runen und Latein: Untersuchungen zu den skandinavischen Runeninschriften des Mittelalter in lateinischer Sprache*. Magisteravhandling. Göttingen.
- Fjellhammer Seim K. 1994. Var futharken en magisk formel i middelalderen. Testing av en hypotese mot innskrifter fra Bryggen i Bergen. In: Knirk J. (ed.). *Proceedings of the Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions*. Runrön 9. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 279—300.
- Fjellhammer Seim K. 1998. *De vestnordiske futhark-innskriftene fra vikingtid og middelalder — form og funksjon*. Trondheim: Institutt for nordistisk og litteraturvitenskap, NTNU.
- G: Wessén E., Jansson S. B. F., Svärdström E., Gustavson H. (eds.). 1962, 1978, 2013. *Gotlands runinskrifter. I—III*. Stockholm: Riksantikvariet ambetet.
- Grønvik O. 1999. Runeinnskriften fra Ribe. *Arkiv för nordisk filologi* 114, 103—127.
- Gustavson H. 1984. «Christus regnat, Christus vincit, Christus imperat». Runblecket från Boge och några paralleler. In: Karlsson L. (ed.). *Det ljusa medeltiden*. Stockholm: Statens historiska museum, 61—76.
- Gustavson H. 1992. Runfynd 1989 och 1990. *Fornvännen* (87): 165—167.
- Gustavson H. 1994. Latin and Runes in Scandinavian runic inscriptions. In: Düwel K. (ed.). *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und angelsächsischer Wechselbeziehung*. Berlin: Walter de Gruyter, 313—327.
- Gustavson H. 1995. Coincidentia oppositorum — latin med runor. Några grafematiska och fonematiska iakttagelser. In: Asztalos M., Gejrot C. (eds.) *Symbolae Septentrionales. Latin Studies presented to Jan Öberg*. Stockholm: Sällskapet Runica et Mediaevalia, 203—215.
- Gustavson H. 1996. Runornas Sigtuna. In: Tesch S., Edberg E. (eds.). *Vikingars guld ur Mälarens djup. Tio artiklar med anledning av en utställning*. Sigtuna: Sigtuna museer, 33—35.
- Hagland J. R. 1994. Runer från bygrunnen i Trondheim og mangelen på daterte innskrifter frå ca. 1050—1150. In: Knirk J. (ed.). *Proceedings of the Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions* (= Runrön 9). Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 253—268.
- Hagland J. R. 1998. Runes as Sources for the Middle Ages. In: Düwel K., Nowak S. (eds.). *Runeninschriften als Quellen interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 619—628.
- Herteig A. E. 1969. *Kongers havn og handels sete. Fra de arkeologiske undersøkelser på Bryggen i Bergen 1955—68*. Oslo: Aschehoug.
- Jón Viðar Sigurðsson. 2008. *Det norrøne samfunnet*. Oslo: Forlaget Pax.
- Jonsen I. S. 1987. Die Runeninschriften über Handel und Verkehr aus Bergen (Norwegen). In: Düwel K. et al. (eds.). *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. Teil IV: *Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1980 bis 1983*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 716—744.
- Knirk J. E. 1998. Runic Inscriptions Containing Latin in Norway. In: Düwel K., Nowak S. (eds.). *Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 476—507.
- Lerche Nielsen M. 1999. Runeindskrifterne fra Stari-grad/Oldenburger og andre runefund fra det vestsлавiske område. *Danske studier*, 16—36.
- Liestøl A. 1963. Runer frå Bryggen. *Viking* 27, 14—15.
- Liestøl A. 1968. Correspondence in runes. *Medieval Scandinavia* (1), 17—28.
- Liestøl A. 1970. **Botlaifr**. *Gotländskt arkiv* 42, 73—76.
- Liestøl A. 1971. The Literate Vikings. In: Foote P., Ström-bäck D. (eds.). *Proceedings of the Sixth Viking Congress Held in Uppsala*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 69—78.
- Liestøl A. 1973. Runenstäbe aus Haithabu-Hedeby. In: Schützel K. (ed.). *Ausgrabungen in Haithabu*. Neumünster (6), 96—118.
- Liestøl A. 1979. Anders gjorde meg. *Årbok. Universitets oldsaksamling 150 år*. Oslo: Universitets oldsaksamling, 228—234.
- Mees B. 2003. Runic “erilaR”. *North-Western European Language Evolution* 42, 41—68.
- Meijer J. 1997. Literacy in the Viking Age. In: Elmevik L., Peterson L. (eds.). *Blandade runstudier* (2) (= Runrön 11). Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 83—110.
- Moltke E. 1976. *Runerne i Danmark og deres oprindelse*. København: Forum.
- NlyR: Knirk J., Sanness I. (eds.). 1995. *Norges innskrifter med de yngre runer* (6). Oslo: Norsk Historisk Kjeldeskript-institutt.
- Stocklund M. 2000. Die Inschriften von Ribe, Hedeby und Schleswig und die Bedeutung der Schwedenherrschaft. *Von Thorsberg nach Schleswig. Sprache und Schriftlichkeit eines Grenzgebietes im Wandel eines Jahrtausends*. Internationales Kolloquium im Wikinger Museum Haithabu. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 111—126.
- Svärdström E. 1982. *Runfynden i Gamla Lödöse*. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien.
- Vg.: Jungner H., Svärdström E. 1940—1971. *Västergötlands runinskrifter*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Wessén E. 1957. *Om vikingatidens runor*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Ög.: Brate E. (ed.). 1911—1918. *Östergötlands runinskrifter* (1—3). (= Sveriges runinskrifter 2). Stockholm: Almqvist & Wiksell.

References

- Jackson, T. N. 2012. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (Icelandic Royal Sagas about Eastern Europe)*. 2nd ed. Moscow: Universitet Dm. Pozharskogo (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1982. In *Skandinavskii sbornik (Scandinavian Collection)* 27. Tallin, 19—29 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 2001. *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nakhodka i interpretatsii (Scandinavian Runic Inscriptions. New Finds and Interpretations)*. Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy. (The Earliest Sources on History of Eastern Europe). Moscow: Vostochnaia

№5. 2014

- literatura (in Russian).
- Barnes, M., Hagland, J.R., Page, R.I. 1997. *The Runic Inscriptions of Viking Age Dublin*. Dublin: Royal Irish Academy.
- Benneth, S., Ferenius, J., Gustavson, H., Åhlen, M. (eds.). 1994. *Runmärkt. Från brev till klotter. Runorna under medeltiden*. Stockholm: Carlsson.
- Bryggen Papers* I—... 1984—... Oslo.
- Düwel, K. 1989. Der runenbeschriftete Holzgriff aus Schleswig — zur Deutung einer rätselhaften Inschrift. *Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien* 7, 43—82.
- Ebel, E. 1977. Kaufman und Handel auf Island zur Sagazeit. *Hansische Geschichtsblätter* 95, 1—26.
- Elliott, R.W.V. 1959. *The Runes*. Manchester: Manchester University Press.
- Enoksen, L.M. 1998. *Runor: historia, tydning, tolkning*. Falun: Historiska Media.
- Ertl, K. 1991. *Runen und Latein: Untersuchungen zu den skandinavischen Runeninschriften des Mittelalters in lateinischer Sprache*. Magisteravhandling. Göttingen.
- Fjellhammer Seim, K. 1994. Var futharken en magisk formel i middelalderen. Testing av en hypotese mot innskrifter fra Bryggen i Bergen. In: Knirk, J. (ed.). *Proceedings of the Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions*. Runrön 9. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 279—300.
- Fjellhammer Seim, K. 1998. *De vestnordiske futhark-innskriftene fra vikingtid og middelalder — form og funksjon*. Trondheim: Institutt for nordistik og litteraturvitenskap, NTNU.
- G: Wessén, E., Jansson, S.B.F., Svärdström, E., Gustavson, H. (eds.). 1962, 1978, 2013. *Gotlands runinskrifter. I—III*. Stockholm: Riksantikvariet ambetet.
- Grønvik, O. 1999. Runeinnskriften fra Ribe. *Arkiv för nordisk filologi* 114. 103—127.
- Gustavson, H. 1984. «Christus regnat, Christus vincit, Christus imperat». Runblecket från Boge och några paralleler. In: Karlsson, L. (ed.). *Det ljusa medeltiden*. Stockholm: Statens historiska museum, 61—76.
- Gustavson, H. 1992. Runfynd 1989 och 1990. *Fornvännen* (87): 165—167.
- Gustavson, H. 1994. Latin and Runes in Scandinavian runic inscriptions. In: Düwel, K. (ed.). *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und angelsächsischer Wechselbeziehung*. Berlin: Walter de Gruyter, 313—327.
- Gustavson, H. 1995. Coincidentia oppositorum — latin med runor. Några grafematiska och fonematiska iakttagelser. In: Asztalos, M., Gejrot, C. (eds.). *Symbolae Septentrionales. Latin Studies presented to Jan Öberg*. Stockholm: Sällskapet Runica et Mediaevalia, 203—215.
- Gustavson, H. 1996. Runomas Sigtuna. In: Tesch, S., Edberg, E. (eds.). *Vikingars guld ur Mälarens djup. Tio artiklar med anledning av en utställning*. Sigtuna: Sigtuna museer, 33—35.
- Hagland, J.R. 1994. Runer frå bygrunnen i Trondheim og mangelen på daterte innskrifter frå ca. 1050—1150. In: Knirk, J. (ed.). *Proceedings of the Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions* (= Runrön 9). Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 253—268.
- Hagland, J.R. 1998. Runes as Sources for the Middle Ages. In: Düwel, K., Nowak, S. (eds.). *Runeninschriften als Quellen interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 619—628.
- Herteig, A.E. 1969. *Kongers havn og handels sete. Fra de arkeologiske undersøkelser på Bryggen i Bergen 1955—68*. Oslo: Aschehoug.
- Jón Viðar Sigurðsson. 2008. *Det norrøne samfunnet*. Oslo: Forlaget Pax.
- Jonsen, I.S. 1987. Die Runeninschriften über Handel und Verkehr aus Bergen (Norwegen). In: Düwel, K. et al. (eds.). *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. Teil IV: *Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1980 bis 1983*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 716—744.
- Knirk, J.E. 1998. Runic Inscriptions Containing Latin in Norway. In: Düwel, K., Nowak, S. (eds.). *Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 476—507.
- Lerche Nielsen, M. 1999. Runeindskrifterne fra Starigrad/Oldenborg og andre runefund fra det vestsлавiske område. *Danske studier*, 16—36.
- Liestøl, A. 1963. Runer frå Bryggen. *Viking* 27, 14—15.
- Liestøl, A. 1968. Correspondence in runes. *Medieval Scandinavia* (1), 17—28.
- Liestøl, A. 1970. **Botlaifr**. *Gotländskt arkiv* 42, 73—76.
- Liestøl, A. 1971. The Literate Vikings. In: Foote P., Strömbäck D. (eds.). *Proceedings of the Sixth Viking Congress Held in Uppsala*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 69—78.
- Liestøl, A. 1973. Runenstäbe aus Haithabu-Hedeby. In: Schitzel K. (ed.). *Ausgrabungen in Haithabu*. Neumünster (6), 96—118.
- Liestøl, A. 1979. Anders gjorde meg. *Årbok. Universitets oldsaksamling 150 år*. Oslo: Universitets oldsaksamling, 228—234.
- Mees, B. 2003. Runic “erilaR”. *North-Western European Language Evolution* 42, 41—68.
- Meijer, J. 1997. Literacy in the Viking Age. In: Elmevik L., Peterson L. (eds.). *Blandade runstudier* (2) (= Runrön 11). Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 83—110.
- Moltke, E. 1976. *Runerne i Danmark og deres oprindelse*. København: Forum.
- NlyR: Knirk, J., Sanness, I. (eds.). 1995. *Norges innskrifter med de yngre runer* (6). Oslo: Norsk Historisk Kjeldekrift-institutt.
- Stocklund, M. 2000. Die Inschriften von Ribe, Hedeby und Schleswig und die Bedeutung der Schwedenherrschaft. *Von Thorsberg nach Schleswig. Sprache und Schriftlichkeit eines Grenzgebietes im Wandel eines Jahrtausends*. Internationales Kolloquium im Wikinger Museum Haithabu. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 111—126.
- Svärdström, E. 1982. *Runfynden i Gamla Lödöse*. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien.
- Vg.: Jungner, H., Svärdström, E. 1940—1971. *Västergötlands runinskrifter*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Wessén E. 1957. *Om vikingatidens runor*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Ög.: Brate, E. (ed.). 1911—1918. *Östergötlands runinskrifter* (1—3). (= Sveriges runinskrifter 2). Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Статья поступила в номер 7 июня 2014 г.

Elena Melnikova (Moscow, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute of World History, Russian Academy of Sciences¹.**Elena Melnikova** (Moscow, Russia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie universală, Academia de Științe a Rusiei.**Мельникова Елена Александровна** (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт всеобщей истории Российской Академии наук**E-mail:** melnikova_2002@mail.ru**Address:** ¹ Leninsky Pr., 32a, Moscow, 119334, Russia

Т. Н. Джаксон

Северо-запад Восточной Европы в скандинавских рунических надписях: уточненные данные

Keywords: Northwest of Eastern Europe, 10th—11th cc., runic inscriptions, memorial stelae, monuments of Old-Norse literacy, ethnogeography, toponymy.

Cuvinte cheie: nord-estul Europei de Est, sec. X—XI, inscripții runice, stelele memoriale, monumente de scriere scandinavă veche, etnogeografie, toponimie.

Ключевые слова: Северо-Запад Восточной Европы, X—XI вв., рунические надписи, мемориальные стелы, памятники древнескандинавской письменности, этногеография, топонимия.

T. N. Jackson

Northwest of Eastern Europe in Scandinavian Runic Inscriptions: Re-evaluated Data

The article is devoted to runic inscriptions on memorial stelae (late 10th — 11th centuries) mentioning Eastern Europe. In spite of a potentially high degree of reliability of this source, contemporaneous to the events described in it (military campaign, battle, trade trip), unintentional misrepresentation of a particular text is quite possible. The author of this paper refers to the study of Kristel Zilmer (applying the so-called “cautious interpretive strategy”, leaving questionable words without interpretation, but taking into account all the previously proposed alternatives), and on the basis of her findings re-evaluates the established in historiography “mental map” of Eastern Europe reflected in runic inscriptions, and its ethnogeographical nomenclature.

T. N. Jackson

Nord-estul Europei de Est în inscripțiile runice scandinave: unele precizări

Articolul este consacrat inscripțiilor runice de pe stelele memoriale (sf. sec. X — sec. XI), care pot fi puse în legătură cu Europa de Est. În general, potențialul de veridicitate al unei surse de acest tip este destul de înalt, inscripțiile respective fiind contemporane cu evenimentele pe care le menționează (raid militar, bătălie, călătorie comercială). Cu toate acestea, în procesul interpretării unui text concret poate fi neintenționat distorsionată informația. Autorul se referă la studiul lui K. Zilmer, care aplica așa-numita „strategie a interpretării precaute”, lăsând cuvintele dubioase fără interpretare, dar luând în considerație toate variantele alternative propuse mai devreme. În baza concluziilor K. Zilmer, autorul articolului reexaminează „harta mentală” a Europei de Est, consacrată în istoriografie, cu nomenclatura ei etno-geografică, care s-a reflectat în inscripțiile runice.

Т. Н. Джаксон

Северо-запад Восточной Европы в скандинавских рунических надписях: уточненные данные

Статья посвящена руническим надписям на мемориальных стелах (конец X — XI в.), связанным с Восточной Европой. При потенциально высокой степени достоверности такого источника, современного упоминаемым в нем событиям (военному походу, битве, торговой поездке), возможно непреднамеренное искажение информации при интерпретации конкретного текста. Автор статьи обращается к исследованию К. Цильмер (применяющей так называемую «осторожную интерпретационную стратегию», оставляя сомнительные слова без интерпретации, но принимая во внимание все ранее предложенные альтернативные варианты) и на основании полученных ею выводов пересматривает устоявшуюся в историографии «ментальную карту» Восточной Европы, отразившуюся в рунических надписях, с ее этногеографической номенклатурой.

Russian Foundation for Humanities (RFH), grant no. 14-01-00262 (“Ethno-political map of Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: new approaches to historical and geographical reconstructions”) ■ Fundația științifico-umanitară a Federației Ruse, grant nr. 14-01-00262 („Harta etno-politică a Europei de Est în Antichitate și Evul Mediu: abordări noi ale reconstrucțiilor istorico-geografice”). ■ Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), грант № 14-01-00262 («Этно-политическая карта Восточной Европы в античности и в средние века: новые подходы к историко-географическим реконструкциям»).

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Т. Н. Джаксон, 2014.

Мое знакомство с Юрой Лесманом произошло осенью 1979 года на Всесоюзной скандинавской конференции в Петрозаводске. За год до этого был опубликован первый выпуск Свода древнейших источников по истории народов СССР — подготовленный Е. А. Мельниковой том, посвященный скандинавским руническим надписям (СРН). И вот в нашей комнате в гостинице, где мы жили с моими коллегами Е. А. Мельниковой и Г. В. Глазыриной, много времени проводил неизвестный мне до этого молодой человек, который пил с нами чай, задавал Елене Александровне бесконечные вдумчивые вопросы про рунические надписи на мемориальных камнях и пытался статистически их осмыслить. Много позднее, в 2001 г., в сборнике к 60-летию Е. А. Мельниковой, мне довелось опубликовать статью Юрия Михайловича Лесмана, посвященную этой разновидности древнескандинавских письменных памятников, в которой он утверждал, что рунические камни X—XII вв. дают возможность, «хотя и с некоторыми оговорками, говорить о статистических тенденциях», и, отталкиваясь от первичного статистического анализа надписей, проведенного Е. А. Мельниковой, «позволил себе попытку несколько детализировать картину» (Лесман 2001: 225). Поскольку «восточная серия скандинавских рунических надписей», по его определению (Лесман 2001: 225), вызывала столь большой интерес Юрия Михайловича, я думаю, данная статья в номере журнала, посвященном его памяти, будет вполне уместной.

Рунические надписи на мемориальных стелах, установленных в промежутке времени с конца X по конец XI в., отличаются от большинства древнескандинавских письменных источников тем, что они современны событиям (военному походу, битве, торговой поездке), которые в них упомянуты. Степень достоверности такого источника потенциально высока, однако возможно непреднамеренное искажение его информации при интерпретации конкретных текстов (подробнее см.: СРН; ср.: СРН ННиИ). Топонимические данные, содержащиеся в рунических надписях, важны с точки зрения хронологической, поскольку именно в них, а также в скальдических стихах X—XI вв. и ранних королевских сагах, находит отражение первая (т. е. более ранняя) из двух этногеографических традиций древнескандинавской письменности, связанных с поэтапноностью скандинавского проникновения в Восточную Европу (Джаксон 1989). В первом топонимическом пласте оказываются зафиксированными три известных сканди-

навам «входа» на Восточно-Европейскую равнину: по Западной Двине; через Финский залив и Ладогу; по Северной Двине. При этом лишь западнодвинский путь представлен в древнескандинавской этно-, топо- и гидронимии, формировавшейся в IX—X вв., с достаточной полнотой, что является несомненным свидетельством раннего использования скандинавами этого пути.

Интересующая нас этногеографическая информация, содержащаяся в рунических надписях, включает, как принято считать, названия мыса Колкасагс (*Domesnes* — СРН, №38, 1020—1060 гг.); островов Рухну (*Runö* — СРН, №14, XI в.) и Сааремаа (*Eysýsla* — СРН, №65, XI в.), возможно, Финского залива (*Hólmshaf* — СРН, №61, сер. XI в.); имя Западной Двины (*Duná* — СРН, №26, XI в.); ряд этнонимов (либо отэтнонимических названий земель) на территории от Западной до Северной Двины: земгалы (*Sæmgallir* — СРН, №29, XI в.; №38, 1020—1060 гг.), Земля ливов (*Lifland* — СРН, №40, XI в.; №64, перв. пол. XI в.), Земля эстов (*Estland* — СРН, №10, XI в.; №78, сер. XI в.), Вирумаа (*Virland* — СРН, №74, перв. пол. XI в.; №86, сер. XI в.; №91, сер. XI в.), Земля финнов (*Finland* — СРН, №18, XII в.; №76, перв. пол. XI в.), Земля тавастов (*Tafeistaland* — СРН, №15, перв. пол. XI в.); самое раннее древнескандинавское обозначение Руси (*Garðar* «Гарды» — СРН, №6, перв. треть XI в.; №13, сер. XI в.; №16, перв. пол. XI в.; №34, перв. пол. — сер. XI в.; №48, перв. пол. XI в.; №51, сер. XI в.; №63, XI в.; №68, втор. пол. XI в.; №92, перв. пол. XI в.) и имя Новгорода (*Hólmgarðr* — СРН, №23, сер. XI в.; №57, перв. пол. XI в.; №89, втор. пол. XI в.). Вся эта информация собрана и опубликована в уже упомянутой выше работе, подготовленной в 1977 г. Е. А. Мельниковой (СРН), и в ее расширенном и исправленном издании 2001 г. (ср.: СРН ННиИ), но диссертационное исследование К. Цильмер (Zilmer 2005), по которому мне довелось выступить оппонентом, поставило, как мне кажется, вполне справедливо, ряд выводов под сомнение, о чем, собственно, и идет речь в этой краткой заметке.

1. Остров Сааремаа

Основанием для утверждения, что руническим надписям известен остров Сааремаа, служит сочетание **i silu . nur** в рунической надписи XI в. на камне из Вестра Лединге (*Västra Ledinge*) (U 518). В исследовании Э. Брате с комментариями С. Бугге (Brate 1887—1891: 60—61) было предложено читать **i isilu . nur** (с подстановкой дополнительного предлога —

для аллитерации), что позволило сопоставить получившийся в результате топоним с древнескандинавским обозначением о. Сааремаа *Eysýsla*. Позднее Э. Брате отказался от этой трактовки (Brate 1925: 19) на том основании, что в надписи присутствует указание «на севере», которое, по его мнению, никак не могло относиться к о. Сааремаа. А потому он увидел в этом имени обозначение финского торгового центра Сало (с 1649 г. — Брагестада).

Действительно, трудно представить, чтобы движение из Упланда в Швеции на о. Сааремаа могло быть обозначено, как движение «на север». Но столь же мало, на мой взгляд, «север» подходит к описанию путешествия, направленного в Финляндию. Дело в том, что в картине мира древних скандинавов присутствовало членение обитаемого мира на четыре четверти по четырем странам света. И Восточная Прибалтика, и Финляндия принадлежали к Восточной четверти, а поскольку любое перемещение в пределах четверти было одноименным названию четверти, то двигаться по Восточной четверти можно было только «на восток» или «с востока». Это — так называемая «дальняя» ориентация, связанная (в отличие от «ближней» ориентации, основанной на визуальной оценке) с «ментальной картой», с тем образом пространства, который существовал в сознании значительного числа людей и являлся частью общей картины мира (подробнее см.: Джаксон 1994).

Р. Оттербьёрк (Otterbjörk 1961) подверг критике оба толкования. По его мнению, **nur** не выступает обозначением севера, а является шведским словом *nor* «узкий пролив», в то время как **silu** — это форма Р.п. от *Sila*, древнейшего имени острова *Selaön* в озере Меларен. Тем самым словосочетание **i silu . nur** следует понимать как указание на узкий пролив, отделяющий остров *Selaön* от берега и носящий сейчас название *Kolsund*. По мнению Е. А. Мельниковой, «широкая распространенность топонима *Eysýsla* в древнеисландской литературе не позволяет полностью отвергнуть толкование С. Бюгге, и вопрос о топониме **isilu** остается открытым» (СРН ННИИ: 326). К. Цильмер (Zilmer 2005: 114—116), напротив, разделяет мнение Оттербьёрка и подчеркивает, что во внутренних районах Швеции движение шло не только по суше, но и по воде, так что обозначенного на поминальном камне пролива можно было достичь по внутренним водам. Впрочем, имелся и альтернативный маршрут с выходом из места расположения рунического камня в Балтийское море, движением по морю и по-

следующим входом в озеро Меларен со стороны моря.

2. Остров Рухну

Указание на остров Рухну обнаруживается исследователями в рунической надписи XI в. на камне из Ульвсты (Ulvsta) (Vs 22). Э. Брате (Brate 1925: 127) предположил, что употребленное в тексте слово **runo** представляет собой название острова Рунё (совр. Рухну) в Рижском заливе. Е. А. Мельниковой «в целом это толкование представляется вероятным», хотя она отмечает «отсутствие предлога перед словом **runo**» (СРН: 60).

Чтение **runo** как личного имени (женское имя *Runa*) предложил С. Б. Ф. Янсзон (VsR: 67). Точку зрения, что мы имеем дело с личным именем, поддержали Э. Сальбергер (Salberger 1989; 1991) и Х. Уильямс (Williams 1990: 69—70; 1992). Первый из них утверждает, что отсутствие предлога перед **runo**, равно как и чтение **-o** вместо **-ö**, исключают возможность отождествления **runo** с Рунё. Оба они не возражают против того, что *Runa* могло бы быть формой Р.п. от мужского имени *Runi*, и тогда конечная часть надписи могла бы гласить: «Он погиб в поездке Руни (= в поездке, в которую он отправился вместе с /под предводительством/ Руни), [лучший из] воинов». При этом оба исследователя предлагают и альтернативные варианты. К. Цильмер (Zilmer 2005: 171—172) заключает на основании знакомства с этими новейшими работами, что **runo** может быть как мужским, так и женским именем, что возможны различные гипотезы относительно прочтения этого не целиком сохранившегося текста, но, вне всякого сомнения, отождествление **runo** с топонимом *Runö* небедительно.

3. Западная Двина

Считается, что единственная восточноевропейская река, названная в рунических надписях на мемориальных стелах, это — *Dýna*. Выражение **austR . i . tuna . asu** было зафиксировано в рунической надписи XI в. на не сохранившемся до нашего времени камне из Бёнестада (Bönestad) (Sö 121). В комментарии С. Буге к исследованию Э. Брате (Brate 1887—1891: 184) было высказано предположение о наличии ошибок в словах **tuna** и **asu**, а некоторые конъектуры позволили получить (вместо бессмысленного словосочетания) чтение *austR í Duna ósa* «на востоке в устье Двины» (*ósa* — Д.п. от *óss* «устье»).

Позднее Э. Брате (Brate, Wessén 1924—1936: 91) увидел в первом слове Р.п. мужского имени *Tun(n)e*, а относительно второго предположил (по аналогии с *i . ikuars . lipi* «в войске Ингвара»), что это — Д.п. какого-то специального термина для обозначения военного отряда. Впрочем, он и сам подчеркнул, что такого слова в древнескандинавских языках нет.

По утверждению Е. А. Мельниковой, «как более обоснованная, всеми исследователями была принята интерпретация Бюгге» (СРН: 70). К. Цильмер, однако, не считает возможным принять ни то, ни другое толкование словосочетания *i . tuna . asu* (Zilmer 2005: 178), так что, в свете ее исследований, принадлежность Западной Двины ранней этногеографической традиции оказывается под вопросом.

4. Земгалы

Земгалы (*Sæmgallir*) упоминаются, как принято считать, в трех рунических надписях XI в. из Сёдерманланда. Наиболее очевидно и не оспаривается исследователями употребление этого топонима на камне из Мерваллы (Mervalla) (Sö 198), установленном в память о купце по имени Свейн, который плывал в Земгалию (*til . simkala*) вокруг мыса Колкасрагс. Однако в двух других надписях (Sö 110 и Sö 327) чтение не столь очевидно, и результат достигается за счет значительной перестановки рун. Так, в рунической надписи на не сохранившемся камне из Грёнсты (Grönsta) (Sö 110) встречается сочетание *fauRi . maisi*.

Э. Брате (Brate 1887—1891: 215) увидел в первом из этих слов форму претерита (*fór*) от глагола *fara* и присоединенный к нему предлог *í*, а во втором предположил перестановку согласных (*saimi*) и, соответственно, увидел в нем В.п. от **Sæmir/Sæmgallir* «земгалы».

Е. А. Мельникова (СРН ННий: 305) утверждает, что «принятым ныне является толкование конечного словосочетания *fauRi . maisi* как *fór í Sæmi* “ездил к земгалам”, а надписи каодного из свидетельств, сохранившихся в рунических надписях, о поездках шведов в Земгалию» (следует ссылка на О. Прицака, который принимает, никак не комментируя, конъектуру Э. Брате). Впрочем, надо отметить, что в указателе к изданию 2001 г. (в отличие от 1977 г.) Е. А. Мельникова ставит знак вопроса в скобках после отождествления *Sæmgallir* — *i maisi*.

К. Цильмер (Zilmer 2005: 179) подчеркивает, что чтение «ездил к земгалам» основа-

но на перестановке рун в утерянной надписи, а потому никак не может рассматриваться как квалифицированное и достойное доверия. Еще менее обоснованным представляется ей «обнаружение» упоминания земгалов в сильно поврежденной надписи на скале Гёкстен (Göksten) (Sö 327), которое достигается не менее значительными перестановками и добавлением (предположительно утерянных) рун (Zilmer 2005: примеч. 427).

5. Финский залив (?)

«Хольмское море», иногда трактуемое как «Финский залив», прочитывается в рунической надписи первой половины — середины XI в. на камне из церкви в Валлентуне (Vallentuna kyrka) (U 214), где сообщается, что супруг Ингибьёрг утонул «в Хольмском море» (*a . holms . hafi*). Эта надпись (по крайней мере, в интересующей нас части) нередко сопоставляется с надписью из Хёгбю (Högbju) (Ög 81), где говорится, что «был на Хольме (*o hulmi*) Хальвдан убит» (СРН: №95; СРН ННий: Б-III.9.3; Zilmer 2005: 122—125).

Э. Брате (Brate 1887—1891: 228—229) увидел в *o hulmi* словосочетание *á hólmi* со значением участия в поединке. Дж. Стивенс (Stephens 1884) идентифицировал «Хольм» как «Борнхольм». Его точку зрения разделили позднее К. Г. Лjunggren (Ljunggren 1964: 61) и Т. Андерссон (Andersson 1971: 34). Именно в таком сокращении (*Hólmr*) Борнхольм упоминается в скальдических стихах, а также у Адама Бременского.

С. Б. Ф. Янссон, тем не менее, высказал (Jansson 1956: 20) совсем иное предположение, а именно, что «Хольмское море» — это сокращенная форма «Хольмгардского (Новгородского) моря» и, соответственно, обозначение Финского залива.

Е. А. Мельникова от довольно осторожного «Хольмского моря» в издании 1977 г. (расшифровка которого полностью зависит от интерпретации его первой части — либо *Bornhólmr* «о. Борнхольм», либо *Hólmgardr* «Новгород») переходит в издании 2001 г. к большей определенности: «Хольмское (Новгородское?) море, Финский залив (?)» (СРН ННий: 384).

К. Цильмер (Zilmer 2005: 127—129), напротив, весьма убедительно отстаивает взгляд на термин как на обозначение Балтийского моря вокруг острова Борнхольм.

Нижеследующая таблица содержит информацию по пяти рассмотренным выше топонимам (табл. 1).

Таблица 1.

Спорные топонимы

№	шифр	№ по СРН	№ по СРН ННИИ	стр. по Zilmer 2005	топоним по указателю Е. А. Мельниковой	чтение Е. А. Мельниковой	чтение К. Цильмер
1	U 518	65	Б-III.7.7	114—116	1977: isilu — см. Eysysla 2001: i silu	1977: остров Сааремаа (Эзель? или г. Сало в Финляндии?) 2001: Сало (Salo), поселение на северном берегу Финского залива, или о. Сааремаа (Eysýsla)	пролив между островом Sila (Selaön в озере Меларен) и берегом, известный под названием Kolsund
2	Vs 22	14	Б-III.2.4	171—172	Runö [runo]	остров Руно, совр. остров Рухну	личное имя
3	Sö 121	26	Б-III.5.3	178	Duná [tuna]	р. Западная Двина: в выражении austr í Duna ósa: austr í tuna asu	?
4	Sö 327 Sö 198 Sö 110	29 38 31	Б-III.5.5 Б-III.5.13 Б-III.5.7	179 175—177 179	1977: Sæmgallir [simkala] 2001: Sæmgallir — o simkalum Б-III.5.5, til simkala Б-III.5.13, i maisi Б-III.5.7 (?).	Земгалы	?
5	U 214	61	Б-III.7.3 322, 345, 384	127—129	Hólms haf [a holms hafi]	1977: Хольмское море. Расшифровка топонима полностью зависит от интерпретации его первой части. Варианты: 1) о. Борнхольм, 2) Новгород (Hólmgarðr) 2001: Хольмское (Новгородское?) море, Финский залив (?): a holms hafi	Балтийское море вокруг острова Борнхольм

Итак, отдавая предпочтение осторожно-му и источниковедчески корректному подходу к материалу рунических надписей К. Цильмер (подробнее см.: Jackson 2006), я вынуждена констатировать, что более не могу с прежней уверенностью утверждать, что рунические надписи упоминают Западную Двину, Финский залив, а также острова Сааремаа и Рухну.

Впрочем, следует сказать и об одном топониме, встречающемся в рунической надписи, — топониме, мне ранее не известном, но «хорошо вписывающемся» в рассматриваемый историко-географический контекст. На руническом камне из Гарн-

церкви в Оссебю (Össeby) (U 180), установленном четырьмя братьями в 1050-х — 1060-х гг. в память о своем погибшем брате, говорится, что он умер в Выборге: **hn . to . i . uiburkum**.

Общее мнение исследователей сводится к тому, что следует читать «Выборг», но о каком Выборге идет речь — на Карельском перешейке или на севере Ютландии? Датский Виборг хорошо известен источникам, однако его ранняя форма, зафиксированная в них, связана с корнем *berg*, и это не соответствует той форме, которая сохранилась в рунической надписи. Еще Н. Брокман (Brochman 1762: 208) высказал мнение, что речь здесь идет

о карельском Выборге. Данное мнение впоследствии разделили А. Бугге (Bugge 1918: 80), Р. Пиппинг (Pipping 1926: 413—418) и Э. Сальбергер (Salberger 1990: 31—32). К. Цильмер (Zilmer 2005: 142—144) тоже отдает предпочтение этому чтению топонима, однако не настаивает на нем.

С исторической точки зрения, подобная трактовка, на мой взгляд, также оправдана, поскольку вплоть до XVI в. существовало два пути из Финского залива в Ладожское озеро и, наравне с Невой, сквозную водную арте-

рию представляла собой река Вуокса. Путь по ней шел через древнекарельскую племенную территорию от современного Выборга до Приозерска. Картографирование археологических памятников и кладов позволяет говорить о достаточно активном использовании Вуоксинского пути в Ладогу во второй половине VIII — XI в. (подробнее см.: Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 105—107). Именно поэтому присутствие в рунической надписи маркирующего топонима этого пути вполне естественно.

Литература

- Джаксон Т. Н. 1989. Север Восточной Европы в этно-географических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы). В: Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). *Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 130—135.
- Джаксон Т. Н. 1994. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава. В: Бессмертный Ю. Л. (отв. ред.). *Одиссей. Человек в истории*. Москва: Наука, 54—64.
- Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. 1990. *Письменные известия о карелах*. Петрозаводск: Карелия.
- Лесман Ю. М. 2001. Скандинавы на востоке: откуда, куда, зачем (по материалам рунических камней). В: Джаксон Т. Н., Петрухин В. Я. и др. (ред.). *Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*. Москва: Индрик, 225—231.
- СРН: Мельникова Е. А. 1977. *Скандинавские рунические надписи*. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука.
- СРН ННий: Мельникова Е. А. 2001. *Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации*. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Восточная литература.
- Andersson Th. 1971. Högbystenens runinskrift. In: Huldén L., Thors C.-E. (eds.). *Studier i nordisk filologi LVIII. Festskrift till Olav Ahlbäck 28.3.1971*. Helsingfors; Stockholm: Atlantis, 17—48.
- Brate E. 1887—1891. *Runverser* (Antiqvarisk tidskrift för Sverige X). Stockholm: KVHAA.
- Brate E. 1925. *Svenska runristare*. KVHAA handlingar XXXIII. Stockholm: Akademiens förlag.
- Brocman N. R. 1762. *Sagan om Ingvar Widtfarne och hans son Swen*. Stockholm: Salvius.
- Bugge A. 1918. En Björkö i Sedrusland? *Namn och Bygd* VI, 77—103.
- Jackson T. N. 2006. Navigare necesse est, vivere non necesse. "To sail the seas is a necessity, to live is not". *Arkiv för nordisk filologi* 121, 79—100.
- Jansson S. B. F. 1956. *Svenska utlandsfärder i runinskrifternas ljus. Svenska spår i främmande land* III. Göteborg: Riksföreningen för svenskhetens bevarande i utlandet, 32—55.
- Ljunggren K. G. 1964. Minnesstrofen på Högbystenen. *Arkiv för nordisk filologi* LXXIX, 43—62.
- Otterbjörk R. 1961. 'i buhi och i silu : nur'. Två ortnamn på uppländska runstenar. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* XXV, 26—34.
- Ög: Brate E. (Ed.). 1911—1918. *Östergötlands runinskrifter* 1—3. Sveriges runinskrifter 2. Stockholm: Norstedt & söner.
- Pipping R. 1926. *Kommentar till Erikskrönikan*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland.
- Salberger E. 1989. Runo. Ett runsvenskt önamn? *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LIII, 42—53.
- Salberger E. 1990. Runsv. *uibuukum*. Viborg i Jylland eller Viborg i Karelen? *Studia Archaeologica Ostrobotniensia* 1989—1990, 21—33.
- Salberger E. 1991. Till runo på Vs 22. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LV, 41—47.
- Sö: Brate E., Wessén E. (Eds.). 1924—1936. *Södermanlands runinskrifter*. Sveriges runinskrifter 3. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- SR: *Sveriges runinskrifter*. 1900—1981. Bd. I—XV. Stockholm: Kungl. Boktryckeriet P. A. Norstedt.
- Stephens G. 1884. *Handbook of the Old-Northern Runic Monuments of Scandinavia and England*. Edinburgh; Cheapinghaven [København]: Michaelsen and Tillge.
- U: Wessén E., Jansson S. B. F. (Eds.). 1940—1958. *Upplands runinskrifter* 1—4. Sveriges runinskrifter 6—9. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Vs: Jansson S. B. F. 1964. *Västmanlands runinskrifter*. Sveriges runinskrifter; utg. av Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien 13. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Wessén E., Jansson S. B. F. 1940—1958. *Upplands runinskrifter* 1—4. SR VI—IX. Stockholm: KVHAA.
- Williams H. 1990. *Åsrunan. Användning och ljudvärde i runsvenska steninskrifter*. Runrön III. Uppsala: Uppsala Universitet, Institutionen för nordiska språk.
- Williams H. 1992. Ord i lakun. Om supplerings av runinskriften på Vs 22. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LVI, 43—52.
- Zilmer K. 2005. 'He drowned in Holmr's sea — his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive': Records and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources. Dissertationes philologiae Scandinavicae Universitatis Tartuensia 1. Nordistica Tartuensia 12. Tartu: Tartu University Press.

References

- Jackson, T. N. 1989. In *Slaviane. Etnogenez i etnicheskaia istoriia. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia (The Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History. Interdisciplinary Studies)*. Leningrad: LGU, 130—135 (in Russian).
- Jackson, T. N. 1994. In *Odissei. Chelovek v istorii (Odysseus. Human in History)*. Moscow: Nauka, 54—64 (in Russian).
- Kochkurkina, S. I., Spiridonov, A. M., Jackson, T. N. 1990. *Pis'mennye izvestiia o karelah (Written Sources on the Karelians)*. Petrozavodsk: Kareliia (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2001. In *Norna u istochnika Sud'by (Norna at the Spring of Fate)*. Moscow: Indrik, 225—231 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1977. *Skandinavskie runicheskie nadpisi (Scandinavian Runic Inscriptions)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Melnikova, E. A. 2001. *Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretatsii (Scandinavian Runic Inscriptions: New Finds and Interpretations)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Andersson, Th. 1971. Högbystenens runinskrift. In: Huldén L., Thors C.-E. (eds.). *Studier i nordisk filologi LVIII. Festskrift till Olav Ahlbäck 28.3.1971*. Helsingfors; Stockholm: Atlantis, 17—48.
- Brate, E. 1887—1891. *Runverser (Antiquarisk tidskrift för Sverige X)*. Stockholm: KVHAA.
- Brate, E. 1925. *Svenska runristare*. KVHAA handlingar XXXIII. Stockholm: Akademiens förlag.
- Brocman, N.R. 1762. *Sagan om Ingvar Widfarne och hans son Swen*. Stockholm: Salvius.
- Bugge, A. 1918. En Björkö i Sedrusland? *Namn och Bygd* VI, 77—103.
- Jackson, T.N. 2006. Navigare necesse est, vivere non necesse. "To sail the seas is a necessity, to live is not". *Arkiv för nordisk filologi* 121, 79—100.
- Jansson, S. B. F. 1956. Svenska utlandsfärder i runinskrifternas ljus. *Svenska spår i främmande land* III. Göteborg: Riksföreningen för svenskhetens bevarande i utlandet, 32—55.
- Ljunggren, K.G. 1964. Minnesstrofen på Högbystenen. *Arkiv för nordisk filologi* LXXIX, 43—62.
- Otterbjörk, R. 1961. 'i buhi och i silu : nur'. Två ortnamn på uppländska runstenar. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* XXV, 26—34.
- Ög: Brate, E. (Ed.). 1911—1918. *Östergötlands runinskrifter 1—3. Sveriges runinskrifter 2*. Stockholm: Norstedt & söner.
- Pipping, R. 1926. *Kommentar till Erikskrönikan*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland.
- Salberger, E. 1989. Runo. Ett runsvenskt önamn? *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LIII, 42—53.
- Salberger, E. 1990. Runsv. *uibuukum*. Viborg i Jylland eller Viborg i Karelen? *Studia Archaeologica Ostrobotniensia* 1989—1990, 21—33.
- Salberger, E. 1991. Till runo på Vs 22. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LV, 41—47.
- Sö: Brate, E., Wessén, E. (Eds.). 1924—1936. *Södermanlands runinskrifter. Sveriges runinskrifter 3*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- SR: *Sveriges runinskrifter*. 1900—1981. Bd. I—XV. Stockholm: Kungl. Boktryckeriet P.A. Norstedt.
- Stephens, G. 1884. *Handbook of the Old-Northern Runic Monuments of Scandinavia and England*. Edinburgh; Cheapinghaven [København]: Michaelsen and Tillge.
- U: Wessén, E., Jansson, S.B.F. (Eds.). 1940—1958. *Upplands runinskrifter 1—4. Sveriges runinskrifter 6—9*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Vs: Jansson, S. B. F. 1964. *Västmanlands runinskrifter. Sveriges runinskrifter; utg. av Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien* 13. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Wessén, E., Jansson, S.B.F. 1940—1958. *Upplands runinskrifter 1—4. SR VI—IX*. Stockholm: KVHAA.
- Williams, H. 1990. *Åsrunan. Användning och ljudvärde i runsvenska steninskrifter*. Runrön III. Uppsala: Uppsala Universitet, Institutionen för nordiska språk.
- Williams, H. 1992. Ord i lakun. Om supplerings av runinskriften på Vs 22. *Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskrift* LVI, 43—52.
- Zilmer, K. 2005. 'He drowned in Holmr's sea — his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive': Records and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources. *Dissertationes philologiae Scandinavicae Universitatis Tartuensis* 1. Nordistica Tartuensia 12. Tartu: Tartu University Press.

Статья поступила в номер 27 февраля 2014 г.

Tatjana Jackson (Moscow, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for World History, Russian Academy of Sciences¹.

Tatjana Jackson (Moscow, Russia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie universală, Academia de Științe a Rusiei.

Джаксон Татьяна Николаевна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт всеобщей истории Российской Академии наук.

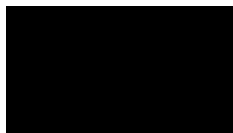
E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Address: ¹ Leninsky Pr., 32a, Moscow, 119991, Russia

Русь и соседи

Rus' and Its Neighbors

Rusia și vecinii

А. В. Комар

Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации

Keywords: Dnieper Land, Prince Svyatoslav Igorevich, Pechenegs, swords, DnieproHES dam, Dnieprostroi expedition, Voznesenka archaeological complex, rapids, Khortitsa.

Cuvinte cheie: regiunea Niprului, kneazul Sveatoslav Igorevici, pecenegi, spade, barajul DnieproHES, expediția Dnieprostroi, complexul arheologic Voznesenka, praguri, Hortița.

Ключевые слова: Поднепровье, князь Святослав Игоревич, печенеги, мечи, плотина ДнепроГЭС, Днепростроевская экспедиция, Вознесенский археологический комплекс, пороги, Хортица.

O. V. Komar

Svyatoslav's Place of Death: Searches, Legends, Hypotheses, Mystifications

The author critically reviewed most popular hypotheses about the localization of the place of death of Prince Svyatoslav Igorevich in the context of written and archaeological sources. Special attention is paid to hypotheses of the origin of swords found in 1928 in the pit of the DnieproHES dam, a sword found near Khortitsa island in 2011 and also to the Voznesenka archaeological complex unearthed in 1930, interpreted as "Svyatoslav's grave" by M.A. Miller. The author states impossibility to establish the actual place of death of the prince and his warriors on the basis of available scientific data.

O. V. Komar

Locul morții kneazului Sveatoslav: cercetări, legende, ipoteze, mistificări

Articolul reprezintă o abordare critică a celor mai populare ipoteze despre localizarea locului morții kneazului Sveatoslav Igorevici în contextul datelor oferite de sursele scrise și arheologice. O atenție deosebită este acordată versiunilor despre proveniența spadelor, găsite în 1928 în șantierul de construcție a barajului DnieproHES, în 2011 lângă insula Hortița, precum și despre interpretarea complexului arheologic Voznesenski, descoperit în 1930 și considerat de către A. Miller drept „mormântul lui Sveatoslav”. Se poate constata, că locul real al morții lui Sveatoslav și a oștenilor săi nu poate fi determinat cu exactitate în baza datelor științifice, disponibile astăzi.

A. B. Комар

Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации

В статье критически рассмотрены наиболее популярные гипотезы о локализации места гибели князя Святослава Игоревича в контексте данных письменных и археологических источников. Особое внимание уделено версиям о происхождении мечей, найденных в 1928 г. в котловане строительства плотины ДнепроГЭС, в 2011 г. у о. Хортица, а также Вознесенскому археологическому комплексу 1930 г., атрибутированному в качестве «могилы Святослава» М.А. Миллером. Констатируется невозможность установить реальное место гибели князя и его воинов на основании имеющихся в нашем распоряжении научных данных.

Поиски и идентификация могил выдающихся исторических деятелей принадлежат к наиболее резонансным видам археологических исследований. Традиционно получая широкое освещение в СМИ и разнообразной краеведческой литературе, выставках, экскурсиях и т.п., яркая гипотеза может настолько прочно закрепиться в сознании определенной части общества, что её собственно научная составляющая со временем отходит далеко на задний план. Именно такая ситуа-

ция постепенно сложилась с локализацией места гибели и погребения легендарного князя Святослава Игоревича: оставаясь загадкой для большинства учёных, оно, тем не менее, «известно» широкому кругу любителей истории Поднепровья, и в особенности г. Запорожье, опирающихся на всё возрастающее количество печатных работ и даже соответствующие официальные мемориальные памятники. Действительно ли «проблема Святослава» настолько близка к разгадке?

Письменные источники

Древнерусские летописцы описывают смерть Святослава крайне лаконично: «Веснѣ же пристѣвши поиде Стославъ в пороги. и нападе на нь Кура князь Печенѣжъский. и оубиша Стослава. [и] взяша главу его. и во лбѣ его съдѣлаша чашю. шковаше лобъ его. и пяху по немь. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку (ПСРЛ 2000, 1: ст. 74; ПСРЛ 2000, 2: ст. 61—62).

Византийский историк Лев Диакон сообщает немногим более: «Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места» (Лев Диакон 1988: 82). Иоанн Скилица также говорит о засаде: «Когда Сфендослав возвращался домой и проходил через землю пачинаков, то они заранее подготовили засаду и ожидали его. Подвергшись нападению, он и все его войско было совершенно истреблено» (Скилица 1988: 133).

В качестве самостоятельного источника последнее время используется также миниатюра Радзивилловской летописи (Л. 40 об.), на которой художник изобразил картину последнего боя Святослава (Королев 2011: 247; Саричев 2012; 2013). На рисунке лодка с князем и воинами обращена носом вправо к конным печенегам на низком зеленом берегу, двигаясь от каменистого (коричневого) берега, где его забрасывают камнями пешие печенеги (рис. 1). Замысел сюжета в общих чертах можно представить так: печенеги устроили засаду перед порогом на высоком правом берегу, не давая пристать к нему, и заставили Святослава, чтобы не гибнуть под градом стрел и камней, двигаться в сторону левого берега и принять бой с основными силами хана Кури. Проблема лишь в том, что в таком виде иллюстрация отражает видение художника конца XV в., а следовательно, важно понять его мотивы и источники, а также сложную схему формирования финального вида рисунка.

В создании миниатюр Радзивилловской летописи поэтапно принимали участие, корректируя рисунки предшественников, от 3-х до 5-ти разных художников (Кукушкина и др. 1994: 302—303). О.И. Подобедова продемон-

стрировала, что большинство рисунков копировались с иллюминированного древнерусского оригинала, написанного в два столбца, тогда как в Радзивилловском списке такого разделения нет (Подобедова 1964: 55—62). Это обстоятельство заставило художников растягивать иллюстрацию на ширину всего листа, не меняя ее высоты, что достигалось различными способами: механическим соединением двух соседних миниатюр, размножением персонажей, добавлением сооружений, пейзажей, животных и т. д.

В рассматриваемой сцене гибели Святослава (рис. 1) оригинальная древнерусская миниатюра искусственно расширена на лист. Художник перекрыл эскизные переднюю часть лошади и ноги всадника раскрашенными правым берегом и носом лодки. Вряд ли это несогласованность между автором эскиза и раскрасчиком — такая же ситуация наблюдается на Л. 94 об. и 189 об., а на эскизах-вклейках Л. 89 линия берега сознательно перекрывает всадников. Вклейки Л. 89 объединяет с иллюстрацией гибели Святослава и такая деталь, как щит сердцевидной формы. В первой части миниатюр, выполненных «мастером А» (Л. 3—95 об.), сердцевидный щит редкий и, за исключением Л. 14 об., 42 об., 81, 82, 86 об., присутствует на характерных рисунках с признаками правки или анахронизмов: Л. 9 (рядом с рыцарем в доспехах), 26 об. (на полях), 68 (на полях), 79 об. (вместе с саблями с фигурным лезвием), 89 (вклейка). Зато именно сердцевидный щит характерен для миниатюр второй части рукописи (Л. 96—194), выполненных «мастером Б», которому и принадлежат правки первой части иллюстраций и вклейки. Поверх слабого черного контура «мастера Б» жирным черным контуром наводил рисунок третий «мастер В или Г», виновный, в частности, в том, что копыта и хвосты лошадей на иллюстрации последнего боя Святослава выступают за поля первоначального эскиза, выполненного «мастером А» при помощи коричневого контура. В финальной правке данной миниатюры линию борта лодки переместили вниз, а руль челна — вправо; черты лица Святослава и соседних воинов прорисованы заново так, что едва различимы среди наслоений нескольких рисунков (рис. 1).

Немотивированными выглядят камни, летящие справа от вооруженных саблями и копьями печенежских всадников, причем незакрашенные камни возле головы переднего всадника явно были нанесены ранее линий шлема и копья, добавленных последним редактором. Создается впечатление, что первоначально художник XV в. («мастер А») на-

Рис. 1. Бой Святослава с печенегами. Миниатюра Радзивилловской рукописи (по Радзивилловская летопись 1994, 1: Л. 40 об.).

Fig. 1. Svyatoslav's battle with Pechenegs. Picture from Radziwiłł manuscript (after (по Радзивилловская летопись 1994, 1: Л. 40 об.).

меревался выполнить симметричную картину осыпания камнями русских воинов справа и слева, однако впоследствии он же или, скорее, «мастер Б», предпочел добавить сцену боя, поскольку обращенная кормой к печенегам слева лодка Святослава в символике древнерусских миниатюр обозначала бы побег. Впрочем, сравнив ширину реки рисунка с соседними миниатюрами рукописи, где хорошо видна ширина столбцов древнерусского оригинала (Л. 40 об.—41 об.), приходится констатировать, что не только для правой части печенежских воинов, но и для левой также, места на реконструированной древнерусской миниатюре XIII в. элементарно не находится.

Этот вывод несколько не удивителен — он прямо вытекает из сути и задач иллюминирования рукописи, призванного с помощью изобразительных средств передать события летописного повествования. Как отметил Д.С. Лихачёв, для миниатюр Радзивилловской летописи характерно изображение поражения или возвращения из похода движением справа налево, которое наблюдаем в случае со Святославом на Л. 38 об., но на Л. 40 возвращение князя передано наоборот, движением слева направо (Лихачев 1979: 34). Движение слева направо изображено и в сцене гибели Святослава на Л. 40 об.

Это кажущееся противоречие объясняется лексикой текста летописи, над обеими иллюстрациями на Л. 40—40 об. гласящего: «пойде в лодиахъ к порогомъ», «пойде Стославъ в порогы». Оригинальные древнерусские миниатюры Л. 40 и 40 об. изображали два эпизода 971 и 972 гг. выступления Святослава в путь к порогам на лодках, и лишь художниками конца XV в. на базе второй миниатюры была создана сцена печенежской засады. Никаким отдельным источником об обстоятельствах смерти Святослава древнерусский художник, несомненно, не обладал, буквально следуя летописному тексту. Сомнительно, чтобы такой источник был доступен и кому-то из художников Радзивилловской рукописи XV в. Ещё более фантастично, чтобы он самостоятельно смог идентифицировать место и точно изобразить его в реалиях.

Летописи не знают ни «могилы Святослава», ни места его гибели, не упоминая подобные ориентиры в сказаниях о походах князей на печенегов и половцев. Это подтверждает версию византийских хронистов о полной гибели спутников Святослава и усиливает позиции тех историков, которые считали слова Свенельда о необходимости двигаться из Болгарии конным путем не просто рекомендацией князю, а реально выполненным маневром, спасшим жизнь самому воеводе и ча-

сти войска. Именно такую версию озвучивает В. Н. Татищев с помощью «Иоакимовской летописи»: «Онъ бо [Святослав] вся воя отпусти полемъ ко Кіеву, а самъ не со многими иде въ лодіахъ, и на Днѣпрѣ близъ Проторча (пороговъ) оступиша Печенѣзи и со всѣми, бывшими при немъ, избиша» (Татищев 1768: 37).

Характер «Иоакимовской летописи» как источника подробно разобран А. П. Толочко (Толочко 2005: 196—245). Автор данной стилизации под летописный текст (независимо, был ли это сам В. Н. Татищев или его современник) не представлял географических реалий Нижнего Поднепровья, о чем свидетельствует заимствование стандартной для описания русско-кочевнических противостояний в поле фраза «оступиша Печенѣзи», вместо более подходящего ситуации выражения ПВЛ «нападет на нь». Проблемы возникают и с местом нападения печенегов. В. Н. Татищев считал «проторчи» (от ошибочной записи в Радзивилловском списке топонима «Протѣльчъ» у о. Хортица) древнерусским названием порогов, активно используя свою догадку в первом варианте «Истории» (Толочко 2005: 233—235). Во второй редакции, наоборот, это слово почти везде было исправлено, в т. ч. даже в передаче места сбора лодок и конного войска князей («Торчи») в летописном сообщении 1103 г. о походе против половцев (ПСРЛ 2000, 1: ст. 277—278; ПСРЛ 2000, 2: ст. 253; Татищев 1773: 200). Причиной последнего, скорее всего, стало отсутствие порогов непосредственно рядом с Хортицей, на что могли обратить внимание историка.

Часть сторонников подлинности «летописи Иоакима» предлагают игнорировать «проторчи» В. Н. Татищева и читать в сообщении о смерти Святослава «Протолчи», привязывая топоним к броду на Хортице и, соответственно, распространяя название на южную часть острова (Ширяев 2007: 58—61). В XVI—XVIII вв. гидроним Протолчъ/Протовча (Етимологічний словник 1985: 111—112; Німчук 1992: 126), с которым В. Г. Ляскоронский отождествлял летописное «Протѣльчъ» (Ляскоронский 1907: 69—70), обозначал палеоруло р. Орели (Пазинич 2007). Сочетая эту параллель и этимологию названия (Срезневский 1902: ст. 1599), можно предположить, что летописное «Протѣльчъ» — это узкое старое русло Днепра возле о. Хортица (рис. 2), как в свое время и считал Н. М. Карамзин (правда, опираясь на трактовку «протѣльчъ» как «пролив») (Карамзин 1842, II: прим. 200). Именно в глубоком Старом Днѣпрѣ сконцентрированы основные наход-

ки лодок X—XVIII вв., а у о. Малая Хортица располагались пристань и верфь казачьего времени (Яворницький 1990: 120—121; Шаповалов 1991; 2010; Гаврилюк, Остапенко 2010; Кобалія 2013).

Константин Багрянородный в X в. описывает Хортицу («Остров св. Григория») как место остановки и базу для судов русов, место совершения благодарственных жертвоприношений священному дубу, специально отмечая: «от этого острова росы не боятся пачинакита, пока не достигнут реки Селина [рукав Дуная]» (Константин Багрянородный 1991: 48—49). Последнему способствовали отсутствие порогов, увеличение ширины Днепра, а также начало плотной полосы днепровских плавней на левом берегу, охранявших суда от появления кочевников с этой стороны. В XII—XIV вв. древнерусские поселения функционировали на правом и левом берегу Днепра возле с. Кичкас (Сміленко 1975: 178—187; Козловський 1992: 111—113), на полпути от Кичкаской переправы к Хортице. Поселение X—XIV вв. исследовано и на самой Хортице (т. н. поселение «Протолче») (Сокульский и др. 1977: 373—374; Козловський, Ільїнський 1991: 46). Позже, в XV—XVI вв., эта ландшафтно-географическая зона трансформировалась в знаменитое «Запорожье».

Вероятно, именно на защищенной естественными условиями Хортице, где письменными и археологическими источниками зафиксировано поселение русов X в., и находилась русская стража, осенью 971 г. предупредившая Святослава о печенегах на порогах, заставив возвращаться назад и зимовать на Белобережье. Хортицкая застава, в первую очередь, должна была наблюдать за переправой, упомянутой у Константина Багрянородного под названием «Крария» (от сканд. *Vrār* — «поворот») (Константин Багрянородный 1991: 48—49, 326) — тождественной Кичкаской, или же расположенной в древнерусское время чуть ближе к повороту Днепра возле т. н. «Волчьей глотки». Переправа достигала в ширину расстояния полета стрелы, «из-за чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против русов». Также стража могла отправлять разведчиков к ближайшему от Хортицы Вольному (Гадючьему) порогу в 9 км выше по течению.

«Пороги» традиционно противопоставлялись «Запорожью» как ландшафтная зона со свободным доступом кочевников к Днѣпру. Но представления о зоне порожистого Днепра как «диком крае печенегов» разрушило откры-

Рис. 2. Карта археологических объектов, исследованных в 1927—1931 гг. в зоне Днепростроя. Составлена А.В. Добровольским и В.А. Гринченко (Научный архив ИА НАНУ. Фонд В.А. Гринченко, № Г/3).

Fig. 2. Map of archaeological sites, studied in 1927—1931 in the Dnieprostroi zone. Composed by A.V. Dobrovolskiy and V.A. Grinchenko (Scientific archive of the IA NASU. V.A. Grinchenko's Fund, no. Г/3).

тие здесь в 1927—1932 гг. Днепростроевской экспедицией первых славянских поселений Х в. А. Т. Смilenko позже насчитывала в регионе как минимум 7 памятников с горизонтами данного периода (Смilenko 1975: 163—169, рис. 58), а А.О. Козловский — уже 16 пунктов (Козловський 1992: 122—124; рис. 9). Речь идет не о временных поселках или стоянках на пути из Варяг в Греки, а о стационарных

поселениях с развитым гончарным и железодельным ремеслом. На одном из таких поселений напротив Кодацкого порога (возле с. Старые Кодаки) в 1958 г. А.В. Бодянский собрал из размыва берега 5 сферических гирек Х в. вместе с обломками древнерусской керамики и железной «вилкой» (Шарафутдинова, Телегин 1959: 15—16). Функционирование древнерусских поселений, в первую оче-

редь, обеспечивало ремонт судов после их повреждения при преодолении порогов и забор, продукты питания для экипажей, но одновременно, постоянное пребывание славян в зоне порогов позволяло своевременно информировать купеческие караваны об опасности от печенегов, если они появлялись поблизости. Система предупреждения имела жизненно важное значение для русов, но весной 972 г. эта тактика не сработала — Святослав рискнул идти в пороги, где и попал в засаду. Единственное логическое тому объяснение — печенеги отвели свои отряды от Днепра на обманчиво безопасное расстояние, а затем совершили нападение там, где его было невозможно избежать.

По данным Константина Багрянородного, из описанных им семи порогов три первых и три последних порога преодолевались русами без разгрузки лодок, путем высадки людей для повышения посадки (часть выходила на берег, а другие проводили лодку вручную). И только на четвертом пороге Неясыт приходилось всем причаливать к берегу. Здесь русы делились на три группы: одна отходила охранять остальных от печенегов, вторая преодолевала по суше 6 миль (9 км) с грузом, а третья волоком перетягивала лодки через порог. Только для порога Неясыт и переправы «Крария» Константин отмечает повышенную опасность от печенегов (Константин Багрянородный 1991: 46—49), хотя такая, условно, существовала и на других порогах.

Э. Лясота рассказывает подробнее, что во время путешествия 1594 г. ему и спутникам приходилось выходить на правый берег возле Кодацкого, Лоханского, Звонецкого порогов и на левый «татарский» берег возле порогов Ненасытецкого, Вовнигского, Будиловского и Вольного, а главными татарскими переправами были Таволжанская и Кичкасская (Schottin 1866: 208—210). Г. Левасер де Боплан также свидетельствует, что татары переправлялись вплавь между Будиловским и Таволжанским порогами (Le Vasseur de Beauplan 1660: 20). Количество сходов на берег по пути через пороги у Э. Лясоты совпадает с количеством порогов, описанных Константином Багрянородным, что, очевидно, объяснялось приблизительно одинаковой посадкой судов XVI в. и груженных купеческих древнерусских. Самым же опасным местом в плане возможности нападения кочевников в XVI—XVII вв., как и в X в., оставался Ненасытецкий порог.

Неудивительно, что когда в 1910 г. при поддержке Д. И. Яворницкого возник проект обозначения места гибели князя Святослава

мемориальной доской, выбор пал именно на Ненасытец, сохранявший свое древнерусское название до XX в. В 1912 г. заказ на такую доску от Одесского отдела Императорского Русского военно-исторического общества получил одесский скульптор Б. Эдуардс, а в 1913 г. чугунная плита с надписью «Въ 972 году у Днѣпровскихъ пороговъ палъ въ неравномъ бою съ печенѣгами русскій витязь князь Святославъ Игоревичъ» была установлена на выступающей из реки скале Монастырко Ненасытецкого порога, затопленного в 1932 г. В 1947 г. плиту демонтировали с обнажившегося после взрыва плотины ГЭС порога и перенесли в с. Никольское-на-Днѣпре (на правом берегу реки), а в 1952 г. поврежденную доску заменили копией (Старостин 2010). Таким образом, символический замысел Д. И. Яворницкого оказался нарушенным, и сейчас доска расположена на правом берегу, хотя высадка экипажей судов для обхода Ненасытецкого порога происходила в древности на левом берегу Днепра.

Легенды

Гибель князя Святослава начала обрывать легендами уже при его современниках, ярким примером чего является рассказ о создании печенежским ханом Курей чаши из черепа Святослава. Продолжился этот процесс и в XV—XVI вв., когда в летописях (Ермолинской, Софийской, «своде 1497», Уваровской, Львовской и др.) появились дополнительные рассказы о надписи на чаше («чюжихъ ища, своя погуби», «чюжихъ паче силы желая, и своя си погуби за премногую его несытость» и подобные), подробности о её хранении «въ казнахъ князей печенѣзкихъ», а затем и рассказы об аналогичных чашах, окованных серебром, сделанных из черепов воинов Святослава (Амелькин 2003). Развитие легендарного сюжета происходило в книжной среде, обставляя его подробностями, следующими из логики самого летописного нарратива.

А вот богатая легендами и преданиями народная память жителей Поднепровья непосредственно со Святославом ни одного места не связывала — даже знаменитым собирателям исторических рассказов Я. П. Новицкому и Д. И. Яворницкому не посчастливилось встретить такой информации. Исключением является лишь нечеткое упоминание В. Ф. Розанова (Гавриила) «о кочевании Печенегов около днепровских порогов, где и ныне [1828 г.] находится могила, называемая Святославою, по имени Святослава,

князя Российского» (Вечерков 1910: 42), которое повторяет А.Г. Макаревский (Феодосий) (Макаревский 1880: 44). Подобная информация о «могиле Святослава», не подтверждаемая другими источниками, вполне могла быть «книжного» происхождения, заимствованной из произведений историков XVIII в., уверенно писавших, что Святослав «скончался в 972 на Днепровских порогах в бою с Печенегами, утонув во Днепре, жил 52 года, погребен близ оных же порогов» (Мальгин 1789: 3; Екатерина II 1901: 59). В данном случае речь идёт о «логическом прочтении»: раз пишется, что «утопший» князь погребён у порогов, значит, известна и его могила.

В. Борисов предположил, что памятью о битве Святослава является само название одного из днепровских порогов — Княжий, Княгинин, Княгинец (Борисов 1910: 121), позже — «Тягинская забора» выше Ненасытецкого порога. Древнейшая известная форма названия порога у Э. Лясоты (1594 г.) и в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) — Kniezini, «Княгинин» (Книга Большому Чертежу 1950: 111); Э. Лясота также упоминает об остановке ниже порога на Knieziny Ostrow (Schottin 1866: 209) — «Княгинином острове». По Д.И. Яворницкому, в росписи 1697 г. «Княгининым» назван остров выше порога (Эварницкий 1898: 70—71), что либо ошибка, либо название не было устойчивым и распространялось на несколько островов вокруг порога. У А. Лызлова (1692 г.) содержится объяснение названия: «порог Княгинин — отдавна поведают, якобы некая княгиня утопе тамо» (Лызлов 1990: 130). С неясным по происхождению известием Т.С. Мальгина о смерти Святослава данную легенду роднит сюжет об утоплении княжеской особы.

Тягинская забора на самом деле не представляла серьёзной угрозы для судоходства на участке, поскольку преграждала лишь часть Днепра от правого берега до о. Козлова, в то время как между островом и левым берегом оставался широкий проход. Интереснее «Княгинин» остров — согласно Э. Лясоте, последняя безопасная остановка перед преодолением Ненасытецкого порога при сплаве, или же первое место отдыха после прохождения порога при подъёме вверх по течению. Учитывая существование цикла местных легенд о путешествии княгини Ольги по Днепру в Константинополь с привязкой мест её остановок к конкретным островам, есть высокая доля вероятности, что своё название Княгинин остров получил именно как одно из обязательных мест остановки караванов

судов, на котором могла бы останавливаться и княгиня Ольга.

Археологические поиски

Добавить в решение проблемы локализации места гибели Святослава археологические источники первым попытался А.Д. Чертков, который вспомнил рассказ А.Н. Оленина о вылове рыбаками «лет 30 назад» (до 1813 г.) в Днепровских порогах серебряного (на самом деле посеребренного медного) византийского сосуда с монетами Никифора Фоки (963—969 гг.) и Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) (Чертков 1843: 209—210; Кропоткин 1962: 31). Исследователь считал находку безусловным свидетельством гибели Святослава именно в порогах, хотя подробной информацией о локализации места, к сожалению, не обладал.

Описывая Пурисовы острова ниже Вольнянского порога, Д.И. Яворницкий отметил на поверхности ближайшего к порогу Малого Дубового острова большое количество костей людей, не поддающихся датировке, которые могли принадлежать казацкой или древнерусской эпохе, попутно назвав «слишком смелым» предположение об их принадлежности жертвам битвы Святослава с печенегами (Эварницкий 1898: 82—83). Небольшие раскопки на острове провел Я.П. Новицкий, который нашел обезглавленные скелеты, черепа без шейных позвонков и разрозненные кости, назвав в качестве возможного исторического объяснения события войны с татарами, половцами, печенегами, в т.ч. и знаменитый поход Святослава 972 г. (Новицкий 2007, 1: 155—156). Эти общие фразы позже дали богатую пищу для предположений краеведов, но записи Я.П. Новицкого позволяют уверенно исключить жертв Пурисовых островов из древнерусского периода: по опросу местных жителей, напротив острова располагались «покопанные городки (редуты)», а в 1845 г. на самом острове была размыта яма, наполненная человеческими костями, в которой находились кремневые ружья, сабли, пули (Новицкий 2007, 2: 223—225).

В 1912 г. у с. Малая Перецепина Полтавской губернии был найден «клад» — один из самых богатых археологических комплексов раннего средневековья Восточной Европы. И.А. Зарецкий ошибочно интерпретировал монету императора Фоки (602—610 гг.) из комплекса как чеканенную в правление Никифора Фоки (912—969 гг.), датировав сокровище X в. (Зарецкий 1912: 202—204). По свидетельству Н.Е. Макаренко, богатство

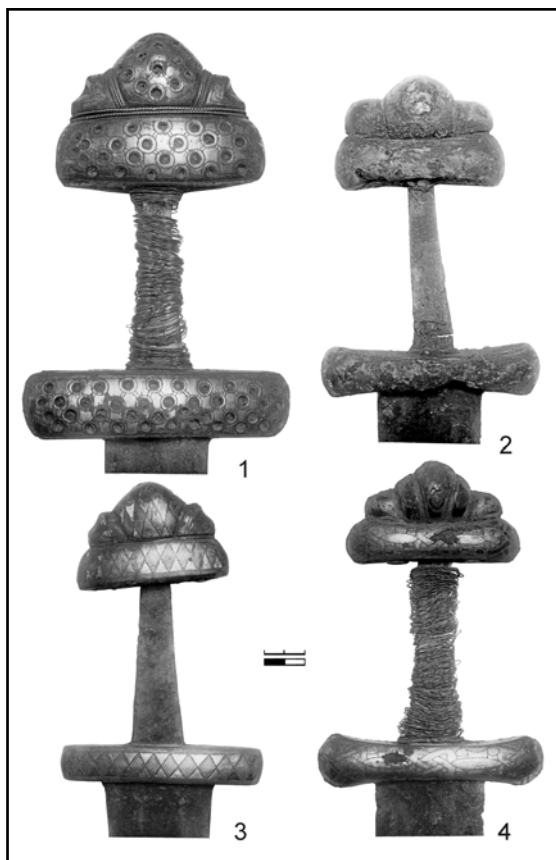

Рис. 3. Рукояти мечей, найденных в 1928 г. в котловане плотины ДнепроГЭС (Научный архив ИА НАНУ. Ф. 18. № 30).

Fig. 3. Handles of swords found in the DnieproGES dam ditch in 1928 (Scientific archive of the IA NASU. F. 18, no. 30).

комплекса немедленно вызвало сообщение в печати о «дарах императора Никифора Фоки князю Святославу» (Макаренко 1912: 211), но выразительный набор хорошо датированных византийских предметов VII в. довольно быстро развеял иллюзии и надежды на связь находки с князем Святославом.

Новый повод археологии вмешаться в вопрос о локализации места гибели Святослава дала находка в ноябре 1928 г. 5 мечей X в. в котловане строительства ДнепроГЭС (рис. 3). Рассмотрев клейма на клинках мечей и центры их производства, В.И. Равдоникас не обошел вопрос причин попадания самих мечей в воды Днепра, связав их с нападением печенегов на русов в районе Крайской (Кичкасской) переправы, с риторическим вопросом: «Не здесь ли, вблизи Кичкаса, рядом с нынешней плотинкой Днепрогэса, нашел свою гибель Святослав?» (Равдоникас 1933: 598—616). И хотя исследователь сразу же заметил, что вовсе не настаивает на таком объяснении, озвучив также и версию о гибели ку-

печеского судна, именно его немедленно выделил как главный вывод статьи М.Г. Худяков в обзоре сборника (Худяков 1935: 193).

Б.А. Рыбаков сначала также писал о Крайской переправе: «Именно здесь и был убит князь Святослав, возвращавшийся из Византии. Если эти мечи не были мечами Святославовой дружины, то они могли быть частью товарной партии мечей, шедшей через Киев по Днепру и затонувшей в результате нападения печенегов» (Рыбаков 1948: 328—329). Впоследствии акцент локализации находки почему-то сместился на «пороги», что уже лучше согласовывалось с обстоятельствами гибели Святослава по летописи (Рыбаков 1964: 47; 1982: 383; 1984: 200). Именно в таком виде — как «мечи из днепровских порогов» или «с места гибели дружины Святослава» — иллюстрация обычно и повторялась позже в различных исторических и научно-популярных изданиях.

Среди археологов версия связи днепростроевских мечей со Святославом не получила распространения и повторялась преимущественно со ссылкой на мнение Б.А. Рыбакова (Лебедев 2005: 574). Г.Ф. Корзухина и А.Н. Кирпичников склонялись к версии о гибели купеческого судна с партией мечей для продажи (Корзухина 1954: 37; Кирпичников 1966: 38; 2007: 84), а Ф.А. Андрощук и В. Дучко аргументировали принадлежность мечей к древнегерманской традиции жертвования оружия в воду (Андрощук 2001: 130—132; Duczko 2004: 251).

Тем не менее, находка 1928 г. вдохновила писателя С.Д. Скляренко описать сцену последнего боя Святослава в романе «Святослав» (1959 г.) как происходящую на северной оконечности о. Хортица возле Черной скалы. Благодаря популярности романа, на Черной скале позже был установлен охранный знак УССР с надписью: «Вероятное место гибели киевского князя Святослава Игоревича в 972 г.». По невероятному совпадению, в 2011 г. к северу от Черной скалы со дна Днепра был зацеплен и поднят ещё один меч X в. (рис. 4), что вызвало новый импульс для обсуждения проблемы локализации места гибели Святослава возле о. Хортица (Сокульский, Сокульский 2012; Остапенко, Нефёдов 2013; Саричев 2013).

Мечи 1928 г. обнаружены в ок. 1,3 км к северо-востоку от Хортицы в котловане левого протока строительства плотины Днепровской ГЭС между о. Черным и левым берегом Днепра (ближе к самому берегу), принадлежащем к землям с. Вознесенка (рис. 2; 5). Находку было бы ошибкой назы-

вать «случайной», поскольку в 1928—1930 гг. Днепростроевской экспедицией производился археологический надзор за земельными работами в котлованах плотины (см. подробнее: Комар 2014). Согласно отчету и дневникам В.А. Гринченко, сломанный меч без рукояти обнаружен на глубине 3 м глубже дна или 7—8 м ниже поверхности воды, тогда как 4 остальных меча залежали минимум на 1 м ниже (Гринченко 1929: 19), что свидетельствует, по крайней мере, о двух разделенных во времени событиях.

Н.А. Чернышев в своей публикации в качестве сопроводительных находок мечам назвал «сильно деформированный медный клепанный котел, саблю XVI в. с железной крестообразной рукоятью, несколько золотых и бронзовых монет и две поздние амфоры» (Чернышев 1963: 211), создав иллюзию разнообразия материала. Но этот перечень лишь искусственно объединяет наиболее яркие находки из всех трёх котлованов плотины (и даже вне их) за три года археологических наблюдений.

Реальный археологический контекст мечей ограничивается всего несколькими амфорными обломками с широкой датой, тогда как основная масса датированного керамического материала из котлована левого протока, полученного наблюдениями 1928—1929 гг., относится к XII—XIV вв. (Строкова 1983: 29), т.е. ко времени функционирования рядом, на правом и левом берегу Днепра, двух синхронных древнерусских поселений (Брайчевська 1962: 157—167; Сміленко 1975: 178—187; Козловський 1992: 111—113). Даже в отдаленной близости с мечами не было обнаружено ни остатков таке-лажа судна, ни других предметов вооружения, ни украшений, ни бытовых предметов X в., хотя из того же котлована происходят медный котелок, полый паяный серебряный браслет и ромбовидный наконечник стрелы XII—XIV вв.

Обилие в котлованах плотины материалов XII—XIV вв., а также два синхронных поселения напротив на разных берегах, могут свидетельствовать, что в указанный период на месте нынешней плотины ДнепроГЭС существовал лодочный перевоз. К такому же предположению относительно предшествующего времени подталкивает обнаружение летом 1928 г. в котловане правого протока клада античных бронзовых монет I в. до н.э. (Яворницький 2010а: 29).

Предложенная В.И. Равдоникасом и повторяющаяся с его подачи в последующей литературе привязка находки 1928 г. к Кич-

Рис. 4. Меч, обнаруженный в 2011 г. возле о. Хортица (по Остапенко, Нефёдов 2013: 54).

Fig. 4. Sword found near Khortitsa island in 2011 (after Остапенко, Нефёдов 2013: 54).

касской («Крарийской») переправе является безусловной ошибкой — Кичкасская переправа XIX—XX вв. располагалась в 1,2 км выше по течению, где Днепр резко сужался до 180 м, а двумя километрами выше, в «Волчьей глотке» — до 160 м (рис. 2). Мощность печенежского лука действительно позволяла простреливать здесь всю ширину реки. Но следует заметить, что под обстрелом лодки могли потерять управление и перевернуться, потеряв весь товар и оставив кочевников без добычи, поэтому такая засада имела смысл только против купцов, готовых ради сохранения жизни добровольно пристать к берегу и отдать имущество. Воинам же пришлось бы бросить весла и, прикрывшись щитами, дрейфовать вниз по течению.

Что касается возможности нападения кочевников ниже переправы, у Черного острова, то, учитывая ширину Днепра на данном участке (ок. 590 м), было бы верхом неосторожности двигаться не фарватером между островами Черным («Большим») и Стрелецким («Малым лозоватым»), а тем более подходить под левый берег. В зоне котлована плотины левого протока на крупномасштабных картах 1920-х гг. не значится ни камней, ни мелей; абсолютно безопасными для древнерусских лодок были и глубины (4—7 м). Полное отсут-

ствие рядом с мечами любых других находок X в., а также неоднократность попадания мечей в воды Днепра именно в данном месте, решительно противоречат версии о крушении судна или его гибели под обстрелом кочевнических лучников.

Новый всплеск интереса к локализации места гибели Святослава вызвал меч 2011 г. (рис. 4). Исследование в 2012 г. дна Днепра в районе обнаружения хортицкого меча не принесло никаких дополнительных результатов (Остапенко, Нефьодов 2013: 52). Вновь ни следов кораблекрушения, ни военных действий древнерусского времени; вновь место, никак не подходящее для нападения кочевников. Находка меча рядом с Хортицей, где, по свидетельству Константина, русы специально останавливались для совершения жертвоприношений (Константин Багрянородный 1991: 48—49), скорее, склоняет чашу весов в пользу «жертвенной» версии происхождения днепровских мечей.

В то же время, интересен сам факт расположения меча X в. на поверхности современного речного дна, тогда как днепростроевские мечи залегали глубоко в толще донных отложений. После начала строительства плотины ДнепроГЭС ситуация с донными отложениями Днепра ниже по течению неоднократно поддавалась сильнейшему антропогенному влиянию. Сначала причиной стало поочередное перекрытие протоков плотины в 1928—1930 гг., разрушительное влияние которого описал Г.Г. Мартенс на примере котлована среднего протока в 1930 г., обнаженного искусственно усиленным течением до материкового камня (Мартенс 1931: 41). Ещё раз ситуация повторилась после взрывов плотины ГЭС в 1941 и 1943 гг. Следствием резкого усиления течения могло быть как размывание верхних слоев донных отложений в районе о. Хортица, так и перемещение массы отложений вместе с содержащимися в них археологическими артефактами в направлении от плотины к острову. Это могло полностью избавить хортицкий меч от его археологического контекста, и даже само место находки становится условным.

Единственное, что можно констатировать с уверенностью, и хортицкий, и днепростроевские мечи попадали в воду с судов, а не с берега, и затапливались на достаточно большой глубине, не позволявшей потенциальному ныряльщику легко найти и поднять оружие на поверхность. Если речь идет о ритуале, то он, несомненно, имеет древнегерманские корни. Об этом же косвенно свидетельствует выразительный скандинавский характер бо-

гатого оформления всех пяти сохранившихся рукоятей мечей, а также тот факт, что ни один из них не принадлежал к рядовым.

Рукояти двух мечей 1928 г. (рис. 3: 2, 4) типа S по Я. Петерсену, две других — типов T1 и T2 (рис. 3: 1, 3); хортицкий меч 2011 г. (рис. 4) оснащен рукоятью типа V (вариант с трехчастным навершием) (Petersen 1919; Андрощук 2013). Использование мечей типов S, T1, T2 приходится на последнюю треть X — начало XI в. (Андрощук 2010: 72—87; 2013: 137—166). Следует отметить, что днепростроевский меч типа T1 (рис. 3: 1) полностью повторяет декор более ранних мечей типа E2 (Каинов 2001: 57—58), а хортицкий типа V украшен трехчастным навершием не сегментовидной, а скорее «подтреугольной» формы (рис. 4: 3), что роднит его с навершиями рукоятей типа T2. Для двух указанных мечей индивидуальное сочетание признаков вполне допускает дату в рамках 60—80-х гг. X в., включая эпизод гибели Святослава. А вот мечи типа S несколько позже как по времени появления, так и по выходу из употребления (Андрощук 2013: 70, 147—148, 163—166), и если они действительно попали на дно Днепра одновременно с другими, такой комплекс должен датироваться позднее времени правления Святослава.

Находки мечей 2-й пол. X в. на дне Днепра в зоне между островами Хортицей и Черным — несомненно, интереснейшее археологическое явление, которое, тем не менее, на современном этапе не может быть связанным ни прямо, ни косвенно с обстоятельствами смерти князя Святослава Игоревича. Его истоки, скорее, следует связывать с идеологическими представлениями варяжской (скандинавской) части путешественников по пути из Варяг в Греки, а также с особенностями военно-политической ситуации на степном участке пути, сложившейся уже после гибели князя Святослава.

К сожалению, после создания водохранилища и затопления порогов в 1932 г. надежд на новый археологический материал, способный прояснить вероятное место гибели Святослава или любой другой древней битвы на порогах, в настоящее время немного. Затоплены обширные участки, уничтожены культурные слои и целые памятники, берега и поныне активно разрушаются эрозией. Перемещённые размывами артефакты в зоне прежней береговой линии погребены на значительной глубине в слое ила и до гипотетического спуска водохранилища не доступны для планомерных исследований.

Рис. 5. В.А. Гринченко и сотрудники Днепростроевской экспедиции осматривают находки Вознесенского комплекса в Днепропетровском музее. 1930 г. (по Попандопуло 2012: 269).

Fig. 5. V.A. Grinchenko and fellow workers of the Dnieprostroi expedition look at the Voznesenka complex finds in the Dnepropetrovsk Museum, 1930 (after Попандопуло 2012: 269).

Археологическая мистификация

Если рассмотренные выше историографические направления опирались на разрозненные фактические источники, лишь гипотетически позволяющие связать отдельные находки с местом гибели Святослава, другая историографическая линия утверждает, что кремационная могила Святослава и его воинов уже обнаружена и исследовалась археологами ещё до сооружения Днепровского водохранилища в 1932 г., но в силу целого ряда причин оказалась неправильно понятой и атрибутированной.

Начало истории положило открытие В.А. Гринченко в 1930 г. на северо-восток от с. Вознесенка (совр.г. Запорожье) (рис. 2) яркого археологического комплекса в виде большой каменной постройки размерами 82×51 м с ритуальной ямой, в которую были сложены частично обожженные комплекты снаряжения коня (не менее 40), комплекты оружия и поясов (по 3), две серебряные статуэтки львов и одна орла, а также многие другие предметы конца VII — начала VIII вв. (Гринченко 1950).

Открытие произошло в разгар «сталинских чисток», уже в 1933 г. затронувших Днепростроевскую экспедицию и Днепропетровский краевой историко-археологический музей. Краткое сообщение об открытии Вознесенского комплекса вошло в отчет Д.И. Яворницкого о работах экспедиции за 1930 г. (Яворницкий 2010б: 40—42), напечатанного в 1933 г. в выпуске 4—5 «Хроники археологии и искусства», тираж которого был сразу же полностью уничтожен (Білокінь 2008: 229—230). В Днепропетровском музее параллельно готовился второй том «Сборника», который после массовых репрессий 1933 г. так и не был завершен, а его материалы передали в 1934 г. в Киев (Ковальова 2003: 7—8). Институт истории материальной культуры АН УССР в 1934 году озвучил намерение напечатать отдельным томом полевые отчеты Днепростроевской экспедиции за 1928—1932 гг. (Козубовський 1934: 10), а сбор и ревизию имеющейся архивной документации поручили уцелевшему В.А. Гринченко. В 1934—1936 гг. участники Днепростроевской экспедиции, пережившие первую волну репрессий, по просьбе ИИМК прислали свои статьи, которые долж-

ны были войти в выпуск «Археологии», ликвидированный на этапе уже собранного номера (Миллер 1938: 15—17). В 1938 г. В. А. Гринченко был также репрессирован и выслан, но в 1939 г. Институт археологии АН УССР всё же завершил подготовку к печати первой части материалов работ Днепроостровской экспедиции, второй том готовился в 1940 г. (Фещенко 1940: 4—5). Ни один из них к началу войны издать так и не удалось, а далее редакционные портфели сборников были расформированы и частично утрачены.

Один из участников Днепроостровской экспедиции — таганрогский археолог М. А. Миллер, остался в оккупации, где в 1942—1945 гг. активно сотрудничал с SD и Ahnenerbe (Тесленко, Фанигин 2008: 82—90). В 1943 г. он уехал в Германию, а затем в Вену; после капитуляции некоторое время преподавал в гимназии для украинских беженцев в Геттингене, благодаря чему завязал контакты с местной украинской диаспорой. В 1946 г. М. А. Миллер получил возможность снова заниматься научной деятельностью, работая в общественном Украинском морском институте, а с 1951 г. уже официально в американском Институте изучения СССР в Мюнхене. Считая основную часть документации и коллекций экспедиции утраченными или распорошенными во время войны, а её сотрудников — репрессированными еще в 30-х гг., исследователь возложил на себя «миссию» сведения и публикации всех имеющихся в его распоряжении материалов. Первая серия таких публикаций вышла в 1946—1948 гг. за счет украинской диаспоры в виде малотиражных ротапринтных брошюр, среди которых была и работа «Могила князя Святослава» (Миллер 1946), переизданная впоследствии в Канаде (Миллер 1951).

Брошюра М. А. Миллера посвящена Вознесенскому археологическому комплексу, получившему у него неверное название «Кичкасский клад». Пересказ краткого отчета о раскопках В. А. Гринченко сопровождался лишь неточным эскизным планом местности, без иллюстраций материалов комплекса. Мотивируя необходимость такой публикации, автор утверждал, что В. А. Гринченко сразу же после открытия погиб: «Он был схвачен НКВД и бесследно исчез. Вместе с ним исчезли и описательные материалы, которые были у него — дневники раскопок, планы, чертежи, рисунки, фото и т. д. Со времен находки прошло уже более 19 лет. Исчезли уже и другие свидетели этих событий. Далее молчать нельзя, и я считаю своим долгом опубликовать вышеприведенные факты, к сведению украин-

ских археологов, историков и всего общества» (Миллер 1951: 12).

Повторяя вывод отчета В. А. Гринченко о ближайших аналогиях комплекса в виде Перещепинского комплекса VII в., М. А. Миллер неожиданно констатирует: «без всякого сомнения можем сказать следующее: здесь, в 10 в. был похоронен путем трупосожжения со всем имуществом, и последующим захоронением в земле останков, — какой-то выдающийся воин — князь, возвращавшийся с добычей из Византии на Украину, и погибший у порогов. Кто бы это мог быть, кроме киевского князя Святослава?». Несколько последующих страниц рассуждений о совпадении места гибели Святослава и подробностей «Кичкасского захоронения» венчались пространным пафосным выводом: «На том же месте должен быть построен памятник украинскому князю — рыцарю Святославу, а гора получить название “горы Святослава”. Это мы завещаем молодым украинским археологам, историкам и политикам. Верим, что в ближайшем будущем условия жизни и развития Украины радикально изменятся и государством будет править народ, который в нем живет. Начнется “третий расцвет”, и тогда мы сможем оглянуться назад и почтить память великих сыновей Украины на вечные времена. К числу таких национальных героев принадлежит и князь Святослав, о котором еще далеко не сказано последнего слова. [...] В этой связи историческая фигура Святослава, а вместе с тем, и вопросы его могилы и памятника, подносятся на новую высоту и приобретают новое значение в цикле национально-политических задач, стоящих перед украинским народом» (Миллер 1951: 13—15).

Немедленно после выхода первого издания работы М. А. Миллер получил письмо еще от одного археолога-эмигранта П. П. Куринного, который заметил: «Имеете ли для этих трудов больше иллюстративного материала? Обязательно должны их издать в лучшем виде от УВАН [Украинской Вольной академии наук]. Жаль, что Святославова могила все же попала не в Ваши руки. При осмотре клада в Екатеринославском Музее мне почему-то казалось, что дата его должна была бы быть старше (VII—VIII вв.). Если это действительно была могила, тогда дело другое» (Миллер 1947: 57).

В статье-ответе на письмо П. П. Куринного М. А. Миллер, не приводя новых подробностей о комплексе и опять не анализируя находок на предмет их сходства с древнерусской культурой X в., целиком сосредотачивается на сравнении состава «Кичкасского»

Рис. 6. М.А. Миллер и Д.И. Яворницкий на раскопках стоянки Игрень. 1932 г. (Научный архив ИА НАНУ. Негатив №924).

Fig. 6. M.A. Miller and D.I. Javornytsky at the Igren site excavations, 1932 (Scientific archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No.924).

и Перещепинского комплексов, пытаясь доказать, что состав инвентаря в первом случае отвечает именно захоронению, а не кладу, а его хронологическая позиция позднее Перещепины. Автор то апеллирует к устному авторитетному мнению византиниста Л.А. Мацулевича, то неожиданно заявляет, что византийская культура позже VI—VII вв. не изучена и не известна. Разыгрывая карту неясности обряда и стратиграфического соотношения «клада» и «городища», М.А. Миллер снова утверждал, что В.А. Гринченко — «совсем молодой исследователь, не имел знаний ни теоретических, ни практических, он “не ведал, что творил”, выкапывая вещи механически, без понимания достопримечательности и нужного к ее исследованию метода». Правда, в плане даты и идентификации комплекса статья резко сдала в уверенности, относя его «к 9-му, возможно, и к 10-му веку», а «могила Святослава, конечно, пока гипотеза» (Миллер 1947: 58—60).

Между тем, пока УВАН подготовила переиздание книги М.А. Миллера в Канаде (1951), в СССР в 1950 г. вышла краткая предварительная публикация Вознесенского комплекса В.А. Гринченко, в которой памятник уверен-

но датировался началом VIII в. и связывался с ранними славянами или хазарами (Гринченко 1950). Параллельно Б.А. Рыбаков издал графические таблицы находок из Вознесенки (ошибочно названной «Воскресенским»), датировав комплекс VIII в. и объединив в одну группу с салтовскими кремационными могильниками из Новопокровки и Борисово, предположив, что они отражают «дружинную культуру» славян VIII в. (Рыбаков 1950: 11—14) или «ранних русов» (Рыбаков 1953: 102—103). Л.А. Мацулевич, изучавший в 1931 г. материалы Вознесенского комплекса в Днепропетровском музее, позже посвятил отдельную статью византийской фигурке орла, датировав весь комплекс второй половиной VII в. или рубежом VII и VIII вв., но не пытаясь определить его принадлежность конкретному народу (Мацулевич 1959).

Получив доступ к советской археологической литературе с 1951 г. через Институт изучения СССР, М.А. Миллер не мог не узнать о появлении публикации В.А. Гринченко. Уже в работе 1956 г. он относит «Кичкасский клад» к «памятникам северокавказской культуры и антов», резюмируя: «Общие обстоятельства настолько совпадают с лето-

писными сведениями о гибели Святослава, что некоторые из археологов посчитали это место за могилу Святослава, хотя по аналогии с Перещепинским кладом она может быть и несколько более ранней (8 в.)» (Миллер 1956: 158—159). Крайне неожиданный поворот от самого же автора идеи! Один из биографов М. А. Миллера — Я. И. Пастернак — в своей обобщающей монографии, пересказывая по М. А. Миллеру состав Вознесенского комплекса, тем не менее, о Святославе не обмолвился вообще и датировал памятник VII—VIII вв. (Пастернак 1961: 516—517).

Гипотеза М. А. Миллера, как и многие другие эпизоды диаспорной украинской историографии, прошла мимо внимания советских исследователей. В Украине (в т. ч. и автору данных строк) она стала известной лишь в 1993 г. благодаря публикации работы «Могила Святослава» в газете «Старожитності» (ч. 7—8; 9—10) в показательной рубрике «Книжка из дальних сундуков». Впрочем, как оказалось, далеко не все восприняли труд М. А. Миллера как раритетное недоразумение, в частности, ее тезисы приняли на вооружение Ю. А. Шилов (Шилов 2001: 246) и Г. И. Шаповалов (Шаповалов 2002; 2003), со ссылкой на которых утверждение о тождестве Вознесенского комплекса могиле Святослава начало широко тиражироваться в трудах далеких от археологии представителей гуманитарных наук, а после его повторения Г. А. Лозко — еще и получило распространение в среде т. н. «родноверов» (Сморжевская 2010: 183).

Благодаря активной пропаганде гипотезы М. А. Миллера директором Запорожского областного краеведческого музея Г. И. Шаповаловым в газетах и популярных изданиях, она настолько прочно закрепилась в краеведческой литературе, что в 2005 г. на Вознесенской горке г. Запорожье таки был установлен 5-метровый памятник князю Святославу (работы российского скульптора В. Клыкова), таким образом, окончательно выполнив завещание М. А. Миллера «украинским патриотам». Там же, в Запорожье, вышли и научные переиздания работы М. А. Миллера, подготовленные О. В. Дровосековой с краткими критическими комментариями (Дровосекова 2009; 2010).

Наконец, дискуссия о тождественности Вознесенского комплекса могиле князя Святослава перекинулась на страницы не только локальных музейных, но даже и профессиональных археологических изданий. В очередном выпуске сборника «Проблемы археологии Поднепровья» за 2012 г. отстаиванию ги-

потезы М. А. Миллера посвящена статья А. В. Билецкого (Білецький 2012). Видимость научности данному сочинению в жанре «наивной археологии» придают не только ВАКовский статус издания, но и длинная история, хорошая репутация и солидная редколлегия сборника из известных археологов. И всё же, такой ход со стороны поклонников «миллериан» откровенно переходит границу благоразумия, прямо задевая археологов, ранее лишь с иронией наблюдавших за развитием течения.

По утверждению А. В. Билецкого, им «пересмотрена традиционная для советской и современной украинской историографии дата известного Вознесенского захоронения — VIII в.; на основании анализа вещественных находок захоронения, автор датирует его X в. и высказывает предположение относительно принадлежности князю Святославу». Правда, в отличие от своих предшественников, дипломатично переводивших всю ответственность за аргументацию гипотезы на самого М. А. Миллера, автор решительно берется самостоятельно «уточнить хронологические рамки данного захоронения путем анализа его вещевого инвентаря» (Білецький 2012: 40).

В исполнении преподавателя лесотехнического колледжа хронологический анализ достигается весьма специфическим методом — путем сравнения вырванных из контекста оценочных цитат из отдельных избранных им авторов-археологов, ни разу (sic!) не ссылаясь при этом на рисунок вещи или таблицу в публикациях, при полном отсутствии своих иллюстраций. Последствия «метода» предсказуемы: «легким движением пера» танский палаш с косо срезанным острием оказывается тождественным «сабле Карла Великого»; прессованные кочевнические бляшки сбруи — литым древнерусским застегкам-аграфам; глиняное пряслице из сарматского захоронения — древнерусским пиррофиллитовым; трехлопастные наконечники стрел превращаются в трехгранные; декоративные серебряные гвоздики и заклепки — в корабельные гвозди и заклепки; керамика типа Канцирки — в салтовскую и т. д.; уже не говоря о том, куда автора заводят «стилистические аналогии». Настоящим же апогеем «вещеведческих студий» статьи является установление даты панциря из скифского захоронения кургана №8 могильника Вознесенки. Фото бляшек панциря, зачем-то помещенное М. Ю. Видейко в научно-популярном очерке о раннесредневековом Вознесенском комплексе (Видейко 2009: 169), вдохновило горе-типолога на несколькостраничный «мозговой

№5. 2014

штурм», итогом которого стал вывод о принадлежности скифского панциря византийскому катафрактарию X в.!

Постоянно апеллируя к «архивному фотоотчету» В.А. Гринченко со ссылкой на ту же работу М.Ю. Видейко, автор демонстрирует, что сам к архиву даже не приближался. Опыта самостоятельной работы с какой-либо категорией археологических источников также не наблюдается. Но это лишь вершина айсберга. За время после введения Вознесенского комплекса в научный оборот накоплено около полутора сотен работ более чем 4-х десятков исследователей, в которых в той или иной степени рассматриваются общие и частные проблемы его состава, интерпретации и датировки, аналогий, стилистики и техники исполнения предметов комплекса. Из них А.В. Билецким удостоены внимания лишь несколько публикаций А.К. Амброза, А.Т. Смиленко и М.Ю. Брайчевского, при этом без объяснений выпущены более важные работы этих же исследователей. Не обращая никакого внимания на датировку комплекса археологами-русистами Б.А. Рыбаковым и П.П. Толочко, А.В. Билецкий, похоже, даже не задумывается, почему же такой выдающийся памятник, как «могила Святослава», дружно проигнорировали как минимум 4 поколения специалистов по древнерусской археологии!

Аналогично себя ведут и другие сторонники гипотезы М.А. Миллера, пытаясь комфортно спрятаться за тезисы о «неопытности исследователя», «утраченной коллекции», «утраченной документации» и «запрещенной в СССР» книге. Неужели его труды действительно содержат какое-то «откровение», десятилетиями скрываемое от ученых?

«Теорию заговора» обожают дилетанты, поскольку сам факт знакомства с «запрещенной книгой», которая сохранила сведения о чем-то исчезнувшем, уничтоженном, скрытом, уже выглядит почти тождественным знакомству с истиной. В случае с Вознесенским комплексом интрига оказывается совершенно искусственной. В.А. Гринченко действительно был репрессирован в 1938 г., но еще раньше успел полностью подготовить к печати Вознесенский комплекс с альбомом фотографических и графических иллюстраций. В фонде Днепростроевской экспедиции Научного архива Института археологии НАНУ также хранятся рукописные и печатные дневники раскопок памятника, отдельные черновые чертежи, полевой реестр находок. После возвращения В.А. Гринченко из ссылки и его смерти в архив Института ар-

хеологии поступили авторские копии отчетов, фотографии, черновики, планы и выписки, то есть фактически весь объем документации о Вознесенском комплексе, которым владел сам В.А. Гринченко. Не погибла целиком и коллекция материалов, которая сейчас разделена между музеями Днепропетровска, Харькова, Киева и Запорожья. Единственным препятствием к ее изданию остается депаспортизация и распыление большей части довоенных коллекций Харьковского исторического музея, выделение среди которых материалов Вознесенки требует кропотливой комплексной фондовой работы. Что касается собственно архивных материалов, то они систематизированы и подготовлены к печати автором настоящей статьи.

Почему ни архив В.А. Гринченко, ни сохранившиеся коллекции никогда не интересовали последователей М.А. Миллера? Ответ, в первую очередь, следует искать в том имидже В.А. Гринченко, который навязал М.А. Миллер своими публикациями. Постоянно намекая на «неопытность» В.А. Гринченко, М.А. Миллер создавал у читателей впечатление владения эксклюзивной информацией, которую не понял и не распознал «молодой исследователь». Впрочем, уже О.В. Дровосекова справедливо заметила, что на момент раскопок Вознесенского комплекса в мае 1930 г. М.А. Миллер всё ещё оставался в Таганроге (Дровосекова 2010: 7—8). По состоянию на 23 мая В.А. Гринченко вырезал монолитом «клад» и за последующую неделю перевез его в Днепропетровский музей, где его разборкой занялись в камеральных условиях. В письме от 5 июня П.И. Смоличев спрашивал Д.И. Яворницкого, завершена ли уже разборка вырезки? (Епістолярна спадщина... 2012: 539, 541). М.А. Миллер смог прибыть в Днепропетровск только 25 июня, а раскопки у Вознесенки, согласно дневнику, проводил с 28 июня по 20 августа, исследуя обособленную восточную часть могильника. Поэтому ни свидетелем, ни участником исследования раннесредневекового комплекса он не являлся, а всю «избыточную» информацию мог получить исключительно из слухов и пересказов.

В.А. Гринченко (1900—1948) попал в Днепростроевскую экспедицию в качестве выпускника Днепропетровского института народного образования, но перед вступлением в него в 1921—1925 гг. работал лаборантом археологического отдела Центрального пролетарского музея Полтавы, участвуя в раскопках памятников разных эпох под руководством М.Я. Рудинского (Нестуля 2007:

114—115). Работу на Днепрострое он начал в качестве ассистента опытейшего С. С. Гамченко на древнерусском Кичкасском поселении и курганах, но уже в письме от 22.06.1928 г. П. И. Смоличев писал Д. И. Яворницкому о готовности В. А. Гринченко к самостоятельной работе (Епістолярна спадщина... 2012: 523). И действительно, до конца года В. А. Гринченко провел серию самостоятельных исследований и раскопок на 6 памятниках, исследовав ряд курганов, золотоордынский могильник Крыничное, а также провел наблюдения за выемкой котлованов плотины ДнепроГЭС, где и были обнаружены знаменитые мечи X в. В 1929 г. к его счету прибавились 10 памятников различных эпох (от неолита до XVIII в.), в т. ч. открытие черняховского поселения Привольное и аланского гончарного центра VII — начала VIII в. в балке Канцирке. Апрель 1930 г. также прошёл в плодотворных исследованиях у с. Августиновка и Федоровка. Учитывая же, что в культурном слое Вознесенского комплекса оказались фрагменты керамики типа Канцирки, распознать которые на тот момент мог исключительно автор раскопок Канцирского поселения, археологической науке, наоборот, крайне повезло с полевым опытом В. А. Гринченко.

Куратором всех работ на площадке «А» Днепрозаводстроя в 1930 г. на должности старшего археолога был П. И. Смоличев, параллельно с В. А. Гринченко проводивший раскопки курганов на юго-запад от каменного сооружения. Поскольку П. И. Смоличев в 1925—1927 гг. исследовал один из эталонных памятников древнерусской дружинной культуры X в. — Шестовицкий могильник, идеальное сочетание энергии и молодости В. А. Гринченко с опытом и знаниями П. И. Смоличева для гипотетической «могилы Святослава» просто и пожелать было сложно. Опыта работ на древнерусских памятниках, наоборот, вообще не имел М. А. Миллер.

С 1932 г. В. А. Гринченко стал аспирантом ИИМК АН УССР и возглавил отдел рабовладельческого общества Харьковского исторического музея; в 1935 г. перешел в Центральный исторический музей в Киеве, где сначала выполнял обязанности ученого секретаря, а в 1937 году короткое время — директора музея. В 1938 г. до ареста возглавлял фонды Института археологии АН УССР, куда его снова приняли на работу после возвращения из лагерей в 1947 г., даже несмотря на запрет проживать в Киеве (Нестуля 2007: 115—118). Из-за репрессий, войны и ран-

ней смерти В. А. Гринченко действительно не оставил после себя большого количества публикаций, но рукопись его работы, посвященной Вознесенскому комплексу (Гринченко 1937), отмечается основательной проработкой литературы и аналогий, поэтому неудивительно, что его выводы относительно даты и принадлежности комплекса остаются актуальными и по сей день. В общих чертах их разделяли остальные сотрудники Днепростроевской экспедиции, в т. ч. и сам М. А. Миллер!

П. И. Смоличев в письме от 23.05.1930 г. по первым впечатлениям писал: «клад можно отнести к эпохе кочевников и возможно ранней эпохе» (Епістолярна спадщина... 2012: 539). Позже в общей работе о деятельности экспедиции 1927—1932 гг. Вознесенский комплекс отнесен им к салтовской культуре (Смоличев 1933: 32—35). М. А. Миллер в отчете 1930 г. отнес Вознесенский комплекс к «культуре северокавказской (аланской)» (Миллер 1930: 9; Ковальова 2003: 11), в суммарной же характеристике работ экспедиции за 1927—1932 гг., поданной в ИА АН УССР как статья, а копия в ГАИМК — в качестве кандидатской диссертации (Архив ИИМК. Ф.24. Д.161), Вознесенский памятник уже отнесен им к «культуре салтовского типа», но сопоставлен с более ранними Перещепинским, Келегейским и Новосанжарским «кладами» VII в. (Миллер 1938: 64—68). Как уже отмечалось, вновь к «памятникам северокавказской культуры и антов» комплекс зачислен им в обобщающей работе 1956 г. (Миллер 1956: 158—159).

«Диссертация» 1938 г. не сопровождалась ни одной иллюстрацией. Оправдываясь, М. А. Миллер утверждал, что им ранее было передано для публикации в «Археологии» 50 рисунков и планов, но они были «умышленно потеряны», поэтому восстановить иллюстрации он уже не имеет возможности (Миллер 1938: 17). Действительно, у отстраненного от создания общего отчета еще в начале 1933 г. из-за конфликта со старшими археологами экспедиции М. А. Миллера доступа к чужим материалам раскопок больше не было. Конфликт произошел в конце 1932 г. из-за несанкционированной попытки М. А. Миллера опубликовать в «Проблемах ГАИМК» обзорный отчет о работах Днепростроевской экспедиции под собственной фамилией (Миллер 1938: 16). Во время оккупации летом 1943 г. М. А. Миллер повторно пытался получить доступ к фондам и библиотеке Днепропетровского музея через Ahnenerbe, но и на этот раз без успеха (Тесленко, Фанигін

2008: 87—89). Нет сомнений, что никаких новых материалов о Вознесенском комплексе после 1932 г. М. А. Миллер не получал, с фондами и аналогиями не работал, а следовательно, никаких объективных научных причин для пересмотра его датировки и интерпретации не имел.

Несложно заметить, что идея о «могиле Святослава» возникла в голодном 1946 г., когда М. А. Миллеру было крайне важно привлечь к себе внимание ученых украинской диаспоры, и плавно исчезла из его трудов после 1951 г., когда необходимые позиции были завоеваны, а Институт изучения СССР обеспечил комфортные условия для дальнейшей научной работы. Статья-ответ 1947 г. на сомнения П. П. Куринного (Миллер 1947) демонстрирует достаточно четкое понимание относительной хронологической позиции Вознесенского комплекса, весьма далекой от древнерусской культуры X в. «Заблуждаться» или «что-то напутать» М. А. Миллер никак не мог, сознательно создавая научную мистификацию, от авторства которой исследователь весьма неуклюже отказывается сразу же, как только ему стало известно о возвращении из лагерей в Институт археологии УССР В. А. Гринченко (Миллер 1956: 159, 164).

Изменчивость взглядов, скорее, норма для наследия М. А. Миллера. Так, например, его статья/диссертация 1938 г. начинается обширным доносом на всех руководителей и сотрудников Днепростроевской экспедиции, в котором М. А. Миллер сполна отыгрывается на бывших коллегах, уже репрессированных или ещё нет, за своё отстранение от дел экспедиции в начале 1933 г., и выражает полное удовлетворение «ликвидацией указанной группы» в Днепропетровском музее (Миллер 1938: 7, 8, 16). В серии же работ в эмиграции именно М. А. Миллер обличает СССР в тотальных репрессиях против археологов (Миллер 1954). Оценивая деятельность Днепростроевской экспедиции, М. А. Миллер в работах до 1933 г. всячески хвалит грандиозность работ, мудрость руководства и демократичность организации. После 1933 г. — видит лишь организационный хаос, вредительство, некомпетентность и буржуазные методики, «игру в Запорожскую Сечь» и национализм и т.п., а после 1943 г. в эмиграции — неожиданно объявляет себя «заместителем начальника» и фактическим руководителем Днепростроевской экспедиции при «свадебном генерале» Д. И. Яворницком!

В своей бурной биографии М. А. Миллеру приходилось менять роли, пожалуй, не реже,

чем знаменитому Остапу-Сулейману-Берте-Марии-Бендер-бею: российский дворянин немецкого происхождения, донской казак, сельский служащий, учёный-укаинофил, русский марксист — борец с украинским буржуазным национализмом, колаборант-фольксдойче, украинский диаспорный националист, русский эмигрант-антисоветчик. С высоты современности сложно судить, что было вызвано веяниями эпохи, что оказалось жизненной необходимостью, а что следовало из внутренних убеждений исследователя. Поиск истинных мотивов поступков М. А. Миллера мы оставляем его биографам, констатируя лишь, что его же собственные труды элементарно не оставляют мифу о «могиле Святослава» ни единого шанса на существование.

Практика

Вчитываясь в живописные реконструкции «последнего боя Святослава» с детальной привязкой событий к той или иной местности, с подробной расстановкой печенежских конников и лучников в балках, лесах, на скалах, островах и т.д., невольно задаёшься вопросом: отдают ли себе отчет авторы подобных работ в том, что современному исследователю можно лишь завидовать тому объёму знаний, которым владели Святослав и его воины об особенностях гидрологии Днепра, его течении, глубинах, ледоставе и ледоходе, порогах и заборах, подводных камнях и мелях, островах и берегах, плавнях, притоках и старицах; об обычаях, быте, повадках, местах расселения, родоплеменной организации, лидерах, вооружении и тактике печенегов; о возможностях древнерусских судов, о тактике преодоления порогов, охраны и боя на конкретных участках пути; о расположении стоянок, поселений, застав, о материальном обеспечении и составе войск русов? Много ли стоит современная реконструкция без учёта всех этих факторов?

Скупые данные письменных источников позволяют отталкиваться от следующих фактов:

1) в 971 г. Святослав получил информацию о расположении на обратном пути значительных сил печенегов, но отказался от предложения Свенельда возвращаться на Русь конным способом, не считая возможным противостоять печенегам в поле в открытом бою, но видя при этом шансы прорваться водным путем;

2) разведывательные данные, полученные при подходе к порогам, оказались неблаго-

приятными, и заставили вернуться на Белобережье, где остаться на зимовку;

3) выход в дорогу ранней весной 972 г. сразу же после ледохода позволял частично нивелировать мобильность печенежских всадников в надежде на бездорожье;

4) попытка пройти пороги означала наличие позитивных разведданных в момент принятия решения и невозможность его изменения в момент обнаружения опасности, иначе русы могли возвратиться в плавни, как показывает история казачьего времени, обладавшие достаточным пищевым ресурсом для длительного выживания более удобного момента;

5) прибытие в Киев Свенельда с частью дружины без информации о подробностях гибели Святослава, несомненно, подсказывает разделение войск на две части, одна из которых во главе с воеводой либо двигалась другим путем, либо передовым отрядом, успешный проход порогов которым и мог послужить для Святослава сигналом к выступлению;

6) вероятное участие в битве хана Кури указывает на необходимость «мобилизационного зазора» между моментом обнаружения лодий Святослава и эпизодом нападения печенегов.

Возврат на Белобережье в 971 г. красноречиво свидетельствует против навязываемого Святославу образа безрассудно храброго воителя, не способного к осторожности и отступлению. Весной же 972 г. ослабленные голодом и болезнями, разделенные на две части остатки армии русов просто обязаны были двигаться с максимальной осторожностью. Нападение печенегов, очевидно, произошло

там, где его было сложно избежать, и где мобильность кочевников отрезала все возможности для своевременного отхода.

Из четырех порогов, для прохождения которых приходилось обычно высаживаться на низкий левый берег Днепра: Ненасытецкого, Вовнигского, Будиловского и Вольного, больше всего времени печенегам на мобилизацию и подход главных сил хана давал вариант нападения на Ненасытьце. Именно здесь оказывалась невозможной полная проводка судов водой между камнями, даже если ставка делалась на полный выброс груза. И именно достигнув Ненасытьца, у Святослава уже не было бы возможности отхода назад, ибо позади оставались пройденные опасные Вовнигский, Будиловский и Вольный пороги, Таволжанская и Кичкаска переправы. Выбор Д. И. Яворницкого — Ненасытьце — и спустя столетие остаётся наиболее логичным и вероятным вариантом места нападения печенегов на дружину Святослава Игоревича. Но, по-прежнему, лишь в теории.

Приходится констатировать, что ни историки, ни археологи так и не приблизились пока ни на шаг к доказательному установлению истинного места гибели и захоронения князя, а за разнообразием версий чаще всего стоит лишь фантазия исследователей. Создание новых легенд о Святославе продолжается и через тысячелетия после его смерти, сопровождаясь их увековечением в новых памятниках. Эта интрига, безусловно, будет еще долго волновать любителей истории, если, конечно, однажды в ситуацию не вмешаются новые реальные археологические находки.

Литература

- Амелькин А. О. 2003. Фольклор в «Повести временных лет» (образ печенегов). В: Акаткин В. М. и др. (ред.). *Наследие А. Н. Афанасьева и проблемы его изучения*. Материалы межвузовской научной конференции к 175-летию со дня рождения. Воронеж: ВГУ, 112—121.
- Андрущук Ф. А. 2001. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки. *Гнёздово: 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 126—135.
- Андрущук Ф. А. 2010. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов. *Краеугольный камень* 1. Москва: Ломоносовъ, 72—93.
- Андрущук Ф. 2013. *Мечи викингов*. Киев: Простір.
- Білецький А. В. 2012. Вознесенське поховання: проблема інтерпретації. *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДНУ, 40—49.
- Білокінь С. 2008. Из практики покемплярного дослідження українських совєцьких видань. *Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаніка* 16 (1). Львів, 223—236.
- Борисов В. 1910. *Карта Сарматии (нынешней России) во II веке до Р. Хр. по греческому географу Птолемею* 2. Ковна.
- Брайчевська А. Т. 1962. Древньоруські пам'ятники Дніпровського Надпоріжжя. *Археологічні пам'ятки УРСР* XII. Київ, 167—176.
- Вечерков И. И. (Иаков). 1910. Путевые заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского. *Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии* 6. Екатеринослав, 38—88.
- Видейко М. Ю. 2009. *Украина: от Антов до Руси*. Киев: Крион.
- Гаврилюк Н. О., Остапенко М. А. 2010. Археологічний комплекс запорізької верфі та подіом суден Дніпровської флотилії біля острова Хортиця. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 2. Запоріжжя, 13—27.
- Грінченко В. А. 1929. *Коротке звітлення за археологічні роботи обабіч Дніпра від Кічкасу до Вільного порогу на Запоріжжі (літо 1928 р.)*. Дніпропетровськ. Научный архив ИА НАНУ. Ф. 18. № 30.

№5. 2014

- Грінченко В. А. 1937. *Пам'ятник VIII в. відкритий біля с. Вознесенки на Запоріжжі 1930 р.* Київ. НА ІА НАНУ. Ф. 6/1.
- Грінченко В. А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. *Археологія* (3), 37—63.
- Дровосекова О. В. 2009. Михайло Міллер та його праця «Могила князя Святослава». *Музейний вісник* 9. Запоріжжя, 204—214.
- Дровосекова О. В. (упорядник). 2010. «Вознесенський скарб»: *Дві долі, два погляди...* Повернута спадщина 7. Запоріжжя: Стат і К°.
- Екатерина II. 1901. Записки касательно российской истории. *Сочинения императрицы Екатерины II*. Т. 8. Санкт-Петербург.
- Епістолярна спадщина... 2012: *Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького*. Т. 6. 2012. Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС.
- Етимологічний словник... 1985: Стрижак О. С. (відп. ред.). 1985. *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Київ: Наукова думка.
- Зарецкий И. А. 1912. Клад найденный при селе Малая-Перецепина Константиновского уезда Полтавской губернии. *Труды Полтавской учёной архивной комиссии* IX. Полтава, 181—207.
- Каинов С. Ю. 2001. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника). *Гнездово: 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 54—63.
- Карамзин Н. М. 1842. *История государства Российского*. Кн. 1. Т. 1—4. Санкт-Петербург.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие*. Вып. 1: *Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград.
- Кирпичников А. 2007. Мечи типа ULFBERHT на Востоке. *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи*. Чернігів: Деснянська правда, 82—90.
- Книга Большому Чертежу. 1950. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Кобалія Д. Р. 2013. Нові монооксили. Результати роботи ЕПАР у 2012 році. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 42—50.
- Ковальова І. Ф. 2003. До ювілею Дніпрогесівської археологічної експедиції. *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДНУ, 4—13.
- Козловський А. О. 1992. *Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст.* Київ: Наукова думка.
- Козловський А. О., Ільїнський В. Є. 1991. Козацькі старожитності Пониззя Дніпра. *Археологія* (4), 48—56.
- Козубовський Ф. 1934. *Археологічні дослідження на Дніпрелітані*. [Київ]. Научный архив ИА НАНУ. Ф. 18. № 130а.
- Комар А. В. 2014. Мечи Днепростроя (к истории находки 1928 г.). *Русь в X—XII вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, в печати.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей*. Москва: Наука.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Королев А. 2011. *Святослав*. Молодая гвардия.
- Кропоткин В. В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. САИ Е4—4. Москва: АН СССР.
- Кукушкина и др. 1994: Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н. 1994. Описание миниатюр Радзивилловской летописи. *Радзивилловская летопись* 2. Санкт-Петербург: Глаголь, 302—397.
- Лебедев Г. С. 2005. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Лев Диякон. 1988. *История*. Москва: Наука.
- Лихачев Д. С. 1979. *Поэтика древнерусской литературы*. Москва: Наука.
- Лызлов А. 1990. *Скифская история*. Москва: Наука.
- Ляскоронский В. Г. 1907. *Русские походы в степи в удельно-вечное время*. Санкт-Петербург.
- Макаревский Ф. 1880. *Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия*. Екатеринослав.
- Макаренко Н. Е. 1912. Перецепинский клад. ИАК 46, 207—211.
- Мальгин Т. С. 1789. *Зерцало российских государей с 862 по 1789 год*. Санкт-Петербург.
- Мартенс Г. Г. 1931. *Шоденники археологічних робіт: Котлован середньої протоки Дніпра*. Кічкас. НА ІА НАНУ. Ф. 6. № 79а. Л. 41—42.
- Мацулевич Л. А. 1959. *Войсковой знак V в. Византийский временник XVI*. Москва, 183—205.
- Міллер М. 1930. *Короткий попередній звіт за археологічні дослідження та розкопки на терені Дніпрозаводбуду*. Таганрог. Научный архив ИА НАНУ. Ф-18. № 77.
- Миллер М. А. 1938. *Материалы к истории Поднепровья*. Научный архив ИА НАНУ. Ф. 16. № 146.
- Міллер М. 1946. *Могила князя Святослава*. Женева: Український морський інститут.
- Міллер М. 1947. *Ще за могилу князя Святослава*. *Чорноморський збірник* 10. Женева, 57—60.
- Міллер М. 1951. *Могила князя Святослава*. Виннипег: Культура й освіта.
- Миллер М. А. 1954. *Археология в СССР*. Мюнхен: ИИИИ СССР.
- Міллер М. 1956. *Дніпрелітанівська археологічна експедиція Наркомосу України (1927—1932)*. *Науковий збірник Українського вільного університету VI*. Мюнхен, 147—166.
- Нестуля О. 2007. Грінченко Володимир Автономович. *Реабілітовані історією*. Київ; Полтава: Оріяна, 114—118.
- Німчук В. В. 1992. *Давньоруська спадщина в лексикі української мови*. Київ: Наукова думка.
- Новицький Я. 2007. *Твори*. Т. 1—2. Запоріжжя: АА Тан-дем.
- Остапенко М. А., Нефьодов В. В. 2013. Меч эпохи князя Святослава на шляху з варяг в греки. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 51—63.
- Пазинич В. Г. 2007. *Геоморфологічний літопис Великого Дніпра*. Ніжин: Гідромакс.
- Пастернак Я. 1961. *Археологія України*. Торонто: Наукове Товариство ім. Шевченка.
- Подобедова О. И. 1964. *Миниатюры исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания*. Москва: Наука.
- Попандопуло З. Х. 2012. *Фотопамять о Днепростроевской экспедиции*. *Музейний вісник* 12. Запоріжжя, 265—269.
- ПСРЛ 2000: *Полное собрание русских летописей*. 2000. Т. 1—2. Москва: Языки славянской культуры.
- Равдоникас В. И. 1933. *Надписи и знаки на мечах из Днепростроя*. *Известия ГАИМК* 100, 598—616.
- Радзивилловская летопись*. 1994. Кн. 1. Факсимильное воспроизведение рукописи. Санкт-Петербург: Глаголь.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Торговля и торговые пути. История культуры Древней Руси. Домонгольский период*. Т. I: *Материальная культура*. Москва; Ленинград: АН СССР, 315—369.

- Рыбаков Б. А. 1950. Уличи (историко-географические заметки). *КСИИМК* 35, 3—17.
- Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы. *СА XVII*, 23—104.
- Рыбаков Б. А. 1964. *Первые века русской истории*. Москва: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1982. *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1984. *Из истории культуры Древней Руси*. Москва: МГУ.
- Саричев В. Д. 2012. Мініатюра Радзивілівського літопису в системі джерел про останній бій Святослава. *Музейний вісник* 12. Запоріжжя, 46—260.
- Саричев В. Д. 2013. Мініатюра Радзивілівського літопису в системі джерел про останній бій Святослава. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 114—131.
- Скилиця. 1988. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. В: Лев Диакон. *История*. Москва: Наука, 121—133.
- Сміленко А. Т. 1975. *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Сморжевская О. А., Шиженский Р. В. 2010. *Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки*. Нижний Новгород: НГПУ.
- Сокульский и др. 1977: Сокульский А. Л., Шевченко Т. К., Бодянский А. В., Рогожкина Л. В. 1977. Раскопки славянского поселения на острове Хортица. *АО* 1976 г., 373—374.
- Сокульський А. Л., Сокульський Є. А. 2012. Меч «Володимира Кальцева» з дна Дніпра біля острова Хортиця. *Гілея. Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки* 56 (1). Київ, 167—170.
- Старостін В. 2010. Пам'ятник над Ненаситцем. *Експедиція XXI* 12 (102). Дніпропетровськ, 8—9.
- Строкова Л. В. 1983. Славянские древности Днепровского Надпорожья в материалах Днепровско-Запорожской экспедиции 1927—1932 гг. *Древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, 28—32.
- Татищев В. Н. 1768. *История Российская*. Т. 1. Москва.
- Тесленко Д. І., Фанигін Ю. Ю. 2008. Михайло Олександрович Міллер — людина і учений в епоху гуманітарних катастроф. *Вопросы германской истории*. Дніпропетровськ: ДНУ, 70—102.
- Толочко А. П. 2005. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев: Критика.
- Фещенко І. М. 1940. *Историческое прошлое территории Днепровгэса и порожистой части Днепра*. НА ИА НАНУ. Ф. 8. №4.
- Худяков М. Г. 1935. Издания Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра по археологии в 1933 и 1934 гг. *СЭ* (2), 191—197.
- Чернышев Н. А. 1963. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепрострое в 1928 г. *Скандинавский сборник VI*. Таллин, 211—226.
- Чертков А. Д. 1843. *Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—974 годах*. Москва.
- Шаповалов Г. И. 1991. Подводные исследования судов X—XI и XIV—XV вв. у острова Хортица. *ДСПуК* 2, 174—179.
- Шаповалов Г. И. 2002. Де загинув князь Святослав Ігоревич? *Література та культура Полісся* 20. Ніжин, 23—29.
- Шаповалов Г. И. 2003. До питання про місце загибелі та поховання князя Святослава Ігоревича. *Культурологічний вісник* 10. Запоріжжя, 3—7.
- Шаповалов Г. И. 2010. Підводна археологія Запоріжжя: досягнення і перспективи. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 2. Запоріжжя, 4—12.
- Шилов Ю. О. 2001. *Святині*. Київ: Миронівська друкарня.
- Ширяев А. Г. 2007. О месте гибели Святослава Игоревича. *Музейный вестник* 7. Запоріжжя, 58—61.
- Эварницкий Д. 1898. *Вольности запорожских казаков*. Санкт-Петербург.
- Яворницький Д. І. 1990. *Історія запорізьких козаків* 1. Київ: Наукова думка.
- Яворницький Д. І. 2010а. Археологічні дослідження на дніпрових порогах 1927—1929 рр. *Дніпрогесівська археологічна експедиція 1927—1932 рр. (Звіти Д. І. Яворницького)*. Старожитності Південної України 23. Запоріжжя, 23—35.
- Яворницький Д. 2010б. Справоздання Запорізької Науково-Археологічної експедиції по дослідженню території Дніпрельстану, Дніпрозаводбуду й порожистої ланки Дніпра за її роботу протягом року 1930-го. Археологічні дослідження на дніпрових порогах 1927—1929 рр. *Дніпрогесівська археологічна експедиція 1927—1932 рр. (Звіти Д. І. Яворницького)*. Старожитності Південної України 23. Запоріжжя, 36—47.
- Duczko W. 2004. *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden; Boston: Brill.
- Le Vasseur de Beauplan G. 1660. *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne*. Rouen.
- Petersen J. 1919. *De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaben*. Kristiania.
- Schottin R. 1866. *Tagebuch des Erich Lassota von Steblau*. Galle.

References

- Amelkin, A. O. 2003. In *Nasledie A. N. Afanas'eva i problemy ego izucheniiia* (A. N. Afanasyev's Heritage and Issues of its Research). Voronezh: VGU, 112—121 (in Russian).
- Androshchuk, F. A. 2001. In *Gnezdovo: 125 let issledovaniia pamiatnika* (Gnezdovo: 125 Years of Research on the Site). Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 126—135 (in Russian).
- Androshchuk, F. A. 2010. In *Kraeugol'nyi kamen' (Cornerstone)* 1. Moscow: Lomonosov, 72—93 (in Russian).
- Androshchuk, F. 2013. *Mechi vikingov (Vikings' Swords)*. Kiev: Prostir (in Russian).
- Biletskyj, A. V. 2012. In *Problemy arkheologii Podniprova (Issues in Archaeology of the Dnieper Basin)*. Dnepropetrovsk: DNU, 40—49 (in Ukrainian).
- Bilokin, S. 2008. In *Zapysky L'vivs'koï naukovoï biblioteki im. V. Stefanyka* (Notes of V. Stefanyk Academic Library in Lvov) 16 (1). Lvov, 223—236 (in Ukrainian).
- Borisov, V. 1910. *Karta Sarmatii (nyneshnei Rossii) vo II veke do R. Khr. po grecheskomu geografu Ptolemeiu* (Map of Sarmatia (Russia today) in 2nd c. BC by the Greek Geographer Ptolemy) 2. Kovna (in Russian).
- Brajchevskaya, A. T. 1962. In *Arkheologichni pam'yatky URSS (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* XII. Kiev, 167—176 (in Ukrainian).
- Vechevskov, I. I. (Iakov). 1910. In *Letopis' Ekaterinoslavskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Chronicle of Ekaterinoslav Archival Academic Committee) 6. Ekaterinoslav, 38—88 (in Russian).
- Videiko, M. Yu. 2009. *Ukraina: ot Antov do Rusi*. Kiev: Krion (in Russian).
- Gavriluk, N. A., Ostapenko, M. A. 2010. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh* (Underwater Research: Archaeology. History. Diving). 2. Zaporozhye,

№5. 2014

- 13—27 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1929. *Korotke zvidomlennya za arkeolohichni roboty obabich Dnipra vid Kichkasu do Vil'noho porohu na Zaporizhzhii* (lito 1928 r.) (Brief Information on Archaeological Surveys Along the Dnieper from Kichkas to the Volny Rapids in Zaporozhye (summer 1928)). Dnepropetrovsk. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 18. № 30 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1937. *Pam'yatnyk VIII v. vidkrytyj bilya s. Voznesenky na Zaporizhzhii 1930 r.* (Site of 18 c. Discovered near v. Voznesenky in Zaporozhye, 1930). Kiev. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. G/1 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1950. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (3), 37—63 (in Ukrainian).
- Drovosekova, O. V. 2009. In *Muzejnyj visnyk* (Museum Bulletin) 9. Zaporozhye, 204—214 (in Ukrainian).
- Drovosekova, O. V. (ed.). 2010. «Voznesens'kyj skarb»: *Dvi doli, dva pohlyady...* ("Voznesensky Hoard": Two Parts, Two Views...). *Povernuta spadshchyna* (The Returned Heritage) 7. Zaporozhye: Stat i K° (in Ukrainian).
- Catherine II. 1901. *Sochineniia imperatritsy Ekateriny II* (Works of Empress Catherine II the Great). Vol. 8. Saint Petersburg (in Russian).
- Epistolyarna spadshchyna akademika D. I. Yavornyts'koho* (Epistolary Heritage of Academician D.I. Yavornytsky). 2012. Vol. 6. Dnepropetrovsk: Art-Pres (in Ukrainian).
- Strizhak, O. S. (ed.). 1985. *Etimologichnii slovník litopisnykh geografichnykh nazv Pivdennoi Rusi* (Etymological Dictionary of Place Names in Southern Russia). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaretsky, I. A. 1912. In *Trudy Poltavskoi uchenoi arkhivnoi komisii* (Proceedings of Poltava Archival Academic Committee) IX. Poltava, 181—207 (in Russian).
- Kainov, S. Yu. 2001. In *Gnezdovo: 125 let issledovaniia pamiatnika* (Gnezdovo: 125 Years of Research on the Site). *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 54—63 (in Russian).
- Karamzin, N. M. 1842. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* (History of the Russian State). Book 1. Vol. 1—4. Saint Petersburg (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (Early Russian Armaments). Issue 1. *Mechi i sabli IX—XIII vv.* (Swords and Sabers of 9th—13th cc.). Svod arkeologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad (in Russian).
- Kirpichnikov, A. 2007. In *Chernihiv u seredn'ovichnij ta rann'omodernij istorii Tsentral'no-Skhidnoi Yevropy* (Chernigov in Medieval and Early Modern History of Central-Eastern Europe). Chernigov: Desnyans'ka pravda, 82—90 (in Russian).
- Kniga Bol'shomu Chertezhu* (Big Plate Book). 1950. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Kobaliya, D. R. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh.* (Underwater Research: Archaeology. History. Diving.) 5. Zaporozhye, 42—50 (in Ukrainian).
- Kovaliova, I. F. 2003. In *Problemy arkeolohii Podniprova* (Issues in Archaeology of the Dnieper Basin). Dnepropetrovsk: DNU, 4—13 (in Ukrainian).
- Kozlovsky, A. O. 1992. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Pivdennoho Podniprova v IX—XIV st.* (Historical and Cultural Development of Southern Dnieper Basin in 9th—14th cc.). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Kozlovsky, A. O., Ilynsky, V. E. 1991. In *Arkheolohiya* (4), 48—56 (in Ukrainian).
- Kozubovsky, F. 1934. *Arkheolohichni doslidzhennya na Dniprel'stani* (Archaeological Research on Dneprelstan). [Kiev]. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 18. № 130a (in Ukrainian).
- Komar, A. V. 2014. In *Rus' v X—XII vv.: obschestvo, gosudarstvo, kul'tura* (Rus' in 10th—12th cc.: society, state, culture). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, in print (in Russian).
- Constantine Porphyrogenetos. 1991. *Ob upravlenii imperiei* (On the Administration of the Empire). Moscow: Nauka (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv.* (Russian Hoards of 9th—13th cc.). Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Korolev, A. 2011. *Sviatoslav* (Sviatoslav I of Kiev). Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).
- Kropotkin, V. V. 1962. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR* (Hoards of Byzantine Coins on the Territory of the USSR). Svod arkeologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—4. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Kukushkina, M. V., Belobrova, O. A., Amosov, A. A., Sergeeva, I. N. 1994. In *Radzivilovskaia letopis'* (Radzivil Chronicle) 2. Saint Petersburg: Glagol', 302—397 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 2005. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* (Vikings' Time in Northern Europe and Rus'). Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Leo the Deacon. 1988. *Istoriia* (The History). Moscow: Nauka (in Russian).
- Likhachev, D. S. 1979. *Poetika drevnerusskoi literatury* (Poetics of the Early Russian Literature). Moscow: Nauka (in Russian).
- Lyzlov, A. 1990. *Skifskaiia istoriia* (Scythian History). Moscow: Nauka (in Russian).
- Lyaskoronsky, V. G. 1907. *Russkie pokhody v stepi v udel'no-vechevoe vremia* (Russian Raids into the Steppes during the Demesne and Popular Assembly Time). Saint Petersburg (in Russian).
- Makarevsky, F. 1880. *Materialy dlia istoriko-statisticheskogo opisaniia Ekaterinoslavskoi Eparkhii: Tserkvi i prikhody proshedshego XVIII stoletii* (Materials for Historical and Statistical Description of Ekaterinoslav Episcopate: Churches and Parishes of the Past 18th c.). Ekaterinoslav (in Russian).
- Makarenko, N. E. 1912. In *Izvestiia Imperatorskoi arkeologicheskoi komissii* (Reports of the Imperial Archaeological Commission) 46, 207—211 (in Russian).
- Malgin, T. S. 1789. *Zertsalo rossiiskikh gosudarei s 862 po 1789 god* (Speculum of the Russian Emperors from 862 to 1789). Saint Petersburg (in Russian).
- Martens, G. G. 1931. *Shchodennyky arkeolohichnykh robit: Kotlovan seredn'oi protoky Dnipra. Kichkas* (Journals of Archaeological Works: The Trench of the Dnieper's Middle Stream. Kichkas). Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.6. № 79a. L.41—42 (in Ukrainian).
- Matsulevich, L. A. 1959. In *Vizantiiskii vremennik* (Byzantine Yearbook) XVI. Moscow, 183—205 (in Russian).
- Miller, M. 1930. *Korotkyj poperednij zvit za arkeolohichni doslidy ta rozkopy na tereni Dniprozavodbudu* (Brief Preliminary Report on Archaeological Research and Excavations on the Territory of Dneprozavodbud). Taganrog. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.18. № 77 (in Ukrainian).
- Miller, M. A. 1938. *Materialy k istorii Podneprov'ia* (Materials towards History of the Dnieper Basin). Nauchnyi arkhiv Instituta arkeologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.16. № 146 (in Russian).
- Miller, M. 1946. *Mogila kniazia Sviatoslava* (Knyaz Sviatoslav's Grave). Geneva: Ukrain'skii mors'kii institut (in Russian).
- Miller, M. 1947. In *Chornomors'kyj zbirnyk* (Black Sea Volume) 10. Geneva, 57—60 (in Ukrainian).
- Miller, M. 1951. *Mogila kniazia Sviatoslava* (Knyaz Sviatoslav's Grave). Winnipeg: Kul'tura i osvita (in Ukrainian).
- Miller, M. A. 1954. *Arkheologiiia v SSSR* (Archaeology in the USSR). Munich: IILK SSSR (in Russian).
- Miller, M. 1956. In *Naukovyj zbirnyk Ukrain's'koho vil'noho universytetu* (Scientific Volume of Ukrainian Free University) VI. Munich, 147—166 (in Ukrainian).
- Nestulya, O. 2007. In *Reabilitovani istoriyeyu* (Rehabilitated by History). Kiev; Poltava: Oriyana, 114—118 (in Ukrainian).
- Nimchuk, V. V. 1992. *Davn'orus'ka spadshchyna v leksytsi ukrains'koi movy* (Early Russian Heritage in Lexics of the Ukrainian Language). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Novitsky, Ya. 2007. *Tvory*. T. 1—2. Zaporozhye: AA Tandem (in Ukrainian).

- Ostapenko, M. A., Nefyodov, V. V. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)*. 5. Zaporozhye, 51—63 (in Ukrainian).
- Pazinich, V. H. 2007. *Heomorfologichnyj litopys Velykoho Dnipra (Geomorphological Chronicle of the Great Dnieper)*. Nezhin: Hidromaks (in Ukrainian).
- Pasternak, Ya. 1961. *Arkheolohiya Ukraïny (Archaeology of Ukraine)*. Toronto: Naukove Tovarystvo im. Shevchenka (in Ukrainian).
- Podobedova, O. I. 1964. *Miniatiury istoricheskikh rukopisei: K istorii russkogo litsevo letopisaniia (Miniatures of Historical Manuscripts: Towards History of the Russian Personal Chronicles)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh. 2012. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 12. Zaporozhye, 265—269 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Full Collection of Russian Chronicles). 2000. Vol. 1—2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1933. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 100, 598—616 (in Russian).
- Radzivilovskaia letopis' (Radzivil Chronicle). 1994. Book 1. Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi (Facsimile Reproduction of Manuscript). Saint Petersburg: Glagol' (in Old Russian).
- Rybakov, B. A. 1948. In *Istoriia kul'tury Drevnei Rusi. Domongol'skii period (History of Culture of the Ancient Rus'. Pre-Mongol Time)*. T. I: Material'naia kul'tura (Material culture). Moscow; Leningrad: AN SSSR, 315—369 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* 35, 3—17 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XVII, 23—104 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1964. *Pervye veka russkoi istorii (First Centuries of the Russian History)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1982. *Kievskaiia Rus' i russkie kniazhestva XII—XIII vv. (Kievan Rus' and Russian Principalities in 12th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1984. *Iz istorii kul'tury Drevnei Rusi (From Cultural History of Early Rus')*. Moscow: MGU (in Russian).
- Sarichev, V. D. 2012. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 12. Zaporozhye, 246—260 (in Ukrainian).
- Sarichev, V. D. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)*. 5. Zaporozhye, 114—131 (in Ukrainian).
- John Skylitzes. 1988. In *Leo the Deacon. Istoriia (The History)*. Moscow: Nauka, 121—133 (in Russian).
- Smilenko, A. T. 1975. *Slov'yany ta ikh susidy v Stepovomu Podniprovi (II—XIII st.) (Slavs and their Neighbors in the Steppe Denieper Area (2nd—13th cc.))*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Smorzhevskaya, O. A., Shizhensky, R. V. 2010. *Sovremennoe iazychestvo v religiozno-kul'turnoi zhizni: istoricheskie ocherki (Modern Paganism in Religious and Cultural Life: Historical Sketches)*. Nizhny Novgorod: NGPU (in Russian).
- Sokulsky, A. L., Shevchenko, T. K., Bodyansky, A. V., Rogozhkina L. V. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Archaeological researches in 1976)*, 373—374 (in Russian).
- Sokulsky, A. L., Sokulsky, E. A. 2012. In *Hileya. Istorychni nauky. Filosofs'ki nauky. Politychni nauky (Gileya. Historical Disciplines. Philosophical Disciplines. Political Disciplines)* 56 (1). Kiev, 167—170 (in Ukrainian).
- Starostin, V. 2010. In *Ekspedytsiia (Expedition)* XXI 12 (102). Dnepropetrovsk, 8—9 (in Ukrainian).
- Strokova, L. V. 1983. In *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia III—I tys. do n. e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Basin in III—I Millennia BC)*. Dnepropetrovsk: DGU, 28—32 (in Russian).
- Tatishchev, V. N. 1768. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 1. Moscow (in Russian).
- Teslenko, D. I., Fanigin, Yu. Yu. 2008. In *Voprosy germanskoi istorii (Issues of German History)*. Dnepropetrovsk: DNU, 70—102 (in Ukrainian).
- Tolochko, A. P. 2005. «Istoriia Rossiiskaia» Vasiliia Tatishcheva: istochniki i izvestiia (Vasily Tatishchev's 'Russian History': Sources and Accounts). Kiev: Kritika (in Russian).
- Feshchenko, I. M. 1940. *Istoricheskoe proshloe territorii Dneprogesa i porozhistoi chasti Dnepra (Historical Past of Dneproges and Dnieper Rapids Area)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukraïny (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 8. № 4 (in Russian).
- Khudyakov, M. G. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 191—197 (in Russian).
- Chernyshev, N. A. 1963. In *Skandinavskii sbornik (Scandinavian Volume)* VI. Tallin, 211—226 (in Russian).
- Chertkov, A. D. 1843. *Opisanie voyny velikogo kniazia Sviatoslava Igorevicha protiv bolgar i grekov v 967—974 godakh (Description of War between the Great Knyaz Sviatoslav Igorevich and Bulgarians and Greeks in 967—974)*. Moscow (in Russian).
- Shapovalov, G. I. 1991. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* 2, 174—179 (in Russian).
- Shapovalov, G. I. 2002. In *Literatura ta kul'tura Polissya (Literature and Culture of Polesse)* 20. Nezhin, 23—29 (in Ukrainian).
- Shapovalov, G. I. 2003. In *Kul'turolohiichnyj visnyk (Culturological Bulletin)* 10. Zaporozhye, 3—7 (in Ukrainian).
- Shapovalov, G. I. 2010. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)* 2. Zaporozhye, 4—12 (in Ukrainian).
- Shilov, Yu. O. 2001. *Svyatyni (Sanctuaries)*. Kiev: Myroniv'ska drukarnia (in Ukrainian).
- Shiryayev, A. G. 2007. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 7. Zaporozhye, 58—61 (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1898. *Vol'nosty zaporozhskykh kazakov (Liberties of Zaporozhye Cossacks)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1990. *Istoriya zaporiz'kykh kozakiv (History of Zaporozhye Cossacks)* 1. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Yavornitsky, D. I. 2010. In *Dniprohesivs'ka arkheolohichna ekspeditsiia 1927—1932 rr. (Zvity D. I. Yavornyts'koho) (Dneproges Archaeological Expedition in 1927—1932 (D. I. Yavornitsky's Reports))*. Starozhytnosti Pivdennoi Ukraïny (Southern Ukrainian Antiquities) 23. Zaporozhye, 23—35 (in Ukrainian).
- Yavornitsky, D. I. 2010. In *Dniprohesivs'ka arkheolohichna ekspeditsiia 1927—1932 rr. (Zvity D. I. Yavornyts'koho) (Dneproges Archaeological Expedition in 1927—1932 (D. I. Yavornitsky's Reports))*. Starozhytnosti Pivdennoi Ukraïny (Southern Ukrainian Antiquities) 23. Zaporozhye, 36—47 (in Ukrainian).
- Duczko, W. 2004. *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden; Boston: Brill.
- Le Vasseur de Beauplan, G. 1660. *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs prouvinces du royaume de Pologne*. Rouen.
- Petersen, J. 1919. *De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaben*. Kristiania.
- Schottin, R. 1866. *Tagebuch des Erich Lassota von Steblau*. Galle.

Статья поступила в номер 7 апреля 2014 г.

Oleksii Komar (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Oleksii Komar (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: akomar@mail.ru

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

Я. В. Пилипчук

Сколько было кыпчаков? (К вопросу о достоверности сведений источников о количестве населения западноевразийских степей)

Keywords: West-Eurasian Steppe, Kipchaks, strength, population, mobilization capabilities, army, nomads, warriors.

Cuvinte cheie: stepele vest-eurasiatice, cîpceaci, număr, capacități de mobilizare, armată, nomazi, războinici.

Ключевые слова: западноевразийские степи, кыпчаки, численность, мобилизационные возможности, войско, кочевники, воины.

Ya. V. Pylypchuk

How Many Kipchaks? (On the question of the reliability of the data provided by written sources on population of West-Eurasian steppes)

This article questions on the number of Kipchak and population of Dasht-i-Qipchaq. The subject of this study is population of Qipchaq steppe in 11th—13th centuries. The aim is to obtain a relatively reliable data on the population in different Qipchaq Khanates. To ensure more objectivity, comparative-historical method was used by which the author has compared the number of Qipchaqs with the number of earlier or later nomads. Much of the statistics of earlier eras about population of this region are inflated by the chroniclers and geographers and deliberately exaggerated figures were reported. Statistical data of the 19th century are not relevant, since the conditions of nomadic life have improved significantly compared to previous eras. The arithmetic mean of the population can't be applied for characterizing population of West-Eurasian steppes, as the size of individual clans, tribes and tribal unions differed. All estimates of the size of nomadic tribes are hypothetical in nature and are very approximate. The greatest Khanate could have between 150 to 200 thousand people. Some tribes could have between 10 to 50 thousand. Population of Dasht-i-Qipchaq from the Danube to the Irtysh total led about 1 million people.

Ya. V. Pylypchuk

Cât de mulți cîpceaci erau? (Despre veridicitatea informațiilor cu privire la numărul populației stepelor vest-eurasiatice, parvenite din izvoare scrise)

Prezentul articol reprezintă o tentativă de estimare a numărului total de cîpceaci din stepele vest-eurasiatice în sec. XI—XIII și a numărului populației din Dașt-i-Cîpceac. Scopul acestui studiu este obținerea unor date relativ veridice despre numărul populației din diversele hanate cîpceace. Autorul a utilizat analiza comparativă, care a permis compararea numărului cîpceacilor cu cel al nomazilor mai timpurii sau mai târzii. Multe date statistice cu privire la populația epocilor mai vechi din regiunea studiată sunt prea înalte, cronicarii și geografii sporind intenționat datele despre populația de aici. Datele statistice din sec. XIX nu sunt relevante, din cauza că, condițiile de viață ale nomazilor au devenit mult mai bune față de epocile premergătoare. Utilizarea mediei aritmetice pentru estimarea numărului populației din stepele vest-eurasiatice este imposibilă, dimensiunile diferitor formațiuni gentile, triburi și uniuni de triburi variind de la caz la caz. Toate estimările numărului populației comunităților stepice sunt ipotetice și foarte aproximative. Hanatele cele mai mari puteau conține 150—200 mii locuitori. Triburi aparte puteau număra de la 10 la 50 mii locuitori. Populația totală a Dașt-i-Cîpceac putea însuma în jur de 1 milion locuitori.

Я. В. Пилипчук

Сколько было кыпчаков? (К вопросу о достоверности сведений источников о количестве населения западноевразийских степей)

Данная статья посвящена исследованию вопроса о численности кыпчаков и в целом населения кыпчакских степей (Дешт-и-Кыпчак) в XI—XIII вв. Целью работы является получение относительно достоверных данных о численности населения в разных кыпчакских ханствах. Для большей объективности был использован сравнительный анализ, благодаря которому автор сопоставил данные о количестве кыпчаков с численностью более ранних или поздних кочевников. Многие численные данные более ранних эпох относительно населения этого региона завышены, поскольку хронисты и географы сообщали заведомо преувеличенные цифры. Статистические данные XIX в. не релевантны, поскольку условия жизни кочевников намного улучшились по сравнению с прежними эпохами. Невозможно применять среднее арифметическое при характеристике населения западноевразийских степей, поскольку размеры отдельных родов, племен и племенных союзов отличались. Все оценки численности кочевых народов имеют гипотетический характер и очень приблизительны. По нашим данным, наибольшие ханства могли насчитывать от 150 до 200 тыс. чел. населения, отдельные племена — от 10 до 50 тыс. чел., а общее население Дешт-и-Кыпчак от Дуная до Иртыша должно было составлять около 1 млн. чел.

Одним из актуальных вопросов истории кыпчаков является вопрос об их количестве — войск и населения, в Дешт-и-Кыпчак. До сих пор в историографии не было отдельных работ, посвященных исследованию этой проблемы. В существующих работах высказывались отдельные соображения относительно количества кыпчаков на части территорий Дешт-и-Кыпчак. Среди их авторов нужно упомянуть о С. А. Плетневой, В. Спинее, Н. Беренд, А. Палоци-Хорвате (Плетнева 1990; Spinei 1986; 2003; 2008; 2009; Berend 2001; Paloczi-Norvath 1989). Задачами предлагаемого исследования является сбор данных и реконструкция приблизительной численности населения на территориях Дешт-и-Кыпчак. Для получения более объективных данных необходимо сравнить численность кыпчаков с другими кочевниками западноевразийских степей.

Сведения о численности кыпчаков в письменных источниках и историографии

Следует поставить под сомнение утверждения в российской и венгерской историографии о 40 тыс. чел. как об обычном размере кыпчакского племени (Плетнева 1990: 96, 114—115; Berend 2001: 71). На основании сведений «Картлис Цховреба» и хроники Рогерия о 40 тыс. кыпчаков С. А. Плетнева предположила, что средний размер орды насчитывал 20—40 тыс., при этом она считала, что преобладали орды в 40 тыс. Из соображений, что орд в Восточной Европе было 12—15, С. А. Плетнева определила численность кыпчаков в 600 тыс. чел. (Плетнева 1990: 114—117).

А. Тортика принимает эту цифру с существенными оговорками. Он считает ее реальной для всего населения восточноевропейских степей. Исследователь отмечает, что среднее число — это всего лишь допущение, и указывает на разные размеры отдельных родов казахов. Племя могло состоять из 30—40—50 тыс. чел., а племенной союз или кочевой народ — насчитывать 100—200—300 тыс. чел. (Тортика 1999: 159, 167—168). Каганат мог насчитывать 200—500 тыс., а кочевая империя — 1—1,5 млн. Даже если учесть, что Дешт-и-Кыпчак занимал территорию будущего Улуса Джучи (Золотой Орды), то ее кочевое население вряд ли насчитывало более 1,5 млн. При этом следует иметь в виду, что речь идет о периоде, когда государство было единым, племена не враждовали между собой, а единая экономика и огромная территория позволяли минимизировать последствия

джутов. Для кыпчаков эта цифра должна была составлять около 1 млн., даже учитывая, что восточноевропейские степи были продуктивнее, чем центральноазиатские и внутриазиатские. При этом 1 млн. — это все население, включая и подвластное.

Нужно учитывать также исследования А. О. Добролюбского и В. А. Иванова. В Северо-Западном Причерноморье не половцы, а огузы и печенеги составляли большинство населения. О том же свидетельствуют данные о кыпчаках в Зауралье и Заволжье: местное население было в большинстве своем огузами и печенегами. И в вождестве лукоморцев и Шаруканидов было зафиксировано местное огузо-печенежское население. Все кочевое население евразийских степей оценивается в 4,5 млн. с допустимой погрешностью в 0,5—1 млн. (Добролюбский 1986: 54—65; Иванов 2006: 492—503).

Д. А. Расовский считал, что войско, которое в 1091 г. пришло на помощь ромеям против печенегов и которым руководили Боняк и Тугоркан, насчитывало 40 тыс. человек. Псевдо-Роман Диоген получил помощь от Тугоркана, который привел к самозванцу 12-тысячное войско. 7 тыс. кыпчаков тогда погибли, а 3 тыс. попали в плен (Расовский 1939: 106—107; Васильевский 1908; Комнина 1965: VIII, 4—6).

Рассматривая некоторые конкретные примеры, получим меньшие цифры. В эпизоде с Иваном Ростиславичем «Берладником» и ханом Башкордом можно допустить, что летописец несколько преувеличил силы кыпчаков. Башкорду приписывается управление многими кыпчаками. Иван Ростиславич был его союзником, но отказался выдавать ему крестьян, которых кыпчакский правитель хотел взять в плен. Берладников было немного в степях, но если бы кыпчаков было много, то что им мешало воспользоваться численным превосходством, перебить берладников и взять в плен бежавших от них крестьян? Имея такие силы, они вполне могли взять и город Ушицу (Ипатьевская 1962: 497—498). Таким же преувеличением является информация о 20 тыс. воинов Башкорда в 1159 г. В 1156 г. же сказано о многих кыпчаках. Аналогичная фраза была и о кыпчаках под 1164 г. (то есть в 1163 г.) (Ипатьевская 1962: 485, 500—502, 524; Расовский 1939: 123—125).

Д. А. Расовский указывал, что в битве на Стугне Тугоркан руководил войском в 10 тыс. Количество воинов в битвах, когда кыпчаки были во вспомогательных отрядах, ограничивается несколькими сотнями, как это было в битве на Вягре в 1097 г. (Лаврентьевская

1962: 277—279; Ипатьевская 1962: 252—256; Новгородская первая 1950: 19, 203; Расовский 1939: 109).

В 1170 или 1171 г. кыпчаки подошли к Корсуню и стали грабить окрестные села, забирая в плен мужчин и женщин. На обратном пути кыпчаков атаковала дружина Михалка (брата Глеба Юрьевича) в составе ста русинов и 1,5 тыс. берендеев. Летописец указывал, что кыпчаков было 7 тыс. Битва была ожесточенной, но Михалко победил кыпчаков (Лаврентьевская 1962: 358—361; Ипатьевская 1962: 555—559).

В 1109 г. боярин Дмитрий Иворович взял 1000 веж кыпчаков. С. А. Плетнева считала, что каждая вежа включала 35—40 чел., то есть большую семью. Но такие большие семьи не были характерны для кочевников той эпохи. Обычно семья у них насчитывала 4—8 человек. К тому же выражение «1000 веж» могло быть метафорой большого количества кочевников. В тюркских языках термин «сан» мог обозначать тысячу или десять тысяч. Термин же «сансыз» обозначал неисчислимые множества. По данным Ипатьевской летописи, с Оселуком пришло 7 тыс. кочевников. Неизвестно, имел ли летописец в виду всех кыпчаков или только воинов (Ипатьевская 1962: 260, 290—291; Плетнева 1990: 114—115). В 1068 г. силы половцев были оценены в 12 тыс. против 3 тыс. русинов. В Лаврентьевской летописи вместо определенной цифры, содержащейся в Ипатьевской летописи, было указано, что кыпчаков было много. По оценке Д. А. Расовского, на Прилук в 1084 г. напал отряд в 8 тыс. кыпчаков (Ипатьевская 1962: 161; Лаврентьевская 1962: 167—172, 248; Расовский 1939: 103).

Исследователи оценивали кыпчакские отряды под Адрианополем в 1205 г. в 14 тыс. воинов. Источник же — Робер де Клари — сообщал, что кыпчаков было много. Никита Хониат указывал, что скифы, то есть кыпчаки, были очень многочисленными. Жоффруа де Виллардуэн же воздержался от любых количественных оценок (Клари 1986: СХІІ; Виллардуэн 1993: гл. 354—361; Хониат 1862: 377—382; Расовский 2012: 234).

О походе Тюпрака и Камосы в 1127 г. указано, что кыпчаков участвовало 7 тыс. В 1132 и 1203 гг. в войсках Священной Римской империи были вспомогательные отряды кыпчаков. При этом при описании событий 1203 г. в хронике «Деяния Гальберштадских епископов» кыпчаки упомянуты только как *barbarae*. Они были частью войск венгерского короля Имре, которые вместе с чехами напали на Тюрингию. Об этих событиях сооб-

щал и Арнольд Любекский, который писал только о чехах и венграх (Ипатьевская 1962: 290—291; Расовский 1933: 46—47; 1939: 115—116; Майоров 2011: 147). В аналогичном случае в 1158 г. венгры отправили на помощь кайзеру несколько сот венгерских мусульман (Расовский 1933: 46—47). В 1135 г. кыпчакские наемники напали на Вислицу (Анналы Трашки 2013). Вряд ли кыпчакских наемников в этих трех операциях было больше, чем несколько сот в каждом конкретном случае.

Обычно утверждается, что в Грузию мигрировало 40 тыс. кыпчаков. Маттеос Урхазци упоминал о 15 тыс. кыпчаков в составе грузинского войска во время Дидгорской битвы. Однако этой информации не добавляют достоверности сведения о войске сельджуков численностью в несколько сот тысяч человек и войске грузин в 40 тыс. чел. (Golden 1984: 73). Ибн аль-Асир упоминал, что 200 кыпчаков пребывало в авангарде грузинского войска (Ибн аль-Асир 1940: IX—XI). Грузинские источники сообщали о 40 тыс. кыпчаков в грузинском войске и 5 тыс. монаспа. Исследователи предполагали, что вместе с семьями мигрантов могло быть 200—225 тыс. (Golden 1984: 62). Д. А. Расовский указывал, что орда Отрока насчитывала 40—50 тыс. человек (Расовский 1939: 113). С. А. Плетнева предполагала, что в Грузию мигрировали 40 тыс. воинов, в том числе 5 тыс. элитных воинов, но вместе с семьями кыпчаков было около 230—240 тыс. (Плетнева 1990: 96). И. Джавахишвили писал, что в Грузию переселилось 40 тыс. семей кыпчаков (см. Мургулия 1971: 44; Папаскири 1982: 94). Его гипотезу поддержали Ш. Месхия, С. Малакатия, Р. Метревели. Но М. Думбадзе, А. Киквидзе, З. Анчабадзе считали, что переселилось 45 тыс. кыпчакских семей. По М. Мургулия, войско кыпчаков в Грузии насчитывало 50 тыс. воинов (Мургулия 1971: 44). Согласно гипотезе И. Джавахишвили, кыпчаки расселились в Картли. С. Еремян считал, что кыпчаки жили в районе Арича и Агарцина. Ш. Месхия придерживался мнения, что кыпчаков, кроме Картли, расселили еще в Нижнем Картли, в Сомхити (Папаскири 1982: 95—97).

Второй пример — миграция кыпчаков в Венгрию. О количестве переселенцев, учитывая противоречивую информацию письменных источников, исследователи сделали разные предположения. Рогерий сообщал о переселении 40 тыс. кыпчаков (Магистр Рогерий 2012: 19). Матфей Парижский писал о 20 тыс. мигрировавших кыпчаков (Матузова 1979: 154—155, 212—213,

215—216). По версии П. Голубовского, А. Ш. Кадырбаева и С. А. Плетневой, в Венгрию переселилось 40 тыс. кыпчаков (Голубовский 1884: 234; Кадырбаев 1997: 56; Плетнева 1990: 179). А. Палоци-Хорват считает, что количество мигрантов достигло 70—80 тыс. (Paloczi-Horvath 1989: 60—61). И. Дьорффи предположил, что мигрировало 240 тыс. куманов, то есть 40 тыс. семейств. Е. Шюц утверждает, что в Альфельд переселилось 40 тыс. человек или семейств. В. Спинеи утверждает, что среди мигрантов было 40 тыс. воинов (Spinei 2003: 427).

Нужно все-таки учитывать, что куманы (кипчаки), кроме Венгрии, мигрировали в Болгарию, Крым, на Кавказ и Русь. Даже если учесть, что в Венгрию переселилось семь племен, то мигрантов было не больше 100 тыс. Скорее всего, их было около 70 тыс., а воинов было 14 тыс. По средневековым меркам это было большое войско.

Н. Беренд полагает, что количество переселенцев, указанное в хрониках, — 40 тыс. — было не реальным отражением действительности, а шаблоном средневековой европейской исторической традиции, который обозначал большое количество «варваров» и который использовался по отношению к варварским народам (Berend 2001: 71).

На данном этапе развития исторической науки нужно отказаться от практики вычисления и использования некоего среднего арифметического для подсчета количества евразийских кочевников. Цифра 40 тыс. — не больше чем фигура речи. Это идеальная конструкция, имеющая мало отношения к реальности. Рассмотрим конкретные примеры и сравним сведения о кыпчаках с данными о более ранних кочевниках.

Количество кочевого населения западноевразийских степей в докыпчакское время

Иордан сообщал об огромном множестве воинов-гуннов и их союзников в битве на Каталаунском поле. Куда ближе к реальности должна быть оценка Иорданом войска гуннов в битве при Недао. Количество погибших гуннов оценено им в 30 тыс. Скорее всего, их войско всего насчитывало 30 тыс., что означает 150 тыс. человек кочевого населения. 165 тыс. погибших с обеих сторон в битве на Каталаунских полях — это существенное преувеличение Иордана. Такие потери в бою войска не несли за день и в индустриальную эпоху, не говоря уже о времени античности и средневековья. Ведь вспомним,

что обеспечение 10 тыс. гуннов в Илирике вызвало паралич для балканских провинций Римской империи. Что уже говорить о больших проблемах для Венгрии после переселения туда гораздо большей массы кыпчаков. Количество 30 тыс. гуннов, возможно, охватывает все гуннские племена, поскольку Руя и Аттила объединили их в единой конфедерации племен (Иордан 2001: 217, 260—263; Томпсон 2008: 207—208, 215; Никоноров, Худяков 2004: 187).

Есть отрывочные сведения источников о численности кутригуров и оногуров. Для кутригуров в период до аварского завоевания византийские источники сообщали разные данные. По Прокопию Кесарийскому, для похода 551 г. в Паннонию против лангобардов гепиды наняли 12 тыс. кутригуров. По данным Агафия, для похода 559 г. хан Заберган использовал 7 тыс. В походе 568 г. против Византии аварский каган использовал 10 тыс. воинов-кутригуров (Комар 2004: 172).

А. Комар считает возможным говорить о населении кутригуров в количестве 30—50 тыс. человек. Приблизительно те же цифры ранее озвучил А. Тортика в качестве всего населения причерноморской степи в этот период (Комар 2004: 172).

Михаил Сирийский, живший спустя несколько столетий, определял количество болгар Аспаруха в 10 тыс. человек. Общее количество трех частей булгар, в которые он включил и хазар, он оценивал в 30 тыс. Этим цифрам вряд ли можно доверять, а сведения Иосифа и Феофана о болгарях и хазарах лишены конкретики (Рашев 2006: 41; Артамонов 2001: 132—133, 135—136, 157—158, 180—181; Коковцев 1932; Тортика 1999: 156).

В отношении населения в Аварском каганате, в том числе и болгар, нет достоверных данных. А. Тортика считает, что кочевое население Аварского каганата составляло 150—200 тыс. человек. Указанные Менандром два тумена (20 тыс. авар) в 558 г. — это преимущественно мужчины в войске, оторвавшиеся от тюркютов. Силы откочевавших от тюркютов к аварам племен забендер и тарниах А. Тортика оценивает в 10 тыс. воинов. Авары сообщали византийцам, что их пришло два тумена. Нужно учитывать, что от орды аваров откололись кутригуры Алцека и Кувера. С Алцеком ушло 9 тыс. кутригуров. Думаю, что речь идет обо всем населении, а не только о воинах. От резни кутригуров, устроенной франками в Баварии, во владения лангобардов ушло только 700 человек, и, вероятно, это были только воины (Артамонов 2001: 153, 157—158; Тортика 1999: 155, 164).

Для того чтобы составить представление о том, насколько большими могли быть племена, нужно привлечь и данные о венграх. В арабских источниках сказано о 20 тыс. воинах-венграх (Марвази 2006: 708; Ибн Русте 2006: 703). Из сочинения Константина Багрянородного мы знаем, что венгерских племен было семь, и с ними еще одно хазарское племя (кабары). Если учесть коэффициент соотношения населения к войску, то 20 тыс. воинов должны были предполагать 100 тыс. человек всего населения. Нужно учитывать, что часть земель, пригодных для кочевания и при гуннах, и при аварах, и при венграх, была населена иными этническими группами (Константин Багрянородный 1991: гл. 37; Тортика 1999: 158).

О. Прицак считал, что войско печенегов составляло 400 тыс. чел. Печенеги в X в., по данным Константина Багрянородного, делились на 40 округов (родов) и 8 фем (племен). Каждый округ О. Прицак считал туменом. Племена и роды могли быть разных размеров. Относительно печенегов в 1048 г. Иоанн Скилица считал, что они составляли 13 округов и в общей сложности насчитывали 800 тыс. чел. Для каждого округа О. Прицак считал нормой 72 тыс. 727 чел. Общее количество печенегов исследователь определял в количестве 2,8—3 млн. человек. Анна Комнина сообщала о мириадах погибших печенегов. Это сознательное преувеличение, как и сведения о войске кыпчаков, которое привел во Фракию самозванец псевдо-Роман Диоген. Насколько можно доверять подобным сведениям? Вряд ли Константин Багрянородный, Иоанн Скилица или Анна Комнина самолично побывали среди кочевников. Они представляют читателям обобщенную картину.

Сведения в письменных источниках об огузах также неконкретны: говорится об их великом множестве. Михаил Атталиат сообщал о 600 тыс. огузов, что, безусловно, является существенным преувеличением. Ведь многие огузы были увлечены Сельджукидами в Иран, на Ближний Восток и в Анатолию, где были образованы сельджукские султанаты. Огузы-торки были только частью всей общности огузов, при этом не исключено, что меньшей. Неимоверного множества печенегов и огузов, описанного в источниках, Степь попросту не прокормила бы, поскольку ее ресурсы ограничены и различаются по регионам (Pritsak 1976: 18—21; Комнина 1965: VIII, 4—6, X, 2—4; Константин Багрянородный 1991: гл. 37; Агаджанов 1969: 159—160; Васильевский 1908: 28—31).

О численности населения отдельных кыпчакских вожеств

Чтобы составить представление о мобилизационном потенциале отдельных вожеств, необходимо использовать данные о количестве кочевников, в том числе и пребывавших в Степи позднее, на отдельных территориях. Для этого мы выделяем несколько территориальных комплексов: Подунавье и Причерноморье, Северный Кавказ и Северо-Восточное Приазовье, Приуралье и Приаралье, Центральный Казахстан и Прииртышье.

Подунавье и Причерноморье

Два кыпчакских вожества существовали вблизи Карпат. Одно из них находилось на территории Куманской епископии. Исследователи указывают, что христианство с Бортцом и Мемборком приняло 15 тыс. чел. Наверняка это было все население этого кыпчакского вожества. Нужно учитывать, что на этой территории также проживали еще и бродники и влахи. Вождество орунгутов в Бэрэганской степи вряд ли имело больше населения, чем вождество Бортца, и это племя вряд ли насчитывало больше чем 10 тыс. человек (Spinei 2008: 418—419, 422, 425).

Нужно отметить, что через сто с небольшим лет в районе вблизи Прута существовал золотоордынский улус под командованием Алтамышша. Его войско должно было насчитывать 1—2 тыс. Для победы над ним было достаточно пограничных контингентов венгерских секеев (Вашари 2010: 24—25).

Данные относительно Буджакской орды у разных авторов отличаются. Одни наблюдатели оценивали количество ее воинов в 8—10 тыс. По сведениям Боплана, количество воинов у буджакских татар достигало 15 тыс. Количество же жителей Орды достигало 20—30 тыс. Дмитрий Кантемир указывал, что в 1568 г. в Буджаке жило 30 тыс. татар. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. сообщалось о 5—10 тыс. буджакских татар. В посольском донесении из Стамбула в Париж указывалось о 15 тыс. татар. Таким образом, 15 тыс. — это максимальная цифра, 5 тыс. — минимальная. Вряд ли население Буджака превышало 40 тыс. человек (Яворницкий 1990: 239; Тасин 2013: 168).

Силы правителей из Поднепровья и Крыма должны были превышать силы кочевников Буджака. Так, крымский хан Девлет-Гирей II при Молодях управлял войском в 40 тыс. че-

людей, но еще были ногайцы и черкесы. Максимальное количество воинов — 60 тыс. Летописные 150 тыс. и 20 тыс. янычар являются существенным преувеличением. Да и 100 тыс., указанные в дипломатической переписке, также неправдоподобны (Пенской 2012: 153—155). Часть кочевого населения Крыма к XVII—XVIII вв. осела и жила в городах Старый Крым, Карасубазар, Бахчисарай, Гезлев, Кырк-Ор. Войско, которым командовал сам хан, могло насчитывать максимум 40—60 тыс. воинов. По мнению исследователей, всё население Крымского ханства с вассальными ногайскими ордами могло насчитывать от 250—300 тыс. до 450—600 тыс. человек. Интересно, что летописные источники приводили для владений Мамая численность в 300 или 400 тыс. воинов, что было очень сильно завышено. Ю. Селезнев указывал, что под властью Мамая находилось 9 туменов, и он теоретически мог собрать войско в 90 тыс. Однако вполне возможно, что в походе могло участвовать от 18 до 30 тыс. воинов (Пенской 2010: 57—59; Селезнев 2011: 162—166).

Привлечем данные по ногайским ордам в Буджаке и на Кубани, Едисан, Едичкуль и Крымского ханства. Численность населения Едичкульской орды оценивалась в 20 тыс. дымов, то есть кибиток. Максимально эта ногайская орда могла выставить около 20 тыс. воинов. Обычные размеры войска должны были быть скромнее. Джамбуйлукская орда насчитывала 5 тыс. кибиток. Едисанская орда насчитывала 40 тыс. кибиток и была самой большой из всех ногайских орд Северного Причерноморья. Буджакская ордаставляла войско в 8—10 тыс. Таким образом, общее количество войска в этих ордах в 1625 г. оценивалось в 50 тыс. всадников, а в 1760 г. — в 60 тыс. В 1766 г. в трех ордах, кроме Буджака, было 65 тыс. кибиток. Уже эти подсчеты указывают на то, что искать среднее арифметическое для кочевников не стоит, количество населения было разным в разных ордах, да и отличалось также в разные эпохи. Всего, по подсчетам Д. Скальковского, в Крыму и в ногайских степях обитало 560 тыс. населения. При этом нужно учитывать не только упомянутые четыре ногайские орды и Крым, но также и ногайцев Кубани (Яворницкий 1990: 236—245; Тунманн 1991).

Но в отношении численности ногайских орд есть и более скромные оценки. Между Днепром и Доном, включая Прикубанье, по данным Д. Скальковского, жило 120 тыс. ногайцев. Прикубанские ногайцы из трех улусов вместе насчитывали 10 тыс. семей, что

означает общее население в 50 тыс. Между Кубанью и Доном жило 30 тыс. ногайцев. В Северном Приазовье их было не больше. Но нужно учитывать, что в их территории не входили Крым, Ставропольская возвышенность, Эргени, Нижний Дон. Эти территории были заняты крымскими татарами, донскими и терскими казаками, а также калмыками (Тортика 1999: 160).

Вернемся к кыпчакам. Если их сравнивать с ногайскими ордами и Крымским ханством, то мы сможем сравнить только часть племен. Некоторые владения оказались за границами владений тюркских государств в новое время. Вождество Ит-оглы, известное в славянских источниках как «лукоморские половцы», должно быть наибольшим на западе евразийских степей. В его состав должны были входить часть земель Едисана, Джамбуйлук и Крым. Население владений «приднепровских половцев» было не больше Едичкуля. При этом в источниках есть разделение местных кыпчаков на бурдж-оглы и улаш-оглы. При описаниях нападения кыпчаков на Левобережье указывается максимум 7 тыс. воинов. Общее количество населения в районе — 35 тыс. человек для бурдж-оглы — представляется более реальным. При исследовании количества населения нужно учитывать, что кыпчакские вожди, видимо, часто воевали между собой, потому что обычаи похищать невест и скот должны были приводить к баранте со стороны обиженных соседей. Как отмечал Н. Назаров, взаимная вражда рода с родом и племени с племенем была обычна для среднеазиатских народов (Назаров 1968).

При сравнении Едисана с кыпчакскими вождествами следует учитывать, что его территорию в конце XII в. делили между собой два вождества — кыпчаков дурут и кыпчаков ит-оглы. Максимальный размер вождества дурутов вряд ли превышал половину населения Едисана. То есть цифры (20 тыс.), приведенные Матфеем Парижским и Роджером Бэконом, могли свидетельствовать о максимальном размере вождества Котьяна и количестве его воинов. Но Котьян должен был понести потери в ходе войны с токсоба и монголами, и количество его людей, переселившихся в Венгрию, естественно, должно было быть меньше. Вождество же Боньяка должно было объединять кыпчаков Бэрэганской степи, Буджака и части Едисана. Вспомним, что приблизительно на этой территории в IX веке жили венгры, чьи силы насчитывали 20 тыс. воинов (Матузова 1979: 212—213).

Степи Кавказа и Приазовья

Говоря о численности кыпчаков этого региона, ее можно попробовать сопоставить с данными о кочевниках на этой территории в предшествующие эпохи. Сколько насчитывалось аорсов в Волго-Донье и на Северном Кавказе? Страбон исчисляет их войско под командованием царя Спадина в размере 200 тыс. Но тогда, соответственно, 1 млн. населения — это огромное преувеличение. И. Петров предполагал, что население Великой Булгарии достигало 800 тыс. — 1 млн. чел. Такое население для государств региона просто нереально. Куда более реально 200 тыс. чел. всех аорсов (Плетнева 1990: 149; Скрипкин 2004: 21; Тортика 1999: 157). В Прикубанье кочевали сираки, войско которых насчитывало 20 тыс. (Тунманн 1991; Скрипкин 2004: 22; Лысенко 2003: 43—53).

Для сравнения привлечем также данные о савирах и хазарах. Феофан указывал максимальную численность воинов савиров — 20 тыс. под 521 г. Прокопий Кесарийский упоминал 3 тыс. савиров-наемников в персидском войске в 531 г. В 550—556 гг. на стороне персов воевало 12 тыс. савиров. В то же время в 555 г. на стороне византийцев воевало 2 тыс. наемников савиров. Иоанн Малала определял количество савиров в 100 тыс. По позднему «Дербенд-наме» у хазар в 721—722 гг. было 40 тыс. воинов. Под 737 г. Ибн аль-Асир сообщал о 40 тыс. хазар во главе с Хазар-тарханом. Сведения Йакуби о 50- или 100-тысячном войске хазар, вероятно, завышены. Данные о 300 тыс. воинов-хазар у Ибн аль-Асира и Балазури в 730—731 гг. — это многократное преувеличение сил врага.

Исследователь А. Тортика пришел к мнению, что хазар в VIII в. должно было быть не более 200 тыс. Такую же численность он предполагал для болгар. Это население довольно большого региона — от Крыма и до Прикубанья. Ядро Великой Булгарии под руководством Кубрата в Прикубанье и Восточном Приазовье насчитывало 40—50 тыс. населения. От 30 до 50 тыс. оногуров должны были уйти с Аспарухом на Дунай. В Приазовье и Прикубанье должно было проживать 80—100 тыс. чел. (Тортика 1999: 154—159).

Для Хазарского каганата в качестве максимальной численности кочевого населения можно допустить 300—400 тыс. человек, а всего подвластного населения в 400—500 тыс. Хазары могли мобилизовать против арабов воинов со степей Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Цифра Ибн Халдуна о 50 тыс. тюрок, не пустивших монголов через Дербент,

выглядит сильно завышенной. Дербентские кыпчаки не имели хазарского потенциала (Насави 1996: 77, прим. 17; Артамонов 2001: 99—102, 180—181, 283—287, 293—294, 296—297, 303—304; Жития... 1998; Тортика 1999: 164).

А. Тортика предполагает, что кыпчаки могли насчитывать на Северном Кавказе 230—250 тыс. Он же считал, что кыпчаки не имели конкурентов в борьбе за территорию. Однако в летописях указано, что печенеги и торки воевали около Саркела с кыпчаками, после чего бежали на Русь. Кроме того, нужно отметить соперничество между отдельными группами кыпчаков, в частности, между кыпчаками Отрока и «дербентскими кыпчаками» (Тортика 1999: 154—159).

Обратимся к более позднему времени. Орда кубанских ногайцев насчитывала 10 тыс. семей (Тунманн 1991). Согласно некоторым данным, калмыцкий тайша Хо-Урлюк привел 50 тыс. калмыцких кибиток. В 1630 г. калмыков было 280 тыс. Но в 1741 г. калмыков было уже 228 тыс. 741 чел., — видимо, население уменьшилось вследствие междоусобной борьбы в Калмыцком ханстве. Максимальное количество калмыков на Северном Кавказе, Доне и Волге насчитывало 100 тыс. кибиток. Во время ликвидации Калмыцкого ханства общее население государства насчитывало 350 тыс. чел. И 30 тыс. кибиток калмыков в 1771 г. откочевало через казахские степи в владения Империи Цин. По мнению А. Тортика, в низовья Волги в XVII в. перекочевало не больше 150 тыс., а максимально их было 210 тыс. Резко возросшее количество калмыков в XIX в. было аномалией, вызванной мирной жизнью и улучшившейся медициной. Степь была перегружена населением, а калмыкам не хватало пастбищ. В доиндустриальную эпоху количества населения должно было быть в разы меньше. Максимально Донбук-Омбо выставлял 40 тыс. чел. При этом калмыки ходили в походы также отрядами из 7 тыс., но обычно максимум выставляли 20—30 тыс. То есть, их мобилизационные возможности относительно сопоставимы с хазарами или савирами (История калмыцких ханов 2003; Викторин 2006; Левшин 1996: II, 5; Скрипкин 2004: 22; Тортика 1999: 163).

Территория «дербентских кыпчаков» покрывала территорию Калмыцкого ханства. «Дербентских кыпчаков» возможно сравнить по численности с савирами, хазарами, калмыками, которые контролировали прикаспийские земли. Относительно владений Шаруканидов, то в них должно было состоять четыре орды,

известных по археологическим источникам, а также неучтенное С. Плетневой объединение кыпчаков-ельтуков. При этом во владениях Шаруканидов должно было находиться несколько племен, как минимум, шесть-семь. При переселении в Грузию должна была мигрировать только часть кыпчаков-токсоба, которые были главными в вождестве Шаруканидов. Представляется возможным, что 15 тыс. кыпчаков, упомянутых у Маттеоса Урхаэци, — это общее количество кыпчаков, мигрировавших в Грузию. Воинов из их числа должно было быть не более 3 тыс. Представляется возможным, что в битве при Дидгори принимало участие несколько сот кыпчаков (по аналогии с битвой на Вягре), которые составляли элиту кыпчакского воинства. Кыпчаков должны были расселить на опустошенных сельджуками территориях, которые, впрочем, не были такими уж большими. Таким образом, 40 тыс. чел., упомянутых в грузинской летописи, — это общее количество воинов с владений Шаруканидов в XI—XII вв., а 200 тыс. насчитывало население всей орды под руководством Шаруканидов (Жития... 1998; Golden 1984: 73).

Приуралье и Приаралье

Конфедерация канглов также состояла из нескольких племен. По версии П. Голдена, их было пять племен. Даже если не считать Шаньметгумали и барат (возможно, дурут), это все равно объединение нескольких племен. Антропонимия канглов демонстрирует присутствие в их составе еще двух племен: байаут и эймюр. Для сравнения, по китайским данным, войско владения Яньцай (Алания), которое находилось в том же регионе, насчитывало 100 тыс., а население должно было насчитывать 500 тыс. При этом в китайских источниках отмечалось, что Яньцай (Алания) граничит с Римской империей и Канцзюем, то есть в состав владений алан входили не только земли будущего Младшего жуза, но и будущие калмыцкие и ногайские степи. Но вряд ли китайцы имели объективное представление о войске аланов, тем более что их страна находилась далее, чем Канцзюй и Усунь, а послов в Китай аланы не отправляли. Китайцы могли просто иносказательно сказать, что аланы — очень сильный народ (Голден 2013: 31—38; Боровкова 2001: 100; 2005: 76; Кюннер 1961: I, 7).

Огромные просторы Ногайской орды от Волги до верхнего течения Ишима и от Нижней Сырдарьи до Камы могли иметь от 720 до 960 тыс. населения. Но, кроме ко-

чевого, у ногайцев было и оседлое население. Т. Султанов считал, что в государстве кочевых узбеков, занимавшем восточный Дешт-и-Кыпчак и юг Западной Сибири, жило 1 млн. 240 тыс. или 1 млн. 360 тыс. чел. Кроме того, Казахское ханство Касима насчитывало приблизительно 1 млн. При этом нужно учитывать, что ханство Касима включало также Семиречье, которое не входило в состав Дешт-и-Кыпчак. Когда ногайцы откололись от казахов (в количестве 600 тыс.), то казахский хан Тахир руководил 400 тыс. людей. При этом на Семиречье должно было приходиться 300 тыс. Однако такое население для Восточного Дешт-и-Кыпчак явно является преувеличенным. Тюрки же обозначали ногайцев словом «сансыз» (многочисленные) (Трепавлов 2002: 493—499).

Что касается конкретных сил казахов, воевавших с калмыками, то в 1723 г. против калмыков выступило 15 тыс. войска Абу-л-Хайра, а в 1724 г. в походе участвовало 10—13 тыс. воинов. Абу-л-Хайр обещал в 1723 г. двинуть на калмыков 40 тыс. воинов. Калмыки могли максимально им противопоставить 18 тыс. В 1724 г. в поход на калмыков двинулось 10 тыс. казахов и каракалпачков. И. Тевкелев считал, что казахи Младшего и Среднего жуза могли выставить 130 тыс. воинов и в резерве столько же. Но сведения И. Тевкелева, как и сведения китайских источников о Канцзюе и Алании, вряд ли можно считать достоверными, эти сообщения являлись «пылью в глаза» доверчивым гостям (Бобров 2012: 7—8; Ханыков 1852; Тортика 1999: 161).

Вождеству канглов приблизительно должен был соответствовать Младший жуз. Хан Младшего жуза Нурали обещал выставить 30 тыс., но в поход отправлялись отряды из нескольких тысяч воинов. Максимальная численность местных казахов на рубеже XIX—XX вв. — 1 млн. 100 тыс. По данным П. Кеппена, численность населения этой территории была меньше и составляла 650 тыс. Младший Жуз казахов состоял из четырех племен (Левшин 1996: III, 1; Тортика 1999: 161).

Все население конфедерации канглов должно было быть в пределах 150—200 тыс. чел., а войско — в районе 30—40 тыс. Куда более релевантны и объективны сведения о войсках казахов в XVIII в.

Центральный Казахстан и Прииртышье

Согласно одним китайским данным, войско Канцзюй насчитывало 80—90 тыс., а со-

гласно другим — 120 тыс. Л.А. Боровкова считала, что население Канцзюя могло насчитывать от 400—450 до 600 тыс. населения. Думаем, что эти цифры существенно завышены, и не исключено, что послы Канцзюя и Усуни завышали количество своих воинов и могущество своих государств, чтобы с более выгодных позиций вести переговоры с китайцами. Сами китайские послы вряд ли воочию видели описанное войско. В связи с этим возможно предположить, что войско Канцзюя было вполне сопоставимо с силами казахов в более позднее время, то есть реально было 30 тыс., а теоретически — в районе 70 тыс., но это при поголовной мобилизации (Кюннер 1961: I, 7; Боровкова 2001: 99—100; 2005: 83; Маркварт 2002).

В XVIII в. Средний жуз, по оценкам И.Г. Андреева, мог теоретически выставить 70 тыс. воинов, однако для этого каждая кибитка должна была выставить по два-три человека. Всего насчитывалось 32 790 кибиток. При этом русский источник указывал количество казахов в каждой волости. Абылай реально мог выставить 30 тыс. воинов. Мобилизационный максимум — это 70 тыс., значит, население в Среднем жузе приблизительно соответствовало конфедерации йемеков. Нужно сказать, что И. Тевкелев указывал, что Средний жуз — наиболее многочисленный из всех жузов. Для сравнения у казахов в этом регионе было шесть племен плюс теленгуты и кыргызы (Андреев 1998; Тевкелев 2005).

Китайские источники о владении Усунь сообщали, что во время династии Хань количество войска насчитывало несколько десятков тысяч, то есть, цифры, сопоставимые с казаками Старшего жуза. Один из усуньских вождей, ушедший в Канцзюй, увел вместе с собой 80 тыс. населения (Кюннер 1961: I, 2; Боровкова 2001: 105—106; 2005: 82—83). П. Кеппен оценивал население Старшего жуза в 100 тыс. При этом нужно учитывать, что Семиречье входило в состав империи Цин, то есть, по крайней мере, часть населения этого региона не была учтена русскими (Тортика 1999: 161).

А. Левшин предполагал, что всего казахов было 2,5—3 млн. Младший Жуз, по его мнению, насчитывал 1 млн. 100 тыс., Средний Жуз — 1 млн. 350 тыс. Количество кибиток 190 и 210 тыс. соответственно. По сведениям же казахских исследователей, в Младшем Жузе было 1048537 чел., а в Среднем жузе 1561681 чел. Такая численность стала возможной в XIX в. в условиях мира и стабильности. С другой стороны, рост численности

привел к обнищанию кочевников, поскольку им не хватало пастбищ. Нагрузка на степь была излишней. Кочевники были вынуждены оседать. Население же в XVI—XVIII вв. должно было быть значительно меньшим за счет потерь от войн и эпидемий. П. Кеппен указывал, что 540 тыс. казахов было в Среднем жузе, а 650 тыс. в Малом жузе (Левшин 1996: III, 1; Тортика 1999: 161). Понятно, что ограничения логистики не позволяли собрать в одном месте более 60 тыс. воинов. Казахи максимально собирали 30 тыс. Да и степное войско таких размеров было редкостью (Тевкелев 2005: 305—318).

Кыпчаки, называемые в Лаврентьевской летописи «половцы емяков», а в мусульманских источниках известные как йемеки, могли располагать таким же войском, как казахи и Канцзюй. Эта конфедерация должна была состоять из нескольких племен и в общей сложности насчитывать ок. 150—200 тыс. населения.

Выводы

Итак, сопоставление данных о количестве кыпчаков, указанных в источниках, со сведениями о других кочевниках в другие исторические периоды на разных территориях показывает, что вычисление некоего среднего арифметического для размеров объединений кочевников неправомерно и невозможно. Разные вождества в разное время и на разных территориях насчитывали разное количество воинов и населения. Реконструировать их численность можно только гипотетически. Большие вождества кыпчаков теоретически могли выставить количество воинов в несколько десятков тысяч человек. Однако практически войска кочевников, как правило, ограничивались несколькими тысячами воинов. В войнах, где кыпчаки играли вспомогательную роль, численность кыпчакского контингента насчитывала всего несколько сот, максимум, тысячу элитных воинов. «40 тыс. кыпчакских воинов» — это штамп европейской исторической традиции, описывающей войска варваров. От 150 до 200 тыс. человек должно было насчитывать население наибольших вождеств — ханства Шаруканидов, канглов, йемеков. Естественно, что вовсе не обязательно, чтобы число было круглым. Количество населения варьировало в каждом отдельном вождестве. Все кочевое население Дешт-и Кыпчак от Иртыша до Дуная должно было, по нашему мнению, составлять порядка 1 млн. человек.

Литература

- Агаджанов С. Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии*. Ашхабад: Илим.
- Андреев И. Г. 1998. *Описание Средней Орды киргиз-кайсаков*. Алматы: Гылым.
- Анналы Трашки. 2013. Перевод: Досаев А. С. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Traski/frametext.htm. Дата обращения 15.01.2013.
- Артамонов М. И. 2001. *История хазар*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Лань.
- Бакунин В. 1939. Описание истории калмыцкого народа. Ч. 1. *Красный архив* 94 (3), 189—255.
- Бобров Л. А. 2013. Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты. *Научный Татарстан* 2. Казань, 5—17.
- Боровкова Л. А. 2001. *Царства Западного края в II—I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям Ши Цзи и Хань Шу)*. Москва: Институт востоковедения РАН; Крафт +.
- Боровкова Л. А. 2008. *Народы Средней Азии III—VI веков (по древним китайским и западным источникам)*. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Васильевский В. Г. 1908. Византия и печенеги. В: *Труды Г. В. Василевского*. Т. 1. Санкт-Петербург. URL: http://annales.info/byzant/vasiljevsk/1_01.htm. Дата обращения 15.01.2013.
- Вашари И. 2010. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. *Золотоордынская цивилизация* 3. Казань: Фан; АН РТ, 22—30.
- Викторин В. М. 2006. Российское государство и кочевые народы. В: Кривошеев Ю. В. (ред.). *Россия и степной мир Евразии*. Санкт-Петербург: СПбГУ. URL: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/rgkn/rgkn.htm>. Дата обращения 15.01.2013.
- Виллардуэн 1993: Виллардуэн Жоффруа де. 1993. *Завоевание Константинополя*. Заборов М. А. (пер., ст. и коммент.). Москва: Наука. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext4.htm>. Дата обращения 15.01.2013.
- Голден П. Б. 2013. К вопросу о происхождении племенных названий кипчаков. В: Күмеков Б. Е. (глав. ред.). *Сборник материалов конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники»*. Астана: Министерство образования Республики Казахстан; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 27—45.
- Голубовский П. В. 1884. *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар*. Киев: Университетская типография И. И. Завадского.
- Добролюбовский А. О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Жития... 1998: Жития царя царей Давида 1998. *Символ* 40. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/1080—1100/David/frametext1.htm>. Дата обращения 15.01.2013.
- Ибн аль-Асир. 1940. *Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-хамиль» («Полного свода истории»)* Ибн-ал-Асира. Баку: АзФЭН.
- Ибн Русте. 2006. Книга драгоценных ожерелий. *История татар* 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ; Институт истории им. Ш. Марджани, 699—707.
- Иванов В. А. 2006. Кыпчаки в Восточной Европе. *История татар* 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ; Институт истории им. Ш. Марджани, 492—503.
- Иордан. 2001. *О происхождении и деяниях гетов*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Ипатьевская 1962: *Ипатьевская летопись*. 1962. Воспроизведение текста издания 1908 г. ПСРЛ 2. Москва: Восточная литература.
- История калмыцких ханов 2003. *Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники*. Элиста: Калм. кн. изд-во. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text5.phtml?id=12301. Дата обращения 15.01.2013.
- Кадырбаев А. Ш. 1997. *За пределами Великой степи*. Алматы: Демей.
- Клари 1996: Клари Робер де. 1996. *Завоевание Константинополя*. Заборов М. А. (пер., ст. и коммент.). Москва: Наука.
- Коковцев П. К. 1932. *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Ленинград: АН СССР.
- Комар А. В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. *Сугдейский сборник*. Судак; Киев: Академперіодика, 169—200.
- Комнина Анна. 1965. *Алексиада*. Любарский Я. Н. (пер., вступ. ст., комм.). Москва: Наука.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей*. Литаврин Г. Г., Новосельцев А. П. (ред.). Москва: Наука.
- Кюннер Н. В. 1961. *Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Лаврентьевская 1962: *Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку*. 1962. Воспроизведение текста изд. 1926—1928 гг. Карский Е. Ф. (ред.). ПСРЛ 1. Москва: Восточная литература.
- Левшин А. И. 1996. *Описание кыргыз-казахских или кыргыз-кайсацских гор и степей*. Алматы: Санап.
- Лысенко Н. Н. 2003. Роксоланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия (к вопросу о военно-политических союзах сарматских племен). *Древности Кубани* 19. Краснодар, 43—53.
- Магистр Рогерий. 2012. *Горестная песнь о разорении венгерского королевства татарами*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Майоров О. 2011. *Галицько-волынський князь Роман Мстиславич. Володар, воїн, дипломат* 1. *До вивчення джерел з історії внутрішньої та зовнішньої політики*. Біла Церква: Олександр Пшонківський.
- Марвази 2006: Тахир Марвази. 2006. *Природа животных. История татар* 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ; Институт истории им. Ш. Марджани, 707—709.
- Маркварт И. 2002. *О происхождении народа куманов*. Немирова А. (пер.). URL: <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. Дата обращения 15.01.2013.
- Магузова В. И. 1979. *Английские средневековые источники IX—XIII вв.* Тексты, пер., коммент. Москва: Наука.
- Мургулия Н. П. 1971. Переселение половцев в Грузию. В: Скаба А. Д. (отв. ред.). *Из истории украинско-грузинских связей*. Киев: АН УССР, 40—54.
- Назаров Ф. 1968. *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии*. Москва: Наука. URL: http://az.lib.ru/n/nazarow_f_m/text_1821_zapiski.shtml. Дата обращения 15.01.2013.
- Насави 1996: Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. 1996.

№5. 2014

- Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (*Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*). Бунятов З.М. (изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели). Москва: Восточная литература.
- Никоноров В.П., Худяков Ю.С. 2004. *Свистящие стрелы Маодуня и Марсов меч Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; Москва: Филоматис.
- Новгородская первая 1950: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. 1950. Насонов А.Н. (ред. и предисл.). Москва: АН СССР.
- Папаскири З.В. 1982. *У истоков грузино-русских политических взаимоотношений*. Тбилиси: Тбилисский университет.
- Пенской В.В. 2010. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. *Восток* 2. Москва: Институт востоковедения РАН, 56—66.
- Пенской В.В. 2012. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. *История военного дела: исследования и источники* II. Москва: б.и., 127—236. URL: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1. Дата обращения 23.08.2012.
- Плетнева С.А. 1990. *Половцы*. Москва: Наука.
- Расовский Д.А. 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. *Seminarium Kondakovianum (Анналы института Н.П. Кондакова)* VI. Praha, 1—64.
- Расовский Д.А. 1939. Военная история половцев. *Seminarium Kondakovianum (Анналы института Н.П. Кондакова)* XI. Praha, 95—127.
- Расовский Д.А. 2012. Роль половцев в войнах Асений с Византийской и Латинской империями в 1186—1207 годах. В: Расовский Д.А. *Половцы. Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии*. Москва: ЦИВОИ, 231—237.
- Рашев Р. 2006. Великая Болгария. *История татар 2. Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: РухИЛ; Институт истории им.Ш. Марджани, 36—47.
- Селезнев Ю.В. 2011. Сколько всадников мог собрать Мамай? В: Миргалеев И.М. (гл. ред.). *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 29—30 марта 2011 г. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 162—166.
- Скрипкин А.С. 2004. К проблеме определения численности сарматского населения в Нижнем Поволжье. *Вестник Волгоградского Государственного университета*. Сер. 4. №1 (21). Волгоград, 20—23.
- Тасин Дж. 2013. Татары Добруджи и Буджака. *Золотоордынское обозрение* 1. Казань, 164—176.
- Тевкелев И.В. 2005. Журналы и служебные записки дипломата И.В. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731—1759). В: Галимгазиева К.Ш. (гл. ред.). *История Казахстана в русских источниках XVI—XIX веков* 3. Алматы: Дайк-Пресс.
- Томпсон Э.А. 2008. *Гунны. Грозные воины степей*. Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Тортика А.А. 1999. *Историческая география и население Великой Булгарии (630—660 гг.): методика исследования кочевых обществ Средневековья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Трепавлов В.В. 2002. *История Ногайской Орды*. Москва: Восточная литература.
- Тунманн И. 1991. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.
- Ханыков Я.В. 1852. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об оренбургском крае и о киргизкайсацких ордах. *Временник Императорского Общества Истории и Древностей Российских* 13. Санкт-Петербург, 15—22.
- Хониат 1862: Никита Хониат. 1862. *История со времени царствования Иоанна Комнина* 2 (1186—1206). Чельцов Н.В. (ред.). Санкт-Петербург: С.-Петербургская Духовная Академия.
- Храпачевский Р.П. 2009. Золотая Орда в источниках. *Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи* 3. Китайские и монгольские источники. Москва: ЦИВОИ.
- Яворницкий Д.И. 1990. *Історія запорізьких козаків* 1. Львів: Світ.
- Berend N. 2001. *At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and «pagans» in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Kovacs Sz. 2005. A Bortz, Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 58 (3). Budapest: Akademiai Kiadó, 255—266.
- Paloczi-Horvath A. 1989. *Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary*. Budapest: Corvina Kiadó.
- Pritsak O. 1976. The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1975. 1. Lisse: Peter de Ridder Press, 4—29.
- Spinei V. 1986. *Moldavia in the 11th—14th Centuries*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Spinei V. 2003. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute; Istros Publishing House.
- Spinei V. 2008. The Cumanic Bishopric: Genesis and Evolution. In: Curtea F., Kovalev R. (eds.). *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: E. J. Brill, 413—456.
- Spinei V. 2009. *The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden; Boston: E. J. Brill.

References

- Agadzhanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii (Sketches of Oguz and Turkmen History in Central Asia)*. Ashkhabad: Ilym (in Russian).
- Andreev, I. G. 1998. *Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov (Description of the Middle Horde of the Kyrgyz-Kaysaks)*. Almaty: Gylm (in Russian).
- Annaly Trashki (*The Annals of Trashka*). 2013. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Traski/frame.htm. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Artamonov, M. I. 2001. *Istoriia khazar (History of the Khazars)*. 2nd ed. Saint Petersburg: Lan' (in Russian).
- Bakunin, V. 1939. In *Krasnyi arkhiv (The Red Archive)* 94 (3), 189—255 (in Russian).
- Bobrov, L. A. 2013. In *Nauchnyi Tatarstan (Academic Tatarstan)* 2. Kazan, 5—17 (in Russian).
- Borovkova, L. A. 2001. *Tsarstva Zapadnogo kraia v II—I vekakh*

- do n. e. (*Vostochnyi Turkestan i Sredniia Aziia po svedeniim Shi Tszi i Khan' Shu*) (*Western Region Kingdoms in 2nd—1st cc. BC (Eastern Turkestan and Central Asia by Shi Tszi Hanshu Accounts)*). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Kraft + (in Russian).
- Borovkova, L. A. 2008. *Narody Srednei Azii III—VI vekov (po drevnim kitaiskim i zapadnym istochnikam)* (*Peoples of Central Asia in 3rd—6th cc. (by Ancient Chinese and Western Sources)*). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN (in Russian).
- Vasilevsky, V. G. 1908. In *Trudy G. V. Vasilevskogo* (*G. V. Vasilevsky's Works*). Vol. 1. Saint Petersburg. URL: http://annales.info/byzant/vasiljevsk/1_01.htm. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Vashari, I. 2010. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Civilization of the Golden Horde)* 3. Kazan: Fan; AN RT, 22—30 (in Russian).
- Viktorin, V. M. 2006. In *Rossii i stepnoi mir Evrazii (Russia and Steppe Worlds of Eurasia)*. Saint Petersburg: SPbGU. URL: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/rgkn/rgkn.htm>. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Geoffrey of Villehardouin. 1993. *Zavoevanie Konstantinopolia (On the Conquest of Constantinople)*. Moscow: Nauka. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext4.htm>. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Golden, P. B. 2013. In *Sbornik materialov konferentsii «Kipchaki Evrazii: istoriia, iazyk i pis'mennye pamiatniki»* (*Proceedings of the Conference on the Kipchaks of Eurasia: History, Language and Written Sources*). Astana: Ministerstvo obrazovaniia Respubliki Kazakhstan; Evraziiskii natsional'nyi universitet im. L. N. Gumileva, 27—45 (in Russian).
- Golubovsky, P. V. 1884. *Pechenegi, torki i polovtsy do nashestviia tatar (Pechenegs, Torks and Polovtsy before the Tatars' Invasion)*. Kiev: Universitetskaia tipografiia I. I. Zavadskogo (in Russian).
- Dobrolyubskii, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (Nomads of the North-Western Black Sea Area in the Middle Ages)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zhitiia tsaria tsarei Davida (Life of David, the King of the Kings). 1998. In *Simvol (Symbol)* 40. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/1080—1100/David/frametext1.htm>. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Ibn al-Athir. 1940. *Materialy po istorii Azerbaidzhana iz «Tarikh-al-kamil'»* (*«Polnogo svoda istorii» Ibn-al-Asira (Materials on Azerbaijan History from Tarikh-al-Kamil (Comprehensive History) by Ibn-al-Asir)*). Baku: AzFEN (in Russian).
- Ibn Rustah. 2006. In *Istoriia tatar (History of Tatars)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and the Great Steppe)*. Kazan: RukhIL; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 699—707 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2006. In *Istoriia tatar (History of Tatars)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and the Great Steppe)*. Kazan: RukhIL; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 492—503 (in Russian).
- Jordanes. 2001. *O proiskhozhdenii i deianiiakh getov (De Origine actibusque Getarum/The Origin and Deeds of the Goths)*. Saint Petersburg: Aleteiia (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis' (The Hypatian Chronicle)*. 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Full Collection of Russian Chronicles) 2. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Istoriia kalmytskikh khanov (History of Kalmyk Khans). 2003. In *Lunnyi svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamiatniki (Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Accounts)*. Elista: Kalm. kn. izd-vo. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text5.phtml?id=12301. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Kadyrbaev, A. Sh. 1997. *Za predelami Velikoi stepi (Beyond the Boundaries of the Great Steppe)*. Almaty: Demeu (in Russian).
- Robert de Clari. 1996. *Zavoevanie Konstantinopolia (The Conquest of Constantinople)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kokovtsev, P. K. 1932. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X veke (Jewish-Khazar Correspondence in 10th c.)*. Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Komar, A. V. 2004. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)*. Sudak; Kiev: Akadempriodika, 169—200 (in Russian).
- Anna Komnene. 1965. *Aleksiada (Alexiad)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Constantine Porphyrogenetos. 1991. *Ob upravlenii imperiei (On the Administration of the Empire)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kyuner, I. V. 1961. *Kitaiskie izvestiia o narodakh iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka (Chinese Accounts on Peoples of Southern Siberia, Central Asia and Far East)*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury (in Russian).
- Lavrent'evskaia i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskemu spisku (Laurentian Chronicle by Academic Version)*. 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Full Collection of Russian Chronicles) 1. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Levshin, A. I. 1996. *Opisanie kyrgyz-kazach'ikh ili kyrgyz-kaisatskikh gor i stepei (Description of Kyrgyz-Kazakh or Kyrgyz-Kaisak Mounts and Steppes)*. Almaty: Sanat.
- Lysenko, N. N. 2003. In *Drevnosti Kubani (Kuban Antiquities)* 19. Krasnodar, 43—53 (in Russian).
- Rogerius of Apulia. 2012. *Gorestnaia pesn' o razorenii vengerskogo korolevstva tatarami (Carmen Miserabile super Destructione Regni Hungariae per Tartaros)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Majorov, O. 2011. *Halyts'ko-volyns'kyi knyaz' Roman Mstislavych. Volodar, voyn, diplomat (Galician-Volhynian Knyaz Roman Mstislavich. The Ruler, the Warrior, the Diplomat)* 1. *Do vyvchennya dzhel z istorii vnutrishn'oi ta zovnishn'oi polityky (Towards Study of Sources on History of Internal and External Politics)*. Bila Tserkva: Oleksandr Pshonkiv's'kyj (in Ukrainian).
- Takhir Marvazi. 2006. In *Istoriia tatar (History of Tatars)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and the Great Steppe)*. Kazan: RukhIL; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 707—709 (in Russian).
- Markvart, I. 2002. *O proiskhozhdenii naroda kumanov (On Kumans' Origins)*. URL: <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Matuzova, V. I. 1979. *Angliiskie srednevekovye istochniki IX—XIII vv. (English Medieval Accounts of 9th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Murguliya, N. P. 1971. In *Iz istorii ukrainsko-gruzinskikh sviazei (From History of Ukrainian-Georgian Connections)*. Kiev: AN USSR, 40—54 (in Russian).
- Nazarov, F. 1968. *Zapiski o nekotorykh narodakh i zemliakh srednei chasti Azii (Notes on Some Peoples and Lands of Middle Asia)*. Moscow: Nauka. URL: http://az.lib.ru/n/nazarow_f_m/text_1821_zapiski.shtml. Date of access 15.01.2013 (in Russian).
- Shihab ad-Din Muhammad an-Nasavi. 1996. *Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny) (Life of Sultan Jalal ad-Din Mingburnu)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Nikonov, V. P., Khudyakov, Yu. S. 2004. *Svistiashchie strely Maodunia i Marsov mech Atily: Voennoe delo aziatskikh khunnu i evropeiskikh gunnov (Maodun's Whistling Arrows and Attila's Martial Sword: Warfare of the Asian Hsiungnu and European Huns)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; Moscow: Filomatis (in Russian).
- Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the Old and Young Versions). 1950. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Papaskiri, Z. V. 1982. *U istokov gruzino-russkikh politicheskikh vzaimootnoshenii (The Origins of the Georgian-Russian Political Relations)*. Tbilisi: Tbilisskii universitet (in Russian).
- Penskoi, V. V. 2010. In *Vostok (Orient)* 2. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 56—66 (in Russian).
- Penskoi, V. V. 2012. In *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Warfare: Research and Sources)* II. Moscow, 127—236. URL: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1. Date of access 23.08.2012 (in Russian).
- Pletneva, C. A. 1990. *Polovtsy (Polovtsy)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rasovsky, D. A. 1933. In *Seminarium Kondakovianum (Annali instituta N. P. Kondakova) (N. P. Kondakov Institute's An-*

№5. 2014

- nals) VI. Praha, 1—64 (in Russian).
- Rasovsky, D. A. 1939. In *Seminarium Kondakovianum (N. P. Kondakov Institute's Annals) (N. P. Kondakov Institute's Annals)* XI. Praha, 95—127 (in Russian).
- Rasovsky, D. A. 2012. In *Polovtsy. Chernye Klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vengrii (Polovtsy. The Black Hoods: Pechenegs, Torks and Berendei in Rus' and Hungary)*. Moscow: TsIVOI, 231—237 (in Russian).
- Rashev, R. 2006. In *Istoriia tatar (History of Tatars)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and the Great Steppe)*. Kazan: RukhIL; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 36—47 (in Russian).
- Seleznev, Yu. V. 2011. In *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (Warfare of the Golden Horde: Issues and Perspectives for Study)*. Kazan: Foliant; Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 162—166 (in Russian).
- Skripkin, A. S. 2004. In *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Volgograd State University)*. Series 4. № 1 (21). Volgograd, 20—23 (in Russian).
- Tasin, J. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 1. Kazan, 164—176 (in Russian).
- Tevkelev, I. V. 2005. In *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI—XIX vekov (History of Kazakhstan in Russian Sources of 16th—19th cc.)* 3. Almaty: Daik-Press (in Russian).
- Tompson, E. A. 2008. *Gunny. Groznye voiny stepei (Huns. Terrible Warriors of the Steppes)*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf (in Russian).
- Tortika, A. A. 1999. *Istoricheskaia geografiia i naselenie Velikoi Bulgarii (630—660 gg.): metodika issledovaniia kochevykh obshchestv Srednevekov'ia (Historical Geography of the Greater Bulgaria (630—660): Research Methodology of Medieval Nomadic Societies)*. PhD Diss. Kharkov (in Russian).
- Trepavlov, V. V. 2002. *Istoriia Nogaiskoi Ordy (History of Nogay's Horde)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Tunmann, I. 1991. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)*. Simferopol: Tavriia (in Russian).
- Khanykov, Ya. V. 1852. In *Vremennik Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh (Bulletin of the Royal Society for the Russian History and Antiquities)* 13. Saint Petersburg, 15—22 (in Russian).
- Niketas Choniates. 1862. *Istoriia so vremeni tsarstvovaniia Ioanna Komnina 2 (1186—1206) (Historia since the Rule of John II Komnenos (1186—1206))*. Saint Petersburg: S.-Peterburgskaia Dukhovnaia Akademiia (in Russian).
- Khrapachevsky, R. P. 2009. In *Materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili ulusa Dzhuchi 3. Kitaiskie i mongol'skie istochniki (Materials for History of the Golden Horde or Ulus of Jochi 3. Chinese and Mongol Sources)*. Moscow: TsIVOI (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1990. *Istoriia zaporiz'kykh kozakiv (History of Zaporozhye Cossacks)* 1. Lvov: Svit (in Ukrainian).
- Berend, N. 2001. *At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and "pagans" in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Kovacs, Sz. 2005. A Bortz, Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 58 (3). Budapest: Akademiai Kiadó, 255—266.
- Paloczi-Horvath, A. 1989. *Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary*. Budapest: Corvina Kiadó.
- Pritsak, O. 1976. The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1975. 1. Lisse: Peter de Ridder Press, 4—29.
- Spinei, V. 1986. *Moldavia in the 11th—14th Centuries*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Spinei, V. 2003. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute; Istros Publishing House.
- Spinei, V. 2008. The Cumanic Bishopric: Genesis and Evolution. In: Curtea, F., Kovalev, R. (eds.). *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: E. J. Brill, 413—456.
- Spinei, V. 2009. *The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden; Boston: E. J. Brill.

Статья поступила в номер 3 февраля 2014 г.

Yaroslav Pylypchuk (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. "A. Yu. Krymskyi" Institute of Oriental Studies of National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Yaroslav Pylypchuk (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. „A. Yu. Krymskyi” Institutul de Studii Orientale al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Пилипчук Ярослав Валентинович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной Академии наук Украины.

E-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Address: ¹ Grushevsky St., 4, Kiev, 01001, Ukraine

Исследования и публикации

Research and Publications
Cercetări și publicații

Е. Р. Михайлова

Раннесредневековые поселения и курганы в комплексе памятников Рапти-Наволока на Черемнецком озере

Keywords: North-West Russia, Early Middle Ages, Luga basin, Cheremenets Lake, Rapti-Navolok, "Borovskoe Kupalische" stow, Long Barrows Culture, multi-layered settlements, Old Russian barrows.

Cuvinte cheie: Rusia de nord-vest, evul mediu timpuriu bazinul r. Luga, lacul Ceremenets, Rapti-Navolok, sectorul „Borovskoe Kupalișce”, cultura tumulilor lungi, așezări pluristratificate, tumuli culturii vechi ruse.

Ключевые слова: Северо-Запад России, раннее средневековье, Полужье, Черемнецкое озеро, Рапти-Наволока, урочище Боровское Купалище, культура длинных курганов, многослойные поселения, древнерусские курганы.

E. R. Mikhaylova

Early Medieval Settlements and Burial Mounds in the Rapti-Navolok Complex on Cheremenets Lake

The archeological complex Rapti-Navolok is located 15 km south-southeast of town Luga, Leningrad region, on the north-eastern shore of Cheremenets Lake. There are three multi-layered settlements and mounds of Old-Russian time and of the Long Barrow Culture. This publication puts into scientific circulation some results of excavations by author.

The oldest traces of human habitation here belong to the Stone Age and the so-called Paleometal time. These materials are not numerous.

Early Medieval sites belong to the Long Barrow Culture. The earliest item is the buckle with hollow B-shaped frame and a needle with a square shield from mound 21 in the group Rapti-Navolok III. It must be dated to the middle of 7th century the latest.

The materials of Long Barrow Culture are present in all three explored settlements. The settlement Rapti-Navolok VI is most interesting, with a solitary high mound "Borovskoe Kupalische" located at its northern edge. Analysis of materials of 1971 and new data suggest that the mound was built over the burnt house. The settlements Rapti-Navolok VII and VIII are a single complex on both banks of the brook. It seems that there was a residential area on one side of the brook, and a metallurgical workshop on the other.

Materials of excavations of settlements and burial sites demonstrate gradual spread of the Old Russian Culture here, but a detailed examination of Old Russian sites is not the purpose of this article.

E. R. Mikhaylova

Așezări și tumuli medievale timpurii din cadrul complexului arheologic Rapti-Navolok lângă lacul Ceremenets

Complexul de situri arheologice Rapti-Navolok este localizat la 15 km spre sud-sud-est de la orașul Luga (regiunea Leningrad), pe malul de nord-est al lacului Ceremenets. Aici sunt amplasate trei așezări pluristratigrafice, precum și tumuli din perioada rusă veche și ai culturii tumulilor lungi de tip Pskov. Prezentul articol introduce în circuitul științific unele rezultate ale săpăturilor efectuate de autor în microzona respectivă.

Cele mai vechi urme de locuire umană de aici se referă la epoca pietrei și așa-numită epocă a paleometalului. Aceste materiale nu sunt prea numeroase.

Siturile din epoca fierului timpuriu sunt legate de cultura tumulilor lungi. Descoperirea cea mai timpurie este o cataramă cu cadrul neted, gol în interior, în forma literei „B” și scutul pătrat, cu imitarea unei inserțiuni pe limbă. Această piesă a fost găsită în tumulul 21 din grupul Rapti-Navolok III și poate fi datată nu mai târziu de jumătatea sec. VII.

Materialele culturii tumulilor lungi sunt prezente pe toate trei așezări din cadrul complexului arheologic. Dintre acestea, cea mai interesantă este așezarea Rapti-Navolok VI, pe marginea de nord a căreia se localiza o manta tumulară impunătoare, supranumită „Borovskoe Kupalișce”. Analiza materialelor din cercetările anului 1971 și noile date ne permit să concluzionăm că tumulul a fost ridicat peste o construcție arsă. Așezările Rapti-Navolok VII și VIII reprezintă un complex unic, despărțit prin intermediul unui râuleț; posibil, pe un mal al acestuia era amplasată zona locativă, iar pe celălalt era concentrată producția metalurgică.

Materialele din săpăturile efectuate în așezări și complexe funerare reflectă procesul de răspândire graduală a culturii ruse vechi în regiune, a cărei prezentare detaliată însă depășește limitele prezentului studiu.

Е. Р. Михайлова

Раннесредневековые поселения и курганы в комплексе памятников Рапти-Наволока на Черемнецком озере

Комплекс археологических памятников Рапти-Наволока находится в 15 км к юго-юго-востоку от г. Луга Ленинградской области, на северо-восточном берегу озера Черемнецкого. Здесь располагаются три многослойных поселения, а также курганы древнерусского времени и культуры псковских длинных курганов. Настоящая публикация вводит в научный оборот некоторые результаты раскопок автора.

Древнейшие следы обитания здесь человека относятся к каменному веку и т. н. эпохе палеометалла. Эти материалы немногочисленны.

Раннесредневековые памятники связаны с культурой длинных курганов. Самой ранней находкой является пряжка с гладкой полый В-образной рамкой и квадратным щитком с имитацией вставки на язычке из кургана 21 группы Рапти-Наволока III. Она должна датироваться временем не позднее середины VII в.

Материалы культуры длинных курганов присутствуют на всех трех рассмотренных поселениях. Из этих поселений наиболее интересно селище Рапти-Наволока VI, на северном краю которого располагалась высокая насыпь «Боровское Купалище». Анализ материалов 1971 г. и новые данные позволяют считать, что курган возведен над сгоревшей постройкой. Селища Рапти-Наволока VII и VIII представляют собой единый комплекс, разделенный ручьем: возможно, на одном берегу ручья находилась жилая зона, а на другом — металлургическое производство.

Материалы раскопок поселений и погребальных памятников демонстрируют процесс постепенного распространения здесь древнерусской культуры, начиная с XI в., однако подробное рассмотрение древнерусских памятников не является целью данной статьи.

Одной из наименее изученных категорий археологических памятников на Северо-Западе остаются раннесредневековые селища, в том числе относящиеся к культуре длинных курганов.

Определенные успехи достигнуты в изучении таких поселений на Мсте, в Причудье, в некоторых других регионах (Исланова 2006; Попов 2010). В бассейне Верхней Луги и Лужско-Оредежском междуречье несколько таких поселений выявил Ю. М. Лесман (Лесман 1985).

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот некоторых результатов раскопок автора в комплексе памятников Рапти-Наволока.

Комплекс располагается в 15 км к юго-юго-востоку от г. Луга Ленинградской области, в 7 км к юго-востоку от поселка им. Дзержинского (бывшая дер. Рапти), у лесной дороги из поселка им. Дзержинского в дер. Солнцев Берег и далее в дер. Наволок, на первой и второй террасах берега Черемнецкого озера, в светлом сосновом лесу (рис. 1). Здесь зафиксировано несколько разновременных курганных групп и одиночных насыпей, а также три многослойных поселения (Рапти-Наволока VI, VII и VIII), расположенных непосредственно на берегу озера.

Одиночные насыпи (одна в урочище Боровское Купалище, а также расположенные в 150—200 м к западу от группы Рапти-Наволока II курганы Рапти-Наволока IV и V) относятся к культуре длинных курганов (далее — КДК).

Курганная группа Рапти-Наволока II состояла из 19 насыпей. В 18 из них были встречены подкурганные ингумации XI — нач. XII вв., крайний южный курган (№ 19) относится к КДК.

Группа Рапти-Наволока III, состоявшая из 30 насыпей, включала в себя как курганы с древнерусскими ингумациями, так и курганы КДК. Древнерусские захоронения сосредоточены в юго-восточной части курганного кладбища, курганы КДК — в северо-западной.

Самая северная из отмеченных здесь курганных групп, Рапти-Наволока IX, находится на краю коренного берега и состоит из 14 низких расплывшихся насыпей, испорченных грабительскими ямами. По своему внешнему облику могильник должен быть отнесен к древнерусскому времени. При осмотре курганов в осыпи одной из грабительских ям были замечены обломки несожженных человеческих костей, что подтверждает предложенную культурно-хронологическую атрибуцию.

Интересны природные условия, в которых находятся археологические памятники. Коренные берега озера сложены ярким девонским песком розово-красного цвета (отсюда и название озера — Черемнец, т. е. черное, красное). Береговая же терраса сложена чистым белым кварцевым песком, в котором очень хорошо заметны любые посторонние включения и следы истлевших деревянных конструкций.

Памятники комплекса Рапти-Наволока были открыты Г. С. Лебедевым при разведочном обследовании в 1970 г. В 1971 г. он исследовал одиночный курган (насыпь в урочище Боровское Купалище, не получившая цифрового индекса) и пять курганов в группе Рапти-Наволока III (Лебедев 1971; 1974; 1977: 86—88). В 1990 г. Е. М. Колпаков вновь обследовал известные памятники и составил на них Паспорта памятников истории и культуры, хранящиеся в архиве Департамента государственного контроля за сохранением

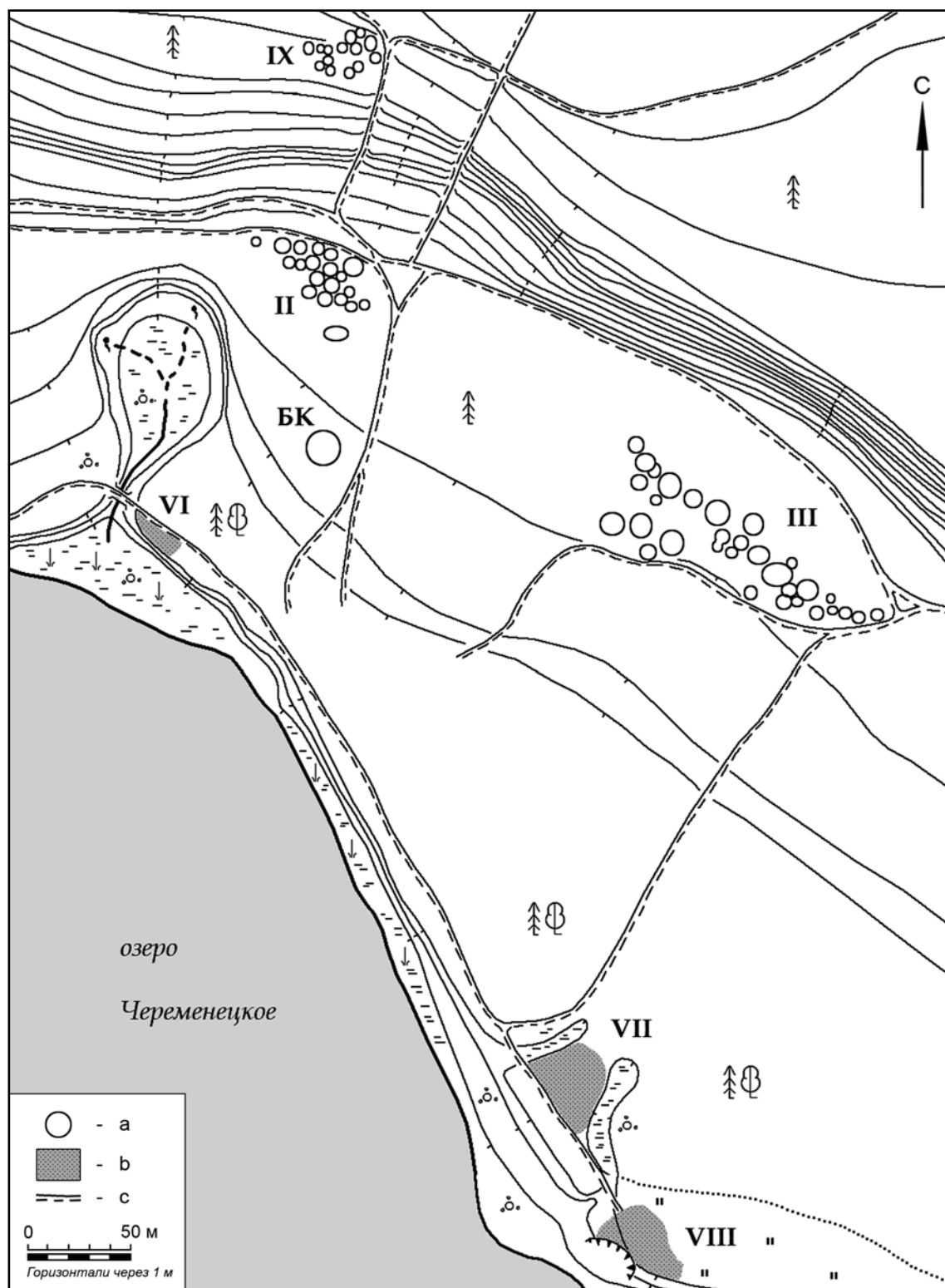

Рис. 1. Схематичный план расположения памятников. Римскими цифрами обозначены индексы археологических памятников в комплексе Рапти-Наволоки; «БК» — одиночная насыпь в урочище Боровское Купалище; а — курганные насыпи; б — территория поселений; с — существующие лесные дороги.

Fig. 1. Location of sites. Roman numerals indicate the sites in the Rapti-Navolok Complex; «БК» — the solitary mound in the Borovskoe Kupalishche stow; а — mounds; б — settlement area; с — existing forest roads.

и использованием объектов культурного наследия Комитета по культуре Правительства Ленинградской области.

В 1996—1997 гг. и в 2005 г. полевые исследования здесь проводились автором данной статьи: были обнаружены новые объекты, вновь сняты топографические планы памятников, полностью раскопана курганная группа Рапти-Наволоок II, частично — курганная группа Рапти-Наволоок III, заложены разведочные раскопы на поселениях Рапти-Наволоок VI, VII и VIII, зачищен фрагмент насыпи в Боровском Купалище. Часть этих материалов опубликована (Михайлова 1999; 2003; Михайлова, Соболев 1997).

Боровское Купалище

Селище Рапти-Наволоок VI расположено в урочище Боровское, или Первое Купалище. Так называется небольшой песчаный пляж («купалище») на берегу Черемнецкого озера, куда ведет грунтовая дорога из расположенной неподалеку деревни Бор. Поселение находится при впадении в Черемнецкое озеро короткого безымянного ручья, на его левом берегу. Территория селища имеет размеры 30×25 м, она поросла густым лиственным подлеском. Северо-восточнее селища Рапти-Наволоок VI располагалась высокая насыпь в урочище Боровское Купалище, а еще далее — курганная группа Рапти-Наволоок II.

Приблизительно на этом месте отдельные лепные черепки были собраны в 1971 г. Г.С. Лебедевым. При разведочном обследовании в 1996 г. здесь были собраны мелкие фрагменты круговой средневековой и гребенчатоямочной неолитической керамики, а в 1997 г. на свободном от кустов и деревьев участке заложен разведочный раскоп площадью 28 кв. м.

В раскопе под современным дерном залегал мелкий темно-серый гумусированный песок, в свою очередь, подстилавшийся крупным коричневато-красным песком. Ниже слоя красного песка лежал материк — чистый желтый песок.

Материковых ям или следов каких-либо сооружений в раскопе выявлено не было.

Слой серого гумусированного песка был прослежен по всей площади раскопа, имел мощность 8—20 см и не содержал находок. Возможно, слой серого гумусированного песка следует связывать с краем средневекового поселения.

Слой крупного коричневато-красного песка мощностью от 8 до 20 см также прослеживался по всей площади раскопа. В этом слое

были собраны мелкие фрагменты гребенчатоямочной керамики, позволяющие датировать его эпохой неолита.

Описанная стратиграфическая ситуация заставляет вновь обратиться к материалам раскопок Г.С. Лебедева в урочище **Боровское Купалище** (Лебедев 1971: 33—37). Одиночная насыпь диаметром 16—17 м и высотой до 2 м располагалась на первой террасе берега Черемнецкого озера, в растущем на берегу ручья смешанном лесу, в 100 м севернее песчаного пляжа. В вершине насыпи имела большая грабительская яма, прорезавшая всю насыпь и глубоко уходившая в материк.

Курган был выявлен Г.С. Лебедевым в 1971 г., во время раскопок им курганной группы Рапти-Наволоок III. В том же году насыпь была раскопана (за исключением юго-восточного края, где росли два вековых дерева).

Основной объем насыпи был сложен плотным темно-красным песком и красным песком попеременно с белым; тонкий слой розово-красного песка отмечен и в основании насыпи над материком («предматериковый песок») (рис. 2).

В центральной части насыпи было расчищено «кострище» — слой углистого песка размерами 3,5—6×9 м и мощностью 0,5 м и более. Концентрация углей и сажки в песке «кострища» была неравномерна. Наиболее интенсивно окрашенный углистый песок отмечен в западной части «кострища», где образовывал пятно неправильной прямоугольной формы размером 3×4 м (рис. 3).

В пределах этого прямоугольного пятна были собраны основные находки: развалы десятка лепных сосудов, керамическое пряслице и фрагмент другого такого же, костяная лопаточка, многочисленные кости животных (рис. 4; 5: 1, 2). Развалы керамики были сосредоточены вдоль южного края угольного пятна.

Погребения в кургане не обнаружено.

По мнению Г.С. Лебедева, в изученном высоком кургане в уроч. Боровское Купалище были открыты следы разрушенного кладисательской ямой сожжения на месте, сопровождавшегося остатками обильной тризны (Лебедев 1977: 86—88).

В 2005 г. предполагалось доследовать сохранявшуюся часть насыпи, неоднократно осматривавшуюся нами в 1990—2000-х гг. Однако останец кургана в урочище Боровское Купалище рухнул под тяжестью оставшихся на нем стволов деревьев буквально за месяц до начала наших работ.

Тем не менее, была проведена зачистка края насыпи, что позволило получить некото-

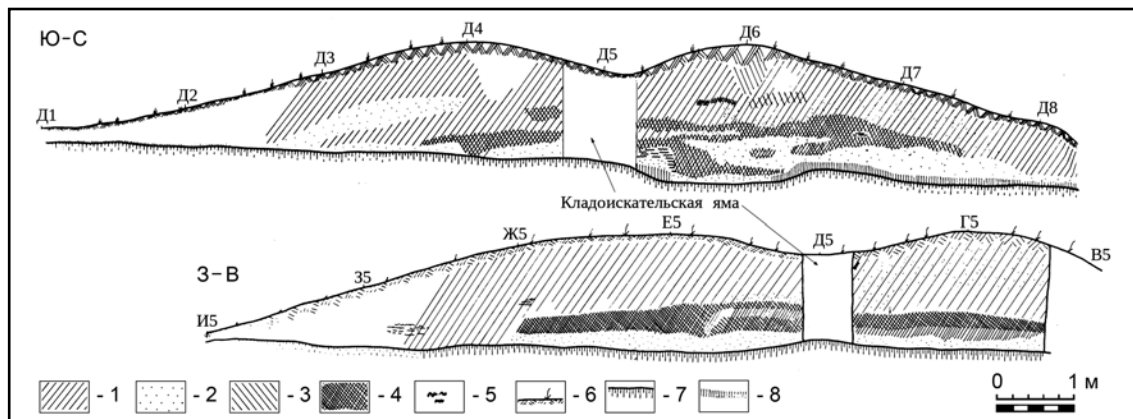

Рис. 2. Профили бровок кургана в урочище Боровское Купалище (рис. Г.С. Лебедева). Условные обозначения: 1 — красный песок; 2 — белый песок; 3 — желтый песок; 4 — кострище; 5 — зола; 6 — дерн; 7 — материк; 8 — предматериковый песок (по Лебедев 1971: Альбом III, рис. 277).

Fig. 2. Profiles of the mound in the Borovskoe Kupalishche stow (drawing by G.S. Lebedev). Legend: 1 — red sand; 2 — white sand; 3 — yellow sand; 4 — fireplace; 5 — ash; 6 — greensward; 7 — natural ground; 8 — sand on the natural ground (after Лебедев 1971: Альбом III, рис. 277).

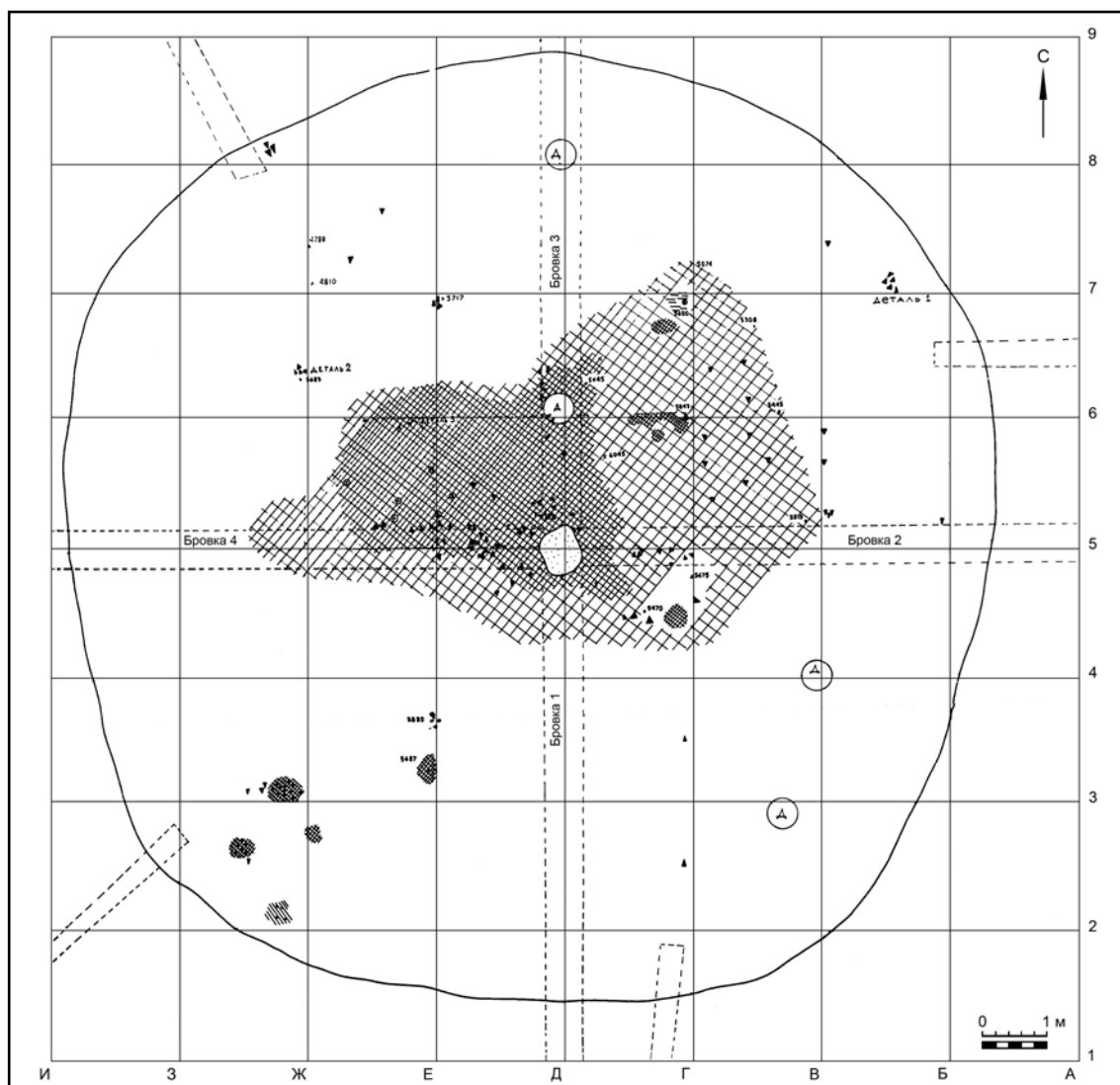

Рис. 3. План кургана в урочище Боровское Купалище (рис. Г.С. Лебедева) (по Лебедев 1971: Альбом III, рис. 275).

Fig. 3. Plan of the mound in the Borovskoe Kupalishche stow (drawing by G.S. Lebedev) (after Лебедев 1971: Альбом III, рис. 275).

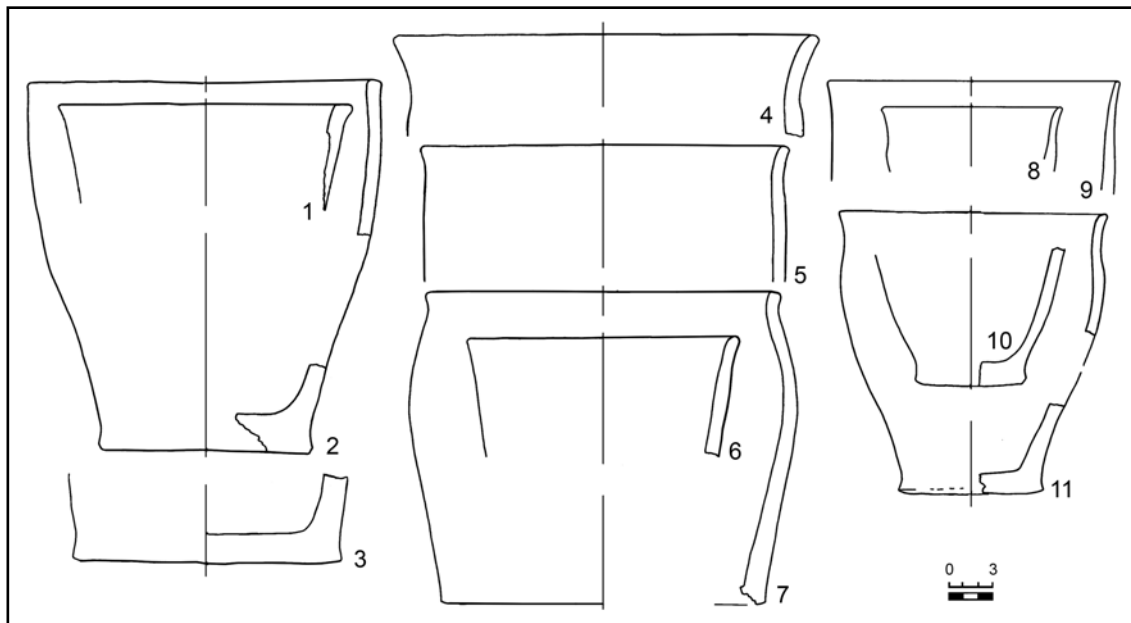

Рис. 4. Керамика из «кострища» в кургане в урочище Боровское Купалище.

Fig. 4. Ceramics from the "campfire" in the mound in the Borovskoe Kupalishche stow.

рую дополнительную информацию о памятнике.

Под опрокинувшимся останцем был прослежен слой углистого песка мощностью 10 см и более, в который оказалась впущена недавняя яма с мусором. Этот слой имел интенсивно черную окраску и содержал значительное количество сажи и мелких угольков — при зачистке он сильно мазал руки, а в одном месте в слое углистого песка отмечены следы крупной головы.

Углистый песок залегал частично на слое песка темно-оранжевого до бурого цвета, частично — на слое глины, образованном чередующимися тонкими прослойками светлой серой и ржаво-коричневой глины. Край насыпи, часть которого была зачищена летом 2005 г., оказался сложен в основном этой светлой глиной с ржаво-коричневыми прослойками.

По снятии горелого слоя был заложен контрольный шурф размером 0,6×1 м, доведенный до аналогичной светлой глины, залегающей здесь под белесым материковым песком. Таким образом, можно утверждать, что слагающая край насыпи глина бралась здесь же, на месте.

Крупный темно-оранжевый песок имел явное сходство с неолитическим слоем поселения Рапти-Наволоки VI.

Работы 2005 г. подтвердили наблюдение Г.С. Лебедева о том, что насыпь в урочище Боровское Купалище была воздвигнута

на слое мощного кострища. Однако, по всей вероятности, это кострище представляло собой не следы кремации на месте, а сгоревшую на поселении наземную постройку, впоследствии перекрытую курганной насыпью. В пользу этого предположения свидетельствуют развалы сосудов, кости животных и обожженные камни, обнаруженные в основании насыпи в 1971 г. Такой состав находок характерен для культурных слоев поселений, а многочисленность раздавленных тяжестью земли глиняных сосудов позволяет предположить, что они были намеренно составлены в определенном месте (вдоль южной стены постройки?).

Углистый слой в заложенном нами шурфе, по-видимому, «ныряет» в заполнение материковой ямы, что тоже косвенно может свидетельствовать о возведении кургана на поселении.

Как материалы из культурного слоя в основании кургана, так и сам курган следует относить к КДК.

Восстановленная по отчетам и дневникам Г.С. Лебедева и нашим наблюдениям стратиграфия насыпи очень напоминает «перевернутую» стратиграфию ближайших поселений — в первую очередь, выявленного в непосредственной близости от одиночного кургана двуслойного поселения Рапти-Наволоки VI. Курган «накрыл» участок поселения, консервируя культурный слой на нем.

Чтобы проверить предположение о распространении культурного слоя на более значительном пространстве, чем зафиксировано в 1996 г., по обоим берегам ручья была заложена серия шурфов. Повсюду под дерном залегала аморфная перепаханная рыжевато-коричневая гумусированная супесь, не содержащая находок (за исключением небольшого куска железного шлака).

По рассказам местных жителей, до 1940-х гг. здесь стоял хутор, владелец которого распахал участки по обоим берегам ручья. Таким образом, первоначальную площадь селища теперь определить невозможно. Сохранились лишь два фрагмента культурного слоя — на самом краю берега (зафиксированный нами как селище Рапти-Наволока VI) и под высокой одиночной насыпью.

Кроме исследованной Г.С. Лебедевым насыпи, на левом берегу ручья исследован еще один курган, относящийся к КДК. Это **курган 19 в группе Рапти-Наволока II**, раскопанный автором в 1996 г.

Этот курган, хотя и был при разведочных обследованиях включен в состав могильника Рапти-Наволока II, располагался особняком от остальных (более поздних) насыпей, к югу от них.

Насыпь овальной формы была ориентирована длинной осью по направлению юго-восток — северо-запад. До раскопок курган имел размеры 8×13 м, высоту 0,5 м; по основанию кургана прослеживался заплывший кольцевой ровик. В центральной части кургана отмечена заплывшая грабительская яма размерами 2,5×2 м.

Его насыпь, как и всех остальных курганов в этом и соседнем могильниках, сооружена из взятого здесь же чистого белого кварцевого песка.

В результате раскопок была установлена следующая последовательность ее возведения. Первоначально здесь рядом друг с другом располагались два небольших плоских кургана (их поверхность четко прослеживалась по линзам погребенного дерна в бровках).

Юго-восточный курган имел размеры 3,2×3,2 м и высоту около 0,4 м от уровня материка. При его сооружении по контуру будущего кургана был сложен из дерна низкий валик шириной 0,8 м и высотой 0,2 м от уровня погребенной почвы, пространство внутри валика было заполнено белым песком. Этот курган был окружен ровиком шириной 0,4 м и глубиной до 0,1 м.

Северо-западный из двух маленьких курганов имел размеры 2,6×2,4 м, высоту 0,3 м

от уровня материка и был окружен кольцевым ровиком шириной 0,3 м и глубиной 0,1 м. Под насыпью этого кургана в материке имелась неопределенной формы материковая западина размером около 1,2×2 м и глубиной около 0,4 м, заполненная несколькими прослойками слабо гумусированного песка. Ее соотношение с курганом осталось неясным.

Грабительская яма разрушила пространство между двумя первоначальными насыпями, и их взаимное стратиграфическое соотношение проследить не удалось, хотя можно предположить, что самым первым здесь был сооружен юго-восточный курган.

Впоследствии над обеими насыпями была досыпана окончательная, обведенная рвом с разрывом в северо-восточной части. Длина насыпи составила 12 м, ширина — 5 м. Ров окончательной насыпи имел ширину 1,2 м и глубину 0,3—0,5 м; он был заполнен с внешней стороны серым лесным гумусом, с внутренней — песком оплывшей насыпи.

Погребений в кургане 19 не выявлено, хотя в выбросе из грабительской ямы встречено 2 фрагмента пережженных костей.

С востока и юго-востока курган огибала древняя тропа, прослеженная в плане и в разрезах кургана. Тропа отчетливо выделялась на фоне материкового рыхлого белого песка в виде плотной полосы темно-красного песка, втоптанного в материк.

Те же полосы утоптанного красного песка прослежены на площади могильника и севернее кургана 19, между несколькими позднейшими курганами, содержащими инвентаризации XI—XII вв. В общих чертах направление тропы несложно реконструировать. Она вела от берега озера к могильнику и далее — на коренной берег, разветвляясь и обходя существовавшие курганы. Коренные берега Череменинского озера сложены ярким красным девонским песком, частицы которого и разносились подошвами ходивших по тропе людей.

Интересно отметить, что замеченная нами тропа аккуратно огибала насыпи древнерусских курганов и их рвы, а рядом с длинным курганом шла гораздо ближе к насыпи, практически по ее уже заплывшему ровику. Следовательно, прослеженные нами отрезки тропы следует также датировать древнерусским временем.

Второе Купалище

Юго-восточнее описанных памятников в Череменинское озеро впадает еще один ручей,

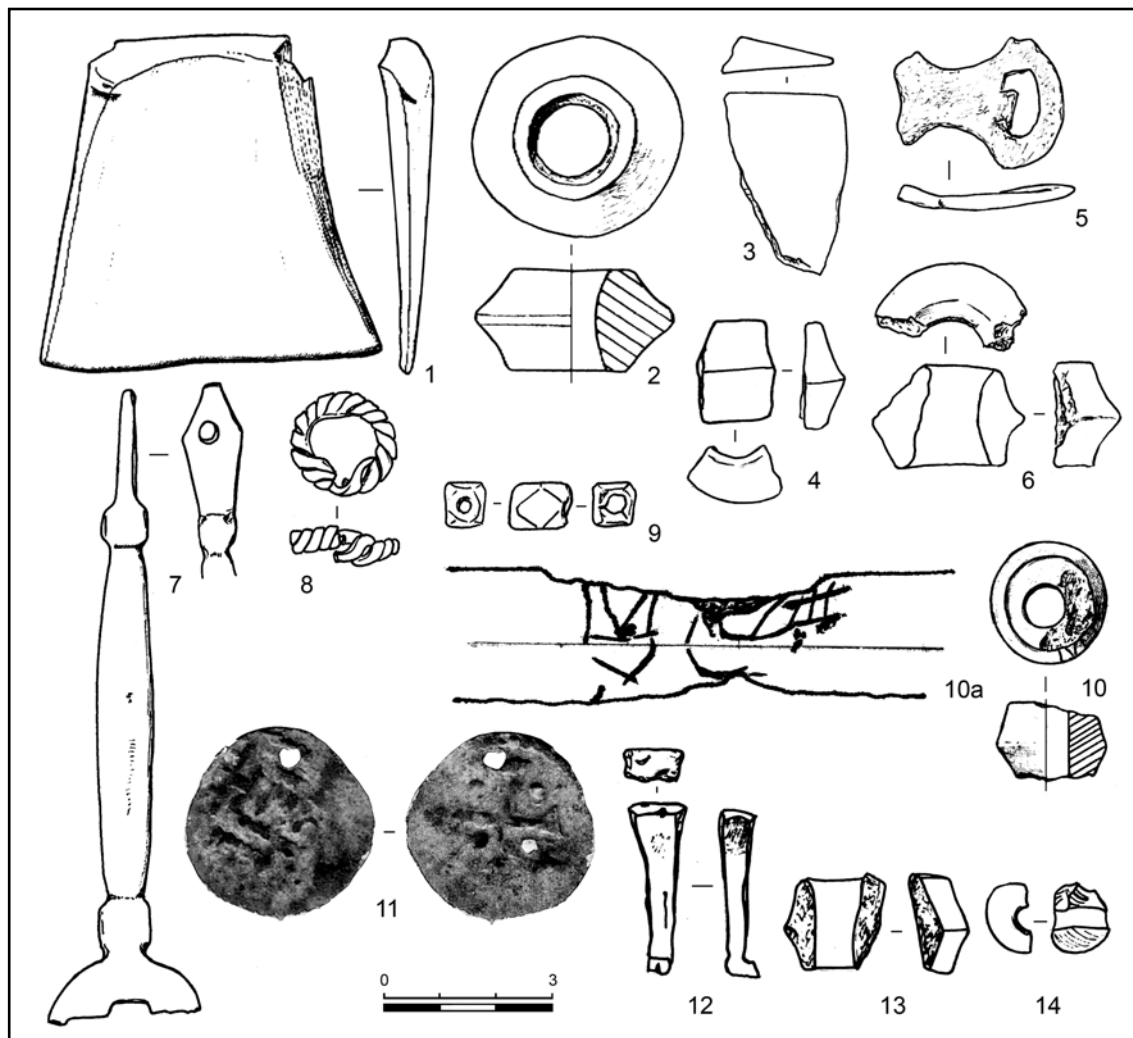

Рис. 5. Находки из памятников в комплексе Рапти-Наволоок. 1, 2 — из «кострища» в кургане в урочище Боровское Купалище; 3—5, 10, 11 — селище Рапти-Наволоок VII, подъемный материал; 6—9 — селище Рапти-Наволоок VII, раскоп 1997 г.; 12, 13 — селище Рапти-Наволоок VIII, раскоп 2005 г.; 14 — селище Рапти-Наволоок VIII, подъемный материал (1 — кость; 2, 4, 6, 13 — керамика; 3, 5, 7, 12 — железо; 8 — бронза; 9 — стекло; 10 — шифер; 11 — серебро).

Fig. 5. Finds from sites in the Rapti-Navolok Complex: 1, 2 — “campfire” in the mound in the Borovskoe Kupalische stow, 3—5, 10, 11 — settlement Rapti-Navolok VII, strayfinds; 6—9 — settlement Rapti-Navolok VII, excavations 1997; 12, 13 — settlement Rapti-Navolok VIII, excavations 2005; 14 — settlement Rapti-Navolok VIII, strayfinds (1 — bone; 2, 4, 6, 13 — ceramics; 3, 5, 7, 12 — iron; 8 — bronze; 9 — glass; 10 — slate; 11 — silver).

тоже безымянный. К настоящему времени он практически пересох. Берег озера близ устья ручья представляет собой небольшой песчаный пляж, который местные жители называют «Второе Купалище» (см. рис. 1).

Селища Рапти-Наволоок VII и Рапти-Наволоок VIII расположены на противоположных берегах ручья недалеко от его устья, на краю первой береговой террасы Черемнецкого озера и, очевидно, представляют собой единый комплекс. При разведочном обследовании здесь были собраны фрагменты круговой и лепной керамики, обломок лезвия топора, небольшая железная пряжка,

фрагмент биконического пряслица, обрезанный и смятый для переплавки край медного котла (?), многочисленные железные шлаки (рис. 5: 3—5).

В 250 м к северу от поселений располагается курганная группа Рапти-Наволоок III, где раскопаны насыпи с древнерусскими ингумациями, а также культуры псковских длинных курганов (Лебедев 1974; Михайлова, Соболев 1997).

Селище Рапти-Наволоок VII расположено на краю первой береговой террасы Черемнецкого озера, на правом берегу ручья. По территории памятника проходит лесная

дорога, ведущая на пляж «Второе Купалище». Культурный слой памятника подвергается интенсивному разрушению, как от естественных причин, так и в результате активности отдыхающих.

В 1997 г. на свободном от кустов и деревьев участке в южной части поселения, у дороги, был заложен раскоп общей площадью 100 кв. м.

В результате раскопок было установлено наличие на селище нескольких разновременных слоев. Верхний слой представлял собой мелкий пылеватый темно-серый гумусированный песок, многократно переотложенный в результате выветривания; его мощность — 0,2—0,4 м. В своей верхней части на глубину 0,15—0,20 м этот слой просох, стал рыхлым и сыпучим. По площади раскопа слой серого гумусированного песка распределялся неравномерно. Его мощность в целом нарастала в направлении с юга на север, к предполагаемому центру поселения.

Со слоем темно-серого песка связан ряд индивидуальных находок: небольшое колечко, согнутое из фрагмента бронзового трехпроволочного браслета, бронзовый несомкнутый пластинчатый перстень с гладкой поверхностью, фрагмент бронзовой пластинки, отломившийся по небольшому отверстию, железный ключ типа А по Б. А. Колчину (см.: Древняя Русь... 1997: 14—16, табл. 5: 11, 16—20), удлинённая октаэдрическая бусина с «мягкими» гранями из темно-синего прозрачного стекла, фрагмент глиняного биконического пряслица и ряд неопределённых железных обломков, несколько осколков кремня со следами обработки или оббитыми (об кресало?) краями (рис. 5: 6—9). Вещевой комплекс в целом может быть датирован весьма широко: X—XII вв. В то же время синие октаэдрические бусы и небольшие биконические пряслица характерны для памятников культуры длинных курганов (см., например: Седов 1974: 27; Михайлова 2010: 88, 91).

Вся керамика, найденная в слое темно-серого песка, изготовлена из глиняного теста с примесью довольно большого количества дресвы. Фрагменты керамики немногочисленны, среди них преобладают черепки круговой посуды с линейным, линейно-волнистым и гребенчатым орнаментом. Фрагменты лепной керамики — темно-коричневых и черно-серых тонов, сравнительно слабо обжиг, с сильно выступающими на поверхности крупными зёрнами дресвы — имеют ближайшие аналогии в длинных курганах. Подавляющее большинство черепков слабо ока-

тано в результате выветривания культурного слоя.

Практически по всей площади своего распространения слой темно-серого гумусированного песка подстилался слоем серого гумусированного песка более светлого оттенка, мощностью в среднем 12—20 см. Нижняя граница этого слоя в разрезе слегка «размыта», местами заметны характерные языковатые натёки. Слой археологически стерилен и, очевидно, имеет естественное происхождение.

В юго-западной части раскопа под слоем серого гумусированного песка залегал слой плотного крупного песка рыжевато-красного оттенка мощностью 10—25 см. В основном между этими двумя слоями находился описанный выше стерильный слой светло-серого песка. Такая стратиграфическая ситуация свидетельствует о значительном временном разрыве между периодами заселения этого места.

В слое рыжевато-красного крупного песка было найдено несколько мелких окатанных фрагментов лепной керамики. Поверхность фрагментов коричневатая-красная, очень гладкая, сами черепки легкие, плотные, без видимых примесей, расслаиваются на «чешуйки» с округлыми краями. Эта керамика может быть предварительно отнесена к эпохе раннего металла.

Материк по всей площади раскопа представлял собой желтоватый плотный песок. При его зачистке было выявлено 13 ям и западин, по большей части естественного происхождения.

Таким образом, селище Рапти-Наволока VII, как и описанное выше поселение Рапти-Наволока VI, представляет собой двуслойный памятник, с аналогичными литологическими слоями: крупный плотный песок темно-красных оттенков внизу и переотложенный вследствие распахивания или развеивания дюн гумусированный серый песок сверху.

Однако с точки зрения хронологии памятников эти внешне сходные слои различны.

На селище Рапти-Наволока VI нижний слой содержал неолитические находки, а верхний связан с культурой длинных курганов. Поскольку слой селища оказался перекрыт насыпью «Боровское Купалище», также связанной с той же культурой, можно предположить относительно раннюю дату поселения Рапти-Наволока VI в рамках КДК.

Нижний слой селища Рапти-Наволока VII относится к эпохе палеометалла или раннего железного века. К сожалению, древности этих эпох в бассейне Луги пока практически не изучены, поэтому все культурно-

хронологические определения очень предварительны. Верхний слой содержит материалы как культуры длинных курганов, так и древнерусские. Можно, конечно, предположить смешанность материалов в культурном слое на песчаных дюнах, однако расположенный рядом курганный могильник Рапти-Наволоок III также состоит из насыпей культуры длинных курганов и насыпей с древнерусскими ингумациями и отчетливо демонстрирует процесс перехода от одной погребальной обрядности к другой (Михайлова 1999; 2007: 393—394).

Таким образом, внешнее сходство стратиграфических слоев обоих поселений, скорее всего, объясняется сходством геологических условий и естественных процессов формирования слоев на местах, удобных для поселения.

В целом Рапти-Наволоок VII представляет собой остатки рядового поселения эпохи раннего средневековья. Однако с общим довольно скромным обликом собранного здесь материала несколько диссонируют две случайные находки с территории селища.

В 1997 г. житель близлежащей дер. Бор передал найденное им ранее на территории селища шиферное пряслице с процарапанными на нем изображениями. По его словам, пряслице было найдено непосредственно к югу от нашего раскопа, в обресе дороги.

Биконическое пряслице изготовлено из темно-розового шифера (пиррофиллитового сланца). Его сохранившаяся высота 13 мм, наибольший диаметр 20 мм, диаметр канала 8—9,5 мм. На пряслице заметны два процарапанных острым предметом изображения: двузубец и парусное судно с высоким носом и кормовой надстройкой. Верхняя часть изображения повреждена сколом (рис. 5: 10, 10а).

Согласно определению С. В. Белецкого, изображение двузубца может быть интерпретировано как княжеский знак Святослава Игоревича или Ярополка Святославича (Белецкий, Михайлова, Соболев 1998). Изображение корабля было подробно проанализировано К. В. Шмелевым (2000).

Любопытно отметить, что сочетание двузубца и изображения корабля встречено на одной из монет, найденных на территории Восточной Европы (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 61—62, 68—69). Изображения княжеских знаков на различных предметах довольно многочисленны, им посвящена обширная литература. На пряслицах, насколько мне известно, княжеских знаков ранее не встречалось, но известны шиферные пряслица с процарапанной надписью «кня-

жее», «княжин» (в Друцке и в Старой Рязани) (Алексеев 1966: 233; Медынцева 1985: 234).

Кроме того, в 2005 г. при осмотре селища на участке с нарушенным туристами дерном был найден стертый серебряный западноевропейский денарий с пробитым отверстием (рис. 5: 11).

В целом, селище Рапти-Наволоок VII представляет собой двуслойный памятник. Нижний слой сформировался, по всей вероятности, в эпоху раннего металла. Для уточнения характера и датировки этого поселения необходимы дальнейшие исследования. На рубеже I—II тыс. н. э. удобное место при впадении ручья в большое озеро заселяется вновь. Некрополем поселения, очевидно, являлась расположенная рядом курганная группа Рапти-Наволоок III, функционировавшая в то же время, что и поселение.

Селище Рапти-Наволоок VIII занимает ровный возвышенный участок первой береговой террасы Черемнецкого озера, южнее устья ручья, напротив селища Рапти-Наволоок VII (см. рис. 1). Следы разрушенного эрозионными процессами, многократно переотложенного культурного слоя — темного песка — зафиксированы на участке размерами ок. 30×35 м. Юго-западный край селища занят осыпью, переходящей в песчаный пляж.

В 2005 г. в юго-западной части поселения, на краю береговой террасы, осыпающейся к пляжу, был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м.

Культурный слой здесь представлял собой многократно переотложенный коричневатосерый гумусированный песок мощностью от 20 до 40 см. Материк составляет светлый, почти белый песок, на котором заметны борозды тракторной распашки.

В пределах раскопа было собрано 226 фрагментов керамики. Вся она представлена небольшими окатанными обломками, размеры которых не превышают 3—5 см. Подавляющее большинство фрагментов относится к древнерусской круговой керамике и может быть датировано XI—XII вв.

Число находок лепной керамики невелико. Среди гладких лепных черепков выделяются фрагмент стенки с текстильной поверхностью и 4 мелких обломка, покрытых отпечатками гребенчатого штампа, аналогичных керамике т. н. волховского типа (Юшкова 2004: 238, 240; Сениченкова 2012: 260, рис. 1).

Следует упомянуть также крупный обломок глиняной обмазки треугольного сечения, заполнявший щель между бревнами сруба.

Сравнительно массовой категорией находок являются кремневые орудия, отщепы

и чешуйки кремня. Определенной стратиграфической позиции они не занимают. Всего в пределах раскопа найдено 40 кремневых изделий и один предмет из оббитого кварца. По мнению научного сотрудника ИИМК РАН С.Н. Лисицына, ознакомившегося с коллекцией, это сборный комплекс, который в целом может датироваться в пределах позднего мезолита — раннего неолита¹.

Самой многочисленной категорией находок оказались железные шлаки, обломки криц, капли и потеки железа — их собрано несколько сот, гораздо больше, нежели фрагментов керамики.

Встречены также индивидуальные находки: плоский железный гвоздь, фрагмент глиняного биконического пряслица, цилиндрическая обоймица из цветного металла и фрагмент сильно оплавленного стеклянного предмета, скорее всего, кольцевидной бусины (цвет стекла не установим) (рис. 5: 12, 13).

Металлическая обоймица, скорее всего, датируется периодом нового или новейшего времени. Биконические глиняные пряслица и плоские железные гвозди, напоминающие позднейшие подковные, характерны для памятников культуры длинных курганов (Михайлова 2010: 88).

После засыпки раскопа был просеян темный гумусированный песок береговой осыпи. Помимо нескольких фрагментов керамики, из сита были извлечены массивный отщеп светло-серого кремня с ретушью по краю, половинка шарообразной бусины из прозрачного светло-фиолетового стекла (рис. 5: 14) и две однотипные узкие железные скобы.

Таким образом, можно утверждать, что селище Рапти-Наволока VIII представляло собой двуслойное поселение с полностью разрушенным позднее культурным слоем. Нижний слой связан с эпохой камня, верхний — с эпохой средневековья. При этом среди средневековых находок представлены как предметы культуры псковских длинных курганов, так и более поздние древнерусские материалы XI—XII вв. Такая культурно-хронологическая характеристика селища хорошо согласуется с материалами ближайших памятников, входящих в тот же комплекс — в первую очередь, селища Рапти-Наволока VII и курганный группы Рапти-Наволока III.

Незначительные размеры данного поселения, его расположение за ручьем, отчетливое

преобладание в материалах следов железнорудного производства позволяют видеть в селище Рапти-Наволока VIII производственную (металлургическую и кузнечную) зону поселения Рапти-Наволока VII.

Заключение

Комплекс памятников Рапти-Наволока на северо-восточном берегу Черемнецкого озера расположен в чрезвычайно удобном для жизни и ведения хозяйства месте на берегу крупного озера. Комплекс сложный по своему составу и включает в себя памятники нескольких эпох, что позволяет выстроить культурно-хронологическую колонку.

Древнейшие следы обитания здесь челоука относятся к периоду каменного века и представлены кремневыми изделиями с поселения Рапти-Наволока VIII и гребенчатоямочной керамикой с поселения Рапти-Наволока VI.

Последующая эпоха палеометалла отражена в керамических коллекциях селищ Рапти-Наволока VII и VIII, однако эти материалы так малочисленны, а сама эпоха в этом регионе так плохо изучена, что делать какие-либо заключения преждевременно.

Наилучшим образом представлена в имеющихся материалах эпоха средневековья. Весь обширный комплекс памятников демонстрирует картину постоянной жизни здесь во второй половине I — начале II тыс. н. э.

Самые ранние средневековые памятники связаны с культурой длинных курганов. Точно определить время их появления здесь затруднительно. Самой ранней из числа датированных находок является пряжка с гладкой поллой В-образной рамкой и квадратным щитком с имитацией вставки на язычке, найденная Г.С. Лебедевым в кургане 21 группы Рапти-Наволока III. Она должна датироваться временем не позднее сер. VII в. (см.: Михайлова 2003: рис. 7: 3; 2009: 7).

Комплекс погребальных памятников культуры длинных курганов достаточно типичен для этой группы древностей: он представлен сравнительно крупным курганным кладбищем (северо-западная часть могильника Рапти-Наволока III) и несколькими разбросанными на незначительном удалении от основной группы одиночными курганами.

Материалы культуры длинных курганов присутствуют на всех трех рассмотренных выше поселениях, но, по всей вероятности, не все они синхронны. По крайней мере,

¹ Я благодарю старшего научного сотрудника ИИМК РАН, канд. ист. наук Сергея Николаевича Лисицына за его любезную консультацию.

на территории селища Рапти-Наволоки VI оказывается возведен курган — вероятно, посещение к этому времени было заброшено.

Анализ древнерусских материалов из этого комплекса — отдельная серьезная работа, она не входит в задачи данной статьи, посвя-

щенной в первую очередь рассмотрению поселенческих материалов, связанных с культурой длинных курганов. Эти памятники в бассейне Луги изучены еще недостаточно, и введение их в научный оборот представляется важной исследовательской задачей.

Литература

- Алексеев Л. В. 1966. *Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.)*. Москва: Наука.
- Белецкий С. В., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. 1998. Пряслице с граффити X в. из уроч. Боровское Купалище. В: Потин В. М. (отв. ред.). *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция*. Санкт-Петербург, 20—25 апреля 1998 г. Тезисы докл. и сообщ. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 119—120.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. 1991. *Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны*. Ленинград: ЛГУ.
- Древняя Русь... 1997: Колчин Б. А., Макарова Т. А. (отв. ред.). 1997. *Древняя Русь. Быт и культура*. Москва: Наука.
- Исланова И. В. 2006. *Верхнее Помостье в раннем средневековье*. Москва: Тверской государственный университет.
- Лебедев Г. С. 1971. *Отчет о работах Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге*. Архив ИА РАН. Р-1, № 4848.
- Лебедев Г. С. 1974. Длинные курганы Верхнего Полужья. *КСИА* 139, 69—73.
- Лебедев Г. С. 1977. *Археологические памятники Ленинградской области*. Ленинград: Лениздат.
- Лесман Ю. М. 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье. В: Массон В. М. (отв. ред.). *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград: Наука, 33—37.
- Медынцева А. А. 1985. Надписи на пряслицах и грамотность женщин на Руси. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *«Слово о полку Игореве» и его время*. Москва: Наука, 218—240.
- Михайлова Е. Р. 1999. Вновь исследованные курганы с захоронениями времени христианизации Северной Руси. *Вестник молодых ученых. Исторические науки* 5 (1), 82—87.
- Михайлова Е. Р. 2003. Новые исследования длинных курганов на Черемнецком озере. В: Мазуркевич А. Н. (науч. ред.). *Древности Подвинья: Исторический аспект*. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6—8 октября 1999 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 233—243.
- Михайлова Е. Р. 2007. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа. *Вестник СПбГУ. Серия 6*. Вып. 4, 389—398.
- Михайлова Е. Р. 2009. *Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры*. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Михайлова Е. Р. 2010. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области). В: Михайлова Е. Р. (отв. ред.). *Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 81—108.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. 1997. Боровское Купалище: топография и хронология комплекса памятников. В: Мачинский Д. А. (науч. ред.). *Ладога и религиозное сознание. Третье чтения памяти Анны Мачинской*. Старая Ладога, 20—22 декабря 1997 г. Материалы к чтением. Санкт-Петербург: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 136—143.
- Попов С. Г. 2010. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России. В: Мусин А. Е., Хвоцкая Н. В. (отв. ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буладин, 365—378.
- Седов В. В. 1974. Длинные курганы кривичей. *САИ* Е1—8.
- Сениченкова Т. Б. 2012. Керамика Любшанского городища. В: Мачинский Д. А. (науч. ред.). *Истоки славянства и Руси. X Чтения памяти Анны Мачинской*. Старая Ладога, 24—25 дек. 2005 г. Санкт-Петербург: Нестор-История, 256—278.
- Шмелев К. В. 2000. Изображение корабля на средневековых граффити в свете новых находок. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Мат-лы науч. семинара 1996—1999 гг. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 202—205.
- Юшкова М. А. 2004. Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволжье. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля: История и археология* 18. Материалы научной конференции. Новгород, 27—29.01.2004. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 233—242.

References

- Alekseev, L. V. 1966. *Polotskaia zemlia (Ocherki istorii Severnoi Belorussii v IX—XIII vv.)* (Polotsk Land (Sketches on the Past of the Northern Belarus in 9—13 cc.)). Moscow: Nauka (in Russian).
- Beletsky, S. V., Mikhaylova, E. R., Sobolev, V. Yu. 1998. In *Shestaia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (VIth all-Russian Conference on Numismatics)*. Saint Petersburg, 119—120 (in Russian).
- Dobrovolskii, I. G., Dubov, I. V., Kuzmenko, Yu. K. 1991. *Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevniaia Rus' i sopredel'nye strany* (Graffiti on Eastern Coins: Ancient Russia and Neighboring Countries). Leningrad: LGU (in Russian).
- Kolchin, B. A., Makarova, T. A. (eds.). 1997. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura* (Ancient Russia. Everyday Life and Culture). Moscow: Nauka (in Russian).
- Islanova, I. V. 2006. *Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e*

- (Upper Pomost'e in the Early Middle Age). Moscow: Tverskoi gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1971. *Otchet o rabotakh Severo-Zapadnoi arkheologicheskoi ekspeditsii LGU 1971 goda na Verkhnei Luge* (Progress Report of the North-Western Archaeological Expedition of the Leningrad State University on the Upper Luga in 1971). Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1. № 4848 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 139, 69—73 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. *Arkheologicheskie pamiatniki Leningradskoi oblasti* (Archaeological sites of Leningrad Oblast). Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1985. In *Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR* (New discoveries into the archaeology of the North-West of URSS). Leningrad: Nauka, 33—37 (in Russian).
- Medyntseva, A. A. 1985. In «Slovo o polku Igoreve» i ego vremia ("Tale of Igor's campaign" and Its Time). Moscow: Nauka, 218—240 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 1999. In *Vestnik molodykh uchenykh. Istoricheskie nauki* (Bulletin of Young Scholars. Historical Disciplines) 5 (1), 82—87 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 2003. In *Drevnosti Podvin'ia: Istoricheskii aspekt* (Antiquities of the Dvina River Region: Historical Aspect). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 233—243 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 2007. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Saint Petersburg State University). Series 6. Issue 4, 389—398 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 2009. *Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiia material'noi kul'tury* (The culture of Pskov long barrows. Problems of Chronology and of the Development of Material Culture). PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 2010. In *Issledovaniia pogrebal'nykh pamiatnikov na zapade srednevekovoi Novgorodskoi zemli* (Studies on Funerary Sites in the Western Part of the Medieval Novgorod Land). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 81—108 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R., Sobolev, V. Yu. 1997. In *Ladoga i religioznoe soznanie. Tret'i chteniia pamiati Anny Machinskoi* (Ladoga and Religious Mind. 3rd Readings to the Memory of Anna Machinskaia). Saint Petersburg: Staroladozhskii istoriko-arkhitekturnyi i arkheologicheskii muzei-zapovednik, 136—143 (in Russian).
- Popov, S. G. 2010. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E. N. Nosova* (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov's 60th Anniversary). Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 365—378 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1974. *Dlinnye kurgany krivichei* (Krivichis' Long Barrows). Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) EI —8.
- Senichenkova, T. B. 2012. In *Istoki slavianstva i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi* (Origins of the Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaia). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 256—278 (in Russian).
- Shmelev, K. V. 2000. In *Arkheologii i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* (Archaeology and history of Pskov and Pskov land). Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi ob'edinennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik, 202—205 (in Russian).
- Yushkova, M. A. 2004. In *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia: Istoriia i arkheologiiia* (Novgorod and Novgorod land. History and archaeology) 18. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi ob'edinennyi muzei-zapovednik, 233—242 (in Russian).

Статья поступила в номер 24 февраля 2014 г.

Elena Mikhaylova (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg State University¹.

Elena Mikhaylova (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea de Stat din Sankt Petersburg.

Михайлова Елена Робертовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: helena.mikhaylova@gmail.com

Address: ¹ Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, 191124, Russia

В. Ю. Соболев

Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато

Keywords: Novgorod Land, Izhora Plateau, 12th—13th cent., Old Russian Barrow Culture, funerary rite.

Cuvinte cheie: regiunea Novgorod, platoul Ijora, secolele 12—13, cultura tumulară rusă veche, rituri funerare.

Ключевые слова: Новгородская земля, Ижорское плато, XII—XIII вв., древнерусская курганная культура, погребальный обряд.

V. Yu. Sobolev

Unknown Excavations of S. A. Teplouhov on Izhora Plateau

The article focuses on archaeological excavations on Izhora Plateau carried out by S. A. Teplouhov — a scientific researcher at the Russian Museum, archaeologist and famous student of old sites in Minusinsk Basin, Tuva and Mongolia. He also excavated two medieval burial groups in the Leningrad Oblast in 1927—1928, but only one of his report (1928) on archaeological research in this region has been so far known. The unknown field report about his works in August 1927 near the village Dyatlitsy (now Lomonosov district of the Leningrad Oblast) was found in the archive of the Russian Museum of Ethnography. This document revealed new information about the time and history of settlements on Izhora Plateau and about details of the funerary rite spread among its medieval population.

V. Yu. Sobolev

Cercetări inedite ale lui S. A. Teplouhov pe platoul Ijora

Articolul reprezintă analiza raportului despre cercetările arheologice ale lui S. A. Teplouhov pe teritoriul platoului Ijora. S. A. Teplouhov a fost un arheolog, cercetător al siturilor din Depresiunea Minusinsk, Tuva și Mongolia, colaborator al Muzeului Rus. Între anii 1927—1928 el a lucrat în regiunea Leningrad, până la momentul actual însă fiind cunoscut doar un raport privind cercetările sale arheologice în regiunea respectivă. În arhiva Muzeului Etnografic Rus, a fost identificat un raport inedit despre investigațiile lui Teplouhov, realizate în august 1927 lângă s. Deatliț (actualul raion Lomonosov al regiunii Leningrad). Raportul identificat recent furnizează unele noi informații despre perioada și istoria populării platoului Ijora, precum și despre elementele ritului funerar al populației regiunii respective în perioada rusă veche.

В. Ю. Соболев

Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато

Статья посвящена анализу отчета об археологических раскопках С. А. Теплоухова на территории Ижорского плато. С. А. Теплоухов — археолог, известный исследователь памятников Минусинской котловины, Тувы и Монголии, сотрудник Русского музея, в 1927—1928 гг. работал в Ленинградской области, однако до сих был известен лишь один его отчет об археологических исследованиях в данном регионе. В архиве Российского этнографического музея был найден не известный ранее отчет исследователя о его работах в августе 1927 года у дер. Дятлицы (совр. Ломоносовский район Ленинградской области). Выявленный отчет дал новую информацию о времени и истории заселения Ижорского плато и деталях погребального обряда населения в древнерусскую эпоху.

Археологические исследования погребальных памятников древнерусского времени на территории Ижорского плато имеют более чем столетнюю и, как кажется, надежную историю изучения (Рябинин 1997: 5—7, 16—31, 2001: 11—18). Трудом в первую очередь таких исследователей, как А. А. Спицын,

обобщивший и издавший материалы работ Л. К. Ивановского, и Е. А. Рябинин, много лет изучавший археологические памятники региона, создана надежная источниковая база исследования культурно-исторических процессов, протекавших в этой части Новгородской земли на протяжении XI—XIV вв.

Ижорское плато как регион, в пределах которого в разные годы было изучено значительное число древнерусских погребальных памятников, постоянно привлекало внимание и занимало особое место в трудах Ю. М. Лесмана. Именно материалы из раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато и В. Н. Глазова в Восточном Причудье использовались для апробации и проверки выводов, полученных в работе над диссертационным исследованием (Лесман 1984; 1988), а созданная хронология новгородских древностей позволила датировать более 700 погребений из числа исследованных на Ижорском плато в последней четверти XIX столетия. Проведенное Ю. М. Лесманом исследование, в свою очередь, послужило базой при моделировании им системы древнерусского заселения и расселения на территории региона (Лесман 1982), анализе ярких и зачастую самобытных деталей погребального обряда (Лесман 1981а). Глубокое знание погребальных памятников данной части северо-запада Новгородской земли и неподдельный исследовательский интерес к новым материалам, как полученным в ходе археологических раскопок¹, так и попавшим в его руки от краеведов и коллекционеров, заставляли Ю. М. Лесмана пристально следить за проводившимися в регионе археологическими исследованиями и постоянно возвращаться в своих трудах к проблематике региона (Лесман 2008; 2011).

И все-таки в музейных и архивных хранилищах иногда удается найти не известные и не публиковавшиеся ранее материалы, позволяющие дополнить и уточнить сложившуюся картину. Так, в архиве Российского этнографического музея сохранился полевой отчет С. А. Теплоухова, видного русского историка, археолога и этнографа, одного из пионеров археологического исследования древних культур Минусинской котловины, Тувы, Монголии. Известно, что весной 1928 г. С. А. Теплоухов провел раскопки курганов у села Заполье Оредежского района Лужского округа, где исследовал восемь погребальных насыпей древнерусского времени (Теплоухов 1928). В архиве ИИМК РАН сохранились лишь упоминания о его работах в Северо-

Западной области, однако отчеты об исследованиях отсутствовали.

Обнаруженный в архиве РЭМа отчет (Теплоухов 1927) содержит информацию о раскопках 20 погребальных насыпей, входивших в состав двух курганных групп, располагавшихся к северу и к югу от деревни Дятлицы Троицкого уезда Ораниенбаумского района². Курганы у дер. Дятлицы были известны археологам: в 1883 г. они исследовались Л. К. Ивановским, раскопавшим 52 погребальных насыпей (Спицын 1896: 76), а в 1900 г. члены и слушатели Санкт-Петербургского Археологического института под руководством действительного члена СПбАИ Н. А. Штоффа «как пополнение раскопок Ивановского» (Штофф 1901: 211) исследовали еще 22 кургана и неустановленное число жальников³ (Штофф 1901: 211—217).

Обнаруженный в архиве РЭМ отчет С. А. Теплоухова представляет собой альбом формата А4. На первых страницах кратко дана общая информация о намеченных к исследованию памятниках: описание расположения и внешнего облика обеих курганных групп⁴, строения почв, методики работ и небольшой анализ общего строения погребальных насыпей⁵, предваряющие описание собственно исследованных объектов. Основной отчетный материал скомпонован таким образом, что информация по каждому исследованному кургану занимает разворот: на левой стороне альбомного листа размещено описание кургана, а на правой — его план и разрез, а также чертеж погребения. В отчете отсутствуют фотоматериалы и рисунки найденных при раскопках вещей, также отсутствует информация о месте хранения находок.

В общей сложности с 10 по 15 сентября 1927 г. было исследовано 20 курганов, из которых 15 находились в группе к юго-востоку от деревни, т. е. в курганно-жальничном могильнике Дятлицы I, и 5 в курганной груп-

¹ Автор этих строк не раз был свидетелем как огромного научного интереса, с которым Юрий Михайлович осматривал и зарисовывал свежие находки, так и жарких споров, причины которых заключались в его несогласии с хронологической и культурно-исторической интерпретацией отдельных, хорошо известных категорий находок.

² Ныне Ломоносовский район Ленинградской области.

³ «Жальники были исследованы в одном только месте, и за недостатком времени и вследствие дурной погоды записи не велись» (Штофф 1901: 215).

⁴ К сожалению, в отчете отсутствуют планы курганных групп, приводится лишь их общее описание.

⁵ Наличие краткого анализа строения курганных насыпей в составе отчета предполагает, что данный отчет является чистовым экземпляром, предназначенным для сдачи в архив. По всей вероятности, он был написан на основании полевых материалов, которые, к сожалению, в архиве РЭМ отсутствуют.

пе Дятлицы II, расположенной к северу от церкви.

В курганный группу I, располагавшейся к юго-востоку от церкви, к началу работ сохранилось около 60 курганов, около половины из которых были раскопаны предыдущими исследователями. Группа со всех сторон была окружена пахотными полями, распашка постепенно уничтожала курганы. К настоящему времени группа не сохранилась и считается утраченной (Лапшин 1990: 80).

В курганный группе, расположенной к северу от церкви дер. Дятлицы, С. А. Теплоуховым было исследовано всего 5 курганов. К началу раскопок группа насчитывала около 200 густо поросших кустарником курганов, разделенных ложиной на две части — западную и восточную. В составе группы II, большинство памятников которой аналогичны по своему внешнему виду описанным в группе I, отмечены несколько высоких конических насыпей, а также несколько курганов, сплошь выложенных камнем по поверхности.

Среди применявшихся С. А. Теплоуховым методических приемов исследования стоит отметить раскопки курганных насыпей на снос, с полной предварительной расчисткой каменной обкладки и оставлением одной широкой — шириной 1 м — бровки для фиксации точных размеров и стратиграфии насыпи (Теплоухов 1927: 1), смачивание грунта для выявления контуров могил (Теплоухов 1927: 2) и нанесение выявленных контуров на план кургана.

Небольшое в целом число раскопанных курганных насыпей, их схожее внутреннее строение, единый хронологический интервал, в котором были совершены захоронения, и отсутствие коллекции находок — все это позволяет провести анализ отчетного материала суммарно, разделение по группам приводится только в случае ярко выраженных отличий.

Строение насыпей

В курганный группу I⁶, постепенное уничтожение которой распашкой фиксировалось еще в начале XX в., а ныне считающейся полностью уничтоженной, С. А. Теплоуховым

было насчитано 60 курганных насыпей; жалничные же захоронения, отмеченные Н. А. Штоффом на северо-западном и юго-восточном краях группы в 1900 г., к моменту раскопок 1927 г. уже были утрачены. Насыпи невысокие, от 0,5 до 0,88 м, полусферической формы, диаметром от 3,5 м до 4,7 м, окруженные по основанию кольцевыми валунными выкладками в 1—3 ряда. Лишь одна насыпь — №14, имела большие размеры: диаметр 6,3 м при высоте 1,15 м. Каменные оградки, сложенные из крупных и среднего размера гранитных валунов, составленных довольно редко, зафиксированы в основаниях трех курганов (№1, 4, 12 и 14); в остальных насыпях они сложены довольно плотно, иногда в два яруса. Аккуратность и регулярность кольцевых обкладок, по мнению Е. А. Рябинина, характерны для ранних погребальных памятников Ижорского плато (Рябинин 2001: 23). Нужно подчеркнуть, что, по наблюдениям Е. А. Рябинина, использование при устройстве обкладки насыпей валунного камня, а не известняковой плиты, значительно более распространенной на Ижорском плато, в тенденции является ранним хронологическим признаком.

Лишь в кургане №13 каменная оградка насыпи раскопками не зафиксирована. Для надгробных сооружений Ижорского плато отсутствие каменной обкладки в основании насыпи не характерно, по всей вероятности, в данном кургане обкладка была уничтожена при распашке или растащена жителями на постройку.

Характерной особенностью всех раскопанных курганов (Теплоухов 1927: 1) является установка валуна значительных размеров — «огромного» — в западной части обкладки, отсутствующего лишь в двух случаях из 20 (в курганах №3 и 14). В курганах №6 и 8 эти камни большего размера поставлены смещенно относительно оси погребения. Разница между ориентировкой захоронения и направлением установки крупного камня в головах говорит о возведении курганных насыпей по прошествии некоторого времени после предания останков земле. Таким образом, можно констатировать, что большинство насыпей возводилось практически сразу после совершения захоронения, однако некоторые — спустя достаточно продолжительное время, что и обусловило указанную разницу в ориентировке.

В верхней части насыпей 7 и 14 встречались отдельные валуны, а в центральной части насыпи кургана №15 была сформирована валунная выкладка в 3 яруса.

⁶ Н. А. Штофф в своем Отчете о раскопках (Штофф 1901) считает группу, расположенную к северу от деревни, группой I, а находящуюся южнее — группой II, в то время как и его предшественники (Спицын 1896), и исследователи более позднего времени (Теплоухов 1927; Коишевский, Дебец 1927; Лапшин 1990) называют группой I курганы, располагавшиеся к югу от деревни, а группой II — находящиеся к северу.

Отдельные камни и целые булыжные вымостки нередки в курганах запада Новгородской земли. Они фиксировались, например, Л. К. Ивановским в могильнике Озера (Спицын 1896: 70), В. Н. Глазовым в курганной группе у дер. Калихновщина (Глазов 1900: 57 об.—58, рис. 14), Е. А. Рябининым в курганной группе у дер. Бегуницы (Рябинин 2001: 24). Камни в верхней части намогильной насыпи также отмечались во время работ студентов Санкт-Петербургского университета, проводивших исследования погребальных памятников у дер. Замошье (Спицын 1910: 27; Медведева, Соболев 2013: 351) и Л. Н. Целепи в Верхнем Полужье (Целепи 1899: 7, 8 об., 9). За пределами Новгородской земли как отдельные камни, так и каменные вымостки и выложенные из камней своды, более редки, но прослежены, к примеру, в курганах Тверского Поволжья (Степанова 2010: 188—190).

Насыпи курганов возводились как за один прием, так и могли подновляться и досыпаться. В разрезах курганов (№4—9, 12, 14) на середине их высоты фиксировались гумусированные прослойки, свидетельствующие о досыпке насыпи курганов или об искусственном перекрытии насыпи на определенном ее уровне дерном.

Также в разрезах курганов (№8, 10, 11 и 12) зафиксированы горизонтальные прослойки различной толщины на уровне погребенного дерна или несколько выше, являющихся, по всей вероятности, остатками дерновых или дерево-дерновых перекрытий могильных ям.

В первой курганной группе лишь дважды тела погребенных были помещены на уровне древней дневной поверхности, а в одном из курганов (№6) могильная яма лишь прорезала слой погребенного дерна (Теплоухов 1927: 7—7 об.), остальные могильные ямы достигали глубины 0,3—0,6 м. В курганной группе II из 5 исследованных курганов в двух случаях (в курганах №2 и 5) останки были обнаружены на уровне древней дневной поверхности, а в одном — в кургане №3 — на 0,3 м «выше материка». Обращение к отчетному чертежу кургана (Теплоухов 1927: 20) показывает, что материком С. А. Теплоухов называет верхний уровень погребенного дерна, т. е. захоронение было совершено на подсыпке высотой 0,3 м.

Помещение останков на уровне древней дневной поверхности или на подсыпке является характерной чертой погребального обряда населения Ижорского плато. Появление погребений в грунтовых ямах относится к XIII в.,

однако именно в курганах у дер. Дятлицы и соседних могильниках «сохраняется традиция хоронить умерших на уровне погребенной почвы» (Хвоцдинская 1981: 35).

Стоит отметить, что при раскопках лишь однажды зафиксирован развал керамического сосуда в грунте насыпи (курган №5 группы Дятлицы II). Находки в теле курганной насыпи и на уровне погребенного дерна разбитой глиняной посуды являются характерной особенностью погребального обряда населения Ижорского плато (Рябинин 2001: 31). Возможно, фрагментированный керамический материал был пропущен при раскопках или по какой-то причине сочтен не заслуживающим внимания.

Обряд погребения и вещи

Прослеженный в исследованных курганах обряд погребения демонстрирует достаточно единообразную картину: за одним исключением, под всеми насыпями было расчищено по одному захоронению по обряду ингумации. Большая часть — 13 из 15 — была совершена в могилах, размеры которых были прослежены не всегда надежно, глубина колебалась от 0,2 до 0,7 м. Лишь в курганах №3 и №4 захоронения были совершены на уровне погребенного дерна. Все погребенные ориентированы головами на запад с естественными отклонениями, трактуемыми как сезонные. В тексте отчета направление погребения указано в градусах, заметна равномерность распределения направлений в диаграмме, что позволяет утверждать, что информация подготовлена к подаче в отчет уже в генерализованном виде.

В курганах №6, 7, 12, 15 по стенкам и на дне могил прослежены остатки досок и их следы. По всей видимости, они не могут быть интерпретированы как остатки гробов, во всяком случае, гробов в современном понимании — положение тел большинства погребенных исключало наличие какой бы то ни было крышки, также примечательно, что не было найдено ни одного гвоздя или костыля, скреплявшего доски. Вероятно, прослеженные фрагменты дерева относились к рамчатым каркасам, сооруженным в могилах, часть деревянных фрагментов, возможно, относилась к остаткам дощатых «носилок», на которых тело доставляли к месту погребения и опускали в могилу.

Достоверно сидячих погребений, достаточно характерных для региона Ижорского плато, в исследованиях С. А. Теплоухова

в Дятлицах не прослежено, однако подавляющее большинство погребенных было помещено в могилы в полусидячем положении или с приподнятой головой, или всей верхней частью туловища. Это подтверждается и зафиксированным в тексте отчета порядком расчистки костей скелета, и приведенными чертежами; лишь в курганах №4 и 15 погребенные лежали вытянуто на спине.

Такие детали погребального обряда, как приподнятая голова (т.е. наличие изготовленной из органических материалов и чаще всего не фиксируемой при раскопках «подушки») и/или приподнятое положение всей верхней части тела погребенного время от времени встречаются среди древнерусских захоронений как на северо-западе Новгородской земли, так и в других регионах. Аналогичное положение тел фиксировалось в Северо-Восточном Причудье, например, в курганах №6 и 12 группы у дер. Калихновщина, исследовавшейся В. Н. Глазовым в начале XX столетия (Глазов 1900: 43 об., 44, рис. 3; 46—46 об., рис. 5), на Ижорском плато, в раскопках дореволюционных исследователей (Спицын 1896: 7—8) и в современных работах (Рябинин 2001: 34—35), в исследованных в Верхнем Поплюсье древнерусских подкурганных захоронениях, изучавшихся автором настоящей статьи.

Исследователи не раз обращали внимание на распространение сидячих и полусидячих погребений на территории Древней Руси, однако, установить «причины и условия появления этой обрядности в древнерусских курганах пока не удастся» (Седов 1982: 174). Ю. М. Лесман, посвятивший данной детали погребального обряда одну из своих работ, констатировал отсутствие связи со скандинавским погребальным обрядом X в. и пришел к выводу о возникновении этого элемента погребального обряда в восточных районах Новгородской земли (Лесман 1981а: 55).

Сохранность костей не всегда позволяет достоверно зафиксировать положение рук погребенных: оно может быть прослежено лишь в 7 погребениях, еще в трех захоронениях может быть частично реконструировано, устойчивая традиция не фиксируется.

Интересной отмеченной в отчете особенностью, прослеженной в захоронениях под насыпями 6 курганов, является помещение отдельных камней возле тела покойного. В насыпи, над черепом погребенного в кургане №3 было расчищено три некрупных валуна, еще один небольшой камень располагался между колен погребенного; в кургане №5, над

могилкой, в головах, на уровне погребенного дерна также зафиксировано несколько гранитных камней. По одному крупному валуну было помещено в ноги погребенных в курганах №1 и №9, в кургане №2 камень был расчищен в районе правого колена погребенного, а в могиле, исследованной под насыпью кургана №15, по одному гранитному валуну находилось в ногах, над левым коленом и слева над черепом.

Помещение отдельных камней в могилу характерно и для захоронений под курганами группы II.

Обращает на себя внимание находка в заполнении могилы кургана №1 II группы кусочка кремня «со следами оббивки» (Теплоухов 1927: 17 об.). Кресальные кремни в насыпке могил встречались при исследовании захоронений втор. пол. — конца XII в. кладбищ средневекового Которского погоста.

Антропологический анализ материала, по всей вероятности, не проводился; информация о том, была ли сформирована коллекция антропологического материала, отсутствует. В отчет лишь в одном случае — в описании захоронения в кургане №13, отмечено, что костяк принадлежал «молодому субъекту (лет 14—16)» (Теплоухов 1927: 14 об.), в описаниях остальных курганов половые и возрастные характеристики не приведены. Это кажется странным, т.к. С. А. Теплоухов профессионально разбирался в антропологии: в середине 1910-х гг. он был оставлен при кафедре географии и этнографии в Казанском университете, стажировался в Санкт-Петербурге у председателя Русского антропологического общества профессора Ф. В. Волкова, позднее, в 1919—1921 гг., был доцентом Томского университета по кафедре географии и антропологии (Китова 2010: 168), а на отчетных чертежах курганов многие кости скелета подписаны им по-русски и/или по-латыни⁷ (Теплоухов 1927: 3, 5—9, 13, 14, 18, 21).

Вещи — украшения и/или детали костюма, орудия труда, предметы вооружения — были найдены в половине исследованных курганов, однако общее число найденных предметов незначительно. К сожалению, в отчете отсутствуют рисунки вещей, а их описание в тексте отчета ограничивается лишь типом найденного предмета. В целом можно отме-

⁷ Хотя не обошлось и без курьезных недоразумений — на некоторых чертежах (напр.: Теплоухов 1927: 6, 11) количество изображенных на чертеже ребер превосходит число данных костей, имеющееся у подавляющего большинства людей.

тить бо́льшую насыщенность находками курганов второй группы, где вещи были найдены в 4 захоронениях из 5 исследованных (в группе 1 соотношение составляет 7 из 15).

Украшения. Серьги или височные кольца, по всей вероятности, проволочные, найдены по одному в курганах №3, 7 и, возможно, в кургане №5; бронзовая застежка, вероятно, подковообразная — в кургане №15, браслеты — в курганах №8 («На обеих руках немного выше запястья широкие медные браслеты» (Теплоухов 1927: 9 об)), №11 и, вероятно, №12. Собственно, в последнем кургане сами браслеты найдены не были, но на костях предплечий были зафиксированы медные окислы (Теплоухов 1927: 13 об), остающиеся после разрушения украшений. Также в кургане №5, рядом с черепом, были найдены сломанный бронзовый перстень с небольшой печаткой (на фаланге пальца) и выпуклая медная бляшка.

В курганной группе II украшений головы найдено не было. В кургане №3 найдены браслет и застежка, а в кургане №4 — перстень и несколько бусин.

Украшения головы — обычно парные в женском уборе — широко распространены территориально и хронологически; в разработанной Ю. М. Лесманом хронологии новгородских древностей (Лесман 1984; 1990; и др.) они образуют семь хронологически значимых типов (Лесман 1990: 69). К сожалению, по столь скудному описанию найденные С. А. Теплоуховым артефакты не могут быть однозначно отнесены ни к одному из них.

Судя по отчетному чертежу (Теплоухов 1927: 5), украшение имело небольшие размеры и могло относиться к группе проволочных перстнеобразных височных колец. Такие кольца были популярны со втор. пол. XI и до конца XIII в. (Лесман 1990: 69), однако, нужно заметить, что перстнеобразные кольца очень редко находимы по одному экземпляру, их число в уборе доходит до 6—10 экз.

Возможно, найденные височные украшения представляли собой изготовленные из дополнительно перекрученной вокруг своей оси медной или бронзовой проволоки, аналогичные найденным В. Н. Глазовым в жальниках у д. Большие Поля (Спицын 1903: 66, 69), Савиновщина (Спицын 1903: 78—79), кургане №15 при мызе Куричок (Спицын 1903: 85, 20, табл. XXIV, 7). Такие украшения sporadически встречаются в подкурганных и жальничных женских захоронениях Новгородской земли, всегда по одному экземпляру в погребении.

Время их бытования не может быть определено на основании шкалы новгородских древностей, но в целом они являются находками, маркирующими достаточно поздний пласт погребальных памятников (вероятно, не ранее XIII в.). А. А. Спицын, анализируя материал из раскопок В. Н. Глазова в Восточном Причудье, определяет эти изделия как «характерные неправильно перегнутые височные кольца, как бы мятые», относя их бытование к еще более позднему времени — к XIV—XV вв. (Спицын 1903: 54).

Застежки «с усиками» или «концами» (Теплоухов 1927: 16 об, 19 об) — по всей вероятности, подковообразные — находка весьма характерная как для мужских, так и для женских захоронений, может быть датирована несколько уже — наиболее поздние из подковообразных выходят из употребления в конце XIV в. (до 1396 г. (Лесман 1990: 75—76)). Замкнутые застежки существуют в более ограниченном хронологическом отрезке — начиная с последней четверти или конца XII в. до середины XIV в. (между 1177 или 1197 и 1340 гг. (Лесман 1990: 77—78)).

Браслеты, как и все остальные находки из погребений в Дятлицких курганах, описаны в отчете крайне скупо, в то время как данная категория находок является одной из наиболее массовых как в городских культурных напластованиях, так и в погребальных древностях. Определенные как «широкие», браслеты из погребения в кургане №8 могут быть датированы лишь интервалом от последней четверти XII до конца XIV в. в целом (Лесман 1990: 38). Также стоит отметить, что широкие браслеты — наиболее поздние из данной категории украшений (Лесман 1990: 34).

Перстень «с небольшой печаткой», найденный в кургане №5 курганной группы I, может быть отнесен к группе щитковых перстней (Лесман 1990: 46—47). При отсутствии информации о форме и сечении щитка, наличии и композиции орнамента, можно лишь суммарно датировать данный предмет временем бытования щитковых перстней в целом — от середины XII до (после 1161 г. или после 1197 г., верхняя дата не определима, но позднее 1299 г. (Лесман 1990: 51—53)).

Оружие. Железные наконечники метательного оружия — наконечник копья и несколько наконечников стрел были найдены под насыпями курганов №2 и 3 группы Дятлицы II. Наконечник стрелы, обнаруженный в одном из горшков, стоявших в ногах погребения в кургане №3, лишь упомянут в отчете, тип его не известен.

Орудия труда. В ногах погребенного в кургане №5 группы Дятлицы II был найден железный серп. Данная категория находок, в первую очередь кос и серпов, довольно редко, но встречается в погребениях Новгородской земли (Рябинин 1974). Высказывалось предположение о большей распространенности находок орудий труда в контактных зонах, где в формировании древнерусской культуры, кроме славянского населения, участвовали финно-угорские племена.

Керамика. Фрагменты керамических сосудов в захоронениях зафиксированы лишь дважды: небольшой развал горшка «очень плохой сохранности» слева, выше уровня погребения в кургане №6 (Теплоухов 1927: 7 об.) и отдельный черепок, также слева у пояса погребенного, в кургане №14. Еще в двух курганах группы Дятлицы II развалы сосудов расчищены в ногах погребений.

Кургану №2, как наиболее сложному и интересному, ниже будет уделено особое внимание.

Округлая в плане насыпь кургана №2 при диаметре 6,4 м имела высоту 0,86 м, основание насыпи было обложено валунными камнями средней величины в один ряд «с интервалами». Под восточной и в верхней части юго-западной половины кургана расчищены каменные вымостки. Зафиксированный стратиграфический разрез насыпи позволяет утверждать существование дополнительных конструкций. На уровне древней дневной поверхности в центре площадки расчищен скелет, от которого сохранились лишь череп, несколько позвонков, часть костей предплечья левой руки, таза и ног. Судя по расположению костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой практически точно на запад, кисть левой руки, вероятно, находилась в районе лонного сочленения. В 0,35—0,7 м к востоку от сохранившихся костей ног лежал большой гранитный валун овальной в плане формы. К югу от валуна выявлен развал керамического сосуда черного цвета; к северу от валуна, вплотную к нему, обнаружена линза мелких кальцинированных костей, в северной части скопления которых найдено железное втульчатое копье с пером, по всей вероятности, листовидной формы, и четыре железных черешковых наконечника стрел. К востоку и северо-востоку от кремации на уровне древней дневной поверхности расчищена однослойная каменная вымостка, между валунами которой встречались угли и зола, а сами камни несли на себе следы воздействия огня, но «расположение их не напоминает очага» (Теплоухов 1927: 18).

Обряд кремации не характерен для населения Ижорского плато. Из почти 6000 исследованных курганов лишь несколько десятков содержали погребения по обряду полного или частичного сожжения⁸. Все они связываются исследователями с додревнерусским населением региона и датируются X—XI вв. (Кольчатов 1982: 63—65).

Найденные среди кальцинированных костей наконечники стрел — черешковые, два из них имеют перо листовидной формы, а оставшиеся два — узкие вытянутые перья, что позволяет их предположительно отнести к ланцетовидным. Наконечник копья схож с типами III или IV по типологии А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966), первый из которых датируется очень широко, а второй относится исследователем к XI—XIII вв.

Представляется вероятным, что насыпь кургана №2 перекрыла более раннее погребение по обряду кремации, датируемое X — началом XI в.

Если сделанное предположение верно, то исследованное С. А. Теплоуховым погребальное сооружение может быть отнесено к раннему этапу заселения Ижорского плато. Косвенным свидетельством в пользу высказанного предположения может служить находка в 1846 г. монетно-вещевого клада в поле у мызы Боровская, расположенной к юго-западу⁹ от дер. Дятлицы (Корзухина 1954: 103).

В последние годы исследователями получены сведения об обнаружении новых погребений по обряду кремации на территории Ижорского плато (Стасюк 2008а; 2008б). К сожалению, все находки были сделаны не в ходе археологических исследований, а путем уничтожения памятников древности кладоискателями, надгробные сооружения разрушены без фиксации, а находки разошлись по частным коллекциям. На фоне недостаточного финансирования науки и общего сокращения объема археологических исследований информация, заключенная в отчетах наших предшественников, обретает особую ценность.

⁸ Необходимо учитывать, что методика исследований и степень документированности работ Л. К. Иванова и Н. К. Рериха заставляют относиться к опубликованным результатам с большой осторожностью.

⁹ В публикации мыза Боровская ошибочно помещена между Ропшей и Дятлицами, т. е. к востоку от Дятлиц, тогда как в действительности она находилась в 2,5 км к юго-западу от Дятлиц.

Литература

- Глазов В. Н. 1900. *О раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде С.-Петербургской губ.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 50.
- Китова Л. Ю. 2010. Сергей Александрович Теплоухов. РА (2), 166—173.
- Коишевский Б. А., Дебес Г. Ф. 1927. *Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское Село — Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской обл. Б. А. Коишевского и Г. Ф. Дебеса в 1927 г.* НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 108.
- Кольчатов В. А. 1982. О времени заселения Ижорского плато. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Ленинград: Ленинградский университет, 61—65.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Лапшин В. А. 1990. *Археологическая карта Ленинградской области I. Западные районы.* Ленинград.
- Лесман Ю. М. 1981а. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. КСИА 164, 52—58.
- Лесман Ю. М. 1981б. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада. КСИА 166, 98—103.
- Лесман Ю. М. 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Ленинград: Ленинградский университет, 65—74.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Колчина Б. А., Янина В. Л. (ред.). *Археологическое изучение Новгородской земли.* Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Лесман Ю. М. 1988. *Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв.: синхронизация вещевых комплексов.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода: (X—XIV вв.). В: *Материалы по археологии Новгорода. 1988.* Москва, 29—98.
- Лесман Ю. М. 2008. Вырицкий курганный могильник. В: Сорокин П. Е. (ред.-сост.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга 2. Древности Ижорской земли.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 33—74.
- Лесман Ю. М. 2011. Причудье и Ижорское плато и культурная специфика северо-русского пограничья в XI—XII вв. РАЕ 1, 396—421.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю. 2013. Раскопки у д. Замощье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *Археология Пскова и Псковской земли.* Мат-лы 58-го заседания семинара имени акад. В. В. Седова. Москва: ИА РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 346—358.
- Рябинин Е. А. 1974. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. КСИА 139, 23—26.
- Рябинин Е. А. 1997. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Рябинин Е. А. 2001. *Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971—1991 гг.).* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Москва: Наука.
- Спицын А. А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.* МАР 20. Санкт-Петербург.
- Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.* МАР 29. Санкт-Петербург.
- Спицын А. А. 1910. *Отчет о раскопках в Удрай-Замощье Лужского у. Ленинградской губ.: Александрова, С. Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова. Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г.* НА ИИМК РАН. РА. Ф. 5. Д. 214.
- Стасюк И. В. 2008а. Могильник у поселка Ополье: новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато. В: Носов Е. Н., Тихонов И. Л. (ред.). *История и практика археологических исследований.* Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург: СПбГУ, 362—364.
- Стасюк И. В. 2008б. Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение). В: Виноградов А. В. (отв. ред.). *Исследование археологических памятников эпохи средневековья.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 3—24.
- Степанова Ю. В. 2010. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений. В: Гайдуков П. Г. (отв. ред.). *Археология Пскова и Псковской земли.* Семинар имени акад. В. В. Седова. Мат-лы 55-го заседания семинара. Псков: ИА РАН, 187—195.
- Теплоухов С. А. 1927. *Отчет о раскопках курганов у дер. Дятлицы. 1927 г.* РЭМ. Архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 97.
- Теплоухов С. А. 1928. *Раскопки С. А. Теплоухова 1928 г. в Северо-Западной области.* НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122.
- Хвоцинская Н. В. 1981. О некоторых различиях курганов Северо-Запада Новгородской земли. КСИА 166, 34—39.
- Целепи Л. П. 1899. *О раскопках Л. Н. Целепи в Лужском и Новгородском уездах.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 113.
- Штофф Н. А. 1901. Отчет о раскопках, произведенных СПб. Археологическим институтом 13—14 мая 1900 г. *Вестник археологии и истории XIV.* Санкт-Петербург, 211—218.

References

- Glazov, V. N. 1900. *O raskopkakh V. N. Glazova v Gdovskom uезде S.-Peterburgskoi gubernii*. (On V. N. Glazov's Excavations in Gdov Uezd (County) of S.-Petersburg Guberniya). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. 1900. D. 50 (in Russian).
- Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166—173 (in Russian).
- Koishevsky, B. A., Debets, G. F. 1927. *Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское Село — Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской обл. Б. А. Коишевского и Г. Ф. Дебета в 1927 г.* (Report on Archaeological Recognition in Leningrad Guberniya along the Route Detskoe Selo — Koporye, undertaken by members of palaeontological surveying expedition led by V. A. Koishevsky and G. F. Debets in Leningrad Oblast

№5. 2014

- in 1927). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Op. 1. 1927. D. 108 (in Russian).
- Kolchatov, V. A. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu ran-nego srednevekov'ia* (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages). Leningrad: LGU, 61—65 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady* (Russian Hoards). Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Lapshin, V. A. 1990. *Arkheologicheskaia karta Leningradskoi oblasti* (Archaeological Map of Leningrad Oblast) I. Zapadnye raiony (Western Provinces). Leningrad (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 164, 52—58 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 166, 98—103 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu ran-nego srednevekov'ia* (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages). Leningrad: LGU, 65—74 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgorodskoi zemli* (Archaeological Study of Novgorod Land). Leningrad: LGU, 118—153 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1988. *Pogrebal'nye pamiatniki severo-zapada Novgorodskoi zemli i Novgorod XI—XIV vv.: sinkhronizatsiia veshchevykh kompleksov* (Burial Sites of North-Western Part of Novgorod Land and Novgorod in 11th—14th cc.: synchronization of artifact complexes). PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988* (Materials on Archaeology of Novgorod. 1988). Moscow, 29—98 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga* (Archaeological Heritage of S.-Petersburg) 2. *Drevnosti Izhorskoj zemli* (Antiquities of Izhorsk Land). Saint Petersburg: IIMK RAN, 33—74 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* (Russian Archaeological Annual) 1, 396—421 (in Russian).
- Medvedeva, M. V., Sobolev, V. Yu. 2013. In *Arkheologiiia Pskova i Pskovskoi zemli* (Archaeology of Pskov and Pskov Land). Moscow: IA RAN; Pskov: PGOIAKhMZ, 346—358 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 139, 23—26 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi. K istorii slaviano-finskikh etnokul'turnykh svyazei* (Finno-Ugric Tribes within Early Rus'. Towards History of Slavic-Finnish Ethnic-Cultural Relations). Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 2001. *Vodskaa zemlia Velikogo Novgoroda (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy 1971—1991 gg.)* (Vod' Land in the Great Novgorod (results of archaeological research in 1971—1991)). Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv.* (Eastern Slavs in 6th—13th cc.). Moscow: Nauka (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1896. *Kurgany Sankt-Peterburgskoi gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo* (Barrows of S.-Petersburg Guberniya in L. K. Ivanovsky's Excavations). Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the Archaeology of Russia) 20. Saint Petersburg (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1903. *Gdovskie kurgany v raskopkakh V. N. Glazova* (Gdov Barrows in V. N. Glazov's Excavations). Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the Archaeology of Russia) 29. Saint Petersburg (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1910. *Otchet o raskopkakh v Udrai-Zamosh'e Luzhskogo u. Leningradskoi gub.: Aleksandrova, S. Dubinskogo, K. Kudriashova, N. Lavrova. Liubomirova, Vl. Ostrogskego, Pokrovskogo, Sadikova, Sakhaneva, Tishchenko, Chernova i Balitskogo. Mai 1910 g.* (Report on Excavations in Udray-Zamosh'e of Luga County of Leningrad Guberniya: by Aleksandrov, S. Dubinsky, K. Kudriashov, N. Lavrov, Liubomirov, Vl. Ostrogsky, Pokrovsky, Sadikov, Sakhaneva, Tishchenko, Chernov and Balitsky. May 1910). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk. Rukopisnyi arkhiv (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Archive of Manuscripts). F. 5. D. 214 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2008. In *Istoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (History and Practice of Archaeological Research). Saint Petersburg: SPbGU, 362—364 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2008. In *Issledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov epokhi srednevekov'ia* (Study of Medieval Archaeological Sites). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 3—24 (in Russian).
- Stepanova, Yu. V. 2010. In *Arkheologiiia Pskova i Pskovskoi zemli* (Archaeology of Pskov and Pskov Land). Pskov: IA RAN, 187—195 (in Russian).
- Teploukhov, S. A. 1927. *Otchet o raskopkakh kurganov u der. Dyatlitsy. 1927 g.* (Report on Excavations of Barrows near village Dyatlitsy. 1927). Rossiiskii Etnograficheskii muzei. Arkhiv. (Russian Ethnographic Museum. Archive). F. 3. Op. 1. D. 97 (in Russian).
- Teploukhov, S. A. 1928. *Raskopki S. A. Teploukhova 1928 g. v Severo-Zapadnoi oblasti* (S. A. Teploukhov's Excavations of 1928 in North-Western Oblast). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Op. 1. 1928. D. 122 (in Russian).
- Khvoshchinskaya, N. V. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 166, 34—39 (in Russian).
- Tselepi, L. P. 1899. *O raskopkakh L. N. Tselepi v Lugskom i Novgorodskom uездakh* (On L. N. Tselepi's Excavations in Luga and Novgorod Counties). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. 1899. D. 113 (in Russian).
- Schtoff, N. A. 1901. In *Vestnik arkheologii i istorii* (Bulletin of Archaeology and History) XIV. Saint Petersburg, 211—218 (in Russian).

Статья поступила в номер 10 марта 2014 г.

Vladislav Sobolev (Saint Petersburg, Russia). Saint Petersburg State University¹.**Vladislav Sobolev** (Sankt Petersburg, Rusia). Universitatea de Stat din Sankt Petersburg.**Соболев Владислав Юрьевич** (Санкт-Петербург, Россия). Санкт-Петербургский государственный университет.**E-mail:** vlad.sobolev@gmail.com**Address:** ¹ Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russia

И. В. Стасюк

О родниках, мечях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли

Keywords: Novgorod land, Izhora Plateau, Medieval Ages, Vodskaya pyatina, rural settlement, landscape, pogost.

Cuvinte cheie: regiunea Novgorod, platoul Ijora, epoca medievală, Vodskaia piatina, așezare rurală, landșaft, pogost.

Ключевые слова: Новгородская земля, Ижорское плато, средневековье, Водская пятина, сельское расселение, ландшафт, погост.

I. V. Stasjuk

On Springs, Swords and Pogosts. Note to the Historical Geography of the West Novgorod Land

The article analyzes spatial distribution of pogost centers in Koporye, Yam and Oreshek counties of Vodskaya pyatina. These centers are known from 15th—16th centuries and analyzed against the background of settlement in I — beginning of II millennium BC, landscape and geographical features of Izhora Plateau. It is established that pogost centers of 15th—16th centuries were located in the marginal zone of the highland, skirting its slopes and foothills. In the central part of the plateau there are no pogost centers, in spite of a dense network of settlements of 12th—15th centuries. This can apparently be explained by the presence of the Ingrian elevated water sources in the marginal zone— springs, creeks and small rivers originating on its slopes. Only 3 of the 17 studied pogost centers are located closer to the arid central plateau. Six pogost centers are located in the ancient foci development and their beginning relates to the first centuries BC and is associated with the culture of stone tombs with fences. Their area covers the northern and western outskirts of the hill. In most cases (13 of 17) pogosts are located in the centers Russian medieval settlement in 12th—13th centuries, which is marked by barrow cemeteries. At the same time, pogost centers of 15th—16th cc. are not related to the forts of the preceding period. It is noteworthy that pogost centers of 15th—16th centuries and barrow burials with swords of 12th—13th centuries gravitate towards the marginal zone of the plateau, to the sources of rivers.

I. V. Stasjuk

Despre izvoare, săbii și pogosturi. Notă despre geografia istorică a vestului regiunii Novgorod

Articolul prezintă analiza distribuției spațiale a centrelor-pogosturi ale raioanelor Koporye, Iam și Oreșek din cadrul regiunii Vodskaia piatina, cunoscute din izvoarele scrise ale sec. XV—XVI. Această distribuție este studiată pe fundalul particularităților geografice ale platoului Ijora și a populației zonei respective în mileniul I — începutul mileniului II. S-a stabilit, că centrele pogosturilor din sec. XV—XVI sunt amplasate în zona marginală a platoului, pe pantele și la baza acestuia. În centrul platoului, fără să luăm în calcul rețeaua densă a așezărilor de sec. XII—XV, fixată în baza distribuției necropolelor tumulare, centre-pogosturi lipsesc. Probabil, această distribuție poate fi explicată prin prezența unor surse de apă (izvoare, râuri și râulețe mici) la marginea platoului, care izvorăsc de pe pantele acestuia. Doar 3 din cele 17 pogosturi studiate sunt amplasate mai aproape de partea centrală a platoului, cu o climă mai aridă. Șase pogosturi sunt amplasate în puncte mai vechi, a căror populație a început în primele secole d.Hr. și poate fi pusă în legătură cu cultura necropolelor cu garduri din piatră. Acestea sunt răspândite la marginea de nord și vest a platoului. În majoritatea cazurilor (13 din 17) poate fi urmărită amplasarea centrelor-pogosturi în locurile populate de purtătorii culturii ruse vechi din sec. XII—XIII, marcate prin necropole tumulare. Centrele pogosturilor din sec. XV—XVI nu sunt legate în nici un fel de cetățile din perioada precedentă. Este semnificativ faptul că atât centrele-pogosturi din sec. XV—XVI, cât și mormintele cu săbii din tumulii de sec. XII—XIII tind să fie amplasate mai aproape de marginea platoului, lângă sursele râurilor.

И. В. Стасюк

О родниках, мечях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли

В статье дается анализ пространственного размещения погостских центров Копорского, Ямского и Ореховского уездов Водской пятины, известных по письменным источникам XV—XVI вв., на фоне расселения I — начала II тыс. н.э. и ландшафтно-географических особенностей Ижорского плато. Установлено, что центры погостов XV—XVI вв. расположены в краевой зоне возвышенности, окаймляя ее склоны и подножие. В центральной части плато, несмотря на плотную сеть поселений XII—XV вв., фиксируемую по распространению курганно-жальничных могильников, центры погостов отсутствуют. Это объясняется, видимо, наличием в краевой зоне Ижорской возвышенности источников воды — родников, ручьев и небольших рек, берущих начало на ее склонах. Только 3 из 17 рассмотренных погостов-мест расположены ближе к засушливой центральной части плато. Шесть погостов-мест расположены в древних очагах освоения, начало формирования которых относится к первым векам н.э. и связано с культурой каменных могильников с оградками. Их зона охватывает северную и западную окраины возвышенности. В большинстве случаев (13 из 17) наблюдается размещение погостских центров в очагах древнерусского освоения XII—XIII вв., маркированных курганными могильниками. При этом центры погостов XV—XVI вв. никак не связаны с городищами предшествующего времени. Примечательно, что и центры погостов XV—XVI вв., и погребения с мечами в курганах XII—XIII вв. тяготеют к краевой зоне плато, к истокам рек.

Литература, посвященная средневековому погостскому делению Новгородской и Псковской земель, весьма обширна (обзор см. Селин 2003: 30—47). Долгое время история новгородских погостов изучалась на основании письменных и картографических источников (Неволин 1853; Сергей 1905; Андрияшев 1914; Насонов 1951; Куза 1975; и др.), но уже с 1980-х гг. все большую роль в ее изучении начинают играть результаты археологических работ (Залевская 1982; Платонова 1984; 1988; Харлашов 1990; 2001: 106—115; Кузьмин 1990; Попов 1992; Лесман 1995; Селин 2003; Рябинин 2002: 118—125; Михайлова 2008 и др.). Как правило, комплексные исследования структуры средневекового расселения на основании письменных и археологических источников, данных физической географии и ландшафтоведения носят микрорегиональный характер. Они становятся возможными для сравнительно компактных территорий, хорошо изученных археологами и обеспеченных достаточным корпусом письменных источников (в первую очередь, писцовых книг и иных поземельных описаний).

Рассмотрим структуру пространственного размещения погостских центров (погостов-мест) на Ижорском плато и в его ближайшей округе. Эта территория охватывает практически весь Копорский уезд Водской пятины (за исключением его крайнего юго-восточного Орлинского погоста, находящегося за пределами интересующей нас ландшафтной зоны), Толдожский и Опольский погосты «в Чюди» Ямского уезда, а также Дудоровский погост Ореховского уезда, находящийся на северо-восточной окраине Ижорской возвышенности.

В литературе господствует мнение об Ижорском плато как о плоской и безводной карстовой равнине, окруженной низменными болотистыми территориями. Необходимо отметить, что эта характеристика относится лишь к сравнительно небольшой по площади центральной части плато. По его западной, южной и восточной окраинам выделяется обширная краевая зона, соответствующая отметкам высот 100—130 м над уровнем Балтийского моря. В этом диапазоне высот из недр возвышенности прорываются наружу многочисленные мелкие водотоки — ручьи и речки с чистой водой. Благодаря им склоны возвышенности представляют собой сравнительно благоприятные для освоения территории, которые характеризуются типичными местными дерново-карбонатными почвами, отличающимися высоким плодородием, и достаточным количеством воды, способным

удовлетворить потребности древних и средневековых сельских коллективов. Северная граница возвышенности представляет собой Балтийско-Ладожский уступ, или глинт, круто обрывающийся на север к побережью Финского залива. Эта территория характеризуется значительным перепадом высот, изрезана многочисленными оврагами и также изобилует ручьями и мелкими реками.

При картографировании центров погостов (рис. 1), известных по писцовым книгам XVI в. и впервые локализованных К. А. Неволиным (Неволин 1853: 131—139), обращают на себя внимание следующие закономерности. Во-первых, несмотря на плотную и развитую сеть сельских поселений, существовавших в XII—XVI вв. по всей возвышенности (Рябинин 2002: 118—125; Стасюк 2010), центры погостов устойчиво тяготеют к краевой зоне плато, избегая его центральной части, и во всех случаях, за исключением трех (Бегуницы, Ильешы, Дылицы), четко привязаны к водоемам. Во-вторых, отмечается устойчивая корреляция немногочисленных пока находок I — начала II тыс. н. э., маркирующих докурганный период освоения плато прибалтийско-финским населением (Стасюк 2012) с центрами позднесредневековых погостов (табл. 1). Рассмотрим каждый погост подробнее.

Каргальский погост. Вопрос о местонахождении центра Каргальского погоста К. А. Неволин оставил открытым, поскольку таковой не назван в Писцовой книге Водской пятины 1499/1500 гг. (Неволин 1853: 135). По всей видимости, этим центром следует считать Копорье, названное «погостом» еще в Новгородской Первой летописи под 1240 г. (Овсянников 1976). Копорье расположено на краю глинта на северо-западной окраине возвышенности, на берегу реки Копорки. В непосредственной близости от него обнаружены монетный и монетно-вещевой клады третьей четверти II в. н. э. (Шаров и др. 2011), а также неопубликованный Юрьевский монетный клад римской эпохи, хранящийся в Государственном Эрмитаже (рис. 1: 5, 6). Согласно выводам исследователей, монеты и обломки украшений из этих кладов являлись сырьем для ювелирного производства (Шаров и др. 2011: 342). Отнесение их к категории «кладов ювелиров» позволяет констатировать, что уже в начале I тыс. н. э. в окрестностях Копорья существовал центр ювелирного производства и, очевидно, связанный с ним очаг освоения.

Ратчинский погост. Центр погоста — д. Ратчино, расположена в 2 км от истоков

№5. 2014

р. Систы на северо-западной окраине плато. Рядом с деревней имеется верховое болото, питающее ручей Извар и ряд других мелких водотоков, а также родники у д. Систа и Перелесье. В 2 км севернее д. Ратчино известен некрополь I — начала II тыс. н.э. (рис. 1: 9), содержащий разрушенные погребения римской эпохи, а также трупосожжения и трупоположения конца I — начала II тыс. н.э. (Стасюк 2012: 66—82). Судя по подъемному материалу, могильник продолжал функционировать и в XIII в. Рядом, у д. Унатицы и Систа, известны курганные группы XII—XIII вв. (Лапшин 1990: 101—102).

Заможский погост в Бегуницах. Центр погоста — д. Бегуницы, где расположен курганный могильник, исследованный Е. А. Рябининым. Его древнейшие захоронения совершаются не ранее рубежа XI—XII вв., то есть уже в период древнерусского освоения Ижорского плато (Рябинин 2002: 84). Родники и водоемы в окрестностях не известны, за исключением современных деревенских прудов.

Дятелинский погост. Центр погоста — д. Дятлицы, находится на северной окраине Ижорского плато в 3—4 километрах от края глинта. В километре севернее деревни расположен овраг с ручьем, у которого был обнаружен курганный могильник XIII в. (Лапшин 1990: 80). Источники, питающие Гостилицкие озера и ручьи, расположены в 5 км севернее Дятлиц. В окрестностях деревни и рядом с Ропшей (рис. 1: 7, 8) известны разрушенные кладоискателями захоронения раннего римского времени и эпохи викингов (Стасюк 2012: 83). Здесь же известна несохранившаяся курганная группа (Лапшин 1990: 80).

Кипенский погост. Центр погоста — с. Кипень, расположено на краю глинта. Здесь находятся знаменитые источники, давшие название селу, и истоки реки Стрелки.

Дудоровский погост. Центр погоста — с. Дудорово (Дудергоф), расположен на берегу Дудергофского озера, у подножия и на склонах одноименных высот. Здесь имеются многочисленные карстовые источники, питающие озеро и речку Дудергофку. Летом 1869 г. военными при случайных обстоятельствах здесь был обнаружен могильник с погребениями, по-видимому, XII—XIII в. (Савельев 1877).

Дягиленский погост. Центр погоста — д. Тяглино, расположенная на восточном склоне Ижорской возвышенности. Здесь находится единственное в округе Тяглинское карстовое озеро, на берегу которого известен курганный могильник (Лапшин 1990: 73).

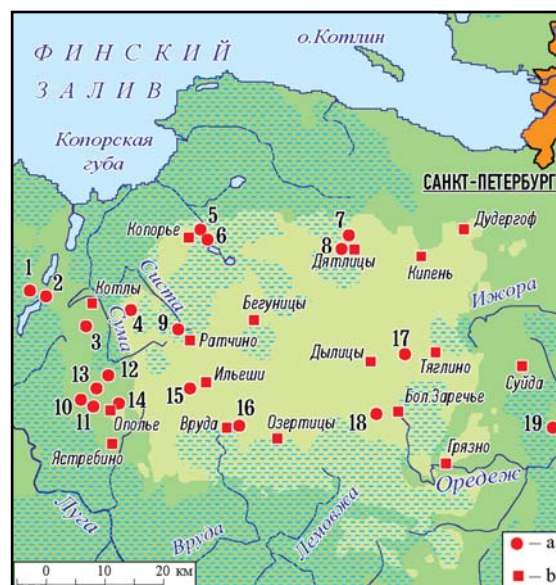

Рис. 1. Карта археологических памятников I — начала II тыс. н.э. и позднесредневековых погостских центров. Условные обозначения: а — могильники, отдельные погребения и клады I — начала II тыс. н.э.; б — центры погостов рубежа XV—XVI вв. 1 — Валговицы; 2 — Великино; 3 — Войносово; 4 — Удосолово; 5 — Копорские клады; 6 — Юрьевский клад; 7 — Ропша; 8 — Дятлицы; 9 — Ратчино; 10 — Коммунар; 11 — Керстово-I (Новосёлки); 12 — Валья; 13 — Керстово-II (Малли); 14 — Ополье; 15 — Большие Озертицы; 16 — Большая Вруда; 17 — Шпаньково; 18 — Глумицы; 19 — Вырица.

Fig. 1. Map of archaeological sites of I — early II Millennium A.D. and the late Medieval pogost centers. Legend: a — burial grounds, single graves and hoards I — early II Millennium AD; b — pogost centers, turn of 15th—16th cc. 1 — Valgovitz; 2 — Velikino; 3 — Voinosolovo; 4 — Udosolovo; 5 — Koporye hoards; 6 — Yuryevsky hoard; 7 — Ropsha; 8 — Dyatlitzy; 9 — Ratchino; 10 — Kommunar; 11 — Kerstovo-I (Novosyolki); 12 — Valja; 13 — Kerstovo-II (Malli); 14 — Opolye; 15 — Bolshie Ozertitzy; 16 — Bol'shaya Vruda; 17 — Shpankovo; 18 — Glumitzy; 19 — Vyritza.

Грезневский погост. Центр погоста — д. Грязно на берегу р. Оредеж, при впадении р. Грязны. Здесь в с. Рождествено известны 2 несохранившиеся курганные группы (Лапшин 1990: 74).

Суйдовский погост. Центр погоста — д. Суйда на берегу р. Суйда, расположена на восточной окраине Ижорского плато. Точное место погостского центра спорно, т.к. в 1 км западнее д. Суйда сохранилась деревня Погост, при которой известен несохранившийся курганный могильник (Лапшин 1990: 73).

Вздылицкий погост. Центр погоста — д. Дылицы на юго-восточной окраине Ижорского плато. В усадебном парке имеются пруды, вероятно, позднего происхождения. Других открытых водоемов нет. В 4,5 км

к юго-востоку расположено болотистое озеро Верепье, из которого вытекает Сиворицкий ручей. В усадебном парке расположена одна курганная группа, вторая — неподалеку у железнодорожной станции Елизаветино (Лапшин 1990: 72).

Зарецкий погост. Центр погоста — ур. Большое Заречье на берегах р. Оредеж в его истоках на юго-восточной окраине плато. От погостского кладбища сохранилось скопление средневековых каменных крестов. Здесь известны несколько курганно-жальничных могильников XII—XIV вв. (Лапшин 1990: 94). Рядом, в окрестностях д. Глумицы (рис. 1: 18), известна находка орнаментированного боевого топора, возможно, датирующаяся IV—V вв. н. э. (Каргопольцев, Щукин 2002: 83).

Озерецкий погост. Центр погоста — д. Озертицы, расположена на берегу нескольких карстовых озер, дающих начало р. Грызовке, на южной окраине плато. Погостской храм и кладбище с каменными крестами локализируются на берегу Грызовского озера. Здесь при смыкающихся деревнях Озертицы, Заполье и бывшей д. Грызово известен куст курганных могильников XII—XIII вв. (Лапшин 1990: 96—97).

Врудский погост. Центр погоста — д. Большая Вруда на берегу р. Вруды в ее истоках на юго-западной окраине плато. В черте деревни (рис. 1: 16) известен крупный курганный могильник (Лапшин 1990: 97). Из одного из распаханных курганов этого могильника происходит ланцетовидный наконечник копья, хранящийся в Музее-усадьбе Н. К. Рериха в Изваре. Этот наконечник, судя по состоянию, происходит из погребения по обряду трупосожжения. Из окрестностей Вруды происходит также монетный клад конца X в., хранящийся в Государственном Эрмитаже.

Ястребинский погост. Центр погоста — с. Ястребино, расположенное на берегу р. Хревица на юго-западной окраине плато. От погостского кладбища сохранилось значительное скопление средневековых каменных крестов. На берегу р. Хревица, северо-западнее села, известна несохранившаяся курганная группа (Лапшин 1990: 99).

Льешский погост. Центр погоста — д. Ильеши на западе Ижорского плато, ближе к его центральной части. Открытые водоемы и источники здесь в настоящее время неизвестны, однако сохранились сведения о существовании в окрестностях почитаемого «святого источника», посвященного Параскеве Пятнице и пересохшего в 1960-е

годы. Неизвестны здесь и курганные группы XII—XIII вв. В 5,5 км западнее д. Ильеши (рис. 1: 15) известен курганно-жальничный могильник XII—XIV вв. Большие Озертицы (Спицын 1896: 74). Среди всех погребений этого могильника выделяется погребение №10 из раскопок Л. К. Ивановского (Спицын 1896: 74; Лебедев 1977: 145—146) — трупосожжение с богатым инвентарем, датирующееся, возможно, X—XI веком и в культурном отношении примыкающее к горизонту сожжений Ополя, Залахтовья и Ратчино.

Ополецкий погост «в Чюди». Центр погоста — с. Ополе, расположенное у западного подножия Ижорского плато. Рядом протекает р. Солка. Здесь известен разрушенный кладбищенским могильником (рис. 1: 14) с сожжениями и трупоположениями IX—XIII вв. (Стасюк 2008: 3—24). В округе Копорья также известен ряд памятников и местонахождений I — начала II тыс. н. э. (рис. 1: 10—13).

Толдожский погост «в Чюди». Центр погоста — д. Котлы на северо-западной окраине Ижорского плато, на краю глинта. Под ним протекает р. Сума, в Котлах берет начало впадающий в нее ручей. К котельской округе относятся могильники раннего римского времени Валговицы и Великино (рис. 1: 1, 2), исследовавшиеся Е. А. Рябининым (Рябинин 2004: 18—29). В округе Котлов известны также отдельные находки предметов I тыс. н. э. из Войносолово, сделанные в последние годы кладбищенскими (рис. 1: 3).

Таким образом, из 17 рассмотренных погостских центров, известных по источникам XV—XVI вв. (а в случае Копорья — XIII в.), 14 расположены по границам Ижорской возвышенности, окаймляя ее склоны и подножие. Эти погосты непосредственно привязаны к водоемам — как правило, верховьям небольших рек.

Ближе к центральной части Ижорского плато расположены центры лишь трех погостов: Заможского (Бегуницы), Льешского (Ильеши) и Взылицкого (Дылицы). Но и они при ближайшем рассмотрении оказываются удалены от краевой зоны всего на несколько километров, не заходя в центр плато. Впрочем, этих нескольких километров оказывается достаточно для того, чтобы центры погостов оказались лишены собственных открытых водоемов (табл. 1).

Корреляция с курганными могильниками древнерусского периода XII—XIII вв. надежно установлена для 13 случаев. При этом отсутствие курганов в округе Котлов объясняется бытованием здесь, в зоне проживания воды, обычая грунтовых погребений (Рябинин

1997: 29—42). Отсутствие курганов в непосредственной близости Копорья — административного и военного центра Водской земли — требует дополнительного объяснения. Вероятно, Копорье довольно рано превратилось в центр не только военно-административной, но и религиозной жизни края. До Копорья дошел с князем Александром Ярославичем митрополит Кирилл во время похода 1256 г. Сам Александр, а позднее его сын Дмитрий, очевидно, не раз посещали Копорье. Затем оно на протяжении длительного времени отдавалось в кормление служилым новгородским князьям (Янин 2004: 75). При таком внимании высших должностных лиц государства допустимо предположить, что в церковных делах к Копорью также предъявлялись особые требования, и именно здесь курганный обряд исчез ранее всего в регионе. Неясным остается отсутствие курганов XII—XIII вв. в Кипени и Ильешах. Избегая соблазна зачислить эти погосты в ранг позднейших, оформившихся не ранее XIV—XV вв., отметим, что курганные могильники могли быть здесь просто не зафиксированы и уничтожены в ходе хозяйственной деятельности XIX—XX вв.

Корреляция средневековых погостов-мест с очагами освоения I — начала II тыс. н.э. установлена в 6 случаях. Все они группируются вдоль глинта и западного склона Ижорского плато, заселение которых начинается уже в раннее римское время. Так, центр Опольского погоста расположен в районе с высокой концентрацией памятников I—XI вв. — могильников с каменными оградками и грунтовых могильников с сожжениями и трупоположениями (рис. 1: 10—14). В непосредственной близости центров Ратчинского, Дятлинского, Каргальского, Врудского, Зарецкого погостов отмечены памятники и местонахождения I тыс. н.э. Отметим также, что Орлинский погост, оставшийся за пределами рассмотрения по причине своего значительного удаления от Ижорского плато, также может быть связан с очагом освоения I тыс. н.э. — южнее его у д. Заозерье известен могильник культуры длинных курганов (Лапшин 1990: 77). Слабая археологическая изученность средневековых селищ Ижорского плато и полная неизученность культурного слоя самих погостов-мест XV—XVI вв. не позволяет сделать вывод о наличии либо отсутствии преемственности с селищами предшествующего периода. Примечательно также отсутствие связи погостов-мест XV—XVI вв. с городищами древнерусского времени — Кайболово, Воронино, Пиллово, Черная (Рябинин 2002:

Таблица 1.
Погосты-места Ижорского плато
и его округа XV—XVI вв.

№	Погост-место	Высота над уровнем моря, м	Наличие водоема	Могильник, клад или отд. находка I — нач. II тыс. н.э.	Могильник XII—XIII вв.
1	Копорье	130	р. Копорка	+	—
2	Ратчино	125	р. Систа, р. Извар	+	+
3	Бегуницы	148	—	—	+
4	Дятлицы	138	ручей	+	+
5	Кипень	120	р. Стрелка, озеро	—	—
6	Дудергоф	100—150	о. Дудергофское	—	+
7	Тяглино	110	о. Тяглинское	—	+
8	Грязно	105	р. Оредеж	—	+
9	Суйда	90	р. Суйда	—	+
10	Дылицы	125	—	—	+
11	Заречье	105	р. Оредеж	+	+
12	Озертицы	120	о. Грызовское	—	+
13	Вруда	120	р. Вруда	+	+
14	Ястребино	100	р. Хревица	—	+
15	Ильеши	140	—	—	—
16	Ополье	75	р. Солка	+	+
17	Котлы	85	р. Сума	+	—

125—135). Эта особенность отличает Ижорское плато от Верхнего Полужья, где подобная связь фиксируется для целого ряда погостов (Залевская 1982: 49—50).

В заключение отметим еще одну закономерность. В 2010 г. нами были проанализированы погребения с мечами в курганах Ижорского плато, известные по раскопкам Л. К. Иванова (Стасюк 2010а: 397—409). При картографировании находок мечей в могильниках XII—XIII вв. обращает на себя внимание то, что все они, как и рассмотренные выше центры погостов, сосредоточены в краевой зоне возвышенности. При этом к центрам погостов очевидно тяготеют находки мечей в Тяглино (Дятлинский пог.) и Смердовицах (Врудский пог.), а с учетом находок мечей и их фрагментов «черными копателями» в 2006—2008 гг. — также в Ратчино (Ратчинский пог.), Дятлицах (Дятлинский погост) и Ополе (Ополецкий пог.). В относительной близости от погостских центров мечи найдены в Мутакуле (Кипенский пог.), Межно и Старосиверской (Грезневский пог.). На значительном удалении от погостских центров находки мечей известны лишь в Хотыницах и Яблоницах. Во всех отмеченных случаях находки мечей также приурочены к верховьям рек и ручьев. В центральной, безводной части плато они неизвестны.

Литература

- Андряшев А. М. 1914. *Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пяттина по писцовым книгам 1498—1576*. I. Списки селений. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.
- Залевская Н. И. 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: ЛГУ, 49—54.
- Каргапольцев С. Ю., Шукин М. Б. 2002. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 76—90.
- Куза А. В. 1975. Новгородская земля. В: Бескровный Л. Г. (отв. ред.). *Древнерусские княжества X—XIII вв.* Москва: Наука, 144—201.
- Кузьмин С. Л. 1990. Которский погост (археологическая характеристика микрорегиона в конце I — начале II тыс. н. э.). *АиИППЗ* 1989, 29—31.
- Лапшин В. А. 1990. *Археологическая карта Ленинградской области*. Ч. I. Западные районы. Ленинград: ЛВВИСУ.
- Лебедев Г. С. 1977. *Археологические памятники Ленинградской области*. Ленинград: Лениздат.
- Лесман Ю. М. 1995. Древнерусский Тесов. В: Мазуркевич А. Н. (отв. ред.). *Древности Северо-Западной России*. К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 78—82.
- Михайлова Е. Р. 2008. Исследования селища Которской погост в 2006 г. *АиИППЗ* 2008, 215—228.
- Насонов А. Н. 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Москва: Издательство АН СССР.
- Неволин К. А. 1853. *О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке*. ЗИРГО 8.
- Овсянников О. В. 1976. *Копорье. Историко-архитектурный очерк*. Ленинград: Лениздат.
- Платонова Н. И. 1984. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода. В: Лебедев Г. С. (ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 173—187.
- Платонова Н. И. 1988. Сельское расселение и формирование системы погостов на Северо-Западе Новгородской земли. *АиИППЗ* 1988, 93—95.
- Попов С. Г. 1992. Система расселения второй половины I тыс. н. э. на средней Плюссе. *АиИППЗ* 1991, 55—58.
- Рябинин Е. А. 1997. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Рябинин Е. А. 2002. *Водская земля Великого Новгорода*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Рябинин Е. А. 2004. У истоков этнической истории воды. В: Черкасова О. А. (отв. ред.). *Прекрасное ведет нас через все мосты. Сборник статей, посвященный русско-эстонским культурным связям*. Извара: Музей-усадьба Н. К. Рериха, 18—29.
- Савельев А. И. 1877. О насыпях и кургане в С.-Петербургской губернии. *ИРАО* 8, 56—60.
- Селин А. А. 2003. *Историческая география Новгородской земли в XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Сергий (Тихомиров, архим.). 1905. *Карты Водской пятины и ее погостов*. Санкт-Петербург: Типография М. И. Акинфиева.
- Спицын А. А. 1896. *Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова*. МАР 20.
- Стасюк И. В. 2008. Могильник у поселка Ополе. Новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху. В: Виноградов А. В. (отв. ред.). *Исследование археологических памятников эпохи средневековья*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 3—24.
- Стасюк И. В. 2010. Средневековое расселение восточных погостов Копорского уезда Водской пятины: XII — первая четверть XVII вв. В: Мусин А. Е. (отв. ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 416—427.
- Стасюк И. В. 2010а. Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Иванова). В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран II*. Москва: Ломоносов, 397—409.
- Стасюк И. В. 2012. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. *Stratum plus* (5), 63—88.
- Харлашов Б. Н. 1990. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле. *СА* (1), 72—83.
- Харлашов Б. Н. 2001. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли XVI—XVII вв. *АиИППЗ* 2000, 106—116.
- Шаров и др. 2011: Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья. *РАЕ* (1), 336—360.
- Янин В. Л. 2004. *Средневековый Новгород*. Москва: Наука.

References

- Andriyashev, A. M. 1914. *Materialy po istoricheskoi geografii Novgorodskoi zemli. Shelonskaia piatina po pistsovyim knigam 1498—1576* (Materials on Historical Geography of Novgorod Land. Shelonskaia piatina by Scribe's Books of 1498—1576). I. Spiski selenii (Lists of Settlements). Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete (in Russian).
- Zalenskaya, N. I. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia* (Northern Rus' and Its Neighbors in Early Middle Ages). Leningrad: LGU, 49—54 (in Russian).
- Kargapoltsev, S. Yu., Shchukin, M. B. 2002. In *Staraia Ladoga i problemy arkheologii Severnoi Rusi* (Staraia Ladoga and Archaeological Issues of the Northern Rus'). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 76—90 (in Russian).
- Kuza, A. V. 1975. In *Drevnerusskie kniazhestva X—XIII vv. (Early Russian Principalities of 10th—13th cc.)*. Moscow: Nauka, 144—201 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1990. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli 1989* (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land of 1989), 29—31 (in Russian).
- Lapshin, V. A. 1990. *Arkheologicheskaya karta Leningradskoi oblasti* (Archaeological Map of the Leningrad Oblast). P. I. Zapadnye raiony (Western Areas). Leningrad: LVVISU (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. *Arkheologicheskie pamiatniki Leningradskoi oblasti* (Archaeological Sites of the Leningrad Oblast).

- Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1995. In *Drevnosti Severo-Zapadnoi Rossii (Antiquities of the North-Western Russia)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 78—82 (in Russian).
- Mikhaylova, E. R. 2008. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)* LIII, 215—228 (in Russian).
- Nasonov, A. N. 1951. «Russkaia zemlia» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva («Russian Land» and Development of the Territory of the Early Russian State). Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Nevolin, K. A. 1853. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society)* 8 (in Russian).
- Ovsyannikov, O. V. 1976. *Koporye. Istoriko-arkhitekturnyi ocherk (Koporye. A Historical and Architectural Overview)*. Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- Platonova, N. I. 1984. In *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli (Archaeological Survey of the Novgorod Land)*. Leningrad: LGU, 173—187 (in Russian).
- Platonova, N. I. 1988. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli 1988 (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land of 1988)*, 93—95 (in Russian).
- Popov, S. G. 1992. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli 1991 (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land of 1991)*, 55—58 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi (Finno-Ugric Tribes in the Early Rus')*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 2002. *Vodskaya zemlia Velikogo Novgoroda (Vod' Land of the Great Novgorod)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 2004. In *Prekrasnoe vedet nas cherez vse mosty. Sbornik statei, posviashchennyi russko-estonskim kul'turnym svyaziam (The Beauty Leads us Over All Bridges. A Collection of Articles Dedicated to the Russian-Estonian Cultural Relations)*. Izvara: Muzei-usad'ba N. K. Rerikha, 18—29 (in Russian).
- Saveliev, A. I. 1877. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Russian archaeological society)* 8, 56—60 (in Russian).
- Selin, A. A. 2003. *Istoricheskaya geografiya Novgorodskoi zemli v XVI—XVIII vv. Novgorodskii i Ladozhskii uezdy Vodskoi piatiny (Historical Geography of the Novgorod Land in 16th—18th cc. Novgorod and Ladoga Counties of the Vod' Piatina)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Tikhomirov, Sergii, arkhim. 1905. *Karty Vodskoi piatiny i ee pogostov (Maps of Vod' Piatina and Its Pogosts)*. Saint Petersburg: Tipografiya M. I. Akinfiyeva (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1896. *Kurgany S.-Peterburgskoi gubernii v raspokakh L. K. Ivanovskogo (Kurgans of St.-Peterburg County in L.K. Ivanovsky's Excavations)*. MAR 20 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2008. In *Issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov epokhi srednevekov'ia (A Survey of Medieval Archaeological Sites)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 3—24 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2010. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy (Dialog of Cultures and Peoples of Medieval Europe)*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 416—427 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2010. In *Kraevol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Neighboring Countries)* II. Moscow: Lomonosov", 397—409 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 63—88 (in Russian).
- Kharlashov, B. N. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 72—83 (in Russian).
- Kharlashov, B. N. 2001. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli 2000 (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land 2000)*, 106—116 (in Russian).
- Sharov, O. V., Palaguta, I. V., Khavrin, S. V. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* (1), 336—360 (in Russian).
- Yanin, V. L. 2004. *Srednevekovyi Novgorod (Medieval Novgorod)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Статья поступила в номер 12 июня 2014 г.

Ivan Stasjuk (Saint Petersburg, Russia). Nicholas Roerich's Museum-Estate, Izvara's affiliate of The Leningrad Region Museum Agency¹.

Ivan Stasjuk (Sankt Petersburg, Rusia). Casa-muzeu a lui Nicholas Roerich din Izvara, „Agenția de muzee” din reg. Leningrad, filiala de la Izvara.

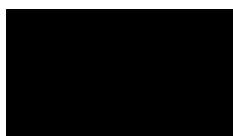
Стасюк Иван Вадимович (Санкт-Петербург, Россия). Музей-усадьба Н.К. Рериха, Изварский филиал Государственного бюджетного учреждения культуры Ленинградской области «Музейное агентство».

E-mail: norroendrengr@mail.ru

Address: ¹ Nicolas Roerich's museum-estate, Izvara, Leningrad Oblast, 188414, Russia

Проблемы хронологии

Issues of Chronology
Probleme de cronologie

И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова

Поясной набор из состава Кузбаевского клада: результаты химико-технологического и радиоизотопного (^{210}Pb) исследования

Keywords: Udmurtia, Kuzbaevo hoard, belt set, chemical-technological analysis, lead-tin alloy, radioisotope investigation, authentication.

Cuvinte cheie: Udmurtia, arheologie, tezaurul de la Kuzbaevo, garnitură de centură, analiză chimico-tehnologică, aliaj dintre plumb și staniu, analiză radioizotopică, autentificare.

Ключевые слова: Удмуртия, Кузбаевский клад, поясной набор, химико-технологический анализ, свинцово-оловянный сплав, радиоизотопное исследование, аутентификация.

I. A. Saprykina, L. A. Pelgunova

Belt Set from Kuzbaevo Hoard: Results of Chemical-Technological and Radioisotopic (^{210}Pb) Study

The Kuzbaevo hoard consisting of 1053 items attracts researchers owing to its content, which helps to correct, to a certain extent, our views on the past. This paper shows the results of its authentication study. Analyzed were the elements of a heraldic belt set, the main part of which is interpreted by the researchers as 'master model'. Proceeding from the chemical and technical analysis, it was shown that the items were cast into composite molds produced as impression of both matrices and finished products. Apparently, as many as 31 different matrix pieces were used in casting of 57 of the studied items. Some items, judging by some specific traces, could be later used as 'master models' (matrices) to produce an impression for casting of extensive series. The items of belt set subjected to X-ray fluorescence analysis (XRF) were produced from lead-tin alloy (30 items) with high concentration of tin (up to 44.61 %); 15 items showed content of cadmium (up to 0.26 %). Availability of cadmium in decertified samples typologically similar to the archaeological items suggest their attribution as forgery. The radioisotopic examination (based on ^{210}Pb) aimed to detect this excessive radioactive isotope allowed to establish that lead in the studied samples is not modern.

I. A. Saprykina, L. A. Pelgunova

Rezultatele analizelor chimico-tehnologice și radioizotopice (^{210}Pb) ale elementelor garniturii de centură de tip heraldic din componența tezaurului de la Kuzbaevo din sec. VI—VII

Tezaurul de la Kuzbaevo, cu ale sale 1053 de piese, atrage atenția cercetătorilor grație componenței sale, capabilă de a corecta într-o anumită măsură percepția noastră asupra trecutului. În acest articol noi prezentăm rezultatele cercetărilor de autentificare a tezaurului; analiza a fost efectuată și pentru elementele garniturii de centură de stil heraldic, dintre care o parte este interpretată de cercetători drept „mostre pentru meșteri” (Останина и др. 2011: 18). În rezultatul cercetărilor chimico-tehnologice am stabilit că elementele garniturii de centură au fost turnate în forme compuse, obținute în urma imprimării matricelor și a pieselor finite; pentru turnarea celor 57 de piese studiate trebuiau să fie utilizate 31 matrice distincte. O parte din piese, judecând după urmele specifice, puteau să fie ulterior utilizate în calitate de „mostre pentru meșteri” (matrice) pentru turnarea seriilor mari. Elementele cercetate ale garniturii de centură erau executate din aliaj de plumb și staniu (30 specimene) cu un procentaj mai ridicat al staniului (până la 44,61 %); în 15 cazuri a fost sesizată prezența cadmiului (până la 0,26 %) (analiză realizată cu metoda RFA). Prezența cadmiului în speciamele fără fișă de inventar, care sunt tipologic similare cu piesele arheologice, permite cercetătorilor să interpreteze obiectele respective drept falsuri. În rezultatul analizei radioizotopice (^{210}Pb) s-a stabilit că plumbul din speciamele cercetate nu este unul contemporan.

И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова

Поясной набор из состава Кузбаевского клада: результаты химико-технологического и радиоизотопного (^{210}Pb) исследования

Кузбаевский клад, насчитывающий 1053 предмета, привлекает внимание исследователей своим составом, в определенной степени корректирующим наши представления о прошлом. В рамках данной публикации мы представляем результаты проведенного исследования по его аутентификации. Анализ был проведен для деталей поясного набора геральдического стиля, основную часть которых исследователи интерпретируют как «мастер-модели». В результате

химико-технологического исследования удалось установить, что детали поясного набора были отлиты в составные формы, полученные по оттиску как матриц, так и готовых изделий; для отливки 57 исследованных предметов должна была использоваться 31 разная матрица. Часть изделий, судя по специфическим следам, могла быть использована впоследствии в качестве «мастер-моделей» (матриц) для получения оттиска для литья больших серий. Исследованные методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) детали поясного набора были выполнены из свинцово-оловянного сплава (30 пр.) с повышенным содержанием олова (до 44,61 %); в 15 образцах был зафиксирован кадмий (до 0,26 %). Присутствие кадмия в депаспортизованных образцах, типологически сходных с археологическими предметами, позволяет исследователям отнести такие объекты к подделкам. В результате проведенного радиоизотопного исследования по свинцу-210, целью которого является фиксация этого избыточного радиоактивного изотопа, удалось установить, что свинец, содержащийся в исследованных образцах, не является современным.

Кузебаевский клад, найденный в 2004 г. на юге Удмуртии, насчитывает 1053 предмета. В него входят готовая ювелирная продукция разного качества, бракованные изделия, лом цветного металла, инструментарий, слитки металла, отходы производства и другие категории предметов (Останина и др. 2011: 4—5). Исследователи датируют клад VI—VII вв. по его основному вещевому составу (Останина и др. 2011: 85—92). Стоит согласиться с авторами исследования, что подобного набора ювелирного инструментария, готовых ювелирных изделий и полуфабрикатов, выполненных с применением различных техник, до настоящего времени не было известно в составе кладов. Тем острее стоит проблема определения его археологического контекста и исключения из дискуссии вопросов, связанных с его аутентификацией.

Публикация материалов Кузебаевского клада состоялась в 2011 г. (Останина и др. 2011). В монографии во введении была описана краткая история нахождения клада, проданного в Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда (Останина и др. 2011: 3); однако в этой истории остается множество неясных моментов, которые возникают при работе с недокументированными вещами. Из-за отсутствия надежного «паспорта находки» такие объекты в обязательном порядке должны подвергаться дополнительным исследованиям, основная цель которых — установление их подлинности (аутентификация). Отсутствие подобной работы делает позицию исследователя уязвимой в силу неразрешенных сомнений других экспертов относительно интерпретации подобных находок как достоверных исторических или археологических источников, а не фальсификатов (см., напр.: Беляев 2011: 51—66).

Осознание исследователями масштаба и глубины проблемы фальсифицирования археологических источников привело к формированию двухступенчатой системы экспертизы новых поступлений в ведущих зарубежных музеях (Британский музей, Метрополитен-музей, Лувр и др.), основную роль в которой играет естественнонаучная составляющая. Развитие специальных методов экспертизы позволяет в настоящее время проводить пла-

номерную работу со сложившимися музейными коллекциями, из которых вычлениаются фальсификаты (см., напр.: Craddock 2009). Разработке специальных методик исследований по определению подлинности исторических объектов посвящены программы, финансируемые за счет государственных средств (например, программа «Authentico: Authentication methodologies for metal artefacts based on material composition and manufacturing techniques»; см.: Guerra, Rehren 2009: 13—18). Разнообразие и вариативность применяемых методов и подходов позволяют в большинстве случаев надежно устанавливать подлинность исторических объектов и выявлять фальсификаты. В каждом конкретном случае используется свой набор методов, который позволяет с наибольшей степенью достоверности решить поставленную задачу.

Подобная задача возникла в процессе исследования материалов из состава Кузебаевского клада, которое осуществлялось в связи с подготовкой издания в рамках программы «Первая публикация» Благотворительного фонда В. Потанина¹. Состав клада, хронологический диапазон представленных предметов, история его нахождения и «бытования» до появления в музее — все это служило основанием для аргументированных сомнений привлеченных к работе экспертов в подлинности исследуемого материала.

Одним из основных аргументов «против» является тот факт, что «клады» или группы вещей, найденные не в результате археологических исследований, всегда являются «открытыми» комплексами, в них всегда присутствует элемент случайности комплектации. В нашем случае от гипотетического момента находки Кузебаевского клада до его поступления (покупки) в музей прошло не менее 4-х лет; в течение этого времени «клад» не был передан в государственный музейный фонд

¹ «Первая публикация» — издательская программа Благотворительного фонда В. Потанина, на основе конкурса заявок от музеев выпускающая книги о малоизвестных и малоизученных коллекциях в российских музейных собраниях. К сожалению, издание о Кузебаевском кладе по ряду обстоятельств не было осуществлено.

на временное хранение, а находился у частного лица. Лицо, продавшее «клад» в музей, является признанным мастером по изготовлению ножей² и, соответственно, обладает специальными навыками по обработке металлов. В процессе работы с «кладом» также выяснилось, что его точное место находки не известно: окрестности д. Кузубаево фигурируют только со слов продавца. В ходе исследования не удалось установить личность собственно находчика — продавец не «выводил» представителей Благотворительного фонда ни на него, ни на точное место находки клада.

Таким образом, ни в отношении места находки Кузубаевского клада, ни в отношении его состава нельзя говорить об определенности и какой-либо документированности; все это является предметом специального исследования, основной целью которого является определение клада или его частей в качестве подлинных археологических предметов. Вопрос об интерпретации исследуемого комплекса предметов как одной или разрозненной группы не ставился.

В рамках данной публикации мы представляем результаты проведенного исследования по аутентификации металлических изделий. Анализ был проведен для деталей поясного набора геральдического стиля, основную часть которых исследователи интерпретируют как «мастер-модели»³ (Останина и др. 2011: 18—24, 171—173, рис. 4—6). Эти предметы исследовались нами с помощью визуальных методов анализа, целью которых является фиксация технологических следов операций по их изготовлению; кроме того, был выполнен анализ химического состава металла (Р.А. Митоян, МГУ). Несмотря на проведенные исследования, нам не удалось однозначно ответить на поставленный вопрос и подтвердить их подлинность как исторических (археологических) объектов, поскольку полученные данные оказались нетрадиционными для археологического материала. Решение этой проблемы было предложено в рамках изотопного исследования (²¹⁰Pb).

Результаты химико-технологического исследования

Первым этапом проведенного химико-технологического исследования являлось изучение техники изготовления деталей поясного

набора геральдического типа, проводившееся в музейных условиях с использованием бинокулярных микроскопов МБС-9, Motic BA-300, увеличительных луп (10×, 25×). Техника изготовления реконструировалась по результатам визуального обследования поверхности деталей поясного набора, их лицевой и оборотной сторон, с фиксацией технологических следов операций по их изготовлению. Визуальный анализ был проведен для 57 целых предметов (рис. 1).

Здесь следует еще раз указать на типологическую неоднородность исследуемой группы предметов. Так, среди 14 исследованных пряжек выделяется 9 разных типов, ареал распространения которых крайне широк — от Карпатской котловины, Ирана (?) до Сибири (Останина и др. 2011: 18—19). Аналогичная картина отмечается для поясных накладок, наконечников и других элементов ременной гарнитуры (Останина и др. 2011: 20—24). Таким образом, в анализируемой выборке практически не встречаются серии предметов — не будет большим преувеличением сказать, что здесь присутствует 1—2 предмета одного типа. Характерно, что в составе исследуемой группы не отмечены уникальные (единичные) типы пряжек, накладок или иных деталей набора, которые позволили бы более точно локализовать их вероятный ареал происхождения.

Судя по результатам проведенного исследования, часть изделий была получена литьем в составной форме по оттиску специальной матрицы или готового изделия. Для отливки исследованных деталей поясного набора была необходима своя (индивидуальная) литейная форма: документированно это может быть установлено для 31 исследованного предмета. Т.е., ювелир должен был использовать не менее 31 штампа (матрицы, готового изделия) для отливки находившихся в составе Кузубаевского клада изделий; однако в составе клада, содержащего разнообразный ювелирный инструментарий, матрицы (шаблоны) для оттискивания отсутствуют.

Однако в пользу использования для оттиска специально изготовленной матрицы свидетельствуют результаты изучения оборотных сторон некоторых деталей поясного набора. Такие изделия⁴, как правило, отличаются высокое качество отливки, хорошая профилировка литых деталей. В то же время, можно предположить использование метода литья в жесткой

² Сайт А.В. Уракова: <http://knife-urakov.narod.ru/>.

³ Проблема интерпретации данной категории изделий находится за рамками настоящей статьи.

⁴ С использованием матрицы изготовлены детали поясного набора УМР 34313/123, 125, 133 (номера даны по музейной описи).

Рис. 1. Детали поясного набора геральдического типа из состава Кузубаевского клада: 1 — УМР 34313/122; 2 — УМР 34313/113; 3 — УМР 34313/118; 4 — УМР 34313/105, лицевая и оборотная сторона (фото В. Ефимова).

Fig. 1. Heraldic belt set from Kuzebaev hoard: 1 — UMR 34313/122; 2 — UMR 34313/113; 3 — UMR 34313/118; 4 — UMR 34313/105, front and back sides (photo by V. Efimov).

(каменной, металлической) литейной форме; металлические (бронзовые) литейные формы для отливки деталей ременной гарнитуры известны, однако они относятся, в основном, к средневековому периоду (см., напр.: Недашковский 2001: 363, рис. 4: 1). О возможности использования каменной или бронзовой литейной формы свидетельствует также химический состав металла анализируемых изделий — легкоплавкий сплав (Untracht 2010: 268); исследования древнерусских литейных форм, изготовленных из бронзы или латуни, также свидетельствуют о преимущественном использовании их при литье легкоплавких сплавов (Ениосова, Сарачева 2006: 92—95).

Нам не известны случаи, когда рельеф профилировался не только на лицевой, но и на оборотной створке литейной формы, особенно для изготовления изделий, для которых важна только лицевая сторона. Исследованные отливки характеризуются наличием высокого рельефа на обороте, отличающегося высокой профилировкой деталей, что не характерно для литых изделий (перемычки, ребра и т.д.); наиболее вероятно, что сам шаблон (изделие, прототип), который использовался в качестве матрицы, изготовлен в технике тиснения.

Обращает на себя внимание также преобладание в исследованной выборке деталей поясного набора, не прошедших послелитейной

обработки: на них не опилены облои, литники только обрублены, причем не во всех случаях эта обрубка проводилась по кромке изделия. В то же время, практически отсутствуют изделия, которым бы требовалась доработка лицевой поверхности — все отливки характеризуются высокой плотностью и качеством литья.

Анализ химического состава металла деталей поясного набора геральдического стиля был выполнен по методу рентгенофлуоресцентного анализа (РФА); состав металла был определен для 30 предметов (табл. 1). Проанализированные предметы, как и было определено (Останина и др. 2011: 18), изготовлены из свинца, однако они отличаются по содержанию олова (Sn) и наличию кадмия (Cd). Рассмотрим, прежде всего, группу образцов из легкоплавкого сплава, где примеси кадмия не зарегистрированы (15 проб; см. табл. 1).

Эта группа даже на первый взгляд неоднородна: в ней по содержанию олова выделяется две группы (порог 20%). К первой группе, где содержание олова варьирует от 6,41 до 17,39%, относится 8 проб; к микропримесям здесь относятся медь, мышьяк, железо, в одном случае зафиксировано серебро. Особняком стоит проба № 783: здесь содержание олова составляет 0,69%, меди — 0,88%, свинца — 95,6%, присутствуют также мышьяк и железо (табл. 1).

Таблица 1.

**Результаты анализа химического состава металла деталей
поясного набора геральдического типа Кузубаевского клада***

Шифр	Код	№	Название объекта	Cu	Sn	Pb	Ag	Sb	As	Fe	Cd
УМР 34313/103	1	774	пряжка геральд. т.	0,19	9,45	88,71	0,0001	0,0001	1,34	0,31	0,0001
УМР 34313/104	2	776	пряжка геральд. т.	0,86	38,53	57,78	0,0001	0,0001	1,81	1,02	0,0001
УМР 34313/106	3	777	пряжка геральд. т.	0,18	7,33	90,13	0,0001	0,0001	0,94	1,42	0,0001
УМР 34313/107	4	778	пряжка геральд. т.	0,95	17	79,54	0,0001	0,0001	0,99	1,52	0,0001
УМР 34313/108	5	779	пряжка геральд. т.	1	16,65	78,49	0,0001	0,0001	0,95	2,9	0,0001
УМР 34313/109	6	780	пряжка геральд. т.	1,94	41,81	54,91	0,14	0,0001	0,61	0,59	0,0001
УМР 34313/110	7	781	пряжка геральд. т.	0,6	13,73	83,64	0,0001	0,0001	1,28	0,74	0,0001
УМР 34313/111	8	782	пряжка геральд. т.	1,11	14,74	80,25	0,0001	0,0001	0,69	3,2	0,0001
УМР 34313/112	9	783	пряжка геральд. т.	0,88	0,69	95,6	0,0001	0,0001	0,13	2,7	0,0001
УМР 34313/115	10	784	накладка геральд. т.	0,56	34,49	63,47	0,23	0,0001	0,74	0,52	0,0001
УМР 34313/116	11	785	накладка геральд. т.	0,65	17,39	79,87	0,0001	0,0001	1,48	0,6	0,0001
УМР 34313/117	12	786	накладка геральд. т.	0,74	26,91	70,18	0,0001	0,0001	1,32	0,85	0,0001
УМР 34313/118	13	787	накладка геральд. т.	1,01	11,81	85,32	0,05	0,0001	1,07	0,74	0
УМР 34313/119	14	788	накладка геральд. т.	0,63	18,78	78,3	0,0001	0,0001	1,09	1,19	0
УМР 34313/120	15	789	накладка геральд. т.	0,36	8,35	88,35	0,0001	0,0001	1,2	1,56	0,17
УМР 34313/121	16	790	накладка геральд. т.	0,27	6,83	90,78	0,0001	0,0001	1,38	0,51	0,22
УМР 34313/122	17	791	накладка геральд. т.	0,53	6,74	88,57	0,0001	0,0001	2,25	1,77	0,14
УМР 34313/123	18	792	приемник бесщитковой пряжки	0,68	15,42	80,63	0,0001	0,0001	1,89	1,21	0,17
УМР 34313/124	19	793	накладка геральд. т.	1,71	44,61	51,12	0,0001	0,0001	0,88	1,69	0,0001
УМР 34313 (НВ)	20	794	накладка геральд. т.	0,4	12,52	84,28	0,0001	0,0001	1,45	1,13	0,22
УМР 34313/125	21	795	накладка геральд. т.	0,84	18,16	77,67	0,0001	0,0001	1,45	1,65	0,22
УМР 34313/133	22	799	накладка геральд. т.	1,35	16,82	81,08	0,0001	0,0001	0,0001	0,56	0,18
УМР 34313/137	23	800	накладка геральд. т.	0,5	6,41	90,08	0,05	0,0001	1,4	1,56	0,0001
УМР 34313/136	24	832	накладка геральд. т.	0,0001	12,4	84,51	0,0001	0,0001	1,22	1,63	0,23
УМР 34313/137	25	833	накладка геральд. т.	0,21	28,31	68,3	0,0001	0,0001	1,4	1,78	0,0001
НВ 14953/17	26	834	накладка геральд. т.	0,12	11,13	85,3	0,0001	0,0001	1,74	1,45	0,26
НВ 14953/18	27	835	накладка геральд. т.	2	6,57	87,95	0,0001	0,0001	1	2,27	0,2
НВ 14953/23	28	837	накладка геральд. т.	0,32	4,88	92,86	0,0001	0,0001	0,84	1,01	0,1
НВ 14953/26	29	838	накладка геральд. т.	0,35	20,37	76,62	0,0001	0,0001	0,67	1,76	0,22
НВ 14953/27	30	839	накладка геральд. т.	0,3	4,93	91,86	0,0001	0,0001	1,01	1,7	0,21

* Аналитик — Р. А. Митоян, МГУ.

Вторая группа сплава содержит олово в концентрациях, превышающих 20% (5 образцов): здесь его содержание составляет 26,91—44,61%. В качестве микропримесей в сплаве зафиксированы медь, мышьяк, железо, концентрация которых не превышает 1,0%; в одном случае в качестве микропримеси выступает серебро.

В составе некоторых кладов т.н. «древностей антов» — Гапоновского, Козиевского, Новоодесского, Смородинского, Нижнесыроватского, Великобудковского, — известны украшения и детали одежды, изготовленные из свинцово-оловянных легкоплавких сплавов, в том числе — детали поясного набора геральдического типа (Егорьков, Щеглова 2000: 58; см. рис. 1). По своим параметрам легкоплавкий сплав Кузубаевского клада, в общем, сопоставим со сплавами, использовавшимися для изготовления образцов из состава, к примеру, Гапоновского или Великобудковского кладов (Егорьков, Щеглова 2000: 59); однако в нашем случае не было зарегистрировано на-

личие мышьяка, сурьмы или висмута, что может быть объяснено, прежде всего, разрешительной способностью метода анализа.

Кроме «стандартного» легкоплавкого сплава с характерным набором микропримесей, в исследуемой выборке Кузубаевского клада было зафиксировано наличие редкого для археологического металла элемента — кадмия, встреченного в легкоплавком сплаве 15 образцов (табл. 1). Содержание основных компонентов сплава следующее: свинца — 76,62—92,86%, олова — 4,88—20,37%, мышьяка — 1—2,25%, железа — 0,51—2,27%, кадмия — 0—0,26%.

Как правило, в археологических сплавах редко фиксируются «нестандартные» химические элементы; во всех случаях это становится поводом для проведения специальных исследований, направленных на объяснение присутствия таких элементов в археологическом сплаве. Кадмий относится к редким, рассеянным элементам: он содержится в виде изоморфной примеси во многих минералах и всег-

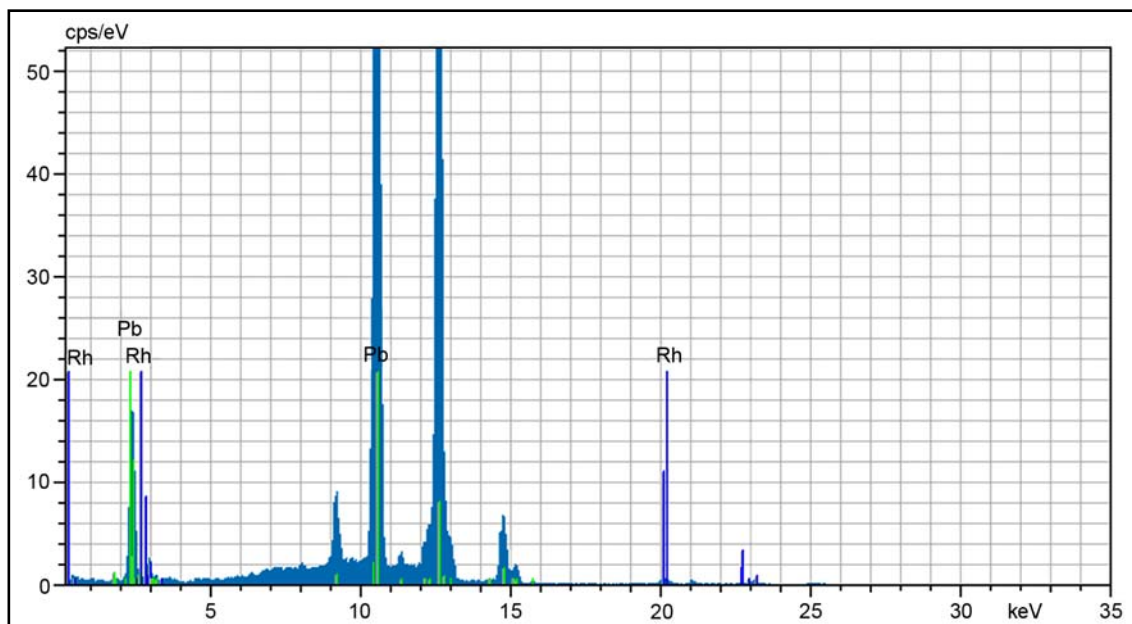

Рис. 2. Пример спектра свинца (получен на РФА-спектрометре M4 Tornado, Bruker).

Fig. 2. Example of Pb spectrum line (XRF-spectrometer M4 Tornado, Bruker).

да в минералах цинка (Гудалин 1960: 12, 41), редко встречается в соединении с киноварью (Экспедиция... 1927: 314); самородный кадмий в природе не встречается. В свинцовых и медных рудах концентрация кадмия не превышает сотых долей процента (Магакьян 1955: 258, 325—326), и он крайне труден для определения на рентгеновском спектре.

Четыре основных пика свинца, по которым обычно проводится идентификация, находятся в области высоких энергий, практически ни с чем не перекрываются, и их интерпретация не вызывает трудностей. Пятый пик приходится на 2,399 keV, а шестой, про который очень часто забывают, находится в диапазоне энергий 2,983—3,134 keV (рис. 2). Спектр кадмия не такой сложный, основной — двухголовый пик расположен в интервале энергий 3,133—3,315 (рис. 3). Часто шестой пик Pb, да еще и при наличии калия, принимают за присутствие кадмия. Если анализ проводится не на установках последнего поколения, в которых субъективизм сведен к нулю, то ошибка вполне реальна. Поэтому мы отдаем себе отчет в том, что в данном случае ошибка анализа не может быть исключена полностью.

Однако в любом случае, даже подозрение на присутствие нестандартных элементов в металле артефактов, не имеющих точного «паспорта», свидетельствует о сомнительности и недостоверности артефакта.

В нашем случае еще одним «отягчающим» обстоятельством стал тот факт, что в современном ювелирном деле кадмий входит

в состав многих припоев, особенно на основе золота, серебра или легкоплавких сплавов. Содержание его в составе припоев не превышает, как правило, 26% (Гутов, Никитин 1995: 63, табл. 2: 24; Гримвейд 2007: 34, табл. 6: 2): кадмий эффективно понижает температуру плавления и придает расплавленному металлу повышенную жидкотекучесть. По действующим ГОСТам в промышленности, в основном, используются следующие типы легкоплавких сплавов (Гутов, Никитин 1995: 60—61, табл. 2: 20, 22): с преобладающим содержанием олова в пределах от 49—50 до 90—91%, с легирующей добавкой свинца и сурьмы, с отсутствием примесей серебра и углерода. Ювелирные сплавы на основе свинца содержат олово (6—30%), сурьму (2—6%), серебро и углерод. Наиболее употребительные в ювелирном деле легкоплавкие сплавы имеют состав, где основным металлом является олово, в него добавляются свинец (18—38%), кадмий (5—32%), висмут (5—53%), мышьяк и т. д. В то же время, в процессе переплавки современного сплава с кадмием его потери достаточно ощутимы, т. к. этот металл является еще более «летучим», чем цинк.

В настоящее время существует ряд исследований, указывающих на кадмий как маркер ремонта (подновления) античного (древнего) изделия в более позднюю эпоху (см., напр.: Virgili et al. 2008), либо непосредственно на подделку: здесь одним из ключевых положений аргументации является высокая летучесть кадмия, что в условиях древней плавки

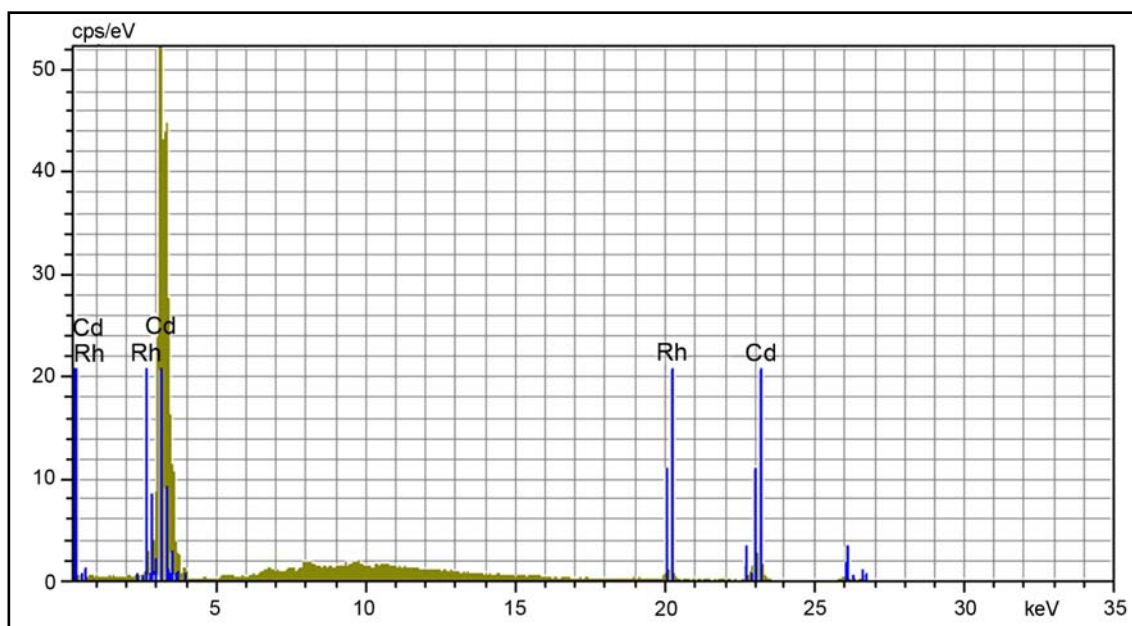

Рис. 3. Пример спектра кадмия (получен на РФА-спектрометре M4 Tornado, Bruker).

Fig. 3. Example of Cd spectrum line (XRF-spectrometer M4 Tornado, Bruker).

т.н. «открытым способом» не позволяло ему «перекочевывать» из руды в металл (Meeks, Craddock 1991: 95). В тоже время, ряд исследователей высказывает мнение, что кадмий может содержаться в древних сплавах: изучение находок из Сирии, Ирана и Южной Италии (в качестве предмета исследования выступают припои) показали, что кадмий находится в прямой (обратной) зависимости от количества меди и серебра, в пропорциях, отличных от тех, которые фиксируются в современных припоях (Demortier 1984: 32); также были высказаны предположения об источниках кадмия, расположенных в районе Зеравшанской долины.

Однако большинство исследователей не принимают предложенной аргументации, т.к. полученные результаты относятся только к украшениям, выполненным из золота, или к составу древних припоев. Кроме того, предметы, исследованные Ж. Демортьером, в той или иной степени были депаспортизированы, что также вызывает сомнения в достоверности полученных результатов именно для археологического металла, т.к. исследование происхождения анализируемых объектов проведено не было.

Результаты анализов древних предметов, в металле которых кадмий присутствует как микропримесь или одна из легирующих добавок, в литературе практически отсутствуют, за исключением одной пробы язычка поясной пряжки, датированной эпохой переселения народов (проба 37), из погребения

могильника Вомынъянг (бассейн р. Вычегда), выполненного из меди с примесью кадмия в 0,67%; кроме сурьмы, других микроэлементов в металле не зафиксировано (Ашихмина, Филиппов 2005: 47—48, табл. 1). Хотя в публикации отсутствует рисунок пряжки, в составе металла которой был зафиксирован кадмий, по описанию можно предположить, что пряжка имела инкрустацию из камней; перегородки инкрустации были выполнены из сплавов драгоценных металлов (Au-Ag-Cu), которые с основной пряжкой (щитком) должны были соединяться с помощью пайки. Анализ металла язычка был выполнен площадным методом; анализ других составных частей пряжки не показал наличие кадмия в металле, хотя по другим своим параметрам все данные по пряжке вполне сопоставимы друг с другом.

Таким образом, в настоящее время наличие в металле древнего артефакта, особенно — депаспортизированного, такой примеси, как кадмий, является документированной причиной отнесения артефакта либо к подделкам, либо — к предметам, утратившим свой исторический облик. Соответственно, данные, полученные для легкоплавких сплавов Кузубаевского клада, свидетельствуют в пользу признания деталей поясного набора геральдического типа подделкой.

В настоящее время существуют методики, которые возможно применить для определения подлинности артефакта, исходя из физических свойств анализируемого материала.

Одним из таких способов является проведение исследования по датированию изучаемых объектов методом датирования избыточного изотопа ^{210}Pb . Активность ^{210}Pb может быть использована для различения древнего свинца (>100 лет), который не радиоактивен, и активного современного свинца (Вагнер 2006: 113—114). Впервые этот метод был опробован при исследовании подлинности коллекции африканских статуэток из музея Бохума (Pernicka et al. 2008: 85—88).

Использование этого метода исследования при работе с материалами Кузубаевского клада представляется нам научно оправданным и методически верным, т. к. выбору этого метода исследования предшествовала предварительная работа по установлению сопутствующий условий существования предметов клада от момента его гипотетической находки до покупки в государственный музейный фонд. Это позволило в определенной степени исключить попадание в анализируемую выборку предметов, время изготовления которых может «выйти» за пределы допустимого порога обнаружения.

Результаты исследования на ^{210}Pb

Современные естественные науки уже давно и безуспешно разрабатывают и используют методы датировки предметов (в том числе и артефактов), образований (например, почв, ледников, озер, осадков), явлений (например, падений метеоритов). В настоящее время существует целый спектр методов, работающих как на очень коротких интервалах в десятки-сотни лет, так и на очень длинных, до миллиардов лет. Одни методы дают относительные датировки, другие — абсолютные, часть применима лишь для определенных классов образцов.

Для датирования геологических объектов применяют целый ряд изотопных методов. Некоторые из них успешно себя зарекомендовали и в археологии. Для определения возраста вулканических пород или осадочных отложений, среди которых залегают, например остатки стоянки первобытного человека, ядерно-хронологические методы используются в том же виде, что и для решения чисто геологических или экологических задач.

Самые известные методы радиоизотопного датирования — радиоуглеродный, калий-аргоновый, уран-свинцовый и свинец-свинцовый. Последний обычно используется для определения возраста образцов, состоящих из смеси минералов. Он основан

на измерении удельных активностей трех изотопов свинца: ^{206}Pb (образуется при распаде ^{238}U), ^{207}Pb (образуется при распаде ^{235}U) и ^{204}Pb (нерадиоогенный).

В течение последних 10—15 лет, благодаря появлению в арсенале аналитических лабораторий высокоэффективных низкофоновых средств полупроводниковой гамма-спектрометрии, получил широкое распространение метод радиометрического датирования с использованием неравновесного свинца-210 (период полураспада которого составляет около 30 лет) (Фридлендер и др. 1967: 19, рис. 1).

Для анализа были предоставлены 5 деталей поясного геральдического набора⁵, весом от 5 до 15 грамм. В связи с крайне ограниченным временем, которое было в нашем распоряжении, на гамма-исследование каждого образца было отведено по 8—10 часов. Тестирование проводилось на низкофоновом гамма-спектрометре на основе полупроводникового детектора из особо чистого германия (Ge) большого объема (эффективность регистрации 50%) производства фирмы ORTEC (США). Разрешительная способность установки позволяет проводить расчет непосредственно по гамма-излучению. Данный метод позволяет с большой точностью определять низкие уровни содержания радиоизотопов природного происхождения.

В результате проведенного исследования можно заключить, что имеющимся в нашем распоряжении оборудованием и методами исследования наличие радиоактивных изотопов свинца выявлено не было. Таким образом, исследованные образцы не показали наличия избыточного активного ^{210}Pb в свинцово-оловянных сплавах из Кузубаевского клада.

Заключение

Следует оговориться, что проведенный анализ объектов не претендует на полноту и не снимает все вопросы, которые возникают у исследователей при работе с депаспортированными предметами. В случае с Кузубаевским кладом, по нашему мнению, нам удалось решить проблему подлинности ис-

⁵ Для проведения изотопного анализа были предоставлены образцы УМР 34313/120, 121, 122, 123, 125. Авторы исследования выражают свою искреннюю признательность сотрудникам Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда за предоставленную возможность проведения данного исследования.

следуемых деталей поясного набора, опробовав метод исследования по гамма-излучению радиоизотопов как один из приемов аутентификации. Несомненно, что в каждом конкретном случае необходимо использовать тот набор методов, который наиболее адекватен поставленной проблеме. Представляется, что полученные результаты являются важными с методической точки зрения, т.к. демонстрируют определенные методы и подходы к проведению экспертиз по определению подлинности беспаспортных исторических и археологических объектов.

На наш взгляд, в настоящее время можно говорить о присутствии в составе Кузубаевского клада крупной серии подлинных деталей поясного набора геральдического типа, изготовленных из свинцово-оловянного сплава, что делает этот клад крайне важным и перспективным для дальнейшего изучения с точки зрения изучения истории металлообработки и источников поступления металла. Наличие в составе этой серии предметов, содержащих микропримеси кадмия, несмотря на все проблемы определения и интер-

претации этого элемента, задают генеральное направление в поиске основных рудных источников и контактных зон для Приуралья в рассматриваемый период, решение которых наиболее перспективно с применением методов естественных наук (в частности, масс-спектрометрии).

Полученные в ходе анализа объектов данные позволяют принять предложенную Т.И. Останиной интерпретацию части деталей поясного набора как матриц («мастер-моделей»); наиболее убедительно эта версия выглядит для изделий, имеющих высокую профилировку. Все они изготовлены качественно, рельефы, как с лицевой, так и с оборотной стороны, высокие, четкие. Здесь, скорее, может вызвать вопрос тип сплава, который был использован для получения этих «мастер-моделей», и наличие таких дефектов, как облои (остатки литейных швов), остатки литников на значительной серии исследованных предметов. Однако этот вопрос, видимо, требует дальнейшей проработки уже в контексте самого Кузубаевского клада — клада ювелира и литейщика.

Литература

- Ашихмина Л.И., Филиппов В.Н. 2005. Рентгеновский микронзондовый (спектральный) анализ металлических изделий курганных могильников в бассейне реки Вычегды. В: Юшкин Н.П. (отв. ред.). *Археоминералогия и ранняя история минералогии*. Материалы Международного семинара. Сыктывкар: Геопринт, 47—51.
- Беляев Л.А. 2011. Заметки о фальсификатах в археологии. В: Петров А.Е., Шнирельман В.А. (отв. ред.). *Актуальное прошлое: наука и общество. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов*. Москва: Отделение историко-филологических наук, 51—66.
- Вagner Г.А. 2006. *Научные методы датирования в геологии, археологии и истории*. Москва: Техносфера.
- Гримвейд М.Ф. 2007. *Руководство по пайке и другим техникам соединения в производстве ювелирных изделий из золота*. Омск: Издательский Дом «Дедал-Пресс».
- Гудалин Г.Г. 1960. *Требования промышленности к качеству минерального сырья. Справочник для геологов*. Вып. 42: Свинец, цинк, кадмий, серебро. Москва: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр.
- Гутов Л.А., Никитин М.К. 1995. *Справочник по художественной обработке металлов*. Санкт-Петербург.
- Егорьев А.Н., Щеглова О.А. 2000. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов». В: Дудкин В.П. (гл. ред.). *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини 4*. Київ: Мислене древо, 56—61.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. 2006. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования). *КСИА* 220, 88—101.
- Магакьян И.Г. 1955. *Рудные месторождения. Промышленные типы месторождений металлических полезных ископаемых*. Москва: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр.
- Недашковский Л.Ф. 2001. Металлические изделия и литейные формы с городища Увек. В: Завьялов В.И. (отв. ред.). *Древние ремесленники Приуралья*. Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21—23 ноября 2000 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 349—364.
- Останина и др. 2011: Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. 2011. *Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник*. Ижевск: Удмуртия.
- Фридлендер и др. 1967: Фридлендер Г., Кеннеди Дж., Миллер Дж. 1967. *Ядерная химия и радиохимия*. Москва: Мир.
- Экспедиция... 1927: Экспедиция по исследованию месторождений плавикового шпата, сурьмы и киновари. 1927. *Горный журнал* (5), 314.
- Craddock P. (ed.). 2009. *Scientific Investigations of Copies, Fakes and Forgeries*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Demortier G. 1984. Analysis of Gold Jewellery Artifacts. Characterization of Ancient Gold Solders by PIXE. *Gold Bulletin* 17 (1), 27—38.
- Guerra M.F., Rehren Th. 2009. AURUM: Archaeometry and authenticity of gold. *ArcheoSciences* 33, 13—18.
- Meeks N.D., Craddock P.T. 1991. The detection of cadmium in gold/silver alloys and its alleged occurrence in ancient gold solders. *Archaeometry* 33 (1), 95—107.
- Pernicka et al. 2008: Pernicka E., Schwab R., Lockhoff N.,

- Haustein M. 2008. Scientific Investigations of West African Metal Castings from a Collection in Bochum. In: *Original — Copy — Fake?* International Symposium by Stiftung Situation Kunst in Bochum. Mainz: Philipp von Zabern Verlag GmbH., 80—98.
- Untracht O. 2010. *Metal Techniques for Craftsmen. A Basic Manual on the Methods of Forming and Decorating Metals*. London: Robert Hale Limited.
- Virgili et al. 2008: Virgili V., Carraro A., Ferro D. 2008. Cluster Analysis: a Precious Tool for Study Antique and Etruscan Jewellery from Castellani Collection. In: *CMA4CH 2008, Mediterranean Meeting. Multivariate Analysis and Chemometry Applied to Environmental and Cultural Heritage*. 2nd ed., Ventotene Island, Italy, Europe, 1—4 June 2008. URL: [http://w3.uniroma1.it/cma4ch/08/abstracts/V—Virgili_Ora_\(dg2fmx7b7wetr\).pdf](http://w3.uniroma1.it/cma4ch/08/abstracts/V—Virgili_Ora_(dg2fmx7b7wetr).pdf). Accessed 25.06.2014 г.

References

- Ashikhmina, L. I., Filippov, V. N. 2005. In *Arkheomineralogiia i ranniaia istoriia mineralogii* (Archaeo-Mineralogy and Early History of Mineralogy). Syktyvkar: Geoprint, 47—51 (in Russian).
- Belyaev, L. A. 2011. In *Aktual'noe proshloe: nauka i obshchestvo. Fal'sifikatsiia istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* (Relevant Past: Science and Society. Forging Historical Sources and Constructing Ethnocratic Myths). Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk, 51—66 (in Russian).
- Vagner, G. A. 2006. *Nauchnye metody datirovaniia v geologii, arkheologii i istorii* (Scientific Approaches to Dating in Geology, Archaeology and History). Moscow: Tekhnosfera (in Russian).
- Grimveid, M. F. 2007. *Rukovodstvo po paika i drugim tekhnikam soedineniia v proizvodstve iuvelirnykh izdelii iz zolota* (Guidelines on Soldering and Other Joining Techniques in Manufacturing of Jewelry Items from Gold). Omsk: Dedal-Press (in Russian).
- Gudalin, G. G. 1960. *Trebovaniia promyshlennosti k kachestvu mineral'nogo syr'ia. Spravochnik dlia geologov* (Industrial Requirements to Quality of Mineral Raw Stuff. Guidebook for Geologists). Issue 42: Svinets, tsink, kadmii, srebro (Lead, zinc, cadmium, silver). Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo literatury po geologii i okhrane nedr (in Russian).
- Gutov, L. A., Nikitin, M. K. 1995. *Spravochnik po khudozhestvennoi obrabotke metallov* (Guidebook on Artistic Processing of Metals). Saint Petersburg (in Russian).
- Egorkov, A. N., Shcheglova, O. A. 2000. In *Arkheometriya ta okhorona istoriko-kul'turnoi spadshchyny* (Archaeometry and Protection of Historical-Cultural Heritage) 4. Kiev: Myslennye drevo, 56—61 (in Ukrainian).
- Eniosova, N. V., Saracheva, T. G. 2006. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 220, 88—101 (in Russian).
- Magakyan, I. G. 1955. *Rudnye mestorozhdeniia. Promyshlennye tipy mestorozhdenii metallicheskh poleznykh iskopaemykh* (Lodes. Industrial Types of Metal Containing Lodes). Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo literatury po geologii i okhrane nedr (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2001. In *Drevnie remeslenniki Priural'ia* (Ancient Craftsmen of the Urals Region). Izhevsk: UIIIL UrO RAN, 349—364 (in Russian).
- Ostanina, T. I., Kanunnikova, O. M., Stepanov, V. P., Nikitin, A. B. 2011. *Kuzebaevskii klad iuvelira VII v. kak istoricheskii istochnik* (Kuzebaevskii Jeweler's Hoard of 7th c. as a Historical Source). Izhevsk: Udmurtiia (in Russian).
- Fridlender, G., Kennedi, J., Miller, J. 1967. *Iadernaia khimiia i radiokhimiia* (Nuclear Chemistry and Radiochemistry). Moscow: Mir (in Russian).
- Ekspeditsiia po issledovaniu mestorozhdenii plavikovogo shpata, sur'my i kinovari (Expedition to Study Lodes of Fluorspar, Antimony and Cinnabar). 1927. In *Gornyi zhurnal* (Mining Magazine) (5) (in Russian).
- Craddock, P. (ed.). 2009. *Scientific Investigations of Copies, Fakes and Forgeries*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
- Demortier, G. 1984. Analysis of Gold Jewellery Artifacts. Characterization of Ancient Gold Solders by PIXE. *Gold Bulletin* 17 (1), 27—38.
- Guerra, M. F., Rehren, Th. 2009. AURUM: Archaeometry and authenticity of gold. *ArcheoSciences* 33, 13—18.
- Meeks, N. D., Craddock, P. T. 1991. The detection of cadmium in gold/silver alloys and its alleged occurrence in ancient gold solders. *Archaeometry* 33 (1), 95—107.
- Pernicka, E., Schwab, R., Lockhoff, N., Haustein, M. 2008. Scientific Investigations of West African Metal Castings from a Collection in Bochum. In: *Original — Copy — Fake?* International Symposium by Stiftung Situation Kunst in Bochum. Mainz: Philipp von Zabern Verlag GmbH., 80—98.
- Untracht, O. 2010. *Metal Techniques for Craftsmen. A Basic Manual on the Methods of Forming and Decorating Metals*. London: Robert Hale Limited.
- Virgili, V., Carraro, A., Ferro, D. 2008. Cluster Analysis: a Precious Tool for Study Antique and Etruscan Jewellery from Castellani Collection. In: *CMA4CH 2008, Mediterranean Meeting. Multivariate Analysis and Chemometry Applied to Environmental and Cultural Heritage*. 2nd ed., Ventotene Island, Italy, Europe, 1—4 June 2008. URL: [http://w3.uniroma1.it/cma4ch/08/abstracts/V—Virgili_Ora_\(dg2fmx7b7wetr\).pdf](http://w3.uniroma1.it/cma4ch/08/abstracts/V—Virgili_Ora_(dg2fmx7b7wetr).pdf). Accessed 25.06.2014 г.

Статья поступила в номер 25 мая 2014 г.

Irina Saprykina (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Irina Saprykina (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de Arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

Сапрыкина Ирина Анатольевна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: dolmen200@mail.ru

Lubov Pelgunova (Moscow, Russia). A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution².

Lubov Pelgunova (Moscow, Russia). Institutul de ecologie și evoluție „A. N. Severtov” al Academiei de Științe a Rusiei.

Пельгунова Любовь Андреевна (Москва, Россия). Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова Российской Академии наук.

E-mail: lubo4ka007@bk.ru

Addresses: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia; ² Leninsky Pr., 33, Moscow, 119071, Russia

С. В. Бельский

Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI—XV вв.

Keywords: Karelian Isthmus, Ladoga Lake Region, Late Middle Ages, chronology, funerary sites, synchronization.

Cuvinte cheie: istmul Carelia, regiunea lacustră Ladoga, evul mediu târziu, cronologie, morminte, sincronizare.

Ключевые слова: Карельский перешеек, Приладожье, позднее средневековье, хронология, погребальные памятники, синхронизация.

S. V. Belskiy

Chronology of 11th — 15th Centuries Funerary Complexes of Karelian Isthmus and Northern Ladoga Lake Region

This paper is devoted to construction of chronology based on studies of changes in the composition of grave goods. In total, 83 assemblages from 18 cemeteries have been analysed. The key notion in this study is that of the "regional (autonomous) system of type-and-chronology" which implies a certain set of types and well-grounded dates of their use defined within a particular chronological range and region. The problem was addressed in four consequent steps: distinguishing of chronologically significant types, determination of their dates, searching for controversies and dating of the complexes, graves and burial grounds on the basis of several independent chronological systems. As a result, the dates of the assemblages were essentially corrected and three basic conclusions proposed:

1. Funerary sites of the second half of the 11th, 12th and early 13th century comprise complexes of cremations of reiterated sequence of formation. During this period, a specific and very archaic funerary tradition still existed among the local population.
2. Functioning of the so-called "Karelian flat cemeteries of the advanced stage" is limited within the frame of the 13th century. Two sub-periods have been distinguished in the latter: 1220—1290s and 1250—1310s.
3. Late stage in functioning of this site in 1290-1400s was also determined.

S. V. Belskiy

Cronologia complexelor funerare de pe istmul Carelia și regiunea lacustră Ladoga de nord din sec. XI—XV

Articolul reprezintă o tentativă de construcție a cronologiei necropolelor din Carelia prin intermediul analizei modificărilor din componența inventarului funerar. În total, a fost analizat materialul din 83 complexe funerare, cercetate în cadrul a 18 necropole. Conceptul-cheie al analizei este „sistem regional (autonom) tipocronologic”, prin care se subînțelege un oarecare set de tipuri și date argumentate de circulația acestora, determinat în limitele unui diapazon cronologic și ale unei regiuni concrete. Analiza a fost repartizată în patru etape succesive: definirea unor tipuri cu semnificație cronologică, determinarea datărilor acestora, verificarea și determinarea datărilor complexelor, mormintelor și necropolelor în baza atragerii câtorva sisteme cronologice independente. Ca rezultat, au fost corectate esențial datările complexelor arheologice și propuse trei concluzii principale:

1. Siturile funerare din a doua jumătate a sec. XI — sec. XII — înc. sec. XIII sunt reprezentate prin incinerări de formare multiplă. În această perioadă în mediul populației locale continuă să persiste o tradiție funerară specifică și extrem de arhaică.
2. Perioada de funcționare a așa-numitelor „necropole plane din etapa dezvoltată” se limitează la sec. XIII. Aici au putut fi evidențiate două subperioade: anii 1220—1290 și 1250—1310.
3. Etapa târzie de funcționare a siturilor funerare poate fi datată în intervalul 1290—1400.

С. В. Бельский

Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI—XV вв.

Статья посвящена построению хронологии карельских могильников путем изучения изменений в составе погребального инвентаря. Всего в работе проанализирован материал из 83 комплексов, исследованных в 18 могильниках. Ключевым понятием является «региональная (автономная) типохронологическая система», под которой

* Статья основана на результатах диссертационного исследования автора, успешно защищенного в 2013 г. Его научным руководителем был Ю. М. Лесман, безвременно ушедший из жизни всего за несколько месяцев до этого события. Представляемая работа является, в том числе, и данью памяти и уважения к выдающемуся ученому.

подразумевается определенный набор типов и обоснованных дат их бытования, установленный в рамках конкретного хронологического диапазона и региона. Решение задачи предпринято последовательно в четыре этапа: выявление хронологически значимых типов, определение их дат, проверка на наличие противоречий и определение дат комплексов, могил и могильников на основе привлечения данных нескольких независимых хронологических систем. В итоге существенно скорректированы даты комплексов и предложены три основных вывода:

1. Погребальные памятники второй половины XI в. — XII — начала XIII в. представлены комплексами трупосожжений многократного формирования. В это время в среде местного населения продолжает существовать специфичная и чрезвычайно архаичная по облику погребальная традиция.

2. Период функционирования так называемых «карельских грунтовых могильников развитого этапа» ограничен рамками XIII в. В нем выделены два подпериода: 1220—1290-е гг. и 1250—1310-е гг.

3. Выделен поздний этап функционирования памятников — 1290—1400-е гг.

Разработка вопросов хронологии является одной из ключевых исследовательских задач в археологии. Ее построение для древностей Карелии железного века и средневековья также представляется актуальным не только в русле текущих исследований, но и в связи с продолжающимся накоплением источников.

Трудности разработки хронологии связаны с особенностями состава комплексов, не содержащих, за пока двумя известными исключениями, монет. Кроме того, еще не достаточно изучены поселения этого времени, которые могли бы дать серии вещей, сопоставимых с находками в погребениях, локализованных стратиграфически и надежно датированных естественнонаучными методами. Поэтому на настоящий момент погребальные памятники представляют собой фактически единственную категорию археологических объектов, дающую возможности построения дробной хронологии, поскольку в них, в отличие от поселений, представлены бесспорные комплексы однократного формирования. Под комплексом *однократного формирования* (замкнутым комплексом) понимается совокупность артефактов, связанных совместными нахождением и обстоятельствами, с непреложностью говорящими о совместном участии этих артефактов в событии, которое привело к их отложению (Клейн 1991: 375).

Единого определения для изучаемого региона не существует. Термин «Карелия» объединяет ряд не тождественных друг другу понятий, относящихся к географическим, политическим, историческим, культурным, этническим, лингвистическим характеристикам данной территории (см. например, Uino 1997: 13—15). В статье название «Карелия», а также производимое от него прилагательное «карельский», употреблены исключительно в качестве определения ключевой части большой и специфичной культурно-исторической области XI—XV вв., границы которой не тождественны ни современной Республике Карелия в составе РФ, ни губерниям (Северная (Pohjois) и Южная (Etelä) Карелия (Karjala) в современных границах Финляндии. Обобщенные характеристики этой культурной общно-

сти приведены в работах С.И. Кочуркиной, А.И. Саксы и П. Уйно (Кочуркина 1982: 33—76; Сакса 2010: 292—330; Uino 1997: 165—171). Также под термином «*корела*», заимствованным из древнерусских летописей, в работе подразумевается именно население Карельского перешейка и Северного Приладожья в XI—XV вв., но не современные карелы, населяющие Республику Карелия и другие регионы РФ или составляющие значительную часть современного населения Финляндии.

Таким образом, территориальные рамки определяются геоморфологическими границами Карельского перешейка и Северного Приладожья (рис. 1; 2). Под Северным Приладожьем понимается территория, примыкающая к изрезанному шхерами северному берегу Ладожского озера — ориентировочно от западного побережья залива Лехмялахти (к северу от современного города Приозерск)

Рис. 1. Северная Европа, северо-запад Восточной Европы и Прибалтика. Четырехугольником выделен регион исследования.

Fig. 1. Northern Europe, north-west of Eastern Europe and Baltic countries. The region of research is marked by quadrangle.

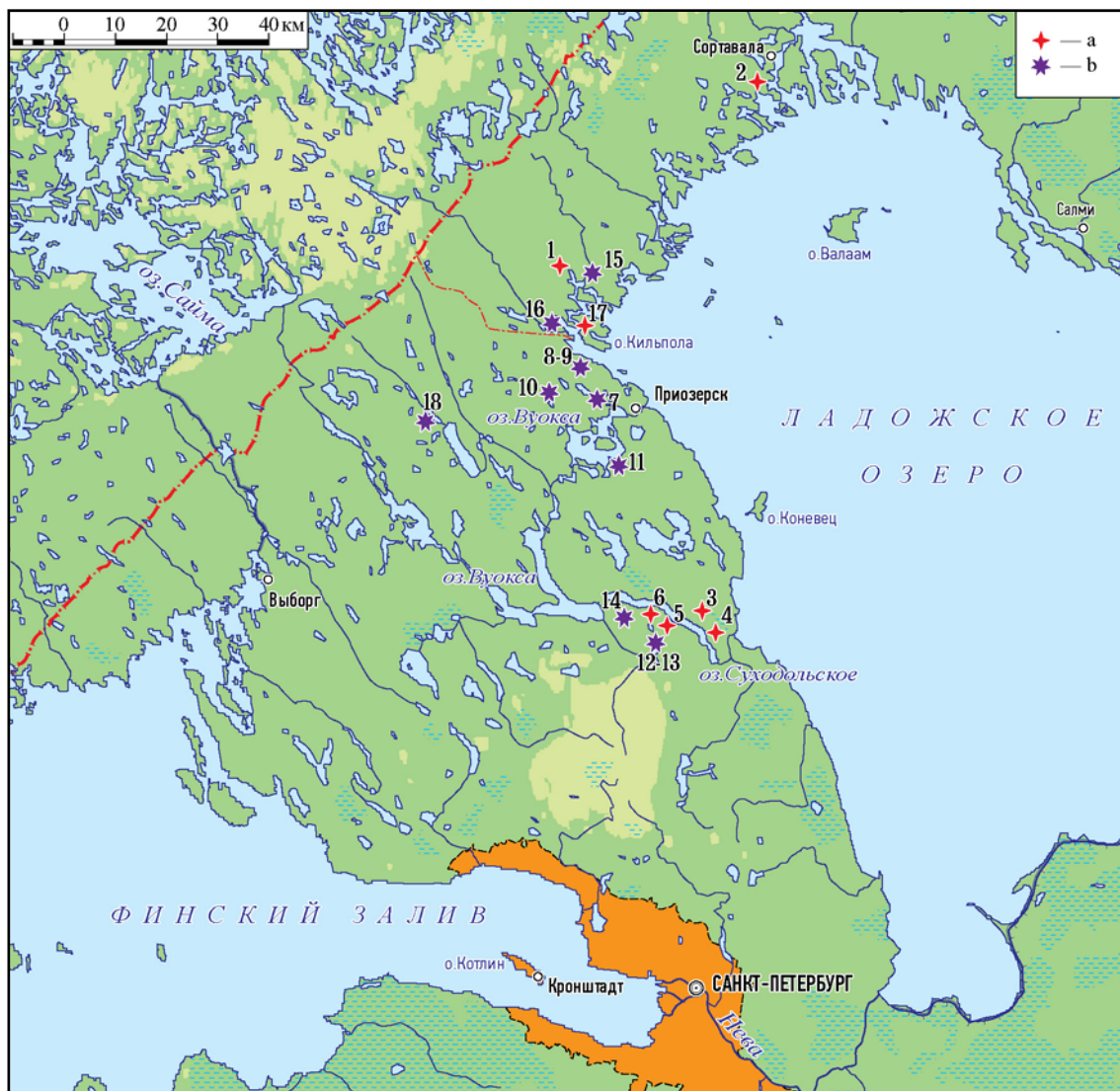

Рис. 2. Распространение могильников XI—XV вв. на Карельском перешейке и в Северном Приладожье: а — могильники с трупосожжениями; б — могильники с трупоположениями. 1 — Куркийоки Лопотти; 2 — Хелюля Хернемяки; 3 — Ляэнмяки Кяконен; 4 — Ляэнмяки Лопонен; 5 — Лапинлахти Наскалинмяки; 6 — Лапинлахти Хеннонмяки; 7 — Суотниэми; 8 — Кекомяки; 9 — Кулхамяки; 10 — Сяппайс; 11 — Тонтинмяки; 12 — Леппясенмяки; 13 — Паямяки; 14 — Патъя; 15 — Куркийоки Кууппала; 16 — Кюлялахти Калмистомяки; 17 — Пихляянмяки; 18 — Кирву Киркалаинмяки.

Fig. 2. Distribution of 11th - 15th cc. cemeteries from Karelian Isthmus and Northern Ladoga Lake Region: a — cemeteries with cremations; b — cemeteries with inhumations. 1 — Kurkijoki Lopotti; 2 — Helylä Hernemäki; 3 — Läenmäki Käkönen; 4 — Läenmäki Lopenen; 5 — Lapinlahti Naskalinmäki; 6 — Lapinlahti Hennonmäki; 7 — Suotniemi; 8 — Kekomäki; 9 — Kulhamäki; 10 — Säppäis; 11 — Tontinmäki; 12 — Leppäsenmäki; 13 — Pajamäki; 14 — Patja; 15 — Kurkijoki Kuuppala; 16 — Kylälahti Kalmistomäki; 17 — Pihlajanmäki; 18 — Kirvu Kirkalainmäki.

на западе и до восточного побережья залива Линкуланлахти (ориентировочно до района пос. Салми) на востоке, включая острова внутреннего архипелага. С севера указанная территория ограничена южными отрогами гряды Салпаусселькя (фин. *Salpausselkä*, от фин. *salpa* — затвор, засов и фин. *selkä* — хребет). В рамках этого региона дополнительно выделяется Северо-Западное Приладожье как особый культурно-исторический регион, где отмечена значительная концентрация архео-

логических памятников разных эпох (Сакса 2010: 237—269). Территория Карельского перешейка, в свою очередь, с запада ограничена Финским и Выборгским заливами, а с востока — Ладожским озером. С юга его естественной границей является река Нева.

Определение хронологических рамок работы также требует особого обоснования. Следует отметить, что исследования А.И. Саксы продемонстрировали две лакуны в хронологии карельских древностей же-

лезного века — средневековья (Сакса 2010: 159—160). К ним относятся древности XI—XII вв., то есть времени, непосредственно предшествовавшего появлению грунтовых могильников — наиболее выразительной группы памятников, обеспеченной вещевым материалом, пригодным для датирования, и XIV—XV вв., то есть времени, последовавшего за прекращением этой традиции. Таким образом, на настоящий момент актуальной становится задача выявления памятников указанных хронологических отрезков, определение их особенностей.

Нижняя хронологическая граница определяется наличием особой переходной группы погребальных памятников второй половины — конца XI в. На различия между древностями IX—X и XI в. обратил внимание еще К. А. Нордман (Nordman 1924: 100—140; ср. также: Сакса 2010: 79, 283). Кроме того, расширение нижней хронологической границы до XI в. является методическим приемом, направленным на решение основной задачи.

Дело в том, что основной массив изученного материала представлен могильниками эпохи Крестовых походов (XII—XIV вв.). Для того, чтобы проверить работоспособность предлагаемой методики, представляется целесообразным несколько вывести общие хронологические границы за рамки указанного периода.

Расширение хронологического диапазона до XV в. включительно может быть обосновано результатами полевых исследований автора в Северо-Западном Приладожье в 2006—2009 гг. (Бельский 2012а; 2012б: 20—24), а также наличием ряда комплексов того же времени, открытых еще до Второй Мировой войны (Kivikoski 1942: 79—87). Следует отметить, что XV в. не является верхней хронологической границей культуры в целом, а лишь завершает ее определенный этап. В настоящее время активно изучаются погребальные памятники и более позднего времени (Laakso 2003: 139—154; 2004: 56—60).

Таблица 1.

Каталог комплексов

№ п/п	Название	Автор и год раскопок	Публикация	Место хранения
1	Комплекс Куркийоки Лопотти	Х. Аппельгрэн, 1888 г.	Appelgren 1891: 148—151	Национальный музей, Хельсинки 2163: 1—22, 2612, 2645: 1—12
2	Курган №3 Сортавала Хелюля Хернемяки	Э. Кивикоски, 1939 г.	Kivikoski 1944: 5—7	Национальный музей, Хельсинки 10904: 3—5, 9—17
3	Лазнмяки Кяконен	А. Европеус, 1920 г.	Nordman 1924: 125	Национальный музей, Хельсинки 5707: 2, 5712: 1—3
4	Лазнмяки Лопонен	А. Европеус, 1920 г.	Nordman 1924: 125	Национальный музей, Хельсинки 5707: 3, 6188: 2, 8113: 5
5	Наскалинмяки	Т. Швиндт, 1917 г.	Nordman 1924: 126, 139	Национальный музей, Хельсинки 7291: 1—16
6	Хеннонмяки	А. Европеус, 1920 г., 1922 г.	Nordman 1924: 126	Национальный музей, Хельсинки 7754: 5—61
7	Суотниэми, погр. 1	Т. Швиндт, 1885 г.	Schwindt 1893: 2—3	Национальный музей, Хельсинки 2487: 1—14
8	Суотниэми, погр. 2	Т. Швиндт, 1885 г.	Schwindt 1893: 3—6	Национальный музей, Хельсинки 2487: 15—44
9	Суотниэми, погр. 3	Т. Швиндт, 1885 г.	Schwindt 1893: 6—8	Национальный музей, Хельсинки 2487: 45—61
10	Суотниэми, погр. 4	Т. Швиндт, 1885 г.	Schwindt 1893: 8—9	Национальный музей, Хельсинки 2487: 72—84
11	Кекомьяки, погр. 1:1 и 1:2	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 16—24	Национальный музей, Хельсинки 2489: 1—111
12	Кекомьяки, погр. 1:3	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 24—28	Национальный музей, Хельсинки 2489: 113—175
13	Кекомьяки, погр. 1:4	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 28—31	Национальный музей, Хельсинки 2489: 176—239
14	Кекомьяки, погр. 2	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 32—34	Национальный музей, Хельсинки 2489: 240—276
15	Кекомьяки, погр. 3:1	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 34—39	Национальный музей, Хельсинки 2489: 277—377
16	Кекомьяки, погр. 3:2	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 39—40	Национальный музей, Хельсинки 2489: 364—376
17	Кекомьяки, погр. 4	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 40—41	Национальный музей, Хельсинки 2489: 378—381

Таблица 1 (продолжение).

№ п/п	Название	Автор и год раскопок	Публикация	Место хранения
18	Кекомьяки 5:1	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 41—43	Национальный музей, Хельсинки 2595: 7—56
19	Кекомьяки 5:2	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 43—45	Национальный музей, Хельсинки 2595: 57—74, 82—87
20	Кекомьяки 5:3	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 45—47	Национальный музей, Хельсинки 2595: 75—79, 88—103
21	Кекомьяки 6	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 47—50	Национальный музей, Хельсинки 2595: 108—161
22	Кулхамьяки 1/1886	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 12—13	Национальный музей, Хельсинки 2488: 1—11
23	Кулхамьяки 1/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 13—15	Национальный музей, Хельсинки 2596: 1—16
24	Сяппяйс 3:1	Т. Швиндт, 1887 г.	Schwindt 1893: 101	Национальный музей, Хельсинки 2558: 1—4, 6—10
25	Сяппяйс 3:2	Т. Швиндт, 1887 г.	Schwindt 1893: 101	Национальный музей, Хельсинки 2558: 5
26	Тонтинмяки 1/1886	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 52—54	Национальный музей, Хельсинки 2491: 1—35
27	Тонтинмяки 3/1886	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 54—56	Национальный музей, Хельсинки 2491: 38—66
28	Тонтинмяки 1/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 61—63	Национальный музей, Хельсинки 2592: 1—28
29	Тонтинмяки 3/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 63—64	Национальный музей, Хельсинки 2592: 33—39
30	Тонтинмяки 5:1/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 65—69	Национальный музей, Хельсинки 2592: 52—55; 100
31	Тонтинмяки 5:2/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 65—69	Национальный музей, Хельсинки 2592: 56—99, 101—113
32	Тонтинмяки 6/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 71—73	Национальный музей, Хельсинки 2592: 150—167
33	Тонтинмяки 7/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 73	Национальный музей, Хельсинки 2592: 168—173
34	Тонтинмяки 8/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 73—74	Национальный музей, Хельсинки 2592: 174—181
35	Тонтинмяки 9:1/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 74—75	Национальный музей, Хельсинки 2592: 184—204
36	Тонтинмяки 9:2/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 74—75	Национальный музей, Хельсинки 2592: 184—204
37	Тонтинмяки 13/1888	Т. Швиндт, 1888 г.	Schwindt 1893: 76—78	Национальный музей, Хельсинки 2592: 208—256
38	Леппясенмяки 3	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 82—83	Национальный музей, Хельсинки 2494: 6—10
39	Леппясенмяки 4	Т. Швиндт, 1886 г.	Schwindt 1893: 83—85	Национальный музей, Хельсинки 2494: 11—46
40	Паямяки 1/1917	Т. Швиндт, 1917 г.	Кочуркина, 1981: 88, №97	Национальный музей, Хельсинки 7291: 18—32
41	Патъя, №21	Э. Кивикоски, 1938 г.	Kivikoski, 1942: 79—87	Национальный музей, Хельсинки 10817: 7—19
42	Патъя, №23	Э. Кивикоски, 1938 г.	Kivikoski 1942: 79—87	Национальный музей, Хельсинки 10817: 20
43	Куркийоки Кууппала 1/1986	А. Сакса, 1986 г.	Сакса 2010: 248—249	ИИМК РАН
44	Кюлялахти Калмистомьяки, №1	С. Бельский, 2006 г.	Бельский, 2012а: 31—32	МАЭ РАН, №7426-1-3
45	Кюлялахти Калмистомьяки, №3	С. Бельский, 2006 г.	Бельский 2012а: 33—34	МАЭ РАН, №7426-6-10
46	Кюлялахти Калмистомьяки, №7	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 37—38	МАЭ РАН, №7426-11-14
47	Кюлялахти Калмистомьяки, №8	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 38—40	МАЭ РАН, №7426-15-21
48	Кюлялахти Калмистомьяки, №13	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 44—47	МАЭ РАН, №7426-26-37
49	Кюлялахти Калмистомьяки, №19	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 52—53	МАЭ РАН, №7426-41-42
50	Кюлялахти Калмистомьяки, №23	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 56—57	МАЭ РАН, №7426-43-45

Таблица 1 (окончание).

№ п/п	Название	Автор и год раскопок	Публикация	Место хранения
51	Кюлялахти Калмистомяки, №30	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 61—63	МАЭ РАН, №7426-48-56
52	Кюлялахти Калмистомяки, №31	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 63—64	МАЭ РАН, №7426-58-62
53	Кюлялахти Калмистомяки, №32	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 65—66	МАЭ РАН, №7426-63
54	Кюлялахти Калмистомяки, №33	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 66—67	МАЭ РАН, №7426-64-68
55	Кюлялахти Калмистомяки, №34	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 67—69	МАЭ РАН, №7426-69-72
56	Кюлялахти Калмистомяки, №36	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 70—71	МАЭ РАН, №7426-73
57	Кюлялахти Калмистомяки, №38	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 72—73	МАЭ РАН, №7426-76-78
58	Кюлялахти Калмистомяки, №46	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 80—82	МАЭ РАН, №7426-86-89
59	Кюлялахти Калмистомяки, №50	С. Бельский, 2007 г.	Бельский 2012а: 85—86	МАЭ РАН, №7426-91
60	Кюлялахти Калмистомяки, №53	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 87—89	МАЭ РАН, №7426-92-94
61	Кюлялахти Калмистомяки, №54	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 89—91	МАЭ РАН, №7426-95-103
62	Кюлялахти Калмистомяки, №55	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 91—92	МАЭ РАН, №7426-104
63	Кюлялахти Калмистомяки, №57а	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 94	МАЭ РАН, №7426-105-107
64	Кюлялахти Калмистомяки, №57b	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 94—95	МАЭ РАН, №7426-108-110
65	Кюлялахти Калмистомяки, №58	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 111—112	МАЭ РАН, №7426-111-113
66	Кюлялахти Калмистомяки, №59	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 95—97	МАЭ РАН, №7426-114-124
67	Кюлялахти Калмистомяки, №61	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 97—99	МАЭ РАН, №7426-125-131
68	Кюлялахти Калмистомяки, №63	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 100—101	МАЭ РАН, №7426-132-134
69	Кюлялахти Калмистомяки, №64	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 101—103	МАЭ РАН, №7426-135-139
70	Кюлялахти Калмистомяки, №65	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 103—104	МАЭ РАН, №7426-140-142
71	Кюлялахти Калмистомяки, №67	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 105—106	МАЭ РАН, №7426-143-149
72	Кюлялахти Калмистомяки, №71	С. Бельский, 2008 г.	Бельский 2012а: 108—109	МАЭ РАН, №7426-151
73	Кюлялахти Калмистомяки, №80	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 117—118	МАЭ РАН, №7426-152
74	Кюлялахти Калмистомяки, №82	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 118	МАЭ РАН, №7426-153
75	Кюлялахти Калмистомяки, №84	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 119—121	МАЭ РАН, №7426-156-157
76	Кюлялахти Калмистомяки, №85	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 121—122	МАЭ РАН, №7426-158
77	Кюлялахти Калмистомяки, №87	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 123—124	МАЭ РАН, №7426-159
78	Кюлялахти Калмистомяки, №88	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 124—125	МАЭ РАН, №7426-156-160
79	Кюлялахти Калмистомяки, №89	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 125—126	МАЭ РАН, №7426-156-161
80	Кюлялахти Калмистомяки, №90	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 126—127	МАЭ РАН, №7426-162-166
81	Кюлялахти Калмистомяки, №91	С. Бельский, 2009 г.	Бельский 2012а: 128—129	МАЭ РАН, №7426-167-168
82	Пихлаянмяки, №1	С. Бельский, 2012 г.	—	МАЭ РАН, б/н
83	Кирву Киркалайн- мяки, №1	С. Бельский, 2012 г.	—	МАЭ РАН, б/н

Всего в работе проанализирован материал из 83 комплексов, известных в 18 могильниках (рис. 2; табл. 1).

Методы разработки хронологических систем для карельских средневековых могильников

Наиболее подробно вопросы хронологии были рассмотрены в работах С.И. Кочкуркиной и А.И. Саксы (Кочкуркина 1981: 41—53; Сакса 2010: 130—132). В этих исследованиях преимущественно использовались типологический и корреляционный методы, каждый из которых имеет как ограничения, так и преимущества. Согласно выводам А.И. Саксы, погребальный инвентарь позволяет выделить, по крайней мере, две хронологические группы памятников, разница в датах которых составляет лишь 100—150 лет (Сакса 2010: 159). Несомненным достижением его работы стало обоснование сравнительно короткого периода существования карельских грунтовых могильников — с конца XII по начало XIV в.

Следует отметить, что построение детальной хронологии карельских грунтовых могильников уже более 100 лет упирается в серьезное источниковедческое препятствие: исследователи анализировали крайне немногочисленный материал. Подавляющее большинство инвентарных погребений было открыто в 1880-е гг. во всего трех (!) относительно крупных могильниках: Тонтинмяки, Кекомьяки, Суотниэми (Schwindt 1893: 1—81). Кроме того, нет уверенности, что на упомянутых памятниках раскопана вся площадь или, по крайней мере, ее значительная часть. Этот вывод справедлив и для других могильников, где открыты отдельные вещевые комплексы: по два погребения в Кулхамьяки, Леппясенмяки, Патъя и одно погребение в Паямяки (табл. 1). Речь идет, фактически, о неоднократных попытках систематизации небольшой серии, состоящей, в свою очередь, из малых серий. При этом, как показали исследования А.И. Саксы, существовали и локальные различия между могильниками (Сакса 2012: 175—177, 183—186).

Можно сказать, что исследователи разными путями приходили к мнению, что не происходило существенного изменения погребального инвентаря в течение всего периода. Различия могли быть обусловлены и другими факторами, например, существованием локальных групп древнекарельского населе-

ния (Кочкуркина 1982: 50—51; Сакса 2010: 142).

Относительно недавно Ю.М. Лесман предпринял попытку датировать карельские комплексы на основе хронологии Великого Новгорода — единственной в настоящее время строгой и достаточно надежной хронологической системы средневековых древностей Восточной Европы XI—XIV вв. (Лесман 2012: 149—155). Ранее работоспособность этой системы была проверена на отдельных территориях Новгородской земли — Ижорском плато, Причудье и Юго-Восточном Приладожье (Лесман 1982: 65—74; 1984а: 118—153; 1984б: 39—40; 1996: 52—65). Автор предложил внутренне почти непротиворечивую хронологическую систему, с учетом пяти комплексов, где зафиксированы находки разновременных типов (Суотниэми 2 и 4, Кекомьяки 1: 3 и 3: 1, Тонтинмяки 1886:1). Он пришел к выводу, что большинство комплексов можно датировать уже, чем конец XII — начало XIV в., вплоть до синхронизации некоторых погребений со всего лишь одним ярусом новгородской стратиграфии.

Однако проведенная Ю.М. Лесманом процедура датирования опирается исключительно на шкалу новгородских типов. При этом, как отметил исследователь, *корела*, хотя и находилась под политическим и культурным влиянием Новгорода, обладала особой археологической культурой, для которой вопрос о степени применимости новгородской шкалы требует своего разрешения (Лесман 2012: 150).

Очевидно, что новгородские вещи попадали в Карелию позже, чем появились в Новгороде, хотя не ясен возможный период запаздывания, учитывая интенсивность связей. При этом они могли бытовать там дольше. Тем более это касается местного производства изделий, однотипных новгородским (Кочкуркина 1982: 76—125). Кроме того, необходимо учитывать и иные источники импортов и влияний (Скандинавия, Западная Финляндия, Прибалтика, Центральная и Западная Европа), где вещи, типологически близкие новгородским, к примеру, замкнутые фибулы, могли бытовать в иных хронологических рамках. Более того, часть новгородских типов восходит к северо/западноевропейским образцам, следовательно, их распространение в Новгороде происходило позже, чем в регионах возникновения. При этом в Карелию, как «пограничную» зону, они могли проникать раньше, чем в Новгород.

Возможности разработки хронологии карельских могильников

Карельский перешеек и Северное Приладожье — «ворота Карелии» — никогда не были замкнутой, изолированной территорией (рис. 1). Наоборот, именно здесь, а затем через гряду Салпаусселькя, пролегал путь во внутренние районы Финляндии и далее до Ботнического залива. Отсюда же было достижимо богатое ресурсами Белое море. Через озерно-речную систему Вуоксы можно было попасть на побережье Финского залива, в район будущего Выборга, и далее на Балтику. А на юг, вдоль западного берега Ладожского озера, лежал путь к устью Волхова, Ладоге и Новгороду и далее в глубь Восточной Европы.

Важно подчеркнуть, что по данным письменных источников, подтверждаемых археологией, эта территория, в отличие от соседних регионов, несмотря на выгодное географическое положение, долгое время не подвергалась радикальным внешним воздействиям — захватам или масштабной колонизации. Здесь не происходило резкой смены облика материальной культуры за короткий промежуток времени. Даже основной торговый путь эпохи викингов, определивший начало Руси, прошел рядом, по Неве и Волхову, но мимо собственно территории *корелы*. Этот фактор обеспечил известную консервацию местных традиций, что способствовало формированию своеобразного феномена *древнекарельской культуры*. В то же время, обилие в археологических материалах импортных изделий или подражаний им позволяет рассматривать ее как неотъемлемую часть общеприбалтийского «мира» эпохи Средневековья.

Таким образом, для построения хронологии представляется целесообразным рассмотреть отражение названных направлений внешних связей в составе вещевого набора с учетом современных разработок. Но следует иметь в виду, что предлагаемое исследование является, прежде всего, региональным, посвященным анализу локальной группы древностей, обладающей ярко выраженной культурной спецификой.

Актуальность новой разработки хронологии карельских могильников обусловлена также результатами исследований автора в 2006—2009 гг. на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. На данном памятнике выявлены комплексы, датировка которых выходит за рамки периода, ранее обоснованного А. И. Саксой

для грунтовых могильников (Бельский 2012а: 165—183). Их датировка может быть определена при новом подходе к построению хронологии всего массива памятников.

Предлагаемая процедура опирается на следующие, требующие проверки, гипотезы:

1. Существует возможность синхронизации комплексов (погребений), содержащих вещи как местного производства, так и импортные, с хронологическими шкалами Восточной Европы, в первую очередь, Новгорода. С одной стороны, привлечение новгородских материалов оправдано, поскольку в культурных слоях этого средневекового центра найдено большое количество специфически карельских украшений (Варенов 1997: 94—103; Покровская 2005: 166, рис. 3: 2—4; Сакса 2010: 346—352). С другой стороны, на наличие в Карелии находок явно древнерусского происхождения неоднократно было обращено внимание (например, Седов 1987: 42—49).

Даты типов даны на основании хорошо проанализированных материалов основных раскопов Новгорода, в первую очередь, Неревского, а также Славенского, Ильинского, Тихвинского, Людогощинского, Козмодемьянского, Буяного, Готского, Михайловского, Торгового, Кировского, Рогатицкого, Посольского, Дмитриевского, Дубошина и Нутного¹. Среди исследованных в течение последних нескольких десятилетий наиболее крупным раскопом (раскопами) является Троицкий, но работы на нем еще не завершены. Тем не менее, некоторые данные Троицких раскопов могут быть привлечены для уточнения общих дат (см., например: Покровская 2010: 263—269).

2. Существует возможность синхронизации комплексов (погребений), содержащих вещи как местного производства, так и импортные, с хронологическими системами Северной и Центральной, в некоторых случаях Западной Европы. Основания для дат типов в данном случае различны: это может быть хронологический анализ находок из погребений на хорошо датированных церковных кладбищах (Thunmark-Nylen 2007: 358—365), комплексный анализ украшений, основанный

¹ Исследование основано на датах типов, представленных Ю. М. Лесманом в рукописи монографии «Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.)», подготовленной к изданию несколько лет назад. В настоящее время учениками и коллегами Юрия Михайловича ведется работа по ее публикации. Автор считает своим долгом выразить особую благодарность за возможность ознакомления с текстом этой рукописи.

на привлечении серии источников и методов (Krabath 2001: 8—9, diagramm 1), стилистический анализ ювелирных изделий (Immonen 2009: 52—54) и т.д. Важное значение имеют денежно-вещевые клады, дата которых, зачастую, известна с точностью до года (Krabath, Lambacher 2006).

Таким образом, для предлагаемой методики ключевым понятием становится *региональная (автономная) типохронологическая система*, под которой подразумевается определенный набор типов и обоснованных дат их бытования, определенный в рамках конкретного хронологического диапазона и региона.

Итак, построение хронологии карельских могильников может быть предпринято последовательно в несколько этапов.

Этап 1. Выявление хронологически значимых типов

На данном этапе, в развитие методики Ю.М. Лесмана, в качестве центрального понятия вводится *хронологически значимый тип*, под которым понимается сводный набор сходных значений признаков объектов из опорной серии, которые достаточно компактно локализуются во времени (Лесман 2004: 138—156). Выделение типа предполагает атрибуцию серийно представленных вещей или элементов в той или иной автономной хронологической системе.

Для удобства систематизации материал был распределен по четырем условным категориям: «Оружие», «Бытовой инвентарь», «Украшения и детали костюма» и «Датирующие возможности конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений и деталей костюма». В категории «Оружие» проанализированы мечи (только типы поздней эпохи викингов и Крестовых походов), наконечники копий, топоры, наконечники стрел. Всего выделено 58 хронологически значимых типов. В категории «Бытовой инвентарь» рассмотрены замки, ключи, гребни, ножи, бритвы, кресала. Всего выделено 12 хронологически значимых типов. В категории «Украшения и детали костюма» рассмотрены височные кольца, серьги, фибулы (овально-выпуклые, подковообразные, замкнутые, дисковидные), перстни, привески (монетовидные, крестовидные, зооморфные, привески-иконки, пуговицы, особые типы привесок), цепочки, грузики, ременная гарнитура (пряжки, накладки, разделители), бусы (стеклянные, бронзовые, серебряные), застежки-аграфы, шейные ленты, рукоятки ножей. Всего выделено 245 хро-

нологически значимых типов. В категории «Датирующие возможности конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений и деталей костюма» проанализированы датирующие возможности межкатегориальных хронологически значимых типов (конструктивных, морфологических, особенностей декора) для всей совокупности изделий из цветного металла (Бельский 2013: 3—11). Удалось выделить 40 типов. Всего в работе для всей совокупности проанализированных изделий из погребальных комплексов выделены 355 хронологически значимых типов.

Этап 2. Определение дат типов

На этом этапе следует, прежде всего, обратить внимание на наличие в карельских комплексах хорошо датированных привозных серийных изделий. Речь идет о достаточно многочисленных артефактах новгородского или северо/центральноевропейского происхождения и подражаниях им, которые не могли бы появиться в Карелии ранее их появления в регионе происхождения. Несерийные, единичные изделия, имеющие хорошо датированные параллели, не могут являться основанием для синхронизации, но способны дополнительно подтвердить или опровергнуть датировки комплексов.

При синхронизации с новгородской хронологической шкалой за дату типа принимается интервал его непрерывной представленности в культурном слое (Лесман 1984а: 124).

Единой северо/центральноевропейской хронологической шкалы древностей для изучаемого периода пока не существует. Поэтому в этом случае термин «шкала» употребляется, в определенной степени, условно. Основания для датировок в данном случае различны, поэтому автор опирался на современные обобщающие исследования. Безусловно, эти данные не являются окончательными и незыблемыми, но представляется, что они могут служить основой для продолжения исследований в будущем.

Этап 3. Проверка на наличие противоречий

Этап включал в себя две последовательные процедуры: проверку на наличие возможных противоречий в датировках внутри одной хронологической системы, то есть такие случаи, когда в комплексах однократного формирования (погребениях) совместно встречаются типы вещей, которые внутри этой

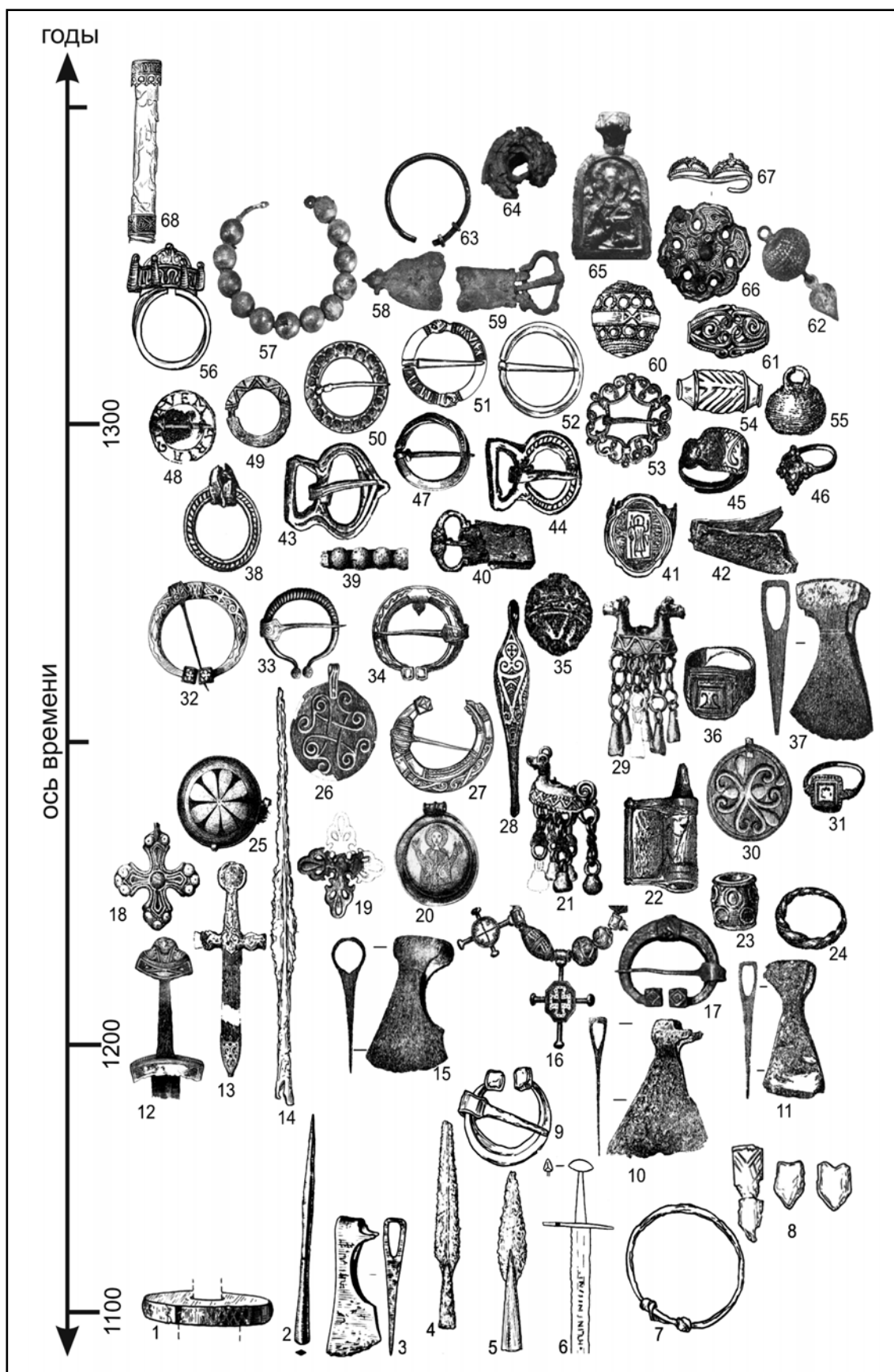

Рис. 3. Хронологическое распределение основных типов. 1, 2, 3 — Куркийоки Лопотти; 4 — Лаэнмяки Кяконен; 5, 6 — Лаэнмяки Лопонен; 7, 8, 9 — Лапинлахти Хеннонмяки; 10, 33 — Тонтинмяки 1/1886; 11 — Тонтинмяки 8/1888; 12, 37, 39 — Суотниэми 1; 13, 14, 32, 40, 45 — Кекомьяки 3:1; 15, 53 — Суотниэми 4; 16, 41, 42, 49 —

Суотниэми 2; 17 — Паямяки 1917/1; 18, 24, 34, 38, 44, 55 — Кекомаяки 1:3; 19 — Леппясенмяки 3; 20, 26, 30 — Кекомаяки 6; 21, 35 — Тонтинmäki 3/1886; 22, 23, 48 — Кекомаяки 1:4; 25 — Кекомаяки 5:1; 27 — Тонтинмяки 1/1888; 28, 31, 43, 46 — Кекомаяки 1:1 и 2; 29 — Кекомаяки 5:2; 36, 47 — Кекомаяки 2; 50, 66 — Кюлялахти № 8; 51 — Кюлялахти № 7; 52 — Кюлялахти № 31, 54 — Кюлялахти № 53; 56 — Кюлялахти № 59; 57, 60 — Кюлялахти № 30; 58, 59 — Кюлялахти № 46; 61 — Кюлялахти № 32; 62, 64, 68 — Кюлялахти № 13; 63 — Кюлялахти № 50; 65 — Патъя 23; 67 — Кюлялахти № 34.

Fig. 3. Chronological distribution of the main types: 1, 2, 3 — Kurkijoki Lopotti; 4 — Läenmäki Käkönen; 5, 6 — Läenmäki Lopenen; 7, 8, 9 — Lapinlahti Hennonmäki; 10, 33 — Tontinmäki 1/1886; 11 — Tontinmäki 8/1888; 12, 37, 39 — Suotniemi 1; 13, 14, 32, 40, 45 — Kekomäki 3:1; 15, 53 — Suotniemi 4; 16, 41, 42, 49 — Suotniemi 2; 17 — Pajamäki 1917/1; 18, 24, 34, 38, 44, 55 — Kekomäki 1:3; 19 — Leppäsenmäki 3; 20, 26, 30 — Kekomäki 6; 21, 35 — Tontinmäki 3/1886; 22, 23, 48 — Kekomäki 1:4; 25 — Kekomäki 5:1; 27 — Tontinmäki 1/1888; 28, 31, 43, 46 — Kekomäki 1:1 и 2; 29 — Kekomäki 5:2; 36, 47 — Kekomäki 2; 50, 66 — Kylälahti Kalmistomäki № 8; 51 — Kylälahti Kalmistomäki № 7; 52 — Kylälahti Kalmistomäki № 31, 54 — Kylälahti Kalmistomäki № 53; 56 — Kylälahti Kalmistomäki № 59; 57, 60 — Kylälahti Kalmistomäki № 30; 58, 59 — Kylälahti Kalmistomäki № 46; 61 — Kylälahti Kalmistomäki № 32; 62, 64, 68 — Kylälahti Kalmistomäki № 13; 63 — Kylälahti Kalmistomäki № 50; 65 — Patja 23; 67 — Kylälahti Kalmistomäki № 34.

системы не могли сосуществовать. Затем следовала проверка на наличие возможных противоречий между хронологическими системами, то есть такие случаи, когда в комплексах совместно встречены типы вещей, датировки которых существенно расходятся в разных системах.

Этап 4. Определение дат комплексов, могил и могильников

Комплекс однократного формирования рассматривался как система закрытых комплексов — вещей и/или их элементов (хронологически значимых типов). Количество типов для одного изделия могло превышать пятнадцать. Дата вещи определялась по пересечению их дат (рис. 3).

Поскольку для датирования использовано несколько независимых хронологических систем, обладающих собственным шагом шкалы, для каждого комплекса были получены несколько дат, каждая из которых значима в рамках той или иной системы. Если в состав комплекса входили типы, представленные в нескольких системах, дата каждого из них имела равноправное значение.

На данном, финальном этапе возникает существенная теоретическая проблема, которую Л. С. Клейн назвал *иллюзией сопоставимости дат* (Клейн 2014: 254). Суть ее сводится к тому, что существуют разные системы относительной хронологии для одного и того же материала. У разных исследователей разные опорные даты или разные цепочки, ведущие от опорных дат к искомым. Слишком велик шанс на то, что истинные хронологические соотношения будут искажены. Нужно, по мнению исследователя, оперировать в одной системе относительной хронологии.

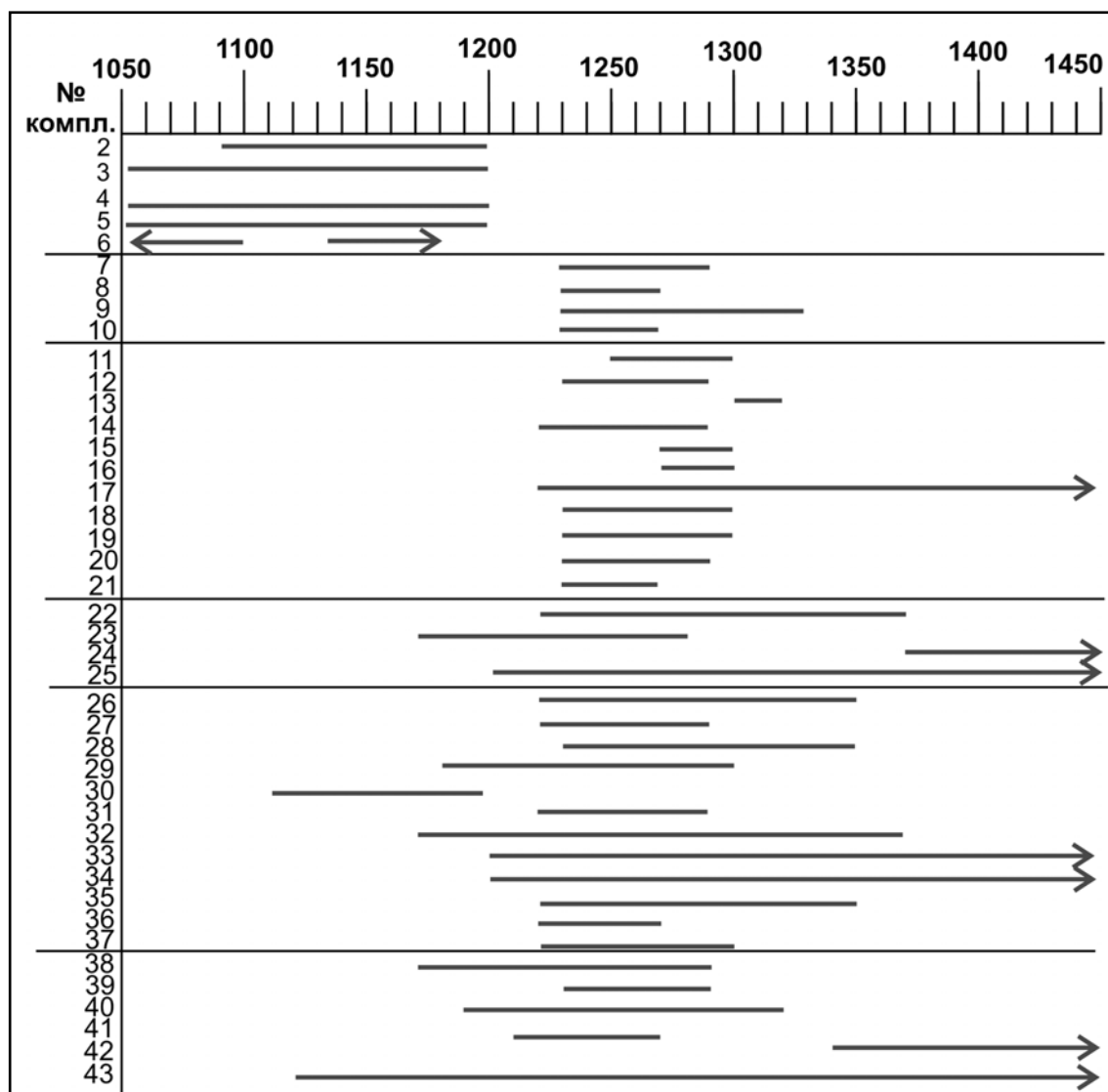
Не сомневаясь в справедливости высказанного замечания, относительно карельского материала следует отметить, что пока построе-

ние самостоятельной системы для данной группы древностей, несмотря на все попытки, имеет гипотетический характер. Поэтому, как было показано выше, такое исследование возможно лишь с помощью синхронизации с разработанными, в той или иной степени, шкалами соседних регионов. Использование только одной шкалы, без учета соседних, может привести к не менее существенному хронологическому искажению. В частности, для погребений, где присутствуют импорты, не представленные в слоях Новгорода или не составляющие там репрезентативных серий, применение европейских дат дало возможность существенно скорректировать даты комплексов. Тем не менее, для того, чтобы попытаться минимизировать проблему соотношения разных систем, в рамках исследования для итоговых дат был выбран «шаг» хронологической шкалы в 10 лет, а разные шкалы были приведены в сопоставимую по «шагам» форму. Такой подход позволил учитывать возможный период, который мог пройти с момента изготовления вещи в регионе производства до ее появления в Карелии, а также время использования вещи в повседневной жизни и возможный период бытования в «живой» культуре после завершения традиции погребения таких вещей в погребения.

Если среди полученных дат не были выявлены противоречия, то для комплекса определялась итоговая дата. При наличии данных о стратиграфии погребений окончательная дата определялась с учетом их стратиграфического соотношения с соседними. Далее, нижняя дата могилы, если в ней содержится несколько погребений, определялась по верхней дате наиболее ранней вещи, а верхняя дата — по нижней дате наиболее поздней. В свою очередь, каждый могильник рассматривался как *комплекс непрерывного формирования*. Минимальный период его существования (функционирования) в культуре

Таблица 2.

Сводная таблица дат комплексов*

* Номера комплексов даны по каталогу.

определялся как период между верхней датой самого раннего комплекса и нижней датой самого позднего.

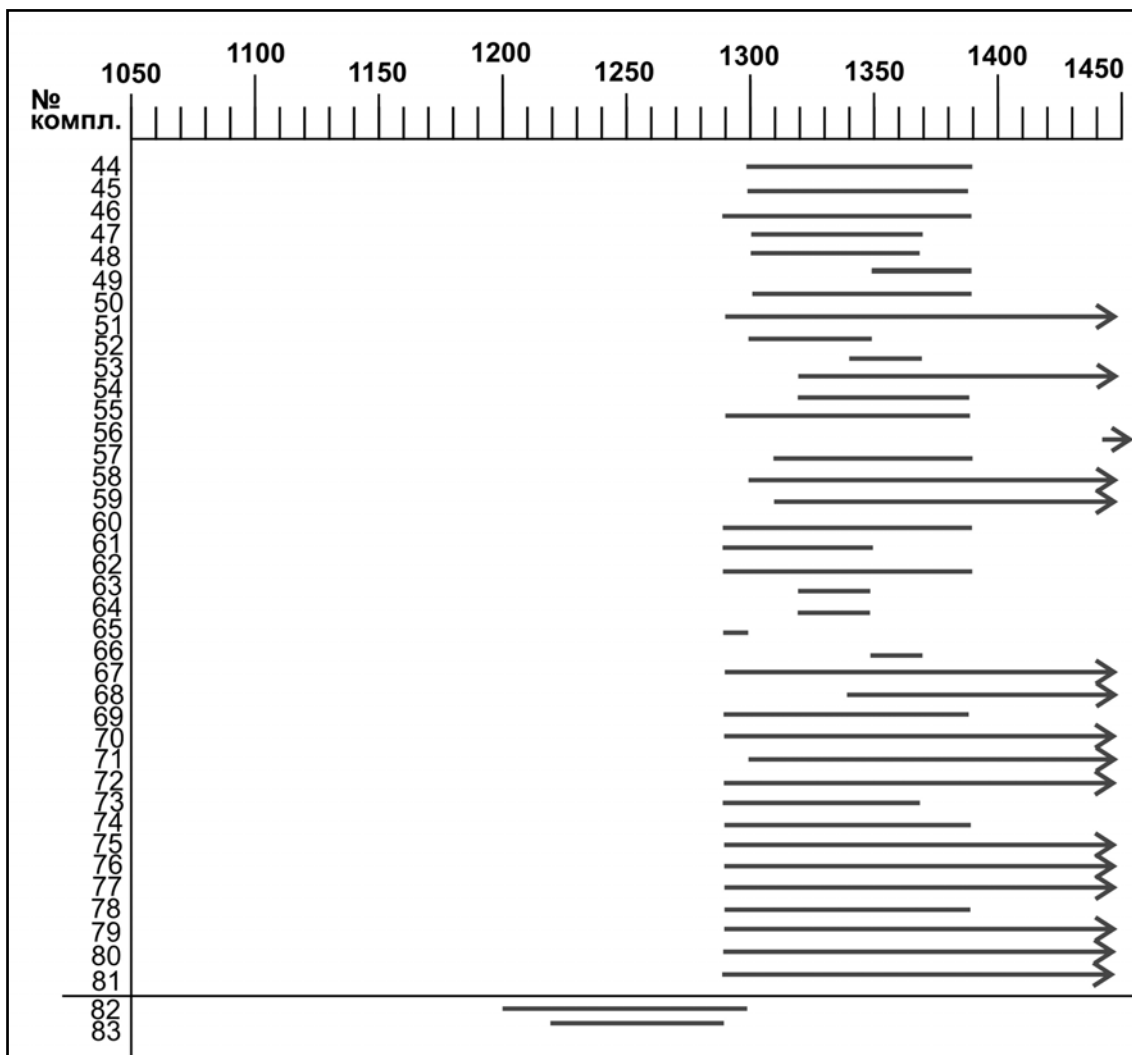
Немногочисленность пригодных для анализа комплексов, изученных в период до Второй Мировой войны, компенсировалась их богатством и, что особенно важно, большим числом хронологически значимых типов (рис. 3). Количество типов в отдельных комплексах достигало шестидесяти и более, а в среднем было равно двадцати. Количество типов в комплексах могильника Кюляхти меньше (максимально двадцать шесть, а в среднем равно шести), но это компенсировалось количеством самих комплексов.

На основании представленного методического подхода была произведена процедура

датирования (табл. 2). В результате была подтверждена принципиальная возможность их синхронизации с «внешними» хронологическими шкалами. Не было выявлено существенных противоречий между ними. Этот вывод позволил подтвердить уже высказывавшееся предположение о возможности и перспективности построения качественно более точной и надежной хронологии средневековых древностей сопредельных с Новгородской землей территорий, в частности Карелии, на основе новгородской и северо/центральноевропейской хронологических систем.

Относительно степени применимости каждой из них приходится констатировать, что даты по северо/центральноевропейской системе дали значительно более широкий хро-

Таблица 2 (окончание).

нологический диапазон, чем даты в рамках новгородской. Это связано с объективными особенностями накопления культурного слоя городов и отсутствием, за редким исключением, в позднем средневековье массовой традиции помещения в погребения вещей.

В целом, даты комплексов отличаются от принятых в современной историографии в сторону их омоложения, в ряде случаев весьма существенного (табл. 2). На основании полученных данных можно сделать ряд выводов относительно развития погребальной обрядности изучаемого региона в XI—XV вв.

Выводы

Вывод 1. Погребальные памятники второй половины XI в. — XII — начала XIII в. представлены комплексами трупосожжений многократного формирования. Для этого времени характерны практически по-

верхностные погребения по обряду кремации нескольких индивидуумов, вследствие чего временной диапазон между началом и завершением функционирования того или иного объекта может быть достаточно значителен. Истоки традиции следует относить, как минимум, к бронзовому веку. Вещевой комплекс представлен, в основном, предметами вооружения и бронзовыми украшениями (рис. 3: 1—9).

Ряд объектов, которые было принято датировать XI в., могут быть отнесены к несколько более позднему времени. Комплексы, относимые ранее к рубежу X — первой половине XI в., могут быть датированы второй половиной XI—XII вв. (Лаэнмяки Кяконен, Лаэнмяки Лопонен, Лапинлахти Наскалинмяки), а комплекс Лапинлахти Хеннонмяки датируется не ранее XII в. (табл. 2). При этом целый ряд вещей, найденных на том же участке, относится к еще более позднему времени.

Таким образом, на территории Карельского перешейка и, вероятно, Северного Приладожья в течение второй половины XI — XII вв., а, вероятно, и в XIII в., то есть уже в эпоху Крестовых походов, в среде местного населения продолжает существовать специфичная и чрезвычайно архаичная по облику погребальная традиция. Обилие случайных находок вещей этого времени, в том числе имеющих следы воздействия огня, может свидетельствовать о том, что такие погребения или целые могильники были достаточно многочисленны и широко распространены.

Вывод 2. Период функционирования так называемых «карельских грунтовых могильников развитого этапа» ограничен рамками XIII в. Важно констатировать, что среди известных на настоящий момент погребений, совершенных по обряду ингумации, достоверные комплексы XII в. полностью отсутствуют. В двух случаях — Суотниэми 2 и Тонтинмяки 5:1 — возможны случаи раритетного использования вещей, типологически относящихся к изделиям XII в. (рис. 3: 16).

Более того, подавляющее большинство погребений, совершенных по обряду ингумации, могут быть датированы временем не ранее 1220-х гг. (табл. 2). Ряд погребений может быть датирован временем не ранее 1250-х гг. (Кекомьяки 1:1 и 3:1). Наиболее поздним комплексом является Кекомьяки 1:4 (1300-е — 1310-е гг.). Таким образом, в данной группе могут быть выделены два хронологических периода:

А: 1220—1290-е гг. Появляются грунтовые трупоположения в сопровождении значительного количества инвентаря. Погребальный обряд разнообразен, его устойчивые формы не выявляются. Специфичной чертой обрядности являются захоронения нескольких индивидуумов в одной грунтовой могильной яме, но можно заключить, что они не являются синхронными, а совершались на протяжении достаточно длительного времени. Такие комплексы представляли собой своего рода склепы, где, вероятнее всего, были погребены члены одного рода или семьи.

Для этого времени характерен специфичный женский убор, структурно наследующий традиции эпохи викингов. При погребениях присутствуют изделия как северо-, так и восточноевропейского, в частности, новгородского производства или местные подражания им (рис. 3: 18—26, 29—31, 39—46).

В: 1250—1310 гг. В обрядности сохраняются тенденции предшествующего времени. В составе сопроводительного инвентаря появляется «ганзейский» импорт (рис. 3: 47—49, 53).

Вывод 3. Материалы могильников Кюлялахти, Патъя, Куркийоки Кууппала относятся к следующему, позднему этапу существования традиции карельских грунтовых погребений, начало которого можно отнести ко времени не ранее 1290-х гг. Кроме того, ряд комплексов (Кюлялахти № 13, 31, 59, 63 и Патъя № 23) датирован временем не ранее 1340/1350-х гг. (табл. 2). Не ранее 1450-х гг. датируется погребение Кюлялахти № 36 (Бельский 2012а: 176). Вероятно, часть малоинвентарных комплексов относится к XV—XVI вв. По всей видимости, на протяжении первой половины XV в., но не ранее, в погребальной обрядности местного населения происходит постепенный переход к погребениям, при которых отсутствуют какие-либо артефакты.

В это время погребальный обряд унифицирован, очевидно, под церковным контролем. Для него характерны надмогильные сооружения из камня типа «жальников» и погребения в гробах. Одновременные захоронения двух индивидуумов присутствуют, но единичны, и общего облика традиции не определяют. В это время происходят радикальные изменения в женском погребальном уборе: появляются многобусинные височные кольца (рис. 3: 57), серьги (рис. 3: 63), появляется значительное количество «ганзейских» импортов (рис. 3: 50—52, 56, 58, 59, 62, 66—68), что свидетельствует об интенсификации внешних связей населения региона. Этот вывод дает основание для выделения по археологическим материалам еще одного периода в развитии карельской культуры: 1290—1400-е гг.

Литература

- Бельский С.В. 2012а. Могильник Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006—2009 годов. Санкт-Петербург: Наука.
- Бельский С.В. 2012б. Погребальный обряд могильника Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладожье (по результатам археологических исследований 2006—2009 годов). Ученые записки Петрозаводского государственного университета 124 (3), 20—24.
- Бельский С.В. 2013. Карелия и Новгород: к датирующим возможностям конструктивно-технологических, морфологических элементов и декора карельских украшений XIII—XV вв. В: Чистов Ю.К. (отв. ред.). Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты

- МАЭ РАН в 2012 году. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 3—11.
- Варенов А.Б. 1997. Карельские древности в Новгороде: опыт топографирования. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля. Тезисы научно-практической конференции.* Новгород: Новгородский музей-заповедник, 94—103.
- Клейн Л.С. 1991. *Археологическая типология.* Санкт-Петербург: Изд-во АН СССР.
- Клейн Л.С. 2014. *Время в археологии.* Санкт-Петербург: Евразия.
- Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей. В: Колчин Б.А., Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.* Москва: Наука, 156—177.
- Кочуркина С.И. 1981. *Археологические памятники корелы V—XV веков.* Ленинград: Наука.
- Кочуркина С.И. 1982. *Древняя корела.* Ленинград: Наука.
- Лесман Ю.М. 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Ленинград: Наука, 65—74.
- Лесман Ю.М. 1984а. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Лебедев Г.С. (отв. ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли.* Ленинград: Наука, 118—153.
- Лесман Ю.М. 1984б. Хронологическая периодизация древнерусских погребальных памятников Северо-Восточного Причудья. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли.* Псков, 39—40.
- Лесман Ю.М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Материалы по археологии Новгорода.* 1988. Москва: МГУ, 29—98.
- Лесман Ю.М. 1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки). В: Лебедев Г.С. (отв. ред.). *Arheologia Petropolitana 1.* Санкт-Петербург: СПбГУ, 52—65.
- Лесман Ю.М. 2004. Кластерные, хронологически значимые и датирующие типы. В: Вишняцкий Л.Б., Ковалев А.А., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Археолог: детектив и мыслитель.* Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт-Петербург: СПбГУ, 138—156.
- Лесман Ю.М. 2012. Хронология карельских могильников: взгляд из Новгорода. *Stratum plus* (5), 149—158.
- Покровская Л.В. 2005. Привески Людина конца средневекового Новгорода. Хронология (по материалам Троицкого раскопа). В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля. Тезисы научно-практической конференции.* Новгород: Новгородский музей-заповедник, 161—174.
- Покровская Л.В. 2010. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Троицкий и Неревский раскопы). В: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки.* Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 259—272.
- Сакса А.И. 2010. *Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н.э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Седов В.В. 1987. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии. *КСИА* 179, 42—49.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).* Москва: Наука.
- Bel'skiy S., Laakso V. 2012. New archaeological evidence on the Christianization in Karelia in the 13th — 15th centuries (Northern Lake Ladoga region, Russian Federation). In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gaska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence.* U źródeł Europy Środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 1. P. 1. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 767—775.
- Immonen V. 2009. *Golden Moments. Artefacts of Precious Metals as Products of Luxury Consumption in Finland c. 1200—1600.* Vol. I, II. Turku: SKAS.
- Kivikoski E. 1942. Lisiä Karjalan ristiretkikauden ajanmääritykseen. *Kalevalaseuran vuosikirja* 22, 79—87.
- Krabath S. 2001. *Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen.* Internationale Archäologie 63. Bd. I—II. Rahden: Leidorf.
- Krabath S., Lambacher L. 2006. *Der Pritzwalker Silberfund: Schmuck des späten Mittelalters; Katalog zur Sonderausstellung anlässlich des 750. Jubiläums der Stadtrechtsverleihung an Pritzwalk im Stadt- und Brauereimuseum Pritzwalk vom 28. Mai bis 29. Oktober 2006.* Pritzwalk: Stadt- u. Brauereimuseum.
- Laakso V. 2003. Papinniemi i Uukuniemi och andra ortodoxa gravfält i östra Finland utgångspunkter och aktuell forskningsproblematik. *Kirkearkæologi i Norden. Hikuin* 30. Højbjerg, 139—154.
- Laakso V. 2004. Coins, radiocarbon and stratigraphy. Dating methods and their problems in connection with inhumation graves of Kappelinmäki in Lappeenranta and other Karelian cemeteries. In: Uino P. (ed.). *Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Papers of the 12th Finnish-Russian archaeological symposium.* Helsinki, 56—60.
- Nordman C.A. 1924. *Karelska järnåldersstudier.* SMYA XXXIV: 3. Helsingfors: K. F. Puromienien.
- Thunmark-Nylen L. 2007. On chronology: die Wikingerzeit Gotlands and some method-problems. In: Fransson U. (ed.). *Cultural interaction between East and West: archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe.* Stockholm, 358—365.
- Uino P. 1997. *Ancient Karelia. Archaeological studies.* SMYA 104. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.

References

- Bel'skiy, S. V. 2012. *Mogil'nik Kiulialakhti Kalmistomiaki v Severo-Zapadnom Priladozh'e. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy 2006—2009 godov* (Kylalahti Kalmistomaki Burial Ground in North-Western Ladoga Region. Results of Archaeological Studies of 2006—2009). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Bel'skiy, S. V. 2012. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Academic Notes of Petrozavodsk State University) 124 (3), 20—24 (in Russian).
- Bel'skiy, S. V. 2013. In *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 godu* (Radlov Collection: Academic Research and Museum Projects

- of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in 2012). Saint Petersburg: MAE RAN, 3—11 (in Russian).
- Varenov, A. B. 1997. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlja* (Novgorod and Novgorod Land). Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik, 94—103 (in Russian).
- Klejn, L. S. 1991. *Arkheologičeskaja tipologija* (Archaeological Typology). Saint Petersburg: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Klejn, L. S. 2014. *Vremja v arkheologii* (Time in Archaeology). Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1982. In *Novgorodskii sbornik. 50 let raskopok Novgoroda* (Novgorod Collection. 50 Years of Archaeological Excavations in Novgorod). Moscow: Nauka, 156—177 (in Russian).
- Kochkurkina, S. I. 1981. *Arkheologičeskie pamiatniki korely V—XV vekov* (Corela's Archaeological Sites of 5th—15th cc.). Leningrad: Nauka (in Russian).
- Kochkurkina S. I. 1982. *Drevniaia korela* (The Ancient Corela). Leningrad: Nauka (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu ranego srednevekov'ia* (Northern Rus' And Its Neighbors in Early Middle Ages). Leningrad: Nauka, 65—74 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In *Arkheologičeskoe issledovanie Novgorodskoi zemli* (Archaeological Research of Novgorod Land). Leningrad: Nauka, 118—153 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. *Arkheologija i istorija Pskova i Pskovskoi zemli* (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land). Pskov, 39—40 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988* (Materials on Archaeology of Novgorod. 1988). Moscow: MGU, 29—98 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1996. In *Arheologia Petropolitana* (Archaeologia Petropolitana) 1. Saint Petersburg: SPbGU, 52—65 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2004. In *Arkheolog: detektiv i myslitel'* (Archaeologist: Detective and Thinker). Saint Petersburg: SPbGU, 138—156 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2012. In *Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaia antropologija* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (5), 149—158 (in Russian).
- Pokrovskaja, L. V. 2005. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlja* (Novgorod and Novgorod Land). Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik, 161—174 (in Russian).
- Pokrovskaja, L. V. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki* (Slavic-Russian Jewelry and Its Origins). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 259—272 (in Russian).
- Saksa, A. I. 2010. *Drevniaia Kareliia v kontse I — nachale II tysiačelietia n. e.: Proiskhozhdenie, istoriia i kul'tura naseleniia letopisnoi Karel'skoi zemli* (Ancient Karelia in Late I — Early II Millennium AD: Origins, History and Culture of the Population of the Annalistic Karelian Land). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Sedov, V. V. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 179, 42—49 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.)* (Jewelry of the Ancient Novgorod (10th—15th cc.)). Moscow: Nauka (in Russian).
- Bel'skiy, S., Laakso, V. 2012. New archaeological evidence on the Christianization in Karelia in the 13th — 15th centuries (Northern Lake Ladoga region, Russian Federation). In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M. P., Sulikowska-Gaska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. U źródeł Europy Środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas*. Vol. 1. P. 1. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 767—775.
- Immonen, V. 2009. *Golden Moments. Artefacts of Precious Metals as Products of Luxury Consumption in Finland c. 1200—1600*. Vol. I, II. Turku: SKAS.
- Kivikoski, E. 1942. Lisiä Karjalan ristiäretkikauden ajanmäärittäykseen. *Kalevalaseuran vuosikirja* 22, 79—87.
- Krabath, S. 2001. *Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen. Internationale Archäologie* 63. Bd. I—II. Rahden: Leidord.
- Krabath, S., Lambacher, L. 2006. *Der Pritzwalker Silberfund: Schmuck des späten Mittelalters; Katalog zur Sonderausstellung anlässlich des 750. Jubiläums der Stadtrechtsverleihung an Pritzwalk im Stadt- und Brauereimuseum Pritzwalk vom 28. Mai bis 29. Oktober 2006*. Pritzwalk: Stadt- u. Brauereimuseum.
- Laakso, V. 2003. Papinniemi i Uukuniemi och andra ortodoxa gravfält i östra Finland utgångspunkter och aktuell forskningsproblematik. *Kirkearkæologi i Norden. Hikuin* 30. Højbjerg, 139—154.
- Laakso, V. 2004. Coins, radiocarbon and stratigraphy. Dating methods and their problems in connection with inhumation graves of Kappelinmäki in Lappeenranta and other Karelian cemeteries. In: Uino P. (ed.). *Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Papers of the 12th Finnish-Russian archaeological symposium*. Helsinki, 56—60.
- Nordman, C.A. 1924. *Karelska järnåldersstudier*. SMYA XXXIV: 3. Helsingfors: K. F. Puromienien.
- Thunmark-Nylen, L. 2007. On chronology: die Wikingerzeit Gotlands and some method-problems. In: Fransson U. (ed.). *Cultural interaction between East and West: archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe*. Stockholm, 358—365.
- Uino, P. 1997. *Ancient Karelia. Archaeological studies*. SMYA 104. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.

Статья поступила в номер 6 января 2014 г.

Stanislav Belskiy (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences¹.

Stanislav Belskiy (Saint Petersburg, Russia). Candidat în științe istorice. Muzeul de arheologie și etnografie „Petru cel Mare” (Kunstkamera) din Academia de Științe al Rusiei.

Бельский Станислав Викторович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук.

E-mail: stbel@kunstkamera.ru

Address: ¹ Universitetskaya Nab., 3, Saint Petersburg, 199034, Russia

Варяго-русский вопрос: продолжение дискуссии

Varangian-Russian Issue: Discussion Continued
Problema varego-rusă: continuarea discuției

Л. С. Клейн

Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора

Keywords: North-Western Rus', Novgorod, Antinormanism, Varangians, Northmen, Lekhite dialectisms, West-Slavic ceramics, ethnonim "Rus" as ingrained in the northern system of ethnonims.

Cuvinte cheie: Rusia de nord-vest, Novgorod, Antinormandism, varegi, normanzi, dialectisme lehite, ceramică vest-slavă, contextul nordic al etnonimului „Rus”.

Ключевые слова: Северо-Запад Руси, Новгород, антинорманизм, варяги, норманны, лехитские диалектизмы, западнославянская керамика, северная укорененность этнонима «русь».

L. S. Klejn

One More Tale on Lekhite Varangians. Discussion Continued

Unexpectedly a sympathetic exposition of Antinormanist hypothesis of treating Varangians in Rus' as Western Slavs appeared in professional archaeological press. This hypothesis is based on three arguments: 1) a guess on Lekhite borrowings in the language of medieval Novgorod population; 2) finds of West-Slavic ceramics in North-Western Rus', and 3) absolutely obsolete manipulations with the ethnonim "Rus". Objections: 1. The lingual borrowings are not substantiated, they are simply archaisms present in other languages, too. 2. The alien (in Rus') ceramics is not domestic, but made by craftsmen, so it cannot testify the coming of Lekhite Varangians. In addition it is absent on the south part of the road from Varangians to Greeks. 3. Even if southern and western etymologies of the term "Rus" were more professionally made, they could not resist the degree to which the term is ingrained into the northern system of ethnonims.

L. S. Klejn

Încă o poveste despre varegii lehiți. Continuarea discuției

Neașteptat, în presa profesională arheologică au apărut unele studii ce simpatizează cu ipoteza, conform căreia varegii din Rusia nu sunt normani, ci slavi de vest. Această ipoteză se bazează pe 1) posibilele cuvinte de origine lehită în limba, vorbită de populația medievală a Novgorodului, 2) descoperirile de ceramică vest-slavă în Rusia de nord-vest și 3) manipulări absolut demodate asupra etnonimului „Rus”. Contraargumente: 1. Influențele lehite nu sunt demonstrate, fiind vorba de fapt despre unele arhaisme, prezente și în alte limbi. 2. Ceramica pătrunsă în Rusia nu este casnică, ci produsă de către meșteri profesioniști, reprezentând un argument în favoarea migrației acestor meșteri, nu a varegilor, fiind absentă și pe traseul sudic al „căii de la varegi la greci”. 3. Chiar dacă etimologiile sudice și vestice ale termenului „Rus” ar fi fost cercetate la un nivel mai profesionist, ele nu pot reprezenta un argument împotriva încadrării termenului respectiv în sistemul etnonimic nordic.

Л. С. Клейн

Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора

Неожиданно в профессиональной археологической печати появилось сочувственное переложение антинорманистской гипотезы идентификации варягов на Руси, превращающей их в западных славян. Эта гипотеза зиждется на 1) предположении о лехитских заимствованиях в речи средневековых новгородцев, 2) находках западнославянской керамики в Северо-Западной Руси и 3) совершенно устарелых манипуляциях с этнонимом «русь». В данной статье обоснованы следующие возражения: 1. Заимствования не доказаны, это просто архаизмы, наличные и в других языках. 2. Пришлая на Руси керамика не домашняя, а ремесленная, и свидетельствует о приходе ремесленников, а не варягов. К тому же ее нет на южной части пути из варяг в греки. 3. Даже будь южные и западные этимологии термину «русь» более профессиональными, они не могут противостоять вписанности термина в северную систему этнонимов.

В «Stratum plus» №4 за 2012 год помещена хвалебная рецензия А. А. Романчука на первый том «Российского археологического ежегодника» (Романчук 2012), в которой он, в частности, очень хвалит мою методологическую статью о гипотезах (Клейн 2011). Его радует, что я поддержал принцип множественности гипотез. Но ведь основное содержание моей статьи — размышления о том, как определять, какие гипотезы правомерны и состоятельны. А тут у нас явное расхождение с автором рецензии. Это проскальзывало уже в той рецензии, а полностью выявилось в большой отдельной статье А. А. Романчука год спустя (Романчук 2013а; 2013б). Я разделил оценку гипотез на четыре уровня: они должны отвечать критериям научности, повышения вероятности, доказанности и познавательной ценности. Романчук решил вмешаться в старый спор о варягах (см. Клейн 2009) на стороне антинорманистов. Если классифицировать позиции историографически, он поддержал старую идею, ныне защищаемую лишь крайними антинорманистами, — идею западнославянской (не норманнской) принадлежности варягов. Идея эта была реанимирована А. Г. Кузьминым и и его учеником В. В. Фоминым, и вот еще раз А. А. Романчуком. По бессмертному выражению Черномырдина, этого отродясь не бывало — и вот опять.

Я признаю, что это научная гипотеза, но ни критериям вероятности, ни критериям доказанности она не отвечает. А. А. Романчуку представляется, что новые данные археологии позволяют пересмотреть взгляды большинства археологов.

Реанимирующая статья А. А. Романчука построена так: после краткой экспозиции (1), где излагается ситуация с норманизмом и антинорманизмом, автор, объявивший себя сторонником антинорманистской концепции западнославянского происхождения варягов, начинает излагать аргументы.

(2) Он начинает с доказательств того, что керамика Северо-Западной Руси — южнобалтийского происхождения, но (3) вынужден добавить, что не только западнославянского (лехитского), но также и фризского, то есть германского. (4) В связи с этим он специально останавливается на происхождении новгородцев от южнобалтийских славян на основе лингвистических исследований акад. А. А. Зализняка. Правда, при этом ему приходится, не будучи лингвистом, как-то справляться с языковедами-критиками

этих исследований. Поскольку получается это не очень победоносно, он (5) привлекает на помощь антропологические данные — работы С. Л. Санкиной. Санкина установила, что антропологически на Северо-Западе Руси и даже на юге Руси заметен германский вклад (в могильниках, подозреваемых на «норманнскость»), что А. А. Романчук тут даже не сформулировал, а вот что он не преминул заметить — это что антропологический тип славян Юго-Запада Балтики очень близок германцам.

(6) Далее идет разбор этнического определения артефактов Северо-Запада Руси, из которого следует, что скандинавских вещей было очень мало, и больше небогатых, чем богатых, и больше женских, чем мужских. А распространялись они на Русь, в основном, через Юго-Запад Балтики. (7) Затем А. А. Романчук напоминает, что саги не знают династию Рюриковичей до Владимира Старого, Рюрик им не известен. (8) Совершив скачок на восток, он тут же присовокупляет к этому, что в Ладоге скандинавов, судя по археологическим данным, нет, а есть фризы. (9) Отсюда уже прямой путь к дезавуированию скандинавской принадлежности имен Рюрика и Олега — они, по Романчуку, могут быть просто германскими или даже славянскими. (10) И вообще германское — не обязательно скандинавское. (11) Скандинавское происхождение термина «варяг» Романчук также отвергает, предлагая взамен общегерманское по своему корню, но занесенное к нам западными славянами. Вариант — «варины», от которых уже недалеко до «вагров». (12) Коль скоро зашла речь о терминах, то как не заняться термином «русь»? Романчук упирает на то, что собственно скандинавского прототипа у финского «руотси», а значит, и древнерусского «русь» не найти. Значит, открыт путь для всяких сопоставлений с разными словами со звуком «р» + гласный + зубной согласный, лишь бы они были не в Скандинавии, а в Центральной Европе или в Южной России. В итоге он приходит к выводу, что «Русь — изначально неславянский народ..., но к IX веку уже сильно славянизированный». (13) Завершает статью А. А. Романчука раздел о страстях, «что кипят вокруг дискуссии», и призыв эти страсти умерить.

Отвечая, я изменю порядок аргументов, но постараюсь ответить на все позиции (при этом уже приведенные А. А. Романчуком ссылки можно опустить, кроме прямых цитат).

Гипотезы, идеи и страсти

1. Коль скоро я также считаю, что страсти для объективного рассмотрения проблемы нужно умерить, я предлагаю, прежде всего, отказаться от того, чтобы называть своих оппонентов норманистами. Никакого норманизма нет в мире, нет его и в России. Нет какой-то «норманнской теории». То, что оспаривается антинорманистами под видом теории, это не теория (ни под какое определение теории не подходит — см. Клейн 1978; 2004), а некий набор фактов, выводы же, которые считаются квинтэссенцией этой теории, никем из ученых (так называемых норманистов) не сформулированы, формулируют за них эти выводы антинорманисты и политики, не являющиеся учеными. Антинорманизм же существует, это самоназвание, хотя только в нашей стране.

Говорить, что, де, мы называем норманистами сторонников идентификации варягов со скандинавами условно, не ругательно, т.е. не имея в виду никаких негативных ассоциаций, смешно: эти ассоциации закрепились в литературе и читатели их непременно почувствуют, пусть и подсознательно. Этого слова не избежать только в историографии, при изложении перипетий спора.

Сам факт того, что противостояния норманизма и антинорманизма не существует нигде, кроме России, и поддержка антинорманизма нынешней властью России (министр культуры В.Р. Мединский и др.) говорит о том, что вся программа антинорманизма зиждется на национальном комплексе неполноценности и униженности, корни которого отнюдь не в глубокой истории, а в отставании России, которое в тех или иных формах чувствуется с петровского времени. Не случайно главный реаниматор крайней антинорманистской идеи А.Г. Кузьмин одновременно подвизался в качестве активного разоблачителя сионизма как мирового заговора (есть ряд его сочинений этого плана, в свое время модных). Это не исключает того, что в своих работах по древней истории А.Г. Кузьмин был интеллигентен и корректен (в отличие от своего ученика).

По многим причинам он был заместителем главного редактора головного исторического журнала страны «Вопросы истории». Как кажется А.А. Романчуку, признав, что ленинградские археологи Клейн с учениками в их сближении с норманизмом «ни в коем случае не отходят от марксизма», А.Г. Кузьмин (1971) поддержал их в трудный момент. Объективно

это выглядело так, но цели А.Г. Кузьмина были другие. Трудный момент был позади. Мы уже до того (диспут 1965 года) наглядно победили в полемике и даже выпустили коллективную статью о норманнских древностях Руси, и нужно было как-то объяснить эту ситуацию, одновременно заклеив нас как норманистов и как сугубых теоретиков, победивших не на основе фактов (что было неверно). Это Кузьмин и сделал.

Я далек от того, чтобы видеть околонуточное политиканство в каждом отдельном случае выступления антинорманистов. Что касается А.А. Романчука, то, насколько я знаю, он просто склонен часто испытывать возможности реализации редких и отвергнутых идей, и его обращение к идее западнославянской идентификации варягов — лучшее доказательство того, что эта идея маргинальна. Но для меня безразлично, что побудило его отстаивать эту идею. Он делает это интересно, со знанием дела и серьезно, без раздражающих и популистских выпадов. Здесь уже нет кузьминско-фоминских варягов как вагров (хотя они всё же выглядят из-за плеча А.А. Романчука), нет рюгенских ранов как почти русских (хотя и они ждут на скамейке запасных), нет бесчисленных Рутений-Русей по всей Европе.

Тем не менее, мне представляется, что в его работе есть несколько просчетов, которые в совокупности заводят его в неверную трактовку данных.

2. Прежде всего, он всё время исходит из сугубо географического понимания Скандинавии, по которому она ограничивается полуостровом, омываемым с юга Балтийским и Северным морями и рядом примыкающих островов. Ютландия — другой полуостров, отделенный от Скандинавии морем и отходящий от другой части Европейского материка.

Между тем, не только историки, занимающиеся средневековым миром викингов, но и современные политики понимают под Скандинавией, скандинавами, скандинавскими странами весь ареал, занимавшийся в древности викингами, а в современности государствами со скандинавской ветвью германских языков — Швецию, Норвегию, Данию и Исландию. Всё это для них скандинавский мир (ср. ряд статей о Дании в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России» 1970).

Поэтому, говоря о ютландском происхождении тех или иных древностей, археологи спокойно рассуждают о скандинавском влия-

нии — так же, как и говоря о шведских по происхождению древностях. В остальной Европе в средневековье жители также воспринимали тех и других как норманнов — эпоха викингов была на всей этой территории. Несколько выбиваются из этой группы народов древние фризы. Фризский язык — ближайший родственник языка англов, принадлежит к западно-германской группе. Но Рорик (президент на идентификацию с Рюриком), захвативший со своим войском Фризию (Фрисландию), был даном из династии, правившей в Хёдебу, то есть одним из норманнов.

Вся эта терминологическая коррекция ничего не изменяет в содержании, но также должна отрезвить яростных антискандинавских спорщиков и ослабить накал страстей.

Вещи

3. Наиболее досадным с точки зрения антинорманистов прошлого являлся археологический материал, говоривший об обилии норманнских древностей на Руси. И наиболее внушительным в подборке А. А. Романчука явился анализ этой категории аргументов, который должен показать скудость и бездоказательность этих вещей.

Сколько их? По А. Стальсбергу на Руси можно выделить 99 скандинавских погребений (Стальсберг 1987: 175). А. А. Романчук ехидно замечает: «Мягко говоря, немного».

Оценка, мягко говоря, неверна. 99 — это не много и не мало. Всё зависит от того, из какого числа сделана выборка. И общую совокупность нужно определять не по всем раскопанным погребениям, включая захоронения XX века, XIX века, XVIII века и т. д., а только за века, для которых исторически известно наличие варягов. Кроме того, нужно отсеять все этнически неопределенные погребения (то есть, подавляющее большинство). А от оставшихся, если выборка даст процентов этак 1—2, это мало, а если 10—20 — это уже очень существенно. Особенно, если по позициям в могильниках они займут центральное место. А. Стальсберг определяет долю скандинавских погребений в Гнездове и в могильниках Ярославского Поволжья как «около 10 процентов», а в районе Старой Ладogi повыше (Stalsberg 2008a: 11; 2008b: 184). Она добавляет, что норманны на Руси жили только в городах, а сельским населением не становились.

Кроме того, надо учесть, что А. Стальсберг — очень щепетильная исследовательница. Будучи потомком норманнов, она видит

свою ответственность в том, чтобы определять их численность на Руси *по минимуму* — быть сугубо придирчивой к зачислению погребений в норманнские, зачислять только, если уж нельзя не зачислить. Еще более придирчивым был только глава антинорманистов Д. А. Авдусин, для которого любой неопределенный (так сказать, «беспаспортный») покойник на нашей территории был заведомо славянином. Конечно, я не приемлю и противоположную крайность — объявлять покойников норманнами по любому скандинавскому артефакту при нем или любому скандинавскому признаку ритуала. Ясно, однако, что наиболее вероятная доля норманнов в реальности была выше, чем принятый Анной Стальсберг минимум.

Для Ярославского Поволжья мы установили, что норманнская выборка составляет 14 процентов (Клейн и др. 1970). Для Гнездова глава археологов-антинорманистов Д. А. Авдусин (1988: 30) в конце жизни признал, что норманнов там «во много раз больше», чем он ранее полагал. Ю. Э. Жарнов (1991) подсчитал, что среди женских погребений Руси скандинавские составляют 40% от ингумаций и 50% от кремаций. По И. Янссону (Jansson 1987) доля погребений с овальными фибулами оказалась в Гнездове такой же, как в Бирке, а в Тимерева — даже больше. Оговариваю, что речь идет о дружинных могильниках на Руси возле древнерусских городов. В сельском населении норманнов не было вовсе.

4. Теперь о доказательности предъявленных А. А. Романчуком аргументов. А. А. Романчук, со ссылками на ряд археологов, включая, к его удовольствию, «норманистов», перечисляет отличия древностей России, претендующих на норманнское происхождение, от истинно норманнских в Швеции: а) нет фигурных каменных выкладок вокруг погребений в курганах, б) нет в инвентаре погребений орудий труда, в) лодейных заклепок мало, и они ближе к балтийским (стержень в сечении не круглый, а четырехугольный), г) у женщин часто по одной фибуле вместо двух, д) мужских погребений вообще чрезвычайно мало (по А. Стальсбергу, вдвое меньше, чем женских), е) вещи вообще часто не в комплексе. Он рассматривает это как свидетельство того, что у них не скандинавский источник или это результат торговли.

И главное: на Руси нет скандинавской керамики. Уж это и вовсе странно: если тут были норманны, то где их керамика, главный «этноиндикатор»?

На деле толкование артефактов не должно быть столь прямолинейным, нужно включить внутреннюю критику археологических источников (Клейн 2012: 197—222). Именно отличие типов вещей от прототипов на их родине говорит о том, что это, скорее всего, не предметы торговли, а результат передвижки населения. Ибо при передвижке, при миграции типы вещей нередко изменяются по сравнению с первоначальным очагом: миграция — это сильный стресс (Клейн 2013: 262—265). Естественно и отсутствие орудий труда в погребениях: в поход шли не крестьяне, а воины-торговцы. Женщины могли видоизменить исконный обычай — перейти к ношению одежды с одной застежкой, сшивая стыки на месте второй. Мужчины же значительно быстрее женщин перенимают чужие формы одежды и становятся не опознаваемы как этнически особые, не говоря уж о том, что они (особенно варяги) в те времена значительно чаще гибли в воинских походах на чужбине.

Что касается керамики, то главный контингент норманнов, прибывавших на славянские и финно-угорские земли — викинги. В их сопровождении прибывали на освоенные территории и супруги конунгов, а также военные подруги их приближенных — «валькирии» по В.Я. Петрухину (1996), то есть верхний и средний слои женской части общества. Ни викинги, ни эти женщины своей керамики не изготавливали. Пользовались местной. Именно этот состав пришельцев приводил к их массовым бракам с местными женщинами и к быстрому ославяниванию пришельцев (А.А. Романчук резонно заметил, что дети учатся языку от матерей).

5. А.А. Романчук использовал наблюдение Ф. Андрощука, что процентное соотношение мечей эпохи викингов на Руси сильно отличается от Швеции и Норвегии и очень близко Дании. Ссылаясь на Г.С. Лебедева, К.А. Михайлова и других, А.А. Романчук устанавливает, что в Ладоге нет чисто скандинавских древностей, а есть древности общегерманские и особенно наличные во Фрисландии — длинные дома, как во Фрисландии, а могилы в Плакуне — камеры с гробовищем, как в Ютландии, в районе Хёдебю конца IX — начала или первой половины X вв. и более поздние на севере Ютландии. И А.А. Романчук спрашивает: «почему мы должны связывать могильник Плакун со скандинавами, пусть и южными? Почему не непосредственно с фризами? Или все же — славянами Юго-Запада Балтики»? Станный вопрос. Когда сходство с Данией и всё сходится

на районе Хёдебю, откуда Рорик родом, почему Романчуку приходят на ум фризы или славяне Юго-Запада Балтики? По-моему, можно сказать, что эти данные противоречат происхождению Рюрика из Швеции и ложатся на чашу весов ютландского (из данов) происхождения Рюрика — так их и восприняли Лебедев и Михайлов. И А.А. Романчук напрасно подсуетился с западными славянами. Только потому, что в 808 г. конунг данов разорил Велиград и переселил его жителей в Хёдебю? Из этих пленных потом получились варяги? Или это им и принадлежат богатые камерные погребения Хёдебю? Наверное, этим пленным очень повезло, что их Велиград разорили.

6. Ударным звеном своего рассуждения А.А. Романчук делает проникновение западнославянской керамики — лепной и гончарной — «как наиболее надежного этноиндикатора» в Северо-Западную Русь, начиная с середины IX века. Но из этих керамических вкладов торновская керамика, выступающая только в Городке на Ловати, происходит не с побережья Балтики, а из Бранденбурга, то есть из сербо-лужицких земель. Фельдбергская керамика, чужая для новгородцев, распространена по реке Хафель и по обе стороны от низовий Одера по Балтийскому побережью, она связывается с племенем вильцев (лютичей) и со словинцами. Для фрезендорфской керамики, наличной тоже в Новгороде, основным очагом распространения является остров Рюген, и немецкие археологи рассматривают ее как керамику племени ранов (руян). Гросс-раденская керамика, еще один западный компонент керамики Новгорода, происходит из пограничья ободритов и вильцев (лютичей) (район Шверина). Керамика типа Таттинг связывается с фризами, как и равноплечные фибулы. Итак, сорб-лужичане, лютичи, словинцы, пограничье с ободритами, фризы... Обратите внимание, что в Вагрии, где обитали вагры, основные претенденты Фомина на роль варягов, керамики, представленной вкладами в Северо-Западную Русь, нет. Лишь одна из этих групп оказывается на о. Рюген, но его участие в варяжской гипотезе притянута за уши (привязкой к этнониму «Русь» и к символу сокола).

Как прикажете понимать: которая из этих локальных групп западнославянской керамики, продвинувшейся в некоторые районы Северо-Западной Руси, принесена варягами? Или все? Но тогда почему не было такого внушительного проявления варягов на их западнославянской родине по письменным источникам?

И главное: если бы эта керамика принадлежала варягам, она бы была и в Южной Руси, на всем протяжении пути «из варяг в греки», а ее там нет.

Итак, керамика из разных мест западно-славянского ареала, и в Северо-Западной Руси она оказывается на разных участках. К тому же, на что обратил внимание на одной из конференций С. В. Белецкий, она вся гончарная, то есть сделана не в домашнем обиходе обычным населением, а мастерами-ремесленниками. Значит, свидетельствует она не о массовой передвижке населения, а о прибытии с запада отдельных мастеров-ремесленников из разных мест западно-славянского мира (не только с побережья и не только славянских, но и фризских), поселившихся в разных местах Северо-Западной Руси. Датируется она, в основном, X веком, когда на западных славян началось особенно сильное давление германских войск, и ремесленники потянулись в более безопасные места. Варяги тут ни при чем.

Язык и фольклор

7. Академик А. А. Зализняк в 1988 г. установил наличие в речи древних новгородцев архаизмов, схожих с архаизмами северно-лехитского диалекта. Это дало ему возможность предположить западно-славянское происхождение значительной части новгородского населения. А это, в свою очередь, было использовано В. В. Фоминым и его сторонниками для подтверждения идеи, что варяги — это западные славяне. Лингвисты О. Н. Трубачев, В. Б. Крысько и Х. Шустер-Шевц выступили с радикальной критикой этого наблюдения Зализняка. Они показали, что такие же архаизмы есть и в других славянских диалектах. Для подтверждения идеи нужно привести исключительные аналогии в новациях. И А. А. Зализняк сам не возобновляет свое предположение.

На это А. А. Романчук отреагировал так: «...сегодня уже и археологически совершенно очевиден факт не просто очень тесного взаимодействия Юго-Западной Балтики и Руси в раннем средневековье, но и, пожалуй, приоритетного взаимодействия» (Романчук 2013а: 284). «Приоритетное взаимодействие», судя по представленному выше анализу керамических аналогий, вовсе не замена западнославянского происхождения новгородцев и к варягам отношения не имеет.

А. А. Романчук также попытался доказать, что А. А. Зализняк всё же имел резон, говоря

о западнославянском происхождении нового-родцев. А. А. Романчук привлекает к анализу сербов, болгар, кашубов и др., но в аналогиях не участвуют диалекты из районов Киева, Чернигова и Смоленска (Гнездова). Западно-славянские варяги обошли их?

8. В полном согласии с В. В. Фоминым А. А. Романчук выдвигает в числе коронных аргументов то, что саги не знают русских князей ранее конунга «Вальдамара Старого», Рюрик им совершенно неизвестен. «Факт фундаментальнейшего, принципиального значения». Ведь исландским сагам шведские дела были известны, как и вообще история скандинавского мира. А Рюрика нет.

Простите, но и его возможного прототипа, Рорика Ютландского, нет! А он реально существовал совсем близко — на Юге Балтики, и отмечен в нескольких письменных источниках: то сражался с королями франков, сыновьями Карла Великого, то подчинялся им. Саги — не история, отражали не всё. Кстати, русские былины ближе к местам событий, но тоже знают дохристианскую историю Древней Руси очень смутно. К тому же, чтобы слагались саги, нужна не просто связь между восточнославянской землей и Исландией, но и чтобы вернулись из похода певцы, слагавшие саги, и викинги, которых стоило прославлять. А массы воинов, «вся Русь», осели на Волхове и Днепре или погибли под стенами Миклагарда (Константинополя). Позже ходило викингов в Гардарики больше, и многие возвращались, эти начали слагать саги. А Рюрик, Аскольд, Дир, Игорь, Олег не вернулись.

Имена

9. Используя этот «фундаментальнейший факт», А. А. Романчук переходит к именам Рюрика и Олега. Еще А. Куник писал, что имя Рюрик (Рорик) редко в шведском именослове (см. Геденов 2011: 608), и это повторила Л. П. Грот, добавив, что оно характерно как раз для Ютландии (Грот 1997). Е. А. Мельникова присоединила к этому наблюдению, что имя Олег/Ольга (Хельги/Хельга), прежде всего, характерно для именослова Скъёльдунгов — легендарной династии о. Зеландия (Дания). Кажется, тут всё ясно — это еще один аргумент на чашу весов ютландского происхождения Рюрика и Олега (против шведского их происхождения). А Романчук делает другой вывод: «Между тем эта ситуация как раз соответствует взглядам А. Г. Кузьмина...» (Романчук 2013а: 289). Но Кузьмин — ро-

доначальник современного варианта западнославянской атрибуции варягов и, соответственно, их князей. Как ютландское, из данов, происхождение Рюрика и Олега соответствует их западнославянской принадлежности?

10. Правда, А. Г. Кузьмин делал оговорку-уступку: «население Юго-Западной Балтики в раннем средневековье есть результат славянизации весьма сложного в этническом отношении населения — “народов между кельтами и германцами”» — с афоризмом: «Русь первоначально всюду была неславянской». Этим, по мнению автора, и объясняется «основная масса неславянских черт *варягов* и *варяжской руси*» (Романчук 2013а: 289). Этим Кузьмин, конечно, ослаблял «патриотическое» звучание своей концепции, жертвуя славянством имени ради сохранения славянства властителей. Да ведь сначала нужно доказать, что западные славяне вообще варяги.

А если вдуматься, тут есть какой-то вывод: сначала уверять, что пришельцы были на самом деле природными и отъявленными западными славянами, а потом с тем же энтузиазмом объяснять, откуда у них наследственные неславянские черты.

11. Теперь о самом термине «варяг». Как известно, оно исходно на языке норманнов (*væring*) означало тех наемников, кто принес клятву верности. Е. А. Мельникова установила, что слово это не встречается в древнескандинавских текстах до XI века: «с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Мельникова 1998: 159). Е. А. Мельникова считает, что слово это возникло среди викингов не в Византии или в Скандинавии, а на Руси, откуда варяги-наемники и поступали в Византию. Из гипотетичности этого последнего суждения А. А. Романчук выводит позволительность вернуться к Гедеоновскому производству «варяг» от «германского по своему корню» слова *varag- varang*, занесенного к нам западнославянскими племенами. Кому эти варанги присягали? Почему, будучи западными славянами, назвали себя по-немецки? Почему у них на Руси появился юс малый (перешедший в «я»), что говорит об исходном -ing, а не -ang? Как с этим вяжется идентификация *вэрингов* и *варинов*? Далее идут расшифровки семантики *варяг* через **warogъ* из **rarogъ* (сокол) и прочая, простите, задорновщина.

12. В заключение предложены пространные и столь же смелые этимологии термина

«Русь». Я избавлю читателя от их анализа, потому что для решения вопроса о происхождении термина «Русь» этимология этнонима не имеет ни малейшего значения. Я не «отмахиваюсь» от серьезного вопроса. Очень многие этнонимы не расшифрованы до сих пор, тем не менее, мы же их употребляем без всякой трудности. Например, термин «германцы». Это ведь не самоназвание. При Цезаре было не очень ясно, кто это и откуда взялось название. Цезарь решил, кого называть германцами. С тех пор называют и не путают. Всё это очень занятно рассказано в книгах Рольфа Гахмана. Так же точно и с термином «Русь». Как он образовался, мы не знаем, можем только строить разные предположения. Но мы точно знаем, что он сформировался первоначально к северо-западу от восточных славян.

Дело в том, что только на северо-западе наша летопись знает целый ряд однотипных этнонимов: сумь, чудь, русь, весь, ливь, ямь, лопь, водь, жмудь и т. п. В эту линейку Русь укладывается однозначно. Сравните с этим более южные названия: поляне, радимичи, вятичи, кривичи, север, половцы, печенги, торки, берендеи, меря, мещера, голядь и т. д. Сравните с этим то, что финны (суоми — та самая сумь) и эстонцы зовут до сих пор Швецию Руотси. Значит, они сохранили память, что руотси приходили со стороны Швеции. Было бы легче, если бы Швеция звучала на финском как Руосси — тогда бы русь образовывалась фонетически безупречно. А так есть трудности. Возможно, какие-то диалектные особенности прошлого нам неизвестны. Е. В. Пчелов (2010: 204) правильно указывает не только на то, что «руотси» при переходе в славянский превращается в «русь» по той же модели, по которой «суоми» превращается в «сумь», но и на то, что «тс» в «руотси» мог дать у славян «с» так же точно, как «пс» в «вепсы» дал «с» в «весь». Трудности не отменяют основного: Русь — этноним, пришедший к восточным славянам с северо-запада, со стороны Швеции. И это вполне согласуется с летописью о пришествии племени Русь, «от них же и ны прозвашася».

Как это согласуется с тем, что по летописи Русь привел Рюрик, а Рюрик по многим данным связан не со Швецией, а с Данией, сказать трудно. Возможно, готовя поход на восточных славян, он набрал воинов из ближе знакомых со страной назначения шведских викингов. Возможно, мы не знаем каких-то эпизодов его биографии, связавших его

со Швецией. Возможно, абберация постигла летописную легенду, так что на деле Рюрик и Русь пришли не вместе, а порознь. Наши сведения слишком обрывочны, а письменные также частично искажены. Но мы восстанавливаем те куски истории, которые поддаются восстановлению. Восстанавливаем по наиболее вероятным толкованиям фактов.

Спасибо А. А. Романчуку за то, что ясно и сравнительно сжато изложил многословную и витиеватую фоминскую аргументацию и довел ее до предельной степени убедительности и уязвимости. Тем самым он облегчил ее разбор, возможность показать полнейшую неосновательность гипотезы, лежащей в ее основе.

Литература

- Авдусин Д. А. 1988. Современный антинорманизм. *Вопросы истории* (7), 23—34.
- Геденов С. А. 2011. *Варяги и Русь: разоблачение норманнского мифа*. Москва: Эксмо.
- Грот Л. П. 1997. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории. В: *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи*. Материалы симпозиума. Киров, 152—162.
- Жарнов Ю. Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове. В: Авдусин Д. А. (ред.). *Смоленск и Гнездово*. Москва: МГУ, 200—225.
- Зализняк А. А. 1988. Древненовгородское койне. В: Иванов Вяч. Вас. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования 1986*. Москва: Наука, 60—78.
- Клейн Л. С. 1978. Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции). В: *Проблемы археологии и этнографии* 2. Ленинград: ЛГУ, 8—17.
- Клейн Л. С. 2004. *Введение в теоретическую археологию*. Кн. I. *Метаархеология*. Санкт-Петербург: Бельведер.
- Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С. 2011. Гипотеза в археологии. *РАЕ* 1. Санкт-Петербург: Universit'e's Publishing Consortium: 56—69.
- Клейн Л. С. 2012—2013. *Археологическое исследование. Методика кабинетной работы археолога*. Кн. 1, 2. Донецк: Донецкий Национальный университет.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: *Исторические связи Скандинавии и России*. Ленинград: Наука, 226—252.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 2009. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия, 145—174.
- Кузьмин А. Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. *Вопросы истории* (2), 168—186.
- Мельникова Е. А. 1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. *Византийский временник* 55 (80). Ч. 2, 159—164.
- Носов Е. Н., Шаскольский И. П. (ред.). 1970. *Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.* Ленинград: Наука.
- Петрухин В. Я. 1996. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия». *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Москва: Ладомир, 31—43.
- Пчелов Е. В. 2010. *Рюрик*. ЖЗЛ. Москва: Молодая гвардия.
- Романчук А. А. 2012. Российский Археологический Ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии. *Stratum plus* (4), 341—352.
- Романчук А. А. 2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—299.
- Романчук А. А. 2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). URL: <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295>.
- Стальсберг А. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Труды V Международного конгресса славянской археологии III* (16). Секция V. Москва: Наука, 73—79.
- Jansson I. 1987. Connections between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa IV*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 773—807.
- Stalsberg A. 2008a. Die Skandinavien der Wikingerzeit in der Alten Rus. In: Koch A. (Hrsg.). *Die Wikinger. Ausstellungskatalog*. Kusthalle Leoben, 101—112.
- Stalsberg A. 2008b. Rus' und Waräger auf dem Wege nach Osten. In: Kaufmann S. (Hrsg.). *Die Wikinger. Historisches Museum der Pfalz Speyer*. München: Edition Minerva, 178—189.

References

- Avdusin, D. A. 1988. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (7), 23—34 (in Russian).
- Gedeonov, S. A. 2011. *Variagi i Rus': razoblachenie normannskogo mifa (The Varangians and Rus': Unveiling the Norman Myth)*. Moscow: Eksmo (in Russian).
- Grot, L. P. 1997. In *Shvedy i Russkii Sever: istoriko-kul'turnye svyazi (The Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Links)*. Kirov, 152—162 (in Russian).
- Zhamov, Yu. E. 1991. In *Smolensk i Gnezdovo (Smolensk and Gnezdovo)*. Moscow: MGU, 200—225 (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 1988. In *Balto-slavianskie issledovaniia (Baltic-Slavic Studies)* 1986. Moscow: Nauka, 60—78 (in Russian).
- Klejn, L. S. 1978. In *Problemy arkheologii i etnografii (Problems of Archaeology and Ethnography)* 2. Leningrad: LGU, 8—17 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2004. *Vvedenie v teoreticheskuiu arkheologiiu (An Introduction to Theoretical Archaeology)*. Book I. *Metaarkheologia (Metaarchaeology)*. Saint Petersburg: Bel'veder (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* 1. Saint Petersburg: Universi-

№5. 2014

- tie's Publishing Consortium: 56—69 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2012—2013. *Arkheologicheskoe issledovanie. Metodika kabinetnoi raboty arkhologa (Archaeological Research. Methodology of Archaeologist's Desk Study)*. Book 1—2. Donetsk: DNU (in Russian).
- Klejn, L. S., Lebedev, G. S., Nazarenko, V. A. 1970. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii (Historical Links between Scandinavia and Russia)*. Leningrad: Nauka, 226—252 (in Russian).
- Klejn, L. S., Lebedev, G. S., Nazarenko, V. A. 2009. In *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: Evraziia, 145—174 (in Russian).
- Kuzmin, A. G. 1971. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (2), 168—186 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1998. In *Vizantiiskii vremennik* 55 (80). Part 2, 159—164 (in Russian).
- Nosov, E. N., Shaskolskym I. P. (eds.). 1970. *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX—XX vv. (Historical Relations between Scandinavia and Russia in 9th—20th cc.)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Petrukhin, V. Ya. 1996. In *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture (Sex and Erotic in Traditional Russian Culture)*. Moscow: Ladomir, 31—43 (in Russian).
- Pchelov, E. V. 2010. *Riurik (Rurik). Zhizn' zamechatel'nykh liudei (Lives of Prominent People)*. Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 341—352 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013a. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—299 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013b. Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (Varangian-Rus' Issue in Modern Debate: a Look from the Outside) (full version). URL: <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295> (in Russian).
- Jansson, I. 1987. Connections between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa IV*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 773—807.
- Stalsberg, A. 2008a. Die Skandinavier der Wikingerzeit in der Alten Rus. In: Koch A. (Hrsg.). *Die Wikinger. Ausstellungskatalog*. Kusthalle Leoben, 101—112.
- Stalsberg, A. 2008b. Rus' und Waräger auf dem Wege nach Osten. In: Kaufmann S. (Hrsg.). *Die Wikinger. Historisches Museum der Pfalz Speyer*. München: Edition Minerva, 178—189.

Статья поступила в номер 10 ноября 2013 г.

Leo S. Klejn (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences.

Leo S. Klejn (Sankt Petersburg, Russia). Doctor în științe istorice.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук.

E-mail: Lsklejn@gmail.com.

A. A. Романчук

Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии

Keywords: dialect of ancient Novgorod, linguistics, archaeology, anthropology, Varangians, Rousi.

Cuvinte cheie: dialectul vechi Novgorod, lingvistică, arheologie, antropologie, varegi, rusi.

Ключевые слова: древненовгородский диалект, лингвистика, археология, антропология, варяги, русь.

A. A. Romanchuk

Dispute on the Ancient Novgorod Dialect in the Context of Varangian-Rus' Discussion

The dispute on the «West-Slavic» origin of the Ancient Novgorod dialect is one of the key questions in the context of Varangian-Rus' discussion. Majority of researchers do not agree with this hypothesis. However, the new synthesis of archaeological, linguistic and anthropological data proves that the dialect of ancient Novgorod appeared as a result of migrations from western part of Slavia in the late pre-Slavic time (and even earlier, in the processes of Slavia formation). The key role was played here by the previous appearance of an «arch of relationships»: Middle and Upper Danube — the Amber Way — the South Baltic System of Priority Cultural Relations — forest zone of Eastern Europe.

A. A. Romanchuk

Disputa despre originea dialectului vechi Novgorod în contextul discuției varego-ruse

Discuția despre originea „vest-slavică” a dialectului vechi Novgorod este foarte importantă în contextul problemei varego-ruse. Astăzi, majoritatea cercetătorilor abordează sceptic această idee. Însă, sinteza modernă a datelor arheologiei, lingvisticii și antropologiei fizice ne aduce la concluzia, că formarea dialectului vechi Novgorod reprezintă un rezultat al migrațiilor repetate din partea de vest a Slaviei în perioada preslavică timpurie (aceste migrații, probabil, puteau să aibă loc încă mai devreme — pe timpul formării Slaviei). Rolul principal în acest proces l-a jucat constituirea timpurie a „arcului de relații”: Dunărea mijlocie și superioară — drumul chihlimbarului — sistemul sud-baltic de relații prioritare — zona de pădure a Europei de Est.

A. A. Романчук

Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии.

В контексте варяго-русской дискуссии одно из центральных мест занимает спор о «западнославянском» происхождении древненовгородского диалекта — и вообще новгородцев. Сегодня большинство исследователей относится к этой идее скептически. Однако, в свете синтеза данных археологии, лингвистики и физической антропологии формирование древненовгородского диалекта предстает как результат неоднократных миграций из западной части Славии в позднепраславянское время (и, видимо, и ранее — в процессе формирования самой Славии) именно через Прибалтику. Существеннейшую роль в этом играло возникновение значительно ранее «дуги связей»: Средний и Верхний Дунай — Янтарный путь — южнобалтийская Система Приоритетного Взаимодействия — лесная зона Восточной Европы.

В контексте варяго-русской дискуссии одно из центральных мест занимает спор о «западнославянском» происхождении древненовгородского диалекта — и, вообще новгородцев. Хотя, как я постарался показать (Романчук 2013: 286; 2013а; 2013b: 85), на самом деле южнобалтийская гипотеза происхождения варягов и руси никак не зависит от положительного или отрицательного ответа на этот вопрос.

Тем не менее, на мой взгляд, ответ на него все же положительный — и здесь я хотел бы

развернуть и существенно дополнить аргументацию, представленную ранее (особенно: Романчук 2014; также см.: Романчук 2014а).

Полагаю, идея происхождения носителей древненовгородского (как в широком, так и узком (по А. А. Зализняку) значении этого термина (Зализняк 2004: 6—7)) диалекта в результате миграции из западной части Славии (прежде всего — Висло-Одерского междуречья) в позднепраславянское время заслуживает весьма серьезного внимания.

Подчеркну: именно миграции из западной части Славии в позднепраславянское время (Кудрявцев 2000: 67; Зализняк 2004: 56) — а не их западнославянского происхождения, как обычно (и неправильно) понимают оппоненты этой идеи. Многие исследователи, и прежде всего — Г.А. Хабургаев, указывали: «В VI—VIII вв. праславянский язык еще не распался, а восточно-/resp. западнославянские языковые особенности в основном формировались в более позднее время. ...Речь идет о периоде, когда никаких “западных” и “восточных” славян еще не было...» (Кудрявцев 2000: 67).

Итак, сделав эти необходимые пояснения, обратимся к сути вопроса. И отметим, что сегодня большинство исследователей, признавая «повышенную степень архаичности древненовгородских говоров» (Васильев 2005: 13), равно как и их «тяготение к западнославянской зоне» (Журавлев 1994: 191), все же относятся к идее возникновения древненовгородского диалекта в результате миграции из западной части Славии скептически.

Примечательно, что сам А.А. Зализняк в результате критики предпочел сосредоточиться на аргументации повышенной архаичности древненовгородского диалекта и его праславянского статуса. Другой же главный инициатор нового витка дискуссии (Николаев 1990: 62; 1994) сегодня занимает двойственную, на мой взгляд, позицию: «кривичский ареал... входит в единый диалектный ареал (“языковой союз”, Sprachbund) с севернолехитскими диалектами... Но это совершенно не значит, что псковские и полоцкие кривичи (в отличие от смоленских и тверских??) происходят из Южной Балтики» (личное сообщение).

Также, в последнее время была пересмотрена и интерпретация топонимических изоглосс, связывающих Северо-Запад и западнославянские территории, в первую очередь названий на *-гощ/-гост-*. И если Р.А. Агеева скорее предпочла оставить вопрос открытым (Агеева 2004: 177—181), то выводы других исследователей гораздо жестче: «концентрация этой топонимии на Северо-Западе вряд ли может быть объяснена в рамках сомнительного тезиса о том, что в течение длительного времени в Восточную Европу, и главным образом в Приильменье, проникали группы балтийских, южных и западных славян, оставивших географические названия на *-гощ/-гост-*» (Васильев 2005: 164).

Наконец, недавно и физическая антропология, пересмотрев уже ставшие клас-

сическими выводы Т.И. Алексеевой, тоже, и вполне убедительно, усомнилась в западнославянском происхождении новгородцев (Санкина 2000).

Насколько же все эти критические замечания действительно подрывают гипотезу миграции из западной части Славии?

Начнем с того, что финский и балтский субстраты, о которых говорит В.Б. Крысько (1998: 88) как об одной из возможных причин высокой инновативности древненовгородского диалекта, характерны для большей части восточнославянского ареала. Поэтому такое объяснение по отношению к древненовгородскому диалекту — по меньшей мере, недостаточно. Тем более оно не может объяснить разницу между псковско-новгородским и восточноновгородским диалектами.

Не может объяснить эту разницу и гипотеза «периферийности».

Так, хорошим примером является как раз антропонимическая модель со вторым компонентом *-гост*.

Действительно, давно замеченное противоречие между концентрацией топонимии на *-гощ/-гост-* в Новгородской земле и абсолютной редкостью «композиционных личных имен на *-гостъ*» в восточнославянском ареале (на сегодняшний день оно только усилилось новыми находками, в результате которых очевидно, что такие имена «полнее всего отражены именно документацией новгородской территории, т.е. как раз там, где топонимия на *-гощ/-гост-* предстает особенно сконцентрированной» (Васильев 2005: 163)) никак не может быть снято апелляцией к тому факту, что такая топонимия «изредка встречается во всех уголках раннеславянского расселения; в частности, у восточных славян, помимо Русского Северо-Запада, такие названия более или менее равномерно рассеяны практически по всей территории Верхнего Поднепровья (лишь одно выразительное скопление таких топонимов находится на Верхней Припяти в районе Пинска...) и изредка встречаются в Верхнем и Среднем Поочье» (Васильев 2005: 164). Поскольку очевидно, что встречается она в разных регионах Славии — с разной частотой.

И хотя «новгородская топонимия находит точные соответствия в различных уголках славянского мира, но обычно чаще, как видно, у западных славян, подчеркивая большую выделенность новгородско-западнославянских сходжений» (выделено мной — А.Р.) (Васильев 2005: 74). Добавим к этому «усечение гласного исхода первых компонентов слож-

ния (черта, объединяющая древненовгородские говоры, прежде всего, с западнославянскими)» (Васильев 2005: 159).

Существенно, что речь часто идет не о вообще южных и западных славянах — но о преимущественно определенных территориях западно- и южнославянского (а также — и восточнославянского) мира. Например: «йотово-посессивная топонимия на базе прасл. личн. **Radogostъ*, сосредоточенная на восточнославянской (Белоруссия, Северная Украина, Орловская, Брянская, Калужская, Тульская обл.) и западнославянской территории, чаще в бывшей области проживания полабских славян» (Васильев 2005: 135). Как видим, вырисовывается определенная — и вполне объяснимая зона. И очевидна корреляция распределения топонимии на *-гощ/-гост-* как раз с очерчиваемым С.Л. Николаевым «кривичским» ареалом или более поздними миграциями из него: «лингвогеографические ареалы большинства особенностей, возводимых нами к кривичскому племенному союзу, очень точно ложатся в археологический ареал кривичей, а те случаи, когда данные черты обнаруживаются вне этого ареала, легко находят объяснения, например, в переселении кривичских по происхождению диалектов на новые территории уже в историческое время» (Николаев 1994: 25).

В частности, имели место «переселения смоленских кривичей и их языковых потомков в Деснинско-Окское междуречье и южнее в сторону Белгорода» (Абраменко и др. 2013: 121). И надо заметить, что «верхнеднепровские гидронимы на *-гощ/-гоща* в подавляющем большинстве расположены в бассейне Десны... обращает на себя внимание отсутствие названий на *-гощ/-гоща* к западу от Днепра» (Топоров, Трубаев 2009: 179).

Далее, и в ареале новгород-псковского диалекта «западнославянские» изоглоссы распределяются неравномерно. Так, имеет место не просто мощное скопление («Концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!» (Агеева 2004: 178)) топонимии на *-гощ/-гост-* в центральных районах Новгородской земли. Наблюдается «выраженная концентрация таких названий в Западном Приильменье, пожалуй, самая мощная во всей Европе» (Васильев 2005: 162) — при «заметном их разрежении в бассейнах Ловати, Волхова и в Восточном Приильменье и при характерном полном их отсутствии в басс. р. Великой (выделено мной — А.Р.) на территории Псковской земли» (Васильев 2005:

166). Очевидно, что мы никак не можем говорить о «большей периферийности» Западного Приильменья в сравнении с Северным — или с бассейном р. Великой, тем более Удомельским Поозерьем (где памятники с надежно устанавливаемым славянским компонентом появляются уже в VI в. (Казанский 2010: 91)).

Итак, речь, по всей видимости, все же должна идти о том, что эта топонимия была более характерна именно для определенных групп славянских первопоселенцев региона.

Такое объяснение представляется более убедительным, нежели гипотеза «периферийности».

Равно как и гипотеза «христианизации» (Васильев 2005: 164). Поскольку христианизация и южных, и большей части западных славян и началась раньше, чем восточных, и протекала интенсивнее в силу большей близости к центрам христианизации. Так что, наоборот, нуждается в объяснении сам этот факт «общих системных различий антропонимии» между восточными славянами, с одной стороны, и западными и южными — с другой.

Угасание популярности древних двусловных имен у восточных славян было отнюдь не одномоментным, а растянулось как минимум на полтысячелетия — как представляется, вполне достаточный контрольный период для того, чтобы считать разницу между отдельными регионами достоверной. Так, для Новгорода имена архаического пласта (включающие двусловные имена) еще в XIV в. составляют 21% нехристианских имен (Зализняк 2004: 216). Впрочем, «позднедревнерусские и старорусские источники свидетельствуют о *Домажир/Доможир* как о повсеместно употребительном имени даже в XVII в.; имя *Сновид*, пусть и в составе фамилии, зафиксировано на Северо-Западе в конце XVI в. ... довольно поздно встречаются отнесенные к новгородскому архаическому пласту личн. *Хотень, Неверь, Некрасъ*; ср. *Хотен Юрьевич Дубровский*, казненный в Новгороде в 1570 г.» (Васильев 2005: 36).

Кроме того, в этом вопросе следует учесть и имена с препозитивным *Гост-*: «*большинство их древнерусских фиксаций... тоже связано преимущественно с северо-западными, новгородскими землями*» (выделено мной — А.Р.), и при этом «новгородская писцовая документация XV—XVI вв. содержит большое количество соответствующих деантропонимных ойконимов: *Гостево, Гостино, Гостен, Гостехово, Гостилицы, Гостило, Гостиловицы, Гостилово, Гостиловово-Бережок,*

Гостицово, Госткина, Госткино, Гостьци, Гостятино и др.» (Васильев 2005: 167)¹.

Таким образом, как представляется, верен вывод: особая популярность антропонимической модели со вторым компонентом *-гост* у западных славян, а также у древних новгородцев объясняется тем, что в их генезисе в наибольшей степени участвовали те праславянские группы, которым была особенно свойственна эта антропонимическая модель.

Почему она была им свойственна в большей степени — вопрос отдельный.

Но хотелось бы обратить внимание на следующее: «известно, что и.-евр. **ghostis* является имяобразующим в германской, греческой и кельтской языковых семьях» (Васильев 2005: 123). Между тем, «ни для кого не секрет, что все культуры так называемого третьего мира Северной и Восточной Европы — ясторфская на стадиях Рипдорф и Зеedorф, пшеворская и оксывская... во II—I вв. до н. э. находились под сильным влиянием кельтской цивилизации» (Шукин 2010: 20). Для пшеворской культуры, территория которой позже стала зоной расселения западных славян, и кельтские, и германские влияния (не говоря уже о том, что пшеворскую культуру вообще часто связывают с германцами) были заметно сильнее, нежели для более восточных областей².

¹ Кстати, эти ойконимы, как видим, в преобладающем числе образованы от антропонимов на *-а*: *Гостила*, *Гостка*, *Гостеха*, *Гостица*, *Гостята*. Их преобладание иллюстрирует нарастающую с течением времени популярность антропонимической модели на *-а* как в Новгороде, так и вообще в историческом русском ареале. Модель на *-а* является проявлением характерной «уже в ранне-др.-новг. период» и позже все более усиливающейся тенденции движения многих групп антропонимов «от первоначального мужского морф. рода в сторону женского» (Зализняк 2004: 209). Которая, в свою очередь, «явно связана с более общей тенденцией русского языка к тому, чтобы наименования лиц, включающие в свое значение аффективный элемент, оформлялись по женскому морф. роду» (Зализняк 2004: 211).

Позволю себе предположить, что эта тенденция и рост популярности антропонимической модели на *-а* связаны с нарастающим влиянием со стороны восточноновгородского идиома.

Во всяком случае, доминирующая в определенных зонах исторического русского ареала (прежде всего: Кострома, Тверь, Великие Луки) антропонимическая модель на *-й* (Романчук, Цвигун 2012; 2013; 2014) заметно коррелирует с очерчиваемым С. Л. Николаевым «кривичским» ареалом и более поздними миграциями из него.

² В контексте варяго-русской дискуссии представляют интерес и следующие выводы М. Б. Шукина. Он отмечал, что «большинство типов раннего пшеворского вооружения воспроизводит кельтские формы» (Шукин 2010: 20). При этом «для кельтов было традиционным помещением в могилы сломанного и погнутого оружия,

Гипотеза «периферийности», как представляется, недоучитывает и вообще осознание лингвистикой методологической некорректности идеи «ограниченной прародины», и, наоборот, признание изначальности диалектного членения древних языковых общностей (в том числе и славян) (Трубачев 2003: 15—17). Между тем, на мой взгляд, это требует внимательнее относиться к самому понятию «языковая периферия». Понятию, очевидно основанному на принятии модели «Центр-Периферия» и представлении о праславянской языковой общности как о некоем «целом» феномене — а не процессе взаимодействия и интеграции различных индоевропейских диалектов.

Особо отмечу, что понимание языковых общностей как сложных процессов взаимодействия и интеграции различных диалектов подводит также к мысли: даже многие общепраславянские языковые явления — на деле были в разной степени свойственны различным праславянским диалектам.

Пытаясь применить модель «Центр-Периферия» к языковым общностям, мы должны соотносить эту модель с конкретным историческим контекстом, в котором существовала данная общность — и, в первую очередь, с политическим измерением этого контекста.

И если говорить о Славии в позднепраславянское время, то мы, прежде всего, должны учитывать, что речь идет о диалектном континууме, располагающемся (по меньшей мере — с VI в.) на огромном пространстве от Эльбы до Дона — и пространстве, лишенном даже намека на политическое единство.

Поэтому, если верен тот, подчеркиваемый О. Н. Трубачевым факт (с опорой на исследо-

и только от них носители новой культурной общности (т. е., пшеворской культуры — А. Р.) могли заимствовать этот обычай» (Шукин 2010: 24). Также отмечается факт «присутствия некоторых пшеворских групп», или, по крайней мере, «пшеворско-оксывское» влияние (включая не только ритуально испорченное оружие, но и характерные типы керамики) в «средней части бассейна Эльбы-Заале, в области Веттерау на Майне, группы Крагхеде на полуострове Вендсисель Ютландии и пр.» (Шукин 2010: 24). Перечень регионов примечателен (Романчук 2013b: 83, прим. 39).

Также стоит здесь еще раз подчеркнуть, что кельтское влияние на Юго-Запад Балтики — сегодня в науке факт общепризнанный (в частности, о нем как о совершенно очевидном явлении говорили и сам М. Б. Шукин, и один из виднейших учеников Л. С. Клейна — Г. С. Лебедев). Поэтому полностью оправданны апелляции А. Г. Кузьмина к кельтскому антропонимикону для объяснения варяжских имен. И, наоборот, абсолютно не соответствует современному уровню науки стремление норманистов или отрицать правомерность таких апелляций, или попросту их игнорировать.

вание Т. Милевского), что именно Средний Дунай является центром очень многих языковых инноваций позднеславянского времени («польский лингвист указал на выделение в позднеславянский период (начиная с VII—VIII вв.) центра ряда важных фонетических инноваций, а заодно и центра славянской территории, каким оказался район к югу от Карпат, в частности Паннония» (Трубачев 1984: 22)), то, все же, каково историческое объяснение этого факта?

Думается, что это — отнюдь не предполагаемое О.Н. Трубачевым расположение праславянской прародины на Среднем Дунае. А совсем другие причины, и прежде всего: в позднеславянское время археологически и исторически фиксируются мощные обратные миграционные потоки населения (и не только славянского) со Среднего Дуная в Среднюю и Восточную Европу — что было вызвано резкими, можно сказать даже — катастрофическими военно-политическими потрясениями на Среднем Дунае в этот период (в особенности — гибелью державы авар).

Примечательно: именно территориально периферийный и новоосвоенный славянами регион Среднего Дуная — тем не менее, стал мощным Центром культурного и языкового влияния для всей Славии. И решающей причиной явились, полагаю, как раз обратные миграционные потоки.

Картина же миграций в позднеславянское время вырисовывается гораздо более сложная, нежели та, которая подразумевается гипотезой «периферийности». И, наоборот, смущающее даже наиболее лояльных скептиков (Журавлев 1994: 193; Васильев 2005) сочетание западославянских и южнославянских параллелей в древненовгородском диалекте хорошо согласуется с фиксируемыми историей и археологией миграциями в позднеславянское время вильцев и сербов из Среднего Подунавья к побережью Юго-Запада Балтики (Седов 2002: 462—472) и, по всей видимости, и далее на восток (Романчук 2013а; 2013b)³.

Да, С.Л. Санкина убедительно показала, что в антропологическом отношении «раннее население Новгородской земли было очень сходно с балтами» (Санкина 2000: 66) — прежде всего пруссами, селами и ятвягами. И достаточно отличается от балтийских славян — которые ближе к германцам. Этот результат

сегодня рассматривается как противоречащий «висло-одерской» гипотезе В.В. Седова.

Но при интерпретации выводов С.Л. Санкиной не учитывается, что балты в рассматриваемое время населяли и Мазурское Поозерье, а также отчасти и земли к западу от Вислы. Вплоть же до Шлезвига и Гольштейна простирается область «балтообразной» топонимии — хотя этническую принадлежность этого населения определить пока затруднительно (Топоров 2006: 54). И, более того, «есть основания полагать, что праславянский язык является одной из филиаций древней балтийской речи «прусского» типа» (Топоров 2006: 53). То есть, данные антропологии как раз хорошо согласуются с археологическими и лингвистическими, и с гипотезой В.В. Седова.

Кроме того, при исключении из анализа параметра «ширина орбит» (по его поводу Т.И. Алексеева высказала сомнения в сопоставимости данных разных исследователей (Санкина 2000: 47)) результаты у С.Л. Санкиной все же несколько изменились. Хотя она считает изменения несущественными («почти все прежние связи сохранились» (Санкина 2000: 47)), но, нельзя не отметить следующие ее выводы: «среди аналогий некоторым словенским (т.е. ильменским словен — А.Р.) группам оказались западославянские и германские. Из числа первых основные аналогии — богемцы (Брандишек и Лаховице), население Средней Силезии и Нижней Вислы, славяно-аварская серия Желовце. Поморяне (Волин, Нижняя Висла) приблизились к трем группам Ижорского плато. Балтийские славяне также стали ближе к грацильным балтам — селам. Западным славянам появились аналогии среди балтов I тысячелетия и среди кривичей» (Санкина 2000: 58).

Наконец, очень важно, что (как убедительно показал А.А. Зализняк на основе анализа берестяных грамот (Зализняк 1993: 193; 2004: 57)) с течением времени происходило именно сближение новгород-псковского диалекта с прочими восточнославянскими.

Ведь этот очевидный для всех факт имеет явно неочевидное следствие — вопрос: каким образом мог сформироваться столь архаичный и отличный от прочих восточнославянских диалект, если его носители пришли из той же южной части Восточной Европы, где сформировались прочие восточнославянские (и сравнительно поздно — не ранее конца V в.н.э. (даже если следовать наиболее общепринятой — и убедительной — точке зрения))? И если археологически очевидно, что уже с VI в.н.э. начинаются все усиливающиеся

³ Кстати, и С.Л. Санкина все же особо подчеркнула: «интересно, что по значениям KB1 ближе всего к новгородским оказались наиболее ранние группы Чехии и Словакии, относящиеся к VII—X вв. ... и группа вислян (Вишлица) X—XII вв.» (Санкина 2000: 56).

интегративные процессы, в конечном итоге и приведшие к возникновению восточно-славянского континуума, и к VIII в. они уже очень заметны и для Северо-Запада России (в частности, эти интегративные процессы выразительно демонстрирует показанное О.А. Щегловой распространение свинцово-оловянистых украшений (Рябцева 2009: 358; Казанский 2010: 93))⁴.

И если мы признаем реальность «кривичско-севернолехитского диалектного ареала», то каким же образом он сформировался?

В этой связи отметим, что сегодня даже *противниками западного происхождения носителей древненовгородского диалекта признается*:

1. Параллельно со становлением культуры псковских длинных курганов (далее — КПДК) в ее ареале, а также в ареале ряда соседних (прежде всего — расположенной южнее тушемлинской, но также вплоть до междуречья Волги и Оки) лесной зоны Восточной Европы распространяются вещи «среднеевропейских провинциально-римских типов» — которые не могли прийти из южных регионов Восточной Европы. То есть, движение этих типов шло через территорию Прибалтики — и вместе с ними в лесную зону Восточной Европы в очень значительном количестве проникли и западнобалтские типы вещей. Через Прибалтику и вместе с западнобалтскими и среднеевропейскими типами в ареал КПДК проникают вещи и со Среднего Дуная (Казанский 2010: 99; Лопатин, Фурсьев 2007: 74; 2007а: 281). «Возможно, прав М.М. Казанский: серия европейских и балтских вещей... говорит об инфильтрации во второй половине V века... групп населения, включающих балтов, германцев и славян. Начал формироваться это симбиоз еще на Дунае, затем в процессе передвижения к нему добавлялись балты» (Лопатин, Фурсьев 2007: 74). Двигались же эти «пришельцы с запада», как они уточняют, «по хорошо известному “Янтарному пути” между Северной Италией и айстами-эстиями. Затем оттуда они свернули на восток».

Сам М.М. Казанский в более поздней работе существенно добавляет аргументов к этому выводу (Казанский 2010: 23—26, 40—44, 87—102)⁵. Из его исследования, как представ-

ляется, с еще большей уверенностью следует сделанный ранее вывод о формировании Системы Приоритетного Взаимодействия (далее — СПВ) между Юго-Западом Балтики и Северо-Западом будущей Руси уже, по крайней мере, к V в.н.э. (Романчук 2013: 286). Славянские группы со Среднего Дуная, двигавшиеся по Янтарному пути, попадали в эту, уже существовавшую (и ориентированную именно от Южной Балтики к Северо-Западу будущей Руси), СПВ.

В той или иной мере в эту СПВ входили и низовья Эльбы: так, на территории Литвы «фибулы IV—V вв., похожие по орнаментике и стилистике, можно обнаружить у германских племен, живших в регионе реки Эльбы» (Budvydas 2002: 273)⁶.

2. С территорией Прибалтики связано и другое кардинальное и синхронное изменение в ареале КПДК — возникновение нового специфического погребального обряда, самой яркой чертой которого являются т.н. «длинные курганы» (Казанский 2010: 95). Как отмечают опять-таки основные оппоненты В.В. Седова (и не только они (Казанский 2010: 95)) по поводу происхождения погребального обряда КПДК: «пришельцами, нарушившими спокойную жизнь местного населения, могли быть попросту носители соседней культуры восточно-литовских курганов... Во всяком случае, более близких параллелей курганному обряду мы в этот период для длинных курганов нигде не найдем» (Лопатин, Фурсьев 2007а: 284).

«Длинные курганы» как этно- и культурно-дифференцирующий признак не следует (даже рассматривая его как «моду» (Каргопольцев 2013: 353)) недооценивать. За столь радикальной инновацией погребального обряда скрываются не менее радикальные и кардинальные изменения мировоззрения и самосознания.

ков региона Рявала — для которого эстонские археологи предполагают скандинавскую колонию второй половины V—VI вв.: «непонятно, правда, почему гипотетические скандинавские колонисты решили погребать своих умерших по местному обряду. Может быть, это все же местная финская группа, усвоившая элементы престижной культуры?» (Казанский 2010: 69). Увы, эта абсолютно справедливая мысль почему-то напрочь отказывается приходить в голову норманистам в контексте уже собственно варяго-русской дискуссии.

⁶ Примечательно еще, что для некоторых типов аналогии «обнаружены в могильниках Польши — Брулин-Коски, Кавечин, также много найдено на территории Словакии» (Budvydas 2002: 273).

⁴ Тем более, соответственно, этот вопрос актуален для тех, кто относит появление славян в регионе к рубежу VII—VIII вв. (Каргопольцев 2013: 356), не говоря уж о попытках отнести кривичей к балтам.

⁵ Помимо прочего, нельзя не обратить внимания на его весьма резонное замечание по поводу памятни-

Тушемлинская же культура характеризуется грунтовыми могильниками (Седов 1999: 129). И хотя в ареал тушемлинской культуры широко проникают среднеевропейские типы, а также восточнобалтские, но — не попадают (в бассейн Западной Двины) западнобалтские (Казанский 2010: 104).

3. КПДК возникает как минимум на двести лет раньше, чем более южная, сменяющая тушемлинскую и всеми однозначно связываемая с кривичами культура смоленско-полоцких длинных курганов (далее — СПДК). Причем курганы СПДК по размерам сильно уступают таковым КПДК (Седов 1999: 142). То есть, в СПДК мы наблюдаем фактически деградацию традиции длинных курганов. И «становление культуры смоленско-полоцких длинных курганов в настоящее время можно объяснить какими-то перемещениями населения с территории псковских длинных курганов» на юг, в ареал предшествующей СПДК тушемлинской культуры (Седов 1999: 142).

4. С археологическими данными отчетливо и положительно коррелируют и данные лингвистики: «самые своеобразные фонетические и морфологические черты древнепсковского диалекта в южнокривичской (смоленско-полоцкой) зоне отсутствуют» (Зализняк 2004: 6). Вывод этот следует и из работ С.Л. Николаева (2011: 11).

5. В междуречье Волги и Клязьмы проникают с запада и браслетообразные височные кольца (Седов 1999: 150—154). С их носителями вполне убедительно связывается «пучок изоглосс позднеславянского происхождения, принадлежащий ростово-суздальскому («мерянскому») диалекту славянского племени» (Абраменко и др. 2013: 120). В КПДК их, что важно, практически нет: «Браслетообразные височные кольца не были характерны для славян — создателей культуры псковских длинных курганов» (Седов 1999: 139).

Но, добавлю: *браслетообразные височные кольца являются одним из характерных элементов тушемлинской культуры, и именно из ее ареала распространяются в регион Волги-Клязьмы* (Седов 1999: 137). То есть, по всей видимости, население тушемлинской культуры в языковом отношении было близко именно носителям «прото-ростово-суздальского диалекта», а не кривичам.

Вывод этот подтверждается, на мой взгляд, и последними исследованиями С.Л. Николаева (2014: 370).

6. Наконец, одним из основных контраргументов со стороны оппонентов В.В. Седова служит то, что проникновение среднеевропейских типов вещей в лесную зону Восточ-

ной Европы имело место еще в IV веке (и даже ранее) (Лопатин, Фурасев 2007а: 281) — т.е., по мысли оппонентов, до появления славян на Северо-Западе и вне связи с ними.

Но действительно ли факт более раннего, до возникновения КПДК, проникновения среднеевропейских типов на Северо-Запад противоречит гипотезе В.В. Седова?

А.Г. Фурасев и Н.В. Лопатин связывают генезис КПДК с продвижением с юга носителей традиций круга Заозерье — которые рассматривают как локальный, и самый северный вариант киевской культурно-исторической общности (далее — ККИО)⁷. В свою очередь, сегодня почти никто не сомневается, что именно из памятников «киевского типа» вырастают первые достоверно славянские культуры. Хотя сам процесс трансформации смутен, особенно что касается культуры Прага-Корчак: в памятниках ККИО «нет столь характерных “пражских” горшков в виде “матрешки без головы”» (Щукин 2011: 240).

Однако, что примечательно: с ККИО связано производство вещей круга т.н. «выемчатых эмалей». Как бы ни решать спор о генезисе этого феномена (обзор историографии см.: Зиньковская 2009; Обломский, Терпиловский 2010: 113—124), все же однозначно приуроченность вещей «круга эмалей» именно к миру лесных культур Восточной Европы и Прибалтики (прежде всего памятников ККИО), тогда как в ареал черняховской культуры они проникают слабо (Зиньковская 2009: 220; Радюш 2013: 54, рис. 1). Действительно, в отличие от черняховской культуры, носители ККИО («и ее предшественники») «вместе с культурами лесной зоны и странами Балтии, образуют иной блок взаимных культурных связей, характеризующийся прежде всего распространением вещей, зачастую ажурных, украшенных красной выемчатой эмалью» (Щукин 1997: 140).

Полагаю, при несомненном наличии в Среднем Поднепровье самостоятельного центра производства, все же невозможно усомниться и в том, что он возникает именно под влиянием из Прибалтики (Вернер 1972: 111; Корзухина 1978; Горюнов 1981: 40; Щукин 1997: 130). И вполне убедительно, во-первых, что исходным центром импульса, давшего начало феномену «эмалей», стали Норик или Паннония, и во-вторых, что распростране-

⁷ М.Б. Щукин, правда, выразил сомнения в том, насколько можно Абидня, Тайманово и Заозерье относить к памятникам киевского типа (Щукин 2011: 240).

ние этого импульса шло через Прибалтику (Щукин 1997: 130).

При этом, в генезисе ККИО существенную роль играли перемещения населения с севера на юг: «обитатели поселений типа Грини-Вовки, составившие затем и существенную часть носителей киевской культуры, были выходцами с севера, из южной части лесной зоны» (Щукин 1997: 138). Еще южнее обнаруживается группа Этулия, демонстрирующая отчетливые аналогии с культурой штрихованной керамики (далее — КШК) (Щукин 2011: 242)⁸.

То есть, можно говорить, во-первых, что формирование южнобалтийской СПВ произошло намного раньше — еще в I в. н. э. Во-вторых, что уже тогда южнобалтийская СПВ замыкалась через Янтарный путь на Средний и Верхний Дунай. И в-третьих, что именно формирование этой «дуги связей» стало одним из существеннейших факторов формирования позднепраславянского диалектного континуума.

Однако стартовым импульсом формирования позднепраславянского диалектного континуума стало, по моему мнению, более раннее событие — возникновение зарубинецкой культуры. В ходе ее формирования (Пачкова 2006: 340—347) имела место не только миграция значительного числа групп (в первую очередь — представителей ясторфской культуры) из Средней Европы в Восточную, но и, на мой взгляд, произошел переход на качественно новый, значительно более интенсивный уровень взаимодействия этих двух регионов.

Думаю, что именно в результате формирования зарубинецкой культуры произошла и миграция этнонима «венеды» (хотя и фиксируемого письменными источниками лишь значительно позже) в Восточную Европу — а не, как предполагал М. Б. Щукин (1997: 142), в процессе формирования Янтарного пути. В противном случае, слишком уж несопоставим масштаб события (трансляции этнонима «венеды» на обширные пространства Средней и Восточной Европы) — и его предполагаемых механизмов. Кроме того, на мой взгляд, в контексте «венедского вопроса» необходимо рассматривать и ранних вандалов — с которыми М. Б. Щукин достаточно убедительно отождествил пшеворскую культуру (Щукин 2011: 19). Как ранние вандалы, так и венеды, по всей видимости, не были ни славяна-

ми, ни германцами — но теми, еще «не определившимися», народами «между кельтами и германцами», на которых в свое время обратил внимание М. Б. Щукин в связи с бастарнами⁹.

Таким образом, в свете синтеза данных археологии, лингвистики и физической антропологии формирование древненовгородского

⁹ То есть, вандалы/венеды/венеты/венды (а также вятичи и, думаю, все же и анты (Грацианский 2012)) — такие же различные проявления одного исходного этнонима, как и русь/руги/рутены. Напомню, на мой взгляд, «этнонимы *руги*, *рутены*, *русь* могли возникнуть как различные формы одного общего этнонима, восходящего к «и.-е. группе *rudh-/rudh-/roud-(reudh-)*» с основным значением «красный» (Романчук 2013: 294). Поскольку для индоевропейского мира у нас более чем достаточно примеров, когда осколки старых этносов входят в различные, и зачастую удаленные территориально (а позднее — все сильнее различающиеся и в языковом, и в культурном отношении) новые этнические общности (Хабургаев 1979: 210; Романчук 2010), вполне убедительно, что *руги*, *рутены* и *русь* — как раз тоже один из таких примеров (развернутая аргументация: Романчук 2013а; 2013b).

Здесь крайне важен вывод, к которому приходит В. Л. Васильев в связи с этимологией р. Порусье (старое название — Русса) в Южном Приильменье. Он пишет: «Эту исконную форму нельзя трактовать изолированно от ряда гидронимических параллелей в ареале древней и современной Балтии: реки *Русса*, возможно, *Руза* в Подмосковье, *Русска* в верхнем Поднепровье, *Руса* в бывшей Курской губ., прусск. *Russa*, *Russe*, *Russe-moter*, куршск. *Russe*, *Rosse*, *Rusnis*, правый рукав Немана, *Русская* в границах бывшей Жомойтской земли и некоторые другие». И он предлагает «сблизить название с лит. *gausvas* «красноватый», лтш. *rusa* «ржавчина», сербохорв. *рус*, словен. *rus* «красный, желтый» (Васильев 2009: 12).

Собственно, об этом же говорит (вслед за Я. Отрембским и С. Роспондом) и К. А. Максимович: «Название Русь непосредственно связано с севернорусским гидронимом и ойконимом Рус(с)а, а также с гидронимом Рось (правый приток Днепра ниже Киева), однако не восходит к ним. Все три названия возводимы к праславянскому корню (с его балтийскими соответствиями) **r̥ud-/r̥oud-/r̥yd-* (из *rud-*) «красноватый, бурый, рыжий» (Максимович 2006: 50).

Вместе с тем, думается, что при бесспорном факте существования «прасл. **rus-* «красный»» (Васильев 2005: 153), формирование этнонима и гидронима *русь* следует прояснить через формирование вообще этнонимической модели на -ь — действительно, как показал еще Г. А. Хабургаев, маркирующей определенный регион Восточной Европы.

Таким образом, уже набившая оскомину река *Рось* действительно имеет отношение к этимологии этнонима *русь* — но совсем не так, как представлялось сторонникам гипотезы происхождения этого этнонима от гидронима. Нет, р. *Рось* и подобные ей названия очерчивают тот ареал в рамках индоевропейского диалектного континуума (видимо, действительно соответствующий древней Балтии), в котором «и.-е. группа *rudh-/rudh-/roud-(reudh-)*» приняла форму, отразившуюся как в вышеобозначенных В. Л. Васильевым гидронимах — так, очевидно, и в этнониме *русь*.

⁸ Подробнее о КШК в контексте данной проблемы см.: (Романчук 2013b: 75—80, прим. 35).

диалекта предстает как результат неоднократных миграций из западной части Славии в позднепраславянское время (и, видимо, и ранее — в процессе формирования самой Славии) именно через Прибалтику. Существ-

веннейшую роль в этом играло возникновение значительно ранее «дуги связей»: Средний и Верхний Дунай — Янтарный путь — южнобалтийская СПВ — лесная зона Восточной Европы.

Литература

- Абраменко и др. 2013: Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н. 2013. Системы соотношения gen. и dat.-loc. а-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект. *Исследования по славянской диалектологии* 16. Москва: Институт славяноведения, 63—165.
- Агеева Р. А. 2004. *Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. Москва: УРСС.
- Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.
- Васильев В. Л. 2009. Архаическая топонимия с префиксом *по-/па-* на Русском Северо-Западе. *Вопросы ономастики* 7, 4—13.
- Вернер И. 1972. К происхождению и распространению антов и склавинов. *СА* (4), 102—114.
- Горюнов Е. А. 1981. *Ранние этапы истории славян Днепро-Днепровского Левобережья*. Ленинград: Наука.
- Грацианский М. В. 2012. О происхождении этнонима «анты». *Византийский временник* 71 (96), 27—39.
- Журавлев А. Ф. 1994. *Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик.
- Зализняк А. А. 1993. К изучению языка берестяных грамот. В: Янин В. Л., Зализняк А. А. (отв. ред.). *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.)*. Москва: Наука, 191—343.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянских культур.
- Зиньковская И. В. 2009. Из истории изучения убора с выемчатыми эмальями. *Дивногорский сборник* (1). Воронеж: Воронежский университет, 214—224.
- Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Каргапольцев С. Ю. 2013. Еще раз о нижней дате длинных курганов (история вопроса и ответ оппонентам). *Stratum plus* (4), 351—360.
- Корзухина Г. Ф. 1978. *Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI вв. н. э.* САИ Е1—43.
- Крысько В. Б. 1998. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания* (3). Москва, 74—93.
- Кудрявцев Ю. С. 2000. Древнейшие русско-эстонские языковые контакты. В: *Труды по русской и славянской филологии* III. Тарту: Тартуский университет, 65—76.
- Лопатин Н. В., Фурасев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н. э.* Раннеславянский мир 8. Москва: ИА РАН.
- Лопатин Н. В., Фурасев А. Г. 2007а. Северо-Запад России и Север Белоруссии. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине тысячелетия н. э.* Раннеславянский мир 9. Москва: ИА РАН, 276—300.
- Максимович К. А. 2006. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников. В: Грацианский М. В., Кузенков В. П. (отв. ред.). *KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова*. Москва: Изд-во ПСТГУ, 14—56.
- Николаев С. Л. 1990. К истории племенного диалекта кривичей. *Советское славяноведение* (4), 54—63.
- Николаев С. Л. 1994. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов. *Вопросы языкознания* (3). Москва, 23—49.
- Николаев С. Л. 2011. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи. *Славяноведение* (6), 3—19.
- Николаев С. Л. 2014. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 365—370.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы. В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V вв. н. э.)*. Раннеславянский мир 10. Москва: Индрик, 113—141.
- Пачкова С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.
- Радюш О. А. 2013. Элементы всаднической и дружинной культуры II—III вв. в Поднепровье. *Stratum plus* (4), 51—73.
- Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—299.
- Романчук А. А. 2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295>
- Романчук А. А. 2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Вестник КИГИТ* 36 (6), 73—131.
- Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте: взгляд археолога. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 401—405.
- Романчук А. А. 2014а. Булаештский говор и рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj. В: Мартинова Г. І. (відп. ред.). *Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини: збірник наукових праць* 5. Умань: Візаві, 47—54.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2012. Антропонимическая модель на -ай в историческом русском ареале и вопрос о дославянском субстрате. *Вестник КИГИТ* 24 (6), 131—152.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2013. Савроматы и савиры: к возможности уточнения вопроса об этнической природе. *Stratum plus* (3), 293—320.

- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2014. Антропонимическая модель на —и в историческом русском ареале и средневековой Молдове: основные результаты количественного анализа и их интерпретация. Кишинев: Р. Р. Stratum plus.
- Рябцева С. С. 2005—2009. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII—XI вв. *Stratum plus* (5), 357—380.
- Санкина С. Л. 2000. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Седов В. В. 1999. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. Москва: Наука.
- Седов В. В. 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянских культур.
- Топоров В. Н. 2006. Прусский язык. В: Топоров В. Н., Завьялова М. В., Кибрик А. А. (отв. ред.). *Языки мира: Балтийские языки*. Москва: Academia, 50—93.
- Трубачев О. Н. 1984. Языкознание и этногенез славян (окончание). *Вопросы языкознания* (3). Москва, 18—29.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. 2009. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. В: Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 9—382.
- Щукин М. Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук М. Е., Манзура И. В. (ред.). *Стратум: Структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, 110—147.
- Щукин М. Б. 2010. Ранние вандалы. В: Щеглова О. А. (ред.). *Germania-Sarmatia II*. Калининград: КО-ИХМ; Курск: КГОМА, 15—32.
- Щукин М. Б. 2011. Реплика по поводу «киевской культуры». В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Европейская Сарматия: сборник, посвященный М. Б. Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 239—244.
- Budvydas U. 2002. Lietuvoje rastų lankinių segiių lenkta kojele tipologia ir chronologija. *Lietuvos archeologija* 22, 243—274.

References

- Abramenko, O. A., Nikolaev, S. L., Ter-Avanesova, A. V., Tols-taya, M. N. 2013. In *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii (Studies in Slavic Dialectology)* 16. Moscow: Institut slavianovedeniia, 63—165 (in Russian).
- Ageeva, R. A. 2004. *Gidronimiia russkogo Severo-Zapada kak istochnik kulturno-istoricheskoi informatsii (Hydronyms of the Russian North-West as a Source of Cultural and Historical Information)*. Moscow: URSS (in Russian).
- Vasilyev, V. L. 2005. *Arkhaiskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantropimnye obrazovaniia) (Archaic Toponymy of Novgorod Land (Early Slavic Deantroponymic Forms))*. Veliky Novgorod: NovGU (in Russian).
- Vasilyev, V. L. 2009. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 7, 4—13 (in Russian).
- Werner, I. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 102—114 (in Russian).
- Goryunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavian Dneprovskogo Levoberezh'ia (Early Stages in History of Slavs of the Dnieper's Left Bank)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Gratsiansky, M. V. 2012. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 71 (96), 27—39 (in Russian).
- Zhuravlev, A. F. 1994. *Leksiko-semanticheskoe modelirovanie sistemy slavianskogo iazykovogo rodstva (Lexical and Semantic Modeling of the Slavic Linguistic Kinship System)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 1993. In *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984—1989 gg.) (Novgorod Letters on Birch Bark (from excavations of 1984—1989))*. Moscow: Nauka, 191—343 (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskii dialekt (Dialect of Old Novgorod)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
- Zinkovskaya, I. V. 2009. In *Divnogorskiy sbornik (Divnogor'e Bulletin)* (1). Voronezh: Voronezhskii universitet, 214—224 (in Russian).
- Kazanski, M. M. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 17—127 (in Russian).
- Kargapoltsev, S. Yu. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 351—360 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1978. *Predmety ubora s vyemchatymi emalami V — pervoi poloviny VI vv. n. e. (Items of Jewelry with Sinuate Enamels of 5th — first half of 6th cc. AD)*. *Svod arkhеologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1—43 (in Russian).
- Krysko, V. B. 1998. In *Voprosy iazykoznanii (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 74—93 (in Russian).
- Kudryatsev, Yu. S. 2000. In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii (Papers on Russian and Slavic Philology)* III. Tartu: Tartuskii universitet, 65—76 (in Russian).
- Lopatin, N. V., Furasiev, A. G. 2007. *Severnye rubezhi ranne-slavianskogo mira v III—V vv. n. e. (Northern Frontiers of the Early Slavic World in the 3rd—5th centuries AD)*. *Ranne-slavianskii mir (Early Slavic world)* 8. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Lopatin, N. V., Furasiev, A. G. 2007. In *Ranne-slavianskii mir (Early Slavic World)* 9. Moscow: IA RAN, 276—300 (in Russian).
- Maksimovich, K. A. 2006. In *KANIEKION. Iubileinyi sbornik v chest' 60-letia professora Igora Sergeevicha Chichurova (KANIEKION. Collection of Papers Dedicated to the 60th Anniversary of Professor Igor S. Chichurov)*. Moscow: PSTGU, 14—56 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 1990. In *Sovetskoe slavianovedenie (Soviet Slavic Studies)* (4), 54—63 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 1994. In *Voprosy iazykoznanii (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 23—49 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 2011. In *Slavianovedenie (Slavonic Studies)* (6), 3—19 (in Russian).
- Nikolaev, S. L. 2014. In *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'yans'kyj kontekst (Dialects in Synchrony and Diachrony: General Slavic Context)*. Kiev: NANU, 365—370 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 2007. In *Pamiatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III — nachalo V vv. n. e.) (Sites of Kiev Culture in the Forest-Steppe Zone of Russia (3rd — beginning of 5th centuries AD))*. *Ranne-slavianskii mir (Early Slavic world)* 10. Moscow: Indrik, 113—141 (in Russian).
- Pachkova, S. P. 2006. *Zarubinskaia kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy (Zarubinskaia Culture and La-Tene-ized Cultures of Europe)*. Kiev: IANANU (in Russian).
- Radjush, O. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 51—73 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—299 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013a. *Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (Varangian-Russian Issue in Modern Discussion: an Outsider's View)* (full version). <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295> (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013b. In *Vestnik Kamskogo instituta humanitarnykh i inzhenernykh tekhnologii (Bulletin of Kama Institute of Humanitarian and Engineer Technologies)* 36 (6), 73—131 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2014. In *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'yans'kyj kontekst (Dialects in Synchrony*

№5. 2014

- and Diachrony: General Slavic Context). Kiev: NANU, 401—405 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2014a. In *Filolohichnyy visnyk Umans'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Pavla Tychyny: zbirnyk naukovykh prats (Philological Bulletin of "Pavlo Tychyna" State Pedagogical University: collection of scientific works)* 5. Uman: "Vizavi", 47—54 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2012. In *Vestnik Kamskogo instituta humanitarnykh i inzhenernykh tekhnologii (Bulletin of Kama Institute of Humanitarian and Engineer Technologies)* 24 (6), 131—152 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 293—320 (in Russian).
- Romanchuk, A. A., Tsvigun, Iu. O. 2014. *Antroponimicheskaia model' na -i v istoricheskom ruskom areale i srednevekovoi Moldove: osnovnye rezul'taty kvantitativnogo analiza i ikh interpretatsiia (The Anthroponomical Model of Inflection -i in Historical Russian Area and Medieval Moldova: the Main Results of Quantitative Analysis and Interpretation)*. Kishinev: "Stratum plus" P. P.
- Ryabtseva, S. S. 2005—2009. In *Stratum pluso Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 357—380 (in Russian).
- Sankina, S. L. 2000. *Etnicheskaia istoriia srednevekovogo nasele-niia Novgorodskoi zemli po dannym antropologii (Ethnic History of the Medieval Population of Novgorod Land by Anthropological Data)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" (in Russian).
- Sedov, V. V. 1999. *Drevnerusskaia narodnost': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Early Russian Ethnos: a Historical and Archaeological Study)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
- Sedov, V. V. 2002. *Slaviane: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (The Slavs: a Historical and Archaeological Study)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
- Toporov, V. N. 2006. In *Iazyki mira: Baltiiskie iazyki (Languages of the World: Baltic Languages)*. Moscow: "Academia", 50—93 (in Russian).
- Trubachev, O. N. 1984. In *Voprosy iazykoznaniiia (Questions of Linguistics)* (3). Moscow, 18—29 (in Russian).
- Toporov, V. N., Trubachev, O. N. 2009. In *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura (Works on Etymology: Word. History. Culture)* 2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 9—382.
- Shchukin, M. B. 1997. In *Stratum: Struktury i katastrofy (Stratum. Structures and catastrophes)*. Saint Petersburg: "Nestor", 110—147 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2010. In *Germania-Sarmatia II*. Kaliningrad: KOIKhM; Kursk: KGOMA, 15—32 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2011. In *Evropeiskaia Sarmatiia: sbornik, posviashchennyi M. B. Shchukinu (European Sarmatia: a Collection of Papers Dedicated to M. B. Shchukin)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia", 239—244 (in Russian).
- Budvydas, U. 2002. Lietuvoje rastę lankinių segių lenktą kojele tipologija ir chronologija. *Lietuvos archeologija* (22), 243—274.

Статья поступила в номер 23 мая 2014 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. High Anthropological School University¹.

Aleksey Romanchuk (Chişinău, Moldova). Magistru în antropologie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ St. Zimbrului, 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

С. В. Томсинский

Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги

Keywords: East Europe, Neo-Normanism in Leningrad, Staraya Ladoga, Gnezdovo, Timerevo, Normans, Slavs.

Cuvinte cheie: Europa de est, neonormandizmul în Leningrad, Ladoga Veche, Gnezdovo, Timerevo, Normanzi, Slavi.

Ключевые слова: Восточная Европа, неонорманизм в Ленинграде, Старая Ладога, Гнездово, Тимерево, норманны, славяне.

S. V. Tomsinsky

Neo-Normanism in Leningrad: Origins and Results

Leningrad Neo-Normanism as a direction in Soviet archaeology (mid-1960s—2000s) started its development in the general context of the evolution of social consciousness in the last decades of the Soviet Union. In 1970s—1980s, this direction pretended to generalize research results on early Medieval sites from a vast territory of Eastern Europe. In modern Russia, Leningrad Neo-Normanism quickly loses its relevance.

The main lesson of Leningrad Neo-Normanism is that archaeology of the Early Rus' is still a historical archaeology. Contestation of its ideas undertaken by supporters of the South-Baltic hypothesis about the emergence of statehood in Early Rus' also leads to a deadlock, for it does not address the uncertainty of chronicle accounts, which underlie both directions.

S. V. Tomsinsky

Neonormandizmul din Leningrad: izvoare și rezultate

În conformitate cu o anumită direcție a arheologiei sovietice (mijlocul anilor 1960 — anii 2000), neonormandizmul din Leningrad se dezvoltă în cadrul contextului general al evoluției gândirii sociale din ultimele decenii de existență a URSS. În anii 1970—80, această direcție pretindea generalizarea rezultatelor cercetării siturilor medievale timpurii de pe teritorii imense ale Europei de est. În Rusia contemporană neonormandizmul din Leningrad își pierde rapid din actualitate.

Principala concluzie care poate fi trasă de pe urma activității curentului neonormanist din Leningrad este următoarea: arheologia Rusiei Kievene rămâne una istorică. Respingerea ideilor neonormandismului din Leningrad de către susținătorii ipotezei sud-baltice de formare a statalității Rusiei Kievene, conduce, de asemenea, la un impas. Ea nu este capabilă de a rezolva problema incertitudinii textelor din letopisețe, care stau la originea ambelor teorii.

С. В. Томсинский

Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги

Ленинградский неонорманизм как направление советской археологии (середина 1960-х — 2000-е гг.) начинал развиваться в общем контексте эволюции общественного сознания в последние десятилетия существования СССР. В 1970—80-е гг. это направление претендовало на обобщения результатов исследований памятников эпохи раннего средневековья огромных территорий Восточной Европы. В современной России ленинградский неонорманизм быстро теряет актуальность.

Главный урок ленинградского неонорманизма: археология Древней Руси остается исторической археологией. Опровержение идей ленинградского неонорманизма, предпринимаемое сторонниками южнобалтийской гипотезы становления государственности Древней Руси, также ведет в тупик. Оно не снимает неопределенности летописных текстов, на которых основываются оба направления.

Ленинградский неонорманизм как направление в отечественной археологии зародился в середине 1960-х гг., в 1970—80-х пережил героическую молодость, в «лихие 90-е» стал вполне зрелым, как сложившаяся система представлений об отдаленном прошлом и, наконец, к началу XXI в. обнаружил явные признаки наступающего старения, а в 2010-е гг. определенно завершил естественный путь развития. Творчество представ

ителей этого направления — Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова, А.Н. Кирпичникова, В.П. Петренко, Е.Н. Носова, Е.А. Рябинина, В.А. Назаренко, В.А. Кольчатова, Д.А. Мачинского — это целая эпоха в развитии археологии Ленинграда — Петербурга, это десятки исследованных памятников и десятки преданных и благодарных учеников, это многочисленные публикации и, наконец, мощный пласт экспедиционного фольклора.

К этому направлению не мог не примкнуть по вполне объективным и субъективным причинам и Ю. М. Лесман, памяти которого посвящен этот номер журнала *Stratum plus*.

Столь завидное долголетие вызывает несомненное уважение и заставляет задуматься над сущностью феномена. Разумеется, мощными факторами выживания стали и таланты лидеров, и наличие длительно изучавшихся, ярких и выразительных «базовых памятников», и, наконец, присутствие ленинградских неонорманистов и на кафедре археологии ЛГУ — СПбГУ, и в ЛОИА — ИИМК, т. е. практически контроль над процессом подготовки новых научных кадров, ориентированных на древнерусскую проблематику. Все это так, но это не все. Проблема ленинградского неонорманизма, как и любого другого направления в познании отдаленного прошлого, не в самих интерпретациях пресловутой «норманнской проблемы» в истории России, не в соотнесениях тех или иных фактов, установленных в процессе раскопок, с письменными источниками — а в том, почему, когда и как именно эти интерпретации утвердились в отечественной науке и, соответственно, почему, когда и как таковые начинают пересматриваться. Чтобы в этом разобраться, необходимо ответить, по крайней мере, на четыре весьма важных вопроса:

1. Каковы **предпосылки и причины возникновения** ленинградского неонорманизма?

2. Какие **задачи** ставили перед собой представители этого направления?

3. Каков **механизм построения реконструкций исторической действительности** эпохи раннего средневековья, предложенной ленинградскими неонорманистами?

Те самые три пункта: *актуальность, новизна, практическое применение в постижении отдаленного прошлого*.

И, естественно, последний вопрос:

4. Каковы **итоги развития** ленинградского неонорманизма?

Ответив на эти вопросы, мы, возможно, перестанем утешать себя надеждами на плодотворный диалог между «лучшими представителями» (интересно, кто там «лучший» и кто — «так себе», и по каким критериям?) норманистов и антинорманистов «в поисках истины» (Романчук 2013: 294), ибо новый всплеск полемики убеждает только в одном: обе стороны ищут истину в строго и заранее определенной системе координат; следовательно, и те, и другие уже давно убедили себя в том, что есть истина.

Поиски ответов существенно осложняются некоторыми обстоятельствами. Во-первых, самым объемом источников — публикаций разного объема, от тезисов на нескольких страницах до многостраничных монографий, выпускавшихся в свет группой исследователей в течение тридцати лет. Во-вторых, отсутствием в ленинградском неонорманизме внутреннего единства, следовательно, периодической полемикой представителей направления между собой.

Эти сложности вполне преодолимы, но не в рамках статьи объемом не более одного печатного листа. Многое с неизбежностью останется «за кадром». Но мы все же полагаем, что можем обратить внимание благосклонного и неблагосклонного читателя на самое существенное для правильного понимания этого феномена, представив тезисное изложение подробного анализа феномена ленинградского неонорманизма в разные периоды развития направления.

Однако, прежде всего, придется по необходимости кратко определить, что мы понимаем под «норманизмом», поскольку относительно этого понятия существуют разногласия. Под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой. Норманизм есть сугубо российский феномен, хотя еще в XVII в. об этом начали писать шведы, а у его истоков в XVIII в. оказались по известным причинам заезжие «немцы-академики». Ибо только для России, в конечном счете, оказался по-настоящему актуальным вопрос об «основании древнерусского государства» скандинавами — в одной из поздних работ Л. С. Клейна обнаруживается даже «*введение*» государственности (Клейн 2009: 121)! Именно поэтому ни «норманизма», ни «антинорманизма» не может быть в Западной Европе — таковые там просто бессмысленны, хотя в свое время Монтескье и пел дифирамбы викингам как «провозвестникам свободы» (sic!) (Клейн 2009: 91; Фомин 2008: 110). В отечественной исторической науке «норманнская проблема» как проблема «основания древнерусской государственности» *также не существует* хотя бы потому, что ни один источник — ни письменный, ни археологический — не содержит и не может содержать на сей счет никакой однозначной информации.

Многочратно цитированный и разобранный несколькими поколениями исследователей текст «Повести Временных лет» сохранил

до наших дней только одну из версий предания о происходившем в IX в. (а не протокольной записи событий!), зафиксированную в XII в. Причем и этот текст не содержит ни малейшего намека на «основание государственности» скандинавами хотя бы потому, что обращающиеся к ним славяне и финно-угры прекрасно знают, кто такой «князь», чем он должен заниматься, и определенно признают всю территорию своего обитания «нашей землей», что принципиально важно.

Материалы раскопок курганных могильников и поселений определенно удостоверяют присутствие в Восточной Европе скандинавов в VIII—XI вв., происхождение отдельных групп выходцев из Северной Европы, их социальный статус, но никак не определяющее значение этого присутствия в процессе государствообразования. Следовательно, «норманнская проблема» — это проблема *актуализации тех или иных интерпретаций источников*. Именно в этом контексте надлежит рассматривать и ленинградский неонорманизм 1960—90-х гг.

Динамика актуализаций норманизма и антинорманизма в отечественной исторической науке в зависимости от конъюнктур общественного сознания XIX—XX вв. вполне убедительно представлена непримиримыми оппонентами — Л. С. Клейном и В. В. Фоминым. Соответственно, то направление в отечественной археологии, которое возникло в Ленинграде в середине 1960-х гг., вполне логично именовать ленинградским неонорманизмом по отношению к норманизму двух предшествующих столетий.

Предпосылки и причины зарождения

Ленинградский неонорманизм зародился во второй половине 1960-х гг., на исходе т.н. «оттепели» — т.е. «брожения умов» советской интеллигенции, порожденного XX съездом КПСС. Одним из проявлений этого «брожения умов» должен был стать конфликт между старыми и новыми кадрами в общественных науках. Представления о предпосылках и причинах возникновения этого направления именно в Ленинграде (а ни в каком другом городе таковое возникнуть не могло) изрядно деформированы возникшим в ленинградском неонорманизме мифом о «победоносной дискуссии 1965 г.» и последовавшей в 1970-е гг. борьбе с «антинорманизмом» Д. А. Авдусина. Уже для студентов кафедры археологии ЛГУ призыва 1970-х гг. все это

стало легендой, а в легенде сложно найти рациональное зерно (Тихонов 2009: 299—300). В изложении Л. С. Клейна эта самая «дискуссия» предстает некоей эпической фантаasmогорией: «дискуссия» была устроена коварными историками-«идеологами» и партбюро истфака с санкции обкома КПСС (!) для ликвидации некоего очага единомыслия — семинара во главе с Л. С. Клейном. Причем оппонентом подлежащему уничтожению Л. С. Клейну был выставлен чуть ли не тайный единомышленник — И. П. Шаскольский, который блестяще проиграл «дискуссию» (а в действительности — публичное обсуждение его же монографии о норманнской гипотезе), выслушав в благодарность от победителя обвинения в научном «банкротстве». Декан факультета В. В. Мавродин и заведующий кафедрой археологии М. И. Артамонов в этом изложении присутствуют как бледные статисты на втором плане, а итог шумной баталии оказывается весьма скромным: семинар студентов-единомышленников во главе с Л. С. Клейном продолжал работать. (Клейн 2009: 141).

Однако обращение к другим источникам представляет все происходящее несколько иначе. Г. С. Лебедев, вспоминая в 1999 г. события 1965 г., коротко заметил: «М. И. Артамонов и В. В. Мавродин курировали и вели эту дискуссию, а потому она не завершилась разгромом новых советских “норманистов”» (Лебедев 1999: 103). Обратим внимание — хоть в кавычках, но все же «норманистов». Этот вывод был принят без возражений и уточнений И. Л. Тихоновым в пространном очерке развития археологии в Петербургском университете (Тихонов 2003: 201). Полную ясность вносит последняя статья М. И. Артамонова, написанная в 1972 г. и опубликованная только в 1990 г. В этой статье, полемически заостренной против П. Н. Третьякова, М. И. Артамонов, опираясь на исследования раннесредневековых древностей Восточной Европы, производившиеся И. И. Ляпушкиным, излагает свои представления о становлении древнерусской государственности, которые сводятся к следующим положениям:

1. В лесной зоне Восточной Европы до VIII — первой половины IX вв. славянские поселения неизвестны.

2. Только после освоения славянами Среднего Поднепровья начинается их продвижение на верхний Днепр и на верхнюю Оку, на исконно балтскую территорию. Вопреки мнению В. В. Седова, длинные курганы и сопки *не могут быть признаны сла-*

вянскими памятниками (Артамонов 1990: 280—281).

3. Различия между сопками и курганами норманнов на северо-западе Восточной Европы трудноуловимы (Артамонов 1990: 281).

4. Памятниками славян в лесной зоне являются круглые курганы с сожжениями, которые, как установил И. И. Ляпушкин, в Среднем Поднепровье появляются не ранее VIII в., а севернее — не ранее IX и даже X в. (Артамонов 1990: 282).

5. Освоение новых земель начинали промысловики пушнины и торговцы, причем славяне в этом процессе «ничем не отличались от скандинавских викингов», поскольку движения с севера на юг и с юга на север «порождены были такими же условиями распада первобытнообщинных отношений» (Артамонов 1990: 282).

6. Заселение новых территорий осуществлялось по речным системам. «Археологические открытия последнего времени не оставляют сомнений в том, что славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы совпало по времени с проникновением туда же норманнов, известных в русской летописи под именем варягов. Варяги появились там местами даже раньше славян» (Артамонов 1990: 283).

7. Отрицается южно-балтийский компонент в становлении древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы. Славяне здесь могли только «присоединиться к варягам, и то не ранее X в., так как до этого времени славян в Приильменье не было» (Артамонов 1990: 283).

8. «Период борьбы славян с варягами не был продолжительным и завершился объединением тех и других на почве общих целей — подчинения местного населения и обложения его данью и поборами». Упомянутый Бертинскими анналами «каганат россов» локализуется на Среднем Днепре с центром в Гнездове (Артамонов 1990: 284).

9. При этом этноним «русь» не был первоначальным названием норманнов, ставших известными славянам под именем варягов (имени тоже неясного происхождения). (Артамонов 1990: 280—287).

10. Русский каганат на Днепре был уничтожен Олегом и Игорем, которые и создали обширную «Русскую империю». (Артамонов 1990: 288).

11. «Русским у этого автора (Константина Багрянородного) выступает норманнский язык, что вполне объяснимо, так как соответствует данным о захваченных норманнами

и их династией власти над Русью». (Артамонов 1990: 288).

Именно представленные выше положения гипотезы И. И. Ляпушкина — М. И. Артамонова их ученики, ставшие ленинградскими неонорманистами, будут отстаивать и развивать в 1970—80-е гг. Г. С. Лебедев до середины 1980-х гг. будет отрицать принадлежность сопкам и длинных курганов славянам, а Д. А. Мачинский и в 1990-е гг. заявит себя приверженцем и продолжателем этой гипотезы (Мачинский 1998: 136).

Если бы Михаил Илларионович, на то время, несомненно, самый авторитетный археолог в Ленинграде, успел завершить и опубликовать свою статью тогда, в 1972 г., его статус *основоположника* ленинградского неонорманизма никто не смог бы поставить под сомнение. За Л. С. Клейном, с его ярким талантом лектора и организатора, остается почетное место действительного *основателя* и *организатора* направления, которое также никто у него отнять не сможет.

Актуальность неонорманизма именно в Ленинграде после отказа от концепции древнерусской государственности, утвержденной Б. Д. Грековым, определялась несколькими вполне объективными причинами. Во-первых, самим географическим положением Ленинграда, расположенного в непосредственном соседстве со Скандинавией. Во-вторых, присутствием в ленинградской науке таких крупных исследователей ранне-средневековых древностей Восточной Европы, как М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, их постоянный оппонент П. Н. Третьяков, Г. Ф. Корзухина, М. А. Тиханова, и традиционным противостоянием с Москвой, много попортившим крови и москвичам, и ленинградцам, в сущности, бессмысленным — и потому временами беспощадным (Формозов 2005: 169). В-третьих, творческим наследием В. И. Равдоникаса, исследования которого утвердили особый статус Ладоги как ближайшего к Ленинграду уникального археологического памятника эпохи становления древнерусской государственности, в антропогенных отложениях которого обнаружили свидетельства несомненного присутствия скандинавов. Наконец, в-четвертых — а может быть, как раз и во-первых, — тем особым психологическим потенциалом, который обнаружился в «северной столице» в период «оттепели», осознанием статуса Ленинграда как «*российских провинций столицы*» по А. М. Городницкому — определение, вполне и вызывающе совпадающее с теми обвинениями в стремлении сделать город сто-

лицей РСФСР, предъявленными в 1949 г. отнюдь не забытым в середине 1960-х фигурантам «Ленинградского дела».

Все это в совокупности определило изначальный полемический настрой ленинградского неонорманизма. Л. С. Клейн вполне осознанно настраивал своих питомцев на полемику: «Ученый мир — не дружные ребята из детской песенки. Всякое открытие — это для кого-то закрытие. И этот кто-то чаще всего маститый и власть имущий. Поэтому, сделав открытие, не надейся на всеобщий восторг. Будь готов к упорному сопротивлению, внезапным нападкам и затяжной изнурительной войне. Ученому нужен талант, во-вторых, и мужество — во-первых» (Клейн 2010а: 625). Как и любое вновь возникающее направление в науке, ленинградский неонорманизм стал в первую очередь широким полем самоутверждения научной молодежи, стремящейся обрести свое место на «ярмарке тщеславия» авторитетов и амбиций. Причем конъюнктура для первого призыва адептов нового направления складывалась исключительно удачно: все они оказались либо на кафедре археологии ЛГУ (Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов), либо в ЛОИА АН СССР (В. П. Петренко, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, В. А. Кольчатов). Это вдохновляло, убеждало в собственной значимости и открывало широкие перспективы, тем более что их учителя, И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов, успев «поставить на крыло» талантливых учеников — покинули сей мир, т. е. перед молодежью уже не маячили, как постоянно сдерживающие центры, недостижимые высшие авторитеты мэтров.

Как же реализовались эти исключительно благоприятные предпосылки развития направления?

Задачи исследований

Поскольку ленинградский неонорманизм развивался в период нарастающего кризиса, а затем распада советского государства и, соответственно, советского общественного сознания, стратегия исследований и интерпретаций археологических и письменных источников в этом направлении не могла не меняться по мере интенсификации этих процессов. «Победу в дискуссии 1965 г.» Л. С. Клейн одержал, по его собственному откровенному признанию, представив аудитории сугубо демагогическую конструкцию — «лестницу норманизма» и предложив в итоге отказаться от самого этого термина: «Не будем же торопиться порицать и норманнскую гипотезу. А может

быть, и таким названием незачем это положение торопиться окрестить, а считать, что это просто обычный фактологический анализ материала» (Клейн 2009: 133). Этот отказ от «ярлыка» норманизма в 1965 г. мог казаться обычной советской мимикрией — впрочем, подлинный окрас все же проглядывает из-под защитного: все же, «может быть, незачем торопиться окрестить». Но — и позднее, когда уже не будет никакой необходимости мимикрировать перед «идеологами», адепты направления будут либо признавать себя «норманистами в кавычках», как в приведенной выше цитате из Г. С. Лебедева, либо вообще отречься от норманизма, предлагая взамен неуклюжие определения вроде «русо-варяжизма», как в работах Д. А. Мачинского (Мачинский 1998) И это при том, что поэтический манифест направления, созданный В. П. Петренко, называется, как известно, «Гимн оголтелого норманизма», и нет никаких оснований усматривать в этом названии иронию.

Полагаем, что отказ от норманизма для ленинградских неонорманистов был так важен потому, что изначально и, надо признать, весьма неловко, маскировал не только некие «антисоветские» установки, но откровенную *неоригинальность* этого направления. В самом деле, если пересмотреть хотя бы работы Л. С. Клейна, собранные под одной обложкой и общим названием «Спор о варягах», то в итоге получается, что в течение трех десятилетий энергичные, талантливые, амбициозные исследователи, в конечном счете, доказывали... правоту Г. Ф. Миллера в полемике с М. В. Ломоносовым и положения теории «торгового города», сформулированные В. О. Ключевским. Неоригинальность определяется, *sit venia verba*, — *заскорузлостью* самой «норманнской проблемы» в отечественной исторической науке.

И, однако, была и явная претензия именно на оригинальность. «Победа в дискуссии 1965 г.» была одержана еще и потому, что все мероприятие прошло под лозунгом признания особой значимости археологических источников, которые должны, наконец, конкретизировать эту самую «проблему», ибо многократное «просеивание» лаконичных и неоднозначных письменных источников завело историков в тупик. Причем среди оппонентов Л. С. Клейна — и это важно! — археологов, которые могли бы указать на реальные сложности интерпретаций материалов раскопок, просто не было. По сути, было декларировано: *мы можем доказать — и мы докажем, поскольку археологический материал все прибывает и прибывает!* — что норман-

ны действительно основали Древнерусское государство, но это не будет «норманизм», а будет не противоречащий марксизму доказанный факт. Расизм вне марксистской концепции, вне науки. А относительно превосходства или не превосходства — выводы делайте сами. Но — научные выводы!

Все дальнейшее развитие ленинградского неонорманизма в советский период станет реализацией этой программы. В 1970—80-е гг. одна за другой появляются работы Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова, Е.Н. Носова, именно в этом контексте представлявшие материалы раскопок памятников северо-запада Восточной Европы, Верхнего Поднепровья и Подвинья, Волго-Окского междуречья — разумеется, в соотнесении с теми самыми письменными источниками, которые, как было констатировано еще на «дискуссии 1965 г.», «исчерпали себя» (Лебедев 1977а; 1977б; Булкин, Лебедев 1974; Булкин, Дубов, Лебедев 1978; Лебедев 1985; Дубов 1979а; 1979б; 1979в; Дубов 1982; Носов 1974; 1976; 1984а; 1984б; 1990).

Но в «перестроечные» годы и тем более в постсоветской России, подлинно оголтело устремившейся «в Европу», или, по крайней мере, «к Европе», эта программа неонорманизма быстро стала банальностью, что с неизбежностью должно было открыть перед исследователями, далеко еще не исчерпавшими свой потенциал, новые горизонты самореализации. Эти новые горизонты открылись еще в середине 1980-х, когда появилась, наконец, долгожданная возможность сотрудничества с зарубежными коллегами, изучавшими проблемы материальной и духовной культуры раннесредневекового населения Прибалтики. Именно с 1980-х гг. в работах ленинградских неонорманистов все отчетливее ощущается пафос изначального «европейства» Древней Руси и представляются читателям головокружительные перспективы «Балтийского сообщества», «Северного Средиземноморья», в котором с неизбежностью отводится особое место Ладоге, ставшей после возобновления в 1972 г. археологических исследований Земляного городища «базовым памятником» всего направления. «Ладогоцентризм» стремительно нарастал по мере осознания невозможности удержать в сфере влияния ленинградских исследователей Волго-Окское междуречье (после завершения исследований Тимеревского поселения И.В. Дубовым) и Верхнее Поднепровье (Гнездовский комплекс прочно закрепили за собой москвичи) и в целом вполне соответствовал реальному потенциалу Ленинграда,

а потом и Петербурга как исследовательского центра. Ладога уверенно представляется средоточием всех сложных процессов становления государственности, столицей огромного «каганата росов» в VIII—IX вв. и древнейшей столицей Руси (напомним только наиболее значительные публикации на эту тему: Лебедев 1985: 208; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986; Мачинский 1998: 129—130; 2003: 32—35; 2009: 529—530; Кирпичников 1986: 18—21; 2002: 37—40).

Собственно, на этой стадии «ладогоцентризма» ленинградский неонорманизм, так и оставшийся «ленинградским» уже в Петербурге, и завершает свое развитие. Не потому, что ушли из жизни или из науки те, кто начинал направление в первом призыве питомцев Л.С. Клейна, а просто потому, что больше добавить к сказанному уже нечего. Кроме того, упоенный «ладогоцентризм» в основных своих положениях вступил в противоречие уже не только с материалами раскопок самой Ладоги и других памятников, но и с элементарным здравым смыслом. Для новых кадров, обращающихся к этой проблематике, остается только критика и пересмотр построений, утвердившихся в 1970—1990-е гг.: передатировка сопков, отказ от «ладогоцентризма» и т.д. (Кузьмин 1997а; 1997б; 1997в; 1999; 2000; 2001; Михайлов 1996; 1997; 2002; 2009). И это будет уже не ленинградский неонорманизм, тем более, что и реалии современной России оставляют все меньше места для восторгов от изначального «европейства» древнерусской государственности.

Однако это поле для самореализации оказывается несравненно уже сравнительно с теми просторами, которые открылись перед ленинградскими неонорманистами во второй половине 1960-х гг. И в теоретической перспективе — ничего, кроме тех же самых положений В.О. Ключевского. Круг замкнулся.

Гипотезы, догадки и мистические прозрения

Итак, откровенно неоригинальное направление в отечественной археологии продержалось тридцать лет, успешно отражая периодические натиски оппонентов и активно привлекая новые кадры. Уверенность в своей правоте неонорманистам придавали особые конструкции построений сторонников этого направления, к которым имеет смысл присмотреться внимательнее.

Как мы помним, ленинградский неонорманизм изначально исходил из гипотезы И.И. Ляпушкина — М.И. Артамонова,

вполне обоснованной, проверяемой и плодотворной для того времени, когда эта гипотеза выдвигалась авторами, т. е. для второй половины 1960—1970-х гг. Однако построения учителей надо было конкретизировать и корректировать, направление требовало развития.

И на первом этапе развития направления ленинградские неонорманисты с увлечением приступили к анализу материалов раскопок курганных могильников, в которых должно было отразиться присутствие скандинавов в Восточной Европе в IX—XI вв. Истину искали во входящей тогда в моду статистике и комбинаторике, причем Л. С. Клейн еще во время дискуссии 1965 г. предложил весьма оригинальную методику подсчетов. По его мнению, «поскольку письменные источники знают о проживании на этой территории не одних только славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей, и в расчет этнического состава населения приниматься не должен». (Клейн 2009: 112). Перечитывая воспоминания Л. С. Клейна, так и видишь несчастных историков, среди которых упомянуты, помимо оппонента — И. П. Шаскольского, — В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро и, конечно, те самые «злодеи» из факультетского партбюро, на которых в душной, битком набитой аудитории обрушивается эта лукавая математика! Впрочем, присутствует и доктор математических наук А. И. Попов — но вроде бы не подает никаких реплик, значит, склонен согласиться.

Между тем совершенно очевидно, что предложенная методика подсчетов ведет к грубым искажениям представлений об исторической действительности. «Неопределимых» погребений не только в Гнездове, но и во многих синхронных могильниках большинство. И в этих курганах погребены люди, этническую принадлежность которых археологи определить не могут, ибо не могут подвергнуть погребенных допросу — а иных достоверных данных у археологов нет. Археологи могут только составить представление о статистике «этнически определимых погребений». Тем не менее, они, археологи, убеждая самих себя и тех, кто захочет убедиться, игнорируют этих самых «неопределимых» погребенных либо изо всех сил пытаются уличить их в том, в чем очень хочется уличить, — в славянстве, скандинавстве или финно-угорстве.

Позднее, в 1973 г., Л. С. Клейн предложил иную методику подсчетов, ибо проблема «неопределенных погребений» курганных могильников оставалась по-прежнему острой. Теперь предполагалось «разбить весь могильник на четко очерченные группы, а затем рассмотреть распределение этнических показателей по всем группам. При таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп, включая и те погребения, которые в отдельности не имеют четких этнических показателей» (Клейн 2009: 181).

В дальнейшем статистика и комбинаторика элементов погребального обряда и различных групп находок будет занимать достойное место в построениях ленинградских неонорманистов. Однако подлинным источником вдохновения для исторических обобщений эта методика станет, пожалуй, только у Ю. М. Лесмана. Большинству его коллег очень скоро станет тесно в статистических штудиях, сколь бы достоверными ни казались полученные результаты. Они хорошо научились считать и комбинировать. Но трудно — если вообще возможно — соотнести «Гимн оголтелого норманизма» со скрупулезной комбинаторикой «этнических показателей».

Много значил для дальнейшего развития направления уход Л. С. Клейна от скандинавской проблематики: основатель направления увлекся иными проблемами, а его ученики, уже увлеченные образами скандинавской мифологии, «звериного стиля» и скальдической поэзии, не могли не остаться с этой проблемой до конца. Для них главным стало постижение времени, а не теоретические умствования. Ничего удивительного в этом нет: со времени той самой Касплянской разведки 1966 г., когда молодые исследователи увидели своими глазами волок, по которому должны были перетаскивать норманнские суда, когда зазвучали строфы песен В. П. Петренко, в ленинградском неонорманизме очень важной стала эстетическая компонента восприятия исторической действительности. А с течением времени эта компонента должна была только усиливаться, ибо образ всегда воздействует на сознание сильнее, чем доказательства и опровержения научных гипотез. Разумеется, это не означает, что ленинградские неонорманисты пренебрегли кропотливой исследовательской работой, отнюдь нет, но результатом этой работы непременно должны были оказаться глобальные обобщения в стиле монументального историзма — на меньшее они, вдохновлявшиеся сагами, были просто не согласны. Между тем археологические источни-

ки, которыми они оперировали, как и археологические источники, отразившие реалии более отдаленных эпох, по природе своей амбивалентны, а письменные источники не допускают однозначной интерпретации. И это означало, что рано или поздно реконструкции исторической действительности будут основываться не на результатах анализа материалов раскопок археологических памятников, а на интуиции, умозрительных построениях и, в конечном счете, мистических откровениях.

В ленинградском неонорманизме эта тенденция наметилась довольно рано, еще в 1970-е гг. В 1974 и 1978 гг. увидели свет уже упоминавшиеся выше коллективные работы «кафедральных» неонорманистов — статья Г.С. Лебедева и В.А. Булкина «Гнездово и Бирка» и монография Г.С. Лебедева, В.А. Булкина и И.В. Дубова «Археологические памятники средневековой Руси», претендующие на глобальные исторические обобщения материалов раскопок памятников VIII—XI вв. (Булкин, Лебедев 1974; Булкин, Дубов, Лебедев 1978). В этих работах читателю была представлена «гипотеза ОТП» — неких открытых торгово-ремесленных поселений, недолго существовавших, но принципиально значимых для процесса становления древнерусской государственности. В этих самых ОТП якобы вызревали новые общественные институты (дружина, торговые и ремесленные объединения). Насколько можно понять из текста статьи 1974 г., единственным источником вдохновения авторов, решившихся на столь ответственные выводы, стала статья Г. Янкуна, обнаружившего такие поселения в Северной Европе: Г.С. Лебедев и В.А. Булкин прямо отождествляют в этой статье Гнездово с «виками» Скандинавии (Булкин, Лебедев 1974: 15; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 139—140).

Ни один из признаков «ОТП», выделенных авторами с оглядкой на выводы Г. Янкуна, применительно к раннесредневековым древностям Восточной Европы не подтверждается однозначно материалами раскопок: ни «открытость», т. е. отсутствие укреплений, ни «нестабильность состава населения», ни «слабое развитие производящего хозяйства», ни тем более — «вызревающие новые социальные институты». А следовательно, «гипотеза ОТП» не может быть признана полноценной научной гипотезой. Мало того, Д. А. Авдусин, ставший активным оппонентом ленинградцев хотя бы потому, что ссылка на работу бывшего эсэсовца Г. Янкуна не могла не вызвать негодование фронтовика Великой Отечественной (а бывают «бывшие» эсэсовцы?!), обратил

внимание на то, что построения «гипотезы ОТП» — парафраз «концепции торгового города» В.О. Ключевского, только без внятных ссылок на Василия Осиповича (Авдусин 1980: 39—42). Московские рецензенты — ученики Д. А. Авдусина — подвергли монографию 1978 г. суровому разбору, осторожно отметив «отсутствие методики», ленинградские — Д. А. Мачинский и Ю. П. Шаскольский, как и следовало ожидать, высоко оценили (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982; Мачинский, Шаскольский 1982). Этот казус с В.О. Ключевским требовал объяснений, хотя бы задним числом, в историографической ретроспективе. И такие объяснения, весьма примечательные, пришлось через много лет давать Е. Н. Носову. Оказывается, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин и И.В. Дубов в полемическом задоре «не писали и не думали» о концепции В.О. Ключевского (Носов 2009: 353). Получается нечто странное: чем же занимались питомцы Л.С. Клейна в знаменитом семинаре, если «проглядели» концепцию В.О. Ключевского? И можно ли поверить, что взрослые, талантливые люди с высшим образованием «не понимали» значения своих выводов?

Однако Е. Н. Носов хорошо знал своих коллег и, стало быть, имел основания для таких выводов — пусть чего-то и недосказал. Как все же «проглядели торговый город»? Возьмем на себя смелость предположить, что сработало свойственное всем нам *самовнушение преодоления Порога Познания*, возникающее из вполне априорной уверенности в своей правоте. Только так можно объяснить, что исследователь не видит очевидных слабостей своих построений и упорно отстаивает таковые. В данном случае поводом для самовнушения, по-видимому, послужила упомянутая выше статья Г. Янкуна — но принятая, в первую очередь, не столько как собственно научная гипотеза (которую, несомненно, признали обоснованной, плодотворной и проверяемой), но как образ, ярко отражающий уже сложившиеся представления ленинградских неонорманистов о том, *какой* должна быть историческая действительность эпохи раннего средневековья. Образ «виков» породил образ ОТП и начал воздействовать на сознание авторов и аудитории помимо очевидных несообразностей «гипотезы». Кстати, «кафедральные» неонорманисты не обнаружили активного стремления присоединиться к этой «гипотезе», хотя иногда на нее и ссылались. И самими авторами оставлена она была довольно быстро — на новом уровне обобщений в ней переста-

ли нуждаться. Попытки откорректировать «гипотезу ОТПП» нельзя признать удачными: коррекции эти построения не поддаются (Белецкий 1996: 20). Однако «гипотеза» оказалась очень важной для направления, ибо именно она сформировала специфический *образный язык* ленинградского неонорманизма. Формулы этого языка оказались очень устойчивыми: «торгово-ремесленное поселение», «поток» (арабского серебра, поселенцев, «импортов» — «импорты» тоже устойчивая формула!), «путь», «протогородское поселение». В том, что это именно образы, а не понятия, основанные на достоверных поддающихся проверке суждениях, достаточно легко убедиться, задавшись вопросом о реальной информативности археологических источников. Так, находки «импортов» и дирхемов на том или ином памятнике, строго говоря, сами по себе определенно свидетельствуют только о бытовании этих предметов и монет у обитателей поселения, но никак не о том, что каждый предмет и монета были здесь именно предметом торговли, а не трофеем, подарком, приданым, выкупом за невесту и т.д. Что такое «протогородское поселение», исследователи, уверенно оперировавшие этим термином, так и не смогли внятно объяснить и не смогут никогда, хотя бы по причине неоднозначности представлений о том, что такое, собственно, «город» в эпоху раннего средневековья в Восточной Европе. «Торгово-ремесленное поселение» — самый устойчивый образ, актуальный для исследователей до настоящего времени, — что, собственно, означает это словосочетание? Что все обитатели поселения — торговцы и ремесленники? Но это недоказуемо даже для таких памятников, как Ладога, более того, материалы раскопок Ладоги достаточно выразительно противоречат такому предположению. Что уж там говорить о Гнездове, Тимереве и прочих поселениях, в которых хотят видеть «торгово-ремесленные». Упоминание о «потоках» создает у читателя представление о мощном *непрерывном* движении — в то время как перемещение дирхемов, тем более групп мигрантов могло быть только *дискретным*. Наконец, и термин «путь» сам по себе не нейтрален, ибо в общем контексте построений ленинградских неонорманистов ставит важный акцент протяженности, проторенности и налаженного функционирования по подсознательной аналогии с употреблением этого слова в современном русском языке («железнодорожные пути»).

С 1970-х гг. в публикациях ленинградских неонорманистов эти образы не просто

постоянно и настойчиво повторяются — они стали парадигмой ленинградского неонорманизма, т.е. обрели императивную обязательность и огромную силу инерции (Кун 1977: 11, 28, 29, 281). Может ли уважаемый читатель назвать нам хоть одного археолога, который, активно и плодотворно работая в Ленинграде — Петербурге, открыто *отрицал* бы парадигму ленинградского неонорманизма? Не избегал бы высказываться откровенно по этой проблематике, а именно отрицал бы, рискуя прослыть «*антинорманистом*»? Мы — не можем. Ибо такое невозможно в принципе — при том, что достаточно серьезные попытки пересмотра отдельных положений в рамках парадигмы, конечно, предпринимаются. Парадигма не придала построениям ленинградских неонорманистов достоверности, но зато поддерживала *незаурядное обаяние* направления. Обаяние, т.е. притягательность, привлекательность, способность нравиться, присуще не только отдельным личностям, но и гипотезам, догадкам, концепциям — причем часто вне прямой зависимости от их достоверности, как обаяние личности не зависит от «внешних данных». И в том, и в другом случае обаяние поддерживается соответствием неким запросам общественного сознания, порожденным конъюнктурой текущего момента. Ленинградский неонорманизм в этом отношении — не исключение, а скорее выразительная демонстрация этих механизмов обаяния.

Действительно, от адептов этого направления много ждали — и они, надо отдать им должное, много ждали сами от себя. И не только подтверждений чуть ли не всеобщих и определенно наивных ожиданий коллег-гуманитариев в особой информативности археологических источников сравнительно с источниками письменными. Нелепо отрицать, что «норманнская проблема», занимавшая несколько поколений историков в Российской империи и СССР, в 1960—70-е гг. была актуализирована ошутимыми сначала слабо, а потом все отчетливее симптомами кризиса советского социума. Ленинградский неонорманизм оказался весьма заметным компонентом интеллигентской евроутопии в позднесоветском обществе: утверждения изначального «европейства» Древней Руси и государствообразующего значения торговли в этом контексте могли восприниматься только как многозначительные намеки на грядущее восстановление древнего единства.

Естественно, по мере распада советского общественного сознания ленинградский

неонорманизм радикализировался от умеренного «фрондерства» под бдительным надзором партийных структур к откровенному антисоветизму, принимавшему в работах отдельных представителей направления даже не крайние — гротескные формы (Мачинский 2009: 531—532). Так что ожидания оказались оправданными. Иначе и быть не могло: первый призыв представителей ленинградского неонорманизма принадлежал к генерации «шестидесятников»; мировоззрение этой генерации с неизбежностью должно было оказать сильное влияние и на их учеников.

Здесь не место подробно анализировать многочисленные и полярно противоположные характеристики «шестидесятников», дававшиеся историками, публицистами и беллетристами — от восторженных до крайне уничижительных. Обратим внимание — сугубо тезисно — только на самое существенное для нашей темы.

«Шестидесятники» XX века, как и их предшественники и «тезки» — «шестидесятники» века XIX, ощутив ослабление репрессивного пресса и приближение неких перемен, вознамерились утвердить особый статус «образованного класса». Основания для такого порыва были вполне реальные: советская интеллигенция быстро росла количественно. По данным А. В. Соколова, если в 1950 г. насчитывалось 1442,8 тыс. специалистов с высшим образованием, то в 1960 г. — 3535,2 тыс., а к 1970 г. — 6852,6 тыс. (Соколов 2007: 250). Одновременно стало меняться и самосознание советских интеллигентов, утверждавшихся в представлениях о своей особой значимости в быстро меняющемся обществе (Кустарев 2006: 92—112). Среди учтенных этой статистикой и увлеченных заманчивыми перспективами самореализации — и ленинградские неонорманисты.

Именно через соблазн повышения статуса, подвигающий способную молодежь к образованию, российская интеллигенция, как имперская, так и советская, пришла к аутистическому мышлению, актуализирующему не то, что есть на самом деле, а то, что должно быть, чтобы субъект продолжал испытывать удовольствие от прибавления своего совершенства (Кара-Мурза 2008: 148—182). В аутистическом сознании эмоционально-образное мышление решительно преобладает над мышлением логическим, т.е. реалии окружающего мира воспринимаются исключительно как образы-идеологемы.

Но, как известно, итог интеллигентских дерзаний в целом оказался для «ше-

стидесятников» XX в., как, кстати, и для их тезок-предшественников во времени, «шестидесятников» XIX в. — весьма печален: «Потребность в статусном самоутверждении вынуждала интеллигенцию брать на себя обязательства, которые она не в состоянии была выполнить. Установки сплошь и рядом нарушались. Те, кто ее декларировал и не выполнял, вовсе не были сознательными шарлатанами. Установка была, прежде всего, нереалистична» (Кустарев 2006: 100).

В полной мере это относится, как было показано выше, и к ленинградскому неонорманизму. В реконструкциях отдаленного прошлого каждый вывод должен представлять собой либо обоснованное установленными однозначно фактами суждение (достоверное знание), либо обоснованную, плодотворную и проверяемую гипотезу (недостоверное знание). Но рассуждения о «вызревании в ОТПП новых социальных структур» или о «Ладоге — столице каганата росов» определенно не являются ни достоверным знанием, ни гипотезами. Направление замкнулось в круге образов, которые актуализировались настолько, что в некрологах и посвящениях коллегам ленинградские неонорманисты вполне серьезно представляют последних «витязем», «морским викингем», «дренгиром» (Клейн 2009: 261; Мачинский 2004: 11; Белецкий 1996: 5). Воистину: «Окружающая действительность воспринималась интеллигенцией как материализация всем хорошо известных текстов» (Экштут 2012: 378). Тем более прошлое воспринималось и воспринимается так же. И в этот образный ряд, в конечном счете, встраивались все вполне реальные и, несомненно, весьма значительные достижения каждого из ленинградских неонорманистов в изучении раннесредневековых древностей северо-запада Восточной Европы и Волго-Окского междуречья: сопки и длинных курганов, курганов Приладожья, Ладоги, Рюрикова городища и прочих поселений Поволховья, Пскова, могильников и поселений Ярославского Поволжья.

Творчество Юрия Михайловича Лесмана, собственно, потому и было принципиально важно для развития направления, что его талант счастливо сочетал способность к скрупулезному анализу огромных объемов источников и видение больших проблем в небольших и как будто незначительных сериях находок. Разумеется, эти качества в той или иной степени присущи и другим исследователям, но у Юрия Михайловича они были не просто принятой методикой работы с источниками, на которых основывались некие выводы,

а личностной доминантой, определявшей отношения и с оппонентами, и с единомышленниками. Его уход — несомненно, невосполнимая потеря для направления как раз в тот момент, когда начался новый акт полемики с антинорманистами, причем в обстановке, в целом малоблагоприятной для коллег Юрия Михайловича.

Уместно напомнить, что в 1990-е гг. в ленинградском неонорманизме особенно усиливается имитационная составляющая и откровенная мистика не столько потому, что пала советская цензура, сколько потому, что, как отмечалось выше, к этому времени направление было просто некуда рационально развивать дальше: все, что можно было сказать о благотворном влиянии скандинавов на Восточную Европу, было уже сказано.

Преодоление ленинградского неонорманизма должно было начаться не просто как представление неких фактов, противоречащих неким постулатам, а именно как *отрицание этих образов* — и внутри самого направления, ибо ученикам, как всегда, надо было самоутверждаться, отрицая и корректируя наследие учителей. Однако, как и следовало ожидать, окончательный приговор ленинградскому неонорманизму прозвучал не в Петербурге, а со стороны — из Москвы. Позволим себе пространную цитату из статьи Н. А. Макарова, обратившего внимание аудитории на то, что следовало бы признать если не тридцать, то уж определенно двадцать лет назад: «Не следует в то же время переоценивать демографический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные размеры торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е. Н. Носовым как 6—7 га, площадь Ладоги на раннем этапе ее существования не превышала 8 га, площадь Сарского городища вместе с посадами составляла 3 га. Городища в Приильменьи и Поволховье имеют минимальные размеры — 0,2—0,5 га. При всей значимости этих поселений, кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтийского моря до границ степи» (Макаров 2012: 455). Авторитетное заключение одного из крупнейших на сегодняшний день специалистов в области археологии Древней Руси включает в себе ясный намек на то, что уче-

ное сообщество больше не намерено всерьез обсуждать построения о «первых столицах Древней Руси» в Поволховье, тем более что и относительно «Сказания о призвании варягов» Н. А. Макаров высказался как об источнике сомнительной достоверности (Макаров 2012: 457). Перемасштабирование памятников VIII—X вв. на северо-западе Восточной Европы завершено — вне всякой связи со вновь вспыхнувшей полемикой относительно скандинавского или западославянского происхождения Рюрика со товарищи, существование которого так и не могут и не смогут удостоверить ни историки, ни археологи. И это означает, что дальнейшие — и, несомненно, плодотворные — исследования тех памятников, которые стали «базовыми» для ленинградского неонорманизма, могут продолжаться сугубо в региональных контекстах, а не в масштабах «Северного» или «Скандинавского Средиземноморья» или «Балтийского сообщества».

На этом фоне развернулся очередной раунд полемики неонорманистов с антинорманистами, которых возглавил В. В. Фомин, отстаивающий южно-балтийское происхождение летописных варягов IX в. — со всеми, как говорится, вытекающими. В наши задачи не входит анализ этой концепции, равно как и анализ самой полемики, уже давно сводящейся к известному древнерусскому аргументу: «Сам еси таков!» Ограничимся краткими замечаниями на сей счет.

Чтобы оценить степень достоверности южно-балтийской концепции происхождения летописных варягов IX в. — коль уж нам настоятельно необходимо уточнить таковое, — необходимо глубоко погрузиться в проблематику тех письменных и археологических источников, которые отразили бытие славян и германцев на южном побережье Балтики. Не выхватывать отдельные аналогии, пусть даже самые убедительные и яркие, — а именно погрузиться, проанализировать подробно хронологию, вещевой комплекс, погребальный обряд, чтобы свободно оперировать этим огромным материалом. В Петербурге, да и в Москве, таких специалистов по археологии Южной Прибалтики просто нет. Более того, есть все основания полагать, что эта задача вряд ли под силу одиночкам, положительный результат может получить — и то не сразу — только коллектив исследователей, объединенных общей целью, причем в тесном и доброжелательном сотрудничестве с зарубежными коллегами. Пока эта перспектива представляется сугубо утопической — как по вполне объективным,

так и по субъективным причинам: кадры исследователей отвлечены более актуальными задачами. Следовательно, и невозможно отдать предпочтение южнобалтийской концепции, что, естественно, никак не мешает никому развивать и отстаивать таковую.

Что касается полемики норманистов и антинорманистов — таковая, как и в предшествующие периоды, стимулируется (причем с обеих сторон) реалиями современности постсоветской России и потому явно с неизбежностью приняла крайне острые формы. Взаимоинвективы Л. С. Клейна и В. В. Фомина, вероятно, доставляют немалое удовольствие обоим, ибо поддерживают участников поединка в тонусе — но со стороны производит откровенно удручающее впечатление (Клейн 2009: 216—220; 2010б: 10; Фомин 2013). Ибо обе стороны, взывая к научной объективности, отстаивают идеологемы — чего собственно, и не скрывают, но ценность обеих идеологем в контексте настоящего представляется сомнительной. Соответственно, какие бы аргументы ни приводили обе стороны, а среди этих аргументов есть заслуживающие несомненного внимания, — эта полемика не может быть продуктивной для науки. Это — уже не о том.

Главный урок ленинградского неонорманизма вполне очевиден: археология Древней Руси, какие бы методические инновации ни декларировали исследователи, изучаю-

щие древности VIII—XIII вв., остается *исторической археологией*. Стремление преодолеть Порог Познания, напрямую соотнести материалы раскопок с письменными источниками — неизбежно. Между тем скепсис рано или поздно должен пробить стены этого несокрушимого бастиона историзма, и в провозглашенных ленинградскими неонорманистами вдохновенных реконструкциях отдаленного прошлого, в их несокрушимой уверенностью в реальности Рюрика и Олега Вещего, в мистических прозрениях — прозвучали первые глухие толчки неизбежного потрясения основ. Ибо именно эти откровения со всей определенностью обозначили неопределенность и «широкой» хронологии, и летописных текстов, на которых они основывались. Опровержение построений ленинградского неонорманизма, предпринимаемое как их оппонентами, так и их учениками, как простая констатация «ошибок» представителей этого направления, тем более как утверждение истинности «южнобалтийской гипотезы» становления древнерусской государственности, — ведет в тупик, ибо отнюдь не снимает этой неопределенности. И очень вероятно, что именно из Петербурга прозвучит рано или поздно голос скептика: ситуация, складывающаяся в археологическом сообществе северной столицы, вполне может подвигнуть к сомнениям в аксиомах.

Литература

- Авдусин Д. А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). *Вопросы истории* (12), 24—42.
- Артамонов М. И. 1990. Первые страницы русской истории в археологическом освещении. *СА* (3), 277—296.
- Белецкий С. В. 1996. Начало Пскова. *Археологические изыскания* 30. Санкт-Петербург: РАН.
- Булкин В. А., Лебедев Г. С. 1974. Гнездово и Бирка. В: Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А. (отв. ред.). *Культура Средневековой Руси*. Ленинград: Наука, 11—17.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. *Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков*. Ленинград: ЛГУ.
- Дубов И. В. 1979а. Скандинавы и Волжский путь. В: *VIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов. Ч. 1. Петрозаводск, 137—139.
- Дубов И. В. 1979б. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов. В: *Финно-угры и славяне*. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Ленинград: Наука, 110—118.
- Дубов И. В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: ЛГУ.
- Кара-Мурза С. Г. 2008. *Потерянный разум*. Москва. Алгоритм.
- Кирпичников А. Н. 2002. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 34—58.
- Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С. 2010а. *Трудно быть Клейном*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Клейн Л. С. 2010б. Варяги, антинорманизм и час истины. *Троицкий вариант — наука* 63, 28 сентября.
- Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. 1982. Рец.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. *Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков*. Ленинград: ЛГУ. *СА* (2), 277—288.
- Кузьмин С. Л. 1997а. Начальный этап истории Ладоги. В: *XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов. Москва; Петрозаводск, 166—168.
- Кузьмин С. Л. 1997б. Первые десятилетия истории Ладожского поселения. *Stratum + Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия*. 1997, 228—235. Санкт-Петербург; Кишинев, 228—235.
- Кузьмин С. Л. 1997в. Ярусная стратиграфия нижних слоев Ладожского городища. В: Белецкий С. В., Александров А. А., Кирпичников А. Н. (ред.). *Памятники старины. Концепции. Откры-*

№5. 2014

- тия. *Версии* I. Санкт-Петербург: ИИМК; ПГОИАХМЗ, 343—358.
- Кузьмин С. Л. 1999. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века. В: Носов Е. Н. (ред.). *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 189—199.
- Кузьмин С. Л. 2000. Сопки Нижнего Поволжья. В: *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 174—183.
- Кузьмин С. Л. 2001. Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез. В: Мачинский Д. А., Селин А. А. (ред.). *Пятые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 63—73.
- Кун Т. С. 1977. *Структура научных революций*. Москва: Прогресс.
- Кустарев А. С. 2006. *Нервные люди*. Москва: Товарищество научных изданий КМК.
- Лебедев Г. С. 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах. В: Протасенко З. М. (ред.). *Философия. История. Современность*. Ленинград: ЛГУ, 55—63.
- Лебедев Г. С. 1975. Путь из Варяг в Греки. *Вестник ЛГУ* 20, 37—43.
- Лебедев Г. С. 1977а. *Археологические памятники Ленинградской области*. Ленинград: Лениздат.
- Лебедев Г. С. 1977б. Начало Верхней Руси по данным археологии. В: *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР*. Ленинград: Наука, 44—48.
- Лебедев Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: ЛГУ.
- Макаров Н. А. 2012. Исторические свидетельства и археологические реалии. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв. Археологическая панорама*. Москва: Институт археологии РАН; Российский гуманитарный научный фонд, 449—459.
- Мачинский Д. А. 1998. Эпоха викингов в «Скандинавском средиземноморье» и «русо-варяжский период» на «восточных путях» (Austrvegir). В: *Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти Анны Мачинской*. 21—23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 130—139.
- Мачинский Д. А. 2003. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу». В: *Старая Ладога. Древняя столица Руси*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 11—35.
- Мачинский Д. А. 2004. Глеб Лебедев и Ладога. В: *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 3—15.
- Мачинский Д. А. 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI вв. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. ТГЭ XLIX, 460—538.
- Мачинский Д. А., Шаскольский И. П. 1982. Рец.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. *Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков*. Ленинград: Изд-во ЛГУ. СА (2), 288—291.
- Михайлов К. А. 1997. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопки в насыпи в свете погребальной традиции эпохи викингов. В: *Древности Поволжья*. Санкт-Петербург, 105—116.
- Михайлов К. А. 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). В: *Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Санкт-Петербург, 63—68.
- Михайлов К. А. 2009. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. ТГЭ XLIX, 179—188.
- Носов Е. Н. 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли. *Вспомогательные исторические дисциплины* 6. Ленинград: Наука, 212—214.
- Носов Е. Н. 1976. Балтийско-волжский путь и поселения ильменского бассейна и Поволжья в конце VIII—X вв. *ТД Сканд.* 7. Ч. 1. Ленинград: Москва, 137—139.
- Носов Е. Н. 1984а. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. В: *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 85—107.
- Носов Е. Н. 1984б. Новгород и Новгородская округа (к вопросу о возникновении Новгорода). В: *Древнерусский город*. Киев: Наукова думка, 90—92.
- Носов Е. Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.
- Носов Е. Н. 2009. Послесловие. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 344—356.
- Романчук А. А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—302.
- Соколов А. В. 2007. *Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории*. Санкт-Петербург: СПбГУП.
- Тихонов И. Л. 2003. *Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Тихонов И. Л. 2009. Отблеск «Варяжского семинара» в годы застоя. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 297—301.
- Фомин В. В. 2008. *Начальная история Руси*. Москва: Русская панорама.
- Фомин В. В. 2013. *Гольф конунг. Норманизм как диагноз*. Москва: Алгоритм.
- Формозов А. А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. Москва: Знак.
- Экштут С. А. 2012. *Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века*. Москва: Молодая гвардия.

References

- Avdusin, D. A. 1980. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (12), 24—42 (in Russian).
- Artamonov, M. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 277—296 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 1996. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological researches)* 30. Saint Petersburg: RAN (in Russian).
- Bulkin, V. A., Lebedev, G. S. 1974. In *Kul'tura Srednevekovoi Rusi (Culture of Medieval Russia)*. Leningrad: Nauka, 11—17 (in Russian).
- Bulkin, V. A., Dubov, I. V., Lebedev, G. S. 1978. *Arkheologicheskie pamiatniki Drevnei Rusi IX—XI vekov (Early Russian Archaeological Sites of 9th—11th cc.)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Dubov, I. V. 1979. In *VIII konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (Conference VIII on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Part 1. Petrozavodsk, 137—139 (in Russian).
- Dubov, I. V. 1979. In *Finno-ugry i slaviane (Finno-Ugrians and Slavs)*. Leningrad: Nauka, 110—118 (in Russian).
- Dubov, I. V. 1982. *Severo-Vostochnaia Rus' v epokhu rannego srednevekov'ia (North-Eastern Rus' in Early Middle Ages)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Kara-Murza, S. G. 2008. *Poteriannyi razum*. Moscow. Algoritm (in Russian).
- Kipichnikov, A. N. 2002. In *Laadoga i ee sosedi v epokhu sred-*

- nevekov'ia (*Ladoga and Its Neighbors in the Middle Ages*). Saint Petersburg: IIMK RAN, 34—58 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2010. *Trudno byt' Kleinom (Hard to Be Klejn)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2010. In *Troitskii variant — nauka (Troitskii Version — Science)* 63 (in Russian).
- Kuza, A. V., Leontiev, A. E., Pushkina, T. A. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 277—288 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *XII konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (Conference 12th on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow; Petrozavodsk, 166—168 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkhologicheskii vestnik. Evropeiskaia Sarmatiia (Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin. European Sarmatia)*, 228—235. Saint Petersburg; Kishinev, 228—235 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1997. In *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* 1. Saint Petersburg: IIMK; PGOIAKhMZ, 343—358 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 1999. In *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and Its Neighbors)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 189—199 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 2000. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov, 174—183 (in Russian).
- Kuzmin, S. L. 2001. In *Piatye chteniia pamiati Anny Machinskoi (The Fifth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: SIAAMZ, 63—73 (in Russian).
- Kuhn, T. S. 1977. *Struktura nauchnykh revoliutsii (The Structure of Scientific Revolutions)*. Moscow: Progress (in Russian).
- Kustarev, A. S. 2006. *Nervnye liudi (Nervous People)*. Moscow: Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1973. In *Filosofia. Istoriia. Sovremennost' (Philosophy. History. Modernity)*. Leningrad: LGU, 55—63 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1975. In *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Leningrad State University)* 20, 37—43 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. *Arkheologicheskie pamiatniki Leningradskoi oblasti (Archaeological Sites of the Leningrad Oblast)*. Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1977. In *Problemy istorii i kul'tury Severo-Zapada RSFSR (Issues of History and Culture of the North-Western RSFSR)*. Leningrad: Nauka, 44—48 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope (Vikings' Time in Northern Europe)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Makarov, N. A. 2012. In *Rus' v IX—X vv. Arkheologicheskaya panorama (Rus' in 9th—10th cc. Archaeological Panorama)*. Moscow: Institut arkheologii RAN; Rossiiskii humanitarnyi nauchnyi fond, 449—459 (in Russian).
- Machinski, D. A. 1998. In *Ladoga i epokha vikingov. IV chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and the Vikings' Time. The Fourth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: SIAAMZ, 130—139 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2003. In *Staraya Ladoga. Drevniaia stolitsa Rusi (Staraya Ladoga. The Ancient Capital of Rus')*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 11—35 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth Readings in Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 3—15 (in Russian).
- Machinski, D. A. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo sveta (Development of the Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World)*. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX, 460—538 (in Russian).
- Machinski, D. A., Shaskolsky, I. P. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 288—291 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 1997. In *Drevnosti Povolkhov'ia (Antiquities of the Volkhov Area)*. Saint Petersburg, 105—116 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 2002. In *Ladoga i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Ladoga and Its Neighbors in the Early Middle Ages)*. Saint Petersburg, 63—68 (in Russian).
- Mikhailov, K. A. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo sveta (Development of the Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World)*. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX, 179—188 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1974. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny (Auxiliary Historical Disciplines)* 6. Leningrad: Nauka, 212—214 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1976. In *Tezisy dokladov Vserossiiskoi konferentsii po izucheniiu Skandinavskikh stran i Finliandii (Key Points of All-Russian Conference on Study of Scandinavian Countries and Finland)* 7. Part 1. Leningrad; Moscow, 137—139 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1984. In *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoi zemli (Archaeological Survey of the Novgorod Land)*. Leningrad: LGU, 85—107 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1984. In *Drevnerusskii gorod (The Early Russian Town)*. Kiev: Naukova dumka, 90—92 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1990. *Novgorodskoe (Riurikovo) gorodishche (Novgorod (Rurik's) Town)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Nosov, E. N. 2009. In *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia, 344—356 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—302 (in Russian).
- Sokolov, A. V. 2007. *Intelligenty i intellektualy v rossiiskoi istorii (Intelligentsia and Intellectuals in the Russian History)*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology in S.-Petersburg University. Historiographical Sketches)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh (Debate on Varangians)*. Saint Petersburg: Evraziia, 297—301 (in Russian).
- Fomin, V. V. 2008. *Nachal'naia istoriia Rusi (The Initial History of Rus')*. Moscow: Russkaia panorama (in Russian).
- Fomin, V. V. 2013. *Golyi konung. Normanizm kak diagnoz (The Naked Konung. Normanism as Diagnosis)*. Moscow: Algoritm (in Russian).
- Formozov, A. A. 2005. *Chelovek i nauka. Iz zapisei arkheologa (Human and Science. From an Archaeologist's Notes)*. Moscow: Znak (in Russian).
- Ekshtut, S. A. 2012. *Povsednevnaia zhizn' russkoi intelligentsii ot epokhi velikikh reform do Serebriannogo veka (Everyday Life of the Russian Intelligentsia from the Great Reforms to the Silver Age)*. Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).

Статья поступила в номер 7 марта 2014 г.

Sergey Tomsinsky (Saint Petersburg, Russia). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Sergey Tomsinsky (Sankt Petersburg, Russia). Candidat în științe istorice. Ermitajul de Stat.

Томсинский Сергей Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: russdept@hermitage.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Naberezhnaya, 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russia

Список сокращений

АиИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АП	— Археология Петербурга. Санкт-Петербург.
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция.
ГВИПМЗ	— Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово Поле». Тула.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов.
ГРМ	— Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ЗИРГО	— Записки Императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИРАО	— Известия Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
МАНЗ	— Материалы по археологии Новгородской земли. Великий Новгород.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МАЭ РАН	— Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИСО	— Материалы по истории Смоленской области. Смоленск.
НА ИИМК РАН	— научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
НАЧ	— Новгородские археологические чтения. Великий Новгород.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПГОИАХМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Псков.
ПЛ	— Псковские летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РЭМ	— Российский этнографический музей. Санкт-Петербург.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
СЗИН	— Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Санкт-Петербург.
СПбАИ	— Санкт-Петербургский археологический институт. Санкт-Петербург.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТД	— Тезисы докладов.
ТДС	— Тезисы докладов и сообщений.
ТДСканд	— Тезисы докладов Всесоюзной/Всероссийской конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии.
ЦИВОИ	— Центр по изучению военной и общей истории. Москва.
KVNAH	— Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm.
RGZM	— Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz.
SKAS	— Suomen keskiajan arkeologian seura. Helsinki.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.
Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест.

Submissions

Stratum plus. *Archaeology and Cultural Anthropology* (abridged as Stratum plus) is an international peer-reviewed academic journal focusing on topical issues of Archaeology and Cultural Anthropology. We publish results of analytical research and interpretations, as well as new sources in good quality. Besides papers on archaeology and cultural anthropology, we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historic disciplines.

Stratum plus comes out six times a year in the Russian language, in conformity with the established editorial plan:

Nr.	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
Number 1	Palaeolithic. Mesolithic	1 November	February
Number 2	Neolithic. Bronze Age	1 December	April
Number 3	Iron Age. Ancient Time	1 January	June
Number 4	Roman Time. The Migration Period	1 February	August
Number 5	Middle Ages	1 March	October
Number 6	Numismatics. Epigraphics	1 April	December

Any submission received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year.

The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor.

Submissions in other languages that are to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Submission and Peer-Review

While preparing your papers for submission to Stratum plus, please follow these publication rules:

Editorial Ethics

- Stratum plus does not publish articles about material which is suspected as looted.
- We accept only original submissions that have not been published elsewhere. The author shall inform the editors if the same paper is being considered for publication elsewhere, or if a different version of the same is in press. As well, the author shall inform the editor where this paper has been already published. You will need to confirm the fact that your submission has not been yet published anywhere when filling in the Declaration&Submission Form.
- We insistently ask you to inform us about any sources of funding to your research, to avoid any possible conflict Declaration&Submission Form, p. I.6.
- Stratum plus complies with the Republic of Moldova law on copyright and the respective international conventions. You will be responsible for obtaining all the required permissions to publish any material used in your submission. You will need to confirm existence of such rights to use this material in your publication by filling in the Declaration&Submission Form.
- You will not be entitled to place a copy of your publication in e-repositories and personal web-resources. You may only place a summary with compulsory reference (link) to the article on the site of the journal.
- You may share an electronic version of your article (.pdf) among your friends and colleagues, but you may not offer it on publicly accessible resources.
- You shall be entitled to freely possess your publications and republish them elsewhere. However, you shall not violate Stratum plus exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the place of the first publication of your paper.
- Stratum plus may offer the right to republication to a third party upon your consent. Should you refuse, Stratum plus shall abide by your decision.
- We urge all contributors to observe scholarly ethics in your papers that contain critics to your colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject any such submission or correct its style.
- While reviewing, the Stratum plus Editorial Advisory Board's main concern is whether the academic value, clarity of narration and adherence to academic ethics is observed in these submissions.

Submission Checklist

You should submit your complete paper in a package:

• Declaration&Submission Form is compulsory and is to confirm your consent to the requirements and terms of publication. The Form can be downloaded (<http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#Cheklist>) or requested by email to stratumplus@gmail.com. The editors shall not accept any submission without this accompanying Form.

- **Text** in MS Word (a printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand).
- **List of references** (see requirements below).
- **Illustrations** include: drawings, photos, tables/graphs with original files used to build them.

Submission Process

1. You will be informed that your submission has been received (usually by email).
2. Within a month, the editors will inform you on whether your submission is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' assessments), or whether it requires certain improvements.
3. The editors shall reserve the right to reject any submission that does not meet the requirements or the subjects of the journal.
4. You will receive a proof (in .pdf format) of your paper for endorsement. Please note that only such amendments shall be accepted at this stage, which do not make any major changes to the layout.
5. Once your submission has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If you wish to make any further changes, your paper may be postponed until the next volume of the journal is in process.
6. The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor.
7. In some cases a publication may be postponed due to the overflow of submissions to the respective volume (since 2010, the maximum capacity of any volume is no more than 300 pages).
8. You will be entitled to a free copy of the volume with your publication. Besides, you will benefit of a 30% discount on retail price of the same volume and a 10% discount on retail price of any other volume published in the same year.

Peer-Review

All submissions are peer-reviewed. We practice double blind peer-review, which implies anonymity of both the reviewers and the author. Details about our review process you may find on <http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#peerreview>.

Technical requirements

Text

- Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.
- Please, do not use Caps Lock in headlines and highlighted text.

Length

Monographs

A monograph submitted to the journal along with all its figures, captions to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 Cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Articles

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract (and how to write)

An abstract is a source of information on the main content and findings exposed in the publication; it makes reading the full text redundant, should the reader have no primary interest in it; it is used by information systems to search for documents and information.

An abstract shall be:

- authentic, comprehensive (reflecting the main content and findings exposed in your paper), well structured;
- concise (**600—1500 characters** with spaces);
- written in proper English.

Your abstract shall contain the following aspects of your work:

- subject, topic and aim of your paper (these should be mentioned, unless fully exposed in the title of the paper);
- research methods (you should define them if they are a novelty and are interesting in view of your paper);
- findings (main results, your conclusions, genuine discoveries);
- you may supply your conclusions with recommendations, assessments, proposals, hypotheses, as described in your paper).

You should avoid when writing your abstract:

- any phrase that duplicates the title of your paper;
- common wordings, redundant introductory phrases (for instance, the author of the article considers...), complex grammar constructions;
- commonly known arguments;
- information of historiographic nature, unless these make the main content of the paper, titles of earlier published papers.

№5. 2014

Keywords (how to write)

Keywords shall disclose the following aspects of your submission: region, chronology, subjects, special terminology.

Illustrations

• Our journal is printed in black-and-white style. This type of print only accepts images in **GRAYSCALE**. We accept color pictures in **RGB COLOR** for the digital version of the journal. You may choose the quality of your images while scanning or otherwise preparing your illustrations.

• Illustrations shall be saved in **bit map (raster graphics) format *.tif** (uncompressed). This format makes the file size larger and better in quality. Illustrations are accepted in vector format too (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version (photographs shall be high contrast).

• Resolution shall be **no less than 300 dpi** (to the real image size); yet, if small details are expected to be seen, the resolution must be higher.

While scanning or otherwise preparing your illustrations, please set the following image size in your file settings, with regard to the standard print field in Stratum Plus:

1 column — 7.23×24.3 cm;

2 columns — 15×24.3 cm.

Please remember that the same field shall also contain the caption. The image on your figure should not merge with the outline. Please leave at least 3—5 mm indents from the margins of the figure.

• Graphs shall be drawn in **MS Excel**. Besides, please, supply your **MS Excel** graphs with the original tables.

• If your drawing contains **numbers or a text**, please, don't input them by hand, they must be **inserted digitally**; the only exception is made for the archive materials.

• The list of illustrations and captions shall be submitted in the Declaration&Submission Form that shall be attached to your submission (see the Submission Checklist).

• For larger files, please, use a file exchanger like: <http://www.sendspace.com/>

Tables

Contributions can also be supported by tables.

• Tables shall be drawn in MS Excel or MS Word:

• Tables shall be numbered and titled.

• If a table contains drawings, these shall be sent apart in a graphic format *.tif or *.jpg. Please, do not insert your illustrations in MS Word / Excel file.

Text Formatting

Your publications will be processed quicker if your submission meets the following requirements. You may find recommendations on text preparation on our site <http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#text>. If you have any questions, before submitting your paper please contact our Technical Department at stratumplus@gmail.com

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.)

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Genes. 2: 15)

(16 Bees, 142(141))

References to illustrations and tables used in the publication:

(fig. 1: 4, 5—7; 2: 1, 3—10; 3: 1, 2)

(table 1; 2)

Should you borrow illustrations from other publications to use them in your manuscript, please insert relevant references in captions: "(after Иванов 2012: 55)".

List of references:

Reference to a book /monograph ¹:

- Haynes G. 2002. *The Early Settlement of North America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Govedarica B. 2004. *Zeptertäger-Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbal-kanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.
- Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. ...*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic, followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

Other references ²:

Reference to a collective volume and conference proceedings:

- Walker A. 1984. Extinction in hominid evolution. In: M.H. Nitecki (ed.). *Extinctions*. Chicago: Chicago Univ. Press, 119—152.
- Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Târgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.
- Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

- Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

- Stuart A. J., Lister A. M. 2011. Extinction chronology of the cave lion *Panthera spelaea*. *QSR* 30, 2329—2340.
- Stuart et al. 2004: Stuart A. J., Kosintsev P. A., Higham T. F. G., Lister A. M. 2004. Pleistocene to Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth. *Nature* 431, 684—689.

Reference to an article in a periodical:

- Клейн Л. С. 2005—2009. Полевой дневник археолога (памятка). *Stratum plus* (4), 517—525.
- Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Reference to a dissertation

- Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс... д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

- Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Any on-line reference shall include the date of inquiry:

- Vajda E. J. 2009. *Dene-Yeniseic in past and future perspective*. URL: http://www.nostratic.ru/books/%28246%29%20dy_vajda_perspective.pdf. Date of inquiry June 19, 2011.

If you refer to an on-line book which has its earlier print edition, the reference shall follow the usual order, and then indicate the on-line address:

- Пигулевская И. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. 1958. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Москва: Наука. URL: http://siblibio.com/biblio/archive/pigulevskaja_istorija/00.aspx. Date of inquiry March 22, 2011.

Reference to an archive

- НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.
- Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИА РАН, № 2662.

¹ It is mandatory to indicate the publisher.

² It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

8 пустых страниц - место для цветной вклейки

Stratum plus. № 5 (2014)

Археология и культурная антропология.
2014. — 385 стр.

Подписано к печати 06. 10. 2014 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» Р.Р.:

Адрес: ул. Зимбрулуй, 10а, Кишинев, MD-2024,
Республика Молдова

Формат 60×84¹/₈. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 3965.

Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

Stratum plus. No. 5 (2014)

Archaeology and Cultural Anthropology.
2014. — 385 pp.

Endorsed for print October 6, 2014.

High Anthropological School University,
“Stratum plus” Journal:

Address: Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024,
Republic of Moldova

Format 60×84¹/₈. Offset paper no. 1. Offset print.
Font “Liberation”. 300 copies. Order no. 3965.

Printed by State Owned Publisher “Tipografia Centrala”:
Address: Florilor St. 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova